

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

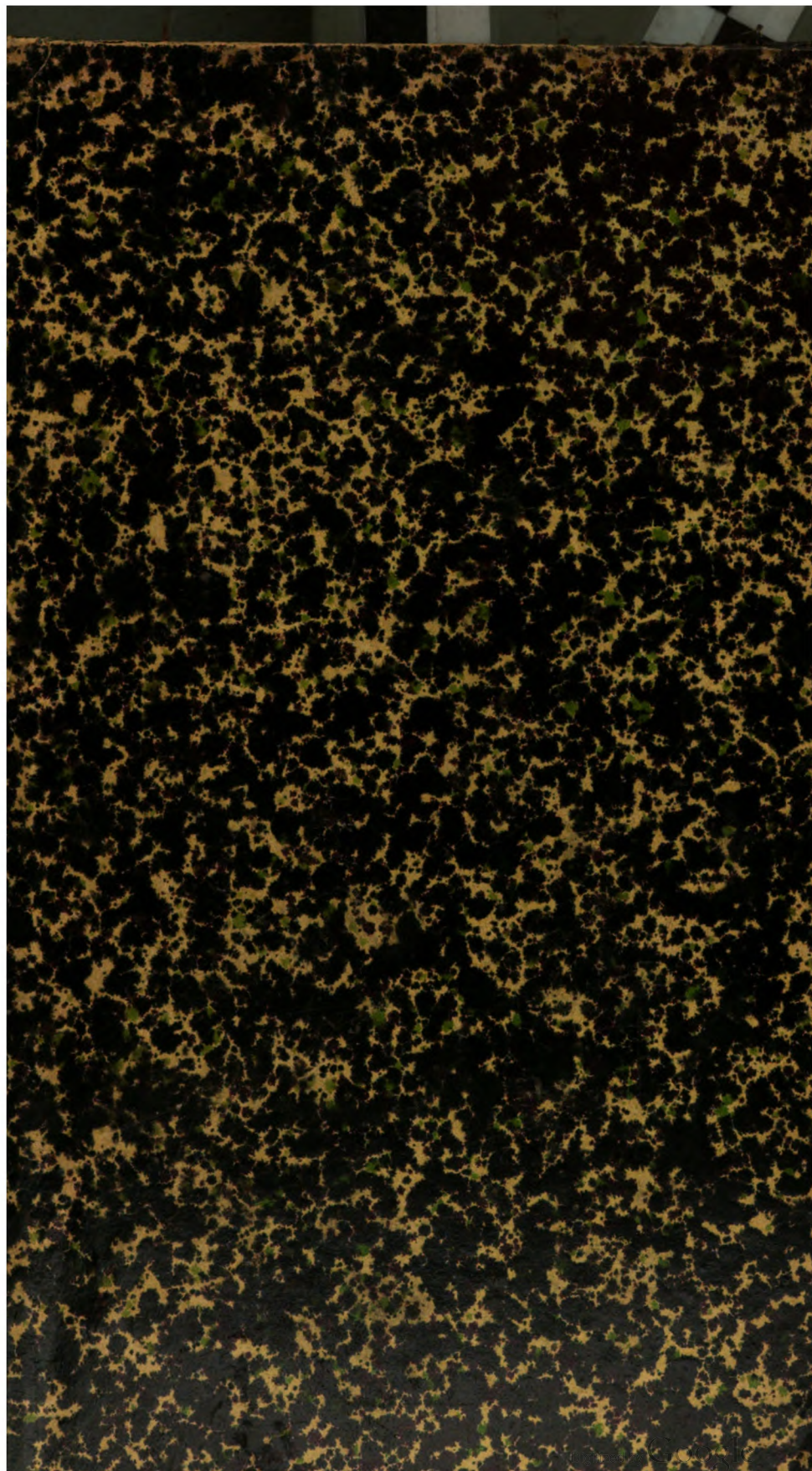
Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

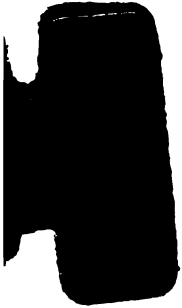

PROBNO
1952 г.
А. С. И.

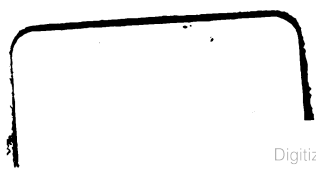
Р Slav 236.4 (1869)
11
NOV 1947

PROBNO
1949

ПРОБНО
1955 г.

HARVARD
COLLEGE
LIBRARY

ДѢЛО

НОЯБРЬ.

3
1869
11

СОДЕРЖАНІЕ.

- I. ВЪ РАЗВРОДѢ. Романъ въ двухъ частяхъ.
(Часть II, гл. I—VI) А. МИХАЙЛОВА.
- II. ЖЕНА КАТОРЖНАГО. (Изъ Барри Корнуэля). Стихотвореніе МИХ. МИХАЙЛОВА.
- III. ПОСЛѢДНЕЕ СЛОВО НАУКИ. В. О. ПОРТУГАЛОВА.
- IV. АРГЕНТИНСКАЯ КОНФЕДЕРАЦІЯ ЭЛИ РЕКЛЮ.
- V. ИСТОРИЧЕСКІЯ СУДЬБЫ ЖЕНЩИНЫ.
(Статья третья) С. С. ШАШКОВА.
- VI. ЗА РАБОТОЙ. Стихотвореніе А. Ш.
- VII. ПѢШІЙ КОННОМУ—НЕ ТОВАРИЩЪ. Романъ въ пяти частяхъ. (Част. вт. Гл. V. Част. тр. и четв. Гл. I—IV) ГЕРМ. ШМИДТА.
- VIII. ПЕРЕДЪ СУДОМЪ. Стихотвореніе МИХ. МИХАЙЛОВА.
- IX. НАДГРОВІЕ ПОЭТА (Изъ Эллиота). Стихотвореніе М. М.
- X. ИСТОРІЯ ОДНОГО ТОВАРИЩЕСТВА. Романъ. (Ч. тр. Гл. VI—X) Н. Ф. ВАЖИНА.

См. на оборотѣ.

- XI. РАТЕЛИФЪ** (Изъ Гейне). Стихотвореніе. **МИХ. МИХАЙЛОВА.**
XII. ПРЯХА. (Изъ Гете). Стихотвореніе. **М. Л.**

СОВРЕМЕННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

XIII. ЛЮДИ Сороковыхъ и шестидесятыхъ годовъ.

(По поводу романа г. Писемскаго, «Люди сороковыхъ годовъ». За-
 ря» 1869 г.). **Н. Ш.**

XIV. НОВЫЯ КНИГИ.

Очеркъ сѣверной и южной системъ золотыхъ промысловъ Енисейскаго округа, сочиненіе, удостоенное Географическимъ обществомъ малой золотой медали, составилъ дѣйствительный членъ общества, **Н. В. Латкинъ.** Спб. 1869 г.—**Семейная жизнь въ русскомъ расколѣ.** Историческій очеркъ раскольниковъ о бракѣ. Выпускъ I (отъ начала раскола до царствованія Николая I). Э. О. профессора с. петерб. духов. академіи, **Н. Нильскаго.** Спб. 1869 г.—**О вліяніи школъ на здоровье.** Рудольфа Вихрова. Перев. съ нѣмецкаго. Спб. издан. Гр. Немцова. 1870 г.—**О самоуправленіи.** Сравнительный обзоръ русскихъ и иностранныхъ земскихъ и общественныхъ учреждений. Князя **А. Васильчикова.** Т. I. Спб. 1869 г.—**Женщины ученые и учащіяся.** Перев. съ франц. **М.** 1869 г.

XV. РЕЦЕНЗЕНТУ „ОТЕЧЕСТВЕННЫХЪ ЗАПИСОКЪ“. **И. П.**

XVI. ХЕРСОНСКІЙ ФИЛОСОФЪ, Г. ЧУЙКО. **Н. Л.**

XVII. ПРОЕКТЪ ПОЛОЖЕНІЯ ОВЪ ИСПРАВИТЕЛЬ- НЫХЪ ТЮРЬМАХЪ **Н. М. СОКОЛОВСКАГО.**

XVIII. ПОЛИТИЧЕСКАЯ И ОБЩЕСТВЕННАЯ ХРОНИКА. **ЖАКА ЛЕФРЕНА.**

Смерть лорда Дэрби.—153-й переводъ Гомера. — Пари на скачкахъ, свора собакъ, способность болтать и паясничать даютъ Дэрби славу государственнаго человѣка.—Неспособность Дэрби, какъ политическаго дѣятеля. — Сами феодалы причиною потрясенія феодальнаго строя въ Англіи.—Разумная дѣятельность Гладстона въ виду феііанскаго движенія въ Ирландіи.—Побѣда правительственнаго тріумвирата въ Испаніи для него хуже самого пораженія.—Неудачные поиски за королемъ.—Успіи австрійскаго министерства водворить конституціонализмъ въ Австріи.—Требованія чешской національной партіи.—Возстаніе Далмаціи.—Постоянное возростаніе числа стачекъ во Франціи.—Возбужденное состояніе партій во Франціи.—Ожиданіе серьезныхъ событій 26 (14) октября.—Намѣреніе рьяныхъ бонапартистовъ устроить новый Coup d'état.—Тишина и спокойствіе Парижа 26 октября.—Вмѣсто пуль и баррикадъ войска услаждались безумной декламаціей Ганя. — Нервительность депутатовъ лѣвой стороны и неудовольствіе противъ нихъ избирателей.—Выборы.—Кандидатура Рошфора. — Арестъ его и освобожденіе.—Онъ становится героемъ дня.—Вопросъ о кандидатурѣ неприсяжныхъ кандидатовъ.

ОБЪЯВЛЕНИЕ ОБЪ ИЗДАНИИ
ЛИТЕРАТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКАГО ЖУРНАЛА

„Д Ъ Л О”

въ 1870 году.

Издание журнала «ДЪЛО» будетъ продолжаться въ 1870 году на прежнихъ основаніяхъ.

Подписная цѣна журналу на годъ:

безъ пересылки и доставки . . . 14 р.
съ пересылкой 15 р. 50 к.
съ доставкой въ Петербургъ . . 15 р.

На полгода:

безъ пересылки и доставки . . . 7 р. 50 к.
съ пересылкой иногородн. . . . 8 р. 50 к.
съ доставкой въ Петербургъ . . . 8 р. 25 к.

Подписка адресуется въ С.-Петербургъ, въ Контору Редакціи журнала „ДЪЛО“—(адресъ ея извѣстенъ Почтамту). Въ книжный магазинъ М. О. Вольфа (въ Гостиномъ Дворѣ № 18, 19 и 20). Въ Москвѣ: въ книжные магазины И. Г. Соловьева (на Страстномъ бульварѣ въ д. Алексѣева); и М. М. Черепина (на Рождественкѣ въ д. Торлецкаго.)

Примѣчаніе. По новому десяти-процентному почтовому тарифу, объявленному на 1870 годъ для ежемѣсячныхъ журналовъ, Редакція уплачиваетъ Почтамту за пересылку «Дѣла» 1 р. 40 к., а 10 коп. при подпискѣ на годъ и 25 к. на полгода считаетъ на расходы по упаковкѣ и доставкѣ книгъ въ Газетную Экспедицію.

Отъ главной конторы журнала

„ДѢЛО“.

(По Троицкому переулку, д. Гассе, № 13.)

СПИСОКЪ ЖАЛОБЪ НА НЕПОЛУЧЕНІЕ КНИЖЕКЪ „ДѢЛА“, за 1869 годъ:

- 1) Б-ка штаба 2 бригады войска кубанскаго, изъ Прочно-Окопска, не получила 1 и 2 кн. «ДѢла».
- 2) Г. Малыгинъ, изъ Сорочин. почтов. отдѣленія, Бузулук. у., Самарск. губ., не получилъ 9 кн. «ДѢла».
- 3) Г. Макѣевъ, изъ Пятигорска, не получилъ 8 кн. «ДѢла».
- 4) Г-жа Рязанова, изъ Пензы, не получила 7 кн. «ДѢла».
- 5) Г. Бабинъ, со ст. Федоровки, Полтавск. губ., не получилъ 7 и 8 кн. «ДѢла».
- 6) Б-ка 11 пѣхотнаго фанаторійскаго полка, изъ Сувалокъ, не получила 8 кн. «ДѢла».
- 7) Г. Краузь, со ст. Черная Вѣсь, по петербургско-варшавской желѣзной дорогѣ, не получилъ 9 и 10 кн. «ДѢла».
- 8) Г. Василевскій, изъ Браслава, не получилъ 9 кн. «ДѢла».
- 9) Б-ка петербургскаго гренадерскаго полка, изъ Варшавы, не получила 2 кн. «ДѢла», которая выслана ей *вторично*.

Всѣ эти жалобы сообщены Газетной Экспедиціи и потребованы отъ нея объясненія, такъ какъ книжки, на неполученіе которыхъ здѣсь выписаны жалобы, были Редакціею своевременно сданы на почту.

ДѢЛО

ЖУРНАЛЪ

ЛИТЕРАТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКІЙ.

№ 11.

ИЗВ. № 24445

С.-ПЕТЕРБУРГЪ, 1869.

ТИПОГРАФІЯ А. МОРГЕРОВСКАГО, ВЪ ГРОВЦКОМЪ ПЕРЕУЛКѢ, ДОМЪ ГАССЕ.

△
Рѣшаніе 236.4 ($\frac{1869}{11}$)
✓

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 19 ноября 1869 года.

63*2

ВЪ РАЗБРОДЪ.

(Изъ истории нашей семьи).

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

I.

Капитанъ Хлопко принимает на своемъ опустѣвшемъ кораблѣ завербованныхъ мною рекрутовъ.

Въ нашей бѣдной событіями, убійственно однообразной жизни нерѣдко выдаются не только дни, но и цѣлые годы, какъ двѣ капли воды, похожіе другъ на друга. Такіе годы всегда представлялись мнѣ чѣмъ-то въ родѣ переходовъ изъ комнаты въ комнату, изъ канцеляріи въ канцелярію въ одномъ и томъ же департаментѣ. Можетъ быть, въ новой комнатѣ вы найдете столы иначе разставленными, чѣмъ въ старой; можетъ быть, здѣсь вы встрѣтите у чиновниковъ менѣе потертые мундиры, менѣе тупыя лица, чѣмъ лица и мундиры у чиновниковъ въ другой комнатѣ, но типъ самихъ комнатъ и чиновниковъ остается все тотъ же, на немъ лежитъ все та же все слизывающая, все сглаживающая, все стирающая печать казенщины. Жалокъ тотъ, кто втянется мало-по-малу въ эту жизнь, на кого она наложитъ свою роковую печать, уничтожающую всѣ оттѣнки личностей и дающую огульные ключи цѣлымъ массамъ людей, которые уже становятся не какими нибудь Ванями или Иванами Ивановичами, а чѣмъ-то въ родѣ статуэтокъ, вылитыхъ въ одну общую

для ихъ званій форму. Но не весела у насъ участь и того, кому не полъ ростъ пришла въ назначенная ему судьбою форма, кто не можетъ втиснуть себя въ нее и рвется на волю, хочеть самостоятельно создать для себя подходящія характеру условія жизни, непохожія на условія, признанныя нормальными и освященными съ незапамятныхъ временъ. Такой человекъ не жалокъ—да онъ и не требуетъ сожалѣній,—но жалка его участь, полная порывовъ, страданій и обыкновенно оканчивающаяся его паденіемъ и торжествомъ старыхъ формъ жизни. Нерѣдко и на мою долю выпадали эти однообразные годы, нерѣдко и мнѣ приходилось выбирать между борьбой, полной страданій, и между втискиваньемъ себя въ опредѣленную форму. Я выбиралъ первое. Но подобные годы, подобную глухую борьбу трудно и скучно описывать. Еще труднѣе рѣшиться на описаніе ихъ, когда, по общепринятымъ понятіямъ, человекъ даже не имѣеть и права на борьбу съ существующимъ. Тутъ одинъ шагъ до смѣшного.

Но все-таки мнѣ необходимо сказать хоть нѣсколько словъ объ этихъ однообразныхъ, скучныхъ годахъ моей гимназической жизни среди одинаково одѣтыхъ пансіонеровъ въ одноцвѣтныхъ комнатахъ, съ одинаковою мебелью...

Большая рекреационная и гимнастическая зала, несмотря на свою голубовато-сѣрую однообразную окраску, имѣла менѣе казенный видъ, чѣмъ всѣ остальные комнаты гимназій. Я любилъ эту залу. Лѣстницы, веревки, козлы, мягкія подстилки, сваленныя въ уголь, беспорядочно разставленные стулья придавали ей нѣсколько оживленный видъ. Сверхъ того въ рекреационные часы зала наполнялась гимназистами-пансіонерами, спѣшившими вполне воспользоваться минутами свободы. Здѣсь собирались дѣти всѣхъ возрастовъ, всѣхъ сословій, различныя по характерамъ, по способностямъ. Однѣ изъ нихъ лазали по лѣстницамъ и развивали свои физическія силы и ловкость; другія одиноко сидѣли въ различныхъ углахъ съ книгами въ рукахъ и старались развить свои умственные способности; третьи прохаживались попарно и тихо бесѣдовали между собою, отдаваясь первымъ стремленіямъ къ дружбѣ. Шумъ и смѣхъ заглушали голосъ гувернера и руководитель юношества, изъ опасенія охрипнуть, наконецъ умолкалъ и оставлялъ это юношество ходить хоть на го-

ловахъ, конечно удерживая за собою право раздѣлаться за все съ непокорными послѣ рекреациі. Предоставленная самой себѣ, здѣсь формировалась часть новаго поколѣнія людей, дѣятелей общественной жизни. Можетъ быть, нѣкоторымъ изъ этихъ дѣтей суждено было впоследствии занять видныя мѣста въ обществѣ, приносить ему пользу или вредъ. Можетъ быть, другимъ изъ нихъ было предназначено затеряться въ массѣ погибшихъ отщепенцевъ общества, задохнуться гдѣ нибудь въ глуши, въ нищетѣ, въ полуневѣжествѣ. Большой части предстояла именно эта скорбная участь. Это можно было сказать впередъ, такъ какъ въ первый классъ вступило этихъ дѣтей, готовящихся къ плодотворной дѣятельности, до сорока человѣкъ, а уже въ третьемъ ихъ было только двадцать пять. Пятнадцать встрѣтили препятствія на первыхъ шагахъ по далекому и трудному пути къ развитію. Однихъ изъ рано погибшихъ дѣтей взяли изъ гимназіи родители вслѣдствіе своей глупости или вслѣдствіе своей нищеты, другія засидѣлись на три года въ классѣ вслѣдствіе своей лѣности или тоже вслѣдствіе своей нищеты, неадающей ни средствъ, ни возможности учиться; третьи, впрочемъ немногія, захирѣли и погибли какъ цвѣты, захваченные морозомъ. И чѣмъ дольше приходилось дѣтямъ идти по приготовительному пути къ дѣятельности, тѣмъ болѣе рѣдѣли ихъ ряды, еще такъ недавно тѣсныя, оживленные и весело бросающіяся къ источнику знанія. Но глядя и на этихъ уцѣлѣвшихъ рекрутовъ общественной дѣятельности, становилось не особенно весело. Среди нихъ уже многіе оступѣли и превратились въ машины. Они зубрятъ безсознательно уроки, получаютъ хорошія отмѣтки, акуратно являются въ классы, но дѣлаютъ свое дѣло съ бездушіемъ зачерствѣлыхъ чиновниковъ. Отвѣчаютъ они съ безразличнымъ рвеніемъ отъ точки до точки и чудеса Моисея, и великія евангелическія истины, и перечисленіе произведеній французскаго города Бордо, и рассказъ о царствованіи Іоанна Грознаго, и оду «Богъ» Державина. Прерветъ ихъ учитель лаконическимъ «довольно» на полусловѣ, и они, недоговоривъ послѣднихъ слоговъ начатого слова, поспѣшно садятся на мѣста, стушевываются, исчезаютъ, какъ тѣни въ китайскомъ фонарѣ, и украдкой отираютъ выступившія на лбу крупныя капли пота, нисколько не жалѣя, но даже радуясь, что ихъ «спросили не до конца». Книга от-

куда отвѣчался урокъ, откладывается въ сторону, на ея мѣсто является другая книга, откуда нужно вызубрить другой урокъ къ слѣдующему часу. И самъ вызубренный урокъ тщательно прячется въ головѣ въ какой-то потаенный, дальній уголокъ, чтобы онъ не мѣшалъ, не сбивалъ съ толку во время отвѣчанья другихъ уроковъ. Голова дѣлается ящикомъ, куда засунуты въ разные уголки тѣ или другіе предметы знанія, вынимающіеся оттуда только по востребованію другихъ, но никогда не подвергающіеся пересмотру или провѣркѣ по инициативѣ самого владѣльца этого ящика. Владѣлецъ знаетъ, что эти предметы онъ долженъ хранить въ своемъ ящикѣ до поступленія въ университетъ или на службу и радуется, что скоро настанетъ пора, когда можно будетъ свалить эти предметы въ самую дальнюю кладовую, предоставивъ ихъ на истребленіе времени, какъ негодный хламъ, неимѣющей ничего общаго съ дальнѣйшею дѣятельностью. И въ самомъ дѣлѣ, что общаго можетъ видѣть владѣлецъ ящика, съ одной стороны, между чудесами Моисея и между произведеніями города Бордо и, съ другой стороны, между докладами N-скому губернатору за номеромъ такимъ-то «объ изслѣдованіи крестьянской дѣвки Авдотьи Безпятовой, якобы засѣченной помѣщикомъ Николаемъ Добротворскимъ?» Конечно, тутъ нѣтъ ничего общаго и потому ученикъ рѣшается задалбливать все и не думать ни о чемъ. Какъ только онъ рѣшится думать, такъ тотчасъ же ему придется получить худой балъ за произведенія города Бордо или за что нибудь иное и тѣмъ испортить свою карьеру. Рядомъ съ этими скопцами знанія выработался и другой типъ,—типъ дипломныхъ барышниковъ. Какъ лошадиный барышникъ спекулируетъ на лошадяхъ, такъ эти барышники спекулируютъ на баллахъ, медаляхъ, дипломахъ. Они покупаютъ на чистыя деньги эти предметы, чтобы обмѣнять ихъ потомъ на теплыя и видныя мѣста. Они ничего не знаютъ изъ того, за что получили хорошія отмітки, золотыя медали и блестящіе дипломы. Они и не заботятся объ этомъ знаніи, они только стремятся сдѣлать выгодную сдѣлку при помощи этихъ удостовѣреній въ знаніи. Они богаты, они уже втянулись въ веселую жизнь, повалили цѣну чистыхъ перчатокъ, модной одежды, дорогихъ рысаковъ, пьяныхъ баловъ, балетнаго разврата,

и знаютъ, что все это доступно при капиталѣ и что капиталъ даетъ двойные проценты при помощи дипломовъ.

И дѣти, только-что ступившія на путь знанія, еще весело и шумно забавляющіяся новой игрушкой, и вончающіе этотъ путь скопцы знанія, тщательно перетаскивающіе изъ книги и втискивающіе въ одинъ изъ своихъ умственныхъ ящичковъ новую порцію науки, и хлыщеватые дипломные барышники, развязно прогуливающіеся взадъ и впередъ по залѣ и кичливо рисующіеся передъ гимназической «мелюзгой», какъ они будутъ рисоваться послѣ передъ общественной мелюзгой, передъ бездипломнымъ народомъ, — всѣ эти лица, волнуясь и шумя, бранясь и нѣжничая, проходили передо мной по рекреационной залѣ. Помѣстившись на широкой подоконникъ, я по цѣлымъ часамъ изо-дня въ день глядѣлъ на эту пеструю массу, и здѣсь впервые пробудилось во мнѣ скорбное сознаніе, что у меня нѣтъ ничего общаго съ нею, что едва ли и она найдетъ что нибудь общаго со мною. Меня не занимали извѣстія, что откупщикъ, отецъ Сивкова, купилъ себѣ новый домъ, а отецъ барона Розена получилъ звѣзду. Ихъ тоже не могло занимать, что я желалъ бы сдѣлать счастливымъ своего дядю или что мнѣ тяжело стоять въ дурныхъ отношеніяхъ къ отчиму. Но это, можетъ быть, происходило оттого, что дѣло шло о нашихъ частныхъ, личныхъ интересахъ? Нѣтъ, были у насъ и общія дѣла, но и здѣсь не было общихъ интересовъ. И скопцы знанія, и дипломные барышники, и вся остальная масса моихъ товарищей по училищу преслѣдовали не тѣ интересы, которые преслѣдовалъ я. Наши цѣли были также различны, какъ званія и состоянія, а значить и цѣли нашихъ отцевъ. Мнѣ очень часто приходилось бороться именно противъ тѣхъ порядковъ и лицъ, которые были дороги и милы моимъ товарищамъ. Такъ, напри- мѣръ, Сивковъ очень любилъ и уважалъ шпіонащаго гувернера Прохорова, служившаго когда-то въ сенатѣ и имѣвшаго дѣла съ откупщиками. Уволенный изъ сената, Прохоровъ поступилъ гувернеромъ въ гимназію и взялъ подъ свое крыло сына своего прежняго благопріятеля Сивкова. Я же чувствовалъ приливы злости, когда Прохоровъ кошкой прокрадывался босикомъ въ ночную пору въ наши спальни и ловилъ тѣхъ, кому вздумалось почитать при тускломъ свѣтѣ лампы, висѣвшей въ спальнѣ. Я

возмущался, когда Прохоровъ тайкомъ пробирался во время уроковъ къ шкапикамъ, стоявшимъ около нашихъ кроватей, и съ жаднымъ любопытствомъ шарилъ въ нашихъ ящикахъ, перечитывая письма, унося неучебныя книги, похищая попавшіяся подъ руки картины, а потомъ ябедничалъ инспектору на насъ. И какъ ожесточенно преслѣдовалъ онъ меня!

— Рано, батюшка, рано романчики стали почитывать! шипѣлъ онъ однажды, обревизовавъ мой шкафъ.

— У меня нѣтъ романовъ, отвѣтилъ я.— У меня вотъ только «Отечественныя Записки» были, да и ихъ кто-то укралъ.

Прохоровъ поблѣднѣлъ отъ злости, услышавъ мою грубость, и перемѣнилъ тонъ.

— А въ «Отечественныхъ-то Запискахъ» ты что читаешь? Ужь не ученые ли статьи? Да твоему ли уму понять ученые статьи! Тутъ-то у тебя кромѣ сквозного вѣтра ничего нѣтъ! постучалъ онъ по моему лбу костлявымъ суставомъ согнутаго указательнаго пальца.— Да если бы и было тутъ что нибудь, если бы ты и точно не вралъ, что ты ученость-то эту производишь, такъ тебя нужно бы березовой кашей ужь за то поподчивать, что ты такія книги въ руки берешь. Это бунтовщики, шушера голоштанная, проходимцы безиардонныя пишутъ! Да ты у меня такъ не отдѣлаешься, голубчикъ! Я Дмитрію Карповичу пожалуюсь на тебя, грубиянъ, мальчишка!..

Услышавъ брань и угрозу инспекторскаго наушника, я рѣшился на защиту.

— Чтожь говорите! Эти книги мнѣ графъ Сиверскій прислалъ. Онъ вѣрно не зналъ, что ихъ нельзя читать, отвѣтилъ я твердымъ и спокойнымъ тономъ.

Прохоровъ пристально, ястребинымъ взглядомъ всматривался въ мои глаза. Я сдѣлалъ усиліе, чтобы скрыть свое душевное волненіе, чтобы не выдать своей отважной лжи.

— У меня есть еще одинъ томъ «Отечественныхъ записокъ», продолжалъ я наглуую ложь.— Вы возьмите и его; а то я все равно не могу отдать графу Сиверскому разрозненный экземпляръ журнала.

Я повернулся, чтобы пройти въ спальню и достать изъ-подъ подушки нумеръ опальнаго журвала, но Прохоровъ остановилъ меня.

— У васъ не отнимать хотятъ книги, проговорилъ онъ мнѣ тѣмъ вѣжливымъ тономъ, которымъ начальники называютъ подчиненныхъ мерзавцами.—Но вамъ даютъ выговоръ за то, что вы таскаете постороннія вещи въ гимназію. Этимъ и воровство распложается, и отнимается время у вашего ученья.

«Нѣтъ, мелькнула въ моей головѣ мысль, ты этимъ отъ меня не отдѣлаешься».

— Но вѣдь Сивковъ же приноситъ съ собой и читаетъ здѣсь книги, замѣтилъ я вслухъ.

— Онъ-съ Юрія Милославскаго, онъ-съ произведенія господина Булгарина читаетъ, горячо и выразительно произнесъ Прохоровъ.

— А вы думаете, что Милославскаго и Булгарина и сторожа воровать не стануть? засмѣялся я.

Прохоровъ сжалъ въ безсиьной злобѣ кулаки и прошипѣлъ:

— Я-съ добьюсь, что васъ исключать, я-съ до высшаго начальства дойду!

— Вы бы тогда и пожаловались попечителю, когда онъ въ послѣдній разъ призывалъ меня къ себѣ во время своего посѣщенія гимназіи, замѣтилъ я, зная, что Прохоровъ очень хорошо помнитъ, какъ заботливо справлялся попечитель обо мнѣ.

Прохоровъ плюнулъ передъ моимъ носомъ и пошелъ прочь.

Но я не уговорился и рѣшился сдѣлать еще одинъ самый смѣлый шагъ.

— Я попрошу васъ, Иванъ Ивановичъ, подтвердить своимъ письмомъ къ графу Сиверскому, что у меня дѣйствительно украли здѣсь книги, обратился я къ гувернеру, и мое сердце забило тревогу,—ву какъ вдругъ Прохоровъ въ самомъ дѣлѣ напишетъ къ графу письмо?

— Никто-съ вашихъ книгъ не воровалъ; я ихъ взялъ, чтобы вы не читали ихъ въ классахъ, отвѣтилъ онъ на ходу.— Въ субботу получите ихъ отъ меня.

Онъ удалился, ворча себѣ подъ носъ:

— Въ Сибири, въ каторгѣ сгниешь послѣ! Такимъ разбойникамъ другой дороги нѣтъ!

Я молча проводилъ его глазами. Меня волновало не то, что я кончу свой вѣкъ въ Сибири, но то, что я уже теперь долженъ бороться при помощи лжи и наглости, что такая берья

возможна только съ подобными глупыми и грязными личностями, какъ Прохоровы, Соловьевы и ихъ друзья. Не будь за нами грязныхъ дѣлишекъ, смотри каждый изъ нихъ прямо въ глаза высшему начальству, и мнѣ было бы невозможно пугать ихъ моею ложью, моею ролью мнимаго шпиона. Я чувствовалъ всю выгоду этой роли и всю низость моихъ враговъ, но не радовался ни тому, ни другому. Мой характеръ былъ еще слишкомъ пылокъ для подобной радости. Мнѣ еще хотѣлось и открытыхъ битвъ и честныхъ враговъ; подобно дядѣ, я чувствовалъ отвращеніе къ интригамъ, къ подкопамъ противъ подкоповъ и, къ несчастью, именно такимъ образомъ приходилось мнѣ отстаивать свои права на чтеніе книгъ, на свѣжую пищу, на справедливыя отмѣтки, однимъ словомъ, на все, что должно бы доставаться на долю каждого безъ всякой борьбы, безъ всякихъ интригъ, безъ всякихъ преступленій.

Эта борьба, унижавшая меня въ моихъ собственныхъ глазахъ, прямо показала мнѣ, что не только между мною и какими нибудь Сялковыми и Розенами не было ничего общаго, но что также не было ничего общаго между мною, этими личностями и начальствомъ гимназій. Мы были прихвѣты другъ къ другу на живую нитку. Наша связь тяготила насъ и мы все мечтали только о томъ, какъ бы отдѣлаться другъ отъ друга. Учителя и ученики радовались только праздникамъ; учителя заботились о посѣщеніи уроковъ, но не о развитіи науки, преподавая по устарѣлымъ учебникамъ. У насъ тогда смотрѣли оченьнисходительно на это обученіе по отжившимъ учебникамъ, гдѣ все сдѣлалось ложью. Говорилось, что учителя покоряются необходимости, что откажись кто нибудь изъ нихъ учить по этимъ негоднымъ книгамъ, и на его мѣсто явился бы другой, который сталъ бы учить по тѣмъ же книгамъ. Это отговорка взяточниковъ: не я возьму, другой возьметъ. Но вѣдь и иезуиты могли подобнымъ образомъ оправдываться, когда они рассказывали своимъ ученикамъ, что Людовикъ XVI, по нѣкоторымъ обстоятельствамъ, ухавъ изъ Франціи, передалъ начальство надъ войскомъ генералу Бонапарте, которому потомъ отдалъ на время свою корону. Однако, кто же станетъ называть подобныя лекціи наукой? Кто оправдаетъ наказанія, выпадавшія на долю учениковъ, невыучившихъ этой лжи? Кто обвинить

этихъ учениковъ за ихъ нежеланіе учить эту наглуго ложь? И мои товарищи считали преподаваемую имъ науку ненужною ерундою и, незаинтересованные ею, заботились только сдать кое-какъ урокъ, чтобы позабыть его черезъ часъ. Учителя, сознавая ненужность сообщаемого ими, только ставили тѣ или другія отиѣтки ученикамъ, не заботясь о результатахъ дурныхъ отиѣтокъ. Ученики, дорожа не наукой, а отиѣтками, старались получить хорошіе баллы не прилежаніемъ, но болѣе легкими способами: обманами, подсказываньями, считываньями и списываньями уроковъ, мошенническимъ исправленіемъ балловъ въ журналахъ, подарками. Все это было ясно и учителямъ, и ученикамъ, и обществу, и никто не заботился объ этомъ, какъ будто такое положеніе учебной канцеляріи было нормально, какъ будто стремиться къ лучшему было бы и негѣпо, и невозможно. Апатія и бездѣйствіе общества были убійственны. Можетъ быть, и я втянулся бы въ этотъ канцелярскій міръ, даже навѣрное втянулся бы и успокоился бы на этомъ, но моя предыдущая жизнь развила во мнѣ сильнѣе всего одно стремленіе — стремленіе къ единомушію, къ братству, къ дружбѣ. Я слишкомъ сильно пострадалъ отъ разъединенія членовъ своей семьи и потому не могъ не цѣнить союза людей. По цѣлымъ часамъ сидѣлъ я въ рекреационной залѣ, томясь своимъ одиночествомъ, и все ждалъ, когда же явятся у меня друзья. И вотъ мало-по-малу изъ девяти учениковъ седьмого класса начали выдѣляться три личности и все ближе и ближе подходить ко мнѣ. Это были гимназисты Шенелевъ, Палицынъ и Леевъ.

Трудно опредѣлить минуту, съ которой юноши изъ знакомыхъ превращаются въ друзей, трудно опредѣлить, какъ и чѣмъ начинается дружба, трудно это сдѣлать, особенно тогда, когда пройдетъ съ этой минуты, завязавшей дружбу, много и тяжелыхъ и веселыхъ лѣтъ, когда къ друзьямъ успѣешь привыкнуть уже настолько, что, кажется, будто при первой своей встрѣчѣ съ ними ты любишь ихъ также сильно, какъ любишь ихъ въ настоящее время. Не могу и я сказать теперь, при какихъ обстоятельствахъ, въ какое время и почему сошелся я съ этими людьми. Мнѣ кажется только, что сначала я обратилъ на себя ихъ вниманіе своей борьбой съ начальствомъ гимназіи, и они поощрили меня на эту борьбу; потомъ

они заинтересовались тѣми книгами, которыя читалъ я, и сообщили мнѣ, что и они тоже много читаютъ; далѣе насъ начали связывать воспоминавія о горькихъ дняхъ дѣтства, вызвавшія откровенность. Когда откровенность сдѣлалась полною, безграничною—мы уже были друзьями, и намъ казались уже странными, смутными тѣ дни, когда мы сидѣли рядомъ на школьныхъ скамьяхъ, какъ чужіе, не обращая вниманія другъ на друга.

Все въ той же рекреационной залѣ, гдѣ такъ тяжело, такъ медленно переживалъ я свое одиночество, начала крѣпнуть наша дружеская связь. Теперь я уже никогда не сидѣлъ одиноко на своемъ завѣтномъ мѣстѣ: меня окружали они. Наши разговоры и споры чаще всего вертѣлись на толкахъ о гимназическомъ начальствѣ, какъ разговоры слугъ и работниковъ, вертятся на толкахъ о хозяевахъ; мы то негодовали за скверную пищу, то жаловались на невозможность свободно читать книги, то смѣялись надъ нелѣпыми распоряженіями и уроками исторіи и словесности; въ концѣ концовъ мы постоянно переходили къ одному вопросу: долго ли намъ еще сидѣть въ гимназін, скоро ли мы выйдемъ изъ этихъ стѣнъ? Какъ узники считаютъ дни, остающіеся до свободы, такъ мы считали дни, остающіеся до выпуска; какъ узники представляютъ свою свободу, если можно такъ выразиться, болѣе свободною, чѣмъ она будетъ на самомъ дѣлѣ, такъ и мы представляли себѣ университетъ въ болѣе яркихъ краскахъ, чѣмъ его настоящія краски. Съ каждымъ днемъ все тяжелѣе и тяжелѣе становилось наше положеніе; намъ хотѣлось куда нибудь вырваться, гдѣ нибудь отдохнуть отъ надзора, отъ гнета. Извѣстно, куда приводятъ по большей части подобныя стремленія безсемейныхъ, семнадцатилѣтнихъ юношей—въ публичные дома. Отъ этого выхода спасла насъ случайная исключительность моего положенія: у меня былъ болѣе мирный пріютъ, гдѣ я могъ принять своихъ друзей. Я предложилъ имъ ходить по праздникамъ на отдыхъ къ моему дядѣ. Они безвыходно сидѣли въ гимназін и съ радостью готовы были принять это предложеніе. Ихъ смущало только одно: будутъ ли пріятны ихъ визиты старику? Они знали его только по моимъ рассказамъ да по виду, встрѣчая его разъ въ недѣлю въ корридорѣ, когда онъ пробирался на сви-

даніе со мною. Они, какъ мнѣ показалось, просто боялись его, такъ какъ всѣ встрѣченныя имъ до сихъ поръ старики или третировали ихъ, какъ мальчишекъ, или дѣлали имъ зло, или досаждали имъ своею ворчливостью. Я только разсмѣялся, услышавъ ихъ опасеніи, и обѣщалъ познакомить ихъ съ дядей. Въ первую наступившую за этимъ разговоромъ среду, когда дядя явился ко мнѣ съ своею обычною акуратностью, я сообщилъ ему о желаніи моихъ товарищей познакомиться съ нимъ.

— Ну что жъ, птица, познакомь насъ! отвѣчалъ онъ. — Я люблю молодежь. И имъ будетъ удобнѣе прійти къ намъ въ гости, когда познакомятся со мною. Тебѣ давно бы пора обзавестись знакомыми. Нелюдимомъ ты сталъ, все хмуриться...

Старикъ пригладилъ свои виски и обтянулъ сюртукъ, словно приготовляясь къ свиданію съ важными особами. Я позвалъ своихъ друзей. Они явились въ пріемную комнату. Началась рекомендація.

— Очень пріятно, очень пріятно познакомиться, молодые люди! важно провзнесъ дядя, пожимая имъ руки.—Прощу заглядывать въ нашу хату. Мы съ Володькой живемъ по холостому. Можно во всякое время являться безъ церемоній. Парадной формы и застегнутыхъ мундировъ не требуется. У насъ, знаете, все на распашку и сюртуки, и душа.

Молодежь поблагодарила капитана за приглашеніе. Она все еще стояла въ смущеніи, не зная, что начать говорить со старикомъ. Что общаго могло быть между этимъ обломкомъ старой жизни и этими молодыми побѣгами новаго времени?

— Ну что ваши дѣлашки? Я слышалъ отъ Володьки, что вы все воюете съ инспекторомъ, началъ дядя, усаживаясь среди насъ.—И чего этотъ колпакъ директоръ смотритъ? Я, знаете, одно время просто былъ увѣренъ, что онъ хорошій человекъ, а не такая тряпца, какою онъ оказался на дѣлѣ. У меня вѣдь съ нимъ была пресмѣшная исторія. Вы, можетъ быть, слышали, что Володьку исключить хотѣли, ну вотъ съ я и пошелъ объясниться съ директоромъ... Дядя началъ рассказывать свое комическое объясненіе съ Германомъ и развеселилъ слушателей. Громче всѣхъ хохоталъ своимъ заразительнымъ, неудержимымъ смѣхомъ Леевъ.

— И каково же было мое удивленіе закончилъ старикъ, —

когда всѣ эти правила и законы оказались несостоятельными передъ однимъ какимъ нибудь письмомъ графа Сиверскаго. Вѣдь послѣ этого всѣ ихъ правила только для проформы существуютъ; ими только трусовъ да беззащитныхъ пугать можно.

— Да вѣдь они чиновники, это всѣмъ извѣстно! замѣтилъ Палицынъ рѣзко.

— Конечно! положительнымъ тономъ подтвердилъ Щецель, съ свойственнымъ ему лаконизмомъ.

Палицынъ началъ съ провѣей рассказывать о продѣлкахъ инспектора, довольно хорошо извѣстныхъ намъ и очень заинтересовавшихъ дядю.

Но несмотря на вниманіе, съ которымъ старикъ слушалъ анекдоты о нашемъ начальствѣ, онъ время отъ времени поглядывалъ на Леева и задумчиво потиралъ лобъ, какъ будто въ его головѣ тревожно носились какія-то неясныя мысли, какіе-то смутныя образы. Наконецъ онъ обратился къ Лееву.

— Скажите пожалуйста, не родня ли вы Ольгѣ Дмитріевнѣ Хмѣльницкой? Въ Николаевѣ жила она въ двадцатыхъ годахъ...

— Это моя мать, отвѣчалъ Леевъ.

— Боже мой, Боже мой, такъ вѣдь мы старые знакомые съ вами! воскликнулъ дядя съ просіявшимъ лицомъ. — Вѣдь я вашу матушку точно такую же молодою знавалъ, какъ вотъ вы теперь молоды. То-то я говорю съ вами, а самъ все думаю: какъ эти глаза могли попасть въ нашъ подслѣповатый Петербургъ? Вѣдь такіе глаза, батюшка, какъ ваши, только у вашей матушки и были. Ихъ весь флотъ, заѣзжавшій въ Николаевъ, зналъ! За нихъ, батюшка, каждый молодой морякъ душу отдавалъ бы въ то время!.. Такъ, такъ! И я любовался ими, много любовался! Въ нихъ вѣдь не наше полныя небо, какъ у петербургскихъ чухонокъ, отражалось, въ нихъ яркая южная лазурь сверкала!

Дядя крѣпко пожалъ руку Леева.

— Ну, а теперь здорова ли она, все такъ же ли весела, все такъ же ли поетъ и звонко смѣется? спрашивалъ дядя, оживленный воспоминаніями. — Вѣдь у васъ и смѣхъ-то вашей матушки: мертвыхъ разбудить!

— Она умерла, грустно отвѣчалъ Леевъ, обожавшій свою мать.

— И она! взволнованнымъ голосомъ воскликнулъ дядя, вспоминая о другой дорогой ему покойницѣ.—Господи, Господи, всё-то эти полныя силъ и красоты женщины гибнутъ такъ рано.

Онъ всталъ и заходилъ по комнатѣ.

— И вѣдь какое живое, какое веселое было это существо, шепталъ онъ, отдаваясь воспоминаніямъ.—Стоило увидать ее, чтобы позабыть и горе, и скуку. Одинъ ея смѣхъ, одна ея улыбка,—да что я говорю!—одни ея глаза теплые могли ободрить человѣка! Грѣли они, батюшка, грѣли, какъ то небо, подъ которымъ они впервые взглянули на божій міръ!.. Умерла!.. Да, да, рано умираютъ хорошіе люди. Живите хоть вы, пользуйтесь жизнію, дайте хоть намъ, старикамъ, закрыть глаза подъ вашъ веселый говоръ и не дай Богъ, чтобы намъ пришлось пережить васъ.

Дядя снова подѣлъ къ намъ.

— Вы на меня не глядите, что я разстроился, промолвилъ онъ, похлопывая по плечу Леева.—Живите настоящимъ, мечтайте о будущемъ, а я только, глядя на васъ, на смѣхъ, буду вспоминать о прошломъ. Узнаете и вы когда нибудь, какъ отраднo подъ старость, переживъ и горе и невзгоды, сидѣть у своего очага и смотрѣть на свѣжую вступающую въ жизнь юность. Не даромъ нашъ великій Пушкинъ сказалъ, что пусть у гробового входа младая будетъ жизнь играть. Это высокая человѣческая мысль! Старость между стариками хороша только тогда, когда тутъ же кипитъ и бушуетъ всѣми своими силами молодость. Мраченъ и не веселъ вѣковой лѣсъ, если нагота его старыхъ дулистыхъ стволовъ не прикрыта молодыми побѣгами!

Дядя пожалъ всѣмъ намъ руки и сталъ прощаться.

— Такъ и знайте, молодые люди, что старикъ, капитанъ Хлопко готовъ быть для васъ такимъ же дядею, какимъ онъ былъ для вашего друга, Володьки... Познакомитесь короче со мною, полюбите меня. Меня вѣдь всѣ любили... Правда, есть одинъ человѣкъ, который не любитъ меня, ну да не дай Богъ никому изъ васъ сдѣлаться похожимъ на него!

Молодежь проводила дядю до швейцарской.

— Вотъ милѣйшій-то человѣкъ! съ увлеченіемъ воскликнулъ Леевъ, когда мы остались одни.—И, чортъ возьми, сколько у

него въ рѣчахъ поэзіи и теплоты. Не даромъ онъ много жилъ и видѣлъ.

Палицынъ и Шепелевъ раздѣляли мнѣніе Леева о моемъ дядѣ и уже смотрѣли на старика, какъ на своего короткаго знакомаго. Я нисколько не удивлялся хорошему впечатлѣнію, произведенному дядей на молодежь, такъ какъ мнѣ трудно было представить себѣ человѣка, который не сошелся бы съ дядей. Я уговорился съ своими друзьями, что они придутъ къ дядѣ въ воскресенье. Въ субботу я пошелъ домой. Дяди не было дома. Меня встрѣтила Матрена Марковна съ довольно постной физиономіей.

— А я вамъ, Владиміръ Михайловичъ, маленькій репримандъ хочу сдѣлать, жеманно проговорила Елкина.

Она стояла въ странныхъ отношеніяхъ къ дядѣ и ко мнѣ: онъ какъ будто боялся ее и называлъ воркотуньей даже тогда, когда она совѣмъ не ворчала; со мной она сначала заигрывала до неприличія, то являясь будить меня въ самомъ непривлекательномъ полуночномъ костюмѣ, то врываясь въ мою комнату съ какимъ нибудь ненужнымъ вопросомъ, когда я уже бывалъ раздѣтъ и приготавлился ко сну, потомъ она начала на меня коситься и эхидно вкрадчивымъ тономъ дѣлала мнѣ замѣчанія при дядѣ. Въ настоящую минуту, ожидая «реприманда, я совершенно не подозрѣвалъ, о чемъ пойдетъ рѣчь, и молчалъ, воздерживаясь отъ улыбки.

— Вы нашего ангела-капитана совѣмъ не бережете, продолжала она сантиментальнымъ тономъ.—Вы его убиваете...

— Я? Чѣмъ это? изумился я этому обвиненію въ новомъ покушеніи на убійство.

— Какъ же, помилуйте, онъ эти дни покою не знаетъ, бѣгаетъ и хлопочетъ, бѣгаетъ и хлопочетъ, и все для какихъ-то вашихъ знакомыхъ! Говорить, ночевать они будутъ здѣсь по субботамъ. Онъ вѣдь старенькій, ему не подъ лѣта возиться со всѣми. За нимъ за самимъ уходъ, да уходъ нуженъ. И что ему за веселье съ молодежью? Ужь извѣстно, гимназисты не пара морскому капитану. Это все ваши прихоти.

— Мои или нѣтъ, это не ваше дѣло, улыбнулся я.

— Нѣтъ-съ мое! воскликнула Елкина.—Можетъ быть, другимъ дѣла нѣтъ до него, а не мнѣ. Я, какъ благодѣтеля, какъ отца,

почитаю капитана. Ангель, ангель! Конечно его можно всякому заставить все дѣлать, пользуясь его ангельскою добротою. Но тоже и раззорять человѣка не слѣдъ. Это и вчуже обидно видѣть.

Мнѣ надоѣло ея нытье.

— Да вы что же это мнѣ говорите,—вы бы дядѣ все это сказали, замѣтилъ я.

— Поссорить, поссорить вы меня хотите съ капитаномъ! воскликнула вспыхнувшая Елкина. — Что жъ, я беззащитная вдова. Меня можно обидѣть. Изъ-за вашихъ мальчишекъ мнѣ и безъ того досталось. А тоже я не могу не говорить, потому что я хозяйка. Мнѣ работы прибавится, если всякаго съ улицы заводитъ на ночлегъ сюда стануть. У меня тоже не трахтирь!

— Такъ я посовѣтую дядѣ переѣхать, чтобы вамъ не было такъ трудно, сказалъ я.

— Такъ вотъ вы какой! захныкала Матрена Марковна. — Я хлопочу, я забочусь, я ночей не сплю изъ любви къ благодѣтелю, а вы подбивать его противъ меня хотите! Видно въ свои руки забрать его думаете. Подсалаживаете ему теперь, а небось пришлось бы жить съ нимъ, такъ увидали бы, что онъ уже какъ дите, ухода требуетъ. Ему подай, ему принеси, его приголубь!

— Вамъ за это деньги платять, отвѣтилъ я, перобивая ее. Матрена Марковна зарыдала.

— Деньгами, деньгами попрекаютъ! истерически рыдая, заговорила она. — Деньгами! Да развѣ можно заплатить за мараль, которую я терплю за моего благодѣтеля? Онъ мужчина, я женщина! Я вдова!... Онъ самъ это знаетъ... Онъ,—ангелъ, ангелъ!—давно бы безъ васъ...

— Ужъ не думаете ли вы, что онъ женился бы на васъ? засмѣялся я. — Полноте! Живите, какъ жили, и не ссорьтесь со мною! Ссора доведетъ только до того, что онъ переѣдетъ отъ васъ.

Елкина испугалась и заговорила жалостнымъ тономъ:

— Я, Владиміръ Михайловичъ, не ссорюсь съ вами. Это грѣхъ вамъ говоритъ! Я моего благодѣтеля жалѣю... А васъ я любила и люблю всегда. Вы-то только понять этого не хотите...

Она сдѣлала нѣжныя и застѣчивыя глазки. Миѣ надоѣло это объясненіе.

— У меня дѣло есть, извините, сказалъ я и выпроводилъ ее изъ комнаты.

Миѣ была отвратительна эта женщина, глупая и безалаберная, прибиравшая по немѣдогу въ свои руки дряхлѣвшаго и одинокаго старика. Но я чувствовалъ, что, принудивъ его переѣхать отъ нея, я буду не въ состояніи заботиться о немъ, покуда я нахожусь въ гимназій. Миѣ оставалось молчать и ждать той поры, когда мы снова будемъ жить вмѣстѣ. Сверхъ того, я очень смутно понималъ отношенія дяди къ Елкиной. Дядя какъ-то совѣстился говорить объ этихъ отношеніяхъ и дѣлалъ видъ, что онъ смотритъ на Елкину, какъ и на всякую другую квартирную хозяйку. Я, съ своей стороны, хотя и понималъ уже различныя интимныя отношенія людей, но въ разговорахъ съ дядей старался обходить эти вопросы, несмотря на мою полную откровенность съ нимъ. Это, впрочемъ, всегда такъ бываетъ въ жизни. Старики стыдятся говорить съ юношами о своихъ послѣднихъ любовныхъ интрижкахъ, сознавая, что время для этихъ интрижекъ давно прошло и они могутъ быть только смѣшны. Юноши тоже стыдятся говорить старикамъ о своихъ первыхъ сердечныхъ дѣлахъ, понимая, что еще не наступила пора для этихъ дѣлъ. И тѣ, и другіе инстинктивно чувствуютъ, что смѣшно и, можетъ быть, даже грустно ходить по малину, какъ спустя лѣто, такъ и до начала лѣта... Черезъ часъ послѣ моего прихода возвратился и дядя, навьюченный покупками. Дворникъ несъ за нимъ цѣлый узелъ съ подушками и одѣялами.

— А твои друзья гдѣ? весело спросилъ онъ, выгружая покупки.

— Они завтра придутъ, отвѣтилъ я.

— Эхъ, для чего же завтра! воскликнулъ дядя съ сожалѣніемъ. Сегодня могли бы придти. Кое-какъ помѣстившись бы, переночевали бы. А я, братъ, и подушки и всякую штуку купилъ... Вотъ ужъ не люблю этихъ церемоній. Точно между чужими, ворчалъ старикъ.— Оно вѣдь, знаешь, лучше, если по субботамъ забираться будутъ, добродушно объяснялъ онъ.— Въ

воскресенье торопиться придется въ гимназію, а въ субботу хоть до утра сиди, рано подыматься никто не заставитъ.

Я, несмотря на всю мою привычку къ добродушію дяди, былъ растроганъ его заботливостью обо мнѣ и обо всемъ, что было близко мнѣ.

— Спасибо тебѣ, дядѣ, что ты такъ заботишься, проговорилъ я, обвиняя его.

— Дурень, дурень ты, птица! покачалъ головой старикъ въ отвѣтъ на мою благодарность.

Я понялъ, что дѣйствительно мнѣ нечего благодарить его, что всѣ мои благодарности все-таки не сравняются съ тою любовью, съ тѣми попеченіями, которыми онъ окружалъ меня. Отплачивать за любовь дяди можно было не словами, а такою же любовью, такими же попеченіями о немъ.

— Только нужно, дядя, дать чтонибудь лишнее Матренѣ Марковнѣ за посѣщеніе моихъ друзей, замѣтилъ я.

— Я ужь уговорился съ нею, замѣтилъ дядя, нахмуривъ брови.—Странные, право, есть люди на свѣтѣ. За все ворчатъ. Все бы имъ однимъ жить. Всѣмъ-то они завидуютъ. Общежитія никакого не знаютъ, пробормоталъ онъ въ раздумьи.—Смѣшная она, все въ моемъ карманѣ считаетъ...

— Какое же она имѣетъ право? промолвилъ я.

— Ну, птица, она женщина простая, добрая, любитъ меня, вотъ и боится, что я раззорюсь.

— Воли ты ей даешь много, дядя, покачалъ я головой.

— Что ты, что ты, птица! Ты посмотрѣлъ бы, какъ я на нее вчера накинулся! Такъ накричалъ, такъ набурлилъ, что послѣ самому стыдно стало... Ты вѣдь знаешь меня!..

— И вслѣдствіе того пошелъ къ ней, извинился и сунулъ лишній рубль ея ребятишкамъ? улынулся я.

— Ну, что жь, Володька? Ну извинился, ну сунулъ лишній рубль! загорячился онъ.—А ты думаешь: надо обидѣть человѣка и не сознаться въ своей ошибкѣ? Вѣдь я знаю, что она и ворчитъ на меня, не изъ дурного чувства, а изъ заботливости обо мнѣ. Она невиновата, что не понимаетъ меня, что она не умѣетъ выразить своей привязанности ко мнѣ иначе. Простые люди вообще не всегда умѣютъ понять насъ. Вонъ и Лаврентій бывало цѣлыми днями ворчалъ на меня, а развѣ я

былъ бы въ правѣ прогнать его или разсердиться на него? Онъ мнѣ добра желалъ.

— Полно, такія ли отношенія Матрены Марковны къ тебѣ, какъ отношенія Лаврентья? снова покачалъ я головой.—Лаврентій не требовалъ платы за свою привязанность.

— Птица, птица, за привязанность можно платить или не платить, а все-таки не купить ея, если ея нѣтъ, съ упрекомъ сказалъ старикъ.

Я промолчалъ, мнѣ не хотѣлось увѣрять его, что Матрена Марковна совсѣмъ не привязана къ нему. Намъ подали кофе. Дядя сталъ разливать. Онъ былъ видимо чѣмъ-то встревоженъ, наконецъ не выдержалъ и поднялся съ мѣста.

— Нѣтъ, не могу я пить, проговорилъ онъ, взбивая свой хохолъ.—Какъ же это: все приготовилъ, а они не придутъ. Я, птица, схожу за ними, отпрошу ихъ къ намъ. Это чортъ знаетъ что такое, первый блинъ и комомъ!

Онъ поспѣшно сталъ одѣваться. Я не возражалъ, я понималъ, что старикъ хочетъ доставить мнѣ какъ можно болѣе полное удовольствіе, и не мѣшалъ ему хлопотать. Черезъ два часа онъ появился снова въ своей квартирѣ съ сіяющимъ, дѣтски-радостнымъ лицомъ.

— Ура, наша взяла, всю команду веду за собою, кричалъ онъ мнѣ, появляясь въ комнату.—Навралъ, сказалъ, что мое рожденіе сегодня,—ну и отпустили!—За дядею показались смѣющіяся лица освобожденныхъ узниковъ, моихъ друзей.

— Растегивайтесь, будьте, какъ дома, командовалъ дядя — А какой мы лагерь устроимъ. Вотъ сюда на турецкій диванъ подушекъ навалимъ, въ повалку всѣхъ уложимъ...

— Да ты, дядя, не хочешь ли насъ уложить съ позаранку? захохоталъ я.

— Ну вотъ выдумалъ! Сидите хоть до утра, отвѣтилъ онъ.— Мы еще прежде поужинаемъ, я завалюсь на боковую и представлю въ ваше распоряженіе гостиную. А вѣдь хорошо бы, господа, жить всѣмъ вмѣстѣ. Я бы держалъ бразды правленія, управлялъ бы кораблемъ. Матрена Марковна кухонною частью завѣдывала бы, получая за это возмездіе. Размѣстились бы всѣ по комнатамъ, какъ кому удобнѣе по карману и по характеру, и поплыли бы въ открытое море! Обѣдъ вмѣстѣ, чай и кофе

вмѣстѣ, въ театрѣ вмѣстѣ, послѣ театра чаекъ и маленькая закусочка...

Последнюю фразу дядя произнесъ какъ-то таинственно и сладко подмигивая, точно эта «закусочка» была отчасти недосягаемымъ и отчасти запрещеннымъ блаженствомъ.

— Ну, а весна-то настанетъ. Вы зубрите тамъ науки разныя, а я хлопочу, хлопочу, чтобъ устроить какое нибудь этакое *partie de plaisir*... Чудо!

Эти планы, высказанные съ тѣмъ увлеченіемъ, котораго я уже давно не замѣчалъ въ дядѣ, сразу увлекли насъ и завязали оживленные разговоры. Черезъ часъ долговязый красавецъ Леевъ, снявъ съ себя сюртукъ, уже ходилъ, по мѣткому замѣчанію дяди, «журавлемъ», и очень пространно толковалъ объ удобствахъ проектируемой капитаномъ жизни.

— И не только веселіе будетъ жить, но и тратиться меньше придется. А то вѣдь просто раззоришься, живя отдѣльно, важно рассуждалъ онъ.

— А ты боишься раззориться? спросилъ я, взглянувъ на товарищевъ.

Въ комнатѣ раздался взрывъ хохота. Всѣ знали, что у Леева, кромѣ надѣтой на немъ *казенной* одежды, нѣтъ ничего. Леевъ посмотрѣлъ на насъ съ удивленіемъ большими голубыми глазами, на минуту задумался и вдругъ такъ же, какъ мы, разразился смѣхомъ.

— Молодецъ за то, что не тужить! похлопалъ его по плечу мой дядя.

— Да ужъ вѣдь сколько ни тужи, а н рубашки изъ этого не сошьешь, развелъ руками Леевъ, съ самымъ серьезнымъ видомъ, точно такъ тому и слѣдовало быть, чтобы онъ ходилъ безъ рубашки по выходѣ изъ гимназій.

Передъ чаемъ, оставивъ своихъ друзей въ гостиной, я на минуту вышелъ къ дядѣ въ кабинетъ, гдѣ онъ хлопоталъ надъ приготовленіемъ закуски.

— Ну, братъ, вотъ народъ, такъ народъ! проговорилъ восторженнымъ шепотомъ старикъ.—У! далеко пойдутъ. Глубокомысліе-то, глубокомысліе-то какое у этого толстаго-то, вотъ что шарикомъ выгладить.

— А! Это ты про Шепелева говоришь, догадался я.

— Да, да, про него! Ну тоже и добродѣтельный помѣщикъ этотъ, Палицынъ, ему не уступить, продолжалъ дядя.—А ужь Тишка-го твой, Тишка—просто прелесть! Такъ вотъ взялъ бы и разцѣловалъ бы его, И что за глазищи у него, точно въ небѣ въ нихъ все свѣтло, такъ вотъ душа и отражается въ этихъ ясныхъ глазахъ. Далеко, далеко они пойдутъ!

Я задумчиво слушалъ дядю. Мнѣ Прохоровъ тоже пророчилъ, что я далеко пойду—въ Сибирь...

II.

Дружескій кружокъ.

Мечты дяди о нашемъ житиѣ въ одной квартирѣ такъ и остались мечтами. Матрена Марковна не согласилась взять къ себѣ въ нахлѣбники моихъ друзей, при ихъ выходѣ изъ гимназіи, представивъ дядѣ различные «резонты», почему это невозможно. Въ числѣ ея доводовъ было и то, что она женщина молодая, въ соку, и потому можетъ заслужить «мараль», впустивъ къ себѣ въ квартиру молодежь. Но сильнѣе этого довода подѣйствовали на дядю собственныя его тайныя, быть можетъ, пробужденныя Елвиной же, размышленія о томъ, что молодежь, помѣстившись у насъ, слишкомъ близко увидитъ его отношенія къ этой женщинѣ и, можетъ быть, осмѣетъ его. Онъ самъ съ горечью сознавалъ смѣшную сторону этихъ отношеній и съ неменьшей горечью чувствовалъ, что оборвать ихъ у него нѣтъ силы. Матрена Марковна всегда умѣла во время расплакаться передъ нимъ о томъ, что онъ хочетъ ее покинуть, умѣла во время сказать ему:

— Чтожь, благодѣтель, это все въ вашей волѣ! Я бѣдная женщина, меня можно бросить. Только кто васъ такъ-то любить станетъ, какъ я, это Богъ знаетъ! Вѣдь Владиміръ-то Михайловичъ да его друзья тоже гулять начнутъ. Вы ихъ и не увидите съ утра до поздней ночи, а за вами уходъ нуженъ, вамъ ласка нужна. Конечно, можетъ быть, и есть такіе люди, которые вамъ служить будутъ, только любви-то вы ни-

гдѣ не найдете!.. Я вѣдь не о себѣ плачу, мнѣ не впервые горе горевать! Васъ, васъ, ангела моего, отца нашего, мнѣ жаль!

Дядя таялъ, слыша эти рѣчи, видя слезы на этихъ огненныхъ и плутовскихъ глазахъ, и пзмѣнялъ свои намѣренія насчетъ переѣзда. Ненормально сложившееся прошлое давало теперь свои плоды. Проводя постоянно холостую жизнь, живя постоянно для другихъ, видя, какъ эти другіе бросали его при первой возможности обзавестись своимъ домпшкомъ, онъ впервые попалъ въ руки женщины, которая стремилась не бросить, а пригрѣть его и быть его рабой до тѣхъ поръ, пока этого захочетъ онъ самъ. Дядя никого и никогда не бросалъ въ жизни, напротивъ того, онъ негодовалъ на другихъ, что они такъ скоро оставляютъ своихъ старыхъ друзей, а потому ему было тяжело теперь рѣшиться на одинъ изъ тѣхъ поступковъ, которыми другіе люди такъ часто заставляли страдать его самого. Сверхъ того, отношенія его къ Матренѣ Марковнѣ доставляли ему возможность имѣть постоянно около себя и дѣтей, хотя капризныхъ и избалованныхъ, но все-таки ласкавшихъ и весело шумѣвшихъ около него, и еще не старую, полную жизни женщину, встрѣчавшую его съ нѣжными улыбками, съ льстивыми словами, и въ то же время эти отношенія не лишили его ни одной изъ его старыхъ, холостыхъ привычекъ, не измѣняли ни на волосъ его холостой обстановки: онъ могъ во всякую минуту или остаться одинъ въ своихъ комнатахъ, занятая клееньемъ коробочекъ, чтеніемъ, мечтами, или по своему желанію окружить себя призракомъ семейной жизни—дѣтьми и ихъ матерью. Не имѣя силы прямо объявить мнѣ о невозможности переѣзда моихъ друзей къ Матренѣ Марковнѣ, онъ старался молчать объ этомъ предметѣ и тревожно спѣшилъ замать разговоры о нашемъ будущемъ жить-бытьѣ. Но несмотря на это, мнѣ удалось уловить двѣ-три фразы, объяснившія мнѣ все. Я давно привыкъ угадывать и тайные помыслы и недосказанныя желанья дяди по выраженію его фізіономіи, по его темнымъ намекамъ. Теперь мнѣ представлялись вопросы: нужно ли настоять на своемъ и вытянуть дядю изъ власти Матрены Марковны или должно покориться обстоятельствамъ и оставить все по старому? Прежде, чѣмъ я успѣлъ отвѣтить на

эти вопросы, у меня въ головѣ возникли новыя мысли. Я понялъ, что я хлопочу собственно о себѣ, о своихъ личныхъ интересахъ, о своихъ личныхъ удобствахъ, а что дядѣ нѣтъ никакой нужды въ переѣздѣ отъ Матрены Марковны, что онъ, живя у нея, подвергается развѣ одной опасности — опасности раззориться. Мнѣ невольно пришло въ голову, что мы, я и мои друзья, едва ли окружимъ его лучшимъ уходомъ, чѣмъ тотъ уходъ и тѣ заботы, которыми такъ или иначе, ради грязныхъ или ради чистыхъ побужденій, окружаетъ его эта женщина. Мнѣ показалось, что я долженъ заботиться только о томъ, чтобы старикъ не подпалъ вполнѣ подъ вліяніе этой женщины, чтобы она не измѣнила его привычекъ, чтобы она не притѣсняла его, какъ притѣсняютъ ловкіе люди дряхлѣющихъ стариковъ. Живя съ дядей, я могъ выполнить роль сидѣлки, могъ слѣдить за ихъ отношеніями и видѣть, чего лишаютъ старика или чѣмъ отравляютъ его спокойствіе.

Не имѣя возможности жить со мною, мои друзья постарались, по крайней мѣрѣ, найти себѣ квартиру поближе къ той улицѣ, гдѣ жилъ я съ дядей. Палицынъ занялъ отдѣльную комнату отъ жильцовъ. Шепелевъ и Леевъ помѣстились рядомъ съ нимъ въ одной комнатѣ. Шепелевъ получалъ отъ семьи очень небольшія деньги на содержаніе, а Леевъ покуда жилъ одними надеждами, получивъ отъ своего опекуна только сто рублей на платье и на плату въ университетъ. Комната Шепелева и Леева была не изъ очень удобныхъ, но почему-то именно въ ней чаще всего собирались мы. Это происходило, можетъ быть, отъ того, что здѣсь мы менѣе всего стѣснялись. Въ комнатѣ Палицына; было слишкомъ прибрано, слишкомъ чисто; у меня мои друзья все-таки боялись беспокоить дядю; въ жилищѣ Макарова царствовала излишняя роскошь, заставлявшая Леева говорить, что онъ вѣчно труситъ разбить какую нибудь статуэтку, и только въ комнатѣ Шепелева не стѣснялся никто и ничѣмъ.

Возникаетъ она снова передо мною изъ мрака прошедшаго, какъ живая, въ табачномъ дыму, съ одной желѣзной кроватью, съ однимъ горбатымъ диваномъ, ложемъ Леева, получившимъ названіе «верблюда», съ пузатымъ комодомъ, котораго ящики неплотно задвинуты словно для удовлетворенія любопытства гостей, съ разбитымъ, занесеннымъ пылью и засиженнымъ муха-

ми зеркаломъ, неизвѣстно для чего украшавшимъ одну изъ стѣнъ, такъ какъ, отражаясь въ немъ, самыя красивыя физиономіи принимали уродливую форму какихъ-то широкихъ и приплюснутыхъ сверху рожъ. На письменномъ столѣ синяя помадная банка играетъ роль чернильницы, въ столѣ недостаетъ одного ящичка, но и другой ящикъ могъ бы не существовать, такъ какъ здѣсь царствуетъ полнѣйшая откровенность и все студенческое добро, письма, лекціи, книги и деньги, когда онѣ были, что случалось только въ экстренныхъ случаяхъ, все лежало наружѣ и не пряталось никогда. Да какъ и прятать что нибудь, когда все платье приходилось носить на себѣ, когда лекціи нужно было постоянно имѣть подъ руками, когда книги брались только на короткій срокъ для прочтенія, когда денегъ не имѣлось ни у кого? Всѣ эти предметы и другія менѣе замѣчательныя вещи, какъ, напримѣръ, нѣсколько стульевъ, ломберный столъ и вѣшалка у дверей, должны были озаряться свѣтомъ при помощи единственнаго окна, выходившаго на дворъ. Но окно какъ разъ приходилось около стѣны, неизвѣстно для чего выпятившейся впередъ, и потому свѣтъ доставлялся комнатѣ въ очень небольшихъ дозахъ и облакалъ предметы въ какой-то туманный колоритъ, сглаживая рѣзкость контуровъ, уничтожая контрастъ свѣтлыхъ и темныхъ красокъ. Такъ черный комодъ едва отдѣлялся отъ бурой стѣны и почти сливался съ нею при помощи широкой, темно-сѣрой и мутной тѣни, почти постоянно отбрасываемой имъ. Прибавьте къ этому клубы дыма и вѣчную пыль, смѣтаемую съ мебели не хозяйкой, но скрутками гостей, и вы поймете, почему я называлъ эту студенческую комнату — комнатою туманныхъ картинъ. Теперь, вспоминая ее, я никакъ не могу представить ее иначе, какъ съ ея неизмѣннымъ обитателемъ Тишкой или, иначе сказать, Тихономъ Николаевичемъ Леевымъ. Онъ, по неизмѣннѣю теплой одежды, а отчасти по свойственной ему малороссійской лѣни, рѣдко выходилъ изъ нея и большею частію узнавалъ о событіяхъ міра и перемѣнахъ погоды изъ нашихъ разсказовъ и изъ неразлучныхъ съ нимъ газетъ и журналовъ.

Представляется мнѣ зима въ полномъ разгарѣ, на дворѣ морозно, бѣлый, иглистый снѣгъ скрипитъ подъ полозьями саней и ярко блеститъ, озаряемый лучами полуденнаго солнца. Я,

продрогшій и запорошенный снѣгомъ, возвращаясь съ утреннихъ лекцій съ толпой моихъ друзей, забѣгаю отогрѣться въ знакомую мнѣ студентскую квартиру. Въ ней царствуетъ туманный полумракъ; только край «верблюда» да письменный столъ озарены яркимъ солнечнымъ свѣтомъ; но и этотъ яркій уголокъ задернуть облаками дыма. Въ другомъ, самомъ сумрачномъ углу тоже мерцаетъ что-то — это огонь въ топящейся печкѣ. Передъ печкой отодвинута смятая, еще неприбранная кровать Шепелева. На кровати, спустивъ ноги къ стѣнѣ и обративъ къ огню семнадцатилѣтнее, нѣжное лицо съ очаровательными голубыми глазами, сидитъ долговязый, гибкій, какъ тростникъ, Тишка въ однихъ брюкахъ и рубашкѣ, съ всклоченными вьющимися волосами пепельного цвѣта, съ трубочкой въ зубахъ. Я быстро подбѣгаю къ нему и холодными руками шаловливо дотрогиваюсь до его плеча.

— Ну, чортъ, кто тамъ! Оставь! Холодно! по-дѣтски сердится онъ и передергиваетъ плечами.

Онъ только-что открылъ глаза и не вполне сознаетъ, кто, откуда и зачѣмъ пришелъ къ нему. Если бы никто не пришелъ въ это утро къ нему, онъ докурилъ бы трубку и снова завалился бы спать, по крайней мѣрѣ по его глазамъ замѣтно, что яркое пламя успѣло и пригрѣть его, и навѣять на него сладкія грезы, и погрузить его въ тихую полудремоту. Я сбрасываю съ себя шинель, разматываю съ шеи вязаный шарфъ, закурываю коротенькую трубку, сажусь на постель около Тишки, а онъ все продолжаетъ молча смотрѣть на огонь.

— А ты, Тишка, это только еще глаза продрать успѣлъ? смѣюсь я.

— Чортъ возьми, проспалъ сегодня! хмуро, по-дѣтски басытъ Тишка.

Его молодежавое, худенькое личико принимаетъ суровое, но тѣмъ не менѣе крайне смѣшное выраженіе, какъ выраженіе надушагося ребенка.

— Да когда же ты раньше-то встаешь! замѣчаю я съ невольнымъ смѣхомъ.

Съ Тишкой вообще всѣ говорили, смѣясь; серьезно говорить съ нимъ какъ-то никто не считалъ возможнымъ, къ нему относились, какъ къ ребенку. Да онъ и былъ еще ребенкомъ.

— Не встаю рано! повторяетъ Тишка въ раздумьи. — Ну да, теперь сплю до часу... Да развѣ можно вставать раньше, когда денегъ нѣтъ?.. Тутъ забыться радъ... Ничего на умъ не идетъ... Когда были деньги, ну тогда и не спалъ столько ..

— Да когда же у тебя были деньги? хохочу я.

Тишка широко открываетъ свои и безъ того большіе голубые глаза и, кажется, изумляется. Черезъ минуту онъ тоже начинаетъ хохотать, потому что дѣйствительно денегъ у него еще никогда не бывало, если не считать знаменитыхъ ста рублей, явившихся первымъ «событіемъ» его самостоятельной жизни.

Леевъ былъ сирота. Онъ родился на югѣ, въ Николаевѣ, и былъ малороссъ по матери. Югъ и мать были предметами его обожанія; судьба отняла у него и то, и другое, уложивъ въ могилу его молодую мать и забросивъ его самого, Богъ знаетъ зачѣмъ, въ Петербургъ. По выходѣ изъ гимназіи онъ жилъ, какъ птица небесная, питаясь скудно на тѣ крохи, которыя перепадали ему отъ случайныхъ уроковъ. Трудно было сказать чтонибудь про его доброту или щедрость. Я почти увѣренъ, что онъ былъ добръ и щедръ, что онъ отдалъ бы товарищу одинъ изъ своихъ двухъ сюртуконъ, если бы у него были два сюртука; я увѣренъ, что онъ раздѣлилъ бы пополамъ съ другимъ рубль, если бы у него былъ когданибудь въ карманѣ рубль. Но, къ несчастію, у него не было ничего лишняго, и что у него было, то было необходимо для того, чтобы не ходить въ костюмѣ Адама перваго. Не имѣя возможности дѣлиться чѣмънибудь съ другими, онъ казался иногда постороннимъ людямъ жаднымъ и даже пронырливымъ. Помню я случай, когда Тишку поподчивалъ кто-то дорогой сигарой; онъ взялъ ее, но не выкурилъ, а отдалъ одному изъ своихъ товарищей, взявъ въ промѣнъ три дешевыя сигары. Былъ еще случай: Шепелевъ и Палицынъ зубрили весною лекціи къ экзамену, Тишка лежалъ, задравъ ноги на своемъ «верблюдѣ», и мечталъ о ѣдѣ. Онъ не ѣлъ въ этотъ день ничего. Съ свойственной ему дѣтской восторженностью онъ вдругъ началъ сообщать своимъ друзьямъ, что въ ближайшей колбасной есть «преотличнѣйшіе пирожки». Разсказъ Тишки о качествахъ пирожковъ былъ до того сладокъ и обольстителенъ, что Палицынъ соблазвился и

далъ Тишкѣ денегъ на покупку пирожковъ для всей компаніи. Тишка пошелъ за пирожками, вошелъ въ колбасную, велѣлъ дать пирожковъ, но не могъ удержаться отъ соблазна попробовать одинъ изъ нихъ на мѣстѣ. Пирожокъ былъ съѣденъ, но не только не утолилъ голода, а даже возбудилъ сильнѣйшій аппетитъ. Тишка съѣлъ еще пирожокъ, наконецъ истребилъ и третій... Между тѣмъ Палицынъ и Шепелевъ, обѣдавшіе въ этотъ день довольно исправно, но возбужденные къ ѣдѣ разсказами Тишки о пирожкахъ, нетерпѣливо ждали возвращенія своего посланнаго. Часы шли за часами, а онъ не приходилъ. Около двѣнадцати часовъ ночи онъ вернулся домой, хмурымъ и молчаливымъ, и сталъ раздѣваться. Палицынъ и Шепелевъ бросились къ нему съ вопросами о пирожкахъ.

— Колбасная заперта, угрюмо отвѣтилъ онъ и легъ на своего верблюда.

— Эхъ, а я было разлакомился! вздохнулъ Палицынъ. — Давай же деньги!

— Ну чего присталъ, видишь, спать хочу! проворчалъ Тишка, поворачиваясь къ стѣнѣ. — Завтра возьмешь.

На слѣдующій день онъ съ хохотомъ разсказывалъ эту исторію, описывая яркими красками, какъ онъ поглощалъ пирожокъ за пирожкомъ и какъ онъ хохоталъ въ душѣ надъ разлакомившимися товарищами.

Тяжелое положеніе Тишки, повидимому, нисколько не вліяло на него. Онъ былъ вѣчно веселъ, остеръ, смѣшливъ. Глядя на него, можно было назвать его поверхностною и мелкою натурою. Но въ сущности онъ глубоко ненавидѣлъ свое положеніе и не говорилъ о немъ только потому, что легче отъ разговоровъ не станеть, что горе и само по себѣ скверно и не для чего его усиливать разсказами.

— Мало, что ли, его въ натурѣ, что нужно съ него еще копій списывать? говорилъ онъ.

Но это же горькое положеніе сдѣлало то, что Тишка стремился побольше спать въ свободное время, желая забыться отъ думъ. Чтобы эти думы не приходили ему въ голову и не лишали его сна, онъ постоянно или читалъ или предавался «геніальнымъ», какъ онъ говорилъ со смѣхомъ, размышленіямъ, напримѣръ, о томъ, почему конусообразный кусокъ сахара на-

зываютъ «головой?» Конечно такія размышленія могли усыпить его живой умъ точно также скоро, какъ скоро разогнали бы первую дремоту этого ума мысли о горькой дѣйствительности. Иногда Тишка мечталъ и о другихъ предметахъ, о своей завѣтной цѣли: о Малороссіи, гдѣ онъ подъ старость, съ трубкою въ зубахъ, подъ яснымъ и теплымъ небомъ, будетъ сидѣть на порогѣ своей хаты, плюнувъ на все свое прошлое горе, смѣясь надъ всѣми людьми, ломающими себѣ ноги и головы въ стремленіяхъ за почестями, славой и богатствомъ. Лѣнивый по натурѣ, онъ работалъ только потому, что нужно жить, жить же на чужой счетъ или при помощи разныхъ плутенъ онъ не могъ. Кромѣ того, въ трудѣ онъ видѣлъ средство для достиженія завѣтной цѣли. Трудъ ему доставался легко: Тишка выучивалъ въ нѣсколько минутъ то, на что другіе посвящали цѣлые часы. Таковы были главные черты этого еще неокрѣпнувшаго, только что вступившаго въ жизнь ребенка. Были въ его характерѣ еще двѣ черты, которыя подмѣтилъ въ немъ только я, — это стремленіе къ полной независимости и крайнее самолюбіе. Никакія выгодныя условія, никакіе недостатки не могли бы его принудить взять мѣсто гувернера. Малѣйшій несправедливый упрекъ доводилъ его чуть не до слезъ. Его любили всѣ за его радушіе, за его веселость, за его откровенность, даже за его дѣтскую капризность. Онъ, какъ избалованный ребенокъ, пользовался этимъ и нерѣдко заставлялъ насъ всѣхъ оказывать ему мелкія услуги, не требуя отъ него того же. Замѣчая это, мы смѣялись и называли его эгоистомъ. Онъ съ наивнымъ, видимымъ лукавствомъ старался оправдаться и тутъ же прорывался, заставляя насъ и налить ему воды, и подать спичку, и зажечь свѣчу. Болѣе всѣхъ насъ услуживалъ ему Шепелевъ. Тишка жилъ съ нимъ въ одной комнатѣ; постоянно ругалъ Шепелева за всякую малость и постоянно защищалъ его, если ктонибудь изъ насъ рѣшался за чтонибудь обвинять Шепелева. Мы называли этихъ двухъ друзей Филемономъ и Бавкидой, Афонасіемъ Ивановичемъ и Пульхеріей Ивановной. Сходство съ послѣдними личностями усиливалось еще тѣмъ обстоятельствомъ, что Тишка постоянно пугалъ Шепелева своимъ переѣздомъ съ квартиры.

Увидавъ Шепелева, Тишка и теперь тотчасъ же обратился къ нему.

— Что же кофе не несутъ? опять нахмуривается онъ.— Ты велѣлъ, Шепелевъ? обращается онъ къ своему сожителю, только что пришедшему со мной изъ университета.

— Нѣтъ, я думалъ, что ты уже распорядился, положительнымъ и густымъ басомъ отвѣчаетъ толстый, какъ сдобная булка, Шепелевъ.

— Распорядился! съ негодованіемъ въ голосъ восклицаетъ Тишка.— Я всталъ, трубку вотъ закурилъ, объясняетъ онъ, какъ бы выражая своими словами, что и этихъ трудовъ вполне и даже черезъ-чуръ достаточно для него.

Шепелевъ идетъ своимъ мѣрнымъ, положительнымъ шагомъ въ кухню хлопотать о кофе.

— Ступа, право ступа чугунная! ворчить Тишка на Шепелева.— Ты посмотри, какъ онъ ходитъ, шагу не прибавитъ! Кажется, отецъ родной у него умирай, а онъ походки не измѣнить! Увалень!.. Тутъ въ горлѣ совсѣмъ пересохло, а онъ не можетъ похлопотать о кофе!

Въ комнатѣ раздается смѣхъ надъ негодованіемъ Тишки. Тишка опять широко раскрываетъ глаза, соображаетъ что-то и снова начинаетъ смѣяться. Черезъ пять минутъ приносятъ кофе, всѣ усаживаются къ ломберному столу на «верблюда» и на стулья.

— Шепелевъ, дай мнѣ пожалуйста стаканъ, ласково говоритъ Тишка.

— Самъ не можешь взять! отвѣчаетъ Шепелевъ, стараясь говорить равнодушно.

— Трудно тебѣ, что ли? замѣчаетъ Тишка.— Видишь я у печки сижу, нельзя отойти, когда она топится. Кровать еще, пожалуй, загорится! голосъ Тишки принимаетъ такой убѣдительный, вкрадчивый тонъ, что возражать нѣтъ возможности.

Шепелевъ убѣждается этими доводами и не только подноситъ Тишкѣ стаканъ, но и поправляетъ простыни на постели, чтобы ихъ не втянуло въ печку. Кофе окончательно пробуждаетъ Тишку и разгоняетъ его дремоту.

— Чортъ знаетъ, какую кислотину хозяйка варитъ, ворчить онъ, прихлебывая кофе и отплеываясь.— Ты, Шепелевъ, потакаешь ей; распечь ее не можешь. Баба ты, право баба! Ужъ только дѣнь мнѣ, а то бы я показалъ тебѣ, какъ нужно дер-

жать себя съ этимъ народомъ. Двѣнадцать рублей лупить съ насъ за такую каморку! Да это такимъ дуракамъ нужно быть, какъ Шепелевъ, чтобы дать такую цѣну за эту конуру! Съ него шкуру дерутъ, а онъ, какъ овца, стоитъ и молчитъ. Дай только мнѣ разбогатѣть, такъ вотъ переѣду и покажу тебѣ, какъ надо жить!

Тишка еще долго брюзжитъ на Шепелева, а Шепелевъ невозмутимо и глубокомысленно молчитъ, прислушиваясь къ начавшимся между мной и двумя студентами разговорамъ. Въ эту минуту раздается звонокъ и въ комнату является блѣдный и желтый, несмотря на морозъ, Макаровъ, закутанный въ соболию шубу. Онъ уже познакомился и подружился съ моими друзьями.

— А! Сигарку принесъ? спрашиваетъ Тишка, не успѣвъ поздороваться съ Макаровымъ.

— Въ магазинѣ ихъ много, отвѣчаетъ небрежно Макаровъ, сбрасывая на пыльный стулъ свою дорогую шубу и здороваясь съ нами.

Тишка потянулся и поднялся съ мѣста. Макаровъ въ это время вынулъ сигару изъ серебрянаго портсигара и, усмѣхаясь, посмотрѣлъ на Тишку: Тишка больше всѣхъ благъ любилъ сигары. Съ опечаленной рожицей, видя, что его не угощаютъ сигарами, Тишка вынулъ свой «Жуковъ», чтобы набить трубку. Я замѣтилъ это и предложилъ ему свои сигары. Онъ торопливо оставилъ «Жуковъ», засунулъ въ карманъ коротенькую трубку и взялъ мою сигару.

— Экій ты жадный! насмѣшливо замѣтилъ Макаровъ. — Все бы на чужой счетъ пожить!

— Ну!... вотъ жадный! воскликнулъ Тишка дѣтски-обидчивымъ тономъ.

Мы взглянули на него, онъ былъ красенъ, какъ ракъ.

— Совсѣмъ я не жадный! повторилъ онъ дрожащимъ голосомъ.

Я на его глазахъ подиѣтилъ слезы. Что-то дѣтски-огорченное выражалось на его миломъ, юномъ лицѣ. Въ эту минуту онъ съ своими продранными рукавами рубашки, съ своими заплатанными панталонами и своимъ еще дѣтски-чистымъ лицомъ былъ и жалокъ и дорогъ мнѣ. Мнѣ было досадно, что Мака-

ровъ такъ безтактно дразнить этого ребенка. Я поспѣшилъ начать разговоръ.

— Ну а что прочелъ новое обозрѣніе литературы? спросилъ я у него.

— Еще бы! отвѣтилъ онъ.—Всю ночь до четырехъ часовъ читалъ. Чортъ возьми, что за силаща у Бѣлинскаго.

— А все-таки онъ западникъ, вашъ петербуржецъ, замѣтилъ Палицынъ.

— Ну да, твои славянофилы лучше. Смиренномудріе народа изобрѣли, засмѣялся Тишка.

— Да я вхъ за отысканное ими смиренномудріе народа люблю что ли? промолвилъ Палицынъ.—Это чепуха. Они не тѣмъ важны, а тѣмъ, что указываютъ на необходимость изучать народъ. Можетъ быть, и навѣрное даже, все сказанное ими о народѣ окажется враньемъ, но чтобы доказать это, нужно самому приняться за изученіе народа, нужно показать, много-ли смиренномудрія въ холстинникахъ-ярославцахъ, въ халуйскихъ офеняхъ, въ пугачевскихъ сподвижникахъ, въ приволжскихъ бурлакахъ. Конечно, ваши западники не провираются такъ грубо, только какое значеніе имѣютъ ихъ толки о разныхъ Вальтеръ-Скоттахъ, Жоржъ-Зандахъ, Кукольникахъ, Бенедиктовыхъ? И теперь-то эта такъ называемая русская литература имѣетъ вліяніе едва-ли на одного человѣка изъ тысячи...

— Ну, ну, не слишкомъ ли мало ты придаешь значенія литературѣ, засмѣялся Тишка.

— А ты думаешь какъ? Читающихъ людей у насъ не больше пятидесяти тысячъ, да и изъ тѣхъ половина дальше священ-ныхъ книгъ да какихъ нибудь полицейскихъ вѣдомостей не идетъ. А сколько милліоновъ народонаселенія въ Россіи? Но если теперь значеніе литературы такъ ничтожно, если теперь она и не можетъ и не умѣетъ вліять на народъ, то гдѣтъ черезъ двадцать у теперешней литературы не останется и пяти тысячъ читателей. Будутъ о ней помнить развѣ по статьямъ двухъ, трехъ изъ вашихъ же западниковъ. Ну а то, что дѣлаетъ теперь народъ, его развитіе, его добродѣтели и пороки, весь складъ его теперешней жизни, отзовется не только на всеиъ теперешнемъ обществѣ, но и на внукахъ нашихъ. Да, братъ, сколько ни толкуй ты мнѣ о литературѣ, сколько ни

поклоняйся—Кукольнику или Жоржъ-Завду—а все-таки ничего ты не подблаещь съ этой массой, покуда не изучишь ее, покуда не пойдешь рядомъ съ нею. Вотъ Ломоносовы и Державины и всѣ имъ подобные поэты, оды на побѣды російскаго оружія писали, а народъ пугачевщину поднялъ, секты разныя создалъ. Жуковекіе да Карамзины проливали слезные токи нѣмецкой сантиментальности, а народъ спасалъ Россію отъ нашествія дванадесяти языковъ. При чемъ тутъ была ваша западническая литература? При чемъ она теперь съ ея байронизмомъ, оплакивающимъ измѣнчивость любви и дружбы, ненаходящимъ мѣста отъ пресыщенія, когда рядомъ не измѣнчивая любовь, не лживая дружба, не пресыщеніе, а крѣпостное право гнетъ въ бараній рогъ народныя спины?

Палицынъ говорилъ съ одушевленіемъ, хотя въ другое время, при другихъ разговорахъ, онъ обыкновенно выглядѣлъ невозмутимо спокойнымъ и даже сонливымъ человѣкомъ. Единственный сынъ добродушной помѣщицѣй четы, напоминавшей собою Маниловыхъ, онъ былъ нѣженъ, мягокъ и добрѣ; его широкая, атлетическая, разившаяся на свободѣ фигура была красива; лицо было гладко безъ морщинки, безъ прыщика, безъ подтековъ и дышало спокойствіемъ силы; густая грива темныхъ вьющихся волосъ придавала его головѣ видъ львиной головы; мы въ шутку называли его Самсономъ. Онъ выросъ среди народа, всею душою ненавидѣлъ чиновничество, смотрѣлъ на все совершавшееся вокругъ, на университетскія лекціи, на административную рачительность, на литературную дѣятельность, какъ на мелочную работу муравьевъ.

— Сегодня бульвары разведутъ, черезъ десять лѣтъ начнутъ заниматься уничтоженіемъ бульваровъ, говорилъ онъ.—Сегодня Жоржъ-Завда ругаютъ, черезъ десять лѣтъ ему поклоняться станутъ. Теперь Пушкина хвалятъ, черезъ десять лѣтъ ругать его будутъ. Сегодня съ кафедры проповѣдуютъ Гегеля, черезъ десять лѣтъ будутъ говорить, что Гегель-ерунда. Сегодня признаютъ необходимыми форменные мундиры или бритые подбородки, какъ при Петрѣ, черезъ десять лѣтъ признаютъ ненужными и мундиры и бритые бороды какъ до Петра.

Видя вездѣ мелочность дѣла, онъ искалъ какого-то широкаго, общаго движенія и, не находя этого движенія, иногда впа-

даль въ такое тоскливое настроеніе, которое заставляло его выкидывать сотни оригинальныхъ и эксцентрическихъ выходокъ. Иногда онъ утромъ вмѣсто чаю выпивалъ двѣ, три рюмки водки и торжественно увѣрялъ всѣхъ, что это самый полезный напитокъ: «И ѣсть послѣ этакой выпивки не хочется и веселъ на цѣлый день становишься,» объяснялъ онъ. Подчасъ онъ исчезалъ вдругъ куда-то на два, на три дня и потомъ оказывалось, что онъ шлялся по окрестнымъ деревнямъ Петербурга: «Посмотрѣть захотѣлось, такъ ли здѣсь крестьяне живутъ, какъ у насъ въ орловской губерніи», говорилъ онъ. Бывали и такіе дни, когда онъ неподвижно по цѣлымъ днямъ лежалъ на своей постели, подложивъ подъ голову руки: «Все вотъ лежу, пусть университетскіе годы проходятъ», отвѣчалъ онъ на вопросъ, зачѣмъ онъ лежитъ безъ дѣла.

Горячая рѣчь Палицына, вызванная вопросомъ о статьѣ Бѣлинскаго завязала споры. Горячѣе всѣхъ спорилъ Тишка, доказывая, что малое значеніе литературы зависитъ не отъ ея внутренней ничтожности, а отъ недостатка образованія въ обществѣ, недостатка, зависящаго не отъ литературы. Не вмѣшивался въ споры только Шепелевъ. Этотъ лимфатическій и золотушный простякъ обыкновенно дремалъ во время нашихъ споровъ и оживлялся только тогда, когда рѣчь заводилась о математикѣ. Математика была его конькомъ, его любимицей, за которую онъ претерпѣлъ даже гоненіе отъ своихъ родителей, скупыхъ, грубыхъ и сухихъ людей, мечтавшихъ только о томъ, чтобы ихъ сынъ получилъ выгодное мѣсто. Глубоко несчастный въ семьѣ, забитый съ дѣтства, толстый на видъ, но больной по натурѣ, Шепелевъ старался казаться положительнымъ, сильнымъ и рѣзкимъ, но въ сущности онъ былъ и мечтателемъ, и слабымъ, и крайне несамостоятельнымъ человѣкомъ. Онъ говорилъ басомъ, ходилъ твердыми шагами, возражалъ лаконическими рѣшающими фразами, что не мѣшало ему подпадать подъ вліяніе каждаго человѣка, если этотъ человѣкъ рѣшался приласкать его. Ласка и доброта, невѣдомыя ему въ семьѣ, подкупали его вполне, дѣлали его рабомъ. Я и Леевъ имѣли на него огромное вліяніе и я надѣялся, что изъ него выйдетъ добрѣйшій и милѣйшій учитель математики.

Вотъ весь нашъ кружокъ, если не считать тѣхъ товарищей,

которые хотя и появлялись иногда въ нашемъ кружкѣ, но не имѣли съ нимъ той крѣпкой связи, которая соединяла насъ, какъ старыхъ товарищей по гимназiи. Я не сказалъ ничего о Макаровѣ, но онъ еще выступить на сцену...

Кромѣ этого кружка было у меня еще множество другихъ знакомствъ, начиная со старыхъ прiателей дяди, Фридриховъ, Тюпинныхъ, и кончая моими новыми знакомыми, изъ которыхъ особенно дорогъ мнѣ былъ одинъ офицеръ Левинъ. Этотъ человекъ былъ преподавателемъ въ одномъ изъ корпусовъ и собиралъ около себя кружокъ молодежи и передовыхъ людей, выступавшихъ на литературное поприще. Я съ нимъ познакомился у генерала Гейга. Онъ давалъ мнѣ для прочтенiя иностранныя книги, сочиненiя Фурье, Сень-Симона и тому подобныхъ социалистическихъ писателей. Въ его домѣ я слышалъ рѣзкіе споры на счетъ недостатковъ тогдашняго строя нашей жизни и не менѣе рѣзкіе планы преобразования этого строя. Здѣсь встрѣчалось множество недовольныхъ обществомъ людей. Впрочемъ недовольныхъ въ то время было много вездѣ, одни отъ недовольства, дошедшаго до отчаянiя, бросались въ пьянство и кутежи или впадали въ апатiю; другіе отъ недовольства, еще заставлявшаго искать лучшаго исхода, тѣшились мечтами и надеждами, создавали планы лучшаго будущаго. Освобожденiе крестьянъ находило своихъ приверженцевъ въ кругу этой надѣющейся на лучшее молодежи. Жизнь, послѣ долгаго сна, начинала закипать съ новою силою, подталкивала къ крайней идеализаціи будущаго, къ излишней вѣрѣ въ свои силы и въ свои планы, къ торопливому осуществленiю юношескихъ надеждъ. Большая часть изъ этихъ надеждъ были крайне несостоятельны и не разсѣвались только благодаря необходимости таить ихъ, обмѣниваться ими шопотомъ, въ тѣсномъ кругу. Отсутствие гласности и невозможность выражать какія нибудь хотя отчасти рѣзкія мнѣнiя поддерживали тогда самыя нелѣпыя и неосуществимыя мечты, придавали этимъ мечтамъ прелесть запрещеннаго плода. Не опынѣть отъ этихъ тревожныхъ порывовъ къ лучшему, испытать всю одуряющую пустоту, скуку и безцѣльность прошлаго, было невозможно, особенно если человекъ было двадцать или двадцать пять лѣтъ. Не могъ не увлечься и я этими порывами, не могъ уже потому, что я пережилъ бубновскій гнетъ, влал-

ся въ дѣтствѣ быть защитникомъ угнетенныхъ, слышалъ пламенные рѣчи дяди и видѣлъ пустоту окружавшей меня жизни, среди Фридриховъ, Тюпиныхъ, Гейговъ и тому подобныхъ Богъ знаетъ для чего жившихъ людей. Въ моей головѣ въ это время созрѣвалъ планъ освобожденія моихъ крестьянъ, еще вполнѣ неосуществимый, вполнѣ неопредѣленный, но я давалъ себѣ слово, такъ или иначе, исполнить эту задачу. Во мнѣ даже пробудилась нѣкоторая гордость, когда я понялъ, какъ трудно будетъ мнѣ добиться исполненія своего завѣтнаго желанія.

III.

Макаровъ.

Посѣщая лекціи, бѣгая на уроки, поглощая всѣ литературныя новости, мы жили бодрою, молодою жизнью, какъ живетъ большая часть небогатыхъ студентовъ. Изъ всего нашего студенческаго кружка, только я могъ прожить безъ нужды, не зарабатывая денегъ. Но я рѣшился не брать своихъ денегъ у Бубнова, и по возможности, не зависѣть отъ дяди, по крайней мѣрѣ, относительно одежды и удовольствій. Мнѣ хотѣлось научиться работать, чтобы имѣть средства и силы исполнить въ будущемъ тѣ планы, которые начали уже смутно возникать въ моей головѣ. Проработавъ день, мы сходились вмѣстѣ по вечерамъ, отправлялись иногда въ театръ, порой проводили долгіе часы за чтеніемъ вслухъ или за оживленными спорами. Многое въ этихъ спорахъ было незрѣло, рѣшалось вкривь и вкосъ, но желаніе добиться истины звучало въ каждомъ рѣзкомъ словѣ, въ каждой горячей фразѣ. Не такую жизньъ жилъ только Макаровъ. Его положеніе въ нашемъ кружкѣ было довольно странное: его всѣ любили, къ нему всѣ ходили, но каждый какъ будто ожидалъ, что изъ него выйдетъ, что онъ предприметъ; всѣ какъ будто сознавали, что не можетъ же онъ прожить всю жизньъ такъ, какъ онъ жилъ покуда, гимназистомъ въ отставкѣ.

Болѣзненный отъ природы и раздражительный вслѣдствіе

болѣзненности; готовый растрогаться и сознаться въ своихъ ошибкахъ при первомъ тепломъ и искреннемъ упрекѣ или обличеніи; дѣлающій еще болѣе ошибокъ «на зло», упорно отставая свой ошибочный образъ дѣйствія даже во вредъ себѣ, если только на него нападали грубо и сухо; вѣчно ищущій любви и доходящій въ этихъ изысканіяхъ до женственной безнадёжности, до мучительной тоски; разочаровывающійся вслѣдствіе подозрительности, которая воспиталась въ немъ чуть не съ пеленокъ, таковъ былъ Макаровъ. Болѣзненность ему передавалась по наслѣдству родителями; ихъ же наслѣдственное имѣніе довело Макарова до недоувѣрчивости, такъ какъ онъ видѣлъ, что всѣ, кто вертѣлся около него въ жизни, любили его за «на водку», или за даванье въ долгъ денегъ, или за угощенье всѣмъ, чѣмъ можетъ угостить богатый человѣкъ. Съ дѣтства онъ не видалъ ни одной привязанности, которая не была бы слѣдствіемъ его щедрости. Вотъ почему онъ особенно сильно привязался ко мнѣ; я былъ совершенно независимъ и никогда не заискивалъ ни въ комъ, а тѣмъ болѣе въ немъ, такъ какъ онъ скорѣе могъ считать себя обязаннымъ мнѣ за свои прошлыя пребыванія у меня по праздникамъ, а не на оборотъ. Но счетовъ между нами не было и наша дружба имѣла чистый характеръ двухъ, ровно обеспеченныхъ и ровно свободныхъ людей. Только въ послѣднее время, послѣ выхода Макарова изъ гимназіи, онъ нѣсколько отдалился отъ меня, и я хотя видѣлся съ нимъ, но не зналъ въ сущности ни его плановъ на счетъ будущаго, ни подробностей его настоящаго образа жизни. Я видѣлъ его двѣ богато-убранныя комнаты, его роскошное платье, его красиво-переплетенныя книги, его наружное довольство, но того, что крылось подо всѣмъ этимъ, я не могъ разсмотрѣть. Несообщительность была однимъ изъ непобѣдимыхъ качествъ его характера; она развилась еще въ дѣтскіе годы, когда ему приходилось скрывать отъ чинной, сухой и холодной семьи каждую свою шалость, каждую свою ребяческую продѣлку. Но, смотря на лицо Макарова, я догадывался, что онъ переживаетъ что-то тяжелое: его лицо было худо, желто и смято. Поступивъ въ университетъ, я надѣялся оживить этого человѣка при помощи своихъ друзей, надѣялся подтолкнуть его къ дѣятельности при помощи книгъ и напихъ

толковъ о будущемъ. Это было въ тѣ годы, когда печатались такія вещи, какъ «Буддизмъ и диллтантизмъ въ наукѣ», «По поводу одной драмы», произведенія Гоголя, стихотворенія Кольцова, Лермонтова и т. п. Дѣйствительно, Макаровъ съ жадностію взялся за книги и прислушивался къ нашимъ спорамъ. Передовые люди того времени только-что начали свою проповѣдь, и эта проповѣдь главнымъ образомъ указывала человѣку на то, что онъ долженъ и для блага общества, и для своего личнаго счастья быть прежде всего гражданиномъ. «Лица нашей драмы, писалось въ одной статьѣ, отравили другъ другу жизнь, потому что они слишкомъ близко подошли другъ къ другу, и, занятыя единственно и исключительно своими личностями, они собственными руками разрыли пропасть, въ которую низверглись; страстность ихъ, не имѣя другого выхода, сожгла ихъ самихъ. Человѣкъ, строящій домъ свой на одномъ сердцѣ, строятъ его на огнедышащей горѣ. Люди, основывающіе все благо своей жизни, на семейной жизни, ставятъ домъ на песокъ. Быть можетъ, онъ простоятъ до ихъ смерти, но обезпеченія нѣтъ, и домъ эготъ, какъ дома на дачахъ, прекрасенъ только во время хорошей погоды». «Въ заглавіи романа Фредерика Бремеръ, писалось въ другой статьѣ, стоятъ не однѣ «радости» семейныя, но и «огорченія». А! такъ эта утопія имѣетъ и свои огорченія, даже въ романахъ! Прочтите романъ г-жи Бремеръ, и то ли еще увидите! Вы увидите, что для полнаго семейнаго счастья мало одной любви, но еще болѣе нужно эгоистическаго сосредоточенія въ маленькой и тѣсенной сферѣ домашняго быта,—нужна значительная доля умственной ограниченности, которая только одна даетъ человѣку силу заткнуть уши отъ всѣхъ другихъ обаятельныхъ словъ бытія и закрыть глаза на всѣ другія обаятельныя картины широко раскинувшейся безконечно разнообразной жизни... И какая разница въ этомъ отношеніи, на примѣръ, между семейственною Германіею нашего времени и общественнымъ древнимъ міромъ! Въ первой жизнь такъ узко, такъ душно опредѣляется для людей съ ихъ младенчества, семейный эгонзмъ полагается въ основу воспитанія; во второмъ человѣкъ родился для общества, воспитывался обществомъ, и потому дѣлался человѣкомъ, а не филистеромъ». Прибавьте къ этому воспоминанію о Чичиковыхъ, Плюшкиныхъ, Собакеви-

часть, Маниловыхъ и всѣхъ этихъ людей, желавшихъ какъ можно болѣе украсть у общества средствъ для постройки своего гнѣзда, и вы поймете, что въ молодомъ умѣ тогда должна была невольно сложиться мысль о необходимости приносить пользу тому обществу, среди котораго приходится жить. Но за что же приняться? Этотъ вопросъ уже давно смутно поднимался въ головѣ Макарова, навѣвался скукою, бездѣйствіемъ, тоскою, теперь же онъ неотразимо и ясно сталъ передъ юношею, какъ какой-то роковой призракъ, какъ *idée fixe*. Недоучившійся юноша бросался на все и вездѣ встрѣчалъ предметы, ясно говорившіе о недостаточности его образованія. Читалась ли историческая статья, слышались ли выходки Палицына противъ юриспруденціи, говорилъ ли Шепелевъ о высшей математикѣ, шумѣлъ ли Леевъ въ философскихъ спорахъ, вездѣ и всегда Макарову или приходилось умолкать, или, что было еще хуже, претерпѣвать пораженіе на всѣхъ пунктахъ. Иногда онъ былъ видимо правъ, но его забрасывали беззащитчиво авторитетными именами, можетъ быть, перевранными цитатами изъ книгъ и онъ не могъ указать, что и эти имена, и эти цитаты приводились невѣрно. Помню я, какъ однажды Макаровъ просіялъ и въ то же время принялъ какой-то таинственный видъ. Втеченіе цѣлой недѣли не могъ я добиться, что у него за тайна. Наконецъ онъ не выдержалъ и открылъ мнѣ, что онъ написалъ повѣсть.

— Форма-то ея плоха, говорилъ онъ. — Только это ничего. Мнѣ важно, что я въ ней новую теорію выдумалъ.

Онъ торопливо началъ мнѣ передавать эту «новую теорію».

— А, это идеи Фурье, замѣтилъ я.

— Какого Фурье? спросилъ онъ, никогда не встрѣчавши этого имени ни въ гимназическихъ учебникахъ исторіи, ни въ другихъ книгахъ.

Я началъ ему рассказывать все, что зналъ объ идеяхъ Фурье.

— Да не можетъ быть! топнулъ онъ ногою.—Вѣдь не могъ же я украсть у него эти мысли, когда я и имени-то его не слышалъ.

— Да кто же тебѣ говоритъ, что ты укралъ что нибудь у него, замѣтилъ я съ сожалѣніемъ, видя его печаль.—Это часто

такъ бываетъ, что на различныхъ концахъ міра создаются однѣ и тѣже теоріи.

Я передалъ Макарову свои свѣденія о Бабеѣ, о Томасѣ Морусѣ, о Сенъ-Симонѣ. Онъ ходилъ въ волненіи и былъ какъ-то особенно жалокъ и желтъ.

— Знаешь ли ты, иногда я голову себѣ расколотилъ бы объ стѣну, заговорилъ онъ глухо. — Ну на что я живу? Кому я нуженъ? Почему ко мнѣ всѣ ходятъ? Потому что у меня деньги есть, въ долгъ я даю, кормить могу всѣхъ... Сдѣлайся я завтра нищимъ, и всѣ плюнутъ на меня. Совѣта у меня спросить, объясненія потребовать по какому нибудь предмету нельзя—я неучъ. Въ практической жизни наставить другого на путь истины или самому взяться за практическую дѣятельность—тоже нѣтъ силъ, нѣтъ подготовки...

— Учись, работай, проговорилъ я задумчиво.

— Палки надо мной нѣтъ, вотъ что горе! злобно проговорилъ онъ. —То болѣнь, то лѣнь, то забудешь во время заняться, а тамъ гости, самъ идешь куда нибудь, а время уходитъ да уходитъ. Вы вѣдь почему работаете, работаете даже надъ не-любимой наукой? Не потому ли, что у васъ назначено и время для занятій и время для экзаменовъ? Вѣдь не прилежи́те же меня Палицынъ, Шепелевъ и Леевъ. Вѣдь они такіе же лежни по натурѣ...

— Ну я съ тобой не совѣмъ согласенъ, замѣтилъ я. —Есть люди, которые и безъ палки учатся, и такіе-то люди и хороши... Впрочемъ, дѣло въ томъ. Тебѣ нужно, чтобы кто нибудь контролировалъ твои занятія, —возьми учителей, подготовься въ университетъ.

Макаровъ сконфуженно закусилъ губу и молча продолжалъ ходить по комнатѣ. Ему было трудно что-то высказать.

— Знаешь ли что, началъ онъ черезъ нѣсколько минутъ. — У меня нѣтъ тайнъ отъ тебя... Я вотъ все тебѣ расскажу... Я, видишь ли ты, долгое время не могъ рѣшиться взять учителя... Стыдно было... Выросъ, на лѣсъ глядя, а ума нѣтъ... Дѣти, можетъ быть, гдѣ нибудь на сторонѣ есть, а отцу азбуку учить нужно... Ну, однако, скрѣпя сердце, нанялъ я учителя, не такъ чтобы очень молодого, а лѣтъ сорока... Что же ты думаешь?.. Приходитъ онъ ко мнѣ —«Вы, говоритъ, это одни

живете?—Одинъ, говорю.—«Развѣ родныхъ нѣтъ? продолжаетъ спрашивать.—Не имѣется, отвѣчаю.—И не служите? — Не служу, изъ процентовъ съ капитала живу.—А! Мило обзавелись. А вотъ я, батенька, радъ бы хоть подѣ старость этакъ обставиться... Начали урокъ, объясняетъ онъ тонкости французской грамматики, а самъ нѣтъ, нѣтъ, да и заговоритъ о театрѣ, о томъ, какъ онъ въ раекъ ходитъ, какъ тамъ французенки-магазинщицы бывають... Смѣшно рассказывалъ онъ, бывало забудемъ и хохочемъ. Потомъ опять о глаголахъ начинается талковать... Глядишь урокъ и прошелъ.—Что же вы не задали мнѣ урока къ будущему разу? спросилъ я.—Э, вы учитесь, сколько можете. Какъ же мнѣ вамъ задавать? отвѣтилъ онъ.—Да вы на меня, какъ на школьника, смотрите, говорю я.—Хе, хе, хе, а а думаю у самого ребятишки есть? подмигнулъ онъ съ чисто-французскою сальностью.—Ну это къ дѣлу не идетъ.—Вы не обижайтесь за шутки. Я вамъ задамъ урокъ, если хотите... Хорошо; задалъ. А у меня, какъ на зло, въ тѣ дни гости за гостями, ну и не могъ я приготовиться къ уроку. Приходитъ учитель, спрашиваетъ, я ви въ зубъ толкнуть.—Ну чтожь, къ будущему разу приготовитесь, замѣтилъ онъ. Проболтали мы съ нимъ, заплатилъ я ему деньги за болтовню и самъ чувствую, что вѣдь ни показывать же ему меня за лѣвь. Такъ пошли наши уроки, черезъ пень въ колоду валимъ, толку на грошъ нѣтъ... Плюнулъ наконецъ и отказалъ учителю. Пробовалъ и другихъ брать, еще хуже выходило... Палка, братецъ, палка по мнѣ плачетъ! Сперва, видишь ли, меня дубасили ею: повернулся — бѣда, недовернулся — бѣда, ногти начинаешь съ досады грызть, кричатъ: ne rongez pas vos ongles! А потомъ, трахъ! оборвались поводья, тѣмъ, кто били, рты землею заткнули, а тому, кого били, въ награду все ихъ достояніе передали. Ну ужъ тутъ не только-что ногти грызть было можно, а и ноги на столъ при всемъ обществѣ задирать позволялось... Крѣпостничество меня загло, крѣпостничество во всѣхъ его проявленіяхъ и въ семейномъ быту, и въ сношеніяхъ съ меньшею братьею.

Макаровъ въ волненіи провелъ рукою по волосамъ, точно желая освободить свою голову огъ какого-то лежащаго на ней гнета.

— Хорошо и общество-то наше! проговорилъ онъ съ ненавистью. — Дядя у меня есть генералъ, такой сякой. Де шестнадцать лѣтъ обязанъ я былъ у него ручки цѣловать, а на дняхъ прѣзжаетъ онъ ко мнѣ, доложили, я кричу: скажите ему, что я еще сплю! Слышитъ онъ это бестія, говоритъ дѣвушкѣ: «я подожду!» Ждетъ. Ахъ, ты этакій старый, я же тебя проморю, думаю я. Прошло съ часъ, надоѣло мнѣ лежать, бока даже ломить начало. Звоню. Пришла служанка. Просите, говорю изъ-за драпри, его превосходительство. Входитъ онъ. — Бонъ журъ, монъ неве, кричитъ мнѣ. — Бонъ журъ, монъ онкль, отвѣчаю я изъ-за драпри. Извините, я еще встаю. Боялся васъ задержать долго. — Ничего, ничего! — Вы позвольте мнѣ одѣться. — Э, братецъ, вѣдь я не барыня!.. Сбрасываю одѣяло, снимаю рубашку и остальные принадлежности. — Эхъ, чортъ возьми! ворчу въ полголоса. Не вынулъ бѣлья. — Что ты? надо чтонибудь? позвонить прислугу? спрашиваетъ дядя. — Нѣтъ, у меня вѣдь дѣвушка прислуживаетъ, а я раздѣтъ, откликаюсь я. — Такъ я тебѣ подамъ, что надо. — Будьте такъ добры... Гляжу, его превосходительство лѣзетъ ко мнѣ за драпри. — Э, братъ, да ты въ костюмѣ прародителя! хихикаетъ онъ и собственно своею дланью хлопаетъ меня по спинѣ. — Достаньте, монъ онкль, вотъ тутъ въ нижнемъ ящикѣ комода бѣлье... Досталъ, подаль. — Мерси, говорю. — А онъ на кровать присѣлъ, глядитъ, какъ я облачаюсь, тогда какъ какіе нибудь четыре года назадъ безъ галстука я не смѣлъ къ нему показаться, не подвергаясь опасности быть наказаннымъ... Чортъ, чортъ старый! векселямъ подошелъ срокъ. Нужно было, чтобы я ихъ отсрочилъ... А что ты думаешь, если бы я его заставилъ на колѣни встать передо собою, да за это посулилъ бы векселя-то въ печь бросить, — всталъ бы онъ или нѣтъ? Вѣдь всталъ бы, ей Богу, всталъ бы! Таковы плоды крѣпостничества!

Макаровъ раздражительно смялъ между пальцами сигару и швырнулъ ее въ сторону.

— Они еще толкуютъ о законахъ, о нравственности, о приличіяхъ общества! Деньги — вотъ законы, вотъ нравственность, вотъ приличія общества! Да ты знаешь ли, что я между развратными женщинами находилъ сверхъ ожиданія человѣчныя личности.

По его лицу пробѣжало какое-то мягкое и въ то же время грустное выраженіе.

— Я тебѣ никогда не рассказывалъ о своихъ похожденияхъ въ этомъ мірѣ. Тамъ у меня есть подруги и знакомыя. Ты вѣдь въ этомъ дѣлѣ школьникъ передо мною, такъ послушай.

Макаровъ началъ свой рассказъ.

Рассказъ Макарова.

— Ты помнишь, изъ гимназій я вышелъ, повздоривъ съ учителемъ и тотчасъ же захворалъ горячкой. Она должно быть уже начиналась наканунѣ. А, можетъ быть, потрясеніе подѣйствовало. Какъ бы то ни было, но первое время полной свободы провелъ я въ постели и когда я поднялся, то силы мои были порядочно надорваны, нервы разстроены. Съѣздивъ на воды и возвратившись сюда, я былъ одинокъ. Ни друзей, ни знакомыхъ, ни родныхъ близкихъ у меня не было. Братъ стоялъ съ полкомъ въ провинціи. Дяди и ихъ кружокъ были мнѣ противны. Ты былъ въ гимназій, куда я не хотѣлъ и носу показывать. Тоска стала меня одолевать страшная. Шлялся я по театрамъ, по трактирамъ и тутъ свелъ два, три шапочныя знакомства. Однажды мнѣ предложили ѣхать въ танцклассъ. Поѣхалъ я. Пляшутъ тамъ нарумяненные женщины, юнкера салыныя штуки выкидываютъ, по уголкамъ въ отдаленныхъ комнатахъ парочки сидятъ, все грязно, пошло и скверно, а, главное, пьяно. Я не выдерживаю грязи, въ этомъ я остался аристократомъ—у насъ вѣдь Палашекъ разныхъ во время обѣда драли, если гдѣ находили грязь—потому я сказалъ одному изъ своихъ знакомыхъ, что мнѣ гадокъ этотъ облагороженный названіемъ кабакъ, и что я уѣду. Онъ въ эту минуту стоялъ съ какой-то дѣвушкой у буфета.—Ахъ, какъ вы обижаете наше общество, неугодно кокетничая, замѣтила она. Она совсѣмъ еще молодая дѣвчурка была.—Да онъ еще не посвященный! засмѣялся юнкеръ.—Такъ съ васъ литки надо! захихикала она.—Чего съ меня надо? спросилъ я.—Шампанскаго, отвѣтилъ юнкеръ. Я велѣлъ дать шампанскаго. Подали. Они налили три бокала и принудили меня выпить. Я слабъ и хмѣлѣю скоро; за однимъ бокаломъ по-

слѣдовалъ другой, третій. Я былъ уже пьянъ и все жаловался моею новою знакомой, какъ мнѣ тяжело, какъ мнѣ больно, что вотъ я въ этотъ омутъ втянулся, — всплакнулъ даже и объ матери вспомнилъ. Глаза-то у пьяныхъ на мокрому мѣстѣ. Потомъ, должно быть съ горя, я пустился въ плясъ. Жара и духота въ залахъ, вино, гнилая атмосфера, насыщенная нечистыми испареніями, запахомъ грязныхъ одеждъ, вонь отъ масла, все это подѣйствовало на меня страшно; я упалъ посреди залы безъ чувствъ. Надо мной стали смѣяться танцоры и, конечно, мой знакомый юнкеръ былъ одинъ изъ первыхъ, такъ какъ ему должно было быть смѣшнѣе прочихъ видѣть, какъ это мальчикъ не можетъ развратиться сразу, не упавъ въ обморокъ въ ихъ труппѣ. Но женщина, бывшая съ нимъ, вырвалась отъ него и подбѣжала ко мнѣ. — Онъ вѣдь первый разъ здѣсь! жалобно проговорила она нѣсколькимъ изъ своихъ знакомыхъ и попросила ихъ принести воды. Кто-то изъ этихъ падшихъ женщинъ убѣждалъ за водою, другія подняли меня и унесли въ другую комнату. — Бѣдненькій, онъ еще совѣмъ мальчикъ! проговорила моя покровительница, разстегивая мой жилетъ и вспрыскивая меня водою. Ей помогала вспрыскивать меня еще другая молоденькая дѣвушка, намочившая мнѣ волосы и въ забытьи гладившая ихъ, какъ можетъ гладить волосы падшаго брата только чистая душою молодая сестра. — Гдѣ онъ живетъ? спрашивали онѣ другъ у друга и не могли узнать моего адреса. Мой знакомый юнкеръ давно уже исчезъ. Я пришелъ немного въ себя, но отвѣчать связно не могъ. — Дома поди-ка достанется, замѣтила со смѣхомъ одна изъ женщинъ. — Я его къ себѣ свезу, проговорила моя молоденькая покровительница и при помощи подругъ вывела меня изъ комнаты и увезла съ собой. Она жила одна со служанкой. Не зная, кто я, не зная, буду ли я живъ, не захвораю ли я къ утру, она смѣло ввела меня въ свой домъ и просидѣла надо мной всю ночь. Когда я очнулся совершенно и открылъ по утру глаза, я увидалъ себя въ незнакомой, небогатой комнатѣ, около моего изголовья дремала, облокотясь на ручку кресла и опустивъ на ладонь головку, блѣдная, худенькая дѣвушка. Съ ея полудѣтскаго лица сошли румяна; оно было грустно и утомлено; казалось, она уснула среди тяжелыхъ думъ. Я не шевелился и боялся разбудить ее.

Я впервые видѣлъ спящую дѣвушку и, признаюсь, если бы меня привели къ ней въ эту минуту и спросили, кто она, то я сказалъ бы, что это чистое, доброе дитя. А она жила по желтому билету, каждый день была полупьяна и мѣняла любовниковъ не тридцать разъ въ мѣсяць, а можетъ быть и болѣе. Наконецъ она проснулась и, улыбувшись, сказала:

— Ну слава Богу и вы очнулись!

Я сталъ благодарить ее. Я не зналъ, что мнѣ дѣлать

— Я васъ напою чаемъ, сказала она и пошла къ своей служанкѣ. Тамъ начались какіе-то переговоры. Дѣвушка воротилась ко мнѣ немного раскраснѣвшаяся и разстроенная. Послѣ я узналъ, что кухарка просила у нея на чай денегъ, но у нея ихъ не было. Въ лавкѣ же имъ давно не вѣрили. Она упросила кухарку, чтобы та сдѣлала покупку на свои деньги.

— А какъ мнѣ васъ жалко было, такъ жалко, точно брата родного, сказала она.—Я сама, какъ первый разъ тамъ была, упала. А теперь вотъ ничего, привыкла. Тамъ только воздухъ такой, что сразу ошибеть тебя, а потомъ весело станеть. Вотъ юнкаря любятъ ѣздить туда.

— Неужели и вамъ тамъ весело? спросилъ я.

— Ничего, весело. Тамъ это, видѣли, какія комнаты, бархатная небель. Ну и тоже благородные люди тамъ бываютъ. Шампанское подаютъ, дисертъ...

Я обвелъ глазами комнату моей новой знакомой и удивился той бѣдности, которая сквозила изъ-за вишняго лоска. Все было старо—занавѣски, обивка стульевъ, но все это было подкрахмалено, подштопано.

— Много вы добываете? спросилъ я.

— Гдѣ ужъ много! День на день не придется, иногда и ничего не достанешь. Вотъ теперь долговъ заплатить не могу...

— Вы бы работали.

Она засмѣялась.

— А вы бы сыскали работу?

— Что жъ; можетъ быть, и сыщу. Вотъ мнѣ бѣлье нужно шить...

— Э, что вы говорите! Ну сошью вамъ бѣлье, а послѣ что? Жди опять, когда кто дастъ. Знаю я эту работу. Давальцевъ на сторонѣ не много найдешь, а въ магазины не стоитъ шить.

Вы вотъ знаете ли, какъ намъ за бѣлье-то платять въ магазинахъ? Они намъ половинную цѣну даютъ, да еще и то не всегда есть работа, не всегда за нее деньги отдають. Ну а станешь въ магазинны шить, такъ чуть не поддашься хозяину или тамъ кому нибудь изъ ихнихъ, ну и начнутъ пилить. Такъ это вотъ и горбъ гни, и голодомъ сиди, и никакого удовольствія не имѣй, а тутъ, по крайности, я и свободное время имѣю и веселюсь, все-таки если у меня эта теперь бѣдность здѣсь, такъ я вечеромъ тамъ вонъ, какъ барыня, на бархатѣ сижу...

— Да вѣдь васъ за долги могутъ посадить въ тюрьму.

— Такъ я и далась!... Меня въ публичный домъ примутъ. Меня и теперь зовутъ туда, да я еще сама туда не иду.

— Да тамъ еще сквернѣе, ужаснулся я.

— Отчего это? Тамъ обчество... Правда, нашу сестру прижимають эти самыя содержательницы, особливо, если, вотъ какъ я, придешь туда съ долгомъ... Ну да вѣдь ужъ все равно, сколько бы тамъ на тебя ни насчитали—мало ли, много ли,—а выйдти оттуда, не выйдешь.

— Да вѣдь тамъ и женщины скверныя живутъ...

— Чѣмъ скверныя? Вы нѣшто жили съ ими? Нѣтъ, вотъ отъ насъ ушла одна изъ магазина туда, изъ благородныхъ. Только бѣдная она была, а обучена всему была,—такъ ее тамъ это долго ни до чего не допускали: ты, говорятъ, только играй намъ на музыкѣ, а не гуляй, можетъ быть, тебѣ судьба какая выпадеть... И даже это содержательницу упростили, чтобъ она ее за эту за самую игру на фортепьянахъ держала.

— Ну и что же?

— Ничего, жила такъ-то съ мѣсяць. Потомъ это сталъ туда часто одинъ офицеръ ходить, все подлѣ нея сиживалъ, уговаривалъ ее. Ну она слушала, слушала и говорить разъ: «нѣтъ ужъ Богъ съ нею, съ моею судьбою, можетъ мнѣ никогда ея и не видать, а по крайности поживу я хоть разъ, какъ мнѣ хочется, потѣшу свою молодость...» Такъ она съ этимъ офицеромъ и гуляла...

— Ну, а послѣ...

— Въ больницѣ умерла...

Мы оба замолчали, хозяйка хлопотала около чаю.

— А вы, я думаю, боялись, что я умру здѣсь?...

— Ахъ, ужь какъ мнѣ жалко васъ было!

— Да и полиціи, я думаю, боялись, что придерется...

— Вотъ-то вы мнѣ что сказали! всплеснула отъ ужаса рукава хозяйка и даже поблѣднѣла.—А я-то, дура, и не подумала съ горяча-то. Вотъ бы угодила себѣ, нечего сказать. Экое дѣло заварила бы!

Она совсѣмъ растерялась и подозрительно взглянула на меня, хотя уже бояться было нечего.

Я просидѣлъ у нея почти три часа и ушелъ, обѣщаясь зайти завтра утромъ.

— Не ѣздите сегодня никуда, сказалъ я.

— Хорошо вамъ говорить, а я этакъ и съ голоду помру.

— Я дамъ вамъ денегъ.

— За что это? Нѣшто я васъ для денегъ везла сюда. Вы еще мальчикъ, такъ мнѣ жаль васъ было.

Я настоялъ на томъ, чтобы она взяла деньги. Она объявила, что она беретъ это въ долгъ...

Съ этого дня я все чаще и чаще бывалъ у нея. Я упростилъ ее не ѣздить на балы, не принимать никого изъ мужчинъ. Она не хотѣла брать у меня деньги даромъ и потому я нашилъ себѣ въ это время столько бѣлья, что мнѣ его еще долго не износить. Я смотрѣлъ на нее, какъ на сестру. Смотрѣть на нее иначе я не могъ. Я еще былъ слѣшкомъ чистый шестнадцатилѣтній мальчикъ и въ сущности еще боялся женщинъ и стыдился интимныхъ отношеній съ ними. Въ пансіонской жизни я отвыкъ отъ женскаго общества и потому Мама мнѣ казалась скорѣе товарищемъ, чѣмъ любовницей. Такъ прошли три мѣсяца. Мы не скучали, повидимому, иногда я рассказывалъ ей свою исторію, она передавала мнѣ свое прошлое, нерѣдко ѣздили въ театръ. Я не замѣчалъ, что она худѣла; я не хотѣлъ понять, почему она иногда говорила мнѣ:

— А вѣдь вы меня не любите!

Неопытный вчерашній пансіонеръ, я былъ еще увѣренъ, что можетъ существовать платоническая любовь. Тѣбу ты гадость какая! Какой чепухи не вобьетъ въ голову пансіонская жизнь! Черезъ полгода съ ней познакомился мой братъ. Онъ пріѣхалъ въ Петербургъ въ отпускъ.

Макаровъ всталъ и прошелся по комнатѣ. Его лицо покорибилось. Онъ кусалъ губы. Черезъ минуту онъ продолжалъ рѣзкимъ тономъ и скороговоркой, какъ бы желая досказать все поскорѣй:

— Ну вотъ познакомился. Сталъ тоже ходить къ ней, иногда безъ меня. Я сталъ замѣчать въ ней перемѣну. Она дѣлалась раздражительною, волновалась. Иногда плакала о чемъ-то. Одинъ разъ я ее спросилъ, о чемъ она плачетъ:

— Не ходите вы ко мнѣ больше, сказала она. — Такъ съ вами жить, какъ сестра съ братомъ, я не могу, а иначе не хочу. Вы такой молоденькій. Губить васъ я не могу. Я васъ очень, очень люблю, Григорій Ивановичъ, а потому ужь вы не ходите ко мнѣ. Я вотъ намеренъ и вашу мамашу покойную видѣла. Сердитая она такая пришла ко мнѣ и грозитъ мнѣ пальцемъ. Я это лежу и чувствую, что не сплю, а ее вижу... Это она за васъ мнѣ грозила. Мнѣ и на томъ свѣтѣ худо будетъ. Я тоже хоть и развратная была, а Бога помню.

Я былъ ошеломленъ этою рѣчью. Я началъ уговаривать Машу, чтобы она успокоилась, что это все пройдетъ, что мы станемъ жить по прежнему.

— Нѣтъ ужь даромъ я отъ васъ денегъ не стану больше брать и любить васъ не буду, я ужь теперь опять въ танцклассъ ѣздилъ...

Я былъ совсѣмъ дитя, я расплакался...

Съ тѣхъ поръ я долго не встрѣчался съ нею. Она кутила съ моимъ братомъ, потомъ опять со всѣми, потому что ему она надоѣла. Послѣ я встрѣчалъ ее, но уже и я, и она встрѣчались хладнокровно; она всегда благодарила меня, но я не благодарилъ ее, потому что, со дня нашей разлуки, я сталъ не выше ея въ отношеніи разврата, хотя, правда, мужчины вѣдь не развратничаютъ, публичнымъ мужчиной не называютъ того, кто мѣняетъ любовницъ. Только женщинъ называютъ публичными, если онѣ продаютъ любовь. Это тоже одинъ изъ законовъ общества: платишь—тебя уважаютъ, получаешь плату—тебя презираютъ, точно не все равно, покупаетъ или продаетъ челоуѣкъ тѣло и душу своего собрата или свою собственную. Да что я говорю! развѣ не гнуснѣе тотъ, кто покупаетъ изъ прихоти, чѣмъ тотъ, кто продаетъ ради нужды?

Въ эту минуту въ комнату появились наши друзья.

— Ну, господа, опять философствуете: бытіе есть не бытіе, что дѣйствительно, то разумно и что разумно, то дѣйствительно! съ хохотомъ проговорилъ Тишка, входя въ комнату въ нахлобученной на уши шапченкѣ, въ холодной шинелишкѣ и въ теплыхъ огромныхъ рукавицахъ.—Вотъ я выспался, а теперь Макаровъ вѣрно кофе велитъ подать и напоитъ жаждущаго во спасеніе своей души.

— Ты вѣдь вѣчно или алчешь, или жаждешь, усмѣхнулся Макаровъ не совсѣмъ пріятной улыбкой, приказавъ подавать кофе. Онъ былъ недоволенъ, что гости пришли не во время.

— Вотъ ужъ это, братъ, дѣйствительно, хотя и не разумно, отвѣчалъ, смѣясь, Тишка.—Чортъ возьми, ну что можетъ быть дѣйствительнѣе голода и что между тѣмъ въ немъ разумнаго? Эта мысль клиномъ засѣла въ мою голову, спать не даетъ. И не голодалъ что ли Гегель, что ему она не пришла въ голову... Э, да у тебя сигарки новыя. Фью!

Тишка подошелъ къ сигарамъ и съ дѣтскимъ наслажденіемъ разсматривалъ ихъ.

— Ну, не для тебя, лаконически и сухо отвѣтилъ Макаровъ.

Тишка съ невыразимымъ комизмомъ почесалъ въ головѣ. Я засмѣялся.

— А онъ еще коммунизмъ проповѣдывать хочетъ, замѣтилъ я Тишкѣ,—а сигары для себя одного держитъ.

— Ну, ужъ, братецъ, это намъ прилично коммунизмомъ заниматься, а ему нечего, отвѣтилъ Леевъ. — Извѣстно, всѣ эти господчки не только чѣмъ другимъ не облагодѣтельствуютъ человѣчества, а и сигарки ему не предложить.

— Ты въ этомъ увѣренъ? съ замѣтнымъ раздраженіемъ произнесъ Макаровъ.

— Еще бы! засмѣялся Тишка, не замѣчая этого раздраженія.

— Ну такъ я и не стану опровергать твоего убѣжденія фактами, насмѣшливо произнесъ Макаровъ.

Мы усѣлись пить кофе. Хозяинъ предложилъ каждому изъ насъ по сигарѣ, но обошелъ Тишку. Тишка сидѣлъ, какъ провинившійся школьникъ. Макаровъ насмѣшливо подмигнулъ обществу, указывая глазами на Леева.

— А славныя сигары! началъ Макаровъ потягивать душис-

тый дымъ сигары.—Ты не хочешь ли тоже покурить, Тишка? обратился онъ къ Лееву.

— Ну, ну, давай, полно ломаться, оживился Тишка.

— А, такъ ты думаешь, что я ломаюсь? Ну такъ и сиди безъ сигары! снова капризно произнесъ хозяинъ.

Тишка сидѣлъ, какъ въ воду опущенный. Миѣ начинала дѣлаться противна эта сцена. Я понималъ, что передо мной находятся два взрослые ребенка, раскапризничавшіеся изъ-за пустяковъ, но въ тоже время я сознавалъ, что имъ пора и выйти изъ дѣтскаго возраста и перестать такъ неумно капризничать. Послѣ кофе разговоръ какъ-то не клеился. Макаровъ уже не просто капризничалъ, а видимо злился, ему было досадно отчасти на себя за свою глупую выходку барченка, отчасти на Тишку, непожелавшаго разыграть какуюнибудь шутовскую роль для полученія подачки отъ раздраженнаго барченка. Присидѣвъ съ часъ, я поднялся съ мѣста, миѣ просто было гадко глядѣть на эти два надутыя лица. За мною подвались и другіе гости. Это немного удивило Макарова, такъ какъ мы обыкновенно собирались къ нему на весь вечеръ. Выходя отъ него, мы ни слова не сказали о глупой исторіи, но не говорили и ни о чемъ другомъ. Было очевидно, что эта глупая исторія, такъ или иначе, задѣла каждаго за живое. Возвратившись домой, я невольно задумался объ этомъ, повидному, пустомъ случаѣ. Я сознавалъ, что онъ далеко не такъ ничтоженъ, какъ кажется. Уже втеченіе довольно долгаго времени я замѣчалъ подобныя мелочныя выходки Макарова. Онъ дѣлался съ каждымъ днемъ все раздражительнѣе и начиналъ все грубѣе и грубѣе обходиться съ моими друзьями. Въ каждомъ его мелочномъ спорѣ, въ каждомъ его поступкѣ проглядывало какое-то пренебреженіе къ товарищамъ, какое-то желаніе подчинить ихъ безусловно себѣ, какое-то стремленіе пустить имъ пыль въ глаза. Трудно было сказать, гдѣ будетъ конецъ его дерзостиамъ. Не лучше было и отношеніе товарищей къ нему. Они знали, что онъ человѣкъ больной, что онъ проводитъ половину года въ постѣли, что онъ раздражается отъ каждой мелочи, что онъ, несмотря на всѣ свои усилія, не можетъ освободиться отъ барскихъ замашекъ, и спускали ему многое. Но сегодня спускалась шутка, завтра двусмысленный намекъ, послѣ завтра гру-

бость, а тамъ приходилось спускаться и такія вещи, за которыя съ людьми прерываютъ знакомство. Эти отношенія были гибельны для характеровъ обѣихъ сторонъ: они не только не отучали Макарова отъ его замашекъ, но, напротивъ того, способствовали развитію въ немъ его капризовъ; остальныхъ товарищей и въ особенности ребенка Тишку, они незамѣтно приучали къ холопству, къ потаканью чужимъ слабостямъ. Я рѣшился прекратить эти дикія отношенія близкихъ мнѣ людей другъ къ другу и напомнить, что имъ пора начать посерьезнѣе смотрѣть на жизнь. Чтобы успокоивѣе объясниться съ Макаровымъ, я не заходилъ къ нему нѣсколько дней. Но прежде, чѣмъ я успѣлъ обдумать свое объясненіе съ нимъ, случай натолкнулъ меня на него. Я встрѣтился съ Макаровымъ у воротъ того дома, гдѣ онъ жилъ.

— Что ты нынче мимо воротъ проходишь? остановилъ онъ меня взволнованнымъ голосомъ.

— Да вѣдь я и часто мимо тебя прохожу. Не всегда же есть свободное время для посѣщеній, отвѣтилъ я.

— Это что-то странно! замѣтилъ онъ.—Прежде было время, а теперъ нѣтъ. Никто изъ васъ глазъ не показывалъ пять дней.

— Вѣрно заняты были, отвѣтилъ я.—А развѣ ты не заходилъ къ нашимъ?

— Что же я стану пороги обивать, коли ко мнѣ не идутъ, раздражительно промолвилъ Макаровъ.

— Ты, кажется, визитами начинаешь считаться?

— Зайдемъ ко мнѣ, на улицѣ не приходится объясняться, сказалъ онъ вмѣсто отвѣта.

Я неохотно согласился на это, чувствуя, что подобное начало объясненія не обѣщало хорошаго конца. Макаровъ былъ, кажется, не совсѣмъ здоровъ и потому раздражался болѣе обыкновеннаго. Мы вошли въ его квартиру.

— Вы, кажется, всѣ обозлились за что-то на меня въ послѣднее свиданіе, началъ онъ, закуривая сигару.

— Не обозлились, но удивились твоему обращенію съ Леевымъ, отвѣтилъ я.—Ты отнесся къ нему, какъ къ какому-то холопу.

— Ну да, выпилъ Макаровъ.—Онъ самъ лизоблудничаетъ, ходитъ ко мнѣ ради кофе и сигаръ, такъ я и обращаюсь съ нимъ, какъ съ холопомъ.

— Во-первыхъ, онъ не ради кофе и сигаръ ходитъ къ тебѣ, замѣтилъ я,—а во вторыхъ, ты самъ же говоришь, что гадки не тѣ, которые продаютъ себя, а тѣ, которые покупаютъ другихъ.

Макаровъ вспыхнулъ.

— И тѣ и другіе гадки, проговорилъ онъ.—Я ненавижу и тѣхъ и другихъ и если я не могу отдѣлаться отъ покупателя людской привязанности, то есть отъ себя, то я желалъ бы, по крайней мѣрѣ, отдѣлаться отъ тѣхъ, которые продаютъ мнѣ эту привязанность.

— А, если ты такъ смотришь на нашъ кружокъ, то, конечно, очень жаль, что мои друзья не знаютъ этого, проговорилъ я холоднымъ тономъ.—Ты долженъ бы былъ сказать это прямо. Это было бы честнѣе.

Макаровъ поблѣднѣлъ, услышавъ въ моемъ голосѣ холодныя ноты. Я взялся за фуражку.

— Куда ты?

— Домой.

— Ты, кажется, разсердился?

— Развѣ можно сердиться за различіе во вкусахъ? отвѣтилъ я.—Тебѣ не нравятся мои друзья, а мнѣ они нравятся. Тебѣ они не нужны, а мнѣ нужны. Я тебѣ очень благодаренъ, что ты разъяснилъ мнѣ дѣло. Я не люблю ложныхъ положеній.

— Ты понимаешь, что на тебя я никогда не смотрѣлъ такъ, какъ на нихъ...

— Ты и не могъ смотрѣть на меня такъ, какъ смотришь на нихъ. Я самъ имѣю столько же средствъ, сколько и ты, я даже имѣю больше, чѣмъ ты, такъ какъ у меня есть рабочія руки. Но я никогда не отдѣляю дѣла моихъ друзей отъ своего дѣла, и если кто отдѣляется отъ нихъ, тотъ отдѣляется и отъ меня.

— Что же это—ссора? почти плача спросилъ Макаровъ.

— Какая же тутъ ссора? Просто разошлись во взглядахъ и стремленіяхъ, ну такъ не для чего и мѣшать другъ другу.

Я пожалъ ему руку и ушелъ, не пускаясь въ дальнѣйшія разсужденія.

IV.

Юношескіе планы.

Впервые, втеченіе двухъ лѣтъ студенческой жизни, мнѣ приходилось взглянуть серьезно на нашу дружескую связь. До сихъ поръ мы жили мирно, работали, обмѣнивались взглядами, спорили, вырабатывали свои убѣжденія, веселились, занимали другъ у друга деньги, помогали одинъ другому и, повидимому, были убѣждены, что наше счастливое положеніе основано на прочныхъ началахъ. Но теперь я увидѣлъ, что въ нашихъ отношеніяхъ есть одна существенная ошибка: я и Макаровъ были богаты, остальная братія почти не имѣла ничего и перебивалась трудомъ. Кто знаетъ студенческій бытъ, тотъ пойметъ, что возможность постоянно имѣть работу, что расчетливое распоряженіе своими малыми средствами, умѣнье прожить безъ временныхъ займовъ, средства для экстренныхъ расходовъ на покупку какого нибудь скюртука или брюкъ, все это недоступно бѣднякамъ изъ студентовъ. Не были эти блага доступны и мнимъ друзьямъ; во время безработицы, во время шитья одежды, во время случайныхъ кризисовъ имъ приходилось дѣлать займы въ размѣрахъ 10 или 25 рублей. Эти займы дѣлались или у ростовщиковъ, если у занимающаго еще были часы, или у меня и у Макарова, если и часы были заложены. Я никогда не задумывался объ этихъ займахъ и открывалъ кошелекъ по востребованію друзей. Но теперь я невольно обратилъ на нихъ свое вниманіе. Я понялъ, что занимающимъ было не легко брать у насъ деньги, что они не всегда могли рассчитывать на нашъ карманъ, что, можетъ быть, имъ невольно приходилось краснѣть, когда я и Макаровъ неумышленно жаловались на безденежье при нихъ, еще неотдавшихъ намъ долга, что, наконецъ, они противъ своей воли стояли въ зависимости отъ насъ, и мы могли бы, если бы захотѣли, злоупотреблять своимъ выгоднымъ положеніемъ. Одолженія не ведутъ къ ложнымъ отношеніямъ только тогда, когда они взаимны. Самый независимый по характеру человѣкъ, занимая постоянно у друга деньги, можетъ, пожалуй, и не сдѣлаться холопомъ этого друга,

но во всякомъ случаѣ будетъ чувствовать, что онъ фактически зависить отъ прихоти этого друга. Нужно было найти средство для уничтоженія хотя отчасти этой зависимости бѣдныхъ членовъ нашего кружка отъ болѣе богатыхъ. Я, хотя и смутно, начиналъ видѣть это средство, но кромѣ этого вопроса въ моей головѣ зашевелилась мысль о томъ, что, связанные университетомъ, связанные чисто внѣшнимъ образомъ, мы можемъ разойтись, какъ только выйдемъ изъ университета, что даже и раньше между нами могутъ возникнуть такія же недоразумѣнія, какія возникли между нами и Макаровымъ, и мы разойдемся. Я понялъ, что нужно начать какое нибудь прочное, долговѣчное дѣло, которое связало бы насъ въ нашихъ интересахъ, которое заставило бы насъ держаться другъ за друга для успѣшнаго развитія этого дѣла, полезнаго вообще, и для насъ въ частности. Со всею юношескою пылкостью, я составилъ планы нашей дѣятельности, и какъ бы ни были они ошибочны и незрѣлы, но, и теперь вспоминая о нихъ, я не краснѣю за свое увлеченіе, хотя конечно и не горжусь имъ, какъ открытіемъ какой-то новой Америки. Нѣтъ. Мои планы были плодомъ того времени, когда каждый мало-мальски развитый юноша, толкавшійся подобно мнѣ въ различныхъ слояхъ общества, читавшій вызывающія къ общественной дѣятельности статьи, видѣвшій, что главное несчастіе общества заключается въ разъединеніи общихъ интересовъ и въ стремленіи свести ихъ на частные интересы семьи, старался найти какое нибудь такое дѣло, которое связало бы его съ обществомъ и общество съ нимъ самимъ.

Для черезъ два, обдумавъ свои планы, я собирался провести вечеръ у Тишки, гдѣ надѣялся застать и Шепелева, и Палицына. Я не ошибся. Они были дома, но куда-то собрались.

— Куда вы? спросилъ я.

— Къ Макарову собираемся, давно онъ что-то не былъ у насъ, отвѣтилъ Палицынъ.

— Ну, не стоитъ тащиться, просидимъ и безъ него, замѣтилъ я.

— Что ты поссорился съ нимъ, что-ли? спросилъ Палицынъ.

— Нѣтъ. Но право, господа, мы ходимъ къ нему слишкомъ часто и, можетъ быть, надобѣаемъ ему. Иногда мнѣ кажется, что мы лизоблюдничаемъ...

— Ну вотъ выдумалъ! замѣтилъ добродушный Палицынъ.— Неужели онъ можетъ думать, что мы къ нему ради угощенія ходимъ?

— А я, ей Богу, и ради угощенія, и ради его самого хожу къ нему, захохоталъ Тишка.

— Полно балаганить! невольюно разсердился я, хотя и понималъ, что Тишка шутить. — Пора перестать ребячиться! Вѣдь ты не пошелъ бы за угощеньемъ къ своимъ чиновнымъ роднымъ?

— Ну, что я у нихъ забылъ, стану я къ нимъ шляться! отвѣтилъ Тишка.

— Ну, а у Макарова, ты считаешь возможнымъ угощаться и выпрашивать сигары, думаешь, что между друзьями нѣтъ счетовъ. А ты присмотришь, какъ онъ обращается съ тобою.

— Э, онъ раздражителенъ и привыкъ къ барскимъ замашкамъ!

— А ты имъ потакаешь? Добрый, молю, человекъ, пусть его поломается. Скоро сапоги заставитъ тебя снимать.

— А этого не хочеть-ли? со смѣхомъ показалъ Тишка палець.

Я пожалъ плечами. Я ясно видѣлъ, что Тишка и не подозреваетъ, какъ въ самомъ дѣлѣ смотритъ на него Макаровъ.

— Да полно дурачиться! нетерпѣливо замѣтилъ я.—Я тебѣ серьезно говорю, что ты позволяешь ему слишкомъ много. И разсмотри, что онъ можетъ вскакать въ тебѣ? Вѣдь ты идешь къ нему, а не онъ къ тебѣ.

— Э, братъ, угощеній у меня нѣтъ, такъ ко мнѣ и не идутъ...

— А ты сдѣлай такъ, чтобы къ тебѣ и безъ угощеній шли. Вообще, господа, я недавно говорилъ съ Макаровымъ и онъ невольюно навелъ меня на ту мысль, что всѣ мы связаны чисто виѣшнимъ образомъ и стоимъ въ ложныхъ отношеніяхъ. Мало того, что мы не оказываемъ благотворнаго вліянія на него, но и сами только портимъ свои характеры, потакая его дурнымъ привычкамъ.

Я началъ развивать свои юношескіе планы. Мнѣ казалось, что было бы не худо всѣмъ намъ откладывать въ общую кассу извѣстный процентъ съ нашихъ заработковъ. Деньги, которыя должны образоваться изъ этихъ взносовъ, могли бы служить намъ пособіемъ въ минуты временного безденежья или тогда, когда намъ нужно будетъ дѣлать экстренныя затраты на покупку одежды. Брать изъ кассы деньги можно за проценты, изъ которыхъ составлялся бы запасной капиталъ. Я зналъ, что откладывать часть своихъ заработковъ можетъ каждый, такъ какъ въ нашемъ житьѣ-бытьѣ чаще всего при случайныхъ получкахъ денегъ, часть ихъ уходила безъ толку: копить деньги мы не умѣли и послѣ долгаго безденежья тратили ихъ на пустяки, «прорывались», какъ говорили мои друзья. Мы въ этомъ походили на тѣхъ людей, которые послѣ долгаго великодушнаго воздержанія, объѣдаются на пасхѣ. Старая жизнь не только не указала намъ пути къ плодотворной общественной дѣятельности, но даже не сумѣла сдѣлать изъ насъ мелкихъ практиковъ. Да и какъ было требовать отъ нее этого, когда она сама шла такимъ непрактичнымъ путемъ. Гдѣ было научиться практичности: не между ли чиновниками, думавшими нажитья казнокрадствомъ и взяточничествомъ, не между ли купцами, думавшими пріобрѣсти богатства злостными банкротствами, не между ли помѣщиками, думавшими прожить безбѣдно, раззоряя крестьянъ непосильными оброками? Нѣтъ, это были плохіе практики!... Ихъ дѣтямъ приходилось начинать съ азбуки, чтобы научиться сводить концы съ концами... Вѣрная отдача занятыхъ безъ залога денегъ могла быть полезна для развитія извѣстной стойкости въ нашемъ характерѣ. Я считалъ необходимымъ устроить нашу ссудную кассу независимо отъ нашего пребыванія въ университетѣ и потому предлагалъ допустить въ члены проектируемой кассы и дядю, и такія личности, какъ на примѣръ, Дормидона Дормидоновича, терпѣвшаго по временамъ съ женою нужду отъ неумѣнья сводить концы съ концами и протягивать по одежкѣ ножки. Эта наука вообще не далась еще русскимъ и каждый, точно нарочно, старается жить, не соображаясь съ своимъ карманомъ.

Мой проектъ былъ принятъ единодушно. Мои друзья понимали, что дѣло осуществимо и что оно можетъ принести пользу

даже въ томъ случаѣ, если они сами не въ состояніи будутъ откладывать много. Касса могла пополняться монни и дядиными взносами; менѣе внесшіе члены могли занимать наши деньги и все-таки не стоять въ зависимости отъ насъ, такъ какъ за занятыя деньги будутъ вноситься проценты. Но этотъ планъ былъ только началомъ моихъ дальнѣйшихъ плановъ. Я развилъ передъ моими друзьями еще одинъ планъ: мы всѣ приготавлились въ учителя и не надѣялись служить чиновниками, такъ какъ въ то время всѣ мы, да и не мы одни, смотрѣли съ отвращеніемъ на чиновничество. Мнѣ казалось, что было бы недурно, прослуживъ годъ гдѣ нибудь въ министерствѣ, открыть сообща школу.

— Вѣдь каждый изъ насъ долженъ гдѣ нибудь нанимать квартиру, говорилъ я.—Ну такъ в наймете квартиру вмѣстѣ съ отдѣльными комнатами подъ школьное помѣщеніе. Жить вмѣстѣ довольно дешево, обзаведеніе школы встанетъ не слишкомъ дорого, тѣмъ болѣе, что все можно заводить по мѣрѣ прибавленія учениковъ. Теперь въ маленькихъ школахъ учатъ скверно, учителей не держатъ и берутъ довольно дорого. Мы станемъ брать половину, у насъ будетъ четыре учителя, а можетъ быть и больше, и потому учениковъ въ первый же годъ наберется много. Если насъ будетъ, положимъ, считал и священника, только пятеро учителей, то каждому изъ насъ будетъ достаточно посвятить на дѣло пятьдесятъ два часа въ мѣсяцъ, то есть два часа въ день, и уже школа будетъ существовать, въ ней будетъ по четыре урока въ каждомъ изъ двухъ классовъ въ день, не считая уроковъ священника, которые будутъ оплачиваться особенно и будутъ только два раза въ недѣлю. Если бы даже подобная школа оплачивала на первыхъ порахъ квартиру и отопленіе, такъ и то хорошо. За два часа дневного труда очень выгодно имѣть помѣщеніе и отопленіе. Въ остальное свободное время мы могли бы давать уроки на сторонѣ.

Увлеченный этими планами, я заходилъ, конечно, слишкомъ далеко и воображалъ, что наша школа дастъ гигантскіе плоды, что чуть ли не вся Россія осчастливится этою школою.

— Сначала одна подобная школа возникнетъ, потомъ люди, видя ея успѣхи, станутъ подражать намъ, говорилъ я съ юноше

скимъ жаромъ. — Это дастъ возможность подорвать существованіе разныхъ пошлыхъ школъ, содержимыхъ ничего незнающими промышленницами. Миѣ кажется, что только распространіе образованія и можетъ что нибудь сдѣлать и потому самое лучшее начать съ этого...

Мои мечтанія прервалъ Палицынъ.

— Эхъ ты, петербуржець! воскликнулъ онъ. — Вы все думаете, что каждая буря начинается въ стаканѣ воды, а я вамъ скажу, что буря начинается въ океанѣ и уже оттуда проходитъ въ ваши протухлыя фонтанки. Вы что ли съ своими идеями оторвали Малороссію отъ Польша? Америку отъ Англии? Вслѣдствіе того онѣ оторвались, что ли, что какія нибудь школы завелись въ родѣ твоей? Нѣтъ, братъ, и школы-то подобныя могутъ быть слѣдствіемъ начинающагося движенія, а не его причиною.

— Я вполне согласенъ съ тобою, замѣтилъ я, — но для чего ты это говоришь?

— А для того, чтобъ ты не думалъ, что твоя новая школа повернетъ міръ, проговорилъ Палицынъ.

— Я и не думаю переворачивать міръ. Я просто полагаю, что намъ надо же будетъ что нибудь дѣлать въ жизни и такъ какъ отрадиѣе всего дѣлать честное дѣло и дѣлать его сообща, то я и предложилъ свой планъ. Встрѣтится болѣе плодотворное дѣло, возьмемъ за него, а куда ограничимся хоть этимъ...

— Да и я согласенъ работать на этомъ пути, отвѣтилъ Палицынъ. — Не буду же я лежать на боку. Но зло меня разбираетъ, что приходится муравьемъ быть. Такого бы миѣ дѣла хотѣлось, чтобы у меня духъ отъ него занялся, чтобы каждая жилка забила, чтобы безъ вина голова опьянѣла. Вотъ такое дѣло покажи миѣ, ну тогда я и не стану спорить, что изъ него выйдетъ общая польза.

— А куда такого дѣла нѣтъ, будемъ приносить пользу хоть своему муравейнику, замѣтилъ я.

— Будемъ, будемъ, отчего не приносить, все равно жизнь какъ нибудь прожить надо, вздохнулъ Палицынъ.

— А что сигары для учителей будутъ въ школахъ? засмѣялся Ташка.

— Будутъ, если учителя серьезно будутъ заниматься дѣломъ и поменьше ребачиться, улыбнулся я.

— Ну, братъ, я совсѣмъ старичкомъ сдѣлаюсь, шутилъ Леевъ.

Разговоръ пошелъ довольно живо, касаясь то ссудной кассы, то школы.

— Да, встати, замѣтилъ Палицынъ,—что у тебя вышло съ Макаровымъ?

— Ничего. Просто сказалъ онъ, что не нуждается въ насъ.

— Ну и чортъ его возьми, коли не нуждается, замѣтилъ Леевъ.—Пусть себѣ кипитъ дома.

— Придетъ! въ полудремотѣ произнесъ басомъ Шепелевъ.

Его басъ и лаконизмъ замѣчанія разсмѣшили насъ, такъ какъ весь вечеръ Шепелевъ только безмолвно слушалъ наши разговоры и наконецъ незамѣтно вздремнулъ.

— Ну ты спалъ бы, шутливо похлопалъ его по головѣ Палицынъ.

— Конечно, придетъ. Что онъ будетъ одинъ-то дѣлать, проговорилъ, позѣвывая, Шепелевъ.

— Спать будетъ, какъ ты въ благородномъ обществѣ спишь.

— Я встаю рано, лаконически и положительно произнесъ Шепелевъ.

Мы снова засмѣялись.

— А что насчетъ кассы и школы ты согласенъ? спросилъ я.

— Конечно! Вѣдь математику преподавать будутъ, отвѣтилъ рѣшающимъ тономъ Шепелевъ, точно онъ давнымъ давно считалъ это дѣло рѣшеннымъ и не находилъ нужнымъ говорить о немъ попусту.

Часа въ два ночи я ушелъ домой. Мнѣ было какъ-то особенно весело и отрадно, что мои планы принялись моими товарищами, что разработка этихъ плановъ, можетъ быть, откроетъ въ нихъ новыя стороны, новыя выгоды и во всякомъ случаѣ еще тѣснѣе сблизитъ насъ. Тяготила меня только ссора съ Макаровымъ. Я въ это время впервые понялъ, какъ горячо, какъ нѣжно я любилъ этого больного человѣка, познаго и честныхъ стремленій, и безсилья. Онъ былъ вполне тѣмъ, что Мюссе назвалъ *l'enfant du siècle*. Новые порывы къ чему-то лучшему уживались въ немъ рядомъ со всѣми ошибками проплага.

Онъ ненавидѣлъ барство и былъ бариномъ до мозга костей. Онъ стремился къ великимъ дѣламъ и не могъ совершить даже самаго ничтожнаго дѣла. Эти противорѣчія стремлений и характера развѣдали его, изводили, какъ ржа желѣзо. Сотни разъ хотѣлось мнѣ снова зайти къ нему, подать руку помощи, но каждый разъ во мнѣ являлась мысль: не лучше ли оставить его и подождать: что возьметъ въ немъ перевѣсъ, честныя ли стремленія или дурныя стороны характера. Если побѣда останется за первыми — онъ придетъ къ намъ, оторвется отъ той безпутной молодежи, которая, не вида другого исхода для своихъ кипучихъ силъ, бросилась въ развратъ, въ оргіи, въ танцклассы. Если же побѣда останется за дурными сторонами характера Макарова, тогда — ну тогда отпоемъ заживо и похоронимъ его въ своей памяти! Дни между тѣмъ неслись впередъ, я все болѣе и болѣе расширялъ кругъ своего знакомства, толкался въ различныхъ кружкахъ общества и замѣчалъ, что вездѣ растетъ недовольство настоящимъ, вездѣ сказываются стремленія къ чему-то лучшему, къ какому-то исходу. Ярче всего высказывалось это недовольство и эти стремленія въ кружкѣ Левина. Здѣсь, какъ я уже замѣтилъ, собрался кружокъ молодыхъ людей, выходившихъ на литературное поприще или посвятившихъ себя учительской дѣятельности. Иногда разговоры этого кружка были слишкомъ смѣлы, иногда слышалось въ нихъ, какъ въ рѣчахъ Палицына, негодованье на мелкость дѣла и выражалось стремленье къ болѣе широкому дѣлу, къ болѣе радикальнымъ мѣрамъ. Каждый вечеръ, проведенный здѣсь, возбуждалъ меня еще сильнѣе къ дѣятельности и давалъ мнѣ тѣмы для долгихъ бесѣдъ и споровъ съ моими друзьями. Планъ нашей ссудной кассы между тѣмъ уже совершенно сложился, и она была основана съ капиталомъ въ сто рублей, внесеннымъ десятью членами изъ нашихъ близкихъ знакомыхъ. Дядя, вполнѣ сочувствовавшій всему, чему сочувствовалъ я, былъ избранъ на первый случай кассиромъ. Рѣшено было, что мы будемъ брать по одному проценту въ мѣсяцъ, что отдавать занятыя деньги можно съ разсрочкою, что вклады будутъ дѣлиться на обязательныя—въ видѣ десяти процентовъ съ заработка — и на необязательныя, вносимыя по желанію каждаго. Проценты должны будутъ откладываться въ запасной капиталъ

и, только въ случаѣ выхода кого нибудь изъ кассы, будутъ выдаваться ему вмѣстѣ съ внесеннымъ имъ капиталомъ. Дядя подсмѣивался, что мы скоро дома выстроимъ изъ процентовъ; мы въ такомъ же шутливомъ тонѣ увѣряли его, что не только дома, но и деревни купимъ; но, несмотря на эти шутки, мои друзья поняли, что только при помощи кассы Лееву удалось спить себѣ сюртукъ, а Палицыну уѣхать въ деревню прежде, чѣмъ ему выслали оттуда деньги его родители, походившіе на Маниловыхъ даже и своимъ неумѣньемъ жить. Не будь кассы, и ни тотъ, ни другой не могли бы скопить кое-какихъ деньжонокъ или обойтись безъ обращеній къ милостивцамъ въ родѣ меня или Макарова. Покуда мы еще шутливо смотрѣли на нашу небольшую кассу, хотя и чувствовали ея пользу. Гораздо серьезнѣе принялись мы всѣ за разработку плана школы, вычисляли, что будетъ стоить квартира, отопленіе и прислуга; составляли программу самой школы. Въ эту программу мы внесли кромѣ обыкновенныхъ предметовъ первоначальнаго обученія, параграфъ о чтеніяхъ въ классахъ по субботамъ тѣхъ книгъ, которыя мы найдемъ полезными для дѣтей, и параграфъ о посѣщеніи съ дѣтьми ботаническаго сада и музеевъ, зоологическаго и горнаго. Споры, какъ преподавать и на что налечь въ особенности, были безконечны и повторялись часто. Иногда Леевъ прерывалъ ихъ шутливыми замѣчаніями о томъ, какъ мы всѣ переженимся и займемъ своими помѣщеніями цѣлый каменный домъ. Но эти замѣчанія не только не мѣшали дѣлу, а доставляли намъ минуты отдыха послѣ серьезныхъ вопросовъ. Мало выдавалось въ моей жизни такихъ оживленныхъ, бодро переживаемыхъ лѣтъ. И сколько бы ни было ошибокъ въ моихъ тогдашнихъ стремленіяхъ, но я и до сихъ поръ увѣренъ, что они дали бы здоровые и сочные плоды, если бы не захватило ихъ морозомъ въ то время, когда только-что начали завязываться ихъ почки. Теперь мнѣ приходится, вспоминая объ этихъ стремленіяхъ, какъ бы извиняться за ихъ незрѣлость, за ихъ несовершенство, за ихъ ребяческія стороны. Но, Боже мой, развѣ мы виноваты, что дѣтству не удалось дожить до мужества? Развѣ мы виноваты, что намъ приходилось добираться ощупью, въ потьмахъ до того, до чего давно добрались люди на другомъ краю свѣта? Развѣ виноваты русскіе самоучки механики, изобрѣтающіе въ XIX

столѣтні часы и дѣлающіе эти часы изъ дерева? Развѣ мы наконецъ виноваты, что на двадцать первомъ или на двадцать третьемъ году мы не были мудры, какъ пятидесятилѣтніе старики? И гдѣ же были тѣ мудрецы Бубновы, которые потомъ упрекали насъ за ребяческія надежды? Они наживали взяточничествомъ и казнокрадствомъ дома, они проводили вечера въ игорныхъ домахъ и въ пьянствѣ, они заботились не о развитіи нашихъ знаній, не о направленіи нашихъ силъ, но объ искаженіи этихъ знаній, объ истребленіи этихъ силъ. Они нажили дома, они завербовали себѣ уваженіе; мы прожили все, мы сдѣлались отщепенцами общества; но мы и теперь смѣло можемъ сказать имъ, что побѣда осталась за нами: ихъ дома разрушаются, наши идеи живутъ. Живутъ наши идеи въ ихъ собственныхъ бубновскихъ дѣтяхъ; покидаютъ эти дѣти съ омерзѣніемъ полуразрушенныя, безлюдныя дома отцевъ, купленные на украденныя у ближнихъ деньги, эгоистически замкнутыя отъ всего, что не составляетъ ихъ бубновской семьи и идутъ эти дѣти на честный трудъ, къ иной тысячеголовой семьѣ — обществу, съ которымъ и горе выносятся легче, и веселье дѣлается шумнѣе, и наконецъ, по пословицѣ, дѣлается красна и самая смерть... Да, мы были дѣти, наши стремленія были незрѣлы, но все-таки задатки будущаго лежали въ дѣтяхъ, въ незрѣлыхъ стремленіяхъ, а не въ подходящихъ къ могилаѣ Бубновыхъ, не въ ихъ отжившихъ цѣляхъ...

Среди разнообразныхъ событій этой жизни весною я случайно узналъ отъ Шепелева, что Макаровъ болѣнъ. Добрякъ Шепелевъ тайкомъ отъ насъ посѣщалъ иногда нашего попавшаго въ опадъ друга.

— Ты зайдешь къ нему? спросилъ онъ меня.

— Зачѣмъ? Онъ не шель къ намъ, что же и мнѣ навязываться, отвѣтилъ я.

— Конечно, согласился Шепелевъ и угрюмо ушелъ отъ меня.

Прошло дня два. Я сидѣлъ у себя дома и читалъ новыя книги, доставленныя мнѣ Левинымъ. Ко мнѣ вошла Матрена Марѣевна.

— Письмо къ вамъ, сказала она, и положила на столъ толстый пакетъ. Я взялъ его и распечаталъ. Я сразу узналъ нервный и неровный почеркъ Макарова, хотя письмо и было напи-

сано, повидимому, слабой, дрожащей рукой. Письмо было длинно, но я приведу его цѣликомъ. Передавать содержаніе подобныхъ писемъ, уловить въ сжатомъ разсказѣ всѣ едва замѣтныя тонкости настроенія, отражающагося въ подобныхъ письмахъ, почти невозможно. По крайней мѣрѣ, я не берусь за это.

Письмо Макарова.

«Ну вотъ я и слегъ, слава Богу, Володя! Теперь хоть одна болѣе или менѣе основательная надежда явилась — надежда на смерть. Но прежде, чѣмъ я умру, я хочу поговорить съ тобою. Ты былъ довольно долго моимъ другомъ, и я никогда не считалъ тебя ничѣмъ инымъ, никогда не подозрѣвалъ въ лицемѣрив,—вотъ почему я пишу именно къ тебѣ. Есть еще другая причина, заставляющая меня писать именно къ тебѣ, — это то обстоятельство, что ты старше всѣхъ въ томъ кружкѣ, который я еще такъ недавно называлъ *своимъ* кружкомъ или, лучше сказать, который называлъ меня своимъ членомъ. Ты не только старше по лѣтамъ, но и имѣешь вліяніе на кружокъ по своему развитію, по своимъ связямъ съ *передовыми*. Ты вѣдь не просто студентъ, а человекъ, бывающій въ одномъ обществѣ и нероняющій себя въ разговорахъ съ литературными знаменитостями, не просто будущій писака или учителишка, а проповѣдникъ идей извѣстнаго направленія, значить съ тобою нужно объясниться о томъ, о чемъ я, можетъ быть, не считалъ бы нужнымъ объясниться отдѣльно съ кѣмънибудь изъ членовъ твоего кружка. Я пишу это письмо къ тебѣ, какъ къ представителю кружка. Ты знаешь, что я втеченіе трехъ лѣтъ сжился съ вами—съ тобою я былъ друженъ гораздо раньше. Я привыкъ глядѣть на все вашими глазами. Не думай, чтобы мнѣ легко доставалось это согласіе во взглядахъ. Я долженъ былъ зомать въ себѣ все, что привили ко мнѣ съ дѣтства, что я всосалъ съ молокомъ; я долженъ былъ отказаться отъ такихъ истинъ, которыя завѣщала мнѣ моя мать въ день своей смерти. Это было не легко дѣлать. Но я дѣлалъ. Почему же? По мелочности, по вѣтренности своей натуры? Но ты, кажется, можешь обвинить меня во всемъ, даже въ томъ, что я въ минуту раз-

драженія убью челоѣка, но не въ поверхностности, не въ вѣтрениости, не въ мелочности натуры. Ты знаешь, что я чувствую глубоко и боль и радость, и каждое впечатлѣніе не скользить по мнѣ, какъ по гладкой поверхности воды, а, такъ сказать, врѣзывается въ меня неизгладимыми чертами. Изъ-за чего же такой впечатлительный челоѣкъ, такое болѣзненно отдающее всему существо отреглось отъ взглядовъ, воссанныхъ съ молокомъ, привитыхъ во время чистыхъ дѣтскихъ молитвъ, воспринятыхъ на первой исповѣди, гдѣ я дрожалъ, цѣлуя крестъ Спасителя, и думалъ, что я, тогда еще чистое дитя, снова распинаю своими грѣхами Христа, какъ разбойникъ? Неужели ни у кого изъ всего кружка, и у тебя у первого, не возникло мысли, что подобныя жертвы не приносятся даромъ? Я краснѣю за васъ, потому что вы дѣйствительно не подумали этого. Я краснѣю еще болѣе за тебя, потому что ты не только не подумалъ этого, но обвинилъ меня въ нелюбви къ вамъ всѣмъ и къ вашимъ идеямъ. На основаніи чего ты заключилъ объ этомъ? На основаніи того, что я остаюсь при своихъ барскихъ привычкахъ и часто невыносимо дурно обращаюсь съ нѣкоторыми изъ васъ; на основаніи того, что я самъ сказалъ тебѣ, что они, твои друзья, мнѣ не нужны? Но разбери дѣло. Давали ли мнѣ отпоръ члены твоего кружка? Отучали ли они меня мало-помалу отъ барства? Не были ли они также виноваты, не поступали ли они также противъ своихъ принциповъ, холопства, хотя и неумышленно, передо мною? Гадки эти отношенія, но такъ же гадки легкія отношенія людей другъ къ другу и въ легкости отношеній былъ виноватъ не я одинъ. Но меня осудили, а ихъ оправдали, потому что ихъ трое, а я одинъ. Теперь разбери еще вотъ что: я говорилъ, что не нуждаюсь въ твоихъ друзьяхъ. Да, не нуждаюсь, повторяю это и теперь. Не нуждаюсь въ нихъ, какъ въ холопахъ, не нуждаюсь въ нихъ, какъ въ приживалкахъ, не нуждаюсь въ нихъ, какъ въ людяхъ, неговорящихъ мнѣ ничего въ глаза, когда я неправъ. Не знаю, какъ ты смотрѣлъ на это, но я смотрѣлъ на эти отношенія съ глубочайшимъ негодованіемъ. Ты скажешь мнѣ, зачѣмъ я прямо не высказалъ имъ этого? Но дѣло въ томъ, что они сами должны были понять, что мы сошлись не для того, чтобы разыгрывать Маниловыхъ или дамъ пріятныхъ

во всѣхъ отношеніяхъ. Они не поняли этого и относились ко мнѣ, какъ къ блажному ребенку, которому позволяютъ все, лишь бы онъ не плакалъ. Несмотря на это, я не разставался съ ними, потому что многое въ нихъ было и осталось дорого мнѣ. Но должно быть для нихъ не осталось ничего дорогого во мнѣ, потому что они такъ быстро отшатнулись отъ меня. Я ихъ не упрекаю, даже отчасти радуюсь за нихъ въ этомъ случаѣ: они стали въ моихъ глазахъ выше прежняго, отрекаясь отъ меня вслѣдствіе выясненія моего взгляда на нихъ и не оставшись въ прежней роли ради моей щедрости. Нравственные интересы оказались выше матеріальныхъ. Конечно, я радъ въ этомъ случаѣ *за нихъ*, но не *за себя*: понявъ, что они лучше на дѣлѣ, чѣмъ казались по виду, я еще тяжелѣе чувствую утрату. Но чѣмъ тяжелѣе мнѣ эта утрата, тѣмъ болѣе долженъ я упрекать тебя, такъ какъ ты одинъ виноватъ во всемъ. Ты первый показалъ, что ты нетерпимъ, не снисходителенъ къ людскимъ ошибкамъ извѣстнаго разряда: ты прощаешь унижающагося, но никогда не простишь зазнающагося. Теперь вѣдь мода на меньшихъ братьевъ! Но позволь мнѣ не модничать — я имѣю на это неоспоримое право, такъ какъ передъ смертью поневолѣ приходится смывать и румяна и мушки, и снимать модные парики и французскіе кафтаны. Кто такіе эти меньшіе братья? Тѣ, которые голодаютъ? Тѣ, которые ходятъ съ протяннутой рукой? Тѣ, которые должны взятками кормить семью? Да? Только? Ну, а испорченный воспитаніемъ юноша, имѣющій и хлѣбъ и деньги, но ненавидящій свое положеніе, ищущій опоры—не меньшей братъ тебѣ, развившему свой умъ, закалившему свой характеръ? А сытая, окруженная блескомъ женщина, неимѣющая законнаго исхода изъ своего положенія куклы стараго мужа,—не принадлежитъ она къ числу меньшей братіи? А несчастная кающаяся развратница, хотя и имѣющая средства, но презираемая обществомъ, не находящая опоры—не одна изъ вашей меньшей братіи? Нѣтъ! это сытые люди! Они, можетъ быть, и плачутъ, но что вамъ за дѣло до этихъ слезъ! Вы видите ихъ богатую одежду и топчете ихъ въ грязь! Вы не хотите знать, что каждый человѣкъ, который хоть разъ заплакалъ о своихъ ошибкахъ, хоть разъ выразилъ недовольство своимъ положеніемъ—есть уже вашъ меньшей братъ, несмотря

на свою сытость и на свою одежду. Вы должны пользоваться случаемъ, чтобы подать ему руку помощи и разжечь въ немъ ту слабую искру честности, которая погаснетъ, если вы, защитники меньшей братіи, отшатнетесь отъ него. Легко отыскивать бѣдность, когда видишь на людяхъ рубище. Легко помогать человѣку, когда онъ прямо проситъ на хлѣбъ. Но есть болѣе трудное дѣло—поддержаніе шатающихся людей, еще ненашедшихъ честнаго пути, но уже начинающихъ ненавидѣть свой прежній путь. Покуда вы будете смотрѣть на вѣщность, покуда вы будете примѣнять различныя мѣрки къ сытымъ и голоднымъ, до тѣхъ поръ вы ничего не сдѣлаете. Сытые, но недовольные своей судьбой люди будутъ видѣть въ васъ просто завистниковъ и будутъ въ концѣ концовъ вести войну противъ васъ же и задушатъ, задушатъ васъ! И кто у насъ сытые люди? Мы всѣ нищіе духомъ, мы всѣ алчущіе и жаждущіе правды. Мы всѣ нищіе, нищіе духомъ, повторяю тебѣ еще разъ. Намъ всѣмъ нужна помощь, нуженъ исходъ, или мы задохнемся подъ разваливающимся зданіемъ старой жизни... Мнѣ тяжело писать къ тебѣ, но я допишу до конца, не кончу сегодня письма, кончу его завтра, послѣ завтра, черезъ недѣлю, но все же кончу. Я даже не боюсь, что тебя слишкомъ опечалитъ эта скорбная исповѣдь. Въ ней вѣроятно столько грамматическихъ ошибокъ, что онѣ однѣ въ состояніи разсмѣшить тебя, какъ извѣстная надпись на воротахъ: одаеца фатера съ небелью. Дѣйствительно, я думаю, смѣшно видѣть рядомъ высокія стремленія и безграмотность... Но къ дѣлу. Увидавъ въ моихъ убѣжденіяхъ и поступкахъ разладъ, ты счелъ меня за фразера и отшатнулся отъ меня. Но неужели ты думаешь, что прозвонить фразы, противорѣчація нашимъ убѣжденіямъ, такъ легко, неужели ты думаешь, что мнѣ это было почему нибудь выгодно? Неужели мнѣ не было бы веселѣе въ другихъ кружкахъ, гдѣ всѣ говорятъ, что мои поступки прекрасны, что мои пороки — добродѣтели? Или ты думаешь, что пріятно опасаться каждую минуту замѣчаній на счетъ того, что я противорѣчу самому себѣ? Или ты думаешь, что мнѣ выгодно говорить честныя фразы? Ты скажешь, что о честности толкуютъ и подлцы. Да, это правда, но подлцы не негодуютъ за то, что ихъ не обличаютъ въ подлости. Ты знаешь, за что я негодо-

валъ на твой кружокъ и потому можешь опредѣлить, что я такое.

Я кончилъ объясненія. Теперь позволь тебѣ сказать, что я, не надѣясь долго прожить, взялся за перо, какъ для оправданія себя въ вашихъ глазахъ, такъ и для того, чтобы обратиться къ вамъ съ просьбой: вамъ часто придется сталкиваться съ подобными мнѣ слабыми по характеру и честными въ душѣ людьми, не отталкивайте ихъ такъ, какъ вы оттолкнули меня! Если эти люди будутъ только вашими знакомыми, то, отринутые вами, они, можетъ быть, еще болѣе опустятся и свернутъ съ прежняго пути, видя, что честные люди не хотятъ даже и знаться съ ними. Если они будутъ вашими друзьями, будутъ любить васъ, какъ я любилъ, то, отвергнутые вами, они изстрадаются, измучаются, какъ изстрадался я. Вы не знаете, сколько ночей провелъ я безъ сна, анализируя себя, доискиваясь, дѣйствительно-ли я такъ гадокъ, что честные люди должны бѣжать отъ меня, какъ отъ чумы. Я сравнивалъ себя съ людьми, которые хуже во сто разъ, чѣмъ я, и когда я попробовалъ увеличить во сто разъ то наказаніе, которому вы подвергли меня, то оказалось, что, оставаясь послѣдовательнымъ, вы должны по крайней мѣрѣ колесовать ихъ. Дай Богъ, чтобы вы были непослѣдовательными! Дай Богъ, чтобы вы въ своей безупречности не сошли на одной доскѣ съ тѣми, которые казнятъ ближнихъ по кровожадности своей натуры! Если бы я менѣе любилъ тебя, я никогда не рѣшился бы писать къ тебѣ. Но мнѣ хочется еще разъ сказать тебѣ, что я до послѣдней минуты буду считать тебя своимъ другомъ, буду любить тебя.

Твой Макаровъ.

Трудно передать чувства, волновавшія меня во время чтенія этого письма. Мнѣ было не только больно за свой поступокъ, но и страшно за его послѣдствія. Я чувствовалъ, что я оборвалъ главныя и послѣднія нити жизни этого человѣка, котораго я любилъ и продолжалъ любить. Я хотѣлъ въ сущности дать ему урокъ, хотѣлъ или переломить его характеръ, или убѣдиться окончательно, что онъ неисправимъ. Но я никакъ не рассчитывалъ, что болѣзненная и впечатлительная натура не вынесетъ такой крутой мѣры, что съ нею надо было посту-

пать осторожнѣе. Это былъ одинъ изъ тѣхъ случаевъ, которые долго не забываются и заставляютъ человѣка осторожнѣе дѣйствовать относительно ближнихъ. Много было въ моей жизни подобныхъ уроковъ, начиная съ той минуты, когда я своею дѣтскою выходкой, можетъ быть, послужилъ невольною причиною смерти брата и подлилъ яду въ отравленную и безъ того жизнь матери. Не прошли даромъ эти и подобные имъ уроки, часто повторявшіеся въ былыя времена, и сдѣлали они меня, можетъ быть, гуманнѣе, терпимѣе, но нерѣдко они же дѣлали меня въ критическія минуты жизни нерѣшительнымъ и слабымъ. Я сталъ доискиваться тѣхъ или другихъ причинъ чело-вѣческихъ дѣйствій и иногда относился не такъ строго къ постороннимъ людямъ, какъ, можетъ быть, отнесся бы къ себѣ, стоя на ихъ мѣстѣ. Но это была болѣзнь нашего времени; излишняя терпимость, двойственность, нерѣшительность, самогрызеніе. Все это вытекало изъ тѣхъ обстоятельствъ, изъ которыхъ слагалась наша жизнь: домашнее самодурство, ежевыя рукавицы, отсутствіе общественной жизни и рядомъ съ этимъ далеко ушедшія впередъ теоріи, иногда утопичныя до крайности. Мы хотѣли подвести другихъ подъ мѣрку этихъ теорій, казнили людей въ пылу негодованія, за то, что они оказывались ниже этихъ теорій нравственнымъ ростомъ, потомъ обрывались и сами на каждомъ шагу и бичевали себя.

Какъ сейчасъ помню я ту минуту, когда я вступилъ послѣ долгой разлуки въ комнату Макарова. Онъ лежалъ на постели, худой, жолтый, съ впалыми и тусклыми глазами. Около его постели сидѣла молодая, стройная и красивая женщина, — его квартирная хозяйка, ухаживавшая за нимъ во время болѣзни. Увидѣвъ меня, она встала и вышла.

— А, это ты! промолвилъ онъ тѣмъ безстрастнымъ тономъ, которымъ говорятъ близкіе къ могилѣ люди. — Спасибо, что зашелъ. За мной вотъ все добрѣйшая Марья Васильевна ходитъ, спасибо ей!

Я сжалъ его руку. Я не могъ говорить. Мнѣ стало страшно, какъ будто передо мною умиралъ человѣкъ, не вполне добытый мною. Я конечно не считалъ возможнымъ объясняться насчетъ нашей размолвки, боясь разбередить его болящія раны и встре-

вожить его, а между тѣмъ другихъ предметовъ для разговора не являлось въ головѣ.

— Тебѣ надо бы куда нибудь уѣхать отъ нашего проклятаго климата, произнесъ я, сознавая всю нелѣпность своего совѣта, но желая хоть какъ нибудь нарушить могильное молчаніе, прерываемое только тяжелымъ дыханіемъ больного.

— Куда нибудь около Смоленской, отвѣтилъ онъ.

— На Кавказъ бы, замѣтилъ я, не вполнѣ понимая его

— А а! ты говоришь о путешествіи, а я о похоронахъ, ска залъ онъ.—Странно думать о поѣздкѣ человѣку, который пошевелиться не можетъ...

Я молчалъ. Онъ повидимому началъ дремать. Я тихо всталъ и взялся за шляпу.

— Ты уже идешь? открылъ онъ глаза.

— Я зайду вечеромъ...

— Ну, спасибо... Я долго не могу уснуть по вечерамъ... Днемъ все дремлю...

Вечеромъ я снова былъ у него. Разговоръ опять не шелъ. Онъ попросилъ меня прочесть что нибудь вслухъ. Я обрадовался предложенію и взялъ книгу. Я прочелъ только двѣ, три страницы, когда увидалъ, что онъ уже уснулъ. Подумавъ немного, я рѣшилъ остаться у него, улегшись въ другой комнатѣ на кресло. Утромъ онъ позвонилъ. Я вошелъ къ нему за драпировку.

— Ты уже здѣсь? удивился онъ.

— Я у тебя ночевалъ. Не хотѣлось поздно возвращаться домой...

Онъ протянулъ свою руку и слабо пожалъ мою.

— Эхъ, Володя, Володя, хорошіе мы люди, только думаемъ мы мало въ минуты горячности... Сценъ намъ потрясающихъ нужно, чтобы мы поняли страданье... Внѣшности нужно... Молоды мы очень...

Онъ закашлялъ глухимъ и хриплымъ кашлемъ.

— Ну, не волнуйся! Будетъ время, поговоримъ, промолвилъ я.

— Что ты въ загробную жизнь сталъ вѣрить, что-ли, что надѣешься на наше объясненіе, усмѣхнулся онъ.

Онъ, какъ всѣ слабыя и болѣзненные личности, былъ крайне мнителенъ и мучился увѣренностью, что онъ скоро умретъ.

Около полудня къ нему прѣѣхалъ докторъ и нашелъ, что больному замѣтно лучше. Пульсъ бился ровнѣе. По уходѣ доктора Макаровъ снова попросилъ меня прочитать чтонибудь вслухъ.

V.

Примѣрные отношенія пасынка и отца.

Такъ пошли дни за днями, Макарову становилось все лучше и лучше. Черезъ мѣсяцъ онъ уже могъ кое-какъ уѣхать изъ Петербурга. Я проводилъ его до одной изъ первыхъ станцій... Прошло и лѣто, настала и осень. Мои друзья, уѣзжавшіе на лѣто въ провинцію,—Палицынъ и Шепелевъ къ роднымъ, Левъ на уроки,—возвратились въ столицу. Возвратился и Макаровъ. Онъ былъ не особенно здоровъ, но выглядѣлъ бодрѣе и была надежда, что его здоровье укрѣпилось на время. Его встрѣча съ нашимъ кружкомъ была одною изъ тѣхъ встрѣчъ послѣ размолвокъ, какія могутъ быть только въ молодые, свѣтлые годы жизни. Тутъ не было ни колкостей, ни затаенной вражды, никто не имѣлъ зуба противъ другого и каждый откровенно сознавался въ своихъ ошибкахъ, еще откровеннѣе всѣ посмѣялись надъ собой, назвали все ребячествомъ, и дѣло было, повидному, забыто. Остались только глубокіе слѣды во мнѣ и въ Макаровѣ, въ единственныхъ личностяхъ, знавшихъ и о письмѣ, и о причинахъ болѣзни Макарова. Никогда не жили мы лучше и дружнѣе, чѣмъ въ это время, никогда не работали мы такъ дѣлательно, какъ теперь. Макаровъ, перенесшій тяжелую болѣзнь, началъ вѣрить, что у него «железная натура», что онъ можетъ прожить еще долго, и рѣшился взяться за дѣло. Смѣясь и шутя, онъ уговорился съ членами нашего кружка, чтобы они давали ему уроки и подготовили его къ университетскому экзамену.

— Не однимъ же вамъ учить въ вашей будущей школѣ, смѣялся онъ.—Я тоже не отстану отъ васъ. Пора и за работу приниматься, а то вы меня все дармоѣдомъ считаете...

Онъ горячо принялся за ученье. Съ такимъ же жаромъ онъ вступилъ въ члены нашей ссудной кассы и старался придру-

мать, нельзя ли какъ нибудь расширить ее. Не менѣе оживленія было и во мнѣ. Я почувствовалъ, что мои планы, до сихъ поръ казавшіеся мнѣ чѣмъ-то въ родѣ сладкихъ грезъ, все болѣе и болѣе начинаютъ принимать видъ вполне осуществимыхъ проектовъ. Я понималъ, что школа можетъ пойти отлично при тѣхъ матеріальныхъ средствахъ, которыми располагали Макаровъ и я, что силъ для обученія дѣтей у насъ пятаерыхъ достаточно, что дружеское согласіе, царствовавшее теперь въ кружкѣ, должно было укрѣпиться еще болѣе при помощи сближенія Макарова съ друзьями-учителями, что, наконецъ, при развитіи этого согласія можно надѣяться на возможность общей жизни въ одной квартирѣ. Часто въ эту пору въ страстномъ нетерпѣніи я восклицалъ:

— Когда же настанетъ время, когда можно будетъ сказать: теперь пора начинать дѣло?

Громадныхъ усилій надъ собою стоило мнѣ терпѣливое выжиданье этой поры. Только трезвая мысль о томъ, что поспѣшишь—людей насмѣшишь, сдерживала меня и заставляла ждать. Мое духовное оживленіе выразилось, между прочимъ, и тѣмъ, что я написалъ въ эти дни множество стихотвореній и повѣстей. Ахъ, это были очень скверные стихи и очень плохая, очень молодая повѣсть съ дѣйствующими лицами, непоходившими на тѣхъ, кого я хотѣлъ описать. Но и стихами, и повѣстью я отдалъ дань своему времени, когда всѣ образованные люди подзрѣвали въ себѣ литературныя способности, и время, то есть тогдашняя публика, поощрило мою первую литературную попытку: мнѣ говорили, что у меня есть талантъ. Одна барыня изъ институтокъ даже воскликнула, закатывая глазки:

— Ахъ, monsieur Теплицынъ, у васъ удивительный талантъ: вы и прозу, и стихи пишете!

Да, я писалъ много стиховъ, но, къ несчастію, а можетъ быть, и къ счастью, право не знаю, они не появлялись въ печати по цензурности своего содержанія. Это были какія-то проповѣди въ стихотворной формѣ, повторявшія съ однообразіемъ попугая: «впередъ, впередъ, работай, работай».

— Батюшка, да дай хоть духъ-то перевести, этакъ отъ работы-то и руки отвалятся! говорилъ мнѣ со смѣхомъ Левъ, читая мои проповѣди.

Но, конечно, я не поддавался и громилъ его за стремленіе быть лежебокомъ.

— Ужь это что и говорить, хохоталъ Леевъ.—Я вонъ и теперь питаюсь падающими съ неба галушками!

Вообще я началъ слыть за молодого человѣка, «подающаго надежды». Много насъ было тогда, подающихъ, надежды, да такъ мы всѣ и остались, доживъ до сѣдыхъ волосъ, дѣятелями и знаменитостями in spe... Я всѣми средствами старался въ эту пору завести знакомства даже въ томъ обществѣ, гдѣ вращались графы Сиверскіе. Миѣ казалось необходимымъ заручиться ихъ покровительствомъ, такъ какъ прошлый опытъ показалъ миѣ, что у насъ во многихъ случаяхъ было легче всего добиться желаемого при помощи какого нибудь рекомендательнаго письма отъ вліятельныхъ лицъ. Миѣ лично эти письма были ненужны, я имѣлъ состояніе, я умѣлъ работать и могъ бы прожить, не кланаясь никому, но эти письма были необходимы для дозволенія открыть школу, для благосклоннаго взгляда на нее. Срокъ моего выхода изъ университета приближался быстро. Бубновъ жилъ въ это время въ Петербургѣ, вступивъ въ статскую службу и отдавъ Мишу въ корпусъ. Мы видѣлись съ нимъ не очень часто, но стояли въ отличныхъ отношеніяхъ. Онъ обставился въ столицѣ на широкую ногу, не потому, конечно, что прошла его скупость, но потому, что жить широко, принимать у себя обонхъ Гейговъ, графовъ Сиверскихъ было выгодно. Пернавская нѣмка по прежнему жила у него въ экономкахъ и, кажется, умѣла оберегать его интересы, по крайней мѣрѣ Бубновъ былъ доволенъ ею, и хотя держалъ ее въ черномъ тѣлѣ, но стоялъ съ ней, повидимому, въ довольно близкихъ отношеніяхъ. Со мною онъ теперь обходился съ тактомъ, какъ онъ обходился со всѣми «нужными» людьми. Иногда онъ даже интимничалъ со мною, высказывая свои опасенія за будущность Миши. Мишѣ шелъ еще только пятнадцатый годъ, но онъ уже подавалъ надежды на будущаго кутилу. Избалованный, добрый и ласковый, онъ тратилъ очень много въ корпусѣ, прикармливая товарищей, любилъ прокататься по Невскому на лихачѣ, щеголялъ одеждою. Бубновъ обожалъ и какъ-то старался оправдать его въ моихъ глазахъ, хотя я ни словомъ не намекалъ, что его сынъ растетъ и пользуется блага-

ми жизни не такъ, какъ росъ и пользовался ими я въ его года. Представляя мнѣ опекунскіе расчеты, не встрѣтивъ съ моей стороны никакихъ претензій, Бубновъ понималъ, что я вижу, какъ преувеличена имъ цифра расходовъ на меня и, кажется, оцѣнилъ мое молчаніе объ этомъ преувеличеніи. Онъ видѣлъ, что я человѣкъ довольно практичный и не похожу на дядю, а значить не могъ сомнѣваться въ томъ, что я все вижу и все понимаю изъ того, что дѣлалось и дѣлается имъ. Но, я думаю, онъ не вполне понималъ, почему я не обличаю его, и, несмотря на видимую, наружную любезность, смотрѣлъ на меня съ тѣмъ подозрительнымъ безпокойствомъ, съ какимъ обыкновенно смотритъ одинъ ловкій плутъ на другого еще болѣе ловкаго, замаскировавшагося плута. Еще ни разу втеченіе всѣхъ тѣхъ лѣтъ, которые прошли со дня нашего примиренія, онъ не вспоминалъ о сдѣланныхъ имъ намекахъ на мое будущее богатство. Только теперь, видя мое развитіе и зная о близости моего выхода изъ университета, онъ счелъ нужнымъ и своевременнымъ напомнить мнѣ нашъ полузабытый мною разговоръ. Однажды я сидѣлъ у него. Мы были одни. Бубновъ долго распространялся передо мною о добродѣтеляхъ Миши, горячо просилъ меня не оставлять брата въ случаѣ смерти его, Бубнова, пожиналъ мои руки, когда я увѣрилъ его, что я съ самыхъ дѣтскихъ лѣтъ считалъ своею обязанностью быть заступникомъ и покровителемъ брата.

— Ну а вы сами, надѣетесь служить? спросилъ меня отчимъ.

Онъ говорилъ мнѣ вы съ тѣхъ поръ, какъ я былъ въ университетѣ. Сперва *вы* говорилось въ шутку, потомъ по привычкѣ.

— Нѣтъ, постоянно служить не буду, отвѣтилъ я,—хотя годъ и думаю пробить на службѣ для полученія чина. Мнѣ хочется въ имѣніе съѣздить, потомъ открыть школу...

— Мужики ваши въ хорошемъ положеніи, проговорилъ Бубновъ.—Я всегда держался той системы, что если мужикъ богатъ, то богатъ и баринъ...

— Это совершенно вѣрно, согласился я съ нимъ, не желая объяснять ему своихъ взглядовъ на дальнѣйшій ходъ дѣла.

— Можетъ быть, вамъ придется управлять имѣніемъ до совершеннолѣтія Миши.

— Какъ это можетъ случиться?

— Я не молодъ. Умереть могу...

— Ну, авось еще доживете до тѣхъ поръ...

— Во всякомъ случаѣ, если бы это случилось, то я спокойно передамъ вамъ опеку надъ нимъ... Миѣ рѣдко случалось говорить съ вами подробно о вашихъ взглядахъ на различныя вещи, потому я не могу сказать, во многомъ ли мы сходимся. Но, во всякомъ случаѣ, я привыкъ настолько уважать васъ, что, не задумываясь, отдалъ бы навсегда въ ваши руки и имѣніе моего сына и его самого, если бы это было въ моей власти...

Онъ протянулъ миѣ руку. Мы обмѣнялись любезными фразами.

— Благодарю васъ, сказалъ я. — Но я думаю, Мишель и не будетъ нуждаться въ вѣчномъ попечительствѣ...

— Кто знаетъ, кто знаетъ! Онъ молодъ, онъ воспитывается въ закрытомъ заведеніи, онъ мало знакомъ съ жизнью...

— Да вѣдь и я не болѣе его былъ знакомъ съ жизнію четыре года тому назадъ. Познакомится и онъ...

— Дай Богъ, дай Богъ! вздохнулъ Бубновъ. — Вы вѣдь не изъ дюжинныхъ, быстрыми шагами къ славѣ идете, съ тонкою насмѣшливостью добавилъ мой отчимъ.

Онъ замолчалъ; его видимо беспокоила какая-то мысль, но онъ не зналъ, какъ бы ловчѣе приступить къ дѣлу.

— Вы, вѣроятно, знаете, что у васъ есть дѣдъ? началъ онъ черезъ минуту, пошаривъ въ портсигарѣ и закуривъ сигару.

— Я думаю, что знаю, живя съ нимъ, разсмѣялся я.

— Я не о капитанѣ говорю, нахмурился Бубновъ, становившійся всегда пасмурнымъ при воспоминаніи о капитанѣ Хлопко. — У васъ есть другой дѣдъ.

— Другой? удивился я. — Какой это?

— Отецъ вашей матери.

— Неужели онъ еще живъ?

— Живъ.

Мы замолчали. Дѣдъ нисколько не интересовалъ меня, я никогда не видалъ его, почти никогда не слыхалъ о немъ, за исключеніемъ тѣхъ давнопрошедшихъ младенческихъ дней, когда

дядя еще посылалъ его ко всѣмъ чертямъ. Бубнова хотя и очень интересовалъ предметъ разговора, но ему было трудно выяснитъ мнѣ свои мысли, не уронивъ себя въ моихъ глазахъ.

— Я былъ у него во время своей поѣздки въ деревню, началъ небрежнымъ тономъ Бубновъ.—Странный старикъ! Онъ велѣлъ мнѣ сказать, что онъ никакого Бубнова не знаетъ, хотя я велѣлъ доложить о себѣ, какъ о мужѣ его дочери...

— Но вѣдь онъ и въ самомъ дѣлѣ не знаетъ васъ, замѣтилъ я.

— Но во всякомъ случаѣ мы родня... Вотъ вѣроятно придется видѣться съ нимъ, если вы поживете въ деревнѣ...

— Можетъ быть...

— Если вы сойдетесь, то я увѣренъ, что вы не забудете Мишеля...

Бубновъ остановился. Мы зорко слѣдили другъ за другомъ, какъ будто напряженно стараясь прочесть, что дѣлалось въ душѣ каждого изъ насъ. Я первый прервалъ молчаніе.

— Григорій Даниловичъ, началъ я, желая выяснитъ дѣло,—будете говорить откровенно. Мы, кажется, хорошо знаемъ и отлично понимаемъ другъ друга. Вы нѣсколько минутъ тому назадъ сказали, что вы не знаете моихъ взглядовъ. Но вы, я думаю, не станете спорить, что я знаю всѣ ваши взгляды. Раздѣляю ли я ихъ, или нѣтъ—объ этомъ мнѣ нечего говорить, но вы видите, что я отношусь къ вамъ такъ, какъ относятся честные люди другъ къ другу. Вы считаете меня честнымъ человѣкомъ, значить лучше говорить откровенно, и если я вамъ скажу *да* или *нѣтъ*, то навѣрное сдержу свое слово. Говоря же намеками, мы не придемъ ни къ какому результату, и я не дамъ никакого положительнаго отвѣта.

Бубновъ протянулъ мнѣ свою руку и пожалъ мою. Онъ былъ видимо смущенъ.

— Я, можетъ быть, иногда былъ несправедливъ къ вамъ, началъ онъ.

— Прошлое—прошло, перебилъ я его,—а мы, кажется, не изъ тѣхъ людей, которые любятъ вызывать тѣни схороненныхъ людей и событій... Поговорите о будущемъ...

Бубнова слегка передернуло, хотя онъ тотчасъ же овладѣлъ собою.

— Да-съ, я не люблю вспоминать прошлаго, а передѣлать многое хотѣлось бы, замѣтилъ онъ.

— Вы были у дѣда, снова перебилъ я его, не желая слышать отъ него сентиментальныхъ фразъ.—Онъ васъ не принялъ. Отчего же вы не написали ему, если у васъ было до него дѣло?

— Я писалъ, отвѣтилъ Бубновъ.—Ну да если пошло на откровенность, такъ нечего дѣлать... Имѣя въ виду ваши интересы и интересы моего сына, я счелъ долгомъ написать къ вашему дѣду письмо. Оно было оставлено безъ отвѣта.

— Можетъ быть, оно не дошло...

— Нѣтъ не можетъ быть, потому что я его получилъ обратно въ новомъ конвертѣ съ надписью на моемъ письмѣ: для вашего домашняго употребленія...

— Оригинально! разсмѣялся я.

— Глупо и грубо! сказалъ Бубновъ и сдвинулъ брови. Потомъ я поѣхалъ самъ въ деревню и заѣхалъ къ вашему дѣду. Онъ велѣлъ сказать, что никакого Бубнова не знаетъ и знать не хочетъ. Я долженъ былъ уѣхать. Поговоривъ объ этомъ неспріятномъ визитѣ съ однимъ изъ дальнихъ родственниковъ вашего дѣда, я попросилъ этого господина, нельзя ли устроить какъ нибудь наше свиданіе.... Онъ взялся переговорить съ вашимъ дѣдомъ, хотя и не надѣялся на успѣхъ. Но противъ всякаго ожиданія вашъ дѣдъ не только согласился встрѣтиться со мною на нейтральной почвѣ, но даже сказалъ, что пригласить меня къ себѣ. Черезъ день я получилъ отъ него письмо, гдѣ въ краткихъ словахъ назначались мнѣ день и часъ для моего пріѣзда къ нему. Онъ извинялся, что не принялъ меня и сваливалъ всю вину на людей, перевравшихъ мое имя. Я поѣхалъ. Подъѣзжаю къ его барскому дому, вижу, кто-то толстый, сѣдой стоитъ въ надворномъ флигелѣ у закрытаго окна и клавиается мнѣ... Я выскочилъ изъ тарантаса. Ворота были заперты, я подошелъ къ калиткѣ. На дворѣ раздавался лай. Я пріотворилъ калитку и цѣлая свора собакъ бросилась на меня съ неистовымъ визгомъ и лаемъ. Я отскочилъ, собаки рванулись изъ калитки на меня. Онѣ были привязаны къ воротамъ веревками и продолжали бѣшено лаять и рваться. Я отошелъ и взглянулъ на окно. Сѣдой, толстый господинъ продолжалъ раскланиваться и звалъ меня рукою къ себѣ. Я ука-

залъ ему на собакъ. Онъ развелъ руками и покачалъ головой, какъ будто говоря: «сахъ, какъ жаль!» Я заглянулъ въ щелку воротъ: на дворѣ не было ни души. Я звалъ прислугу, никто не явился. Собаки продолжали заливаться лаемъ. Я понялъ, что вашъ дѣдъ сыгралъ со мной новую штуку и сѣлъ въ тарантасъ, провожаемый собачьимъ лаемъ, какъ вдругъ окно отворилось и толстый, сѣдой господинъ съ желчнымъ хохотомъ крикнулъ мнѣ: «не забудете ли когда нибудь еще?»

Я не могъ удержаться отъ неприличнаго смѣха.

— Да, вамъ смѣшно, но я могу васъ увѣрить, что мнѣ было не до смѣху, особенно, когда я видѣлъ, что мой кучеръ, такъ же какъ вы, не могъ удержаться отъ хохоту, проговорилъ Бубновъ.—Я вѣдь сдѣлался сказкой всего уѣзда. Наши дикари находили очень остроумной эту выходку.

— Но согласитесь, что она если и не остроумна, то все-таки смѣшна, замѣтилъ я сухо.

— Конечно, конечно, поспѣшилъ согласиться Бубновъ, насильно улыбаясь.—Я самъ послѣ смѣялся надъ своей неудачей, тѣмъ болѣе, что я терпѣлъ въ чужомъ пиру похмѣлье: я вѣдь не терялъ тутъ ничего, теряли только вы да Мишель.

Я промолчалъ, понимая, что если кто и терялъ отъ этой неудачи, такъ ужь никакъ не я.

— На что же вы теперь надѣетесь? спросилъ я черезъ минуту.—На мой визитъ къ дѣду? На травлю меня собаками?

Бубновъ пристально взглянулъ на меня и довольно протяжно проговорилъ, сбрасывая пепелъ съ сигары:

— Я надѣюсь, что вы не поѣдете къ своему дѣду.

— О, въ этомъ вы можете быть увѣрены!

— Я надѣюсь, что вы не заговорите съ дѣдомъ, встрѣтивъ его въ обществѣ, еще протяжище произнесъ Бубновъ, затягиваясь сигарой.

— И въ этомъ вы, можетъ быть, не ошибаетесь, отвѣтилъ я, не понимая, къ чему клонится нашъ разговоръ.

— Я надѣюсь, что онъ заговоритъ съ вами, продолжалъ Бубновъ.

— Вы думаете? улыбнулся я.

— Я надѣюсь, что онъ полюбитъ васъ,

— Вотъ ужь этой смѣлой надежды я не ожидалъ услышать, засмѣялся я.

Бубновъ сталъ гасить сигару, придавливая ее о пепельницу.

— Кромѣ того, продолжалъ онъ небрежно, — я надѣюсь, что вы будете его наслѣдникомъ...

— Вы шутите?

— Я не люблю шутокъ въ серьезныхъ дѣлахъ.

Я пожалъ плечами.

— Мои надежды имѣютъ твердое основаніе, началъ Бубновъ, положивъ ногу на ногу и самодовольно разваливаясь на креслѣ. — Во-первыхъ вашъ дѣдъ самодуръ, и оригинальный внукъ, нежелающій знать своего дѣда, неговорящій съ нимъ въ обществѣ, долженъ заинтересовать его. Во-вторыхъ у вашего дѣда есть дальніе родственники, любившіе вашего отца. и они будутъ работать въ вашу пользу и уже, вѣроятно, работаютъ въ этомъ смыслѣ...

— Вы не даромъ жили на свѣтѣ и смотрѣли на людей, усмѣхнулся я.

— Ну, особенно многого не вынесъ изъ наблюденій, замѣтилъ мой отчимъ, со вздохомъ, — понимаю впрочемъ, что дураковъ и подлецовъ больше, чѣмъ умныхъ и честныхъ. Да впрочемъ, не въ томъ дѣло. Я увѣренъ въ хорошихъ результатахъ вашей поѣздки въ деревню и потому прошу васъ вспомнить, что у васъ есть братъ.

Бубновъ говорилъ искреннимъ и серьезнымъ тономъ, но я увѣренъ, что въ его головѣ вертѣлась мысль: «чортъ тебя знаетъ, къ какому разряду людей принадлежишь ты, къ дуракамъ или къ подлецамъ, во всякомъ случаѣ тебя надо примаслить и держать съ тобой ухо востро.»

— Было бы непріятно оставлять въ чужихъ рукахъ имѣніе вашего дѣда, продолжалъ Бубновъ. — Дуракъ самодуръ, пожалуй, еще откажетъ все на монастыри, и потому вы должны во имя своей пользы и даже во имя своихъ убѣжденій приложить все стараніе, чтобы приобрѣсти это имѣніе.

— То есть не предлагать никакихъ стараній, усмѣхнулся я.

— Ну да, пожалуй, что и такъ, усмѣхнулся въ свою очередь мой отчимъ.

— Вы можете быть увѣрены, что я буду бездѣйствовать въ самомъ обширномъ значеніи этого слова, отвѣтилъ я.

Въ это время начали собираться гости. Бубновъ, пожавъ мнѣ руку, кончилъ совѣщаніе. Онъ рекомендовалъ меня тѣмъ изъ своихъ посѣтителей, которые еще не знали меня, называя меня сыномъ своей покойной жены и своимъ лучшимъ другомъ, своею правою рукою.

— Да, это такой человѣкъ, на котораго я покойно оставляю своего сына, говорилъ онъ.—Отчимы и пасынки рѣдко бываютъ дружны, но мы, слава Богу, если и ссорились, то не перестали вѣрить другъ въ друга, и если мои убѣжденія не всегда сойдутся съ его убѣжденіями, то вѣдь это не бѣда. У всякого поколѣнія свои идеи и отцы часто не сходятся во взглядахъ съ своими родными дѣтьми.

Все это говорилось тайкомъ отъ меня, такъ, чтобы я слышалъ каждое слово. Признаюсь откровенно, я часто любовался Бубновымъ въ тѣ минуты, когда онъ являлся передо мною во всеоружіи ловкаго хитреца, Эхъ, если бы мы умѣли такъ дѣйствовать, добиваясь своихъ цѣлей! Такъ нѣтъ! Бубновы ужами проползали, куда имъ нужно, а мы все больше собственными лбами хотѣли пробить каменные стѣны...

VI.

Новая знакомая.

Въ это время я и мои друзья коротко познакомились съ одною новою личностью—съ хозяйкой Макарова, вдовой небогатаго чиновника, Марьей Васильевной Меньшовой, ухаживавшей за Макаровымъ во время его болѣзни съ нѣжностью доброй матери. Она жила съ своею двѣнадцатилѣтнею племянницей и занималась шитьемъ платьевъ и бѣлья. У Марьи Васильевны никогда не было правильно организованной мастерской или магазина; у нея просто гостили дѣвочки ея бѣдныхъ знакомыхъ, учившіяся у нея и помогавшія ей шить. Сама она была отличная швея и принадлежала къ числу тѣхъ неспорченныхъ женскихъ натуръ, которыя какъ-то умѣютъ вносить съ собой всюду и бодрость, и

веселье. Иногда она, можетъ быть, и плакала, но плакала въ одиночествѣ; иногда она, можетъ быть, и роптала на судьбу, и отчаявалась, но только развѣ въ минуты тихой молитвы. Она всегда была нарядно одѣта, хотя эта нарядность была большею частію слѣдствіемъ опрятности и той милой кокетливости, которая не допускаетъ ниую женщину являться даже передъ женщиной съ нечесанными волосами, въ распущенномъ капотѣ, съ заспаннымъ и смятымъ лицомъ. Живя въ домѣ такихъ женщинъ, вы смѣло можете быть увѣрены, что васъ не стошнитъ отъ повашагося въ вашу ѣду ихъ волоса; вы можете всегда надѣяться, что при встрѣчѣ съ ними вы увидите не заспанные, не ошалѣвшія послѣ сна существа, а людей, вполне освѣжившихся и отрезвившихся послѣ тяжелыхъ ночныхъ грезъ или не менѣе тяжелой ночной бессонницы; вы можете въ ихъ жилищѣ не бояться за свое здоровье, могущее пострадать отъ грязи и пыли; ѣшьте и спите мирно въ ихъ домѣ, тутъ нѣтъ ни таракановъ во щажъ, ни другихъ насѣкомыхъ въ вашей спальнѣ. Подобнымъ женщинамъ какъ будто врождено знаніе всѣхъ гигиеническихъ условій и условій общественной жизни, хотя въ сущности это знаніе приобрѣтено ими тяжелымъ опытомъ, страданіями отъ грязи и неряшливости, перенесенными въ дѣтствѣ, омерзѣніемъ, испытаннымъ въ юности, отъ циническихъ отношеній членовъ семьи, нецеремонившихся между собою, являвшихся другъ передъ другомъ не только въ халатахъ, но и безъ халатовъ, не только съ заспанными, но и съ пьяными лицами. Эти женщины не бѣгаютъ въ кухню, не возятся около печки и горшковъ, не ругаются съ прислугой, но выбираютъ ее осторожно, по большей части изъ молодыхъ дѣвушекъ, не утруждаютъ ихъ лишнею бѣготнею, посылаютъ на рынокъ и въ лавки разъ или два въ день; стараются приготовить два хорошихъ блюда, а не три плохихъ; у нихъ вы не встрѣтите вѣчнаго кофейника на плитѣ или на столѣ; онѣ пьютъ кофе въ опредѣленное время, не сбивая съ толку прислугу приготовленіемъ экстренныхъ угощеній. Мало-по-малу даже ихъ знакомые приучаются къ этому опредѣленному времени ѣды и питья и если хотятъ и напиться у нихъ кофе или чаю и не помѣшать ихъ работѣ, то идутъ къ нимъ именно въ эти часы. Этимъ женщинамъ иногда случается много переимѣнить прислуги, куда

онѣ нападутъ на подходящую къ нимъ; но ужь за то разъ привыкшая къ нимъ дѣвушка живетъ у нихъ долго. Обыкновенно это какая нибудь краснощекая, вѣчно открывающая свои бѣлые зубы при постоянномъ смѣхѣ дѣвушка, краснѣющая и закрывающаяся рукой немного по-деревенски при каждой шуткѣ. Она въ лавочкѣ и на рынкѣ слыветъ за «горничную» ради своей чистой одежды и, ловко огрызаясь за любезности, стяжаетъ десятки самыхъ почтительныхъ вздыхателей, несмѣющихъ любезничать съ ней. Эти вздыхатели—сидѣльцы мелочныхъ и овощныхъ лавокъ; они ждутъ только того времени, когда имъ можно будетъ начать самостоятельную торговлю и взять въ жены одну изъ этихъ дѣвушекъ. Въ качествѣ кандидатовъ въ женихи они строго смотрятъ за каждымъ разухабистымъ лакеемъ, чтобы онъ не приставалъ къ ихъ невѣстѣ и не заигрывалъ съ ней при помощи нѣжныхъ толчковъ локоткомъ въ пышную грудь. Обыкновенно дѣло кончается въ этихъ случаяхъ свадьбою. Тяжело повидать дѣвушкѣ радушную семью, гдѣ она сживала иногда въ комнатѣ барыни, когда у барыни не бывало чужихъ людей, помогала барынѣ шить заказную работу, за что барыня дарила ей лучшій ситецъ на платье, сама раскраивала и подшивала лифъ этого платья. Дѣвушка со слезами разстается съ своей матушкой-барыней, проситъ ея благословенія и барыня, весело смѣясь, по-дѣтски радуясь, снаряжаетъ къ вѣнцу свою любимицу и дѣлается ея посаженной матерью. Обыкновенно эти женщины—домосѣдки. Онѣ рѣдко ходятъ по гостямъ, не потому, чтобы онѣ не любили людей; нѣтъ, онѣ готовы радушно принять у себя всякаго. Но имъ тяжело подняться изъ своего уютно устроеннаго, мирнаго уголка, гдѣ какой нибудь прирученный чижикъ или дешевая канарейка чирикаютъ, гдѣ постоянно дѣтскій или дѣвическій смѣхъ слышится; тяжело имъ изъ этого маленькаго райка войти въ чужой домъ, гдѣ хозяйка или на прислугу, или на мужа и дѣтей жалуется, гдѣ зависть шипитъ сотнями своихъ клеветъ и брызжетъ грязью на всѣхъ близкихъ родныхъ и знакомыхъ; тяжело этимъ женщинамъ выслушивать это шипѣнье и видѣть это бросанье грязью, тѣмъ болѣе, что тѣ же шипящiе и брызгающiе грязью люди преобразуются, вступая въ ихъ маленькій райкъ, подъ вліяніемъ хозяйки, управляющей разговорами и

настроениемъ гостей, умѣющей проболтать о канарейкѣ, сшитомъ по заказу платьѣ, о своихъ милыхъ дѣтяхъ, о своихъ цвѣтахъ. Всѣ эти ничтожные сами по себѣ, но не дающіе никакой пищи злобѣ, предметы занимаютъ время визита и гостя уходитъ, не успѣвъ никого выругать за глаза, не успѣвъ посплетничать и даже потерявъ на время изъ памяти все то, что ей хотѣлось насплетничать. Эти женщины смотрятъ очень снисходительно на своихъ падшихъ сестеръ, какъ вообще смотрятъ онѣ на всѣ заблужденія: онѣ знаютъ, какъ тяжело бороться съ жизнью. Сами онѣ держатъ себя такъ, что съ ними трудно начать заигрывать, что имъ трудно сдѣлать какойнибудь сальный намекъ или предложеніе, хотя, повидимому, каждый находящійся съ ними человѣкъ дѣлается развѣзнымъ и веселымъ до послѣдней степени. Но онѣ умѣютъ какъ-то пропустить мимо ушей сальные намеки, не улыбаясь при слишкомъ вольныхъ шуткахъ своихъ новыхъ знакомыхъ и эти шутки, два, три раза повторенныя и произведшія желаннаго эффекта, прекращаются, какъ нѣчто непригодное къ дѣлу въ этомъ домѣ. Эти женщины любятъ театръ и любятъ ѣздить въ него въ складчину, съ компаніей, любятъ пріѣзжать оттуда всѣмъ обществомъ домой и долго говорить о видѣнныхъ пьесахъ, объ игрѣ актеровъ и т. п. Такія празднества напоминаютъ имъ нѣчто въ родѣ пикника. Иногда онѣ, оставшіяся на двадцатомъ году вдовами, выходятъ лѣтъ черезъ десять замужъ. Какъ онѣ выходятъ—это почти незамѣтно: обыкновенно какойнибудь старый знакомый, или росшій когда-то съ ними, или дружный съ ихъ покойнымъ мужемъ, ходитъ къ нимъ десятки лѣтъ, исполняетъ мелкія ихъ порученія, беретъ для нихъ билеты въ театръ, вбиваетъ гвозди въ стѣны при переѣздѣ ихъ на новыя квартиры, нанимаетъ ломовыхъ, носитъ проценты въ ссудную кассу за заложенные ими подюжины чайныхъ ложекъ и т. п. Съ каждымъ годомъ онѣ ходитъ все чаще и чаще къ своей доброй знакомой, все больше и больше жалуется на неуютность своей квартиры, на нечистоплотность своихъ хозяевъ; потомъ тяжело вздыхаетъ, покачивая головой; далѣе съ различными извиненіями, съ различными уговорами «не сердиться», «оставаться по-прежнему друзьями», въ случаѣ несогласія, объясняетъ ти-

хонько, сидя у пивейнаго стола и не глядя на хозяйку, что онъ хотѣлъ бы жениться.

— Ну, чтожь, и доброе дѣло, громко отвѣчаетъ женщина, ничего не подозрѣвая.—Нечего холостякомъ-то небо коптить. На комъ-же?

Холостякъ затрудняется отвѣтомъ—онъ, бѣдный, въ первый разъ втеченіе сорока лѣтъ находится въ такомъ положеніи.

— Я васъ хотѣлъ просить... руки вашей... Вы не сердитесь пожалуйста... шепчетъ холостякъ.

Тутъ оставляется работа, задумчиво опускается голова на грудь молодой женщины. Холостякъ ни живъ, ни мертвъ, онъ уже готовъ пробормотать: «извините меня, забудьте все это, это я такъ...» Но вотъ онъ слышитъ ласковый, уже тихій, какъ бы стыдливый голосъ:

— Чтожь, я согласна... Я васъ и прежде за родного считала... Только... только не отжили ли мы съ вами?

— Что вы, что вы! вскрикиваетъ холостякъ, забывая ученицъ и дѣтей.—Да вы взгляните на себя въ зеркало.

Женщина смѣется и ищетъ глазами зеркало, надѣясь встрѣтить въ немъ отраженіе своего лица: о какое оно еще свѣжее, молодое, смѣющееся!

— Да мы молодыхъ за поясъ заткнемъ, храбрится холостякъ—онъ теперь счастливѣйшій изъ смертныхъ. Ни одинъ юноша не могъ бы сдѣлать такихъ восторженныхъ глупостей, какія готовъ сдѣлать этотъ сорокалѣтній человѣкъ, весь сіяющій блаженствомъ. И если онъ и его жена, вѣчно юные, вѣчно свѣжіе, доживутъ до семидесяти лѣтъ, то они, ниньча своихъ внучатъ, выдавая замужъ и жения своихъ младшихъ дѣтей, будутъ говорить: «ну, дай вамъ Богъ такъ любить другъ друга, какъ мы любили другъ друга!..» Да, дай Богъ!

Такою женщиной была хозяйка Макарова. Она вполне принадлежала, если можно такъ выразиться, къ этому типу нравственной аристократин. Она какъ-то незамѣтно сошлась съ Макаровымъ и съ нами.

— Люблю я молодежь, говорила она.—Глупости часто говорить молодежь, за то никогда не говорить подлостей, а если и скажетъ, то сама же и покраснѣетъ.

Послѣ двухъ мѣсяцевъ знакомства, мы уже вѣдали вмѣстѣ

въ театры въ дешевыя мѣста. Еще черезъ нѣсколько времени мы упросили ее кормить насъ обѣдомъ. Потомъ мы стали угроживать ее взять изъ школы ея племянницу.

— Я и сама знаю, что тамъ дурно учать и обращаются скверно, да вѣдь всѣ школы таковы. Вѣдь я уже обходила ихъ съ десятокъ, говорила она.

— Дома учите, совѣтовали мы.

— Легко сказать! Я и такъ едва концы съ концами свожу.

— Да вамъ это дешевле будетъ, мы всѣ станемъ даромъ учить ее.

Она, не отвѣкиваясь, не выражала никакихъ церемонныхъ отказовъ, и мы начали учить ея племянницу. Это было бойкое и живое дѣтя съ вѣчными спорами и вопросами на языкѣ. У нея все кипѣло въ рукахъ; она обыкновенно не ходила, а носилась по комнатѣ; ее занимало все: увидитъ она новаго фасона бурнусъ, тотчасъ летитъ къ теткѣ и рассказываетъ быстро, точно боясь, что кто нибудь перехватитъ ея открытіе, какой бурнусъ, гдѣ шовъ, гдѣ сборки, гдѣ бахрома, какіе рукава, какой воротничекъ.

— Ничего, дѣтя мое, не понимаю, обыкновенно замѣчала, улыбаясь, тетка.

— Эхъ, какая ты глупая! восклицала племянница, топая ногой.

— Ну, можно быть и повѣжливѣе! замѣчала тетка.

— Ну, вотъ смотри! не отвѣчая на замѣчаніе, говорила племянница, и подъ ея рукой уже шуршала бумага и звенѣли ножницы.

Топая ногами, кусая губенки, стучая по столу рукой, дѣвочка наконецъ добивалась своего и выкраивала маленькій бурнусъ, по которому при небольшихъ соображеніяхъ и поправкахъ можно было смѣло кроить большой бурнусъ, не боясь сдѣлать какую нибудь австраійскую одежду. Ея способность подмѣчать все смѣшное рѣзко бросалась въ глаза. Однажды дѣвочка молча сидѣла и что-то чертила на бумагѣ, послѣ долгихъ усилій и попытокъ она начала хохотать.

— Что съ тобой? спросила тетка.

— Тетя, тетя, посмотри. Тихонько посмотри! шептала дѣвочка, показывая теткѣ тайкомъ отъ насъ бумагу, испещренную ея карандашемъ.

Тетка, улыбаясь, таинственно спросила: чей же это?

— Леева! прыснула отъ смѣха дѣвочка.

Заинтересованные тайною, мы добивались ея открытія и тет-ка показала намъ бумагу при хохотѣ убѣжавшей племянницы. На бумагѣ среди десятка перемаранныхъ рисунковъ носовъ красовался одинъ носъ, довольно толстый и нѣсколько похожій на утинный, въ которомъ можно было при помощи извѣстной доли воображенія узнать карриатуру на носъ Леева. Дѣйствительно у этого красавца некрасивъ былъ только носъ. Ничто не ускользало отъ наблюдательности этого ребенка, ни носъ Леева, ни задумчивость Макарова, ни сонливость Шепелева.

— Макаровъ вѣрно нездоровъ, что онъ всегда такой скучный, прервала она однажды урокъ, обращаясь ко мнѣ.

— Нѣтъ, онъ теперь здоровъ.

— Зачѣмъ же онъ рѣдко смѣется? Развѣ ему не весело съ нами.

— Хорошо, Наташа, но не весело. Инымъ людямъ тяжело жить на свѣтѣ.

— Бѣднымъ?

— И богатымъ, если они видятъ много бѣдныхъ.

— Такъ пусть они помогаютъ.

— Всѣмъ одинъ не поможешь...

— Пусть всѣ всѣмъ помогаютъ.

— Вотъ потому-то и тяжело инымъ жить, что они видятъ, какъ другіе богатые не думаютъ о бѣдныхъ. Вотъ вѣдь не всѣмъ дѣтямъ такъ хорошо жить, какъ вамъ...

— О, тетя добрая!..

— Да, добрая, потому и она иногда горюетъ о тѣхъ дѣтяхъ, которымъ худо жить.

— Она не всегда горюетъ,—поплачетъ, а потомъ опять веселится... Отчего же Макаровъ такъ не дѣлаетъ.

Я затруднялся отвѣтомъ и вмѣсто настоящихъ причинъ грусти Макарова, которыя мнѣ трудно было объяснить ребенку, сказалъ, что у него характеръ такой, что у каждого свой характеръ, одинъ все скоро забываетъ, другой все помнитъ долго.

— Вотъ вы, какъ тетя, будете все скоро забывать, прибавилъ я,—у васъ живой и подвижной характеръ.

— Ну нѣтъ, я ничего не забываю. Я вотъ еще маленькая, маленькая была, а помню, какъ дядя — мужъ тети, не отдавъ вора въ полицію, а далъ ему рубль на чай.

— Какъ такъ? засмѣялся я.

— Да вотъ какъ, серьезно сказала Наташа.— У дяди провали охотничьи сапоги. Кто-то укралъ ихъ. А мы жили въ одномъ домѣ съ чиновникомъ. Въ подвалѣ онъ жилъ, бѣдный, бѣдный такой и дѣтей у него много и жена больная тогда у него была. Дѣти его играли со мною на дворѣ, я имъ будочекъ прятала, какъ вотъ бѣднымъ голубкамъ или собачкамъ прячуть. Это и тетя и дядя знали. Только я вотъ вышла къ нимъ вечеромъ играть, а они мнѣ и говорятъ: «а мы сегодня супъ тушали...» Они такіе смѣшные были, к не могли выговаривать. «И говядина была у насъ». — «Развѣ, говорю я, нава вашъ деньги получилъ?»—«А папа, говорятъ, сегодня сапоги большіе продалъ и тупилъ намъ говядины и маму супомъ торнилъ...» И такіе они веселые, въ ладоши бьютъ. Я пошла и рассказала это дядѣ; онъ вышелъ къ дѣтямъ и далъ имъ рубль: «Это, говорить, отнесите мамѣ на лекарство!» А самъ пришелъ въ комнату, перекрестился и поцѣловалъ тетю. А тетя заплакала и сказала: «Господи помилуй насъ и Натю отъ этого».

Наташа уткнулась лицомъ въ книгу и замолчала, на книгу лились одна за другою крупныя слезы.

Я тихо провелъ рукою по ея головкѣ и не могъ долго продолжать прерванный урокъ. Если я боялся за будущность какого нибудь ребенка, то это было именно въ эту минуту: я чувствовалъ, что передо мною развивается одна изъ тѣхъ кипучихъ, свѣлыхъ и глубокихъ натуръ, которыя такъ быстро сгараютъ среди людскихъ несправедливостей и людскихъ страданій. Я понималъ, что Наташа говоритъ правду о томъ, что она ничего не забываетъ, и предчувствовалъ, что она едва ли будетъ забывать что нибудь и въ будущемъ. Скоро она сдѣлалась нашей общей любимцею и мы не базовали ее только потому, что такихъ дѣтей нельзя баловать: для приторныхъ нѣжностей она была слишкомъ рѣзва, вмѣсто объядѣнья сладостями она любила книжку, замѣчаній за лѣнь она не могла заслужить по своей чрезвычайной любознательности. Только порывы строптивости и иногда рѣзкія выраженія могли вызвать за-

мѣчанія, и въ этихъ случаяхъ ея тетка постоянно являлась на сторожѣ.

Въ Марьѣ Васильевнѣ и въ ея племянницѣ мы нашли именно то, чего намъ не доставало — хорошее женское вліаніе. Марья Васильевна иногда журила насъ за опрометчивость въ разныхъ житейскихъ отношеніяхъ, невольно приучала насъ къ общежитію, отучила отъ холостыхъ, халатныхъ манеръ и разгильдяйства. Вліяла она на насъ по большей части при помощи добродушной насмѣшливости, это оружіе она употребляла и для исправленія рѣзкостей въ характерѣ племянницы. Посѣщая ее, мы приходили все въ большій и большій восторгъ, постоянно открывая въ ней новыя добродѣтели и новыя стороны простого и яснаго ума. Я зналъ многіе круги общества, начиная съ кружка старыхъ холостяковъ и кончая кружкомъ графа Сиверскаго, но нигдѣ не встрѣчалъ я болѣе челоувѣчной личности. Восторженно говорилъ я о ней дядѣ. Бѣдный старикъ совсѣмъ поддался въ это время Матренѣ Марковнѣ, и она уже начинала покрикивать на него, когда полагала, что я не могу этого слышать.

— Ну куда вы за молодежью-то, благодѣтель, тянетесь? говорила она.—Пора и остепениться.

— Да что жь, Матрена Марковна, я только чайку попить, поболтать съ ними люблю, миѣ общество нужно, отговаривался дядя.

— Опять угощать ихъ будете? Безъ гроша придется сидѣть.

— Да вы развѣ считали мои деньги? Ахъ вы ворчунья!

— Не считала, благодѣтель, да вѣдь если сегодня угощать, завтра угощать—въ карманѣ-то ничего и не останется. Я на своемъ вѣку видѣла тѣхъ-то, которые проугощали этакъ свое состояніе. Вотъ и мой племянничекъ-то тоже угощалъ, угощалъ пріятельвѣ, да вотъ теперь у меня на шеѣ и сидитъ.

— Ахъ ворчунья, ворчунья! шепталъ дядя.

— Да и засиживаетесь вы у этихъ разныхъ своихъ старыхъ знакомыхъ. Ночью еще что случится на дорогѣ, оборони Богъ.

— Здѣсь тихо въ нашемъ краю...

— Толкуйте, тихо! Да я и заснуть никогда не могу до вашего прихода, душевнѣку изъ меня всю вытянетъ, какъ поду-

маю: не случилось ли чего съ нашимъ ангеломъ, не упали ли гдѣ, не обобрали ли его гдѣ? Вонъ и мой племянничекъ-то тоже харахорится, а и на мостовой иногда навалается и нагишомъ-то домой придетъ.

Дядю наконецъ задѣло за живое это постоянное сравненіе съ ея племянникомъ.

— Вашъ племянникъ пьянчуга, а я трезвый человѣкъ, сердился онъ.

— И, батюшка, и онъ былъ трезвымъ человѣкомъ, да вѣдь съ панталыку не долго сбиться...

— Однако вы забываете, что я не дитя...

— Да вы, мужчины, хуже дѣтей. Вы насъ, женщинъ, мучаете, и горя вамъ мало; мы за васъ убиваемся, а вы и ухомъ не ведете; дѣти — тѣхъ по крайности высѣчешь и уймутся, а вамъ говорить станешь, такъ еще обижаетесь. Вотъ и мой племянничекъ обижался, я, говорить, не маленькій, а потомъ какъ пошелъ пить, такъ и завертѣлся. Ну да ужъ онъ погибшій человѣкъ, а вы-то, вы-то съ чего себя губить хотите. Впрочемъ, вѣдь я вамъ не сестра, не жена, что вамъ до меня за дѣло... Конечно, мараль изъ-за васъ нажила...

— Эхъ, Матрена Марковна!

— Что: эхъ, Матрена Марковна! Правду я говорю, была бы женою вашей, такъ не бѣжали бы въ общество...

— Ну, ну, не ворчите, воркотунья!

И дядя «бодалъ» Матрену Марковну, дѣлавшую сквозь слезы кокетливое лицо.

— Вамъ все шутки, капитанъ, а вы побыли бы на моемъ мѣстѣ! вздыхала она и нѣжно прижималась къ старику.

Старикъ умилялся.

Онъ видимо подпадалъ подъ ея вліяніе и часто говорилъ:

— Ворчунья Матрена Марковна, ворчунья, а вѣдь она добра мнѣ желаетъ, тоже я человѣкъ слабый, ну боится, что все промотаю, что случится со мной что нибудь.

— Да что ей за дѣло до твоего кармана? говорилъ я. — А на счетъ позднихъ возвращеній домой можно не бояться, ты можешь ѣздить или нанять лакея. Вообще, дядя, не дурно бы намъ нанять особую квартиру и взять лакея. Тебѣ иногда ну-женъ вѣрный слуга.

— Какъ же, птица ты, птица моя, а Матрена Марковна-то какъ останется.

— Да что она тебѣ? Родня, что-ли?

— Ну все же... благодѣтелемъ меня считаетъ...

— Ну ты благодѣтелемъ и останешься...

— Да такъ то оно такъ, только какъ же это я одинъ-то буду?... Тутъ, знаешь, ребятишки забѣгутъ, она зайдетъ поговорить... а тамъ...

Я понималъ, что дядѣ трудно вырваться изъ когтей Матрены Марковны. Она же на другой день говорила мнѣ:

— Что это вы дядюшку-то подбиваете переѣхать? Стыдно вамъ, отъ васъ-то я этого не ожидала. Вы думаете, съ нимъ мнѣ легко возиться? Вы то явитесь пообѣдать, чаю дома напьетесь и пропадете, а вѣдь я цѣлый день съ нимъ вожусь. Безъ меня-то онъ бы съ тоски пропалъ. Я ему больше родная, чѣмъ вы. Онъ вѣдь тоже мужчина...

— Ну объ этомъ я не стану спорить, улыбнулся я.

— Да, вамъ все смѣшки!

Я понималъ, что дѣйствительно мнѣ невозможно перевезти дядю на отдѣльную квартиру, не пожертвовавъ его или своимъ спокойствіемъ, но не хотѣлось мнѣ оставлять его и въ рукахъ Матрены Марковны. Она все больше и больше забирала его въ руки и еще больше забирала его въ руки кавказецъ, появившійся къ дядѣ и вытягивавшій отъ старика деньги. Я ясно видѣлъ, что тетушка и ея достойный племянникъ находятся въ слишкомъ интимныхъ отношеніяхъ между собою и эксплуатируютъ довѣрчиваго старика. Онъ до того сталъ бояться ихъ, что не рѣшался въ праздники дѣлать обычныя закупки для раздачи знакомымъ бѣднякамъ и только тайкомъ развозилъ деньги этимъ несчастнымъ. Я невольно началъ подумывать о необходимости найти какой нибудь исходъ для дяди. Бросить его въ этомъ случаѣ я не могъ, перевезти съ собою на отдѣльную квартиру тоже не имѣлъ ни возможности, ни права.

Однажды, раздраженный новой продѣлкой кавказца и его тетушки, я пришелъ къ Марьѣ Васильевнѣ въ тяжеломъ настроеніи. Наша братія вся была въ сборѣ, и я былъ радъ, что могъ не наводить тоски на присутствующихъ, не виѣшиваясь въ разговоры и не подавая имъ вида, что мнѣ не по себѣ.

Вдругъ среди оживленныхъ разговоровъ раздался вопросъ Наташи, обращенный ко мнѣ:

— А вы сегодня скучный?

Всѣ обратили вниманіе на меня.

— Въ самомъ дѣлѣ, что съ вами? спросила Марья Васильевна, взглянувъ на мое хмурое лицо.

— Такъ, не весело что-то! вздумалъ я отдѣлаться фразой.

— Ну вотъ еще выдумали, барыня вы нервная, что-ли, что безъ причины будете скучать!

— Домашнія дѣла разныя не веселы.

— А! Тайна!

— Нѣтъ, не тайна, но вамъ не доставятъ никакого удовольствія мои сѣтованья.

— А, можетъ быть, чтонибудь сообщу и выдумаемъ.

— Не думаю. Впрочемъ, попробую рассказать, если хотите.

Я сообщилъ все дѣло.

— Ахъ бѣдный старикъ! Надо его вырвать оттуда! покачала головой Марья Васильевна.

— Да, но какъ? вздохнулъ я.

— Приводите его къ намъ, я люблю съ дѣтьми возиться.

— Хорошо. Но ему будетъ неловко идти въ незнакомый домъ.

— Ну, къ Макарову пусть придетъ, а тамъ перетащимъ и сюда.

Я немного началъ надѣяться. Черезъ два дня я привелъ дядю къ Макарову. Онъ немного удивился, когда туда пришла и Марья Васильевна. Она тотчасъ заговорила съ нимъ, объяснила, что она давно слышала о немъ, что ей очень хотѣлось познакомиться съ нимъ. Дядя растаялъ и началъ взбивать хохолъ.

— Да, могу сказать, что Владиміръ меня любитъ и уважаетъ, сказалъ онъ.—До сихъ поръ уважаетъ. Это рѣдкость въ нынѣшнихъ молодыхъ людяхъ.

— Ну, отчего же въ нынѣшнихъ? улыбнулась Марья Васильевна,—бывали и прежде и непокорныя, и покорныя дѣти, такъ же какъ и теперь. А теперь покорныхъ еще больше. Вонъ здѣсь сколько молодежи, а всѣ они любятъ дядюшку-капитана.

Капитанъ усмѣхнулся самодовольной улыбкой.

— Дѣло въ томъ, капитанъ, каковы старики, продолжала

Марья Васильевна.—Вонъ, я думаю, не нужно быть и молодымъ, чтобы не любить и не уважать какого нибудь Бубнова.

Дядя вскипятился и заерзалъ рукою по волосамъ.

— Да-съ, это, я вамъ скажу, такой человекъ, котораго молодежи слѣдуетъ нелюбить, такъ же какъ и старикамъ, заговорилъ онъ.—Вы можете ли себѣ представить, что онъ отравилъ лучшую пору моей жизни, погубилъ мою племянницу. И какой цвѣтокъ чистый она была, кажется, каждый лучъ солнца могъ притянуть ее къ себѣ.

— Вы долго съ ней жили?

— Я-то? Долго-ли? Да я лучшіе годы прожилъ ею, съ чувствомъ воскликнулъ дядя, оживленный воспоминаніями.—Сестра моя, покойница, когда вышла замужъ — несчастливо вышла замужъ — я сказалъ, что первый ея ребенокъ будетъ мовимъ наслѣдникомъ. Родилась у нея дочь. Ахъ какая это красавица была, только я въ жизни и видѣлъ двухъ такихъ хорошенькихъ дѣтей—ее и Володю, и видѣлъ я ихъ въ день ихъ рожденія... Это вѣдь мои дѣти были, мои, потому что вѣдь я что же? старый морякъ, старый авантюристъ, — и тѣ мои дѣти, которыя рождены отъ любимыхъ мною родныхъ. Росла она такая рѣзвая, бойкая, бѣгаетъ, поетъ...

Въ эту минуту въ комнату вбѣжала Наташа и быстро что-то заговорила теткѣ о чаѣ. Дядя остолбенѣлъ, онъ началъ щипать свои усы, всталъ и заходилъ по комнатѣ.

— Капитанъ, а это моя племянница, сказала хозяйка.—Ты слышала про капитана? обратилась она къ Наташѣ.

— А это добрый такой старичокъ, Владимира Михайловича дядя, произнесла дѣвочка.

— Онъ, онъ самый, милая моя барышня, проговорилъ дядя, наклоняясь къ ребенку и цѣлуя его въ лобъ.

Наташа съ изумленіемъ подняла на него свои свѣтлыя глаза и тихо спросила:

— Вы плачете?

Въ комнатѣ вдругъ стало тихо; капитанъ еще разъ поцѣловалъ дѣвочку и прошелся по комнатѣ. Мы переглянулись между собою и не нарушали молчанія. Наташа задумчиво прилегла къ плечу тетки и безмолвно слѣдила за капитаномъ умными и немного потемнѣвшими глазами...

— Вы, капитанъ, не кончили разсказа, прервала Марья Васильевна эту священную тишину тихимъ и задушевно произнесеннымъ вопросомъ.

— Извините, сударыня, извините... Все это такъ странно... не ожидалъ... воспоминаія...

Дядя сѣлъ въ волненіи и опустилъ на грудь голову.

— Давно, давно, смѣю васъ увѣрить, не переживалъ я такого счастливаго дня... Нашей семейной жизнью на меня пахнуло...

Онъ провелъ рукою по глазамъ и снова принялся за разсказъ. То онъ волновался до слезъ, то онъ восторгался съ юношеской пылкостью, то гордо передавалъ объ успѣхахъ своей покойной Маруси. Семейная жизнь, скитанья по морю, встрѣча съ дикими и цивилизованными народами, — все это ожило въ его памяти и помолодило его. Хозяйка слушала его съ любопытствомъ и была тронута; Наташа же буквально впиалась въ него глазами и потомъ перешла къ нему поближе. Продолжая разговоръ, онъ незамѣтно положилъ свою руку на плечо дѣвочки, потомъ подвинулся на диванъ и усадилъ ее рядомъ съ собою, обнявъ ея талью. Ни онъ, ни дѣвочка, кажется, не замѣчали, какъ они постепенно все ближе и ближе сходились другъ съ другомъ, какъ они дошли до той простоты въ обращеніи, до которыхъ доходятъ внучата и ихъ дѣды.

Во время чаю дядя не отпустилъ отъ себя Наташу, да и она не дѣлала попытокъ отодвинуться отъ него. Онъ намазывалъ ей хлѣбъ масломъ, подавалъ сухари. Разсказы то прерывались, то уклонялись отъ главнаго предмета и заняли весь вечеръ.

— Надѣюсь, что мы будемъ знакомы? сказала хозяйка, прощаясь съ дядей.

— Я вамъ сказалъ сударыня, что я давно, давно не былъ такъ счастливъ, какъ сегодня, отвѣтилъ дядя и поцѣловалъ руку хозяйки по своей старой привычкѣ... — А васъ, милая барышня, позвольте поцѣловать.

Наташа подставила ему губы и звонко поцѣловала его.

— Какой онъ добрый, тетя, задумчиво, покачивая головкой, говорила Наташа. — И какой онъ умный. Онъ умнѣе всѣхъ насъ.

— Онъ долго жилъ и много видѣлъ на свѣтѣ, отвѣтила тетка. — Бѣдняжка, не мало онъ вынесъ, и гдѣ награда за все

это? Одинокая старость, своекорыстные козни ближнихъ, никакого утѣшенія,—печально размышляла тетка.

— Ну, Владиміръ, вотъ люди, такъ люди, говорилъ дядя, возвращаясь домой.—Мать, мать твою она мнѣ напоминаетъ!..

— Кто? спросилъ я.—Наташа?

— Да и Наташа и ея тетка, обѣ онѣ похожи на твою мать, рѣшилъ дядя.

Я не возражалъ, хотя и зналъ, что ни Марья Васильевна, ни ея племянница не походили на мою мать.

— А что я, Володя, ничего такого неприличнаго не сказалъ? тревожно спрашивалъ меня дядя.

— Нѣтъ.

— Ну то-то же! Я, знаешь, отсталъ, сильно отсталъ отъ женскаго общества... Ты вѣдь знаешь, я въ свое время съ высшимъ кругомъ знакомъ былъ. Въ институтѣ бывало встрѣчался съ аристократами.... генеральшу Зайчковскую и все ея семейство отлично зналъ. Да что говорить! Даже въ Англiи въ бытность мою въ Портсмутѣ начальникъ порта представилъ меня своему семейству и первымъ аристократкамъ въ городѣ.—Ну, а теперь опустился я, отсталъ отъ женскаго общества.. Конечно, Матрена Марковна тоже женщина... Ну, да вѣдь самъ ты знаешь, нѣтъ у нея этого, этого... Какъ бы это тебѣ сказать? Нѣтъ у нея, знаешь, ничего женскаго... именно такъ... ничего женскаго... Ну тоже и образованія нѣтъ... А это много значить, у-у какъ много значить, Володя!

Дядя давно не былъ такъ говорливъ и оживленъ. Мы рѣшили, что черезъ два дня онъ снова зайдетъ къ Марьѣ Васильевнѣ.

Она же на слѣдующій день замѣтила мнѣ, когда я пришелъ давать урокъ Наташѣ:

— Какъ вамъ не стыдно, что вы давно не познакомили меня съ дядей.

— Я боюсь, чтобы онъ не былъ вамъ въ тягость, онъ любитъ поговорить...

— Ахъ, Боже мой, да вѣдь я не ушами и не языкомъ шью! Да если бы я даже и не всегда могла говорить съ нимъ, то здѣсь у него найдется слушательница еще болѣе прилежная, чѣмъ я. Онъ одержалъ побѣду надъ Наташей, и она находитъ, что онъ умнѣе всѣхъ васъ...

Я вспомнилъ свои дѣтскіе годы и понялъ, какъ интересенъ былъ мой «бывалый» дядя для малютки. Я пересталъ стѣсняться, и съ слѣдующаго дня дядя сѣлался своимъ человѣкомъ у Марьи Васильевны. Наташа крѣпко ухватилась за дядю и, кажется, не намѣрена была уступить его комунибудь. Она спрашивала его обо всемъ: объ англичанахъ и китайцахъ, о французахъ и американцахъ, объ океанѣ и о далекнхъ городахъ, о матросахъ и офицерахъ.

— Вы мнѣ не забудьте будущій разъ о карнавалѣ разсказать, задавала она дядѣ тему для будущаго визита, какъ будто предупреждая всѣ постороннія поползновенія завладѣть дядей.

Марья Васильевна никогда не говорила Наташѣ, что та можетъ надобѣсть дядѣ. Она замѣчала, что именно эти распросы и манятъ главнымъ образомъ старика въ ихъ семью.

— Вы ей даете уроки географіи и исторіи, какихъ не дастъ ни одинъ профессоръ, говорила Марья Васильевна дядѣ, бесѣдуя съ нимъ.—Я иногда просто готова завидовать вамъ. Вы сохранили въ себѣ память обо всемъ и живете въ самомъ разнообразномъ мірѣ воспоминаній, бывлыхъ лицъ, бывлыхъ картанъ. Я думаю, вамъ иногда пріятно сидѣть теперь въ затишьѣ и вспоминать перенесенныя бури?

— Да, особенно, если затишье такое, какъ здѣсь, въ вашемъ маленькомъ раю, говорилъ дядя.—У меня дома неуютно, сумрачно, безлюдно, какъ-то холодомъ и могилой вѣетъ... А тутъ, у васъ, цвѣты, птицы, веселый, молодой народъ, вы сами такая спокойная и радушная...

Капитанъ задумывался и глядѣлъ на огонь, сверкавшій въ сумеркахъ въ печи и бросавшій яркія пятна и узоры на окружавшіе предметы; неслись передъ глазами капитана былые годы, былыя бури, крушенія, и въ этой тишинѣ онъ думалъ: не здѣсь ли берегъ, не здѣсь ли брошу я свой якорь?

VII.

Общественныя событія и частныя интересы.

— Куда это вы зачастили ходить? спрашивала Матрена Марковна, видя, что дядя очень часто началъ выходить со мною

изъ дому во вечерамъ, и подозрѣвая что-то недоброе для себя.

— У старыхъ пріятелей бываю, отвѣчалъ дядя, не желая и боясь говорить о сдѣланномъ имъ новомъ знакомствѣ.

— Ну, что вы мнѣ рассказываете, будто я не вижу, что вы не къ пріятелямъ ходите. Владиміръ Михайловичъ вашихъ пріятелей не посѣщаетъ, а вы все съ нимъ ѣздите. Видно опять съ какойнибудь молодежью связались. Это ужь не передъ хорошей погодой.

Дядю опять задѣли за живое эти пошлые упреки.

— Вы, Матрена Марковна, очень много воли себѣ дали, сто разъ я вамъ говорилъ это, замѣтилъ онъ.—Я, кажется, имѣю право распоряжаться и своимъ временемъ, и своими знакомствами. Куда бы я ни ѣздилъ—это мое дѣло.

— Да кто же и говоритъ, благодѣтель, что не ваше, заняла Елкина.—Только ужь если вы захвораете, такъ посмотрю я, кто ходить-то за вами будетъ. Вѣдь хроматизъ-то у васъ не дальние, какъ прошлаго года, былъ, тогда кто вамъ спину-то растиралъ, ужь не Владиміръ ли Михайловичъ? А? Ужь не его ли пріятели? Нѣтъ-съ, тогда подп-ка Матрена Марковна понадобилась... Гулять—ваше дѣло, а лѣчить Матрены Марковны дѣло...

— Да что же вы думаете, Матрена Марковна, что я не въ состояніи сидѣлку или фельдшера взять? Я вамъ очень благодаренъ, что вы ходили за мной, но вѣдь я же не пользовался вашими услугами даромъ.

— Ахъ, попрекать, попрекать вздумали! Не за деньги я ходила за вами, не за деньги я вамъ собой жертвовала, можетъ быть, свое имя теряла.—Матрена Марковна расплакалась.

— Ну, полноте! Я васъ не хотѣлъ обижать, замѣтилъ дядя, поправляя въ волнисныя волосы.—Но вы меня попрекнули своими услугами, такъ я это и привелъ къ тому...

— Богъ съ вами, Богъ съ вами! Что я вамъ? Вы и другихъ за деньги найдете! Только любить-то васъ будутъ ли они... Я васъ не удерживаю, можете бросить меня съ дѣтьми... А они-то отцомъ васъ считали.

Дядя взволновался, особенно ради послѣдняго пункта. Ему, дѣйствительно, казалось, что дѣти Елкиной видятъ въ немъ отца. Матрена Марковна даже иногда увѣряла, что одинъ изъ нихъ «такой разбойникъ, весь въ капитана ростетъ». Дядя ви-

дѣлъ въ этомъ сходствѣ слѣдствіе сильной привязанности ребенка къ нему. Плачущая Матрена Марковна, выходя отъ дяди, послѣ приведеннаго мною здѣсь объясненія, сообразила, что дѣло плохо, что надо принять экстренныя мѣры. Дядя, съ своей стороны, оставшись одинъ, началъ серьезно подумывать надъ разрѣшеніемъ вопроса: жить ли здѣсь или переѣхать? Его мысли еще не приняли никакого рѣшительнаго направленія, когда къ нему явился кавказецъ.

— Капитанъ, поговорить нужно! началъ онъ, покручивая свои длинные усы.

— Прошу покорно, садитесь! пригласилъ его дядя.

— Сяду. Объясненіе будетъ сложно, угрожающимъ тономъ произнесъ кавказецъ. — Въ сущности оно могло бы быть очень просто, вы знаете меня: пришелъ, выбралъ оружіе, на позицію, разъ, два, три, бацъ! пуля въ високъ — въ арестантскія роты за дуэль — ничего! Не въ первый разъ! Но есть обстоятельства, усложненіе дѣла, обстоятельства, не позволяющія, какъ благородному человѣку, поступить рѣшительно. Дуэль — согласень. Убійство — никогда!

Дядя только хлопалъ глазами.

— Капитанъ, вы оскорбили мою тетку! продолжалъ Ярышкинъ послѣ минутнаго молчанія, тѣмъ самымъ потрясающимъ и гробовымъ до удушливости тономъ, которымъ говорилъ въ тѣ времена Каратыгинъ въ Гамлетѣ: мать, ты оскорбила моего отца! — Она скрываетъ это отъ меня. Честная, любящая душа! Она знаетъ, я никому не позволю оскорблять ее, и боится выдать васъ! Но у меня глаза!

Кавказецъ такъ сверкнулъ налившимися кровью, воспаленными бѣлками своихъ глазъ, что дядя уже никакъ не могъ сомнѣваться въ томъ, что у кавказца дѣйствительно есть глаза.

— Да, у меня глаза! повторилъ Ярышкинъ. — Вижу слезы, вижу, какъ она таетъ. Вы, конечно, не замѣтили, какъ она таетъ? Вы на это ужъ не обращаете вниманія!

— Позвольте, началъ дядя.

— Нѣтъ-съ! Ни за что! воскликнулъ кавказецъ. — Пришелъ объясниться; должны выслушать. Знаю все, что вы скажете въ оправданіе. Ба! я не позволю оправдываться! Тетущка плачетъ и таетъ! Какія тутъ оправданія? Сегодня я слышалъ, какъ

она тихо шептала своему младенцу: твой папа бросаетъ насъ! Не станемъ разбирать, кто отецъ этого невиннаго ангела; но дѣти считаютъ васъ за отца-благодѣтеля, — значитъ папа—это вы! Логика! И такъ узналъ, что вы бросаете женщину... Первое движеніе—вызвать на дуэль, раскроить голову, смыть кровью пятно съ чести семьи. Къ несчастью, я и тетка, мы вамъ должны, бездѣлицу, правда, но должны. Стрѣляться съ кредиторомъ—убійство. Недостойно меня! Благородство души не позволяетъ. Но я вамъ долженъ сказать: я не допущу васъ переѣхать отсюда. Вы будете жить здѣсь или я найду средства для оплаты виновнымъ! Вы человекъ сухой, бездушный, тряпца, поддаетесь вліяніямъ,—я найду того, подъ чѣмъ вліяніемъ вы бросаете женщину! Говорите, васъ Владиміръ Михайловичъ подбиваетъ переѣхать отсюда, бросить честную, любящую женщину, бросить дѣтей?

Дядя молчалъ. Онъ пробовалъ уже нѣсколько разъ открывать ротъ для возраженій, но каждый разъ кавказецъ останавливалъ его поведительнымъ жестомъ, предписывавшимъ молчаніе. Дядя впалъ въ безнадежность.

— А, вы молчите! Угадалъ! воскликнулъ Ярышкинъ.—Такъ знайте-же: первый вашъ шагъ къ разрыву сдѣлается вами черезъ трупъ этого наглаго...

— Послушайте, однако! не выдержалъ дядя и въ сильномъ волненіи заходилъ по комнатѣ.

— Ничего не хочу слушать! Говорю: вы перешагнете порогъ этого дома черезъ трупъ этого негодяя!

— До вѣдь есть же законы! воскликнулъ дядя.—Я попрошу полицію...

— А, такъ такъ-то вы хотите бороться съ благородными людьми? заскрежеталъ зубами кавказецъ.—Вы хотите при помощи полиціи погубить ихъ? Не вѣдь и мы находимся подъ защитой законовъ. Мы представимъ свидѣтелей. Вы пользуетесь своими средствами. Но я, милостивый государь, найду дорогу. Старый служака, проливалъ кровь за отечество, заслуги обратятъ вниманіе на мою просьбу. Подумайте объ этомъ. Мы еще увидимся!

Кавказецъ пошелъ большими шагами къ дверямъ, взялся за ихъ ручку и вдругъ снова вернулся къ дядѣ угрожающей походкой.

— Мы еще увидимся! проговорилъ онъ, сверкая глазами и чуть не касаясь своимъ носомъ лица дяди, и торжественно удалился изъ комнаты.

Дядя былъ встревоженъ не на шутку и боялся сказать мнѣ о случившемся, полагая, что у меня горячая кровь, что я не оставлю безъ наказанія нанесеннаго мнѣ оскорбленія. Бѣдвый старикъ значительно слабѣлъ и терялъ способность ясно понимать совершающееся кругомъ него. Онъ не рѣшился въ этотъ день ѣхать со мною къ Меньшовой, уныло проходилъ весь вечеръ по своему кабинету и глубокомысленно раздумывалъ о томъ, что кавказецъ хотя и черезъ чуръ горячъ, но все-таки правъ, вполне правъ, что онъ, капитанъ, самъ во всемъ виноватъ, завлекши честную женщину и желая теперь ее бросить, что наконецъ надо было раньше предвидѣть всѣ послѣдствія близкихъ отношеній къ ней. Съ грустью рѣшился онъ покориться своей участи и нести возмездіе за свои грѣхи.

Но какъ бы ни были грустны его мысли, онѣ все-таки не могли сравняться съ тѣми черными думами, которыя въ эту пору охватили меня и моихъ друзей.

Мы уже вышли изъ университета и поступили на службу, надѣясь послужить годъ, а потомъ отдаться вполне той дѣятельности, планы которой окончательно созрѣли въ нашихъ головахъ... На первый разъ мы хотѣли устроить одну школу на Садовой или на Гороховой вблизи отъ рынковъ, гдѣ очень густо бѣдное народонаселеніе мелкихъ торговцевъ и мастеровыхъ. Если бы эта школа пошла удачно, то мы предполагали, что одинъ кто нибудь изъ насъ отдѣлится, откроетъ такую же школу въ другой части города, гдѣ мы будемъ учить на тѣхъ же основаніяхъ дѣлежа всей прибыли, какъ и въ первой школѣ. Все шире и яснѣе становились наши планы и, повидимому, мы могли надѣяться только на успѣхъ. Но именно эта-то надежда и начинала теперь слабѣть. Посѣщая различные кружки и преимущественно кружокъ Левина, я, какъ уже говорилось выше, съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе убѣждался, что въ обществѣ вѣетъ дурнымъ воздухомъ. Нервы были разстроены у всѣхъ, какъ передъ грозой, и страшнѣе, мучительнѣе всего было то, что трудно было угадать, откуда грянетъ и на кого обрушится гроза. Среди этого тяжелаго, давящаго состоянія начались

толпи о такихъ разнообразныхъ, но волнующихъ образованную часть общества явленіяхъ, какъ паденіе Гоголя, французская революція, смерть Бѣлинскаго. По рукамъ ходили письма послѣдняго къ Гоголю и читались, коментировались съ жадностью. Среди этой петербургской паники вдругъ разнесся слухъ о какомъ-то «дѣлѣ». Слухи были самые тревожные и разнорѣчивые, большею частью преувеличенные, какъ это всегда бываетъ въ тѣхъ случаяхъ, когда какое нибудь дѣло является подъ покровомъ тайны. Говорилось о множествѣ арестованныхъ лицъ. Въ числѣ ихъ называли многія извѣстные мнѣ имена и между прочимъ имя Левина. Я былъ взволнованъ до крайности и съ горечью бесѣдовалъ у Меншовой о несчастномъ дѣлѣ и его послѣдствіяхъ.

— Ну, утѣшала она, — теперь все кажется въ гораздо большихъ размѣрахъ, чѣмъ оно существуетъ въ дѣйствительности. Надо выждать время и не падать духомъ.

— Каково выждать, замѣтилъ я.

Меншова попробовала еще что-то сказать въ утѣшенье, но какъ-то у нея ничего не вышло. Она нахмурилась и взволновалась.

— Эхъ, право, еще молодежь, а духомъ упали! сказала она. — Даже на меня какой-то страхъ нагнали, точно вотъ передъ ночью о домовыхъ наговорили!

Мы всё молчали. Макаровъ, блѣдный и больной, полулежалъ на кушеткѣ. На немъ сильнѣе, чѣмъ на насъ, отзывалось всякое новое тревожное извѣстіе. Онъ только-что поступилъ въ университетъ, только-что началъ надѣяться стать лучшимъ человѣкомъ, только-что началъ принимать живое участіе въ нашей проектируемой школѣ, какъ вдругъ судьба снова готовилась подставить ему ногу. Опустивъ голову на грудь, онъ тяжело вздыхалъ отъ времени до времени и вздрагивалъ при малѣйшемъ шумѣ. Его нервы были раздражены окончательно. Мнѣ стало невыносимо это натянутое положеніе, я чувствовалъ необходимость выйти на свѣжій воздухъ, остаться одному, и поднялся съ мѣста.

— Куда же вы? спросила хозяйка.

— Не сидится что-то! Домой! отвѣчалъ я.

— Еще рано.

«Дѣло», № 11.

— Знаю, что рано, но что прикажете дѣлать, если нѣтъ силы оставаться гдѣ нибудь долго?.. Знаете ли, господа, не лучше ли намъ теперь не такъ часто собираться вмѣстѣ?.. Подождемте...

— Ну, полно, замѣтилъ Палицынъ.—Да что съ тобой? На тебѣ лица нѣтъ.

— Ага, братъ, струсилъ! произнесъ Тишка со смѣхомъ, но его смѣхъ вышелъ какимъ-то искусственнымъ.—А еще воеводой хотѣлъ быть!

— Тутъ шутки не у мѣста, глухо и необычайно сурово промолвилъ Макаровъ.

Его глухой голосъ какъ-то странно отозвался въ монхъ ушахъ.

Мы взглянули на него: онъ уже стоялъ, опершись одною рукою о столъ, и былъ желтъ. Его худое лицо съ рѣзкими чертами осунулось болѣе обыкновеннаго, подъ глазами были какія-то темныя впадины.

— Лермонтова не стало, Гоголь свернулъ на другую дорогу, Кольцовъ задохся подъ гнетомъ окружающей среды, Бѣлинскій умеръ, пересчитывалъ гробовымъ, удушливымъ голосомъ Макаровъ погибшихъ и его слова звучали, какъ поминовение усопшихъ на понахидѣ.

— Что съ тобой? спросилъ я, испугавшись конвульсивныхъ движеній лица Макарова.

Но прежде чѣмъ я успѣлъ опомниться, онъ рванулъ какъ-то судорожно воротъ рубашки и, рыдая, упалъ на кушетку. Съ нимъ сдѣлался истерическій припадокъ. Мы стали хлопотать около него.

— Господа, ступайте по домамъ, промолвила Менъшова, обращаясь къ намъ.—Я похлопочу, уложу его въ постель... Ему будетъ лучше безъ васъ...

Мы безмолвно повиновались и также безмолвно вышли изъ дому.

— Пойдемте, братцы, выпьемъ съ горя, обратился къ намъ Палицынъ, выходя изъ воротъ.—Можетъ быть, долго не придется проводить вмѣстѣ время...

— Я не пойду, рѣшительно отказался я отъ предложенія — Лучше выпьемъ тогда, когда все устроимъ.

Я простился съ друзьями и пошелъ домой. У меня не выходили изъ головы рыданія Макарова. Въ этомъ случаѣ было что-то такое предзнаменательное, пугавшее и безъ того не весело настроенную мысль. Я подходилъ къ дому и, переходя лицу, увидалъ въ нашихъ окнахъ свѣтъ.

— Неужели у дяди гости? почти вслухъ проговорилъ я и удивился, такъ какъ у дяди никогда не бывало гостей въ эту пору. У воротъ стояла карета.

.

Я торопился уѣхать изъ Петербурга или, лучше сказать, торопился не я, но меня торопили. До моего отъѣзда освободили Палицына и Шепелева. Они были совершенно оправданы и я удивился, узнавъ, что и они уѣзжаютъ изъ Петербурга. Оказалось, что къ Палицыну прискакалъ его добрякъ-отецъ и со слезами уговорилъ сына ѣхать въ деревню, объясняя, что его мать умретъ, если онъ останется еще хоть на мѣсяцъ въ этомъ омутѣ. Родитель Шепелева не пріѣхалъ, но написалъ ему лаконическое письмо такого содержания: «Анатолий, если ты тотчасъ же не пріѣдешь сюда, гдѣ для тебя приготовлено мѣсто у губернатора, то я велю тебя привести по этапу. Твой отецъ Василій Шепелевъ». Результатъ совершенно различныхъ дѣйствій двухъ отцевъ былъ одинъ и тотъ же: Палицынъ испугался возможности убить свою чувствительную и вѣжную мать неповиновеніемъ, Шепелевъ побоялся путешествія по этапу и оба согласились ѣхать въ провинцію. Дядя непремѣнно хотѣлъ ѣхать со мною, но я звалъ, каково будетъ ему жить въ глуши, гдѣ пожалуй не найдешь ни хорошаго доктора, ни хорошей сидѣлки въ случаѣ его болѣзни. Онъ былъ старъ, ему нуженъ былъ покой. Я просилъ его повременить, подождать, покуда я устроюсь на мѣстѣ.

— Что же я буду дѣлать? говорилъ онъ покорнымъ, почти дѣтскимъ тономъ.—Матренѣ Марковнѣ я никогда не прощу того, что она отказала Марѣ Васильевнѣ... Я ее теперь просто боюсь... Она удушитъ меня, ей Богу удушитъ... И знаешь ли, Володя, что я подозреваю?

Я недоумѣвалъ.

— Я думаю, что во всемъ этомъ дѣлѣ козни кавказца!

— Гдѣ, дядя?

Боже чѣмъ когда нибудь, я чувствовалъ необходимость хорошаго ухода за дядей. Старикъ, опускавшійся все ниже и ниже, теперь пошатнулся окончательно и быстро шелъ къ тому полудѣтскому состоянію, къ которому такъ часто возвращаются люди подъ старость. Мнѣ было и грустно и тяжело.

Вечеромъ передъ моимъ отъѣздомъ мы собрались къ Марьѣ Васильевнѣ. Я сообщилъ ей мои тревоги. Она задумалась.

— Не согласится ли онъ переѣхать ко мнѣ? сказала она.— Лишняя комната у меня есть, теперь гостей принимать не буду... Ухоть за нимъ тоже будетъ.

— Я не знаю, какъ васъ благодарить!

— Э, Боже мой, не въ благодарности дѣло, а въ согласіи вашего дяди.

— Конечно онъ согласится!.. Дядя, обратися я къ старику.

Меньшова встала и вышла, чтобы не мѣшать дядѣ свободно выразить свое мнѣніе.

— Тебѣ Марья Васильевна предлагаетъ переѣхать къ ней, сказалъ я.

— Какъ, голубчикъ, что ты?! Ахъ, она добрая, добрая, взволновался дядя.— Въ маленькій раекъ... Мнѣ старику... Господи, въ царство небесное прежде смерти попаду!

— Такъ ты согласенъ?

— Еще бы, еще бы! заговорилъ дядя и вдругъ снова его лицо приняло тоскливое и робкое выраженіе.— А какже Матрена Марковна? Она... кавказецъ, главное... не пустять они меня... Преслѣдовать начнутъ... Вѣдь онъ на все рѣшится... Ей Богу, на все... Онъ снова въ полицію пойдетъ... Онъ тебѣ убѣетъ... черезъ твой трупъ пройду... бормоталъ дядя.

Опять у меня сжалось сердце. Я не зналъ, что дѣлать. Въ это время воротилась въ комнату Марья Васильевна. Она, кажется, удивилась, увидавъ наши печальные лица, и вопросительно взглянула на меня. Я понялъ ее.

— Дядя очень радъ переѣхать къ вамъ, сказалъ я,—и считаетъ это просто благодѣяніемъ съ вашей стороны. Но нѣкоторые обстоятельства пугаютъ его. У него, знаете, втече-

нѣ долгихъ лѣтъ явились кое-какія обязательства, чисто призрачныя впрочемъ, привязывающія его къ той семьѣ, гдѣ онъ живетъ. Она считаетъ вправѣ преслѣдовать его и онъ боится, что эти люди надѣлаютъ вамъ непріятныхъ сценъ...

— О это ничего! отвѣчала Меньшова.

— Сударыня, вы ангелъ, чистый ангелъ! воскликнулъ дядя, цѣлуя руку Марьи Васильевны.—Но вы не знаете этихъ людей... Они и меня, и васъ погубятъ...

Я тихо, со вздохомъ покачалъ головой. Марья Васильевна потерла свой лобъ, какъ бы придумывая что-то.

— Послушайте, сказала она черезъ минуту.—Это можно устроить.

Дядя насторожилъ уши.

— Вы выпишетесь за городъ и побѣзжайте завтра вмѣстѣ съ Владиміромъ Михайловичемъ, начала она.—У заставы мы васъ пересадимъ въ карету и привеземъ сюда. Конечно, надо будетъ пожертвовать имъ мебелью, чтобы они вполнѣ повѣрили вашему отъѣзду въ провинцію...

Дядя ожилъ, какъ ребенокъ.

— Отлично, отлично! заговорилъ онъ.—За городъ выпишусь и потомъ къ вамъ переѣду. Тогда не отыщутъ меня. Вѣдь я выхожу рѣдко, не встрѣчусь съ ними.

Я поблагодарилъ Меньшову. Дядя началъ болтать и снова былъ и разсудителенъ, и интересенъ въ своихъ рѣчахъ. Наташа бѣгала около него и называла его «дѣдушкой.» Старикъ былъ радъ, ему казалось, что это была дѣйствительно его внучка. У меня отлегло отъ сердца, теперь я могъ уѣхать спокойно, не волнуясь по крайней мѣрѣ за дядю.

— Ну, братъ, вотъ я и у берега. Вынесъ послѣднее крушеніе и спасся, говорилъ онъ.

— Да, дядя, ты закаленный морякъ, а мы неопытные юнги, улыбнулся я, обвиняя его.—Куда прибѣтъ насъ волнами, Богъ знаетъ! Теперь опять все вверхъ дномъ перевернулось. Опять новую жизнь приходится начинать. Точно муравей, натаскиваешь, натаскиваешь прутиковъ, соломинокъ съ своими собратьями и вдругъ судьба, какъ праздный прохожій, дотронется своей палкой до строящейся кучи, разворотитъ муравейникъ—и все разрушено. Кто придавленъ, кто оторванъ отъ семьи, у

кого домъ раззоренъ. А сколькохъ усилій стоило собраться въ кучу, начать дружно работать, отыскать дорожки къ цѣли; сколько надеждъ соединялось съ каждой ничтожной соломенкой, съ каждымъ шагомъ на вершину едва замѣтнаго для постороннихъ пригорка! И опять всё идемъ въ разбродъ и опять выносимъ сознаніе, что здѣсь нельзя намъ стронуться такъ, какъ мы хотѣли.

Я былъ тяжело, тоскливо настроенъ. Не веселы были и другіе. Не смѣялся даже Леевъ, а если и смѣялся, то въ его смѣхѣ впервые начала звучать какая-то злая, ироническая нотка. Шепелевъ былъ мрачнѣе всѣхъ, онъ по обыкновенію молчалъ, но на его лицѣ было написано глубокое страданіе. Несчастный математикъ никакъ не могъ переварить мысли, что ему будетъ нужно тереться въ губернаторской канцеляріи и переписывать бумаги. Одинъ Макаровъ былъ не грустенъ, но какъ-то нервно раздражителенъ, озлобленъ.

— Обживетесь въ деревняхъ! говорилъ онъ. Женитесь, — вотъ вамъ и муравейникъ, прочный муравейникъ; пока не умрете отъ несваренія въ желудкѣ вы или ваши супружницы, никакія силы не раззорятъ этого муравейника.

Я ѣхалъ отдыхать. Отдыхать? отъ чего? что было сдѣлано? Ничего! Были только надежды, подготовленія къ работѣ, не было даже вполнѣ найденнаго пути, а между тѣмъ уже приходилось отдыхать послѣ этой передраги, приходилось строить новые планы.

А. Михайловъ.

(Окончан. въ слѣдующей кн.)

ЖЕНА КАТОРЖНАГО.

(Пѣзъ Барри Корнуэля)

У тебя клеймо на лбу,
И позорно и черно;
Всѣмъ видна твоя вина,
И не смоеся оно.

У тебя клеймо на лбу;
Но вездѣ пойду съ тобой.
Кто тебя полюбитъ тамъ,
Если будешь брошенъ мной?

Цѣлый міръ тебя отвергъ,
И грѣшна душа твоя.
Цѣлый міръ тебя отвергъ;
Но не я, не я, не я!

Если на смерть раненъ тигръ,
Рядомъ съ нимъ лежитъ любя
И тигрица. — Милый мой,
Я тигрица у тебя!

Мих. Михайловъ

ПОСЛѢДНЕЕ СЛОВО НАУКИ.

«Холодная дѣйствительность науки успокоиваетъ воображеніе, вмѣсто того чтобъ его возбуждать».

(Посвящается Надеждѣ Павловнѣ Ивановой).

Грустная картина повсемѣстной общественной неурядицы способна повергнуть въ глубочайшее уныніе всякаго мало-мальски впечатлительнаго человѣка. И въ самомъ дѣлѣ, озираясь кругомъ, легко замѣтить, что какая-то тоска овладѣла всѣми. Нововведенія послѣднихъ лѣтъ застали врасплохъ чуть не все общество; они потребовали новыхъ людей, а ихъ-то и нѣтъ. Большинство провинціального общества, какъ рой спугнутыхъ мухъ, потревоженное съ своихъ завѣтныхъ мѣстъ, въ виду новыхъ порядковъ и требованій, осталось совершенно за штатомъ, и видитъ себя кругомъ никуда негоднымъ, неспособнымъ за что нибудь взяться. Какая-то апатія и разрозненность разобщили весь провинціальный міръ и держатъ его въ какомъ-то недоразумѣніи. Даже капиталъ не выступаетъ теперь такъ дерзко и бойко какъ въ былыя времена. Онъ какъ бы совѣстится щеголять среди повсюднаго безденежья. Отправляясь дальше, сердце сжимается при видѣ какъ пала наша литература, какъ безцвѣтно ея содержаніе. Мутно, вяло, скучно кругомъ, и не у насъ только, но и по всей Европѣ. Вся Европа чего-то ждетъ, а главное жаждетъ, желаетъ чего-то лучшаго, иного, новаго, обновляющаго, освѣжающаго. Повидному нѣтъ ничего утѣшительнаго въ этомъ натянutomъ переходномъ состояніи. Куда спрятаться отъ этой леденящей сферы? Гдѣ тотъ

уголокъ, въ которомъ можно отдохнуть привольно, взглянуть съ надеждою на будущее, отбросить отчаяніе, отрезвиться отъ охватившей всѣхъ апатіи, отъ сокрушающей тоски, стряхнуть ярмо лѣни и безнадежны и преисполниться желанія идти впередъ и впередъ, безъ оглядки и безъ возврата? Этотъ уголокъ—наука,—наука не мертвыхъ, не филистеровъ и буквоѣдовъ, а наука жизни, неупускающая изъ виду ни на одну минуту облегченія человѣческихъ страданій. Смѣло развѣваетъ она свое славное знамя и весело призываетъ своихъ честныхъ вождей и поклонниковъ. И либо смотрѣть, какъ вездѣ, гдѣ она ни появится, волей-неволей отдають ей должный почетъ. Да и она такъ побѣдоносно шествуетъ! Она сокрушила вѣковые предрасудки, и очистила человѣческія понятія отъ неимовѣрной тины суевѣрій, цѣлѣя тысячелѣтія мучившихъ человѣчество. Она установила новыя, небывалыя доселѣ отношенія между людьми и раскрыла пути къ самымъ плодотворнымъ сближеніямъ. Она разъяснила средства къ усовершенствованію самого человѣка и къ увеличенію его счастья. Она возвела въ принципъ физическій и умственный трудъ и указала ему первенствующее мѣсто въ соціальной экономіи. Она подорвала кредитъ меча, и гулъ пушекъ не прельщаетъ больше практическое ухо человѣчества, слишкомъ занятого своими матеріальными нуждами, слишкомъ увлеченнаго неумолкаемыми интересами минуты. Она вытащила изъ рабства женщину и поставила ее рядомъ съ мужичной равноправнымъ членомъ общины, такъ что она больше не нуждается въ средневѣковомъ рыцарскомъ покровительствѣ могучаго властелина, потому что вмѣсто златошвейной иглы въ рукахъ этого слабаго существа очутились хирургическіе ножи и резекціонная пила. Наука теперь всеобъемлюща, всесторонняя, вездѣсуща, всемогуща и всевѣдуща. Мы хотимъ здѣсь показать, что лучшимъ ея выразителемъ въ наше время, ни кто иной, какъ только Чарльзъ Дарвинъ, сказавшій послѣднее слово ея.

Вся окружающая насъ природа и мы сами, какъ часть ея или какъ продуктъ ея, представляемъ ни больше, ни меньше, какъ непрерывный рядъ постоянно смѣняющихся явленій матеріи. Обобщить это явленіе, постигнуть законы, по которымъ они совершаются, проникнуть въ современность ихъ взаимныхъ отношеній и проникающей ихъ связи, уразумѣть ихъ смыслъ и значеніе, добыться руководящей нити и плодотворныхъ выводовъ, провѣрить ихъ справедливость и дать вѣрную имъ оцѣнку—есть дѣло величайшихъ геніевъ. Къ числу этихъ геніевъ мы причислемъ Дарви-

на. Предъ нами два его сочиненія: «О происхожденіи видовъ» и «Прирученныя животныя и воздѣланныя растенія». Самое заглавіе какъ будто не обѣщаетъ ничего особеннаго. Да если даже въ концѣ каждаго сочиненія пробѣжать глазами оглавленіе, то легко убѣдиться, что рѣчь идетъ о коровахъ, собакахъ, свиньяхъ, голубяхъ, гусяхъ, о букашкахъ, мушкахъ, тараканкахъ, о разныхъ травкахъ муравкахъ и тому подобныхъ мелочахъ; Дарвинъ правда занимался этой мелюзгой болѣе 30-ти лѣтъ (Слышите ли — тридцать лѣтъ!), онъ собралъ наблюденія лучшихъ естествоиспытателей, постигилъ нѣсколько частей свѣта, работалъ надъ своими идеями день и ночь, можетъ быть, втеченіе всей своей дѣятельной жизни ни на минуту не разставался съ интересовавшими его вопросами; но за то онъ докопался до такихъ грандіозныхъ результатовъ, до какихъ человѣчество если и доходило, то во-первыхъ весьма рѣдко, а во-вторыхъ всегда дѣлало послѣ нихъ продолжительный отдыхъ, едва переводя дыханіе отъ потрясающаго впечатлѣнія. Изучая природу, группируя ея явленія, Дарвинъ переходилъ отъ одного обобщенія къ другому, отъ одного умозаключенія къ другому, и рядомъ такихъ процессовъ создалъ ученіе особенное, новое, свое собственное, Дарвиново ученіе. Положимъ, онъ воспользовался ученіемъ предшественниковъ, но онъ все переработалъ по-своему, переименовалъ, перестроилъ, пересоздалъ всѣ прежнія ученія. Изъ грубыхъ и массивныхъ кусковъ разнаго рода матеріала, валявагося здѣсь и тамъ почти безъ всякаго употребленія, изъ хлама, отброшеннаго невѣжественными руками, изъ разныхъ мелочей, небращавшихъ на себя ни чьего вниманія, изъ бездѣлицъ, попадавшихъ всякому подъ ноги, онъ воздвигъ величественное зданіе, въ которомъ всякая мелочь нашла свое мѣсто, всякая бездѣлица пріобрѣла значеніе, всякій кусокъ пригнанъ должнымъ образомъ, и весь хламъ ушелъ на незамѣнимыя украшенія и дополненія дѣлого. Въ этомъ и заключается величіе и искусство архитектора. Мало того, что ученіе Дарвина разъяснило намъ окружающія насъ явленія; оно раскрыло намъ пути, какъ видоизмѣнять наилучшимъ и наивыгоднѣйшимъ для насъ образомъ эти явленія. И въ этомъ отношеніи ученіе Дарвина не можетъ быть сравниваемо ни съ однимъ изъ прежнихъ. Ньютонъ показалъ намъ законы обращенія небесныхъ свѣтилъ. Онъ научилъ безошибочно и съ математической вѣрностью предузнавать явленія передвиженія астрономическихъ тѣлъ. Но Дарвинъ не только рассказалъ намъ законы, какъ видоизмѣняются животныя и растенія, онъ насъ научилъ какъ по

своему произволу видоизмѣнять и тѣхъ и другихъ себѣ на пользу или на пользу животному. До такихъ плодотворныхъ результатовъ еще не доходило ни одно ученіе. Должно быть однакожь, что Дарвины не вездѣ возможны. Только такая страна, какъ Англія, способна была воспитать и выдѣлить изъ своей среды такой необыкновенный умъ, какъ Дарвинъ. Для того, чтобъ такіи личности были возможны въ странѣ, ей необходимо пройти цѣлый рядъ историческихъ ступеней прогрессивнаго развитія, обладать такими огромными средствами, какими обладаетъ Англія; накопить и приготовить тотъ матеріалъ, конимъ могъ воспользоваться Дарвинъ въ своей странѣ и представить тотъ знаменитый рядъ предшественниковъ и современниковъ, какимъ не всякій народъ можетъ по справедливости гордиться. Мы твердо убѣждены, что въ какомъ нибудь Пустозерскѣ или Нижнеколымскѣ такіа личности, какъ Дарвинъ, невозможны и немислимы. Величайшій естествоиспытатель древности, которому равнаго новѣйшая наука можетъ лишь представить въ лицѣ Дарвина, положившій прочное начало біологическимъ наукамъ, Аристотель, занимался зоологическими изслѣдованіями при самыхъ благопріятныхъ обстоятельствахъ, какія когда либо выпадали на долю натуралиста. По свидѣтельству Атенея и Плинія, Александръ далъ Аристотелю сумму въ 900 талантовъ для того, чтобъ облегчить ему собрать матеріалы для его исторіи животныхъ и предоставилъ въ его распоряженіе нѣсколько тысячъ человѣкъ, которые, по его приказанію, занимались ловлею звѣрей и птицъ, и вообще собирали ему нужныя свѣденія (*). Понятное дѣло, что при такихъ средствахъ и при такомъ содѣйствіи могущественной власти такому генію, какъ Аристотель, легко было достигнуть той степени знанія и значенія, какимъ онъ и до сихъ поръ пользуется въ глазахъ современныхъ ученыхъ. Другой замѣчательный предшественникъ Дарвина, его знаменитый соотечественникъ Гарвей, желая продолжать изслѣдованія своего учителя Аквапенденте по части эмбриологіи приобрѣлъ могущественнаго покровителя въ лицѣ Карла I, который предоставилъ въ его распоряженіе много беременныхъ звѣрей и дичи въ Виндзорскомъ паркѣ, чтобъ дать ему средства дѣлать опыты, нужныя для его цѣли. Да, много значить сфера, среди которой воспитывается человѣкъ; большое значеніе имѣетъ почва, на которой онъ вырастаетъ, не мало-

(*) Уэвелль. Т. III, стр. 465.

важна среда, выдѣляющая гениевъ. Шутка-ли сказать, какихъ могикановъ науки создала Англія. Какой народъ еще представить такой блестящій рядъ производителей и творцевъ науки, какъ Ньютонъ, Гарвей, Чарльзъ Бэлли, Сиденгамъ, Гунтеръ, Кавендишъ, Фарадей, Дэви, Пристлей, Оуэнъ, Гексли, Бокль, Д. С. Милль, Гербертъ Спенсеръ, и наконецъ Дарвинъ. Немудрено, что такая масса ума, пущенная въ ходъ и въ обращеніе втеченіе двухъ, трехъ вѣковъ, группируется въ одно стройное гармоническое цѣлое и олицетворяется въ *форму* Дарвина. Понятно послѣ этого, съ какимъ уваженіемъ Англія относится даже и къ иностраннымъ ученымъ. Швеція Богъ далъ великаго ученаго Линнея, но линнеевское общество естествоиспытателей существуетъ въ Лондонѣ. И странное дѣло, послѣ смерти славнаго Линнея шведское правительство не успѣло приобрести его гербарій и коллекцій, и какой нибудь Эдвардъ Смитъ закупилъ все это и отвезъ въ Англію. За нимъ, правда, погнались, чтобы отнять купленное, но не могли настичь, такъ что слава Линнея досталась все-таки Англіи. Узвелль впрочемъ хочетъ насъ увѣрить, что Линней пользовался хорошимъ положеніемъ. Это дѣйствительно видно изъ того, что Линней въ 1753 г. получилъ изъ рукъ своего государя орденъ полярной звѣзды, — награда, которая прежде никогда не давалась за ученые заслуги. Кроме того въ 1756 году былъ возведенъ въ шведское дворянское достоинство съ титуломъ фонъ-Линней (*) и это отличіе было даже утверждено сеймомъ. Ну а коллекціи все-таки достались Англіи, разумѣется коварной. — Матеріальнымъ богатствомъ страны мы называемъ на-копленіе вѣками труда чело-вѣческихъ рукъ. Страна можетъ изобиловать богатѣйшими залежами драгоценныхъ металловъ, огромнѣйшими копами каменнаго угля, алмазными горами, плодороднѣйшими полями и пастбищами и все-таки быть бѣдною по недостатку чело-вѣческихъ рукъ. Страна можетъ обладать такимъ обиліемъ водъ и плодородныхъ долинъ, какъ Бразилія, она можетъ имѣть такія же золотыя россыпи, какъ Калифорнія, такія же алмазныя россыпи, какъ Индія, такія же плантаціи, какъ Куба или Китай, и все-таки умирать съ голоду и быть нищею. А Англія, разумѣется, потому и богата, что она все-таки скопила у себя трудъ всѣхъ этихъ милліоновъ людей; трудъ этотъ и возвелъ ее на степень первенствующей державы. Тоже мы видимъ и въ наукѣ.

(*) Узвелль. Т. III стр. 421.

Природа не дѣлаетъ скачковъ, но за то она постепенно прогрессируетъ. Исторія индуктивныхъ наукъ, такъ сухо изложенная Уэвеллемъ, тѣмъ не менѣе доказываетъ намъ, что наука подвигается впередъ очень медленно, что она въ тѣсной зависимости отъ массы фактовъ, отъ накопленія знаній. Какойнибудь Аристотель вмѣщаль въ себѣ всѣ знанія своей патріархальной эпохи. Запасъ былъ не великъ: Любой гимназистъ обладаетъ теперь большимъ. Но разница въ томъ, что гимназистъ получаетъ все готовымъ и усваиваетъ все не переработывая. Аристотель, правда, собралъ всѣ знанія своего времени, но онъ самъ положилъ начало многимъ новымъ отраслямъ знанія, проверилъ личнымъ опытомъ знанія предшественниковъ, сгруппировалъ все это, обобщилъ и создалъ теоріи. Мы хотимъ этимъ сказать, что идеи, возникавшія въ головѣ Аристотеля и теоріи, имъ созданныя, не могли быть иными при томъ скудномъ запасѣ свѣденій, какимъ обладалъ тогдашній ученый міръ, состоявшій всего на всего чуть не изъ одного же Аристотеля. Но по мѣрѣ того, какъ приобрѣтаются новыя знанія, накапливаются новые факты, порождаются въ силу ихъ новыя идеи, новыя теоріи. Отсюда должно быть понятно, что Дарвинъ не могъ раньше нашего вѣка явиться и Аристотель только потому и не Дарвинъ, что ему не доставало всего того, чѣмъ снабдили Дарвина цѣлыя поколѣнія мыслителей, преемственно работавшихъ въ области реального знанія. Изъ этого однакожь не слѣдуетъ, что такъ всему этому и конца не будетъ, что вслѣдъ за Дарвиномъ появится новый еще лучше его и переиначитъ все имъ добытое. Утверждать это было бы несправедливо. Есть ученія, теоріи, которыя составляютъ поворотъ въ наукѣ и всѣ дальнѣйшія изысканія служатъ лишь къ разработкѣ, къ оправданію установленной идеи. Всѣ предшествовавшія тогда исчезаютъ, ступшеваются, становятся ненужными. Онѣ, правда, объясняли явленія окружающей природы по своему, онѣ даже, быть можетъ, и удовлетворяли любознательности своихъ современниковъ, но онѣ не высказывались окончательно, оставались пробѣлы, недомолвки, недоразумѣнія, неясности, открывавшія просторъ новымъ системамъ, новымъ теоріямъ. Теорія Ньютона стоитъ непоколебимо, никто дальше его еще не пошелъ; дальше Дарвина не скоро пойдутъ, да и пойдутъ ли еще, потому что Дарвинъ договорился до послѣдняго результата и не оставилъ ничего недосказаннаго. Съ этой точки зрѣнія мы воздаемъ должную дань удивленія и уваженія всѣмъ предшествовавшимъ теоріямъ, всѣмъ

приготовительнымъ трудамъ, безъ которыхъ конечно было бы невозможно явиться труду Дарвина. Мы вполне вѣримъ, что заслуги Цезальпина, перваго основателя научной классификаціи растений, чрезвычайно важны. Невѣжественный мракъ, такъ спокойно царившій во все время среднихъ вѣковъ и такъ сладко убаюкивавшій своихъ духовныхъ представителей, былъ неожиданно прерванъ потрясающимъ ознобомъ отъ Декартовскаго: «сомнѣваюсь во всемъ». Понятно, что было отъ чего придти въ ужасъ. Но рядомъ съ этимъ «сомнѣваюсь» нисколько не пошатнулось убѣжденіе въ положительное, реальное знаніе. Мы теперь имѣемъ въ рукахъ ученіе Дарвина готовымъ и подчасъ относимся къ нему равнодушно. Иной профанъ осмѣливается даже заявить грубое мнѣніе въ родѣ того, что Дарвинъ не сказалъ ничего новаго. Но если подумать и поразмыслить, какимъ процессомъ развитія человѣчество дошло до ученія Дарвина, сколько времени, труда и жизни потрачено на изученіе всего органическаго міра, то сдѣлаются понятными заслуги людей мыслящихъ. Прислушайтесь къ говору публики и вы легко убѣдитесь, что въ ея средѣ о многихъ предметахъ господствуютъ понятія богатырскихъ временъ Еруслана Лазаревича. И теперь любой крестьянинъ является къ вамъ за тридцать земель, обскаживаетъ вамъ хворость своей бабы, оставшейся дома, и проситъ отъ васъ цѣлебнаго зелья. Поднимитесь нѣсколько ступеней выше и вы встрѣтите ту же безусловную вѣру въ разные порошки, пилюли и въ другія варіаціи на то же зелье. Какойнибудь Теофрастъ вѣритъ, что есть трава, отъ прикосновенія которой клинъ, вбитый дровосѣкомъ въ дерево, выскакиваетъ самъ събою *). То было въ древности, слишкомъ за двѣ тысячи лѣтъ, но и теперь у насъ находятся многіе миллионы субъектовъ, которые готовы искать «разрывъ - траву». Но вѣдь Теофрастъ считался первымъ великимъ ботаникомъ! Судите же, какая бездна раздѣляетъ фантастическія бредни этого великаго ботаника древности и перваго систематическаго классификатора Цезальпина. Переходъ отъ сказочныхъ знаній Теофраста къ систематизаціи Цезальпина такъ былъ разителенъ, что втеченіе цѣлаго столѣтія человѣчество отдыхало на немъ и не шевелилось дальше; не явилось человѣка, который былъ бы въ состоявіи послѣдовать за нимъ тѣмъ путемъ, который онъ открылъ и который велъ къ системѣ и симметріи **). Какъ ни были бесплод-

*) Уэвелль. Исторія индуктивныхъ наукъ. Т. 3. стр. 349.

**) Уэвелль. И. и. н. т. 3 стр. 381.

ны эти симметріи, но онѣ все-таки облегчили дальнѣйшія изысканія и расширили научное поле. Пытливость человѣческаго ума, стремленія проникнуть въ таинства природы всегда были удѣломъ науки. Всякому хотѣлось добиться до всей сути. Мы здѣсь позволимъ себѣ маленькое отступленіе.

Въ разное время развитія естественныхъ наукъ возникало ученіе о конечныхъ причинахъ или о цѣлесообразности въ природѣ. Ученіе это находило своихъ жаркихъ поклонниковъ, преимущественно среди метафизиковъ и среди естествоиспытателей съ метафизическимъ складомъ ума, но въ тоже время теорія эта подвергалась сильнымъ нападкамъ со стороны другихъ натуралистовъ. Когда Кьюве утверждалъ, что въ природѣ каждое животное должно играть извѣстную опредѣленную роль, то противникъ его Жоффруа отвѣчалъ, что онъ не знаетъ ни одного такого животнаго въ природѣ. Эта теорія «о цѣлесообразности въ природѣ» отъ времени до времени всплываетъ на поверхность житейской суеты, волнуящей ученый міръ. Мы здѣсь хотимъ ея коснуться вслѣдствіе отношенія этой теоріи ея къ ученію Дарвина. Уэвелль горячій ея поклонникъ. Онъ говоритъ, что части тѣла животныхъ сдѣланы для того, чтобы исполнять назначенное для cadaго изъ нихъ дѣло». «Это есть убѣжденіе, на которое мы не можемъ смотрѣть иначе, какъ на неизмѣнный принципъ философіи организаціи, если мы обратимъ вниманіе на то, что онъ постоянно и полною властью дѣйствовалъ на умы зоологовъ и анатомовъ всѣхъ вѣковъ и не только какъ предположеніе, но и какъ руководство, отъ указаній котораго они не могли уклоняться» *). Далѣе Уэвелль говоритъ: «Конечныя причины или цѣлесообразныя представляются намъ не только какъ извѣстныя строенія, приспособленныя для извѣстныхъ цѣлей, но и какъ видоизмѣненія даннаго общаго плана, для спеціальныхъ данныхъ цѣлей» *). Ученіе Дарвина самымъ положительнымъ образомъ опровергаетъ эту теорію. На основаніи ученія Дарвина мы положительно вѣримъ, что всякое органическое существо есть продуктъ внѣшнихъ условій, внѣшнихъ обстоятельствъ. Всякій органическій атомъ или агрегатъ атомовъ есть слѣдствіе, а не причина окружающихъ условій. Функція же каждой органической кѣлочкы, самадѣйшей былинки есть слѣдствіе, а не причина этой организаціи. Съ видоизмѣненіемъ внѣшнихъ условій видоизмѣняются и органическія

*) Уэвелль, И. и н. т. 3, стр. 606.

**) Уэвелль, И. и н. т. 3, стр. 615.

существа и ихъ отправленія. Если поэтому сегодня вѣшнія условія направилъ органическую матерію къ тому, чтобъ она обратилась въ крыло птицы, то это крыло и его функція летать есть продуктъ этихъ условій, а не наоборотъ.

Но Уэвелль все еще сносець. Гораздо возмутительнѣе статья Шафгаузена въ «Антропологическомъ Архивѣ» о цѣлесообразности въ природѣ. Читая статью Шафгаузена, глазамъ своимъ не вѣришь и удивляешься, какимъ образомъ въ такой серьезный и ученый журналъ могла попасть такая пустая и бессодержательная статья, точно переводъ изъ «Домашней Бесѣды» Аскоченскаго. Шафгаузенъ утверждаетъ, что природа надѣлила всѣхъ тварей земли соотвѣтственнымъ костюмомъ для сохраненія животной теплоты, только человѣкъ обиженъ природою и остался нагъ. Но въ его глазахъ и это цѣлесообразно. Бѣлому медвѣдю достался въ удѣлъ богатый и пушистый мѣхъ, а человѣкъ долженъ своимъ умомъ добывать себѣ защиту отъ холода. Но по ученію Дарвина медвѣдь не сразу приобрѣлъ такой мѣхъ, а только въ борьбѣ за существованіе, силою естественнаго подбора и путемъ наслѣдственности; слѣдовательно, природа не создала бѣлыхъ медвѣдей съ пушистою шерстью съ спеціальною цѣлью жить на сѣверномъ полюсѣ, а напротивъ того сѣверный полярный климатъ втеченіе цѣлаго ряда вѣковъ приспособилъ къ своимъ условіямъ бѣлаго медвѣдя цѣлымъ рядомъ измѣненій его организаціи, сдѣлавшихъ возможнымъ его тамошнее существованіе. «Внутреннее строеніе животной организаціи, особенно человѣка, говоритъ Шафгаузенъ, *) почти во всѣхъ частяхъ являетъ примѣры цѣлесообразности». Что значитъ это почти? Значить, есть части и не цѣлесообразныя? «Органъ вкуса, по Шафгаузену, контролируетъ пищу». Но мышьякъ сладокъ на вкусъ, и въ этомъ случаѣ языкъ былъ бы плохой руководитель. Далѣе Шафгаузенъ восторгается, какъ цѣлесообразно защищены всѣ важнѣйшія наши внутренности. Но повидимому Шафгаузена не коснулись знаменитыя наставленія, преподанныя извѣстнымъ юмористомъ Фрайгеромъ фонъ-Мельтицемъ, утверждавшимъ, что мальчикамъ съ самыхъ раннихъ лѣтъ необходимо внушить, что «глаза даны человѣку не для того, чтобъ видѣть, а для того, чтобы спать; уши—не для того, чтобъ слышать, а для того, чтобъ ихъ затыкать ватой; ротъ—не для того, чтобъ говорить, а для того, чтобъ ѣсть

*) Archiv für Anthropologie, стр. 95, т. 3.

и вся голова, не для того, чтобъ думать, а для того, чтобъ на ней носить колпакъ».

Послѣ этого краткаго отступленія возвратимся къ Дарвину.

Биологія—наука о жизни въ общирнѣйшемъ значеніи слова. О. Ковтъ въ своей знаменитой классификаціи наукъ указалъ ей четвертое мѣсто въ ряду основныхъ знаній, непосредственно вслѣдъ за химіей и впереди социологіи, уразумѣніе и правильное изученіе которой немислимо безъ биологіи. Оставимъ послѣдователямъ Биша, де-Бленвиля, Кольриджа, Шеллинга и самому Герберту опредѣлять, что такое жизнь. Мы предполагаемъ, что читателю болѣе или менѣе понятно самое значеніе этого термина; мы лишь согласимся съ читателями, что биологія обнимаетъ собою всю совокупность жизненныхъ явленій всего органическаго міра, жизнь растений, животныхъ и самого человѣка. Основные законы этой сложной жизни и существенное значеніе ихъ изучилъ и глубоко провѣрилъ Дарвинъ, величайшій біологъ всѣхъ вѣковъ и народовъ. Въ двухъ его сочиненіяхъ мы различаемъ съ одной стороны, строго-логическое ученіе, а съ другой стороны, замѣчательно остроумную гипотезу, чрезвычайно удовлетворительно и съ особенной вѣроятностью разъясняющую многія важныя біологическія явленія. Строго говоря, безъ гипотезъ въ наукѣ обойтись нѣтъ возможности. Разумѣется, что чѣмъ меньше ихъ, тѣмъ лучше. Но иногда гипотеза прямо служитъ къ разработкѣ вопроса въ извѣстномъ направленіи. Интересно еще то, что гипотеза можетъ на долго оставаться гипотезой, между тѣмъ какъ выводы, изъ нея вытекающіе, и принципы, на ней построенные, подтверждаются чуть не ежедневнымъ опытомъ. Лучшимъ тому доказательствомъ можетъ послужить теорія Ньютона. Прямымъ и непосредственнымъ путемъ никто конечно не возмется доказать, что земля вокругъ солнца обращается, но астрономическія наблюденія каждый день подтверждаютъ вѣрность и непогрѣшимость законовъ тяготѣнія. «Гипотеза, говоритъ Д. Ст. Милль *), есть какое либо предположеніе, дѣлаемое нами для попытка вывести изъ него заключенія, согласныя съ фактами, о которыхъ извѣстно, что они дѣйствительно существуютъ. Предположеніе дѣлается въ убѣжденіи, что если заключенія, къ которымъ приводитъ гипотеза, суть извѣстныя истины, то сама гипотеза — вепремѣнно или по крайней мѣрѣ вѣроятно—истинна. Если гипотеза»

*) Дж. Ст. Милль. Система логики. Т. 2, стр. 8.

«Дѣло», № 11.

теза касается причины или способа произведенія явленія, то будучи допущена, она послужитъ къ объясненію такихъ фактовъ, выводъ которыхъ изъ этой гипотезы окажется возможнымъ. И объясненіе это составляетъ цѣль многихъ, если не большей части гипотезъ. Но въ научномъ смыслѣ объяснить—значитъ разложить единообразіе, несоставляющее закона связи причины со слѣдствіемъ, на подобные законы, изъ которыхъ оно вытекаетъ или разложить сложный законъ связи причины съ слѣдствіемъ на простѣйшіе и болѣе общіе законы, изъ которыхъ сложный законъ можетъ быть полученъ путемъ вывода. Если не существуетъ извѣстныхъ законовъ, которые удовлетворяли бы этому требованію, то мы можемъ вообразить или избобрѣсти такой законъ. Это значитъ построить гипотезу.»

Къ такимъ гипотезамъ мы относимъ замѣчательную гипотезу Дарвина, названную имъ Пангенезисъ, которой онъ силится объяснить біологическіе законы, составляющіе сущность его ученія. Мы поэтому наше изложеніе ученія Дарвина и начнемъ съ изложенія его правдоподобной гипотезы, чтобы такимъ образомъ облегчить себѣ ознакомленіе съ самымъ ученіемъ. При этомъ насъ на минуту останавливаетъ вопросъ: къ чему и для кого мы взяли на себя обязанность популяризировать Дарвина? Вѣдь всякій легко можетъ себѣ выписать его сочиненіе, прочесть его и тѣмъ принести себѣ въ тысячу разъ больше пользы, чѣмъ чтеніемъ всякихъ популярныхъ статей. Совершенно справедливо. Но, во-первыхъ, не всякій въ состояніи выписать сочиненіе Дарвина, которое для нашего нищенскаго кармана все-таки стоитъ дорого; во-вторыхъ, мы имѣемъ въ виду не тѣсный кругъ специально образованныхъ людей а разнообразную массу публики, которой доступны только тѣ истины, которыя сообщаются ей не въ видѣ ученаго сырого суррогата, а въ видѣ предварительно переработанныхъ въ мозгу писателя и ясно изложенныхъ теорій. Ничего не можетъ быть легче, какъ дураку прикинуться мудрецомъ, спрятать свою глупость за туманнымъ и дубовымъ изложеніемъ яко бы философскаго трактата, но не такъ легко примѣниться къ степени развитія читателя и заставить его слушать себя, говорить съ нимъ понятно и увлекать его за собой. Мы адресуемся не къ мертвымъ, не къ тѣмъ, кто потерялъ способность что нибудь слушать:

Для тѣхъ, на комъ преданіи цѣпи,
Жизнь кончена, порѣшена; —

мы преимущественно имѣемъ въ виду подростающее поколѣніе, которому легче всего достать журналъ, которому доступнѣе всего журнальная статья, и на которое еще можно разсчитывать, что оно хоть сколько нибудь не останется глухимъ къ современнымъ переломамъ, совершающимся въ наукѣ. Что же касается *нашего* отживающаго поколѣнія, то оно, во-первыхъ, слава Богу, отживающее; во-вторыхъ, на него, по выраженію нѣмцевъ: *Horfen und Malz verlogen* (хмѣль и солодъ напрасно потрачены). Мы всегда впрочемъ были того убѣжденія, что какъ отцы не вправѣ требовать отъ насъ, чтобъ мы раздѣляли ихъ убѣжденія и были соучастниками ихъ образа дѣйствій, такъ и мы не вправѣ требовать отъ отцовъ, не получившихъ ни того образованія, которое мы получили, не усвоившихъ тѣхъ знаній, съ которыми намъ пришлось столкнуться, чтобъ они раздѣляли наши убѣжденія, симпатизировали нашимъ стремленіямъ. Чѣмъ горшокъ пропитанъ, тѣмъ отъ него и несетъ, и новыя идеи, убѣжденія и понятія, выработанныя тяжелымъ путемъ опытныхъ наукъ, требуютъ и новыхъ сосудовъ, хорошо прокаленныхъ въ горнилѣ реализма, и на сквозь прожваченныхъ цементомъ положительныхъ знаній такой прочности, чтобъ объ нее искрошились зубы самаго злого и яраго обскурантизма.

Пангенезисъ—вѣроятнѣйшая гипотеза. Строгая зависимость научныхъ теорій отъ обилія и разнообразія фактовъ яснѣе всего видна изъ процесса развитія анатомическихъ знаній. До открытія микроскопа вполнѣ удовлетворялись знаніемъ внѣшняго устройства органовъ и ихъ осязательнымъ нагляднымъ отправленіемъ. Микроскопъ сразу открылъ глазамъ естественныхъ наблюдателей новый, невѣдомый дотогѣ, міръ знаній и поразительнымъ образомъ подвинулъ впередъ всѣ теоріи и обобщенія. Благодаря микроскопу, ученые дошли до заключенія, что прототипъ всего органическаго, какъ растительнаго, такъ и животнаго міра, есть клѣточка (*cellule*). Клѣточка сдѣлалась исходнымъ пунктомъ многочисленныхъ изслѣдованій. Вся жизнь была сведена на жизнь клѣточки; всѣ отправленія были сосредоточены въ ней, всѣ теоріи были на ней основаны, всѣ надежды были возложены на нею, она должна была выяснить, опредѣлить, распутать, раскрыть все темное, непонятное, загадочное. Образовалась цѣлая школа ученыхъ, которые прониклись глубокимъ убѣжденіемъ, что клѣточка самый простой и въ тоже время самый неприкосновенный элементъ всего животнаго царства, что всѣ ткани, изъ которыхъ состоитъ организмъ, есть не больше

и не меньше, какъ только разнообразное видоизмѣненіе и развитіе клѣтки, что наконецъ въ силу этого весь организмъ ничто иное какъ агрегатъ, собраніе клѣточекъ, изъ коихъ каждая имѣетъ свою индивидуальную силу, значеніе, жизнь и что жизнь цѣлаго организма есть лишь сумма жизней клѣточекъ, составляющихъ организмъ. Очень и очень удивлялись, когда открыли и въ первый разъ узрѣли маленькихъ существъ, наливочныхъ животныхъ, также претендующихъ на жизнь. Тогда-то окончательно было принято и утверждено ученіе, провозглашенное еще Гарвеемъ, что всѣ живыя существа происходятъ изъ яйца, «omne vivum ex ovo». Этими открытіемъ надѣялись рѣшить, что не только яйцеродащія животныя вылупляются изъ яицъ, но что и всѣ живородящія проявляютъ тотъ же процессъ, что у нихъ дѣло тоже начинается изъ клѣтки, изъ пузырька, который выходитъ изъ личника, слѣдовательно и живородящія, собственно говоря, также рождаются изъ яицъ, какъ рыбы, птицы и пресмыкающіяся. Еще болѣе радовались этимъ открытіямъ потому, что ими уничтожалось предполагавшееся происхожденіе живыхъ существъ безъ родителей (напримѣръ, червей въ гнѣющихъ веществахъ), ученіе названное *generatio spontanea*, которое, по увѣренію Уэвелля, отвергается всѣми лучшими физиологами новѣйшихъ временъ *); ученіе, которое впрочемъ и до сихъ поръ служитъ яблокомъ раздора двухъ враждующихъ партій. Но на этомъ дѣло не остановилось. Если Франція считается родиной политическихъ волненій, если она всегда служила и служить колыбелью социальныхъ преобразованій, то Германія, по всей справедливости, можетъ быть названа страню умственныхъ переворотовъ, научнаго прогресса. Какъ Вольтеръ своей извѣстной сатирой «сжегъ въ Европѣ востры невѣжества и фанатизма», такъ Кантъ своей критикой чистаго разума преобразовалъ міровоззрѣнія всего ученаго міра. Въ этой-то странѣ науки по преимуществу нѣсколько лѣтъ тому назадъ выступилъ великій реформаторъ медицины Вирховъ и основалъ новое ученіе, целлюлярное, клѣточковое. Уже до него всѣ физиологи сводили всѣ жизненныя явленія въ клѣтку, но болѣзни, сперва помѣщавшіяся въ органахъ, потомъ въ тканяхъ были имъ сведены всѣ также въ клѣтку. Онъ создалъ целлюлярную патологию; онъ сгруппировалъ всѣ страданія человѣческаго орга-

*) Уэвелль, т. 3, стр. 334.

низма опять въ той же клѣточкѣ. Его ученіе опрокинуло вверхъ дномъ всѣ прежнія медицинскія теоріи. Все заговорило его голосомъ; все вѣрило въ его авторитетъ; да онъ дѣйствительно и былъ величайшимъ авторитетомъ, да онъ дѣйствительно и повелъ всю медицину и всѣ молодыя поколѣнія медиковъ по новымъ проложеннымъ имъ путямъ; хотя и не было имъ устроено вселенскаго собора, но тѣмъ не менѣе, все молодое поколѣніе врачей торжественно провозгласило Вирхова своимъ верховнымъ авторитетомъ. Онъ явился также сильнымъ защитникомъ гарвеевскаго принципа «*omne vivum ex ovo*» и придушилъ на время назойливое *generatio spontanea*, то и дѣло прорывавшееся на свѣтъ божій. И теперь, какъ во дни оны, этотъ вопросъ стоитъ поперегъ горла двухъ сильныхъ партій. Съ одной стороны, химикъ Пастеръ видитъ вселенную переполненною зародышами животнаго и растительнаго міра; съ другой стороны, Пуше, Жоли и Мюссе цѣлымъ рядомъ блестящихъ опытовъ стоятъ въ грозномъ величіи въ виду всей французской академіи и пугаютъ ее постоянно своими несокрушимыми доводами самопроизвольнаго зарожденія непосредственно изъ матеріи. Странно лишь то, что всѣхъ утверждающихъ произвольное зарожденіе, готовы преслѣдовать какъ какихъ-то преступниковъ. Ярость противниковъ самопроизвольнаго зарожденія доходитъ до какого-то фанатизма. А впрочемъ, какая же новая и прогрессивная идея вошла въ міръ безъ борьбы съ рутиной, когда же это было, чтобы свѣтлая человѣческая мысль легко завоевывала себѣ поле битвы у торжествующаго невѣжества и лицемерія.

Какъ бы то ни было, но клѣточка приобрѣла важное значеніе и съ научной, и съ философской точки зрѣнія. На ней была основана сперва целюлярная фізіологія, потомъ целюлярная патологія, а отсюда вытекла даже особая целюлярная философія. Все это сущая правда: противъ всего этого мы не беремся возражать; все это мы принимаемъ за истину, за научные результаты. Но тѣмъ не менѣе, все это недостаточно опредѣляетъ и выясняетъ жизнь всего органическаго міра. Во всей этой целюлярной сферѣ остались нѣкоторыя пробѣлы, недомолвки, даже непростительныя натяжки. Какъ люди, вообще увлеченные идеей, защитники целюлярныхъ теорій, какъ бы умышленно умалчивали о томъ, что клѣточка не обвиняетъ всего міра жизненныхъ явленій. Въ чадѣ отъ успѣховъ и славы, горячіе поклонники Вирхова яростно встрѣчали всякое противорѣчіе и малѣйшее сомнѣніе въ святости ученія своего непогрѣшимаго учителя. Тѣмъ не менѣе, мало-по-малу

угарь прошелъ, туманъ сталъ разсѣваться и истина снова озарила умы. Самъ Вирховъ вынужденъ былъ сознаться, что въ организмѣ человѣка существуютъ ткани, какъ серколемма-неврилемма, ткань Десцемета и другія, которыя никогда и не думали состоять изъ клѣточекъ. Появилась цѣлая фаланга ученыхъ, какъ Беннетъ, Баумгертнеръ, которые въ одинъ голосъ заревѣли, что эти ткани даже и не произошли отъ клѣточекъ, сами ихъ никогда не содержали, а несмотря на это, онѣ все-таки живутъ и живутъ, какъ часть организма. Тогда-то оказалось, что въ каждомъ организмѣ кромѣ клѣточекъ есть еще такъ называемыя свободныя зерна, одаренныя своею собственною, особенною силою, далеко не мало-важною. Этимъ зернамъ нашлись вынужденными оказать должное уваженіе и принять во вниманіе ихъ посильное участіе въ жизни организма. Ихъ назвали молекулами. Жизнь и силу имъ свойственную назвали молекулярной, и они стали пользоваться обширными правами гражданства въ общей экономіи организма. Теперь уже клѣточка потеряла свои исключительныя права и привилегіи. Для яснаго пониманія жизни всего органическаго уже недостаточно было изученіе отправленія однихъ клѣточекъ. Молекулы были признаны такими же полноправными и полноѣсными элементами, какъ и клѣточки. Какъ и всегда бываетъ въ такихъ случаяхъ отрѣшеніе отъ прежнихъ увлеченій слѣдовало за отрѣшеніемъ. Роллетъ прямо доказалъ, что кровь человѣческая, самая важная и самая основательная ткань, не состоитъ изъ клѣточекъ. Кровяныя шарики оказались пластинками, тѣльцами, необладающими существенными принадлежностями клѣточки, т. е. безъ оболочки и безъ ядра. Кровь безпозвоночныхъ животныхъ оказалась просто какою-то мутью, въ которой плаваютъ безцвѣтныя тѣльца разнообразнѣйшей формы. Все питаніе организма совершается какъ извѣстно превращеніемъ пищи въ такъ называемый млечный сокъ. Но этотъ млечный сокъ не имѣетъ клѣточекъ, а состоитъ изъ молекулъ, которые потомъ преобразуются въ кровь и въ ткани. И если Вирховъ прежде утверждалъ, что жизнь организма тогда только разъяснится, когда въ немъ найдется такой форменный элементъ, который можно будетъ признать исходнымъ пунктомъ всѣхъ новообразованій, то онъ теперь долженъ въ свободномъ молекулѣ признать искомый элементъ. Такимъ образомъ, намъ будетъ ясно, что жизнь организма есть сумма жизней не однихъ только клѣточекъ, но и молекулъ, входящихъ въ составъ организма; намъ будетъ ясно, что законы, по которымъ совершаются

всѣ жизненныя явленія, суть законы общіе всему строю природы именно законы физико-химическіе; намъ должно быть ясно, что, принципъ всего жизненнаго въ природѣ одинъ общій молекулярный принципъ.

Но если мы придаемъ такое значеніе каждому молекулу, фигурирующему въ организмѣ, если мы признаемъ за нимъ существенную роль, если мы приписываемъ ему силу и жизнь, то мы имѣемъ полное право предполагать, что въ природѣ прямо существуютъ животныя не только въ формѣ клѣточки, какъ всѣ паливочныя инфузоріи, но и въ формѣ молекула, какъ амеды или корненожки, въ которыхъ, по увѣренію профессора Гексли, «никакой наблюдатель, хотя бы онъ пользовался самымъ совершеннымъ микроскопомъ, не нашелъ бы въ этихъ формахъ животной жизни рѣшительно ничего достойнаго названія организациі. Въ тѣлѣ многихъ изъ нихъ, говоритъ профессоръ Гексли, нельзя различить ничего, кромѣ студенистой массы, которую можно сравнить съ маленькой частичкой жидкаго клея. Не то, чтобъ этотъ студень соотвѣтствовалъ послѣднему по составу, но онъ имѣетъ такой же характеръ и внѣшній видъ, т. е. не имѣетъ никакого строенія, никакихъ органовъ и вообще никакихъ организованныхъ частей. Тѣмъ не менѣе студень этотъ обладаетъ всѣми существенными свойствами и признаками жизненности; онъ происходитъ изъ тѣла, подобнаго самому себѣ, способенъ усваивать пищу и производить движенія, иногда даже образуетъ раковину, необыкновенно сложную и чрезвычайно красивую *)». Животное это для насъ чрезвычайно утѣшительное явленіе. Оно насъ убѣждаетъ, что какая нибудь ничтожная частичка матеріи, лишенная всякой клѣточной организациі, способна однакожъ жить, двигаться и проч. Но для насъ совершенно непонятно, почему это ничтожное созданіе побудило профессора Гексли думать, что оно служитъ подтвержденіемъ «основательности ученія, часто защищаемаго самимъ Гунтеромъ, что жизнь не есть слѣдствіе, а причина организациі;» **) Гербертъ Спенсеръ до того былъ ослѣпленъ этимъ ничтожнымъ событіемъ, что онъ окончательно заврался. Ему этотъ фактъ указываетъ на то, «что отправленіе должно считать предшествующимъ строенію. ***) Отсюда конечно ясенъ выводъ, что

*) Гексли, сравнительная Анатомія, стр. 12 и 13.

**) Гексли; Сравнит. Анатомія, *ibidem*.

***) Основаніе Біологіи, стр. 155 и 156.

жизнь производить организацію. Но позвольте. Вѣдь это чортъ знаетъ—какое упомочраченіе! Девять мѣсяцевъ лежитъ зародышъ въ животѣ матери, девять мѣсяцевъ легкія его, предназначенныя для дыханія, лежатъ безъ всякаго отправления и только по рожденіи на свѣтъ онѣ начинаютъ функціонировать. Кажется ясно, что организація предшествуетъ отправленію. Далѣе, половые органы совершенно сформированы у утробнаго младенца, но они начинаютъ совершать свои отправления довольно поздно, когда организмъ достигъ полнѣйшаго развитія и можетъ, такъ сказать, выдѣлить изъ себя избытокъ потребленія на продолженіе рода. Ясно кажется, что организація вполне предшествуетъ отправленію. Да это иначе и немислимо. Вѣдь тогда пришлось бы согласиться, что летаніе предшествуетъ крылу, что плачь предшествуетъ слезамъ, питаніе принятію пищи, Ватерлоо Наполеону и самодурство русскому купечеству. Такія нелѣпыя толкованія прямо противорѣчатъ детерминизму вещей, противорѣчатъ тому, что всякое жизненное явленіе есть результатъ довольно сложнаго процесса разнаго рода условій, изъ коихъ первенствующее все-таки прежде всего матерія, организація, хотя бы простѣйшая, какъ корненожка, безъ которой немислимо проявленіе жизненности.

Молекулярный принципъ, прослѣженный нами отъ обособленной формы въ видѣ корненожки до почтенной роли значительнаго дѣятеля въ организмѣ человѣка, ведетъ насъ прямо къ принятію ученія о самопроизвольномъ зарожденіи въ ограниченной условенной формѣ. Положимъ, что всѣ изслѣдованія естествоиспытателей помощью микроскопа довели ихъ до предѣла, обозначеннаго клѣткою; положимъ, что клѣточка, при нашихъ теперешнихъ орудіяхъ, есть дѣйствительно элементарное звѣно въ цѣпи органическаго творенія; но спрашивается, откуда же берется клѣточка и откуда взялась первая клѣточка? Не можетъ быть ни малѣйшаго сомнѣнія, что первобытная клѣточка все-таки родилась непосредственно изъ окружающей матеріи въ силу существовавшихъ условій. И притомъ одно изъ двухъ, или эти условія лишь разъ существовали, и мы не въ состояніи воспроизвести ихъ, или эти условія существуютъ и теперь, но мы ихъ не знаемъ, и онѣ помимо насъ продолжаютъ превращать молекулы въ клѣточки и ея дериваты.

«Живыя существа, говоритъ докторъ Густавъ Іе Вон, которыя рождаются въ растворахъ, содержащихъ органическую матерію, не образуются прямо изъ всякой всячины. Онѣ происходятъ изъ яицъ; которыя образуются произвольно на счетъ элементовъ, содержа-

щихся въ растворахъ, тѣмъ же самымъ образомъ, какъ образуется яйцо, на счетъ элементовъ яичника. Произвольное проявленіе яйца въ органической средѣ также трудно понять, какъ столь же произвольное проявленіе яйца въ яичникѣ. Это два совершенно одинаковыхъ явленія. Многіе думаютъ, что гетерогенисты допускаютъ, будто въ различныя эпохи жизни земного шара высшія животныя, какъ напримѣръ слонъ, произошли произвольно изъ окружающей матеріи. Ни одинъ натуралистъ никогда не утверждалъ подобной дичи. Высшія существа суть продуктъ времени и чтобы достигнуть теперешней степени развитія, нужна была не одна тысяча вѣковъ. Между клѣточкой, какъ началомъ зародыша и зародышемъ, достигшимъ послѣдней степени развитія, промежутокъ всего какихъ нибудь 9 мѣсяцевъ; но эти метаморфозы, которыя такъ быстро слѣдуютъ теперь одна за другой, суть наслѣдство отдаленнаго прошлаго. Каждое поколѣніе кое-что завѣщало послѣдующему и изъ этихъ послѣдовательныхъ усовершенствованій, повторявшихся въ теченіе цѣлаго ряда вѣковъ, произошли современныя намъ формы. Самопроизвольное зарожденіе есть слѣдовательно въ результатѣ одинъ изъ способовъ воспроизведенія, къ которымъ прибѣгаетъ природа для умноженія органическихъ существъ. Высшія существа размножаются посредствомъ яицъ; стояція ниже раскладываются посредствомъ яицъ и почками; стояція еще ниже—посредствомъ яицъ, почками и дѣленіемъ. Наконецъ, стояція на самой низкой ступени животной лѣстницы обладаютъ всѣми этими тремя способами размноженія и въ добавокъ могутъ рождаться произвольно изъ органической матеріи безъ содѣйствія родителей.» *) Если Шлейдену благоугодно будетъ исключить доктора Лебона изъ числа естествоиспытателей за то, что онъ отстаиваетъ произвольное зарожденіе, то мы все-таки скорѣе готовы отрѣшиться отъ предвзятыхъ предубѣжденій Шлейдена, чѣмъ отъ правдивыхъ стремленій доктора Лебона, котораго цитируемое здѣсь сочиненіе заслуживаетъ полнѣйшаго вниманія. Желательно было бы, чтобы наша популярная переводная литература обогатилась этимъ прекраснымъ фзіологическимъ сочиненіемъ и тѣмъ принесла бы незамѣняемую пользу учащейся молодежи. Если объ этомъ сочиненіи до сихъ поръ нигдѣ въ русской литературѣ ничего не упомянуто, то это еще ровно ничего не

*) Le docteur Gustave le Bon. Physiologie de la generation de l'homme et des princ'paux êtres vivans. Стр 389—391.

доказываетъ. Русской читающей публикѣ отчасти извѣстно громкое имя знаменитаго психіатра Бриеръ де-Бомона. Мы потому спѣшимъ заявить предъ русской читающей публикой, вѣрующей преимущественно въ авторитеты, что этотъ громкій авторитетъ, Бриеръ де-Бомонъ, отозвался сочиненіи доктора Лебона самымъ лестнымъ образомъ въ іюльской книжкѣ «Annales d'Hygiène Publique et de Medecine legale» за настоящій годъ. Мы не смѣемъ отказать себѣ въ удовольствіи рассказать здѣсь, какое обстоятельство послужило поводомъ доктору Лебону написать это по-истинѣ полезное сочиненіе. «Два года тому назадъ, рассказываетъ онъ, случай привелъ меня въ амфитеатръ, гдѣ мой ученый наставникъ и другъ, докторъ Auzoux преподаетъ анатомію около 40 лѣтъ. Профессоръ тогда читалъ и собраніе было многочисленное. Между слушателями я замѣтилъ дамъ изъ высшаго круга, литераторовъ, администраторовъ, чиновниковъ и разныхъ другихъ лицъ, которыхъ никакъ не ожидалъ встрѣтить въ такомъ мѣстѣ. Вся лекція была посвящена физиологіи рожденія и профессоръ изъяснялъ явленія этого процесса съ такою простотою, какъ будто аудиторія его состояла исключительно изъ медиковъ. По окончаніи лекціи, я подошелъ къ профессору, поздравилъ его, но въ то же время далъ ему замѣтить, что я нѣсколько удивляюсь его успѣху. Двѣ дамы, присутствовавшія при этомъ, поняли мой намекъ. «Милостивый государь, сказала мнѣ старшая, двадцать лѣтъ тому назадъ, моя мать привела меня сюда слушать лекціи профессора; сама сдѣлавшись матерью, я привела сюда мою дочь, убѣжденная въ томъ, что гораздо лучше, чтобъ женщина узнала изъ устъ ученаго тѣ свѣденія, какія ей необходимо знать, чѣмъ черпать ихъ изъ устъ профановъ, которые могутъ лишь во зло употребить ея невѣжество. Думаю, прибавила мать, что холодная дѣйствительность науки успокаиваетъ воображеніе, а не возбуждаетъ его.» Да, прибавляетъ Бриеръ де-Бомонъ, можно утвердительно сказать, что было бы гораздо меньше безразсудствъ, ошибокъ, болѣзней и смертей между юношествомъ нашихъ школъ, еслибъ оно изучало анатомію и физиологію.» *)

Надѣмся, что послѣ лестнаго отзыва Бриеръ де-Бомона о докторѣ Лебонѣ никто не заподозритъ его обширныхъ знаній физиологіи и не исключитъ его въ угоду Шлейдена изъ цеха естествоис-

*) Annales d'Hygiène et de Medecine legale, отдѣлъ Bibliographie. Juillet. 1869, 63 numero, стр. 238.

пытателей. А докторъ Лебонъ провѣрилъ лично знаменитые опыты доктора Mantegozza и вполне убѣдился въ возможности произвольнаго зарожденія. Положимъ, что положительными опытами нельзя еще всякаго убѣдить въ истинности произвольнаго зарожденія, но читатель конечно знаетъ самъ, что много такихъ вещей, въ которыхъ мы вполне убѣждены, но которыхъ доказать не можемъ. Вопросъ о произвольномъ зарожденіи далеко не заслуживаетъ, чтобы на него махнули рукой. Не даромъ такъ горячо его отстаивалъ великій предшественникъ Дарвина Ламаркъ. И хотя Дарвинъ самъ нигдѣ объ немъ не заикается, но кто прочелъ его знаменитое твореніе «О прирученныхъ животныхъ», и кто знаетъ, какой дилеммой онъ заканчиваетъ свое всесокрушающее ученіе, тотъ не усомнится, что ученіе Дарвина войдетъ въ полную силу и приобрететъ должное значеніе лишь съ разрѣшеніемъ, хотя приблизительнымъ, этого вопроса. Если точная наука, безпристрастная къ выводамъ и результатамъ, еще не можетъ положительнымъ и рѣшительнымъ образомъ высказаться въ пользу этого вопроса, то положительная философія, единственно возможная теперь и достойная исключительнаго господства, вполне на сторонѣ его. Признаемся откровенно, что безпристрастный и нелицепріятный голосъ позитивной философіи имѣетъ въ нашихъ глазахъ рѣшающее значеніе.

Мы видѣли, что целюлярный принципъ, что клѣточка съ своими атрибутами, т. е. оболочкой, ядромъ, ядрышкомъ, недостаточны для полнаго разъясненія всѣхъ жизненныхъ, всѣхъ органическихъ явленій матеріи, мы поэтому склонились на сторону молекулярнаго принципа, общаго всѣмъ естественнымъ наукамъ, общаго всѣмъ міровымъ явленіямъ, мы теперь хотимъ убѣдить читателя, что и гипотеза Дарвина сводится къ тому же принципу. Мы лишь предварительно попросимъ читателя подарить намъ нѣсколько минутъ серьезнаго вниманія и вчитаться въ ученіе Дарвина. Понять ученіе Дарвина не шутка, уразумѣть смыслъ, глубоко сокрытый въ его научныхъ воззрѣніяхъ—не бездѣлица. Мы поэтому намѣрены рассказать его теорію его собственными словами, и единственное, что мы можемъ себѣ позволить, такъ это развѣ нѣсколько сократить его поучительный рассказъ.

Не признавая клѣточковое ученіе, целюлярную теорію вполне доказанною, Дарвинъ естественно долженъ былъ искать другой элементъ, который давалъ бы ему возможность и удобство разъяснять тѣ явленія въ области біологіи, которыя ставили въ тупикъ всѣхъ его предшественниковъ, потому что попытки въ этомъ

родъ Бюффона (его органическія частички), Боне (его зародыши), профессора Овена (его зародышевыя клѣточки) и Герберта Спенсера (его физиологическія единицы) ни коимъ образомъ не удовлетворяли всѣмъ требованіямъ логической гипотезы, и ими нельзя было разъяснить все то, что оставалось непонятнымъ въ біологіи. До Дарвина всѣ ученые физиологи были того убѣжденія, что клѣточки, не измѣняясь въ своей сущности, размножаются дѣленіемъ, то есть каждая клѣточка распадается сперва на двѣ, потомъ на четыре, потомъ на восемь и т. д., что въ концѣ концовъ ведетъ къ преобразованію клѣточки въ ткань. Но Дарвинъ предполагаетъ, что кромѣ этого процесса вполне вѣрнаго и справедливаго, есть еще одинъ процессъ, совершающійся рядомъ съ первымъ; именно: прежде чѣмъ клѣточка перейдетъ въ законченную ткань, она отдѣляетъ отъ себя мельчайшія частички или атомы (по нашему на этотъ разъ молекулы). Эти атомы (молекулы) свободно обращаются по всему организму, обладаютъ такою же способностью, какъ и клѣточки, размножаться посредствомъ дѣленія и при благоприятныхъ обстоятельствахъ они могутъ въ свою очередь превратиться въ клѣточки, сходныя съ тѣми, отъ которыхъ сами произошли. Дарвинъ называетъ эти атомы, эти молекулы зачатками (*gemelles*). Откуда же они берутся? Очень просто. Читатель пусть вспомнитъ, что каждая клѣточка состоитъ изъ оболочки и содержимаго. Содержимое, кромѣ зерна и зернышка, состоитъ изъ мельчайшихъ частичекъ, наполняющихъ клѣточку. Эти-то частички и составляютъ зачатки Дарвина, его *gemelles*. Они, по мнѣнію Дарвина, обладаютъ способностью при столкновеніи съ клѣточками такъ сказать оплодотворять ихъ, то есть побудить ихъ къ развитію въ сообщенномъ ими направленіи, отсюда и гипотеза его получила названіе пангенезисъ (всеоплодотворяющій, всеобщее оплодотвореніе). Итакъ каждая клѣтка отдѣляетъ зачатки. Они такъ ничтожны по величинѣ, что ихъ можетъ накопиться въ любомъ организмѣ огромнѣйшая масса. Такимъ образомъ они передаются родителями дѣтямъ и развиваются въ нихъ, фигурируя въ дѣтяхъ въ той же роли, какую они разыгрывали у родителей. А иногда они въ дѣтяхъ пролежатъ цѣлый вѣкъ въ покоѣ, скрываютъ свое присутствіе, такъ что никто не заподозритъ даже ихъ злокозвенности и только лишь во внукахъ или еще далѣе проявятъ себя такими же агитаторами нашего существованія, какими знали ихъ наши самые отдаленные предки. Дѣйствительность этой гипотезы можетъ уже потому всякому показаться шаткою, что, допустивъ ее, мы должны смотрѣть на каждый организмъ, какъ

на бездонную пропасть, въ которой кишатъ міриады благодѣтельныхъ и враждебныхъ намъ тварей; но Дарвинъ не пугается такихъ возраженій, онъ утверждаетъ, что треска мечетъ 6,000,000 яичекъ, что круглая глиста мечетъ до 64,000,000 яичекъ, что есть растенія, которыя даютъ столько же милліоновъ семянъ, что частица оспенной матеріи, несмотря на свою ничтожность, для того, чтобъ привить эту болѣзнь человѣку, должна размножиться въ несмѣтное число тысячъ невидимыхъ молекулъ, что ничтожное количество слизистаго выдѣленія зачумленнаго животнаго, введенное въ кровь здороваго быка, до того быстро размножается, что вся масса крови, въ нѣсколько фунтовъ, въ самое короткое время заражается и ничтожныя частицы этой-то крови въ свою очередь заключаютъ въ себѣ настолько яду, что могутъ въ 48 часовъ заразить другое животное. Если мы далѣе примемъ во вниманіе дѣленіе матеріи съ физической точки зрѣнія, какъ одна доля кармина примѣтнымъ образомъ окрашиваетъ цѣлое ведро воды, какъ одна капля розоваго масла придаетъ пріятный запахъ цѣлой банкѣ помады, какъ одинъ гранъ стрихнину, растворенный въ 12,000 частяхъ воды; дѣлаетъ ее всю нестерпимо горькою,—если мы все это примемъ во вниманіе, то легко согласимся съ Дарвиномъ, что это возраженіе противъ его гипотезы само собою рушится, не имѣетъ никакой доказательной силы, не выдерживаетъ провѣрочной критики. Но допустивъ, съ одной стороны, безконечную дѣлимость матеріи, съ другой, возможность безпредѣльнаго размноженія зачатковъ, намъ станутъ ясными многія доселѣ непонятныя явленія. Намъ теперь должно быть совершенно понятно, почему нѣкоторыя зловонныя животныя заражаютъ воздухъ на пространствахъ нѣсколькихъ миль именно тѣмъ, что выдѣляютъ органическія частицы, которыя, несмотря на ихъ безконечную малость, все же сильно дѣйствуютъ на наше обоняніе. Отсюда намъ (медикамъ) должно быть теперь очень ясно дѣйствіе миазмъ на человѣческой организмъ, должны быть вполне понятны сила и степень распространенія эпидемическихъ болѣзней. Сколь многое поясняетъ эта вѣроятнѣйшая гипотеза Дарвина! Но Дарвинъ на томъ не останавливается, онъ разумѣется идетъ далѣе. Онъ полагаетъ, что каждая часть организма во всѣ періоды его развитія отдѣляетъ соотвѣтствующіе зачатки. Мнѣніе это подтверждается чуть не всею физиологіею. Подумайте только какъ велико разнообразіе тканей, соковъ и разныхъ жидкостей, выдѣляемыхъ и обращающихся въ нашемъ организмѣ, а, между тѣмъ, они всѣ берутъ свое начало изъ общаго источника.—крови. Мы видѣли, что человѣкъ начинаетъ свое бытіе съ малень-

кой клѣточкѣ; естественно, что въ этой клѣточкѣ должны быть зачатки для будущей печени, для будущихъ мозговъ, почекъ, легкихъ, мускуловъ, костей слюнныхъ желѣзъ, et cetera et cetera. Кровь вездѣ одна и таже, но вы не безпокойтесь, клѣточки почки не хватятъ вмѣсто мочевины желчи или слюны, и каждая знаетъ свою обязанность, каждая отправляетъ свою специальную службу и знаетъ ничего не хотеть объ обязанностяхъ другихъ клѣточекъ, какъ многочисленная прислуга въ большомъ господскомъ домѣ, гдѣ кухарка не станетъ стирать, а поваръ не станетъ запрягать лошадей. Это подтверждается еще тѣмъ, что различныя ткани нашего организма имѣютъ неодинаковое сродство къ различнымъ ядамъ. Такъ извѣстно, что ядъ кураре или стрихнинъ дѣйствуетъ преимущественно на нервы, послѣдній особенно поражаетъ спинной мозгъ; ядъ ушасъ и наперстянки или дигиталисъ преимущественно поражаетъ сердце; ядъ испанскихъ мушекъ любитъ почки; ядъ оспы, кори, скарлатины предпочитаетъ нашу кожу; ракъ любитъ гнѣздиться въ ткани желѣзъ и т. д. Тоже можно сказать объ чахоткѣ, о тифѣ, холерѣ, дизентеріи и др. На этомъ совершенно вѣрномъ основаніи Дарвинъ беретъ себѣ право придавать полнѣйшую самостоятельность не только тканямъ, но и каждой клѣточкѣ нашего организма. Но съ перваго дня зачатія и до конца жизни организмъ увеличивается въ размѣрахъ (мы нарочно не говоримъ *ростетъ*): число клѣточекъ, его составляющихъ, увеличивается каждый день въ количествѣ; каждая клѣточка, или по крайней мѣрѣ каждая серія клѣточекъ выдѣляетъ изъ своей среды соотвѣтствующіе зачатки на всякой ступени развитія организма и вся эта масса зачатковъ или по крайней мѣрѣ депутаты отъ всякой серіи передаются зрѣлымъ организмомъ плоду. Вотъ теперь-то нашъ весь интересъ сосредоточенъ на этомъ плодѣ. Въ немъ-то какой нибудь зачатокъ самой ранней эпохи оплодотворяетъ соотвѣтственную клѣточку; послѣдняя развивается и размножается, образуется второе поколѣніе клѣточекъ, которыя оплодотворяются зачатками второй эпохи развитія; послѣднія, въ свою очередь, развиваются, размножаются; получается третье поколѣніе клѣточекъ, которыя опять оплодотворяются зачатками соотвѣтственной эпохи родительскаго организма и такъ далѣе до безконечности. Отсюда намъ станетъ ясно, что мнѣніе Дарвина, будто ребенокъ не вырастаетъ въ чело-вѣка, совершенно справедливо. Жеребенокъ, говоритъ онъ, не вырастаетъ въ лошадь, а развивается въ нее и притомъ каждая часть отдѣльно; клѣточки ноги оплодотворяются зачатками ноги и развиваются въ ногу, клѣточки мозговья оплодотворяются зачат-

ками мозговыми и развиваются въ мозгъ. Слѣдовательно, ростъ есть лишь увеличеніе размѣровъ, и развитіе заключается въ измѣненіи самаго строенія ткани. Оттого-то, для того, чтобъ мозги могли функционировать сознательно, необходимо имъ пройти цѣлый рядъ процессовъ развитія клѣточекъ и оплодотворенія ихъ зачатками соотвѣтственной эпохи. Оттого-то нѣкоторые, какъ напр. половые, органы нашего тѣла не сразу, съ перваго момента рожденія на свѣтъ младенца начинаютъ совершать свои отправленія, а имъ приходится выждать соотвѣтственной эпохи, когда клѣточки этого органа, видоизмѣняясь, развиваясь и оплодотворяясь зачатками разныхъ эпохъ, наконецъ достигнуть должной степени совершенства и сойдутся съ зачатками сродными имъ по свойству и давно выжидавшими этой вождѣленной минуты. Если бы все это такъ шло непрерывно, если бы этому такъ-таки и не было конца, то, съ одной стороны, это было бы очень хорошо, съ другой, очень дурно. Очень хорошо было бы потому, что тогда хотя прогрессъ и былъ бы возможенъ, но онъ былъ бы весьма односторонній; очень дурно было бы потому, что тогда и думать не смѣй объ какомъ нибудь измѣненіи ни въ хорошую, ни въ дурную сторону. Къ счастью это не такъ. Какъ ни самостоятельна всякая клѣточка, но все-таки она не можетъ отдѣлаться отъ вліянія виѣшнихъ условій. Всякое виѣшнее обстоятельство, какъ напр. свойство пищи, усипенное или уменьшенное упражненіе, вызывающее болѣе или менѣе постоянное измѣненіе въ строеніи, обнаруживаетъ могущественное вліяніе на самую клѣточку, которая такимъ образомъ должна измѣниться, и измѣнившись, она выдѣляетъ и видоизмѣненные зачатки. Такой видоизмѣненный зачатокъ передается плоду. Онъ себѣ и лежитъ до поры до времени, но лишь только настало время ему дѣйствовать, какъ онъ, отыскавъ сродную ему клѣточку, спѣшитъ заявить себя и при этомъ неожиданно, негаданно кинетъ такую штуку, что ума не приложить, откуда все это взялось. Такъ у бабушки, вслѣдствіе дурной пищи, образовался ракъ на языкѣ. Бабушкѣ было лѣтъ сорокъ тогда, и она тогда родила сына, да вскорѣ послѣ того и умерла. Сынъ выросъ, женился и у него родилась дочь. Вотъ у этой то внучки, полвѣка спустя, глядь, тоже образовался ракъ на языкѣ, на томъ же самомъ мѣстѣ, въ томъ же возрастѣ и тоже уложилъ бѣдную въ могилу. Вотъ оно что значить носить въ себѣ зародышъ затаенной болѣзни! Значить, это таки правда. Вотъ оно какъ нужно остерегаться-то въ жизни. Каковы зачатен!

Важность Дарвиновой гипотезы, громадное значеніе пангенезиса

заключается именно въ томъ, что ея объясняется не одинъ какой нибудь процессъ, а цѣлый рядъ совершенно противоположныхъ процессовъ находятъ въ пангенезисѣ свое законное оправданіе и поясненіе. Такъ измѣнчивость и постоянство признаковъ, прогрессивное развитіе и возвратъ къ прежнему быту или реверсія одинаково понятны на основаніи пангенезиса, инопѣ удовлетворительно объясняются гипотезой Дарвина. Измѣнчивость, говоритъ Дарвинъ, зависитъ по крайней мѣрѣ отъ двойкаго рода причинъ. Во-первыхъ, или отъ недостатка, избытка, сліянія и перемѣщенія зачатковъ, которые до того времени находились въ состояніи оцѣпененія, лежали въ бездѣйствіи. Самые зачатки при этомъ могли остаться безъ всякаго измѣненія, не претерпѣли ничего существеннаго, но такая перетасовка зачатковъ и различныя ихъ комбинаціи совершенно достаточны, чтобъ произвести безчисленное множество видоизмѣненій и вызвать самую разнообразную измѣнчивость, чѣмъ вѣроятнѣе и можно объяснить отчасти явленія индивидуальности. Во-вторыхъ, если на организмъ имѣли вліяніе внѣшнія обстоятельства, въ силу которыхъ организмъ претерпѣлъ существенное измѣненіе, то измѣненные органы отдѣляются конечно въ такомъ разѣ и измѣненные зачатки, которые, размножаясь, сами развиваются въ новые самостоятельныя, но измѣненные организмы; этимъ процессомъ дополняется объясненіе явленій индивидуальности. Если наконецъ внѣшнія измѣняющія обстоятельства простираютъ свое дѣйствіе до того, что совершенно уничтожаютъ какую нибудь часть или какой нибудь органъ, и это повторяется въ цѣломъ рядѣ поколѣній, то дѣло можетъ дойти до того, что органъ, подвергшійся опалѣ или оказавшійся лишнимъ въ экономическомъ отношеніи совсѣмъ исчезнетъ; и тогда или современемъ какой нибудь завалявшійся зачатокъ снова вызоветъ къ жизни давно утраченную часть или исчезнетъ всякій слѣдъ зачатковъ преслѣдуемаго органа навсегда, безъ малѣйшей надежды на воскрешеніе. И это совершенно понятно. Сила соломѣ ломить. Вѣдъ зачатки между собою тоже въ борьбѣ. Ясное дѣло, что зачатки тѣхъ органовъ, которые благоденствуютъ и процвѣтаютъ, затрутъ, замнутъ, возьмутъ перевѣсъ, пикнутъ не позволятъ зачаткамъ гонимыхъ судьбою органовъ.

В. ПОРТУГАЛОВЪ.

(Продолженіе будетъ.)

АРГЕНТИНСКАЯ КОНФЕДЕРАЦІЯ.

I.

Мы еще разъ обратимъ вниманіе нашихъ читателей на ту часть свѣта, которая едва извѣстна большинству европейской публики по слуху; а между тѣмъ въ этой части свѣта разыгрывается величайшая драма борьбы отжившихъ традицій старой Европы съ новыми началами американской свободы. Борьба продолжается уже нѣсколько вѣковъ, склоняясь то на сторону прогресса, то реакціи. Мы намѣрены показать это на аргентинской конфедераціи.

Одинъ изъ самыхъ сильныхъ и промышленныхъ городовъ латинскаго бассейна, Буэносъ-Айресъ, составляетъ нынѣшнюю столицу аргентинской конфедераціи. По легендарнымъ преданіямъ, Дидона для основанія Карфагена купила у туземцевъ такое пространство земли, какое могло быть покрыто бычачьей шкурой. По преданіямъ, уже не легендарнымъ, а имѣющимъ историческую достоверность, индѣйцы племени керанди за предложенную имъ лошадь уступили испанскому колонизатору Гараю небольшую площадь земли, на которой можно было устроить маленькое укрѣпленіе и нѣсколько хижинъ для колонистовъ, вышедшихъ изъ Асунціона. Эта крошечная крѣпость послужила основаніемъ нынѣшнему большому городу. Вскорѣ послѣ этого событія Гарай погибъ въ войнѣ съ индѣйскимъ племенемъ менуаны. Его товарищи поспѣшили отомстить за смерть своего начальника, но напали не на виновныхъ менуановъ,

а на неповинныхъ ни въ чемъ коравди и истребили ихъ великое множество. Въ 1620 году, т. е. спустя 40 лѣтъ послѣ его основанія, Буэносъ-Айресъ сдѣлался главнымъ городомъ своей провинціи; въ 1622 году въ немъ учреждена епископская кафедра; а въ 1766 году онъ сталъ столицей новаго вице-королевства.

Буэносъ-Айресъ, по своему положенію у устья громадной судоходной рѣки, представлялъ всѣ удобства для развитія обширной торговли. Но замѣшалась глупость людей и Буэносъ-Айресу долго не пришлось пользоваться этими удобствами. Долгое время его торговая дѣятельность была парализована нелѣпой колониальной системой, которой держались тогда всѣ европейскія правительства, имѣющія свои колоніи въ Новомъ Свѣтѣ. Испанское правительство, опасаясь, чтобы прямыя торговыя сношенія Америки съ Европой не нанесли ущерба его привилегированнымъ торговцамъ, получающимъ непомерныя барыши, боясь, съ другой стороны, что золото изъ Перу направится, въ видѣ контрабанды, кратчайшей и представляющей менѣе опасностей дорогой чрезъ Ріо де-ла-Плату, — запретило всякія торговыя сношенія между матерью-отечествомъ и Буэносъ-Айресомъ. Въ 1618 году совѣтъ индѣйской компаніи рѣшилъ отправлять въ Ла-Плату два корабля; они дѣлали по одному рейсу туда и обратно; каждый изъ нихъ подымалъ не болѣе ста тоннъ. Никакіе другіе частныя корабли не имѣли права заходить въ Буэносъ-Айресъ, получающій необходимыя продукты для испанскихъ войскъ на корабляхъ правительства. Тогда было доброе время экономического ортодоксизма въ разсужденіи монополіи, т. е. покровительство національнаго труда въ видахъ чисто-фискальныхъ. Во имя этого нелѣпаго покровительства, предметы европейской фабрикаціи, предназначенныя въ Буэносъ-Айресъ, выгружались сперва въ Перу и потомъ уже отправлялись по назначенію. Такимъ образомъ вмѣсто прямого пути чрезъ Атлантическій океанъ, везли товары въ Тихій и потомъ, по перегрузкѣ, обратно въ Атлантическій, почему дѣлали безъ всякаго разумнаго основанія лишніи 2,000 миль. Такое странное положеніе продолжалось цѣлое восемнадцатое столѣтіе. Когда же португальцы основали городъ, названный ими Ла-Колонія, положеніе дѣль рѣзко измѣнилось. Ла-Колонія была основана почти напротивъ Буэносъ-Айреса,

на другомъ берегу рѣки; близкое разстояніе другъ отъ друга обоихъ городовъ естественнымъ образомъ способствовало развитію контрабанды, а съ развитіемъ послѣдней, дающей огромныя выгоды населенію Буэносъ-Айреса, развилось его благосостояніе. Торговый балансъ Буэносъ-Айреса, находящагося подъ давленіемъ несообразностей колониальной системы, представлялъ жалкія цифры; контрабанда быстро его измѣнила и единицы превратились въ сотни. Такіе результаты не могли нравиться андалузскимъ купцамъ, умѣющимъ вести торговля дѣла по старинной рутинѣ, подъ покровомъ монополіи и привилегій;—они подняли крикъ и испанское правительство обратилось также къ старому способу разрѣшенія недоумѣній; оно объявило войну Португаліи. Война тянулась до 1701 года, когда Испанія мирнымъ трактатомъ признала права Португаліи на территорію, на которой была выстроена Ла-Колонія, а также на все пространство земли вокругъ города, лежащее отъ него на пушечный выстрѣлъ. По заключеніи мира португальцы постарались еще болѣе развить выгодную для нихъ контрабандную торговлю. Съ этой поры ненависть, соперничество, взаимные укору между негоціантами и вообще національностями испанской и португальской достигли крайняго своего проявленія и стали сопровождаться печальными послѣдствіями для обоихъ народовъ.

Контрабандная торговля, хотя и выгодная Буэносъ-Айресу, сильно не нравилась испанскому правительству, но оно не видѣло никакой возможности пресѣчь ее, пока Ла-Колонія будетъ оставаться въ рукахъ португальцевъ. Отнять городъ силой—нельзя, долготная война съ Португаліей привела только къ признанію за нею права на этотъ городъ. Надо было найти другое средство, и вотъ испанское правительство предлагаетъ Португаліи въ обмѣнъ за городъ взять огромную іезуитскую территорію въ Парагваѣ, а также провинцію верхній Уругвай, прилегающую къ Бразиліи. Въ этомъ смыслѣ былъ заключенъ трактатъ, но онъ имѣлъ одинъ важный недостатокъ: ни испанцы, ни португальцы, ни іезуиты во все не намѣрены были строго выполнять заключенный договоръ. Желая сдѣлать конкуренцію Буэносъ-Айресу еще болѣе дѣйствительной, и тѣмъ вознаградить себя за потерю Ла-Колоніи, португальцы обратили вниманіе на морской берегъ, тогда еще совершен-

но пустынный, и основали Монтевидео. Павала, буэнос-айресскій губернаторъ, тотчасъ же предпринялъ экспедицію противъ новаго поселенія португальцевъ, совершенно разрушилъ его и предложилъ испанцамъ основать здѣсь новый испанскій городъ. Это случилось въ 1725 году; вначалѣ же нынѣшняго столѣтія въ Монтевидео было 40,000 жителей, а въ 1869 году около 80,000.

Наконецъ трактатомъ 1777 года въ принципѣ были устранены все затрудненія, которыя втеченіе двухъ съ половиною вѣковъ вели къ безконечнымъ спорамъ и ко многимъ договорамъ, тотчасъ же по заключеніи нарушаемымъ обѣими заинтересованными сторонами. Тринадцать лѣтъ пришлось употребить на необходимыя работы для окончательнаго опредѣленія границы между вице-королевствами буэнос-айресскимъ-испанскимъ и ріо-жанейскимъ-португальскимъ.

II.

Черезъ двадцать лѣтъ послѣ заключенія этого мира и признанія принципа свободы торговли между Испаніей и ея ла-платскими колоніями, во Франціи вспыхнула первая революція. Она отразилась и на той сторонѣ Атлантическаго океана, на берегахъ Ла-Платы.

Но настало 18 брюмера, революція была задушена и изъ ея развалинъ вышелъ Наполеонъ I. Побѣдитель на сушѣ, онъ, въ лицѣ своего адмирала Вильнева, потерпѣлъ сильное пораженіе на морѣ; испанскіе и французскіе корабли разбѣяны подъ Трафальгаромъ и англійскій морской флотъ сталъ свободно разгуливать по всемъ морямъ. Отдаленныя европейскія колоніи въ Новомъ Свѣтѣ своимъ природнымъ богатствомъ всегда манили къ себѣ предприимчиваго Джонъ Булля; побѣда при Трафальгарѣ дѣлала для него путь туда совершенно свободнымъ. Черезъ годъ послѣ этой битвы адмиралъ Попгэмъ и сиръ Вильямъ Бересфордъ явились передъ Буэносъ-Айресомъ. Много времени прошло съ той поры, какъ въ Буэносъ-Айресѣ виденъ былъ дымъ костровъ, зажженныхъ въ

лагерѣ европейскихъ войскъ; на памяти стариковъ не было никакихъ сраженій подлѣ города и о существованіи на землѣ войны они вспоминали только развѣ тогда, какъ случался гдѣнибудь въ сосѣдствѣ выходящій изъ ряду разбойническій набѣгъ индѣйцевъ. Тогдашній буэносъ-айресскій вице-король маркизъ Собремонте былъ человѣкъ слабый и нерѣшительный. Англичане безъ выстрѣла овладѣли передовымъ укрѣпленіемъ, откуда они предписали условія городу, сдавшемуся на капитуляцію безъ всякаго сопротивленія. Но вскорѣ въ населеніи проснулась кастильская гордость и ненависть къ иностранцамъ. Городская милиція ушла изъ города и, присоединивъ къ себѣ охотниковъ изъ окрестныхъ селъ и деревень и вручивъ начальство надъ собою находящемуся въ испанской службѣ французу Линье, обложила Буэносъ-Айресъ и атаковала передовое укрѣпленіе, занятое англичанами. Нападеніе было такъ смѣло и рѣшительно, что Бересфордъ, въ свою очередь, вынужденъ былъ подписать капитуляцію. Англичане тогда бросились на Монтевидео, бомбардировали его и взяли штурмомъ. Изъ Монтевидео, какъ изъ центра своихъ операцій, Бересфордъ, усиленный подкрѣпленіями, привезенными генераломъ Крауфордомъ, рѣшился на новую попытку овладѣть Буэносъ-Айресомъ, защищаемымъ Линье. Англичане, подъ предводительствомъ генерала Вэйтлока, атаковали городъ, ворвались въ него, но, встрѣченные ружейнымъ огнемъ отовсюду, изъ оконъ домовъ, съ крышъ, изъ-за заборовъ садовъ и огородовъ, принуждены были отступить, а ихъ генералъ подписалъ капитуляцію, которой онъ давалъ обѣщаніе немедленно оставить страну вмѣстѣ со всѣмъ англійскимъ войскомъ. Послѣ этихъ двухъ побѣдъ, буэносъ-айресцы почувствовали, что они граждане своей родной земли, а не подданные Испаніи, какими считали себя нѣкогда. Когда была заключена байонская мировая сдѣлка, показавшая какъ вѣроломство великаго Наполеона, такъ и трусость Бурбоновъ, буэносъ-айресцы отказались ратифицировать этотъ постыдный договоръ. Французъ Линье, за заслуги въ битвахъ съ англичанами назначенный вице-королемъ, хотѣлъ было признать заключенный договоръ, но былъ свергнутъ и замѣщенъ Чизнеросомъ, человѣкомъ самыхъ посредственныхъ способностей, но который сумѣлъ найтись въ этихъ затруднительныхъ обстоятель-

ствахъ: онъ созвалъ національное собраніе. Граждане во имя Фердинанда VII провозгласили право буэносъ-айресскаго народа на самоуправленіе. И послѣдній изъ 30 губернаторовъ и 13 вице-королей, правившихъ Буэносъ-Айресомъ именовъ ихъ католическихъ величествъ съ 1618 года, — Чизнеросъ былъ замѣненъ юнтой, въ числѣ членовъ которой въ то время выказались три замѣчательныя личности: Манозель Бельграно, Манозель де-Анчорена и Мигуэль де-Аскуэнага.

III.

То, что происходитъ теперь на островѣ Кубѣ, испанской колоніи, служить прямымъ повтореніемъ событій, происходившихъ въ испанскихъ южно-американскихъ колоніяхъ во время борьбы ихъ съ метрополіей, а побѣда этихъ колоній надъ метрополіей даетъ право заранѣе предсказывать о побѣдѣ надъ Испаніей, которая должна въ свое время выпасть на долю возставшихъ острововъ Кубы и Порто-рико. Либеральный духъ господствуетъ въ метрополіи, въ ней идетъ революція или война за независимость; колонія съ такой же страстностью и энтузіазмомъ подражаетъ ея движенію; но свободу, которой добивается Испанія, она желаетъ получить для одной себя и вовсе не думаетъ подѣлиться ею съ своими дочерьми колоніями. Этотъ фактъ, ярко обозначившійся во время послѣдней испанской революціи, съ одинаковой силой проявился и въ то время, когда испанцы, во имя свободы и независимости, вели борьбу съ Наполеономъ. Буэносъ-Айресъ сѣмѣлъ защитить себя противъ англичанъ, онъ также дѣйствовалъ именовъ Фердинанда VII, и если свергнулъ своего губернатора Чизнероса и замѣнилъ его юнтою, то только потому, что губернаторъ былъ слишкомъ плохъ, былъ далеко ниже своего положенія. Буэносъ-айресцы ссылались на свое сиротство (*huérfanad*), которое выпало на ихъ долю вслѣдствіе отсутствія и плѣна Фердинанда VII, и потому считали себя вправѣ управлять сами собою. Въ то время всѣ ссылались на этого пе-

чальнаго монарха; втеченіе нѣсколькихъ лѣтъ партіи сражались подъ его знаменемъ, его именемъ подписывали трактаты и капитуляціи, вездѣ и всюду прикрывались его авторитетомъ.

Кортесы, собравшіеся въ Кадиксѣ, подражая французской республикѣ, ввели въ конституцію статью, которой объявлялось, что колоніи составляютъ нераздѣльное цѣлое съ метрополіей и могутъ прислать въ національное собраніе по одному депутату съ каждыхъ 50,000 жителей, при чемъ, впрочемъ, добавлялось, что ни метисъ, ни креоль, каковой бы то ни было степени чистоты крови, не могутъ быть ни избирателями, ни избранными. Это добавленіе почти исключало всякую возможность примѣненія статьи о представительствѣ, такъ какъ испанцевъ чистой крови въ колоніяхъ было очень немного и они, по большой части, принадлежали къ новымъ переселенцамъ, недавно основавшимся въ странѣ. Колоніи, такимъ образомъ, по прежнему оставались внѣ закона, преданныя произволу своихъ правителей. Но не удовольствовавшись одной несправедливостію, кортесы имѣли глупость уничтожить свободу торговли въ колоніяхъ, которая опять становилась въ зависимость отъ производителей и торговцевъ-монополистовъ метрополіи.

Фердинандъ VII, въ пользу котораго работали кортесы, получивъ отъ нихъ тронъ, первымъ дѣломъ поспѣшилъ отдѣлаться отъ всякаго либерализма, а слѣдовательно и отъ кортесовъ и, съ свойственнымъ ему безуміемъ, послалъ въ колоніи приказаніе положить оружіе, сформулированное самымъ наглымъ и оскорбительнымъ образомъ.

Буэнос-Айресъ вовсе не былъ намѣренъ покоряться подобному требованію. Въ послѣдніе годы онъ успѣлъ сильно развиться въ политическомъ отношеніи, благодаря дѣятельной пропагандѣ многихъ рѣшительныхъ республиканцевъ изъ Франціи и Соединенныхъ штатовъ, поселившихся въ этотъ городъ. Партія независимости отъ метрополіи стала сильна и числомъ и талантами своихъ членовъ. Когда бывший вице-король Линье, представитель правительственной партіи, вздумалъ силой уничтожить партію свободы, онъ былъ разбитъ независимыми, подъ командой Балькарсе, въ сраженіяхъ при Котогетѣ и Туницѣ, взятъ въ плѣнъ и тотчасъ же разстрѣлянъ. Это случилось еще въ 1810 году.

Припомнимъ также экспедицію генерала Бельграно въ Парагвай;

онъ былъ разбитъ, но успѣлъ поднять парагвайскій народъ противъ испанцевъ. Роялисты всей ла-платской страны сосредоточились на границахъ Перу; инсургентскіе генералы Бельграно и Сан-Мартинъ разбили ихъ при Тукуманъ и Сальта. Потомъ аргентинская армія перешла Анды и провозгласила независимость Чили и Перу. Однакожъ окончательное освобожденіе этихъ колоній отъ испанскаго владычества послѣдовало только послѣ битвы при Эакучо въ 1824 году. Но Ла-Плата сбросила кастильское знамя еще 20 іюня 1814 года, когда испанская армія Альвеара, запертая въ Монтевидео, послѣ 23-хъ мѣсячной осады принуждена была отдаться на волю побѣдителей.

Но еще страна не была вполнѣ очищена отъ испанцевъ, какъ Восточная провинція объявила себя, подобно Парагваю, независимой отъ Буэносъ-Айреса. Артигасъ, жестокой, но искусный полководецъ, именемъ независимаго Монтевидео, обращалъ свое оружіе одинаково, какъ противъ испанцевъ, такъ и противъ партизановъ централизаціи. Анархія воцарилась во всѣхъ этихъ испанскихъ и португальскихъ провинціяхъ: федералисты и унитаріи, бѣлые и индѣйцы, испанцы Перу и португальцы Бразиліи—всѣ взаимно уничтожали другъ друга. При видѣ этого всеобщаго безпорядка, этого кроваваго хаоса, диктаторъ Пюредонъ пришелъ въ ужасъ и сталъ уже отчаяваться въ спасеніи своего отечества. Первое административное лицо въ республикѣ, которому народъ вручилъ власть, Пюредонъ вступилъ въ тайные переговоры съ иностранцами и готовъ былъ отдать ла-платскую страну или бразильскому принцу или испанскимъ Бурбонамъ; какъ истый централизаторъ, онъ требовалъ только, чтобы въ составъ будущаго королевства вошли всѣ земли, составлявшія нѣкогда ла-платское вице-королевство. Его сношенія были открыты, онъ принужденъ былъ оставить свою должность, 14 провинцій, опасаясь диктатуры Буэносъ-Айреса, каждая объявила себя независимой, Франсіа герметически закупорилъ Парагвай. Но и послѣ этого, на всей ла-платской территоріи, исключая Парагвая, закипѣла гражданская война, на всѣхъ пунктахъ шла борьба между федералистами и унитаріями; хаосъ опять вступилъ въ свои права, и во всей этой ужасной, кровавой сумятицѣ перепутались всѣ партіи, перемѣшались различные интересы.

Буэнос-Айресъ, самый богатый, самый населенный (въ немъ тогда уже было болѣе 80,000 жителей) изъ всѣхъ городовъ ла-платской страны, имѣющей свою исторію, политику, экономическія и коммерческія традиціи, — жаждаль главенства надъ всей страной и считаль себя Афинами аргентинской Эллады. Его соперникъ на другомъ берегу Ріо-де-ла-Плата претендовалъ, въ свою очередь, на титулъ Спарты; Парагваю же болѣе всего приличествовала роль Македоніи. А черную бразильскую имперію, страдавшую непреодолимою жаждой пожрать эти маленькія республики, съ большимъ удобствомъ можно было уподобить древней Персіи.

Унитаріи принадлежали по большей части къ богатымъ классамъ, къ аристократіи богатства и образованія; они путешествовали по Европѣ, они первые начали пропаганду о независимости и подняли оружіе противъ Испаніи. Самыми замѣчательными людьми этой партіи были: Сан-Мартинъ, Пюиредонъ, Пацъ, Лавалль, Ривадавіа, Агуэрре, Варела. Эти унитаріи имѣли нѣкоторыя общія черты съ жирондистами французской революціи и погибли почти также, какъ и они. Федералисты же были люди далеко не ученые, между ними не было ни замѣчательныхъ писателей, ни просвѣщенныхъ ораторовъ, ни опытныхъ военачальниковъ; — это были по большей части провинціалы, народъ грубый, сельскій, къ нимъ тянули и гаучо; въ числѣ ихъ предводителей сдѣлались замѣтными: Лопецъ, Кирога, Анчорена, Доррего, Врамонъ, Балькарсе и въ особенности кровожадный и слишкомъ извѣстный Розасъ.

За президентами республики изъ партіи унитаріевъ, Розасомъ, Пюиредономъ и Рондо, слѣдовали президенты изъ федералистовъ. Агуэрре и Саратеа; потомъ опять унитаріи и опять федералисты. Наконецъ президентъ Родригесъ, изъ партіи федералистовъ, желая положить конецъ вѣчной борьбѣ партій и успокоить унитаріевъ, въ 1820 году назначилъ государственнымъ секретаремъ самаго знаменитаго изъ ихъ партіи дона Бернардино Ривадавію. Благодаря выходящимъ изъ ряду способностямъ этого человѣка, партія унитаріевъ спокойно управляла дѣлами республики впродолженіе нѣсколькихъ лѣтъ, и это время, безъ сомнѣнія, должно считаться самымъ лучшимъ временемъ въ аргентинской исторіи. Ривадавіа, умный и честный человѣкъ, патриотъ и замѣчательный государственный

ный дѣятель, самый великій гражданинъ Буэносъ-Айреса, получилъ прекрасное воспитаніе, что составляло большую рѣдкость въ его отечествѣ. Путешествуя по Европѣ, онъ хорошо ознакомился съ идеями, провозглашенными французской революціей; какъ и Франція, онъ взялъ себѣ за образецъ Вольтера и энциклопедистовъ. Возставая противъ всякаго суевѣрія, не питая никакой нѣжности къ трансцендентализму, къ монахамъ, монахинямъ, къ преобладанію клерикаловъ, онъ старался вездѣ, гдѣ было можно, закрывать монастыри, отнималъ у духовенства различныя привилегіи, способствующія усилению его власти, распространялъ философское образованіе. Онъ секуляризировалъ нѣкоторыя церковныя имѣнія, уничтожилъ запрещеніе работать въ праздники, запретилъ бои быковъ. Онъ основалъ въ Буэносъ-Айресѣ университетъ, музей и библіотеку; провозгласилъ свободу вѣроисповѣданій, свободу прессы и свободу личности; уничтожилъ всякіе спеціальныя суды и узаконилъ подсудность всѣхъ безъ исключенія сословій одному суду. Ривадавіа организовалъ полицію, ввелъ порядокъ въ администраціи, показывая самъ примѣръ безкорыстія и честнаго исполненія своей обязанности; возстановилъ равновѣсіе между государственными доходами и расходами, чего не могли достигнуть ни до него, ни послѣ него. Онъ устроилъ сберегательную кассу, организовалъ провинціальныя банки, составившіе отдѣленія національнаго банка. Всѣ эти законы, всѣ эти учрежденія могли бы дать аргентинской конфедераціи одну изъ самыхъ лучшихъ организацій въ мірѣ, но эта конфедерація имѣла важнѣйшій изъ недостатковъ: ей недоставало необходимой силы. Самая лучшая изъ политическихъ формъ, самыя рациональныя социальныя реформы принесутъ немного пользы въ обширной странѣ съ слишкомъ рѣдкимъ населеніемъ. Этотъ недостатокъ понималъ Ривадавіа, но онъ также сознавалъ, что плодородная почва его отечества, что прелестный климатъ, выгодное географическое положеніе доставляютъ слишкомъ много удобствъ для быстрого возрастанія населенія, и онъ мечталъ, что скоро, даже очень скоро аргентинская конфедерація будетъ подобна Соединеннымъ штатамъ Сѣверной Америки, и употреблялъ всѣ усилія для привлеченія изъ Европы переселенцевъ и капиталовъ, которые нигдѣ не могли найти такого выгоднаго помѣщенія, какъ въ этой

дѣвственной, изобильной природными богатствами странѣ. Онъ просилъ у Европы людей, людей и людей. Идеи, брошенные имъ на эту новую почву и повсемѣстно распространенныя теперь въ Новомъ Свѣтѣ, тогда были слишкомъ новы, спорны и даже возбуждали ненависть въ массѣ населенія, руководствовавшагося такимъ разсужденіемъ: „пока насъ немного, мы имѣемъ въ своемъ владѣніи громадныя пастбища для нашего скота; но когда къ намъ придутъ переселенцы изъ Европы, мы должны будемъ подѣлиться съ ними землей, а когда ихъ придетъ много, мы сами почувствуемъ недостатокъ въ землѣ.“ Для этихъ невидящихъ дальше своего носа людей, — а къ нимъ принадлежало большинство населенія — Ривадавіа былъ измѣнникъ, желающій продать свою страну галлегосамъ (европейцамъ); къ ненависти грубыхъ земледѣльцевъ и скотоводовъ присоединялась ненависть поповъ къ Ривадавіи, и отъ него была перенесена и на всю партію унитаріевъ, которой онъ былъ самымъ блистательнымъ представителемъ.

Въ то же самое время великій патріотъ умѣлъ заставить иностранцевъ уважать его страну, но пріобрѣтя ей друзей, онъ не могъ избавить ее отъ враговъ. Либералы всѣхъ странъ стали друзьями аргентинской конфедераціи, а реакціонеры ея врагами. Англія приняла ея сторону, Франція же и Испанія высказались противъ нея; они не могли простить Ривадавіи, что онъ уговорилъ аргентинскую палату вотировать пособіе, въ видѣ займа, во сто милліоновъ франковъ республиканскимъ испанскимъ кортесамъ и устроилъ это дѣло въ отвѣтъ на рѣшеніе французскихъ Бурбоновъ употребить такую сумму для возстановленія абсолютизма въ Испаніи. Европейскіе реакціонеры никогда не могли простить этого дѣла ни Ривадавіи, ни аргентинской конфедераціи. Не могли имъ простить его и французскіе короли: Людовикъ XVIII, Карлъ X и Луи-Филиппъ. Надобно знать, что на веронскомъ конгрессѣ въ 1822 году былъ возбужденъ вопросъ объ испано-американскихъ республикахъ. Чистые абсолютисты, съ голоса Шатобріана, объявили невозможнымъ признать ихъ независимость; это признаніе было бы чудовищнымъ неправосудіемъ, говорили они, санкціей права возмущенія народовъ противъ королей. Съ другой стороны, нельзя было не признать, что Испанія безсильна возратить оружіемъ свои

старья владѣнія. Въ такомъ затруднительномъ положеніи они вспомнили о старомъ проэктѣ Пюяредона — составить изъ новыхъ республикъ конституціонную монархію, поставивъ во главѣ ея кого нибудь изъ принцевъ бурбонскаго дома, находящихся не у дѣла. Но тутъ начались интриги между Испаніей и Франціей; одна хотѣла посадить на буэносъ-айресскій престолъ принца лувскаго, другая герцога орлеанскаго, будущаго Луи-Филиппа. Англія имѣла здравый смыслъ защищать совершившійся фактъ, она признала новыя республики. „Что Испанія объявляетъ себя противъ насъ, писалъ докторъ Франсіа, — это безумство съ ея стороны нисколько насъ не удивляетъ, но что Франція тянется за нею — это кажется намъ невѣроятнымъ“.

Въ то время, какъ европейскіе Бурбоны изощряли свое искусство въ передачѣ дипломатическихъ нотъ, меморій и проч., бразильскіе представители браганцской династіи дѣйствовали. Карлота де-Бурбонъ, достойная сестра Фердинанда VII и дочь Карла IV, жена португальскаго регента, государя Бразиліи, предъявила свои наслѣдственныя права на испанскую корону и на обладаніе всѣми ея колоніями въ силу какой-то секретной приписки, уничтожающей дѣйствіе салическаго закона. Она въ 1812 году послала бразильскія войска въ Монтевидео, находящійся тогда еще въ испанскихъ рукахъ, но вмѣшались англичане, и бразильскія войска отступили.

Бразильцы возвратились сюда въ 1816 году и опять именемъ Карлоты. Губернаторомъ Монтевидео въ то время былъ Артигасъ, самый блистательный изъ военачальниковъ войны за независимость, храбрѣйшій изъ храбрѣйшихъ, и въ то же время кровожадный и склонный къ грабежу, всегда окруженный толпой веселыхъ шелопаевъ и развратниковъ, между которыми свѣтиломъ первой величины считался достопочтенный патеръ Монтеро. Артигасъ былъ разбитъ бразильцами и изгнанъ однимъ изъ своихъ друзей, своимъ лейтенантомъ Раймирецомъ; онъ бѣжалъ въ Парагвай, гдѣ былъ весьма привѣтливо принятъ Франсіей. Бразило-португальское правительство завладѣло Восточной провинціей и держало ее въ своихъ рукахъ до отдѣленія Бразиліи отъ Португаліи до 1823 года, когда Монтевидео былъ объявленъ бразильской провинціей.

Буэносъ-Айресу не могло правиться такое сосѣдство. Бѣглецы

изъ Монтевидео нашли въ немъ дружескій пріемъ и помощь. Армія, подъ начальствомъ генераловъ Ориба и Лавалья, разбила бразильцевъ и въ 1825 году провозгласила независимость Урагвай отъ Бразиліи и присоединеніе его къ аргентинской конфедераціи. Главнымъ виновникомъ этого дѣла былъ Ривера, ставшій съ этой минуты самымъ популярнымъ человѣкомъ въ Урагваѣ.

Ривадавіа, съ своей стороны, сдѣлалъ все, что могъ для окончательнаго изгнанія бразильцевъ изъ Урагвая; онъ помогалъ со-сѣдамъ и войскомъ и деньгами, но расходы на войну были такъ велики, что пришлось сильно опустошить аргентинскую казну. Враги его не дремали. Они рѣшились дѣйствовать противъ него съ полной энергіей, именно въ тотъ моментъ, когда онъ осуществлялъ величайшее дѣло своей жизни — конституцію 1826 года. Они соединили въ своихъ рукахъ билеты провинціальныхъ банковъ и потребовали по нимъ капиталы; понятно, что провинціальныя банки должны были вынуть всѣ свои фонды изъ національнаго банка, который въ это время самъ сильно нуждался въ деньгахъ. Кредитъ центральнаго правительства былъ совершенно подорванъ. Впрочемъ Ривадавіа могъ бы еще бороться съ своими врагами, — ему нужно было только отозвать войска, сражавшіеся противъ бразильцевъ, — но онъ былъ выше вулгарнаго честолюбія, онъ предпочелъ пасть и вышелъ въ отставку въ іюль 1827 года. Съ его паденіемъ, въ исторіи аргентинской конфедераціи началась новая эпоха, — эпоха Розаса, федералисты смѣнили унитаріевъ.

Но прежде, чѣмъ перейдемъ къ описанію этой новой эпохи, скажемъ чѣмъ окончилась война съ Бразиліей. Англичане рѣшились принять на себя посредничество между воюющими сторонами. Бразилія никакъ не хотѣла допустить, чтобы Урагвай соединился съ аргентинской конфедераціей; послѣдняя, съ своей стороны, не желала оставить Урагвай во власти Бразиліи. Медиаторы избрали средній путь и объявили, что Урагвай долженъ составить независимую республику. Этотъ прое́ктъ, какъ устраняющій всѣ недоразумѣнія, былъ принятъ всѣми враждующими сторонами и президентомъ новой республики, какъ и слѣдовало ожидать, избранъ Ривера, человѣкъ весьма легкихъ нравственныхъ правилъ, храбрый, но весьма нечистый на руку.

IV.

Ривадавіа, этотъ великій, благороднѣйшій гражданинъ такъ мало дѣлалъ шума за границами своего отечества, что въ Старомъ свѣтѣ о немъ почти ничего не знали. Если диктаторъ Франсіа пользовался въ Европѣ извѣстностію, то это потому, что этотъ образецъ честнаго человѣка, получившій отъ своихъ согражданъ неограниченную власть надъ ними, прослылъ ужаснѣйшимъ тираномъ. Но насколько мало былъ извѣстенъ европейскимъ писателямъ и политикамъ Ривадавіа, настолько же получилъ извѣстность между ними Розасъ; лучше сказать, аргентинская конфедерація стала извѣстна Европѣ именно благодаря громкой славѣ Розаса, жестокаго тирана, олицетворявшаго собой преданія парагвайскихъ іезуитовъ и индѣйскихъ охотниковъ на людей. Онъ, подобно герцогу Гандіи, достойному сыну папы, умѣлъ для своихъ цѣлей съ одинаковымъ успѣхомъ употреблять слово, шпагу, винжалъ и ядъ; какъ тотъ всегда находилъ возможность, тѣмъ или другимъ способомъ, избавляться отъ герцоговъ, дожей, епископовъ и республикъ, такъ и Розасъ всякими средствами отдѣлывался какъ отъ враговъ своихъ унитаріевъ, такъ и отъ друзей федералистовъ, если они мѣшали ему.

Происходя отъ старинной астурийской дворянской фамиліи, имѣя въ числѣ предковъ по прямой линіи извѣстнаго губернатора въ Чили при Филиппѣ V, — Мануэль Розасъ по самому происхожденію своему предназначенъ былъ занимать какое нибудь выгодное мѣстечко въ испанской службѣ. Его дѣдъ, извѣстный истребитель дикихъ индѣйцевъ, попалъ въ ихъ руки; въ отмщеніе за жестокости, они зашили его живого въ бычачью шкуру и бросили въ воду. Мануэль часто слышалъ разсказъ объ этомъ трагическомъ событіи, онъ возбудилъ въ мальчикѣ сильнѣйшую ненависть къ индѣйцамъ и желаніе отплатить имъ за смерть дѣда, что впоследствии и исполнилъ съ обычною ему энергіею и жестокостію. Воспитаніе онъ получилъ самое плохое; родители имъ нисколько не занимались. Шестнадцати лѣтъ отъ роду Мануэль былъ выгнанъ изъ родительскаго дома и поступилъ на службу въ имѣнія богатыхъ,

собственниковъ Доррего, гдѣ своею дѣятельностію и способностію обратилъ на себя вниманіе и скоро получилъ мѣсто главнаго управляющаго. Здѣсь онъ развилъ въ себѣ физическую силу и ловкость, которыя впоследствии такъ помогли его популярности между полудикимъ сельскимъ населеніемъ. Но кромѣ этихъ достоинствъ, онъ обладалъ еще природнымъ краснорѣчіемъ, умѣлъ ловко вставлять простонародныя поговорки, сорить деньгами и казаться пылкимъ либераломъ, когда это было нужно для его цѣлей. Во время войны за независимость, онъ держался въ сторонѣ, но по освобожденіи Буэносъ-Айреса, послѣдовалъ за своимъ патрономъ Доррегой въ ряды федеральной партіи; здѣсь онъ сдружился съ Маноземъ Анчореной, самымъ вліятельнымъ предводителемъ этой партіи. Онъ вскорѣ женился на дочери донъ-Эскурра, энергической, надменной, страстной и честолюбивой женщинѣ. Заручившись такой сильной протекціей съ разныхъ сторонъ, Розасъ выступилъ на политическую арену, гдѣ скоро сдѣлался лицомъ весьма замѣтнымъ. Въ этомъ человѣкѣ соединялись лезть и разнузданныя страсти, дерзость и подозрительность, развратъ и ханжество, жестокость, самоудрство, піэтизмъ въ одно время и лживый и искренній, гордость, тщеславіе и честолюбіе. Счастіе благоприятствовало ему, его преступленіямъ удивлялись, мало того, его уважали не только друзья, но даже и враги. Онъ займетъ видное мѣсто въ исторіи.

Ривадавіа, какъ мы сказали, предпочелъ лучше пасть и отказаться отъ власти, чѣмъ поддерживать себя и свою партію военной диктатурой. Онъ удалился въ Европу и впоследствии умеръ въ Ріо-Жанейро въ бѣдности и неизвѣстности. Послѣ его удаленія, страна опять впала въ анархію, изъ которой онъ вывелъ ее въ 1820 году. Каждая провинція желала составить независимое государство, отдавала себя во власть избранныхъ самимъ населеніемъ губернаторовъ, которые грабили управляемый ими народъ и вели между собою постоянныя войны, отъ которыхъ опять-таки страдалъ тотъ же беззащитный народъ. Въ Новомъ Свѣтѣ повторились тѣ возмутительныя сцены разбоевъ и насилій, которыми ознаменовались средніе вѣка въ Европѣ.

Избранный буэносъ-айресскимъ губернаторомъ на мѣсто Ривадавіа, полковникъ Доррего былъ самый достойный уваженія и са-

мый умѣренный человекъ изъ партіи федералистовъ. Какъ человекъ образованный, онъ принадлежалъ къ лучшему буэносъ-айресскому обществу, состоящему преимущественно изъ унитаріевъ, а какъ богатый землевладѣлецъ, онъ не могъ отдѣлять своихъ интересовъ отъ интересовъ сельскаго населенія, придерживавшагося федералистской политики, поэтому онъ по необходимости долженъ былъ держаться системы соглашенія между обѣими партіями. Вскорѣ послѣ принятія имъ должности, онъ заключилъ мирный договоръ съ Бразиліей, которымъ была объявлена независимость Уругвая.

Война окончилась и аргентинская армія, командуемая Лавалемъ, возвратилась въ Буэносъ-Айресъ. Армія была наполнена унитаріями, самыми непримиримыми, и потому, понятно, она скоро возмущилась противъ правительства и одержала побѣду надъ его защитниками. Розасъ, котораго Доррего сдѣлалъ генераломъ республики и поручилъ ему начальство надъ войсками, оставшимися на сторонѣ правительства, постарался отблагодарить своего прежняго патрона, предавъ его тайно въ руки возмущившихся солдатъ. Онъ, впрочемъ, сдѣлалъ еще лучше, когда къ нему въ руки попала власть: онъ арестовалъ брата Доррего и секвестровалъ всѣ имѣнія этой богатой фамиліи. Плѣнный губернаторъ Доррего былъ разстрѣлянъ по приказанію Лавала, который ознаменовалъ свою побѣду кровавыми приговорами противъ федералистовъ. Лаваль захватилъ власть въ свои руки и, казалось, утвердился прочно, такъ какъ долго никто не рѣшался протестовать противъ его диктатуры. Розасъ былъ первый, который рѣшился заговорить о мщеніи. Онъ возбудилъ противъ Лавала Кирогу и Лопеца; этого мало, онъ натравилъ на него красавицу Мандевиль, жену французскаго консула, которая приходилась молочной сестрой Розасу. Эта граціозная, коварная дама такъ нѣжно ласкала своего мужа, такъ мило просила его, что безчестный, тщеславный фатъ Мандевиль рѣшился на преступленіе противъ международнаго права. Въ ночь на 7 іюня 1829 года французская эскадра, подъ начальствомъ виконта Венанкура, овладѣла аргентинской эскадрой, на которой находились арестованными нѣсколько предводителей федералистской партіи. Лаваль былъ слишкомъ слабъ, чтобы могъ дѣйствовать противъ союза федералистовъ съ Франціей; вмѣстѣ со многими своими политическими

друзьями онъ бѣжалъ въ Урагвай. Розасъ избавился отъ соперничества унитаріевъ и 8 декабря 1829 года избранъ губернаторомъ и вѣстѣ главнокомандующимъ провинці Буэносъ-Айресъ.

Въ слѣдующемъ году июльская революція во Франціи дала тронъ Луи-Филиппу, который, въ декабрѣ 1830 года, помимо собственнаго желанія, принужденъ былъ признать испано-американскія республики.

Унитаріи сошли со сцены, но они не были совершенно уничтожены. Въ 1831 году они опять возстали, но были разбиты Лопецомъ и Кирогой. Розасъ на это возстаніе отвѣчалъ закономъ объ общественной безопасности, направленнымъ противъ всѣхъ подозрительныхъ. А подозрительными, по его мнѣнію, были всѣ унитаріи, лучше сказать, всѣ тѣ, кто не имѣлъ счастья понравиться страшному губернатору. Свобода прессы была уничтожена, а съ нею и всякія другія свободы, и въ руки Розаса отдана почти деспотическая власть; федералисты, въ пылу партіонной ненависти, забыли о всякой личной гарантіи, они жаждали только истребленія послѣдователей идеи государственнаго единства.

Въ 1832 году окончился срокъ полномочія, даннаго Розасу. На выборахъ губернаторомъ Буэносъ-Айреса избранъ Балькарсе, безъ сомнѣнія, федераль. Розасъ, не чувствуя себя настолько сильнымъ, чтобы рѣшиться произвести государственный переворотъ и объявить себя несмѣняемымъ диктаторомъ, — удовольствовался титуломъ генералиссимуса арміи и порученіемъ усмирить возмущившихся индѣйцевъ. Онъ исполнилъ это порученіе такъ удачно, что, по собственнымъ его словамъ, истребилъ не менѣе 22,000 индѣйцевъ, превративъ ихъ деревни и поля въ совершенную пустыню.

Но Балькарсе портилъ дѣла. Онъ возстановилъ свободу прессы, онъ былъ просто измѣнникъ. Онъ показался опаснымъ чистымъ федералистамъ, въ родѣ Лопеца и Кирогои, и они подняли знамя бунта. Душею инсurreкціи была неутомимая жена Розаса; она появлялась всюду, она заправляла всѣмъ, она эксплуатировала старинное соперничество деревни съ городомъ. Унитаріи или федералисты, партизаны Ривадавиіи или Лавалья, Дорреги или Балькарсе, — всѣ эти буржуа хотѣли властвовать, потому что имѣли муниципальную организацію, потому что располагали богатствомъ и

образованіемъ“. Но деревенскіе жители вовсе не желали имъ повиноваться, такъ какъ считали себя сильнѣе. Гаучо ринулись на городъ, какъ волны наводненія, и Балькарсе, будучи не въ силахъ удержать расходившуюся стихію, отказался отъ власти.

Такое положеніе дѣлъ вполне благопріятствовало планамъ Розаса, и онъ явился въ Буэносъ-Айресъ во главѣ своей побѣдоносной арміи. Жители Буэносъ-Айреса, томительно ожидавшіе какой нибудь кровавой катастрофы, съ восторгомъ встрѣтили Розаса: они еще не были знакомы съ тиранніей этого человѣка и смотрѣли на него, какъ на избавителя отъ ужасовъ анархіи. Палата представителей посѣщала предложить Розасу чрезвычайныя полномочія и избрала его губернаторомъ. Но Розасу хотѣлось не губернаторства, а несмѣняемой диктатуры. Онъ отказался отъ предложенной ему чести и удалился въ свой сельскій домикъ въ нѣсколькихъ верстахъ отъ Буэносъ-Айреса; отсюда онъ присылалъ напыщенные письма, умѣренные по формѣ, но угрожающія по своей сущности. Въ то же время его друзья агитировали буэносъ-айресскій народъ. Розасъ повторилъ комедію Тиверія съ римскимъ сенатомъ, и велъ ее такъ искусно, что подъ конецъ трусливые и низкіе депутаты встали передъ нимъ на колѣни и умоляли его взять въ свои руки власть надъ жизнью, имуществомъ и честью его согражданъ, провозгласили его пожизненнымъ диктаторомъ съ самыми широкими полномочіями. 1 апрѣля 1835 года, т. е. почти черезъ два года послѣ удаленія Балькарсе, Розасъ принялъ предложенную ему диктатуру. Измѣненіе конституціи, въ смыслѣ новыхъ полномочій, данныхъ диктатору, было передано на обсужденіе народа и почти вездѣ принято безъ возраженій; были попытки протестовать, но такія безсильныя и ничтожныя, что на нихъ не стоило обращать никакого вниманія. Для полученія такого блистательнаго результата употреблены такія же мѣры, какія во Франціи направили въ послѣдствіи въ извѣстную сторону голосованіе 20 декабря 1851 года.

Не довольствуясь легальными средствами, отданными въ его распоряженіе, не удовлетворяясь властію по своему произволу разстрѣливать по суду и даже безъ суда всѣхъ подозрительныхъ, диктаторъ захотѣлъ просто убивать всякаго, кого ему вздумается и всталъ во главѣ тайнаго общества, извѣстнаго подъ именемъ Ма-

сорка, состоявшаго изъ разбойниковъ и вообще людей самаго темнаго происхожденія, которые приняли своимъ девизомъ: „да здравствуетъ Розасъ! Смерть дикимъ унитаріямъ!“ Этотъ девизъ сдѣлался официальнымъ, обязательнымъ въ рѣчахъ и церемоніяхъ, во всѣхъ публичныхъ актахъ внутренней политики. Все, что отличалось умственнымъ, гражданскимъ и социальнымъ превосходствомъ, — все это казалось подозрительнымъ въ глазахъ страшнаго общества, и оно не останавливалось ни передъ какими преступленіями, чтобы очистить аргентинскую почву отъ такихъ вредныхъ людей. Сначала они истребляли остатки унитаріевъ, но потомъ, подъ ихъ ножъ попадали одинаково какъ унитаріи, такъ и федералисты, всякій буржуа могъ ожидать ежеминутно смерти, на которую его осудятъ адскіе разбойники. Самъ Розасъ почувствовалъ страхъ къ своимъ клеветамъ и изъ Масорки выдѣлилъ новое общество, которое надзирало за Масоркой же и накладывало на нее узду, когда это было нужно. Но чтобы еще болѣе экзальтировать свою кровавую банду, Розасъ придалъ ей религіозный характеръ. Унитаріи были демоны, дьяволы; мягкіе федералы слыли за схизматиковъ, еретиковъ, а чистые федералисты, масоркисты, взяли на себя священную обязанность защищать религію и очистить дѣвственную почву отъ плевель, занесенныхъ въ нее извнѣ. Розасъ былъ непогрѣшимымъ папой, божествомъ, которому слѣдовало воздавать божескія почести. Диктаторъ наложилъ тяжелую руку на государственную католическую церковь, назначивъ епископомъ Буэносъ-Айреса выжившаго изъ лѣтъ идіота, который видѣлъ свою обязанность единственно въ точномъ исполненіи всѣхъ требованій Розаса. Предполагая, что въ іезуитахъ найдетъ еще болѣе вѣрныхъ исполнителей его предположеній по религіознымъ вопросамъ, диктаторъ вызвалъ ихъ въ Буэносъ-Айресъ, но скоро убѣдился, что почтенные патеры народъ слишкомъ опасный даже для него и, не долго думая, выдвродилъ ихъ обратно за границу республики.

Завладѣвъ диктатурой, Розасъ первымъ дѣломъ постарался избавиться отъ своихъ соучастниковъ. Братьевъ Рейнафе онъ науськалъ на Кирогу, на секретаря Кирогы и ихъ товарищей, и они всѣ были истреблены. Затѣмъ Розасъ велѣлъ зарѣзать братьевъ Рейнафе. Оставался еще Лопецъ, — его отравили. Что касается до

г-жи Розась, подготовившей государственный переворотъ, мужъ не могъ простить ей этого. Онъ сталъ обращаться съ ней самымъ возмутительнымъ образомъ и довелъ ее до смерти; онъ истилъ ей до самаго конца; передъ смертью она потребовала священника; Розась не допустилъ его, опасаясь, что она можетъ выдать какую нибудь политическую или семейную тайну. Болѣе подробныя черты этого хитраго, коварнаго и темнаго тирана известны нашихъ читателямъ изъ превосходнаго романа Х. Мармоля „Друзья—хуже враговъ.“

V.

Въ качествѣ государственнаго человѣка, Розась, хотя и федералистъ, былъ всегда врагомъ урагвайской независимости. Это можетъ показаться съ перваго взгляда не совсѣмъ логичнымъ, но не надо забывать, что губернаторъ Буэносъ-Айреса, всесильный диктаторъ аргентинской конфедерации, въ тоже время былъ наслѣдникомъ испанской традиціи; Буэносъ-Айресъ былъ прежде главнымъ городомъ вице-королевства, въ составъ котораго входили и Парагвай и Урагвай. Къ тому же унитаріи, сдѣлавшіе вернуться отъ когтей диктатора, находили убѣжище въ Монтевидео, откуда время отъ времени беспокоили Розаса, возбуждая въ разныхъ мѣстахъ аргентинской конфедерации вооруженныя возстанія. Не смѣя прямо напасть на Монтевидео, котораго независимость была провозглашена Англією и признана Францією, Розась старался ослабить его постояннымъ возбужденіемъ тамъ несогласій между партіями, часто доходившихъ до гражданской войны. Случай къ этому скоро представился.

Ривера, губернаторъ Монтевидео, съ которымъ мы нѣсколько знакомы, обманутый преданностію къ себѣ нѣкоего Орибы и въ благодарность за услуги, имъ оказанныя, назначилъ его своимъ помощникомъ. Ориба, совершеннѣйшій гаучо по своей дикости, былъ человѣкъ жестокой, съ кровавыми наклонностями, но, надо правду сказать, вовсе не воръ, какъ Ривера. Въ Урагваѣ, какъ и въ аргентинской конфедерации, было двѣ партіи: городская или

бѣлая и сельская или цвѣтная. Ориба, захватившій власть въ свои руки, всталъ во главѣ городской партіи, свергнутый Ривера опирался на сельскую, въ послѣдней примкнули аргентинскіе изгнанники. Если унитаріи, аргентинскіе буржуа, въ противность своихъ традицій, примкнули къ сельской партіи, они сдѣлали это потому, что предводителемъ городской сталъ Ориба, ихъ закореѣный врагъ, пріятель Розаса. Вообще какъ въ аргентинской конфедерации, такъ и въ Урагваѣ партіи до того были перепутаны между собою, что нѣтъ никакой возможности сдѣлать имъ какуюнибудь точную классификацію. Разбитый въ сраженіи при Пальмарѣ въ 1838 году, Ориба принужденъ былъ сложить съ себя званіе президента и бѣжать къ своему союзнику Розасу, который принялъ его, какъ законнаго президента. Съ этой поры Ориба сталъ помощникомъ Розаса и продолжалъ дѣлать набѣги на Монтевидео. Но побѣда Риверы, въ декабрѣ 1839 года, окончательно освободила Урагвай отъ набѣговъ изъ аргентинской конфедерации и даже могла бы приготовить унитаріямъ возвращеніе въ Буэносъ-Айресъ, еслибъ въ этомъ не помѣшало имъ правительство Луи-Филиппа.

Преступная помощь, оказанная Мандевилемъ Розасу, вызвала противъ него осужденіе со стороны его правительства, и вмѣстѣ съ тѣмъ возбудила презрѣніе Розаса къ правительству, посылающему такихъ агентовъ. Мандевила смѣнили; назначенный на его мѣсто агентъ не былъ принятъ Розасомъ, потому, будто бы, что его поведеніе въ Чили, гдѣ онъ былъ до сихъ поръ консуломъ,— было далеко небезукоризненно. Французское правительство отозвало его и прислало новаго агента. Розасъ цѣлый годъ не давалъ ему аудіенціи и принялъ его не изъ уваженія къ Франціи, а только по просьбѣ г-жи Мандевилъ. Французское правительство разсердилось не на шутку при видѣ такой наглости, и министръ Моле послалъ къ Буэносъ-Айресу эскадру, съ полномочіемъ бомбардировать городъ, если Розасъ не принесетъ покаянія и не дастъ должнаго удовлетворенія. Командующій эскадрою адмиралъ готовъ былъ въ точности выполнить данную ему инструкцію, но французскіе негодяи, жившіе въ городѣ, упростили его дожидаться какогонибудь новаго предлога для принятія рѣшительныхъ мѣръ. Адмиралъ со-

гласился отложить бомбардированіе города, но продолжалъ держать портъ въ блокадѣ. Блокада безъ выстрѣловъ мало беспокоила Розаса — власть его въ странѣ нисколько не подрывалась, — но она причиняла большой вредъ коммерсантамъ, какъ буэнос-айресскимъ, такъ и негоціантамъ нейтральныхъ странъ. Блокада даже помогла Розасу, она соединила вокругъ него всѣхъ, кто ненавидѣлъ иностранное вмѣшательство больше, чѣмъ туземнаго тирана, который силою обстоятельствъ являлся теперь защитникомъ угрожаемой національной независимости. Съ этой поры на всѣхъ, кто рѣшался заявить какую бы ни было оппозицію Розасу, смотрѣли какъ на измѣнниковъ отечеству, какъ на искариотовъ, купленныхъ французскимъ золотомъ. „Поганымъ французамъ, разбойникамъ, врагамъ американской свободы“ была объявлена вѣчная война и они осуждены на истребленіе. Портретъ Возстановителя законовъ, Защитника аргентинской независимости носили по улицамъ и ставили въ церквахъ. Пользуясь случаемъ, Розасъ еще болѣе распространилъ свою власть и, повидимому, еще тверже укрѣпился въ занимаемой имъ позиціи.

Время отъ времени эмигранты-унитаріи съ оружіемъ въ рукахъ вторгались въ предѣлы аргентинской конфедераціи. Къ нимъ присоединялись часто федералисты, губернаторы провинцій, напуганные честолюбіемъ и жестокостію Розаса. Но диктаторъ никогда не давалъ имъ времени организоваться; они разсѣивались и снова собирались. Наконецъ, инсургенты рѣшились дать диктатору генеральное сраженіе 31 марта 1839 года при Пацо-Ларго и были имъ разбиты на голову. Побѣдители неутомимо преслѣдовали побѣжденныхъ и истребили ихъ великое множество. Возставшій губернаторъ Корріентеса взять въ плѣнъ и буквально истыканъ копьями. Однакожъ эта побѣда не могла быть названа рѣшительной: ждали, что французскій флотъ вступитъ въ союзъ съ инсургентами противъ правительства Розаса, что Урагвай подастъ имъ руку помощи. Самые инсургенты оправдись. Старикъ Пацъ произвелъ новое возстаніе въ Корріентесѣ, Лаваль, съ помощію французской эскадры, въ сентябрѣ 1840 года перешелъ Парану. Генералъ Ламадридъ привелъ ему подкрѣпленія изъ внутреннихъ провинцій. французская эскадра, занявъ островъ Мартинъ-Гарсія, держала

Буэносъ-Айресъ въ самой строгой блокадѣ. Бомбы, пущенныя французскимъ адмираломъ, должны были коротко и скоро рѣшить дѣло никакъ не въ пользу Розаса. Прочелъ слухъ, что курьеръ везетъ адмиралу Мако, недавно прибывшему къ эскадрѣ, новыя инструкціи отъ французскаго правительства.

Заплативъ 50,000 франковъ, Розасъ укралъ эти инструкціи и ранѣ адмирала узналъ о нерѣшимости и эгоистической трусости, положенныхъ въ основаніе этихъ драгоцѣнныхъ инструкцій. Диктатору теперь оставалось провести своего противника, что онъ и исполнилъ самымъ блистательнымъ образомъ. Мако съ своими 6,000 морскихъ солдатъ, посланный въ эти отдаленныя страны для того, чтобы поугатъ Розаса, а не дѣлать ему никакого вреда, очень былъ радъ, что представлялся случай заключить какой ни на есть трактатъ и убраться поскорѣе во-свои. Отправляясь въ экспедицію, Мако оставилъ Европу въ сильно напряженномъ состояніи и ожидалъ, что тамъ должна вспыхнуть война, и онъ получить приказаніе вести свою эскадру въ европейскія воды. Поэтому онъ спѣшилъ окончить дѣло въ Буэносъ-Айресѣ. Розасъ понялъ желаніе французскаго адмирала и не особенно торопился сходитьсь въ условіяхъ трактата. Двѣ недѣли показались Мако уже большимъ промедленіемъ времени, и онъ спѣшилъ подписать трактатъ, составленный почти исключительно въ пользу Розаса, который предоставилъ Франціи всѣ второстепенныя выгоды, на свою же долю взялъ существенныя. Какое торжество для Розаса! Никогда онъ не находился въ такомъ критическомъ положеніи, какъ предъ открытіемъ переговоровъ съ французскимъ адмираломъ, и никогда онъ не стоялъ такъ высоко и не былъ такъ всемогущъ, какъ по окончаніи ихъ. Послѣ такой важной побѣды, что значили для него аргентинскіе инсургенты и урагвайскія войска! Побѣда надъ ними была несомнѣнна, будущее принадлежало ему—завоеваніе Парагвая и Урагвая, основаніе огромной ла-платской имперіи—вотъ какія мечты стали проноситься въ воображеніи Розаса. За то съ какой предупредительностью онъ принялъ французскаго адмирала, высадившагося на берегъ и пробывшаго въ Буэносъ-Айресѣ 17 дней; онъ помѣстилъ адмирала въ старинномъ дворцѣ вице-королей, всѣ его желанія исполнялъ, какъ приказанія, по его хода-

тайству даже помиловаль 700 политическихъ обвиненныхъ! Мако, въ качествѣ французскаго чрезвычайнаго посла, пироваль и получаль подобающія почести, а въ городѣ попрежнему рѣзали и убивали людей. Масорка работала съ остервенѣніемъ, отъ ея ножа не спасались даже депутаты законодательнаго собранія; она убивала въ городахъ и деревняхъ, въ поляхъ и лѣсахъ, вездѣ, гдѣ только жили люди. Мѣсяць октябрь, когда заключенъ былъ договоръ съ французскимъ адмираломъ, названъ именованъ Розаса и ознаменовался безчисленнымъ множествомъ убійствъ. Во время самыхъ переговоровъ, одинъ французъ былъ вытащенъ замаскированными людьми на улицу и убитъ. Его вдова жаловалась французскому адмиралу; онъ потребоваль объясненія у Розаса. Диктаторъ хорошо зналъ въ чемъ дѣло, но притворился невиннымъ агнцемъ и велѣль произвести слѣдствіе, по окончаніи котораго увѣрилъ адмирала, что этотъ французъ былъ натурализованный аргентинскій гражданинъ. Далѣе адмиралъ не счелъ себя вправѣ вмѣшиваться, на томъ дѣло и покончилось. Этотъ, повидимому, неважный случай, однако показываетъ, съ какимъ презрѣніемъ смотрѣль Розасъ на французскаго адмирала и какъ мало боялся его флота.

Вдоволь натѣпившись кровію своихъ жертвъ, Розасъ приступилъ къ конфискаціямъ, и деньгами „дикихъ и нечистыхъ унитаріевъ“, наполнилъ свои пустые сундуки и мошны своихъ соучастниковъ въ преступленіяхъ. Побѣдителю при Пазо-Ларго досталось на его пай 3,000 быковъ и 3,000 овецъ; каждый изъ солдатъ его арміи гналъ передъ собою стадо изъ 50 быковъ и 150 овецъ. Въ 1850 году треть всей земельной собственности въ провинціи Буэносъ-Айресъ была въ рукахъ Розаса и его креатуръ. Ориба прешелъ съ огнемъ и мечемъ всю страну, гдѣ происходило возстаніе. 15,000 инсургентовъ погибло въ сраженіяхъ и во время преслѣдованій, 5,000 разстрѣляно по приговорамъ военныхъ судовъ и 2,000 отравлены или зарѣзаны безъ всякихъ судебныхъ приговоровъ.

Розасу только оставалось отомстить Урагваю, всегда охотно дававшему у себя пріютъ его врагамъ, и онъ отправилъ къ Монтевидео аргентинскую армію подъ начальствомъ Орибы, который, несмотря на свое отреченіе, явился на урагвайскую землю въ каче-

ствѣ законнаго президента уругвайской республики. 16 февраля 1843 года Ориба началъ осаду Монтевидео съ суши, въ то же время морская эскадра Розаса обложила городъ съ моря. Эта достопримѣчательная осада тянулась почти также долго, какъ и осада Трои. На представленія Англіи и Франціи, торговля которыхъ страдала отъ блокады, Розась отвѣчалъ высококофрно, съ презрѣніемъ; англо-французская эскадра въ возмездіе начала блокировать Буэносъ-Айресъ. Совершенно бесполезно описывать эту нелѣпую осаду Монтевидео, во время которой двѣ арміи, почти равныя силами, не рѣшались ни та, ни другая предпринять какое нибудь серьезное наступательное движеніе, а ихъ дрянныя пушки съ еще болѣе дрянными артиллеристами, весьма акуратно кидали ядра, непринносяція никому вреда. Были вылазки и атаки, были сраженія, но ни одно изъ нихъ не сопровождалось никакими результатами. Вмѣстѣ съ официальными арміями дрались вооруженные граждане, организовались даже небольшіе иностранные отряды, въ числѣ ихъ итальянскій подѣ командой Гарибальди, который, впрочемъ, вмѣ сраженія, строго держась принципа равенства, отказывался начальствовать надъ своими братьями и друзьями. Ривера выказалъ тутъ свою блистательную неспособность и только даромъ терялъ и войска, и деньги. Подѣ Индіа-Муэрта онъ далъ себя разбить Уркицѣ, самому искусному изъ аргентинскихъ федеральныхъ генераловъ, котораго вліяніе въ республикѣ изъ года въ годъ усиливалось. Послѣ своей побѣды Уркица сталъ еще болѣе подозрительнымъ въ глазахъ Розаса, и потому сталъ держать себя крайне осторожно. Рассказываютъ, что Уркица, ложась спать, всегда предпринималъ предосторожности противъ разныхъ случайностей со стороны Розаса, а Розась не могъ заснуть, не составивъ предварительно плана гибели своего соперника.

Въ это время извѣстный англійскій торговый домъ Берингъ и комп., ведущій дѣла на широкую ногу съ Розасомъ, обратился къ Пальмерстону съ просьбой, уладить какъ нибудь дѣла на Ла-Платѣ. Вмѣстѣ съ англійской эскадрой блокировала Буэносъ-Айресъ также и французская. Пальмерстонъ, по соглашенію съ Гизо, вошелъ въ переговоры съ Розасомъ, результатомъ которыхъ было оставленіе на произволъ судьбы Монтевидео и признаніе Орибы

президентомъ урагвайской республики (къ счастію Розасъ разорвалъ этотъ трактатъ). Англійскій представитель лордъ Гауденъ готовъ былъ совсѣмъ пожертвовать Урагваемъ, уничтоживъ его самостоятельное существованіе, но французскій представитель графъ Валевскій не согласился на такую низость, а республиканское правительство, смѣнившее правительство Луи-Филиппа, назначило въ 1848 году урагвайской республикѣ субсидію по 200,000 франковъ въ мѣсяць.

Оставленный Англіей и Франціей, Урагвай получилъ помощь отъ Бразиліи, которая не желала позволить Розасу овладѣть Монтевидео, кромѣ того для своихъ внутреннихъ провинцій она нуждалась въ правѣ свободнаго прохода по р. Ла-Платѣ, который Розасъ, слѣдую старой испанской традиціи, запиралъ для бразильцевъ. Аргентинецъ Уркица понялъ, что насталъ его часъ, поднялъ знамя возмущенія и пошелъ противъ Орибы, котораго въ тоже время атаквали урагвайцы и бразильцы, подъ командой барона Касіаса. 3 февраля 1852 года произошло сраженіе при Монте-Казеросѣ, низвергшее тиранію Розаса, который бѣжалъ въ Англію и съ своей дочерью Мануэлитой поселился въ Соутгэмптонѣ, гдѣ жилъ еще нѣсколько лѣтъ въ совершенной неизвѣстности. Этотъ суровый человѣкъ любилъ свою дочь, которая платила ему взаимностію и всегда считала его человѣкомъ обиженнымъ, съ которымъ поступлено безсовѣстно и несправедливо. Мануэлита умѣла выпрашивать у своего ужаснаго отца милости тѣмъ вдовамъ и сиротамъ, мужей которыхъ онъ умертвилъ. Мануэлита щедро подавала милостыню и вообще своими мягкими, человѣчными поступками спасла себя отъ той ненависти, какую возбуждалъ ее отецъ во всѣхъ своихъ согражданахъ.

VI.

Послѣ паденія Розаса борьба между унитаріями и федералистами продолжалась по прежнему, но принципы, за которые они боролись, такъ перемѣшались, что иностранецъ, незнакомый до тонкости съ мѣстными условіями, легко можетъ принять федералистовъ за унитаріевъ и на оборотъ. Нынѣ унитаріи поддерживаютъ пра-

ва и интересы провинцій, а федералисты имѣютъ въ виду исключительно интересы столицы. Постараемся, насколько будетъ возможно, разъяснить эту путаницу.

Унитаріи составили себѣ идеаль такой республики, гдѣ центральная власть руководить дѣятельностью провинцій, которыя всѣ должны пользоваться равными правами и нести равныя обязанности; всѣ должны платить одинаковый налогъ, равномерно участвуя въ общемъ государственномъ бюджетѣ. Федералисты стояли за автономію провинцій, которыя сами руководятъ центральной властью; каждая провинція должна развиваться, сообразуясь съ собственными средствами; а государственный бюджетъ долженъ составляться изъ остатковъ провинціальныхъ бюджетовъ. Мы не станемъ разбирать которая изъ этихъ системъ лучше: въ теоріи они обѣ имѣютъ свои хорошія стороны, и все зависитъ отъ примѣненія ихъ на практикѣ.

Изъ 14 провинцій, нѣкогда составлявшихъ Буэносъ-айресское вице-королевство, особеннымъ вниманіемъ испанскаго правительства натурально пользовалась Буэносъ-айресская, гдѣ находился главный городъ вице-королевства и аргентинская таможня, передъ которой всѣ суда, какъ туземныя, такъ и иностранныя, бросали якорь и платили за право прохода по рѣкѣ Ла-Платѣ. Во время испанскаго владычества остатокъ отъ этого дохода, частію идущаго на мѣстные потребности, отпирался въ Мадридъ. Послѣ освобожденія аргентинской конфедерации, Буэносъ-Айресъ продолжалъ получать этотъ налогъ и, разумѣется, присвоилъ его себѣ для своихъ собственныхъ потребностей. Прежде провинціи не обращали никакого вниманія на этотъ доходъ, испанское правительство выдавало изъ него Буэносъ-Айресу слишкомъ ничтожную часть, но теперь положеніе измѣнилось и имъ было выгодно принять участіе въ дѣлѣ этого значительнаго дохода. Буэносъ-Айресъ, понятно, не желалъ выпускать добычу изъ рукъ, почему сталъ на сторону федералистовъ, провинціалистовъ и противъ унитаріевъ, централистовъ. Онъ отказался быть столицею всей республики и объявилъ себя только главнымъ городомъ своей провинціи. Какъ столица республики, онъ не имѣлъ бы никакого права удерживать у себя деньги и принужденъ бы былъ тратить ихъ на надобности всей респуб-

лики, но оставаясь только главнымъ городомъ своей провинціи онъ деньги удерживалъ у себя. Въ этихъ же видахъ Буэносъ-Айресъ постоянно противился и противится до сихъ поръ объявленію свободы плаванія по рѣкѣ Ла-Платѣ, что составляетъ необходимѣйшее условіе для развитія и процвѣтанія всей конфедераціи.

Эта политика исключительнаго провинціализма и тупого эгоизма побудила буэносъ-айресцевъ почти двадцать лѣтъ поддерживать тираннію Розаса, который подъ предлогомъ необузданной децентрализаціи, утвердилъ самую деспотическую централизацію.

Послѣ низверженія Розаса Уркицей, правительство республики рѣшилось положить конецъ исключительности Буэносъ-Айреса. Унитаріи, наслѣдовавшіе диктатуру въ мѣстномъ буэносъ-айресскомъ правительствѣ, успѣли уничтожить внутреннія таможи и объявили свободу плаванія по рѣкѣ. Вслѣдствіе этого Буэносъ-Айресъ отказался признать диктаторомъ побѣдителя Уркицу и заперъ передъ нимъ свои двери. Еще разъ онъ не принялъ чести назваться столицею республики, хотя это требовалось федеральной конституціей 1853 года. Съ этой поры Буэносъ-Айресъ очутился въ странномъ положеніи; онъ не составлялъ части конфедераціи, но и не вышелъ совсѣмъ изъ нея. Чтобы побѣдить упорство столицы, національный конгрессъ, засѣдавшій въ Паранѣ, декретировалъ дифференціальныя пошлины; по новому закону полную пошлину за право плаванія платили въ Буэносъ-Айресѣ только тѣ товары, которые были предназначены въ этотъ городъ, прочіе оставляли здѣсь только часть пошлины, остальную же часть платили въ томъ портѣ, гдѣ разгружались. Благодаря этой мѣрѣ центральное правительство усилило свои финансовыя средства, и Буэносъ-Айресъ ничего не потерялъ, такъ какъ торговое движеніе, преимущественно иностранная торговля изумительно усилилась послѣ паденія Розаса. Но эти дифференціальныя пошлины серьезно обеспокоили честолюбивый городъ, который не могъ переварить, что иностранные агенты перенесли свои посольскія и консульскія управленія изъ Буэносъ-Айреса въ Парану. Буэносъ-Айресъ рѣшился на войну. Побѣжденный подъ Чепедой въ 1859 году, онъ вступилъ въ переговоры и велъ ихъ такъ искусно, что на дипломатическомъ полѣ одержалъ побѣду надъ своими побѣдителями на полѣ битвы; сама

конституція была измѣнена въ пользу возставшаго города. Такое положеніе не могло продолжаться долго, опять началась война, но на этотъ разъ побѣдителемъ былъ уже Буэносъ-Айресъ. Сраженіе при Павонѣ въ 1861 году низвергло національное правительство. Побѣдитель Митре, провинціалистъ, въ смыслѣ буэносъ-айресской исключительности, сдѣлался президентомъ конфедераціи и буэносъ-айресскимъ губернаторомъ. Митре во внутренней политикѣ держался системы Розаса, почему слѣдовалъ и его финансовой администраціи, которая есть ничто иное, какъ организованное банкротство. Мѣстная буэносъ-айресская администрація сдѣлалась высшей школой безнравственности. Буэносъ-айресское казначейство стало ареной самыхъ недобросовѣстныхъ спекуляцій; часть, которую Буэносъ-Айресъ отдѣлялъ для себя, была въ 80 разъ болѣе частей, назначавшихся въ другія 13 провинцій. Бумажныхъ денегъ было выпущено такое множество (почти на 400,000,000 руб. сер.), что одно время они ходили по 5 за 100. Отсюда, для поправленія финансовъ должны были прибѣгать къ новымъ займамъ, что еще болѣе усложняло и запутывало и безъ того совершенно запутанные финансы. Финансовое управленіе всѣми путями старалось и старается скрывать о полнѣйшемъ финансовомъ кризисѣ именно отъ тѣхъ, кого оно съ каждымъ днемъ раззоряетъ все болѣе и болѣе. Это старая исторія Нибелунговъ.

VII.

Новѣйшій періодъ ла-платскихъ республикъ начинается нападеніемъ Бразиліи въ 1864 году на ту самую урагвайскую республику, которую она, по ея словамъ, такъ великодушно вырвала изъ когтей Орибы и Розаса. Бразильская имперія постоянно стремится расширять свои предѣлы на югъ, желая перенести свой центръ тяготѣнія изъ тропического пояса въ болѣе умѣренный. Она давно бидаетъ завистливый взглядъ на Монтевидео, имѣющій чрезвычайно выгодное положеніе для столицы обширной имперіи. Но понимая, что завладѣніе этимъ лакомымъ кускомъ прямою силой будетъ сопряжено съ большими трудностями, Бразилія желаетъ достигъ своей цѣли средствами дипломатіи, окольнымъ путемъ.

Ея всегдашней политикой было поддерживать раздоръ въ латинскихъ республикахъ. Ее радовала троянская осада Монтевидео, одинаково пагубная какъ для аргентинской конфедераціи, такъ и для Урагвая. Но когда Розасъ усилился и былъ близокъ къ тому, чтобы завладѣть Урагваемъ, Бразилія тотчасъ же вѣшпалась. Она уничтожила Розаса и Орибу, но старалась всѣми средствами удерживать въ Урагваѣ и аргентинской конфедераціи ихъ политику. Благодаря ея интригамъ, президентомъ урагвайской республики въ 1854 году былъ избранъ Флоресъ, креатура Бразиліи. Имперія простерла свое расположеніе къ новому президенту до того, что назначила ему пенсію въ 60,000 піастровъ (около 75,000 руб.) въ мѣсяцъ, еще болѣе, доставила ему въ Монтевидео бразильскій гарнизонъ со итыками и ружьями. Флоресъ, изъ признательности, не задумываясь подписалъ предложенныя ему условія, изъ признательности же онъ наполнилъ армию и администрацію какъ бразильцами, такъ и ихъ партизанами и креатурами изъ мѣстныхъ жителей и роздалъ имъ самыя лучшія мѣста, оставивъ второстепенныя для патриотовъ. Но признательность въ сердцахъ народовъ имѣетъ свои границы, и въ 1855 году урагвайцы разсудили, что Флоресъ слишкомъ увлекся нѣжными чувствами къ Бразиліи и низвергли его. Отставленный президентъ, по примѣру Орибы, уѣхалъ въ Буэнос-Айресъ. Здѣсь, съ помощью бразильскаго золота, подъ носомъ самого президента Митре, онъ набиралъ шайки изъ разныхъ искателей приключеній и съ ними по временамъ дѣлалъ грабительскіе набѣги въ свое отечество. Тоже самое дѣлали бразильцы изъ провинці Ріо-Гранде, увозя изъ Урагвая скотъ и даже людей, которыхъ продавали въ рабство. Бразильское правительство обыкновенно отговаривалось, что оно не можетъ отвѣчать за воровскія нападенія разныхъ негодяевъ. Такъ дѣла шли до 1864 года, когда Бразилія на остріѣ своего меча представила урагвайскому правительству списокъ 13 большихъ оскорбленій и 94 малыхъ, которыя будто бы урагвайцы нанесли бразильцамъ. Императорское правительство требовало немедленнаго удовлетворенія, въ противномъ случаѣ грозило войною. Урагвай предложилъ посредничество нейтральнаго государства, но оно было отвергнуто. Тогда Урагвай, съ своей стороны, представилъ списокъ 113 оскорбленій и также требовалъ

удовлетворенія. Не его положеніе было весьма критическое: его собственныя партіи бѣлыхъ и цвѣтныхъ были на ножахъ, цвѣтныя явно готовы были соединиться съ бразильцами, Митре грозилъ напасть изъ Буэносъ-Айреса. Но республика все-таки рѣшилась на войну. Въ январѣ 1865 года послѣ сильнаго бомбардированія Монтевидео былъ взятъ, Флоресъ избранъ президентомъ, а бразильская армія расположилась лагеремъ подлѣ самыхъ городскихъ стѣнъ.

Вслѣдъ за этимъ Бразилія вмѣстѣ съ аргентинской конфедераціей и Урагваемъ заключила тройственный союзъ съ цѣлю уничтожить независимость Парагвая. Они рѣшили не оставлять оружія до тѣхъ поръ, пока не свергнутъ правительство Лопеца, проведутъ правильныя границы въ Парагваѣ, т. е. отрѣжутъ отъ него половину его владѣній, возьмутъ съ побѣжденныхъ вознагражденіе за военныя издержки и наконецъ регламентируютъ свободу плаванія по р. Ла-Платѣ, лучше сказать, аргентинская конфедерація подѣлитъ свои доходы съ Бразиліей насчетъ Парагвая и Уругвая.

Лопецъ проникъ замыслы союзниковъ и рѣшился напасть на нихъ въ расплохъ. Онъ немедленно далъ знать Митре и донъ Педро, что смотреть на бразильское вмѣшательство въ дѣла Уругвая и занятіе ими Монтевидео, какъ на нарушеніе независимости Уругвая, которую онъ обязанъ защищать согласно заключеннымъ съ нимъ трактатамъ. Ни Митре, ни Педро не удостоили его отвѣтомъ. Переходя отъ словъ къ дѣлу, Лопецъ началъ враждебныя дѣйствія захватомъ въ Асунціонѣ бразильскаго военнаго корабля, вооруженнаго вопреки трактатамъ. Когда же аргентинская конфедерація отказала ему въ свободномъ проходѣ войскъ, посылаемыхъ имъ въ помощь Монтевидео, независимость котораго она сама гарантировала, Лопецъ съ однимъ отрядомъ войскъ бросился на аргентинскій городъ Корріентесъ, гдѣ жители приняли его, какъ друга, а другой отправилъ для занятія бразильской провинціи Матто-Гроссо, на которую Парагвай всегда предъявлялъ свои притязанія. Лопецъ рассчитывалъ на поддержку аргентинцевъ, угнетаемыхъ Буэносъ-Айресомъ послѣ битвы при Павонѣ, чего надѣялся достигнуть при помощи Уркицы, сьумѣвшаго въ подобныхъ обстоятельствахъ возбудить народъ противъ Розаса; но онъ ошибся; аргентинцы, исключая провинціи Корріентесъ, не захотѣли

браться за оружіе, а разбогатѣвшій и постарѣвшій Уркица сталъ трусливъ; онъ не захотѣлъ мѣнять вѣрное настоящее на невѣрное будущее и предпочелъ остаться спокойнымъ зрителемъ событій въ своемъ огромномъ имѣніи Сан-Хозе. Парагваю приходилось бороться одному противъ трехъ. Лопецъ стянулъ все свои войска и самъ напалъ на своихъ противниковъ. Мы не станемъ описывать подробности этой войны; наши читатели уже знакомы съ нею по политическимъ хроникамъ журнала „Дѣло“.

Какъ извѣстно, наступательные планы Лопеца не увѣнчались успѣхомъ. Что же касается до оборонительной войны, которую онъ велъ, когда союзники вступили въ Парагвай, то она достойна изумленія и величайшей похвалы, все, что можно было сдѣлать энергіей, способностями, любовью къ свободѣ и независимости—все было сдѣлано. Но перевѣсъ силъ на сторонѣ союзниковъ былъ слишкомъ великъ, и Лопецъ, окончательно разбитый при Аскарѣ, скрылся въ Кордильерахъ, оставивъ во власти непріятеля всю населенную часть Парагвая. Въ рукахъ Лопеца осталась только почти совершенно безлюдная пустыня.

Союзники успѣли установить въ занятой ими странѣ новое правительство, которое привезли съ собою въ своемъ багажѣ. Это правительство провозглашено при громкихъ салютахъ артиллеріи торжествующихъ союзниковъ и молебствія духовенства, измѣнившаго своей странѣ. Вновь испеченное правительство принесло пышную благодарность союзникамъ за избавленіе страны отъ тираніи Лопеца; оно согласилось на проведеніе новыхъ границъ, т. е. отдало половину территоріи; оно подписало условіе объ уплатѣ обѣднѣвшимъ, разореннымъ народомъ военныхъ издержекъ, употребленныхъ союзниками на обращеніе въ пустыню цвѣтущаго, богатаго Парагвая. Въ точности неизвѣстно до какой цифры доходятъ эти выплачиваемыя издержки—до сотенъ милліоновъ или до милліардовъ.

И есть еще добряки, которые думаютъ, что все уже кончено. Но въ то время, когда толпа льстецовъ поздравляетъ Бразилію съ успѣшнымъ окончаніемъ войны, мы повторимъ ей: черная имперія, ратующая за рабство, часъ твоей гибели приближается!

Эли Реклю.

ИСТОРИЧЕСКІЯ СУДЬБЫ ЖЕНЩИНЫ.

(Посвящается А. А. Антоновой.)

VI.

Мы знаемъ изъ предъидущей главы, до какого безусловнаго порабощенія доводится женщина на Востокѣ, подъ вліяніемъ полигаміи и варварскаго взгляда законодательной восточной власти; но съ развитіемъ человѣчества, право мужа казнить жену ограничивается только случаемъ прелюбодѣянія, а въ нѣкоторыхъ законодательствахъ уничтожается вовсе. Государство, поддерживая семейный дееспотизмъ владыки, даетъ ему извѣстную норму и наказываетъ за отступленіе отъ нея. Такъ, китаецъ можетъ убить прелюбодѣйную жену, но только въ присутствіи ея родственниковъ, чтобы они могли повѣрить справедливость его подозрѣній. Мужъ, убившій жену за то, что она обидѣла или прибила его родителей, получаетъ сто наложъ, а если убитая оказывается невиновной, то казнится смертью. Въмѣстѣ съ этимъ религія и право стремятся регулировать расторженіе брака и дозволяютъ его только въ извѣстныхъ случаяхъ, причемъ мужъ хотя и пользуется огромными преимуществами передъ женою, но все-таки его произволъ поставленъ въ нѣкоторыя границы. У китайцевъ мужъ имѣетъ право развестись съ женою за ея безплодіе, невѣрность, *безстыдство*, оскорбленіе его родителей, *болтливость*, наклонность къ воровству, *ревность* и неизлѣчимуую болѣзнь; но безъ утвержденія власти разводъ недействителенъ и не можетъ состояться, если жена въ это время носитъ трехлѣтній трауръ по отцѣ или матери, если она сирота или родители, бывшіе богатыми при выходѣ ея замужъ, теперь раззорились. По обоюдному согласію мужъ и жена могутъ разойтись совершенно безпре-

«Дѣло», № 11. 1

пятственно — и Европа въ этомъ отношеніи можетъ поучиться у презираемаго ею Китая. Жена, убѣжавшая отъ мужа, подвергается тѣлесному наказанію и можетъ быть продана каждому, желающему взять ее; если же во время бѣгства она вступитъ во второй бракъ, то подлежитъ смертной казни черезъ повѣшеніе. Черезъ три года послѣ безвѣстнаго отсутствія мужа она имѣетъ право выйти за другого.

Въ Индустанѣ супругъ можетъ дать разводъ своей женѣ, если, безъ предувѣдомленія его родителями невесты, послѣдняя поступила къ нему не дѣвственницею, если жена втеченіи всего перваго года чувствуетъ отвращеніе къ мужу, если она употребляетъ хмѣльные напитки, ненавидитъ мужа, *непримично ведетъ себя*, проматываетъ состояніе, если она неизлѣчимо больна, или втеченіе восьми лѣтъ бесплодна. Если мужъ долго живетъ гдѣ нибудь въ отдаленныхъ мѣстахъ розно отъ жены, то послѣдняя, смотря по причинахъ его отсутствія, имѣетъ право выйти за другого черезъ 3, 6 или 8 лѣтъ. Жена также можетъ развестись съ мужемъ, если онъ окажется отверженнымъ грѣшникомъ, еретикомъ, импотентомъ, лишеннымъ правъ преступникомъ или больнымъ чахоткою.

Магометанинъ можетъ дважды разводиться съ женой и снова брать ее къ себѣ безъ ея согласія; только послѣ третьяго развода она дѣлается свободною отъ мужа; сродъ, втеченіе котораго мужъ имѣетъ право снова жениться на разведенной имъ женѣ, для беременной—до дни ея разрѣшенія, для небеременной — три мѣсяца. Жена имѣетъ право требовать развода, если мужъ не можетъ содержать ее или не далъ ей утренняго дара. Бракъ расторгается еще въ томъ случаѣ, если жена, обвиненная мужемъ въ прелюбодѣяніи, установленною для того четырехкратною клятвою, не докажетъ своей невинности.

Такимъ образомъ восточные законы хотя и ограничиваютъ нѣсколько власть мужа, но самыя эти ограниченія такъ неопредѣленны, что мало стѣсняють произволь мужа; вѣдь какою угодно жену можно выгнать за *болтливость, нескромность, безстыдство*, — свойства чисто относительныя. Этого мало; предоставляя женщинѣ право развода гораздо въ меньшихъ размѣрахъ, чѣмъ мужчинѣ, всѣ упомянутыя законодательства ставятъ даже идеаломъ нерасторжимость брака и вѣчность мужниной власти. Китайская «Книга законовъ для женщинъ» говоритъ: «если женщина имѣетъ мужа по сердцу, она имѣетъ его на всю жизнь; если она имѣетъ мужа не по сердцу, она имѣетъ его на всю жизнь; въ первомъ случаѣ

женщина счастлива навсегда, во второмъ случаѣ она несчастна вплоть до своей смерти.» Нерасторжимость брака основывается и на правахъ мужа, пріобрѣтшаго жену въ вѣчную свою собственность, и на религіозномъ освященіи брачнаго союза, и на вѣрѣ въ будущую жизнь, гдѣ жена необходима мужу, и доступъ къ блаженству, въ которой возможенъ женщинѣ только посредствомъ мужчины. Немаловажную роль играетъ здѣсь и вѣра въ предопредѣленіе боговъ, въ *судьбу*; даже у насъ, въ Россіи, женихъ до сихъ поръ называется *суженымъ*, а невѣста *судьбою*; оріенталы также вѣрятъ, что боги предназначаютъ извѣстныхъ мужчинъ къ браку съ извѣстными женщинами; расторгать такой союзъ значитъ противиться волѣ небесъ; «Богъ соединилъ, человекъ да не разлучаетъ!» Еврейское законодательство считаетъ нерасторжимость брака, кромѣ случая прелюбодѣянія, его идеаломъ, хотя многіе іудейскіе юристы и доказываютъ, что поводомъ къ разводу должно служить все, что разрушаетъ семейный миръ. Поэтому, у нѣкоторыхъ народовъ вдова не должна выходить за второго мужа, а обязана ждать смерти, послѣ которой она соединится на вѣки съ первымъ своимъ супругомъ въ обителяхъ горнихъ. Въ Китаѣ до сихъ поръ вдовая императрица не можетъ вступать во вторичное замужество и вплоть до своей смерти обязана жить въ отдѣльномъ дворцѣ. Въ Индіи вдова должна вести уединенную жизнь и ей строжайше запрещено даже думать о второмъ замужествѣ. Но долго ждать вдовѣ посмертнаго соединенія съ своимъ мужемъ,—лучше ускорить его и вмѣстѣ съ супругомъ вступить въ небесныя обители! Сожженіе и погребеніе вдовъ и рабовъ съ трупами мужей мы видимъ у многихъ дивныхъ и патріархальныхъ народовъ. Съ развитіемъ касты жрецовъ, они всѣми зависящими отъ нихъ мѣрами начинаютъ поддерживать и развивать этотъ обычай, потому что сожженіе вдовъ также выгодно для нихъ, какъ прибыльно было для католическихъ поповъ сожженіе еретиковъ и вѣдьмъ; жрецы многимъ пользуются изъ нмущества сожигающихся вдовъ. Въ древнѣйшихъ индѣйскихъ книгахъ ничего не говорится объ этомъ обычѣ и народное преданіе справедливо приписываетъ браминамъ его введеніе и распространеніе въ Индустанѣ. Для приданія этому варварству религіозной санкціи, брамины совершили подлогъ въ Ригъ-Ведѣ, поступивъ въ этомъ случаѣ съ наглостью, достойною средневѣковаго католическаго духовенства. Въ защиту вдовосожженія они приводятъ слѣдующій текстъ Ригъ-Веды: «пусть жены, которыя не овдовѣли, у которыхъ есть добрые мужья, при-

ступать, неся елей; пусть тѣ изъ нихъ, которыя уже сдѣлались матерями, первыми приступать къ алтарю.» Но въ послѣднемъ словѣ текста брамина измѣнили одну букву и *алтарь* превратился въ *оюнъ* или *костеръ*. На этомъ фальшивомъ основаніи они развили слѣдующее ученіе: «если жена умираетъ съ своимъ мужемъ, то она дѣлаетъ святыми своихъ предковъ и будетъ наслаждаться вмѣстѣ съ супругомъ всѣми блаженствами небесъ. Своею смертью она искупитъ даже такіе грѣхи мужа, какъ убійство брамина или своего друга.» Если мужъ умеръ гдѣ нибудь далеко и вдова не въ состояніи достать его трупа, то она «можетъ сгорѣть, прижавъ къ груди его сандалін», такъ совѣтуютъ Пураны. Множество вдовъ, воодушевленныхъ внушеннымъ браминами фанатизмомъ, сожигается съ радостнымъ и геройскимъ самоотверженіемъ, тѣмъ болѣе, что брамина своими предписаніями сдѣлали положеніе вдовы крайне невыносимымъ; многимъ женщинамъ кажется легче умереть, чѣмъ жить вдовами. Энергическія старанія англичанъ истребить этотъ обычай долго были безуспѣшны, вызывали бунты, и еще не такъ давно ежегодно сожигалось въ Индустанѣ около 30,000 вдовъ. Нынѣ, вслѣдствіе преслѣдованій англичанъ, вдовы бѣгутъ съ трупами своихъ мужей куда нибудь въ глушь или въ независимыя отъ Британіи владѣнія и сожигаются, но все-таки несравненно рѣже, чѣмъ прежде. Въ Мехикѣ и Перу съ королями и вельможами также погребались или сожигались ихъ жены и рабы.

Развитіе религіозныхъ системъ и жреческихъ сословій Востока нанесло такимъ образомъ женщинѣ роковой ударъ. Дуалистическое міросозерцаніе, раздѣляющее вселенную на двѣ половины,—добрую и злую, отнесло женщину ко второй, и во избѣжаніе оскверненія святости лишило ее возможности дѣятельнаго участія въ религіозной жизни народа. Запертая въ четырехъ стѣнахъ гарема, чуждая всѣхъ общественныхъ движеній и вопросовъ, женщина горячо привязывается къ тѣмъ вѣрованіямъ, убѣжденіямъ, традиціямъ, которыя она приняла отъ отцовъ и которыя она въ свою очередь передаетъ дочерямъ своимъ. Въ качествѣ служительницы этой религіи она вторгается даже въ общественную жизнь, въ которой уже самовластно царятъ жрецы новой религіи. Происходитъ столкновение, жрецы побѣждаютъ, провозглашая женщину вредной волшебницей, а ея боговъ злыми духами. Изъ жрицы женщина дѣлается вѣдмою. Всѣ оріенталы вѣрятъ, что демоны, намѣреваясь поселиться въ человѣкѣ, почти всегда избираютъ для того женщину. Это убѣжденіе, проповѣди жрецовъ, нервныя болѣзни женщинъ убѣждаютъ

часто даже ихъ самихъ, что мнѣніе мужчинъ исполнѣ справедливо. Женщина становится дѣйствительною волшебницей, жрицею духовнаго міра, противоположнаго и враждебнаго божествамъ мужчинъ. Силою своихъ чаръ и заклинаній она можетъ причинить много зла. Чья нибудь внезапная смерть, засуха, эпидемія — всѣ подобныя бѣдствія сваливаются на вѣдьму. Въ этомъ отношеніи всѣ оріенталы похожи на того араба, который, при вѣсти о пожарѣ, убійствѣ, опустошительной бурѣ, наводненіи и всѣхъ другихъ бѣдствіяхъ, всегда спрашивалъ: «кто она?» т. е. кто та женщина, которая устроила такую бѣду! Индусы во время необыкновенныхъ общественныхъ несчастій пишутъ имена всѣхъ женщинъ своей деревни, каждое на отдѣльной древесной вѣткѣ, и ставятъ эти вѣтки въ воду на чегыре съ половиной часа; если вѣтка поблекнетъ или завянетъ, значитъ женщина, имя которой написано на ней, вѣдьма и достойна смерти. «Не оставляй въ живыхъ вѣдьмы», говоритъ грозный голосъ одного законодателя, какъ бы выражая общую мысль всего жреческо-культурнаго Востока. Но вѣдьма осталась живою и живетъ до сихъ поръ, къ ея исеуству прибѣгаютъ нерѣдко даже сами ея гонители, а для женщины эта профессія служитъ однимъ изъ средствъ къ самостоятельной жизни.

Женщина можетъ участвовать въ дѣлахъ религіи и получать вѣчное спасеніе только посредствомъ мужчины—это общій тезисъ всѣхъ жреческихъ вѣроученій Востока. Женщина не мирится съ этимъ и выступаетъ на общественную арену, не только колдуньей, но также пророчицей, жрицей, святой подвижницей. Сестра Аарона, Мириамъ, имѣла пророческій даръ и немаловажное вліяніе на евреевъ. Деборра, жена Лапидота, была не только пророчицей, но и втеченіе нѣсколькихъ лѣтъ судьей израильской земли. Въ болѣе позднюю эпоху мы видимъ Анну-пророчицу, живущую въ храмѣ день и ночь и подвизающуюся въ постѣ и молитвахъ. Въ Индустанѣ у огнепоклонниковъ есть жрицы, ведущія строгую подвижническую жизнь и почитаемыя за святыхъ. Въ древнемъ Перу были весталки, дѣвы солнца, обязанность которыхъ состояла въ поддержаніи священнаго огня, въ тканьѣ изъ вигоней шерсти священныхъ покрововъ, облаченій и одеждъ для инки и его родственниковъ. Дѣвы эти выбирались изъ красивѣйшихъ дочерей дворянъ, и только необыкновенная красота простолюдинки могла открыть ей доступъ сюда. Жили онѣ подъ начальствомъ старыхъ дѣвъ въ обширныхъ зданіяхъ, обнесенныхъ высокою стѣною, внутри же украшенныхъ и меблированныхъ съ необыкновенною роскошью.

Кромѣ необходимой прислуги, только государь съ женою могли входить сюда и видѣть ихъ. Въ случаѣ небрежности сохраненія священнаго огня или нарушенія обѣта цѣломудрія, онѣ погребались заживо. Родители иногда отдавали сюда дочерей на время, во исполненіе своихъ обѣтовъ и чтобы заслугами посвященныхъ преклонить боговъ на милость къ семейству, на избавленіе кого нибудь изъ его членовъ отъ болѣзни, на дарованіе этимъ дѣвушкамъ хорошихъ жениховъ: Такимъ образомъ женщина возстановляла свое право на признаніе за нею самостоятельныхъ заслугъ въ дѣлѣ спасенія. Подобное женское монашество существуетъ и въ Индустанѣ; дѣвушки, посвященныя богамъ, служатъ при храмѣ, брамины учатъ ихъ грамотѣ, музыкѣ, танцамъ, исторіи боговъ, хотя и запрещаютъ имъ читать Веды. Онѣ участвуютъ въ богослуженіи. Когда онѣ выходятъ изъ храма почему нибудь и снова вступаютъ въ общественную жизнь, всѣ относятся къ нимъ съ большимъ уваженіемъ и любой мужчина поставляетъ себѣ за особенную честь, если такая дѣвушка согласится выйти за него. Другой классъ такихъ дѣвушекъ, *бяддерки* или храмовыя танцовщицы, получаютъ одинаковое съ первыми воспитаніе, не живутъ запертыми въ своихъ монастыряхъ, участвуютъ въ общественной жизни и играютъ въ ней роль, въ родѣ новѣйшихъ балетныхъ танцорокъ или оперныхъ пѣвицъ. Профессія этихъ двухъ классовъ женщинъ не только снимаетъ съ нихъ проклятіе, лежащее вообще на женскомъ полѣ, но и даетъ имъ нѣкоторую возможность хоть сколько нибудь эмансипироваться отъ того возмутительнаго деспотизма, который давитъ женщину Востока. Не вдаваясь въ подробности, замѣтимъ, что вообще на Востокѣ профессія танцорокъ и пѣвицъ очень распространена и занятія ею женщины составляютъ классъ, неподлежащій строгимъ законамъ семейства, хотя при этомъ многія изъ нихъ и принадлежатъ рабовладѣльцамъ и почти всѣ онѣ ведутъ распущенную жизнь. Несчастно общество, въ которомъ женская свобода добывается только путемъ порока!

Религія Будды, сравнивая судру съ браминомъ, плебея съ аристократомъ, относительно женщинъ явилась очень мало радикальною, хотя и очень прогрессивною, сравнительно съ системою брамизма. Открывая женщинамъ доступъ къ духовной жизни, Будда не совсѣмъ охотно соглашается на допущеніе ея въ монашество. «Каждая женщина будетъ грѣшитель при всякомъ удобномъ случаѣ», говоритъ онъ. Потому-то, дозволивъ женское монашество, основатели буддизма поставили всѣхъ монахинь въ безусловное,

даже унизительное подчиненіе каждому духовному лицу, какъ бы незначительно оно ни было, и запретили имъ занятіе религиознымъ обученіемъ другихъ. Женское монашество особенно развилось въ Китаѣ и монахини успѣли здѣсь преодолѣть разныя ограниченія, наложенныя на нихъ первоначальнымъ буддизмомъ. Въ Китаѣ, Тибетѣ и Гималайѣ множество женскихъ монастырей, и женщинамъ открытъ здѣсь доступъ къ занятію не только мѣстъ аббатиссъ, но даже епископовъ и архіепископовъ. Въ рядахъ буддійскихъ святыхъ также не мало женщинъ. Въ Китаѣ, гдѣ бѣдныя родственники умершаго мужа могутъ продать его вдову, чтобы вернуть себѣ потраченныя на покупку ея деньги, хотя вдовѣ и предоставлена возможность избавиться отъ такого насильственного брака, заявляя суду о своемъ нежеланіи вступать во второе супружество,—въ Китаѣ были когда-то основаны вдовами два женскихъ монашескихъ ордена. До конца XVIII в. они пользовались большимъ уваженіемъ. Но въ 1787 г. они начали сильное женское движеніе, стремившееся къ основанію самостоятельной женско-буддійской церкви. Одна изъ монахинь начала творить чудеса, предсказывать будущее, и приобрѣла такое вліяніе на умы всѣхъ женщинъ, что мужья не знали, какъ и исправляться съ ними, дерзнувшими разсуждать о религіи и рвавшимися хоть однажды поклониться упомянутой пророчицѣ, возсѣдавшей на тронѣ въ платьѣ желтаго цвѣта, присвоеннаго только членамъ императорской фамиліи. Волненіе было подавлено и изданъ приведенный уже нами богдыханскій указъ, запрещающій женщинамъ, подъ страхомъ жестокихъ наказаній, посѣщать храмы. Въ настоящее время, по словамъ Гюка, въ Китаѣ есть множество женщинъ, до того недовольныхъ своею отверженностью и рабскимъ положеніемъ, что онѣ составили секту, основанную на вѣрѣ въ метемпсихозисъ и имѣющую цѣлью путемъ добродѣтелей и пилигримства содѣйствовать переселенію женскихъ душъ въ тѣла мужчинъ. Всѣ упомянутые женскіе ордена имѣютъ болѣе или менѣе аскетическій характеръ,—въ теоріи конечно,—на практикѣ перуанскія дѣвы Солнца поступали въ гаремы императора, баядерки и другія дѣвушки индійскихъ храмовъ живутъ съ братьями и проститутничаютъ, буддійскіе женскіе монастыри сплошь и рядомъ превращаются въ непотребные дома. Развратъ является реакціей аскетическимъ доктринамъ. Въ противоположность аскетическому культу возникаетъ культъ сладострастія, столь распространенный въ цивилизованныхъ странахъ древняго Востока. Принципы первобытной свободы гете-

ризма и материнства воскресаютъ. Въ храмахъ богинь любви царить женщина и возбуждаетъ неистовые восторги мужчинъ своими физическими прелестями; здѣсь находятъ вѣрное пристанище дѣвушки, жены и вдовы, недовольныя тѣмъ, что ихъ тѣломъ владѣютъ монополисты; онѣ стремятся къ свободной страсти и находятъ ее въ оргіяхъ храмоваго разврата. Это—отрицаніе полового рабства, мужнинаго права ревновать, законовъ о прелюбодѣяніи, — отрицаніе, прикрываемое завѣсой религіи и стоящее въ тѣсной связи съ паденіемъ общественныхъ нравовъ. Независимо отъ столь распространенной на Востоке храмовой проституціи, реакція браку и семейству, доходившая до полнаго отрицанія, нерѣдко выражалась въ формѣ религиозныхъ ученій. Таковы были, напр., многія секты первыхъ вѣковъ христіанства, проповѣдывавшія безусловное удовлетвореніе инстинктовъ природы и общность женщинъ. Нисколько не преувеличивая дѣла, можно сказать, что если въ таковой странѣ и удавалось водворить бракъ такого характера, какой силится придать ему законы Востока, то господство его не было долговременнымъ. Рѣдкая ориенталка считаетъ за собою обязанность вѣрности мужу и готова при всякомъ удобномъ случаѣ броситься въ объятія чужого мужчины. Въ гаремахъ совершается едва ли не больше любовныхъ интригъ, чѣмъ въ открытыхъ домахъ цивилизованной Европы. Возмите любого восточнаго моралиста или философа, и всѣ они скажутъ съ Соломономъ: «нигдѣ нельзя найти добродѣтельной женщины!» Сами вожди общественнаго строя, которые обязаны быть цензорами нравовъ, первые разрушаютъ брачныя узы и фактически отвергаютъ власть мужа, отнимая женъ и дочерей гражданъ. Исторія Востока полна такими происшествіями, ведущими за собою ослабленіе брачныхъ узъ. Страсть къ нарядамъ и кокетство, развивать которыя въ женщинахъ законодатели и моралисты Востока совѣтуютъ мужьямъ ради интереса послѣднихъ, употребляются женщинами для прельщенія чужихъ мужчинъ, когда есть возможность показаться послѣднимъ. И женщины крѣпко держатся за эти средства. Въ 1755 г. турецкій султанъ Османъ III, въ видахъ поддержанія общественныхъ нравовъ, строго запретилъ женщинамъ выходить на улицу въ роскошныхъ и нарядныхъ костюмахъ; но женщины посредствомъ разнообразныхъ хитростей сдумѣли сдѣлать этотъ указъ бессильнымъ, удержавъ за собою возможность наряжаться и кокетничать. Въ испанскомъ калифатѣ семейство постепенно теряло свой строго-мусульманскій характеръ; утонченное общество Кордовы гордилось

изяществомъ своего обращенія, женщина вышла на свободу изъ стѣнъ гарема и любовныя пѣсни въ честь ея огласили собою сады и улицы Испаніи. Турниры, жарусели, псовая и соколиная охота, музыка и поэзія, пѣніе и танцы — все это увлекало арабское общество въ вихрь наслажденій. Старинное семейство и вѣрованія ислама пали, а женщина, содѣйствовавшая этому паденію, приобрѣла значительную свободу. У современныхъ мусульманъ, особенно въ Турціи, паденіе семейныхъ и брачныхъ добродѣтелей дошло въ настоящее время, по свидѣтельству путешественниковъ, до весьма значительныхъ размѣровъ. И вмѣстѣ съ тѣмъ противъ мусульманскихъ воззрѣній на женщину выступаютъ нѣкоторые религиозныя ученія, поднимающія знамя женской эманципаціи. Такова, напр., секта, основанная Бабомъ въ настоящемъ столѣтіи въ Персіи и увлекшая своимъ ученіемъ большую часть жителей этой страны. Бабизмъ напоминаетъ собою систему Сенъ-Симона, — тѣ же принципы экономическаго равенства, то же значеніе труда, то же освобожденіе женщины отъ стѣснительныхъ ограниченій семейства, отъ религиозной отверженности и дарованіе ей доступа къ нѣкоторымъ отраслямъ общественной дѣятельности, къ участию въ дѣлахъ общины, церкви и религіи. Бабизмъ сильно распространяется въ Персіи, и можно надѣяться, что, подъ вліяніемъ Европы, онъ освободитъ со временемъ ориенталку изъ рабства.

Восточная женщина при жизни мужа не имѣетъ никакой экономической самостоятельности; ея приданое поступаетъ въ собственность мужа, доходами съ ея отдѣльнаго имущества пользуется мужъ; только послѣ смерти его она получаетъ свою вдовью пенсію и отдѣльное свое имущество, но и тутъ въ большинствѣ случаевъ она поступаетъ подъ опеку мужа или его наслѣдника или своихъ родителей. Однако ей удается иногда добиться права на совершенно самостоятельную жизнь; у евреевъ женщины иногда вели свое независимое ни отъ кого хозяйство; на примѣръ, онѣ арендовали поля, разводили виноградники, торговали полотномъ и фруктами, — все это на свой счетъ и для своихъ выгодъ. Экономическая самостоятельность и промышленная дѣятельность были основами той свободы египтянокъ, которая такъ бросалась въ глаза всему древнему міру. Египтянки занимались торговлею, земледѣіемъ, управляли хозяйствомъ семейнымъ, самое пропитыванье престарѣлыхъ и больныхъ родителей законъ возлагалъ не на сына, а на дочь. Жены пользовались полною общественною свободой, и въ то время, какъ онѣ уходили на рынокъ торговать, «мужчины, — говорить прав-

дивый Геродотъ,—сидѣли дома и ткали». Въ одномъ изъ древне-египетскихъ мавзолеевъ открыто барельефное изображеніе мужчинъ, которые занимаются самыми разнообразными работами, а немного въ сторонѣ отъ нихъ веселятся и танцуютъ женщины. Лѣдность, праздность, гаремная заключенность дѣлаютъ женщину постельною игрушкою и лишаютъ ее всякой свободы. Но число такихъ женщинъ на Востокѣ весьма незначительно въ сравненіи съ громаднымъ числомъ простонародныхъ женщинъ, мужья которыхъ не имѣютъ возможности ни существовать безъ ихъ труда, ни держать ихъ постоянно подъ замкомъ. Въ Китаѣ, Индустанѣ, Японіи, Турціи,—вездѣ на Востокѣ простолюдинокъ почти вовсе не коснулись вліянія восточной цивилизаціи, которая изъ ориенталки вышпаго и средняго круговъ сдѣлала положительную рабыню. Въ массахъ народа женщина не только пользуется извѣстною общественною свободой, но и нерѣдко своими трудами кормитъ цѣлое семейство и поэтому управляетъ имъ.

Въ дикой и патриархальной жизни медициною занимались преимущественно женщины; въ государствахъ Востока мужчины совершенно отгѣснили ихъ отъ этой профессіи и только одна ихъ ревность заставила оставить за женщинами родовспомогательное искусство. Изъ лекаря и хирурга женщина превратилась въ повивальную бабку, которая въ то же время занимается и плодонзгнаніемъ, нерѣдко наживая этимъ большія деньги.

Въ идеально-восточномъ бракѣ отъ женщины требуется одно знаніе—знаніе хозяйства; но страстная любознательность женщинъ, надъ которою такъ нагло издѣваются ихъ господа и повелители, даетъ имъ наконецъ доступъ къ знаніямъ. Китайки обучаются чтенію, писму, риторикѣ, морали, рисованію, музыкѣ, онѣ читаютъ книги и пишутъ стихи. Есть въ Китаѣ и писательницы, моралистки и поэтессы. Въ древней Индіи женщины имѣли доступъ и къ литературѣ, и къ искусству; даже божествомъ послѣднихъ считается богиня Сарасвади. Малабаръ гордится, что на немъ родилось семь мудрыхъ философовъ, и четверо изъ нихъ были женщины. Древнѣйшая и знаменитѣйшая изъ этихъ философокъ, Авіаръ, жила не ранѣе, какъ за 1,000 лѣтъ назадъ, но нѣкоторыя изъ ея сочиненій сохранились до сихъ поръ и пользуются большимъ уваженіемъ. «Книги, это лучшіе друзья наши,»—воскликаетъ восторженная философка,—«цѣль науки состоитъ въ отличеніи добра отъ зла», говоритъ она въ другомъ мѣстѣ и этими изрѣченіями какъ бы протестуетъ противъ жестокости мужчинъ, благодаря которой

женщины лишены лучшаго утѣшенія въ своей одинокой жизни,—образованія, лишены возможности изслѣдовать истину, эту разрушительницу всякаго рабства. Въ Мехикѣ дѣвушки получали свое образованіе въ публичныхъ школахъ, начальницами которыхъ были женщины. Исламъ ввелъ женскія школы даже къ татарскимъ племенамъ. Въ калифатѣ испанскихъ арабовъ женщины нерѣдко получали даже высшее образованіе. Арабки изучали медицину и практически занимались акушерствомъ. Въ литературной исторіи Востока немаловажную роль играютъ арабскія поэтессы. Вольная жизнь нѣкоторыхъ изъ нихъ указываетъ, какъ неизбежно должна отказываться отъ подчиненности семейнымъ идеаламъ каждая ориенталка, желающая посвятить себя какой бы то ни было общественной дѣятельности. На Востокѣ, какъ и вездѣ въ Европѣ, эманципациі семейныхъ женщинъ всегда предшествовала эманципациі гетеръ, нестѣсняемыхъ узами семейства. Какъ въ Греціи, Римѣ, Франціи, такъ и у арабовъ,—у которыхъ женщины успѣли эманципироваться гораздо болѣе, чѣмъ въ какой нибудь другой восточной странѣ,—доступъ къ общественной дѣятельности получали прежде всего гетеры. Въ багдадскомъ калифатѣ, напримѣръ, при Джафарѣ II, гетеры играли при дворѣ очень значительную роль. Между ними особенно отличалась Ямекъ; она была свѣдуща въ правѣ болѣе всѣхъ юристовъ, такъ что судьи и учителя закона постоянно прибѣгали къ ея совѣтамъ. И только одна убійственность восточной цивилизаціи не дозволяетъ ориенталкѣ выступить на поприще литературы и науки, подобно женщинамъ Европы. Способности на это найдутся не только у турчанки или китаянки, но и у дикой негрятянки. Въ примѣръ можно привести Филлисъ Уитли, негрятянку, привезенную въ Бостонъ изъ Африки и впоследствии обратившую на себя общее вниманіе Америки своими поэтическими произведеніями.

Дольше всего не удавалось мужчинѣ лишить женщину возможности участвовать въ общественномъ управленіи и царствовать надъ народами. Причина этого понятна: царица или военачальница и болѣе развита и болѣе имѣетъ средствъ къ борьбѣ, чѣмъ простая обывательница.

Мы уже говорили, что женщины нѣкогда правили судьбами Израиля—въ эпоху судей. Въ исторіи царства еврейскаго мы встрѣчаемъ двухъ женщинъ, имѣвшихъ верховную власть. Аталія, дочь царя Осира, истребивъ почти всю царскую фамилію, захватила тронъ и шесть лѣтъ управляла царствомъ. Въ позднѣйшій періодъ

Александръ Янней оставилъ іудейскую корону своей женѣ, Александрѣ, съ тѣмъ, чтобы послѣ ея смерти престолъ перешелъ къ избранному ею наслѣднику. Египетскія царевны также могли наслѣдовать престолъ фараоновъ. Первобытная полумифическая исторія Азіи выставляетъ образъ Семирамиды, которая своею жаждою дѣятельности и своими завоеваніями напоминаетъ Александра Великаго. Ассирійскій царь Нинъ безуспѣшно осаждалъ Бавтрію и могъ взять ее только съ помощью Семирамиды, жены одного ассирійскаго военачальника. Нинъ женился на Семирамидѣ и послѣ его смерти послѣдняя вступила на тронъ. Она построила Вавилонъ съ его чудовищными стѣнами, дворцами, храмами, плотинами, обелисками. Походъ ея въ Мидію также ознаменовался устройствомъ по всему пути дорогъ, водопроводовъ, разведеніемъ садовъ, постройкою новыхъ городовъ, воздвиженіемъ статуй. Она покорила всю почти Азію, неудался только походъ ея въ Индію, и на старости, передавъ корону своему сыну, она «передъ глазами народа исчезла изъ виду въ образѣ голубя», говоритъ сага. Другая подобная царица была Никотриса. Ея управленіе называется справедливымъ и мудрымъ; долговѣчнымъ памятникомъ своей дѣятельности она оставила вавилонскіе мосты и каналы. Упомянувши о варійской царицѣ Артемизіи, союзницѣ Ксеркса въ его войнѣ съ Греціей, о знаменитой Клеопатрѣ египетской, — игравшей важную роль не только въ политикѣ древняго міра, но и въ цивилизаціи, — знавшей по-латыни, по-гречески, по-еврейски, по-арабски, по-персидски, покровительствовавшей ученымъ и основавшей въ Александріи большую бібліотеку, — мы остановимся на Зеновіи, царицѣ Пальмиры и Востока. Пальмира (въ Финикіи) была зависима отъ римлянъ, но мужъ Зеновіи отложился отъ нихъ; послѣ его смерти Зеновія приняла управленіе государствомъ и не только обезпечила его независимость, одержавъ нѣсколько блистательныхъ побѣдъ надъ римлянами, но еще завоевала Египетъ, Сирію, Месопотамію. Она была красавица, но въ тоже время несла въ походахъ трудную службу наравнѣ съ простымъ солдатомъ, верхомъ на лошади водила въ битву свое войско, вела скромную и умѣренную жизнь, хотя и принимала пословъ съ восточною пышностью, искусно руководила политическими дѣлами, окружала себя учеными; брала уроки у извѣстнаго философа Лонгина, говорила по-гречески, по-латыни, по-сирійски, по-египетски, составила очеркъ исторіи Востока; ея военные таланты были признаваемы даже всѣми врагами ея. Императоръ Авреліанъ (270—275 г.) началъ съ нею войну

въ большихъ размѣрахъ; Зеновія боролась съ римскою арміею до послѣдней крайности; наконецъ, она была взята въ плѣнъ и Авреліанъ триумфально ввелъ ее въ Римъ, закованною въ золотыя цѣпи. Императоръ подарилъ ей въ окрестностяхъ Рима прекрасную виллу и она сошла съ общественной сцены. Въ исторіи монгольскихъ и турецкихъ государствъ женщины также являются самостоятельными правительницами. Такою была, на примѣръ, Турканъ-Хатунъ, королева Каразма, во времена Чингиса. Нося титулъ защитницы вѣры и міра, она защищала слабыхъ отъ сильныхъ, была сострадательна къ бѣднымъ, разбирала судейскія дѣла и поставляла приговоры съ такою справедливостію, что считалась самымъ умнымъ и безпристрастнымъ судьей. Ея царство разрушено монголами. Въ исторіи Персіи, Китая и арабскаго калифата мы видимъ примѣры, какъ женщины, недовольствуясь закулиснымъ вліяніемъ на государственныя дѣла, стремятся къ самостоятельному управленію царствами. Зейда, жена персидскаго шаха Абу-Талебъ-Ростама, назначенная послѣ его смерти регентшей, во время малолѣтства своего сына, успѣла упрочиться на персидскомъ престолѣ. Выросши, сынъ захотѣлъ лишить ее власти, но Зейда не покорилась, начала междоусобную войну съ сыномъ, побѣдила его, взяла въ плѣнъ и продолжала царствовать, приобрѣтая мудрымъ управленіемъ любовь народа. Въ исторіи арабовъ женщины также стремились, и часто съ успѣхомъ, къ управленію государствомъ. Любимая жена Магомета, даровитая поэтесса Аеша, получившая послѣ смерти мужа титулъ матери вѣрныхъ и не мало содѣйствовавшая развитію ученія ислама, пользовалась такимъ вліяніемъ на общественныя дѣла, что даже отецъ всегда слушался ея совѣтовъ. Она болѣе всѣхъ содѣйствовала избранію въ калифы Абу-Бекра и къ устраненію Али, противъ котораго сама водила войско и взяла приступомъ Бафру. Не менѣе замѣчательною личностію была Зеттальмаюкъ, сестра Аль-Гакема, калифа сирійскаго и египетскаго, извѣстнаго своими злодѣйствами. Особенно жестокъ былъ онъ относительно женщинъ, запретилъ имъ вовсе появляться на улицѣ, выходить на крыши своихъ домовъ, носить башмаки, предавая смертной казни всѣхъ ослушницъ этихъ повелѣній. Однажды Аль-Гакемъ жестоко оскорбилъ свою сестру; она убила его черезъ двухъ невольниковъ; сынъ его сдѣлался калифомъ, но государствомъ въ его имя стала править Зеттальмаюкъ.

Въ Китаѣ мы видимъ тѣ же стремленія женщинъ, и лѣтописи поднебесной имперіи говорятъ, что въ древности женщины соста-

вили однажды многочисленное тайное общество, имѣвшее цѣль ниспровергнуть правительство и захватить въ свои руки управленіе государствомъ. Покушеніе не удалось; но женщины нерѣдко имѣли громадное вліяніе на государственныя дѣла и подъ именемъ своихъ сыновей или мужей богдыхановъ управляли Китаемъ; одні изъ этихъ императрицъ достойны стоять на ряду съ самыми лучшими государями поднебеснаго царства, другія — нисколько не уступаютъ по силѣ характера самымъ непреклоннымъ въ своей жестокости тиранамъ-мужчинамъ. Такъ, жена развратнаго императора Шей-Сина, честолюбивая и жестокая до крайности, заставила покоряться своей волѣ и муженька, и всю имперію. Желая упрочить власть императора и сдѣлать ее вполнѣ неограниченной, она начала дѣйствовать посредствомъ террора, казни и изгнанія всѣхъ порядочныхъ людей и выдумывая новые мучительные виды смертной казни. Около 818 г. по Р. Х., Китаемъ правилъ Кіа, Неронъ своего времени, жена котораго Вигіа разоряла имперію своимъ мотовствомъ и кутежами. Въ ней выразился въ безобразныхъ формахъ протестъ китайской женщины противъ половой опеки и стремленіе къ свободѣ любви. Въ своемъ дворцѣ она устроила постыдныя оргіи, вела себя какъ Мессалина, и попирая всѣ строгіе обычаи семейной жизни, преслѣдовала и казнила чиновниковъ, осмѣливавшихся убѣждать императора къ прекращенію такихъ безобразій его вѣнчанной супруги. Въ эпоху пятой династіи (206—220 г. по Р. Х.), Лию-Хи, мать слабого и преданнаго исключительно разврату императора, управляла государствомъ отъ его имени, и послѣ смерти его успѣла оставить за собою совершенно неограниченную власть, посадивъ на престолъ крестьянскаго мальчика, выданнаго ею за своего сына. Наконецъ, она убила этого мальчика и продолжала царствовать уже подъ своимъ именемъ вплоть до своей скоропостижной смерти. Знаменитѣйшими изъ китайскихъ императрицъ были двѣ жены Тай-Тсонга, въ VII в. по Р. Х. Первая изъ нихъ считалась добрымъ гениемъ страны; она водворила въ Китаѣ миръ и благоденствіе, принявъ мѣры къ ослабленію столь обычныхъ на Востоцѣ неправдъ и жестокостей. Послѣ ея смерти императоръ женился на Тзе-Тьянъ, которая, когда мужъ умеръ, вступила на престолъ, какъ самостоятельная государыня. Въ исторіи всемірныхъ монгольскихъ завоеваній мы видимъ прекрасный женскій образъ Толикони, шестой жены Октай-Хана (+1241 г.), которая ревностнѣе самыхъ лучшихъ монгольскихъ государей старалась водворить въ царствѣ правду и благоденствіе

народа. Узнавъ, что у императора дурные совѣтники, что должности продаются за деньги, что темницы наполнены честными людьми, возстававшими противъ взяточничества и несправедливостей лицъ, которыя занимали высшія должности государства, Толикона, даже по смерти мужа, пользуясь большимъ вліяніемъ на общественныя дѣла, боролась противъ упомянутыхъ злоупотребленій съ благородствомъ, достойнымъ самаго просвѣщеннаго мужчины. Въ Турціи султанши также иногда правили; напримѣръ, русская по происхожденію, Роксолана (+1558 г.), жена Солимана Великаго, и Коссемъ, жена Ахмеда I (+1617 г.); послѣдняя царствовала подъ именемъ сыновей своихъ, Османа и Ибрагима, а разсорившись съ послѣднимъ и низложивши его, подъ именемъ своего внука Магомета. Историки превозносятъ до небесъ ея государственныя способности. Жена Ахмеда III, почему-то горячо принявшая къ сердцу дѣла Карла XII, употребляла всѣ усилія къ вооруженію Турціи противъ Россіи и даже, вопреки всѣмъ правиламъ гарема, писала собственноручно политическія письма шведскому королю и графу Понятовскому. Въ прежнемъ Индустанѣ, какъ и на всемъ Востокѣ, обитательницы царскихъ и княжескихъ гаремовъ имѣли всегда большое вліяніе на управленіе и внѣшнюю политику государствъ, на дѣла войны и мира. Случалось, что изъ придворныхъ дамъ одна управляла дѣлами перваго министра, другая — государственнаго секретаря; нѣкоторыя правили изъ столицы провинціями черезъ губернаторовъ, съ которыми онѣ имѣли постоянное сообщеніе посредствомъ курьеровъ. Лейбъ-конвой императора состоялъ изъ сотни женщинъ, вооруженныхъ саблями, кинжалами и стрѣлами; начальница ихъ имѣла чинъ и содержаніе эмира. Въ исторіи индѣйскихъ государствъ мы видимъ также не мало знаменитыхъ царицъ, изъ которыхъ одиѣ правили дѣлами, другія покровительствовали искусствамъ и литературѣ, строили больницы и богадѣльни, третьи предводительствовали арміями съ искусствомъ пальмирской Зеновіи. Въ позднѣйшее время, въ 1840 г., на престолъ сейковъ взошла Чондъ-Конвуръ, жена умершаго государя, которая хотя и шокировала народъ своимъ неприличнымъ, по восточному, образомъ жизни, но такъ ловко обрабатывала дѣла, что ей первымъ присягнулъ ея сынъ, законный наслѣдникъ умершаго государя. Но вскорѣ противники Чондъ-Конвуръ возстали, осадили ее въ Лагоръ, и взявъ городъ, изрубили королеву въ куски.

Такимъ образомъ, ни законы, ни жестокія наказанія, ни гаремная стража, ни священный авторитетъ жрецовъ,—ничто не могло

окончательно подавить самостоятельности восточной женщины и ея стремленій выйти на ту же арену, по которой такъ свободно расхаживаютъ мужчины. Но восточные порядки такъ крѣпки относительно слабыхъ усилій женщины, что нечего и ждать ихъ паденія безъ усиленнаго вліянія европейской цивилизаціи. Европѣ предстоитъ славная задача просвѣтить Востокъ, задушить царящую тамъ деспотизмъ, освободить рабовъ, реформировать восточное семейство и эманципировать женщину.

VII.

Насколько можно вѣрить легендарной литературѣ, первобытная, пеласгическая эпоха Греціи была ознаменована владычествомъ женщинъ и материнскаго права. Слѣды этихъ порядковъ ясно видны и въ началѣ эллинскаго періода. До развитія государственнаго строя, во всѣхъ отправленіяхъ общественной жизни, женскій элементъ равносильнъ мужскому или даже преобладаетъ надъ нимъ. «У Гомера» — говоритъ Атеней — «женщины участвуютъ во всѣхъ пиршествахъ и собраніяхъ,—и возлежатъ за трапезами съ юношами и старцами, вмѣстѣ съ Несторомъ и Фениксомъ». И гомерическіе мужчины относятся къ женщинамъ съ ласковостью и вѣжливостью. Когда беззащитная Пенелопа входитъ въ залу, въ которой шумно пируютъ сорокъ пьяныхъ жениховъ ея, все смолкаетъ—и пѣсни, и взаимныя насмѣшки, и брань. Пенелопа начинаетъ говорить о своей вѣрности памяти Улисса, о своей безутѣшной скорби по немъ,—и гости мгновенно поддаются обаянію ея рѣчей, въ залѣ воцаряется мертвое молчаніе, пѣвецъ Фемій роняетъ слезу на свою пятиструнную арфу. Между тѣмъ всѣ эти гости недовольны Пенелопой, но только по уходѣ ея они осмѣливаются наносить ей оскорбленія. Уваженія къ женщинѣ и увлеченія ею не разрушали даже самыя ея проступки. Какъ ни виновна была Елена, но старцы Гомера восклицаютъ: «не обвиняйте изящно-обутыхъ троянцевъ и ахейцевъ, что они за подобную женщину претерпѣли столько несчастій! Женщина эта похожа на безсмертныхъ богинь!» Женщинамъ были доступны всѣ роды общественной дѣятельности. Въ олимпійскомъ совѣтѣ богами онѣ являются дѣятельными участницами. Онѣ могутъ постоять за себя, потому что, кромѣ красоты, владѣютъ и оружіемъ, какъ напримѣръ, Артемида. Афина, искусная копьемъ

тательница, принимаетъ живое участіе въ военныхъ дѣлахъ. Въ Иліадѣ Андромаха и Елена постоянно участвуютъ во всѣхъ совѣщаніяхъ вождей, ихъ уважаютъ и слушаются. Въ первобытную эпоху Афинъ, женщины считались самостоятельными гражданками, имѣли голосъ въ общественныхъ собраніяхъ наравнѣ съ мужчинами, а въ семейной жизни даже преобладали надъ послѣдними въ извѣстной степени; семейство было основано на началахъ материнскаго права и дѣти носили имя матери. Ниже мы увидимъ, что слѣды этой женской самостоятельности сохранились въ Спартѣ до позднѣйшаго времени. И между тѣмъ какъ, въ героическую эпоху Греціи, мужчина является факторомъ насилія, разрушенія, войны, женщина дѣйствуетъ во имя мира и цивилизаціи. Марсъ—*разрушитель городовъ*, а Минерва—*покровительница городовъ*. Она останавливаетъ войны; въ то время, какъ Улиссъ хочетъ преслѣдовать своихъ враговъ, она угрожаетъ ему гнѣвомъ Юпитера и заставляетъ его заключить миръ. Она наказываетъ воиновъ за жестокость. Въ матеріальной и умственной культурѣ народа, женщина изобрѣтаетъ и развиваетъ ремесла и искусства. Она научила людей земледѣлію и другимъ отраслямъ сельскаго хозяйства (Деметра). Она изобрѣла пряжу, тканье, шитье и другія женскія ремесла; развела маслины, была творцомъ музыки, изобрѣтательницею вѣсовъ, строительницею кораблей (Паллада). Она—богиня правосудія (Фемида) и неумолимая мстительница за преступленія (Немезида). Она принесла людямъ огонь, это основное средство матеріальной культуры (Гестія), и поддерживаетъ его священное пламя въ храмахъ, которые между прочимъ служатъ вѣрнымъ убѣжищемъ для преслѣдуемыхъ преступниковъ. Минерва—богиня мудрости, музы—представительницы наукъ и искусствъ. Не Эскулапъ былъ первымъ по времени лекаремъ, а его мать Имута съ своими шестью дочерьми, а до нихъ богинями цѣлительнаго искусства считались Геката и Діана. Въ области религіи женщина не только пользовалась большимъ уваженіемъ, но и властвовала надъ умами, какъ вдохновенная пророчица.

Но всѣ эти права и преимущества были только остатками древней свободы, и чѣмъ далѣе развивались греческія общества, тѣмъ болѣе выдвигался на первый планъ мужской элементъ и во всѣхъ сферахъ жизни сталъ преобладать надъ женщиной. Владычество мужчинъ въ Греціи, какъ и на Востокѣ, окончательно было упрочено только съ возникновеніемъ государствъ и развитіемъ законодательныхъ системъ. Но еще въ предшествующую этимъ событіямъ эпоху,

греческое семейство начинает складываться въ прочный союзъ, безусловно подвластный отцу и чрезвычайно похожій на арханческую семью Востока. Между мужчиной и женщиной идетъ борьба; отцы стараются держать подъ замкомъ своихъ дочерей, мужа—женъ, чтобы лишить ихъ свободы въ распоряженіи своею красотою и сердцемъ; Гекуба жалуется, что она, какъ собака, прикована на цѣпи къ воротамъ Агамемнона, но стѣны и запоры долго еще остаются безсильными противъ любви и хитрости. Умыканіе, бывшее прежде исключительно разбойничьимъ захватомъ, теперь часто служитъ средствомъ для заключенія союза свободной любви, и не одна Елена бѣжитъ съ Александромъ изъ своей семейной темницы. Но, съ другой стороны, умыканіемъ же добываются жены и наложницы, и мужчины относятся къ нимъ, какъ къ рабынямъ. Особенно сильны были захваты иностранокъ для проституціи, наложничества и работы. Геродотъ говоритъ, что умыканіе женщинъ было первою причиною войны. Греки воровали женщинъ у финкійцевъ, колхидинъ, троянцевъ; во время междоусобныхъ войнъ эллинскихъ племенъ побѣдители звѣрски избивали мужчинъ, а ихъ дѣтей и женъ уводили въ неволю. Отецъ семейства стремится къ абсолютной власти надъ всѣми его членами; онъ произвольно распоряжается работъ, приговариваетъ къ смерти новорожденныхъ дѣтей, которые почему нибудь не нравятся ему; жену онъ хочетъ сдѣлать своей наложницей и рабыней, необходимой для его половыхъ наслажденій, дѣторожденія и хозяйственныхъ трудовъ. Организация первичнаго общественнаго союза, брака и семьи, требовала для своей прочности солидной собственности и женскаго рабства. «Прежде всего домъ», говоритъ Гезіодъ, «потомъ *приобрѣтенная* (т. е. наложница, рабыня, а по объясненію Аристотеля, жена) и рабочій волъ». Половую сторону женщины, семья также стремится обратить въ исключительное служеніе себѣ; женщина должна быть чадородною матерью и хозяйкою,—вотъ тотъ отдаленный идеаль, который стараются осуществить мужчина. Женщина, конечно, не сразу поддается подобнымъ стремленіямъ его, она борется, хитритъ, измѣняетъ, обращается въ бѣгство, водворяетъ въ семьѣ домашній адъ. Какъ же не бранить, не презирать, не колотить такую дерзкую рабыню! Мужъ и бранить, и колотить, и убиваетъ ее, и продаетъ въ рабство или вымѣниваетъ ее на какую нибудь другую женщину. Но такой деспотизмъ возможенъ не всегда и не каждому мужу, и много должно утечь воды, прежде чѣмъ супругъ успѣлъ, да и то не исполнѣ, реализовать идеаль своего самовластія. Изъ

тѣхъ же временъ, когда дочерей старались держать подъ замкомъ, а женъ обратить въ невольницъ, мы имѣемъ свидѣтельство Гезіода о борьбѣ женщины противъ семейныхъ поработителей, даже о побѣдахъ ея надъ ними. Гезіодъ нападаетъ на женщинъ за ихъ капризы, вспыльчивость, увлеченія, за кокетство и хитрость, посредствомъ которыхъ имъ удавалось всецѣло подчинять себѣ мужчинъ. Конечно, всѣ подобные успѣхи женщины только отсрочивали побѣду мужчины. Къ тому же сила была тогда единственнымъ правомъ, которое признавалось людьми, и, какъ всегда въ подобныхъ обстоятельствахъ, слабые были принуждены цѣною своей свободы покупать покровительство сильныхъ. Особенно несчастно было положеніе сиротъ и вдовъ. Естественно, что такія обстоятельства сильно парализовали стремленія женщинъ къ свободѣ и независимости. Есть данныя, что въ эпоху патріархальныхъ царей, на ряду со свободными и самостоятельными женщинами, было уже не мало такихъ, которыя могли удовлетворять вкусамъ самого Солона или Гезіода. Съ развитіемъ богатства, житейскаго комфорта и международныхъ сношеній въ Элладѣ начало усиливаться многоженство то въ формѣ полигаміи, то въ формѣ конкубината. Но греческая женщина упорно боролась противъ многоженства. Большая часть мифологовъ объясняютъ преступленія Клитемнестры единственно ревностью и негодованіемъ, которыя внушали ей полигамическія наклонности ея мужа. Изъ Гомера видно, что жена считала себя «обезпеченною», если мужъ ея бралъ, кромѣ нея, другую жену или наложницу. Медея такое безчестіе доводитъ до страстнаго желанія отомстить мужу смертью своей соперницы и кровью собственныхъ дѣтей. Образцомъ этой брачной борьбы могутъ служить отношенія Геры къ Зевсу. Гера—настоящая греческая жена, которая желаетъ одна обладать своимъ мужемъ, за невѣрность преслѣдуетъ и его самого, и его дѣтей, и его любовницъ. Даже когда мужа заводили себѣ наложницъ, которыя большею частью были рабынями, а дѣти ихъ считались незаконными, то и тутъ старались скрывать отъ женъ свои отношенія къ этимъ любовницамъ. Такимъ образомъ, еще до развитія государствъ, женщинѣ удалось поставить моногамію идеаломъ брака.

Съ переходомъ семей и родовъ въ государственный бытъ, женщина проигрываетъ свое дѣло почти во всѣхъ отношеніяхъ. Въ періодъ патріархальныхъ царей, когда не было не только писаныхъ законовъ, но и прочныхъ юридическихъ обычаевъ, когда судебный

приговоръ царя, внушенный ему свыше (*фемистъ*), одинъ только регулировалъ взаимныя отношенія людей, борьба мужа или жены, перѣшленная хитростью или силой одного изъ нихъ, рѣшалась царскимъ приговоромъ. А царь былъ мужчина, отецъ и мужъ, тоже стремившійся къ покоренію женщины; понятно, чью сторону должны были поддерживать его вдохновенныя рѣшенія. Серіи одинаковыхъ случаевъ, подлежащихъ разбирательству, естественно ведутъ за собой серіи одинаковыхъ судебныхъ приговоровъ, порождающихъ юридическій обычай, или обычный законъ. Всѣ первичные кодексы Европы были только изложеніемъ этихъ обычаевъ, болѣе или менѣе измѣненныхъ законодательствомъ.

Съ возникновеніемъ государствъ законодательства подчиняютъ женщину тому же деспотизму, къ утвержденію котораго въ семействѣ стремился мужчина. Античное государство, основанное на эксплуатаціи невольниковъ, превратило женщину въ свою рабыню, обязанную производить ему здоровыхъ, способныхъ и красивыхъ гражданъ. При этомъ у воинственныхъ и грубыхъ доранъ порядки архаическаго семейства расшаталась несравненно болѣе, а женщины были закрѣпощены и стѣснены гораздо менѣе, чѣмъ то было у цивилизованныхъ іонійцевъ.

Въ Спартѣ государство захватило въ свои руки управленіе всѣмъ,—и распредѣленіемъ народнаго имущества, и отношеніями половъ, и дѣлами семейными, и воспитаніемъ дѣтей. Главною цѣлью государства было распложеніе здоровыхъ людей, охраненіе простыхъ, даже грубыхъ нравовъ, воспитаніе въ гражданахъ храбрости и другихъ доблестей война. Плутархъ, защищая спартанскую конституцію отъ нареканій, говоритъ, что если разумно стараться объ усовершенствованіи породы собакъ и лошадей, то нелѣпо и глупо порпцать подобныя же заботы о людской породѣ. Такимъ образомъ, цѣлью спартанскаго государства было усовершенствованіе и воспитаніе человѣческой породы для военныхъ дѣлъ. Какъ у всѣхъ воинственныхъ націй, такъ и въ Спартѣ, въ этой общинѣ суровыхъ коммунистовъ-воиновъ, женщины являются довольно свободными и съ большими правами, чѣмъ въ государствахъ іоническихъ, напримѣръ, въ Афинахъ, гдѣ ихъ дѣятельность ограничена семейною сферою и гдѣ онѣ подчинены общественной власти несравненно менѣе, чѣмъ семейной. Спартанецъ вовсе не жилъ домашнею жизнью, весь день онъ проводилъ въ публичныхъ мѣстахъ, ѣлъ за общественнымъ столомъ, спалъ въ общественномъ зданіи и только по временамъ посѣщалъ свою жену, почти всегда ночью, украд-

кою ото всѣхъ и не надолго. Не любовницей, не хозяйкой предписывалось быть спартанкѣ, а родильницей хорошихъ дѣтей и матерью героевъ. Поэтому дѣвушки получали одинаковое воспитаніе съ мальчиками. «Другіе греки» — говоритъ Ксенофонтъ — хотятъ, чтобы дѣвушки въ домашнемъ уединеніи занимались обработкою шерсти. Можетъ ли такимъ образомъ воспитанная дѣвица произвести на свѣтъ что нибудь путное! Ликургъ же думалъ, что для приготовления одежды годятся и рабыни, а важнѣйшею задачею свободныхъ женщинъ онъ считалъ дѣторожденіе, и постановилъ, чтобы женскій полъ занимался тѣлесными упражненіями на равнѣ съ мужскимъ, такъ какъ сильныя дѣти могутъ быть рождены только сильными родителями.» «Ликургъ» — говоритъ Плутархъ — старался о томъ, чтобы плодъ, зачатый въ здоровомъ тѣлѣ матери, развивался и созрѣвалъ какъ слѣдуетъ, а мать имѣла бы достаточно силъ, необходимыхъ для легкаго и безопаснаго перенесенія родильныхъ мукъ. Разнообразныя гимнастическія упражненія нашихъ юношей и дѣвицъ, совершавшіяся публично, имѣли еще цѣлью возбуждать въ молодыхъ людяхъ половыя инстинкты и охоту къ браку. «Безбрачіе или поздній бракъ навлекали на виноватыхъ въ нихъ мужчинъ нѣкоторыя наказанія, — они лишались права присутствовать на гимнастическихъ упражненіяхъ дѣвушекъ, а зимою ихъ заставляли танцовать нагишомъ вокругъ всей большой площади, причемъ зрители осыпали ихъ насмѣшками и пѣли нарочно для этого случая составленныя саркастическія стихотворенія. Государство опредѣляло какъ мѣсто и время для брака, такъ и возрастъ жениха и невесты, запрещало жениться на слишкомъ молодыхъ дѣвушкахъ, а мужчинамъ предписывало вступать въ бракъ около 30 лѣтъ. Занимаясь общественными дѣлами, служа государству, спартанецъ ночью, не на долго, да и то украдкой ото всѣхъ, могъ ходить къ своей женѣ, только послѣ рожденія сына ему дозволилось посѣщать ее днемъ и оставаться у ней подольше. За извѣстное число произведенныхъ гражданиномъ дѣтей государство награждало его, — за трехъ ребятъ онъ освобождался отъ караульной службы, за четырехъ — отъ всѣхъ общественныхъ повинностей. «Пожилой супругъ молодой жены — рассказываетъ Плутархъ — могъ свести ее съ молодымъ и храбрымъ мужчиной и присвоить себѣ ребенка, рожденнаго отъ столь благородной крови. Доблестный мужчина, которому приглянулась, какая нибудь чадородная и добродѣтельная женщина, могъ просить у мужа ея позволенія на сожительство съ нею. Такимъ образомъ утвержденная закономъ моногамія

нерѣдко превращалась въ полиандрію. Послѣдній видъ брака существовалъ у спартанцевъ еще и въ другой формѣ, сохранившейся вѣроятно отъ первичной эпохи ихъ исторіи. Земельный участокъ спартанца не могъ быть дѣлимымъ и отъ отца переходилъ къ его старшему сыну, который дѣлался собственникомъ; остальные братья только пользовались доходами съ семейнаго имущества и, по свидѣтельству Полибія, у всѣхъ ихъ была общая жена и общія дѣти. Въ подобномъ семействѣ, у главы его, старшаго брата, не было сыновей, и наслѣдство, поэтому, переходило къ старшей дочери, на которой долженъ былъ жениться кто нибудь изъ родственниковъ, неимѣвшій земельного участка. Такимъ образомъ, въ Спартѣ были перемѣшаны между собою моногамія, полиандрія, даже общность женъ и, въ видѣ исключенія, встрѣчалась даже полигамія. Дѣти съ самаго своего рожденія принадлежали государству, и отецъ не имѣлъ права убивать или выбрасывать ихъ, какъ это было во всей остальной Греціи, кромѣ Фивъ; комиссія изъ чиновниковъ свидѣтельствовала новорожденныхъ и оставляла годныхъ для государства, забракovanýchъ же предавала смерти.

По мысли Ликургова законодательства, женщина должна быть государственной самкой; до замужества она готовится къ этой роли, ведетъ общественную жизнь, получаетъ воспитаніе наравнѣ съ мужчинами; по выходѣ же замужъ, она удаляется отъ общественной жизни и даже, по восточному обычаю, должна ходить съ покрытымъ лицомъ. Ей строго предписывается быть вѣрною мужу. Но спартанская конституція недолго могла устоять противъ стремленій женщины къ свободѣ. Аристотель и Плутархъ рассказываютъ, что даже при самомъ введеніи своей конституціи, Ликуръ встрѣтилъ самое энергическое сопротивленіе со стороны женщинъ и лишился при этомъ глаза. Законы были все-таки введены, но уже Ксенофонтъ говоритъ: «еслибы кто нибудь спросилъ меня, сохранились ли законы Ликурга до сихъ поръ во всей ихъ чистотѣ, то, клянусь Зевсомъ, я не осмѣлился бы отвѣчать утвердительно». Болѣе древніе греческіе писатели изображаютъ спартанокъ женщинами добродѣтельными, съ строгими нравами, словомъ, хорошими воспитанницами Ликурга, между тѣмъ, какъ Аристотель сообщаетъ, что онѣ «ведутъ жизнь, распущенную во всѣхъ отношеніяхъ и роскошную». Гроть справедливо, кажется, объясняетъ такое противорѣчіе тѣмъ, что во время Аристотеля богатымъ спартанкамъ удалось освободиться отъ общей дисциплины, и что этихъ-то эманципированныхъ женщинъ Аристотель имѣетъ въ виду. И нужно

замѣтить при этомъ, что, вѣроятно вслѣдствіе упомянутой оппозиціи женщинъ, при введеніи ликурговыхъ законовъ, послѣдніе плохо опредѣляли ихъ обязанности и права. Эти законы давали правила какъ воспитывать женщину и какъ пользоваться ею для дѣторожденія; почти во всѣхъ другихъ отношеніяхъ положеніе женщинъ оставалось неопредѣленнымъ, «какимъ-то внѣ законнымъ», по выраженію Аристотеля. Равныя мужчинамъ по своему воспитанію, храбрости, патриотизму, спартанки скоро успѣли приобрѣсть громадное вліяніе на общественныя дѣла, появляясь въ публичныхъ собраніяхъ, воодушевляя воиновъ, внушая героизмъ своимъ дѣяніямъ. Онѣ были виновницами паденія тѣхъ экономическихъ началъ, которыя лежали въ основѣ спартанской конституціи и о восстановленіи которыхъ напрасно старались послѣдніе патріоты, Агисъ и Клеоменъ. Въ Спартѣ было запрещено давать за дочерью большое приданое, какъ ради охраненія экономическихъ порядковъ этого государства, такъ и во избѣжаніе владычества богатой жены надъ бѣднымъ мужемъ. Но интересы женщинъ взяли верхъ надъ этими разсчетами законодателя; приданое приобрѣтало все большіе и большіе размѣры, и вотъ, вслѣдствіе большого числа наслѣдницъ и вслѣдствіе обычая давать за дочерью большое приданое, почти $\frac{2}{3}$ всей земли очутились въ рукахъ спартанскихъ женщинъ. Вслѣдствіе этихъ обстоятельствъ, вліяніе женщинъ въ Спартѣ сдѣлалось столь громаднымъ, что Аристотель называетъ его гинейкратіей; «правители государства находились подъ властью женщинъ, и во время гегемоніи спартанцевъ, многія дѣла совершались по распоряженію женщинъ». Рабыни государства сдѣлались владычицами его и, подточивъ основы конституціи, навсегда лишили Спарту возможности третировать себя, какъ заводскихъ кобылъ.

VIII.

Развитіе іоническихъ государствъ вообще, и въ частности главнаго изъ нихъ, афинской республики, сопровождалось постепеннымъ отдаленіемъ женщинъ отъ общественной дѣятельности, постепеннымъ закрѣпощеніемъ ихъ семейству. Въ правленіе Кекропса, — которому приписывается введеніе въ Грецію брачнаго института, — вдругъ на одномъ мѣстѣ выросла маслина, а на

другомъ выступила вода. Царь послалъ въ Дельфы просить у оракула объясненія такого феномена. Оракуль отвѣчалъ, что маслина означаетъ Минерву, а вода — Нептуна. Между гражданами родилось сомнѣніе, именемъ какого божества назвать городъ? Царь собралъ народное собраніе какъ мужчинъ, такъ и женщинъ. Мужчины стояли за Нептуна, женщины—за Минерву; а такъ какъ на сторонѣ послѣднихъ было голосомъ больше, то женщины одержали верхъ и городъ названъ въ честь Минервы или Афины—Афинами. Нептунъ разгнѣвался и залилъ моремъ всю афинскую землю. Чтобы умиловать бога, женщины должны были отказаться отъ права голоса въ народныхъ собраніяхъ; дѣти ихъ не должны были называться именемъ матери, какъ это было до той поры, а сами онѣ перестали именоваться афинянками и изъ полноправныхъ гражданокъ обратились въ женъ гражданъ. Сказочный элементъ этого сказанія конечно нисколько не роняетъ исторической достовѣрности того факта, что при развитіи афинскаго государства женщины лишены были политическихъ правъ, которыми онѣ пользовались прежде. вмѣстѣ съ тѣмъ, женщинъ постарались удалить почти отъ всякой общественной дѣятельности. Имъ и рабамъ запретили, на примѣръ, заниматься медицинской практикой; даже родовспомогательное искусство было отнято у нихъ мужчинами. Съ упорною настойчивостью женщины отстаивали свое право на занятіе врачебною наукою. Одна изъ нихъ, Агнодика, обрѣзавъ волосы, одѣвшись въ мужское платье, поступила къ извѣстному въ то время медику въ ученье, по окончаніи котораго она приобрѣла обширную практику, преимущественно въ кругу своего пола. Своею славою она возбудила зависть во всѣхъ лекаряхъ; на нее донесли, что она возвращаетъ честныхъ женщинъ. Агнодика явилась передъ судомъ ареопага и въ опроверженіе доноса открыла свой полъ. Но ареопагъ все-таки не хотѣлъ дозволить ей практики и уступилъ только настойчивымъ требованіямъ всѣхъ знатныхъ афинянокъ, явившихся ходатайствовать за Агнодику и за право женщинъ заниматься акушерствомъ. Въ области религіи женщина также была ограничена сословіемъ жрецовъ. Въ древнѣйшую эпоху Греціи жрицами могли быть и замужнія женщины; но въ болѣе позднія времена отъ желающихъ быть жрицами безусловно требовался тягостный обѣтъ безбрачія. Греческія прорицательницы, пифониссы, имѣли громадное вліяніе на всѣ важныя дѣла мира и войны. Посягнуть открыто на права этихъ священныхъ жрицъ мужчины не осмѣлились, но все-таки успѣли отнять у нихъ всякое самостоятельное вліяніе. Вер-

ховные жрецы старались выбирать въ пифониссы самыхъ молоденькихъ, необразованныхъ и глупенькихъ дѣвушекъ, или же старухъ, имѣвшихъ не менѣе пятидесяти лѣтъ отъ роду. Рслѣдствіе этого, жрицы скоро сдѣлались совершенно пассивными орудіями въ рукахъ жрецовъ. Для убѣжденія пифониссъ въ томъ, что все это дѣлалось для ихъ же пользы, жрецы, съ своей обычной безсовѣстностью сочинили сказку о беотійцахъ, убившихъ будто бы одну изъ нихъ за присвоеніе ею ненадлежащей власти. Число верховныхъ жрицъ и пифониссъ было крайне ограничено; въ Додонѣ, Дельфахъ, Іосѣ, Аргосѣ, Амиклѣ, при капищѣ двухъ дочерей Аполлона, при храмѣ Діониза никогда не бывало болѣе двухъ или трехъ жрицъ. Стѣсная и ограничивая пифониссъ, жрецы равнодушно относились къ существованію второстепенныхъ жрицъ и покровительствовали гіеродуламъ, священнымъ дѣвамъ, которыя жили при разныхъ храмахъ и часто превращали послѣдніе въ дома разврата. Религіозная проституція была довольно сильна въ Греціи и, принося денежные выгоды жрецамъ, находилась подъ ихъ мощнымъ покровительствомъ.

Лишивъ женщину всѣхъ политическихъ правъ, постарались вовсе удалить ее изъ общества; она не посѣщала театровъ, не могла присутствовать на олимпійскихъ играхъ, участвовать въ общественныхъ и домашнихъ праздникахъ, обѣдать въ одной комнатѣ съ мужчинами, являться до шестидесятилѣтняго возраста на чьихъ бы то ни было похоронахъ и т. д. За исключеніемъ нѣкоторыхъ случаевъ, ей было запрещено быть на улицѣ днемъ, а ночью дозволялось не иначе, какъ въ экипажѣ и съ факеломъ. Женщины были заключены въ гинекеи и гаремы, которые у высшихъ классовъ охранялись часто карауломъ, имъ запрещали даже смотрѣть изъ оконъ на улицу. Словомъ, женщину хотѣли держать такъ, чтобы всѣ посторонніе люди забыли даже о самомъ ея существованіи. «Имя честной женщины» — говоритъ Плутархъ — вмѣстѣ съ ея личностью должно быть заключено въ стѣнахъ дома».

Все это закрѣпощеніе производилось съ тою цѣлью, чтобы специализировать женщину для материнства, чтобы мужъ могъ имѣть отъ нея хорошихъ дѣтей, семья — хорошую мать и хозяйку, а государство — хорошихъ гражданъ. Изъ личности она была превращена въ орудіе семейныхъ и общественныхъ цѣлей. Все воспитаніе дѣвушекъ — этотъ самый могучій рычагъ измѣненія социальныхъ порядковъ — клонилось къ тому, чтобы сдѣлать изъ нихъ здоровыхъ матерей трудолюбивыхъ и покорныхъ работницъ. Главасемья, имѣв

шій надъ дѣтьми право жизни и смерти, совершенно произвольно распоряжался рукою своей дочери и отдавалъ ее за кого хотѣлъ; онъ имѣлъ право продавать своихъ дѣтей, и, не стѣсняясь, торговалъ дочерьми, сбывая этотъ товаръ выгоднымъ женихамъ. Но гречанки не всегда безропотно сносили такое третированье себя, какъ скотинъ. «Когда мы вырастаемъ и приходимъ въ разумъ — жалуется софокловская Прокна — насъ сбываютъ съ рукъ и продаютъ вдалѣ отъ отеческихъ боговъ и отъ родителей». Солонъ запретилъ продажу невѣстъ, но онъ же ограничилъ сумму вошедшаго уже тогда въ обычай приданого, размѣры котораго бывали такъ велики, что греческія царевны получали часто въ приданое цѣлыя царства. И хотя Медея у Эврипида говоритъ, что женщины самыя жалкія существа, ибо покупаютъ слишкомъ дорого своихъ господъ, но придансе все-таки доставляло женѣ извѣстную самостоятельность въ семействѣ, а при значительности суммы даже власть надъ мужемъ, почему Солонъ и запретилъ давать его въ большихъ размѣрахъ. Сироты знаменитыхъ гражданъ получали казенное приданое, а сиротамъ вообще предписывалось давать его ихъ родственникамъ, если послѣдніе не хотѣли брать ихъ замужъ. Супругъ могъ только пользоваться доходами приданого, оно было неприкосновенно даже при конфискаціи мужнинаго имущества, и жена получала его въ случаѣ развода вмѣстѣ съ даннымъ ей при заключеніи брака утреннимъ даромъ жениха. Дѣвушка могла быть также наслѣдницей, но въ такомъ случаѣ, ради нераздробленія семейнаго имущества, она обязана была выйти замужъ за одного изъ своихъ близкихъ родственниковъ; если же она по старости, безобразію или болѣзни не годилась для брака, то родственникъ поступалъ къ ней въ домъ, считался ея номинальнымъ мужемъ, хотя въ качествѣ послѣдняго и не имѣлъ права наслѣдовать ея имущества. Такимъ образомъ, даже богатая сирота не могла свободно располагать своею рукою и должны были отдавать ее тому, кому предписывалъ законъ. Къ немаловажнымъ стѣсненіямъ женщины принадлежало и запрещеніе брака съ иностранцами. Каждый иностранецъ, женившійся на афинянкѣ, продавался вмѣстѣ съ своимъ имуществомъ, и треть вырученной за него суммы отдавалась доносчику; афинянку, вышедшую за иностранца, тоже продавали въ рабство, а отца ея подвергали штрафу въ 1000 драхмъ. При Периклѣ было продано такимъ образомъ 5000 афинскихъ граждановъ. Цѣлью подобныхъ карательныхъ мѣръ было подержаніе чистоты семейной крови и нераздѣльности семейнаго

имущества, почему допускались браки даже между братомъ и сестрой. Моногамія была единственною законною формою брака; но столь ревнивое относительно поведенія женщинъ, государство часто смотрѣло сквозь пальцы на противозаконныя дѣйствія мужчинъ, державшихъ не только множество наложницъ, но и нерѣдко вступавшихъ въ бракъ съ нѣсколькими женами. Запирая женщину въ гинекей, требуя отъ нея безусловной вѣрности мужу и другихъ семейныхъ добродѣтелей, государство въ то же время поощряетъ развращенности мужчинъ, открываетъ для нихъ казенные непотребные дома, чтобы они могли и безумствовать въ оргіяхъ публичнаго разврата, и отдыхать отъ нихъ въ тишнѣ чистой семейной жизни. Мужъ дѣлается абсолютнымъ повелителемъ жены; онъ могъ прогнать ее отъ себя по малѣйшему неудовольствію; мужья въ первую эпоху нерѣдко продавали своихъ женъ, а потомъ—мѣнялись ими или, лежа на смертномъ одрѣ, обручали ихъ съ своимъ пріятелями. Впрочемъ, при этомъ мы видимъ и совершенно другія по характеру явленія. Нерѣдко супруги расходились по взаимному соглашенію; недовольная мужемъ жена могла жаловаться на него суду и просить развода; но уже одна заключенность женщинъ въ гинекеяхъ дѣлала этотъ законъ недействительнымъ. Къ тому же законъ требовалъ, чтобы жена являлась лично въ судъ въ сопровожденіи своего опекуна, т. е. мужа! Когда Гиппарета, жена Алкивіада, выведенная изъ терпѣнія его развратомъ, явилась передъ архонтами съ жалобой, то Алкивіадъ схватилъ ее, силою утащилъ изъ суда домой, и никто не смелъ нужнымъ вступить за несчастную жену и за законъ, поруганный поступкомъ ея мужа. Супругъ былъ владыкой жены, и послѣдняя называла его не по имени, а *господиномъ*. Аристотель, правда, смягчаетъ нѣсколько характеръ ихъ отношеній, говоря, что глава семьи властвуетъ надъ женою, какъ государственный человѣкъ, или какъ правитель республики, а надъ дѣтьми—какъ царь. Особенно доставалось безпріданымъ женамъ,—мужья третировали ихъ, какъ рабынь. Но нужно замѣтить, что власть мужа была не единственная, тяготѣвшая надъ женщиною втеченіе ея жизни; мужъ получалъ эту власть отъ отца жены, и умирая, передавалъ ее наслѣднику, какъ это бываетъ во всѣхъ архаическихъ обществахъ. Такая вѣчная опека надъ женщиной стоитъ въ тѣсной связи съ принципами патріархальнаго семейства. Единницею древняго общества служить семья или лучше отецъ ея, совмѣщающій въ себѣ права и обязанности своихъ помощниковъ; послѣ его смерти, его сынъ или внукъ дѣлаются самостоя-

тельными потому только, что могут сдѣлаться главами семействъ. Женщина же не можетъ получить семейнаго главенства, и поэтому не можетъ приобрести и сопряженной съ нимъ самостоятельности. Безсмертіе семьи было главною заботою грека и для него не было ничего ужаснѣе вымиранія семейства, вслѣдствіе котораго исчезаетъ въ потомствѣ имя умершихъ предковъ, они лишаются религіозныхъ почестей, родовые боги остаются безъ жертвъ, домашній очагъ безъ огня. Отъ такой бѣды семейство избавлялось посредствомъ женщины, которая, не имѣя никакого самостоятельнаго значенія въ брачной жизни, служила только орудіемъ рожденія дѣтей, этихъ «якорей жизни», а въ особенности сыновей,— «столповъ дома, спасителей имени умирающаго отца», «новыхъ гражданъ государству и новыхъ служителей богамъ». Только для этого и держалась жена, а вовсе не для любви, для которой существовали гетеры. Плутархъ говоритъ, что «съ честной женщиной вовсе нельзя жить въ одно и то же время, какъ съ супругой и какъ съ гетерой; а Демосфенъ говоритъ: «мы имѣемъ гетеръ для душевныхъ наслажденій, прелестницъ—для грубыхъ ласкъ, и законныхъ женъ—для поддержанія нашего рода и имени и для охраненія нашихъ жилищъ». При этомъ отъ женщины требовалось, чтобы она была, по выраженію Софокла, «вѣрна мужу, какъ собака.» Прелюбодѣйную жену мужъ могъ продать, а ея соблазнителя убить на мѣстѣ; отецъ также имѣлъ право продать свою павшую дочь, а до изданія солоновскихъ законовъ, даже казнить ее смертію. Кромѣ того, жена должна быть хозяйкою или экономкою мужа. «Женщина» - говоритъ Ксенофонтъ— «должна походить напчелиную матку,—не уходить изъ дому, имѣть неусыпный надзоръ за невольницами, давать каждой изъ нихъ приличное занятіе, принимать домашніе запасы и приводить ихъ въ порядокъ, припрятывать въ надежное мѣсто то, что можетъ быть неупотребляемо въ хозяйствѣ до времени, надсматривать за выдѣлкою полотна и одежду, равно какъ и за печеніемъ хлѣба, заботиться о больныхъ служанкахъ, содержать въ порядкѣ и чистотѣ всѣ кухонныя принадлежности, кормить и воспитывать дѣтей и наконецъ заботиться о собственномъ своемъ приличномъ украшеніи». Съ теченіемъ времени даже эта хозяйственная дѣятельность женщины была крайне ограничена и вовсе лишена самостоятельности. Въ одной изъ комедій Аристофана женщины жалуются, что «даже мука, масло и вино, бывшія прежде въ полномъ ихъ распоряженіи, теперь отъ нихъ уже не зависятъ, а ключи отъ домашняго хозяйства, очень надеж-

ные и сдѣланные съ большимъ искусствомъ, находятся у ихъ мужей.» Ни въ дѣлахъ хозяйства, ни въ дѣлахъ воспитанія дѣтей женщина не имѣла никакого права на самостоятельный голосъ. На гробницахъ хозяекъ изваялись узда, вѣнчикъ и сова, эмблемы бдительности, экономіи и молчаливости. Цѣломудренная Венера, — Венера законнаго брака, — изображалась опирающеюся пятою на черепаху, въ знакъ того, что женщина не должна обнаруживать никакихъ порывовъ ума и сердца. Когда Пенелопа дѣлаетъ сыну совершенно разумное замѣчаніе, то Телемакъ отвѣчаетъ ей: «отправляйся-ка въ свои бабьи комнаты, да займись своимъ дѣломъ, смотри за прялкою и веретенкомъ, распоряжайся прислужницами, задавай имъ работу; *говорить имѣютъ право только мужчины*, всѣ они и я прежде всѣхъ, потому что я въ своемъ домѣ хозяинъ.» Пенелопа тотчасъ повинуется и находитъ слова сына «разумными».

Мы увидимъ ниже, что гречанка, подобно женщинѣ всѣхъ вѣковъ и народовъ, не подчинялась вполне, да и не могла подчиняться тѣмъ нелѣпымъ постановленіямъ, которыя предписывалъ ей мужчина. И она сдѣлалась въ глазахъ послѣдняго презрѣнною тварью. Эврипидъ восклицаетъ, что «природа сотворила женщинъ неспособными къ благороднымъ искусствамъ, но изобрѣтательными и искусными во всякомъ зломъ дѣлѣ». «Женщина — это большое несчастіе,» говоритъ онъ въ другомъ мѣстѣ. Женщина была первою виновницей зла на землѣ, и женское потомство греческой Евы постепенно совершенствовалося въ искусствѣ злоторенія. Нѣтъ порока, нѣтъ гадости, которыхъ греческіе писатели не приписывали бы женщинамъ въ видѣ прирожденныхъ свойствъ ихъ натуры. Сатиру на женщинъ нѣкоторые писатели дѣлали даже своею спеціальною и она доставляла имъ славу. Таковъ былъ Симонидъ Аморгосскій, который, подражая стариннымъ спорамъ о созданіи челоуѣка, изображаетъ разныя качества женщинъ, созданныхъ изъ свиньи, лисицы, собаки, изъ земли, моря, изъ осла, кошки, коня, обезьяны. Вотъ характеристика пятой, морской женщины: «сегодня она весела, смѣется; гость, видящій ее въ домѣ, не знаетъ, какъ похвалить ее; лучше и прекраснѣе нѣтъ на свѣтѣ женщины! Завтра она невыносима; видѣть ее, приблизиться къ ней нѣтъ силы; она неистовствуетъ также неукротимо, какъ собака около своихъ щенковъ. Другъ-ли, врагъ-ли, на всѣхъ она ворчитъ и злится, подобно морю, которое въ лѣтнее время такъ прекрасно, спокойно и ровно, такъ радуется мореходцевъ, и вдругъ забушуетъ, вспѣнитъ свои волны!..» Идеаль, это десятая женщина, происходящая отъ

пчелы; она обходительна, ласкова, лучшее украшеніе дома; счастливъ мужчина, получившій на свою долю такую, но счастливые всѣхъ тотъ, кто никогда не имѣлъ близкихъ сношеній съ женщинами!» Удачныя эпиграммы на женщинъ быстро входили во всеобщее употребленіе между греками, какъ напримѣръ изрѣченіе Гипонакса: «два дня въ жизни жена болѣе всего счастливитъ мужа: въ день свадьбы и въ день ея похоронъ.» Подобныя воззрѣнія: вліяли и на философію, и мыслители старались подвести рациональныя основанія подъ то, что было создано грубымъ эгоизмомъ мужчинъ и выдуманно пошлою фантазіей толпы. Самыя гуманныя воззрѣнія на женщину и бракъ были выработаны Аристотелемъ, учившимъ, что «сожителство другихъ животныхъ имѣетъ цѣлью только распложеніе породы; напротивъ, люди живутъ вмѣстѣ не только для произведенія дѣтей, но и для другихъ отношеній; задачи мужчины и женщины различны, но они помогаютъ другъ другу тѣмъ, что каждый изъ нихъ дѣлаетъ свою особенность общимъ достоинствомъ, и поэтому въ такомъ союзѣ пріятное соединяется съ полезнымъ». Но если вникнуть въ сущность подобныхъ, относительно гуманныхъ, изрѣченій Стагорита, то выйдетъ, что они немногимъ выше другихъ эллинскихъ измышленій о женщинахъ. По ученію Аристотеля, женская душа ниже мужской, хотя немного выше рабской, мужъ повелительный элементъ въ семьѣ и обществѣ, женщина служебный, «рабъ вовсе не имѣетъ способности обдумывать; женщина хотя и имѣетъ эту способность, но въ слабой степени. Разсудительность мужчины не одно и то же, что разсудительность женщины, равно мужество и справедливость; въ одномъ случаѣ мужество имѣетъ характеръ властительный, а въ другомъ—служебный. Подобнымъ же образомъ должно разсуждать и о другихъ нравственныхъ качествахъ.» Даже въ загробной жизни женщинамъ отведенъ мрачный адъ, гдѣ владычествуетъ Прозерпина и гдѣ онѣ присуждены «блуждать между мрачными тѣнями,» по выраженію Сафо. Презрѣніе къ несчастному полу доходило часто до того, что даже лучшіе люди выражали его въ такихъ формахъ, которыя только подстаютъ какому нибудь Титу Титичу Брускову. Фемистокль въ первые годы своей юности забавлялся тѣмъ, что запрягалъ четырехъ совершенно нагихъ женщинъ въ свою колесницу и, при одобрительныхъ крикахъ толпы, проѣзжалъ на нихъ черезъ всю Агору. Въ Сибири самодуры-золотопрмышленники и присковныя рабочіе нерѣдко подражаютъ этому великому герою Эллады.

IX.

Одни вышеприведенныя нападки на женщинъ и руготня ихъ свидѣтельствуютъ, что женщины не выполняли предначертанныхъ имъ правилъ жизни, хотя за ихъ поведеніемъ слѣдили не только мужья и другіе родственники, но и особые общественные инспекторы. Учрежденіе такой полиціи ясно указываетъ, что надзирать было за чѣмъ. О томъ же свидѣтельствуетъ и законъ, налагавшій на женщину штрафъ въ тысячу драхмъ за публичное появленіе ея нагишомъ. И это было въ самыя первыя времена послѣ того, какъ мужчины, съ помощью государственной власти, начали стараться объ осуществленіи строгихъ семейныхъ идеаловъ. Чѣмъ болѣе жило греческое общество, тѣмъ болѣе стремилась женщина къ противной строгому браку эманципации плоти. Мужья сами развивали въ своихъ супругахъ страсть къ нарядамъ и дѣлали ихъ кокетками. Женщина чернила брови, румянилась, бѣлилась, пудрила волосы золотымъ пескомъ, украшала голову цвѣтами, умащала благовоніями, заботилась о гибкости стана и т. д., дѣлая все это для возбужденія любви въ мужѣ или другихъ мужчинахъ, смотря по обстоятельствамъ. Удаленная отъ всѣхъ интересовъ общественныхъ, лишнная всякой самостоятельности въ семействѣ, женщина спеціально занялась своими половыми инстинктами, и они повлекли ее за стѣны дома. «Афинянки» — говоритъ авторъ путешествій Анахарсиса — «удаленныя отъ общественныхъ дѣлъ постановленіями правительства, часто не имѣютъ иного честолюбія, какъ быть любимыми, иной добродѣтели, кромѣ одного страха безчестія. Впрочемъ, употребляя все стараніе, чтобы покрыться мракомъ спасительной тайны, немногія изъ нихъ дѣлаются извѣстны своими любовными похождениями.» Нарушеніе женою брачной вѣрности дѣлалось все чаще и чаще, оставалось ненаказаннымъ или же только давало мужу поводъ для поживы посредствомъ взысканія штрафа съ любовника жены. Женщины не мирились съ своимъ семейнымъ положеніемъ и, въ нѣкоторыхъ областяхъ Греціи, не находили удовлетворенія своему инстинкту свободы, онѣ во множествѣ прибѣгали къ самоубійству. Нерѣдко женщины добивались полного главенства въ семьѣ, жена управляла мужемъ, мать сыномъ, сестра братомъ. Стремленіямъ женщины къ семейной самостоятельности много содѣйствовала и защита ея родственниковъ; въ исторіи Греціи мы видимъ не мало примѣровъ того, какъ родъ женщины, оскор-

бленный въ лицѣ послѣдней ея женихомъ или мужемъ, вооружался противъ оскорбителя и доводилъ дѣло даже до войны. Власть мужа, сохраняя *de jure* свой прежній характеръ, *de facto* значительно ослабѣла, а во многихъ случаяхъ даже уступила свое мѣсто власти жены. Греческіе писатели горько оплакиваютъ такое паденіе архаическаго семейства и основаннаго на немъ общества; они говорятъ, что результатами разложенія семьи были паденіе всѣхъ древнихъ добродѣтелей, развитие своекорыстія, хитрости, клятвопреступничества и безобразнаго сладострастія. Это отчасти справедливо, но все это было только простымъ и самымъ естественнымъ слѣдствіемъ неестественныхъ учреждений. Рабство, чье бы то ни было, всегда портитъ и губитъ основанное на немъ рабовладѣльческое общество.

Разложенію семейства и эманципация гречанокъ болѣе всего содѣйствовали служительницы красоты и любви—гетеры. Стараясь о поддержаніи въ семействѣ строгихъ порядковъ, объ обращеніи женщины на исключительное занятіе материнствомъ и хозяйствомъ, грекъ искалъ въ то же время жгучихъ наслажденій красоты и страсти; признавая законность его желаній, государство открывало для него казенные дома терпимости, а толпы стекавшихся въ Грецію иностранныхъ красавицъ доставляли ему подругъ, или гетеръ, любовь которыхъ до того увлекала эллиновъ, что они всегда предпочитали ее браку, и государство принуждено было подавлять строгими законами постепенно возраставшее между мужчинами стремленіе къ безбрачію. Женская красота была въ Греціи всемогущею. «Природа—говоритъ Анакреонъ—дала быкамъ рога, лошадямъ копыта, быстроту ногъ зайцу, зубастый зѣвъ лвамъ, плавательныя перья рыбамъ, птицамъ полеть, а мужчинѣ разумъ. Для женщины ничего у нея не осталось. Какъ же тутъ быть? Въмѣсто щитовъ и всякихъ мечей, она дала ей красоту: прекрасная побѣдитъ и огонь и желѣзо». Большинство гетеръ было сначала изъ невольницъ или отпущенницъ, красота освобождала ихъ изъ рабства и доставляла имъ богатства, равнявшіяся царскимъ; государственные люди, полководцы, философы, поэты ухаживали за гетерами и не щадили ничего, чтобы только наслаждаться ихъ красотой, бесѣдою и дружбою. Не разъ гетера служила для художника моделью для изображенія богини; не разъ суровый ареонагъ прощалъ виновную гетеру, пораженный блескомъ ея красоты; не разъ Эллада воздвигала пышные мавзолеи въ память этихъ красавицъ, именемъ которыхъ гордились и хвастались мѣста ихъ родины. Имя знаменитой гетеры

раздавалось всюду, въ лавкахъ продавцевъ благовоній, подъ сводами театровъ, въ публичныхъ собраніяхъ, въ судилищахъ, въ сенатѣ. Не одна впрочемъ естественная красота давала гетерѣ такое значеніе, а также и достоинства, приобретенныя воспитаніемъ. Въ Греціи гетеръ «дрессировали», по тогдашнему техническому выраженію, и разные любители красоты, и спеціальныя преподавательницы кокетства. Гетеры пѣли, танцовали, играли на разныхъ инструментахъ, были знакомы съ литературой, славились своимъ остроуміемъ и каламбурами, съ ними охотно бесѣдовали и государственные люди, и философы, а дома ихъ были такими же центрами ума и талантовъ, какъ салоны парижскихъ Помпадуръ XVIII вѣка. Въ лицѣ гетеры женщина разбила стѣснявшіи ее оковы архаическихъ порядковъ, получила доступъ къ общественной жизни, къ занятіямъ наукой и искусствомъ, къ вліянію на дѣла правленія. Семейныя женщины шли вслѣдъ за гетерами и дѣло не обходилось безъ ожесточенной борьбы съ эгоизмомъ мужчинъ. Моды, кокетство, образъ жизни гетеръ проникали въ домашніе гинекеи и увлекали ихъ обитательницъ. Мало-по-малу женщины протѣснялись въ общественную жизнь. Имъ запрещено было, напримѣръ являться на олимпійскихъ играхъ, но этотъ законъ не оставался, ненарушеннымъ и спартацкая царица была первою женщиною, выигравшею призъ на олимпійскихъ гонкахъ колесницъ. Законъ Солона, запрещавшій женщинамъ появляться на чьихъ бы то ни было похоронахъ, также былъ выведенъ гречанками изъ употребленія, и онѣ нерѣдко пользовались этими выходами изъ дому для прельщенія молодыхъ людей своей красотой. Послѣ проникновенія въ Грецію римской цивилизаціи началъ выходить изъ употребленія обычай, въ силу котораго женщинамъ не дозволялось принимать участія въ домашнихъ праздникахъ и пировать вмѣстѣ съ своими мужьями. Ареопагъ своимъ декретомъ запрещалъ гетерамъ отправлять релігіозныя торжества вмѣстѣ съ семейными женщинами, но на праздникахъ въ честь Венеры мы видимъ этихъ куртизанокъ, пирующихъ за однимъ столомъ съ женами и дочерьми гражданъ. Не одной половой свободой добивались женщины, а также и политическихъ правъ. Въ исторіи Македоніи и греческихъ династій Востока мы видимъ женщинъ, которыя борются съ мужчинами за царскую власть. Въ релігіозной сферѣ, недовольныя разными ограниченіями своихъ правъ, женщины стали присвоивать самовольно непринадлежащія имъ релігіозныя преимущества, и нѣкоторыя іерофанты были наказаны смертію за присвоеніе себѣ правъ

жрицы Цереры. Изъ многихъ мѣстъ греческихъ писателей видно, что гречанки мечтали о приобрѣтеніи всѣхъ гражданскихъ правъ, о полной равноправности съ мужчинами, о необходимости радикальныхъ реформъ въ семьѣ и въ основанномъ на ней обществѣ. Онѣ—какъ высказываетъ Аристофанъ въ своей комедіи «Женщины въ народномъ собраніи»—помышляли о присвоеніи себѣ политической власти. «Я требую—воскликаетъ аристофановская Проксагора—чтобы все было общее, чтобы все принадлежало всѣмъ, чтобы не было больше ни богатыхъ, ни бѣдныхъ, чтобы одни не владѣли громадными полями въ то время, какъ другіе имѣютъ только клочекъ земли едва достаточный для ихъ погребенія. Женщины также должны быть общимъ достояніемъ, и пусть каждый производитъ дѣтей, съ кѣмъ хочетъ». Очень вѣроитно, что Аристофанъ, заклятый врагъ женскаго освобожденія, преувеличиваетъ и искажаетъ стремленія женщинъ, но что онѣ упорно хлопотали о выходѣ изъ своего рабскаго положенія и о приобрѣтеніи себѣ разныхъ правъ,—это несомнѣнно. И имъ удавалось принимать участіе въ общественной дѣятельности, причѣмъ онѣ нерѣдко вели себя такъ доблестно, что могли служить примѣромъ для любого мужчины. Такъ, на примѣръ, въ 514 году до Р. Х. гетера Леена, извѣстная философа, играла не маловажную роль въ заговорѣ, составленномъ противъ тирановъ Пизистрата и Гиппия. Арестованная правительствомъ и подвергнутая ужасной пыткѣ, она съ твердостью великихъ героевъ перенесла все, но не выдала ни тайнъ заговора, ни именъ своихъ соучастниковъ, и изъ боязни, чтобы муки не заставили ее проговориться противъ своего желанія, она откусила свой языкъ и выплюнула его въ лицо судьямъ. Леена умерла подъ пыткой, и афищане воздвигли ей памятникъ. Правитель афинской республики въ самый цвѣтущій періодъ ея жизни, Периклъ, находился подъ сильнымъ и благотворнымъ вліяніемъ своей жены Аспазіи, обладавшей и образованіемъ, и такими талантами, что вокругъ ея собиралось постоянно все лучшее афинское общество и разсуждало съ ней о предметахъ политики, науки, художествъ и краснорѣчія. Одна изъ рѣчей Перикла, составленная для него Аспазіей, считается образцомъ греческаго краснорѣчія. Ее справедливо считаютъ не только другомъ, но даже учительницею Сократа и Алкивіада; афищане говорили, что въ тѣлѣ ея обитаетъ душа Пифагора.

Въ области искусствъ и литературы женщины приобрѣли еще болѣе обширную арену дѣятельности и вліянія, чѣмъ въ политикѣ.

Кромѣ множества музыкантъ, Греція имѣла не мало поэтессъ, какъ напримѣръ извѣстную Сафо и фивянку Коринну, пять разъ выигрывавшую на поэтическихъ состязаніяхъ призы отъ Пиндара. Занятіе искусствами, особенно музыкой и танцами, доставляло многимъ женщинамъ и самостоятельное экономическое положеніе, и даже извѣстное вліяніе на общество. Трудно, конечно, было женщинамъ добиться доступа къ серьезнымъ занятіямъ наукой, но онѣ съ успѣхомъ преодолѣли эту трудность. Между гетерами было не мало ученыхъ женщинъ. Неера и Никарета серьезно занимались математикой, Филенида оставила ученый трактатъ о физикѣ и объ атомахъ и т. д. Теодора, дочь Діогена и Коринны, отличалась въ арифметикѣ и геометріи; Аганиба была такъ свѣдуца въ астрономіи, что предсказывала лунныя затмѣнія, и суевѣрная чернь говорила, что она можетъ снять луну съ неба; Клеопатра Амагаллида, корцирская граматикесса, имѣла обширныя филологическія познанія. Болѣе всего гречанки занимались философіей, напримѣръ, три дочери Пифагора, изъ которыхъ одна, Айзара, ставила книгу о природѣ людей и долгое время управляла пифагорейскою школою. Мать ихъ, Теана, по смерти Пифагора, заняла въ школѣ его мѣсто и оставила недошедшія до насъ: книгу о добродѣтели, біографію Пифагора и стихотворенія, кромѣ нѣсколькихъ уцѣлѣвшихъ до сихъ поръ отрывковъ, нисемъ о воспитаніи дѣтей и о ревности. Къ пифагорейскому союзу принадлежали еще двадцать четыре другихъ женщины, имена которыхъ дошли до потомства. На основателя киренайскаго школы, Аристиппа, имѣла немаловажное вліяніе подруга его Лаиса. Дочь Аристиппа, Арета, о которой современники говорили, что въ нее перешла душа Сократа, двадцать пять лѣтъ преподавала въ Афинахъ философію и другія науки, образовала 110 учениковъ, написала біографію Сократа, книги о воспитаніи дѣтей, о войнахъ афинянъ, о несчастномъ положеніи женщинъ, о чудесахъ Олимпа, о ичеловодствѣ и др. Въ эпитафій, которою почтили афиняне ея могилу, она названа свѣтомъ всей Эллады, Еленой по красотѣ, Аристиппомъ— по слогу, Сократомъ— по уму, Гомеромъ— по красворѣчію. У Платона было также нѣсколько непосредственныхъ ученицъ. Мегарская швола имѣла даровитую философку Никарету—циническая школа, Гиппархію, оставившую нѣсколько трагедій и другихъ поэтическихъ и философскихъ сочиненій; въ эпикурейской школѣ извѣстны Батида и Фемисто Лампсакская.

Въ началѣ христіанской эры въ Александріи дѣйствовала Гиппа-

тія (род. въ 370 г.), дочь перваго математика и астронома своего времени, получившая блестящее образованіе и ѣздившая въ Афины для изученія системы неоплатонизма. Когда же вернулась въ Александрію, то домъ ея сдѣлался центромъ всѣхъ передовыхъ людей этого передоваго города. Она увлекала умы и своей красотой, и ораторскимъ талантомъ, и обширными познаніями въ математикѣ, астрономіи и философій. Ставши во главѣ неоплатонической школы, Гипатія возбуждала во всѣхъ своихъ слушателяхъ самый пламенный энтузіазмъ и сильную зависть въ епископѣ Кириллѣ, видѣвшемъ въ ней не только опасную соперницу въ ораторствѣ, но и врага вѣры, отвлекавшаго умы отъ церкви къ неоплатонической школѣ. Вліяніе Гипатіи на ея друга Ореста, александрійскаго губернатора, съ которымъ Кириллъ имѣлъ нѣсколько столкновеній, еще болѣе вооружало епископа противъ знаменитой философики. Онъ началъ агитировать противъ нея чернь. И вотъ въ началѣ 415 года на колесницу Гипатіи напала разъяренная толпа, стащила ее съ экипажа, разорвала одежды и, убивъ ее каменьями, стала растерзывать ея трупъ, таская его по улицамъ Александріи, и наконецъ сожгла на кострѣ оставшіеся куски тѣла знаменитой учительницы и мученицы за женское дѣло.

Слегка очерченная нами свобода, которой успѣли добиться гречанки, была несомвѣстима съ спартацкими семейными порядками, а общественное значеніе, прибрѣтенное женщиною въ лицѣ гетеры, шло въ разрѣзъ съ господствовавшими до тѣхъ поръ унижительными воззрѣніями на женскій полъ. Борьба, веденная женщиной, имѣла такіе осязательные результаты, которые ясно указывали на необходимость семейныхъ и социальныхъ реформъ, и величайшій изъ греческихъ мыслителей, Платонъ, въ своемъ проэктѣ о рациональномъ устройствѣ республики является отцомъ великой идеи женской эманципации. Хотя онъ и не могъ освободиться отъ античной теоріи, всецѣло подчинявшей отдѣльную личность государству, но въ то же время онъ учитъ, что женская природа одинакова съ мужской, что женщины поэтому способны къ умственной и гражданской дѣятельности наравнѣ съ мужчинами, и поэтому ихъ не слѣдуетъ устранять ни отъ занятій науками, ни отъ участія въ государственныхъ дѣлахъ. Идея Платона осталась только мечтою благороднаго мыслителя и Элладѣ не суждено было видѣть ея полного осуществленія. Но послѣднія эпохи греческой исторіи, ознаменованныя проникновеніемъ женщины въ разныя сферы умственной и общественной дѣятельности, все-таки значительно под-

няли ее въ глазахъ передовыхъ людей тѣхъ временъ. Прежде женщина цѣнилась только за покорность, домовитость и красоту, а греческая любовь, по справедливому замѣчанію Клема, имѣла исключительно чувственный характеръ; съ успѣхами же нравственнаго развитія и относительной эманципаціи гречанокъ, возрѣнія на любовь радикально измѣняются. Отъ женщины требуются не только красота и искусство улаживать ею мужчину, но и нравственные совершенства и развитость ума. Еще Ксенофонтъ поставилъ себѣ цѣлью защищать превосходство красоты нравственной передъ тѣлесною и, возставая противъ роскоши, изнѣженности, расточительности, онъ порицаетъ греческій обычай, по которому развитіе физическихъ силъ предпочиталось умственному, *игры атлетовъ* — философіи. Въстѣ съ этимъ развивалось и уваженіе къ женщинамъ. Александръ Македонскій обращался даже съ женами побѣжденныхъ персовъ съ такою рыцарскою деликатностью и такъ увлекалъ собою персіянокъ, что мать Дарія, пережившая смерть своего сына, съ горя объ умершемъ Александрѣ лишила себя жизни.

X.

Какъ во всякой первичной цивилизаціи, такъ и въ римской семья была соціальною единицею, а представитель и неограниченный владыка ея, отецъ, единственнымъ изъ всѣхъ домохозяевъ полноправнымъ гражданиномъ. Подчиненный членъ семейства былъ не лицомъ, а вещью, и судьба его всецѣло зависѣла отъ произвола домовладыки. Та же частная власть римскаго гражданина, которой подчинялись всѣ вещи, составлявшія его имущество въ собственномъ смыслѣ, господствовала въ лицѣ его надъ подчиненными ему членами семейства и эксплуатировала ихъ въ денежномъ отношеніи въ свою пользу. Онъ распоряжался своимъ семействомъ такъ же, какъ и своимъ имуществомъ. Такое приравненіе домохозяевъ къ имуществу особенно рѣзко выразилось «въ завѣщаніи съ мѣдью и вѣсами;» здѣсь наследникъ назывался «покупателемъ семейства» и въ обыкновенной обрядовой формѣ купли пріобрѣталъ отъ наследодателя семейство съ его имуществомъ. Отецъ женилъ сына, выдавалъ замужъ дочь; безконтрольно распоряжался работами и иму-

ществомъ домохозяевъ, могъ заключать ихъ въ тюрьму, заковывать въ кандалы, наказывать плетью и розгами, продавать и казнить смертью. Этимъ правомъ жизни и смерти отцы пользовались какъ надъ малолѣтними, такъ и надъ взрослыми дѣтьми. Впрочемъ, уже въ самыя первыя времена римской исторіи мы видимъ нѣкоторое ограниченіе родительскаго деспотизма въ институтѣ семейнаго совѣта, который составлялся изъ родственниковъ и созваніе котораго было обязательно для отца при обсужденіи важнѣйшихъ семейныхъ дѣлъ, хотя этотъ совѣтъ и не имѣлъ никакого другого значенія, кромѣ совѣщательнаго. Правда, что при столь громадныхъ правахъ отецъ семейства отвѣчалъ за преступленія своего сына и своего раба, но онъ могъ и отдѣлаться отъ отвѣтственности, выдавъ преступника головой. На совершенную безправность семейства относительно домовладки указываетъ и то обстоятельство, что связью, соединявшею древнеримское, какъ и всякое другое патріархальное семейство, было не когнатное родство, не единство происхожденія отъ одной брачной пары, но родство агнатное, основаніемъ котораго служитъ не бракъ отца или матери, а власть отца. Агнатическими узами связаны между собою всѣ тѣ лица, которыя или состоятъ или состояли или могли состоятъ подъ одной и той же отеческой властью. Гдѣ начинается эта власть, тамъ начинается и родство, гдѣ прекращается оно, тамъ прекращается и родство. Чужой усыновленникъ—родственникъ семьи, а эмансипированный сынъ теряетъ всѣ права агнатства. Дѣти замужней женщины, подчиненныя власти не отца ея, а мужа, не суть родственники ея родителей. Сама же женщина вступала въ агнатное родство съ своимъ мужемъ только потому, что онъ пріобрѣталъ власть надъ нею, не какъ супругъ, а какъ *отецъ*, и она становилась его дочерью (*filiae loco*) и фиктивною сестрою своихъ собственныхъ дѣтей. На основаніи той же отеческой власти и рабъ былъ членомъ семейства, подобнымъ сыну; въ извѣстныхъ случаяхъ онъ могъ быть даже наслѣдникомъ своего господина. Послѣ паденія материнскаго права и для утвержденія отеческой власти такая организація семейства была настоятельною необходимостью. «Еслибы»—говоритъ Мэнъ—«люди считались родственниками родни своей матери,»—какъ это было въ эпоху материнства,—«то вышло бы, что одно лицо должно подчиняться двумъ разнымъ отеческимъ властямъ. И пока семейство было государствомъ въ государствѣ, пока оно управлялось своими собственными институціями, источникомъ которымъ былъ отецъ, до тѣхъ поръ ограниченіе родства предѣла-

ми агнатства было необходимо во избѣжаніе столкновеній законовъ на домашнемъ форумѣ». Въ объединенной посредствомъ отеческой власти семьѣ царило полное тождество индивидуумовъ, всѣ домочадцы составляли одно юридическое лицо, полнымъ представителемъ котораго служилъ отецъ. Семейная корпорація считалась безсмертною и путемъ наслѣдства отецъ передавалъ своему преемнику не только всю совокупность своихъ правъ и обязанностей (*universitas juris*), но даже поручалъ ему быть выразителемъ и продолжателемъ своихъ нравственныхъ принциповъ. Какъ у всѣхъ народовъ, такъ и у римлянъ наслѣдство было тѣснымъ образомъ связано съ домашнимъ культомъ. Во времена глубокой древности, въ такъ называемый пеласгическій періодъ, греки хоронили покойниковъ въ своихъ жилищахъ. То же было и въ Римѣ, гдѣ погребеніе умершихъ въ домахъ запрещено было только законодательствомъ XII таблицъ. Такимъ образомъ, умершій домовладыка, сокрытый въ домѣ, продолжалъ жить въ семействѣ и вліять на него. Изъ домовладыки-человѣка онъ превращался въ домовладыку-бога, становился *ларомъ*. И послѣ, когда грубыя понятія народа о загробной жизни измѣнились, превратились въ болѣе одухотворенныя, когда покойниковъ стали погребать внѣ дома или сжигать, ихъ тѣни все-таки продолжали жить въ своемъ прежнемъ домѣ, гдѣ имъ уступалась особая капелла или *лараріумъ*. Лары оставались такими же абсолютными владыками семьи, какими они были при своей жизни. Какъ въ доисторическій періодъ отцы становились иногда людоедами и пожирали своихъ дѣтей, какъ впоследствии отецъ имѣлъ право жизни и смерти надъ сыномъ или дочерью, такъ въ древности гнѣвъ или голодъ покойнаго предка, лара, для своего утоленія и для безопасности семьи, требовалъ человѣческой жизни, и кровь дѣтей часто обаграла домашніе алтари римлянъ. Это происходило чаще всего въ тѣхъ случаяхъ, когда известное семейство переходило въ новое жилище, вторгалось во владѣнія не своего родного, а чужого лара; у послѣдняго и у главы переселенца семейства возникало столкновение правъ и интересовъ, ларъ требовалъ отступного и отецъ семьи приносилъ ему въ жертву своего ребенка. Съ теченіемъ времени, когда значительно смягчилась и дѣйствительная отеческая власть, культъ ларъ принялъ болѣе кроткій характеръ и человѣческія жертвы замѣнились обыкновенными. Весь смыслъ этого культа состоялъ въ томъ, что въ дѣлѣ владѣнія домою и семействомъ сталкивались интересы двухъ субъектовъ: прежняго *господина*, лара, и новаго *господина*,

наслѣдника; (*) примиреніе этихъ интересовъ совершалось посредствомъ жертвоприношеній лару отъ его преемника; здѣсь происходило въ сущности одно и то же съ тѣмъ, что мы видимъ въ одной изъ первобытныхъ формъ римскаго наслѣдства, въ «завѣщаніи съ мѣдью и вѣсами,» при которомъ наслѣдникъ платилъ наслѣдодателю за получаемыя имъ семейство и имущество. Понятія, соединившіяся у римлянъ съ семейнымъ наслѣдствомъ и съ культомъ ларя, распространились и на всю націю, получавшую въ наслѣдство отъ своихъ предковъ занимаемую ею землю. По преданію, публичная женщина Акка Ларенція завѣщала римскому народу всѣ свои земли, послужившія основою его территоріи. Какъ каждый наслѣдникъ поклонялся своимъ ларамъ, такъ и весь римскій народъ воздавалъ божескія почести Аккѣ Ларенціи, посвящая этой публичной женщинѣ одинъ день изъ своихъ праздниковъ и принося ей жертвы. Такимъ образомъ, и частное наслѣдство каждой семьи, и общее наслѣдіе всего народа соединялось съ культомъ и жертвоприношеніями въ честь предковъ. Этотъ культъ принималъ иногда кровавый характеръ какъ въ семействахъ, такъ и въ общественной жизни. Какъ домашніе лары требовали для своего умилостивленія человѣческой жизни отъ семьи, такъ и лары всего народа иногда заставляли его приносить имъ въ жертву гражданъ.

Была еще другая, не менѣ важная связь, соединявшая наслѣдство съ домашнимъ культомъ—это *обѣты*, *vota*, выполненіемъ которыхъ служили домашнія жертвы, *sacra privata*. Обѣты отца переходили на его преемниковъ, и главная забота о *sacra* состояла въ томъ, чтобы они существовали постоянно, не прекращаясь. Выполненіе этой религіозной обязанности лежало на наслѣдникѣ, былъ ли то сынъ или другое лицо. Основываясь на одномъ, извѣстномъ каждому юристу мѣстѣ Цицерона (*de leg.*, II, 19—22), Лассаль весьма остроумно и убѣдительно доказалъ, что въ древности *sacra* не были необходимо связаны съ наслѣдственнымъ имуществомъ, слѣдовательно было такое время, что въ гражданскомъ правѣ наслѣдство и полученіе имущества наслѣдодателя были двумя различными, независимыми одно отъ другого понятіями. Древнеримское наслѣдство, сущность котораго особенно рельефно выразилась въ завѣщаніи, было не «простымъ только дополненіемъ имущественнаго права,» какъ думаютъ многіе вмѣстѣ съ Пухтой. Наслѣдство осуществляло собою идею безсмертія семейства; наслѣдо-

(*) Какъ *lar* знач. господинъ, такъ и *heres*—господинъ, повелитель.

датель продолжалъ жить въ лицѣ своего наслѣдника, а завѣщаніе было римскимъ безсмертіемъ (*). «Нѣтъ другого утѣшенія въ смерти, кромѣ воли, переживающей смерть,» восклицаетъ Квинтиліанъ, отрывая тѣмъ сущность римскаго завѣщательнаго права. Этимъ и только этимъ однимъ можно объяснить то религиозное уваженіе, ту чрезвычайную приверженность къ завѣщанію, которыми такъ отличались римляне и которыя можно сравнить только съ заботливостью древняго египтянина объ устройствѣ себѣ посмертнаго жилища. Въ связи только съ такимъ пониманіемъ завѣщанія и становится яснымъ тотъ характеристическій обычай, въ силу котораго римляне дѣлали изъ завѣщанія памятникъ позора для своихъ враговъ и преподавали въ немъ наслѣднику свое политическое profession de foi. Такъ, по свидѣтельству Тацита, Фульциніусъ Трио «много и жестоко» поноситъ въ своемъ завѣщаніи императора Тиберія и его фаворитовъ; Фабриціусъ Веенто позоритъ въ завѣщаніи сенатъ и жрецовъ, Петроній—Нерона и т. д. Свобода завѣщанія была безгранична и въ ея религиозную сферу не смѣли вторгаться самые капризные цезари, подобно тому, какъ величайшіе изъ христіанскихъ деспотовъ признавали равенство всѣхъ людей на небѣ. Однажды раболѣпный сенатъ хотѣлъ запретить дѣлать изъ завѣщанія пасквиль на враговъ, но этому воспрепятствовалъ Августъ. Въ другой разъ трусливые наслѣдники Фульциніуса Трио хотѣли скрыть его завѣщаніе, наполненное жестокими нападками на Тиберія, но послѣдній велѣлъ прочесть это завѣщаніе по обычаю публично. Будучи орудіемъ *позора* для враговъ, завѣщаніе доставляло честь наслѣднику, честь быть продолжателемъ воли завѣщателя. Что завѣщаніе не было только распоряженіемъ объ имуществѣ, это можно видѣть изъ одного уже того, что иногда богатѣйшіе и знаменитѣйшіе люди государства назначались наслѣдниками людей незначительныхъ и бѣдныхъ, конечно не ради полученія ничтожнаго имущества, въ которомъ они вовсе не нуждались.

Римское патриціанское общество было основано на изложенныхъ

(*) Завѣщаніе—доказываетъ Мэнъ—создано Римомъ, и всюду, гдѣ оно есть, возникло подъ вліяніемъ римскаго права; слабыя зачатки завѣщанія мы видимъ въ Афинахъ и Бенгалѣ, но и они приписываются римскому вліянію, въ Афинахъ непосредственному, а въ Бенгалѣ—посредствомъ англійскихъ законодѣдовъ. Но это несправедливо; у джурджурскихъ кабилловъ, напр., мы видимъ очень развитую форму завѣщанія. См. ст. Бибеско о кабилахъ, въ *Revue des deux mondes*, 1867, 1 avril

нами семейныхъ началахъ. Союзъ семей образовалъ родъ, союзъ родовъ—племя, союзъ племенъ—государство. Отецеская власть надъ государствомъ принадлежала царю, а мѣсто семейнаго совѣта занималъ сенатъ, составленный изъ 300 представителей родовъ. Гражданами были одни домовладыки. Основою общественнаго союза была гипотеза объ единокровномъ происхожденіи всѣхъ семей, входившихъ въ составъ его. Какъ на Востокѣ, въ Греціи, въ позднѣйшей Европѣ, такъ и въ Римѣ исторія политическихъ идей начинается предположеніемъ, что всѣ члены общества, кромѣ рабовъ, имѣютъ единокровное происхожденіе, и что послѣднее только и можетъ служить основою общественнаго союза. При этомъ въ исторіи всѣхъ подобныхъ государствъ, мы видимъ ясныя слѣды такихъ событій, благодаря которымъ въ составъ ихъ принимались люди совершенно чуждаго происхожденія. Но такой фактъ, подрывавшій теорію единокровности, замаскировывался посредствомъ фибціи усмысленія, и принятыхъ обществомъ чужеплеменниковъ оно начинало считать потомками одного корня съ собою. Такое поглощеніе обществомъ чуждыхъ ему элементовъ продолжается только до извѣстнаго времени, начиная съ котораго общество превращается въ замкнутый аристократическій кругъ, недоступный тѣмъ элементамъ чуждой ему крови, которые почему нибудь тѣсняются около него и желаютъ войти въ составъ его. Эти народныя элементы, состоящія большею частію изъ осколковъ разныхъ національностей, неимѣющіе между собою ни дѣйствительнаго, ни фиктивнаго родства, образуютъ особый общественный союзъ на новомъ политическомъ принципѣ *мѣстной смежности*. Таковы были римскіе плебеи, и ихъ борьба съ патриціями, кончившаяся побѣдой, была борьбой демократически-политическихъ началъ съ аристократической теоріей единокровности, на которой было основано государство патриціевъ. Кромѣ плебеевъ около патриціанскаго государства постоянно тѣснились многочисленныя толпы иностранцевъ и натурализованныхъ чужеземцевъ. Патриціи относились къ нимъ съ полнымъ презрѣніемъ; *иностранецъ* и *врагъ* были синонимами; рабы были иностранцами, обращенными въ неволю, а всѣ иностранцы считались рабами по принципу. Такъ какъ патриціанское общество было союзомъ единокровныхъ или считавшихъ себя единокровными семей, такъ какъ домовладыки были царями своихъ семействъ и единственными полноправными гражданами государства, то естественно, что плебеи и особенно иностранцы, хотя по необходимости и принимались въ составъ

государства, но патриціи не давали имъ никакихъ значительныхъ правъ. Основою древнеримской правоспособности была отеческая власть; поэтому плебеи и иностранцы не имѣли права вступать въ патриціанскій бракъ, дѣлать завѣщаніе, участвовать въ управленіи и въ общественномъ культѣ; иностранцы не могли пользоваться ни выгодами римскаго суда, ни заключать контрактовъ, ни вступать въ важныя гражданскія обязательства. Борьба патриціанскаго элемента съ плебейскимъ имѣла результатомъ преобразование государства изъ патриціанскаго въ политическое и реформу семейства, о которой мы будемъ говорить ниже. Борьба съ иностраннымъ элементомъ была еще плодотворнѣе. Хотя древнѣйшая римская конституція держалась принципа абсолютнаго исключенія и полнѣйшей безправности иностранцевъ, но торговые интересы и безопасность государства въ виду постоянно толпившихся на его территоріи чужеземныхъ полчищъ, заставляли постепенно ослаблять дѣйствіе упомянутаго принципа. Давая иностранцамъ судъ и извѣстныя права, Римъ въ то же время постепенно создавалъ для нихъ *jus gentium*, «право общее всѣмъ націямъ», систему, составленную изъ законовъ и юридическихъ обычаевъ, общихъ разнымъ народамъ, въ особенности племенамъ Италіи. Когда же въ Италію проникла греческая философія, когда она распространила здѣсь теорію естественнаго права или закона, которому всѣхъ людей научаетъ природа, когда основнымъ правиломъ морали лучшаго общественнаго слоя сдѣлалась «жизнь согласная съ природою», когда на римскихъ юристовъ начали сильно вліять гуманныя доктрины стоиковъ, тогда право народовъ, *jus gentium*, подвергшееся вліянію упомянутыхъ греческихъ теорій, было возведено на степень кодекса естественнаго права, на степень идеала, къ осуществленію котораго должна была постепенно стремиться строгая римская юриспруденція.

Подъ вліяніемъ этого новаго направленія, институтъ семейства постепенно измѣнялась къ лучшему и власть общественнаго форума постепенно ограничивала права деспотовъ, возсѣдавшихъ у каждаго домашняго очага. Еще въ то время, когда отеческая власть была въ полной силѣ, государство не допускало ее преслѣдовать сына въ отношеніяхъ публичнаго права. Отецъ и сынъ могли вмѣстѣ вотиловать, служить наравнѣ въ арміи, сынъ въ качествѣ генерала могъ даже командовать отцомъ, а въ качествѣ судьи рѣшать его дѣла и навазывать его за преступленія. Во всѣхъ же отношеніяхъ частнаго права, отецъ былъ безконтрольнымъ

владыкою дѣтей. Когда извѣстный трибунъ Спурій Кассій, державшійся интересовъ народа и установившій аграрные законы, сложилъ съ себя свою должность, то отецъ его, мстя за патриціатъ демократу сыну, казнилъ его смертию у подножія домашняго алтаря. Государство, конечно, не могло терпѣть подобнаго произвола и наконецъ признало отца, пользующагося надъ своими дѣтьми древнимъ правомъ жизни и смерти, однимъ изъ самыхъ страшныхъ уголовныхъ преступниковъ. вмѣстѣ съ этимъ, отцы были лишены права продавать своихъ дѣтей, безконтрольно подвергать ихъ тѣлесному наказанію, даже усыновлять чужихъ дѣтей безъ согласія послѣднихъ. Но эти перемены совершились уже въ эпоху разложенія римской общественной жизни, подъ вліяніемъ смягчающей греческой цивилизаціи. Постоянныя войны римлянъ, торговныя путешествія, управление провинціями, требовавшее множества чиновниковъ, колонизація покоренныхъ земель солдатами—все это сильно вліяло на разложеніе семейства и умножало число лицъ, достигавшихъ такимъ путемъ фактической эманципаціи отъ отеческой власти. Вскорѣ послѣ этого уничтожена абсолютная власть отца надъ собственностью дѣтей, полученною ими въ наслѣдство отъ матери и наконецъ за отцомъ было оставлено только право пожизненнаго пользованія всѣми другими видами собственности его дѣтей. Наслѣдственное право также подверглось значительнымъ переменамъ; отецъ лишень власти обезнаслѣдовать своихъ законныхъ наслѣдниковъ; преторъ, на основаніи своихъ принциповъ справедливости, допускалъ къ наслѣдству многихъ лицъ, которыя не допускались къ нему прежнимъ агнатическимъ правомъ; если завѣщатель обходилъ или обдѣлялъ извѣстныхъ близкихъ родственниковъ, то государство, въ интересѣ послѣднихъ, признавало недействительнымъ и самое завѣщаніе, и т. д. Въ древнѣйшую эпоху отецъ женилъ сына, отдавалъ замужъ дочь, расторгалъ браки своихъ дѣтей, но позднѣе его права въ этомъ отношеніи были ограничены только согласіемъ или несогласіемъ на женитьбу сына и замужество дочери. Правда, что этимъ отеческая власть мало была стѣснена въ своемъ произволѣ, а дѣти не очень много выигрывали отъ такого ея ограниченія, потому что необходимость родительскаго согласія какъ у другихъ народовъ, такъ и въ Римѣ, имѣла почти такое же стѣснительное вліяніе на развитіе свободныхъ браковъ, какъ и безконтрольное распоряженіе ими домовладыкъ. Но хотя римляне и не успѣли вычеркнуть этого правила изъ своего кодекса, все-таки его сила постепенно ослабѣвала по мѣрѣ смягченія обще-

ственныхъ нравовъ, по мѣрѣ того, какъ духъ личной свободы измѣнялъ разные отдѣлы брачнаго права и потрясалъ ветхое зданіе арханческаго семейства.

Такимъ образомъ, чловѣческая личность при помощи государства разбивала стѣснявшія ее семейныя оковы и римское общество мало-по-малу шло къ тому, чтобы изъ союза семей превратиться въ союзъ индивидуумовъ. Женщина не мало содѣйствовала этому соціальному движенію и въ то же время находила въ немъ важную опору для своей эманципаціи.

С. Шапковъ.

(Продолженіе будетъ.)

ЗА РАБОТОЙ.

Чуть теплится предъ образомъ лампада,
Запльившая свѣча едва горить,
Спать старики... Ты сну была бы рада,—
Въ твоихъ глазахъ давно уже рябитъ;
Но, грудь согнувъ надъ снѣжною работою,
Позывъ ко сну должна ты превозмочь
И, полная истомы и заботы,
Ты проведешь бессонно эту ночь.
Не въ первый разъ, но, можетъ быть, въ послѣдній
Ты просидишь до утреннихъ лучей,
Когда начнутъ предъ раннею обѣдней
Колокола гудѣть со всѣхъ церквей...
Ты такъ блѣдна, ты кашляешь такъ глухо,
Что, кажется, настанетъ скоро часъ,
Когда найдутъ отецъ и мать-старуха
Не дочь, а трупъ, по утру пробудясь.
Припавъ къ нему сѣдыми головами,
Смочивъ его потокомъ слезъ своихъ,
Они начнутъ святыми именами
Звать къ жизни дочь,—ты не услышишь ихъ...
И старики очнутся въ страхъ оба
Безъ силъ, безъ средствъ хоть мѣдный грошъ добыть,
Чтобъ шесть досокъ некрашеннаго гроба
И влокъ земли кладбищенской купить.
И въ первый разъ пойдутъ они съ сумою,
Ненужные на свѣтъ никому,
Падутъ безъ силъ на камни предъ толпою
И попадутъ въ больницу или въ тюрьму.

Въ предсмертный часъ несчастныхъ мысль встревожить,
Что, загубивъ для нихъ свои мечты,
И красоту и молодость, быть можетъ,
За жизнь свою ихъ проклинала ты....

Но ты дрожишь,—дрожишь за ихъ невзгоды
И, забывъ страданія свои,
Ты хочешь жить и мѣсяцы и годы
И прежній крестъ безропотно нести;
Ты шьешь быстрѣй, собравъ остатокъ силы...
Но Боже мой! вѣдь каждый твой стежекъ
Есть новый шагъ къ дверямъ нѣмой могилы
И этотъ путь тяжелый недалекъ...

А. Ш.

ПѢШІЙ КОННОМУ—НЕ ТОВАРИЩЪ.

РОМАНЪ

въ пяти частяхъ.

ГЕРМАНА ШМИДТА.

V.

Охота.

Начинало сильно смеркаться, хотя было всего четыре часа. Впродолженіе цѣлаго дня небо было покрыто сѣрыми тучами, что дѣлало день еще пасмурнѣе. Снѣгъ, непадавшій уже нѣсколько дней, повалилъ хлопьями и совершенно занесъ дороги и улицы. Гдѣ вѣтеръ встрѣчалъ какое нибудь препятствіе, тамъ онъ наметалъ цѣлыя горы снѣга, по которымъ съ большимъ трудомъ приходилось прокладывать дорогу.

Борясь съ этими препятствіями, ѣхала по открытой дорогѣ нарядная дорожная карета. Кучеръ видимо старался понукать лошадей, но тѣ были такъ утомлены, что едва двигались по глубокому рыхлому снѣгу. Вдругъ, на поворотѣ дороги, они остановились передъ небольшимъ сугробомъ, замеченнымъ со всѣхъ сторонъ. Кучеръ слѣзъ съ козелъ, чтобы осмотрѣть дорогу, но вскорѣ вернулся и подошелъ къ каретной дверцѣ. „Дальше не проѣхать,“ сказалъ онъ, отворяя ее немного: „До станціи не добраться. Дорога такъ занесена, что десяти человѣкамъ въ два часа не разместить ее. Да если мы и поѣдемъ, то скоро сдѣлается такъ темно, что зги

не будетъ видно. Мы рискуемъ завязнуть въ снѣгу, или вывалить-ся гдѣ нибудь въ ровъ, если вѣдемъ въ лѣсъ!“

— Такъ что же намъ дѣлать, отвѣчала изъ кареты Примитива.—Какъ ни неприятна подобная задержка, но все-таки дѣлать нечего—только гдѣ же мы переночуемъ?

— Да вотъ, ваша милость, взгляните тамъ на пригоркѣ, у опушки лѣса, стоитъ охотничій замокъ Адельговенъ. Хотя онъ необитаемъ, но управляющій пуститъ насъ переночевать. Туда, я думаю, мы успѣемъ добратся.

— Ну такъ поѣзжай, отвѣчала Примитива, — такъ и сдѣлаемъ.

Дрожа отъ холода, Примитива прижалась въ уголь кареты, рядомъ съ своей спутницей, и продолжала говорить:

— Я знаю жену управляющаго. Она была горничной моей покойной матери, и ходила за мною. Она съ удовольствіемъ приметъ насъ.

Въ это время кучеръ выводилъ лошадей и потомъ свернулъ круто на дорогу, гдѣ свѣжій слѣдъ показывалъ, что по дорогѣ только-что проѣхала карета. „Это чортъ знаетъ что такое! ворчалъ кучеръ въ заинѣвшую бороду, — если насъ кто нибудь опередилъ и занялъ мѣсто!“ Онъ сильно ударилъ по лошадямъ, почувшавшимъ скорую остановку, и потому поѣхавшимъ скорѣе. Вскорѣ пригорокъ у опушки лѣса сталъ обрисовываться яснѣе, точно также какъ башни и стѣны замка.

Замокъ этотъ былъ хорошо сохранившееся зданіе въ стилѣ рыцарскихъ временъ. Стоялъ онъ на пригоркѣ, и гордо смотрѣлъ съ своими башнями и выступами изъ-за высокихъ стѣнъ. Когда карета, проѣхавъ черезъ мостъ, вѣхала въ ворота, подъ низкимъ сводомъ, дворъ замка, освѣщенный фонарями, представлялъ чрезвычайно живописную картину.

Карета остановилась. Какой-то старикъ вышелъ изъ дома и помогъ Примитивѣ выйти изъ кареты, около которой уже стояла пожилая женщина съ фонаремъ въ рукѣ.

— Ахъ, ты, Господи! вдругъ вскричала женщина, разсмотрѣвъ Примитиву, — да это вы, фрейленъ фонъ-Фалькенгофъ? Да, это

точно вы! Ну думала ли я, что мнѣ будетъ сегодня такая радость!

— Это я, милая Гертруда, ласково отвѣчала Примитива.— Непогода помѣшала мнѣ ѣхать дальше, и такъ какъ я знала, что ты живешь тутъ, то и надѣялась, что ты мнѣ дашь приютъ въ эту непогодную ночь.

— Отъ всей души! вскричала добродушная старушка,—но войдите сначала въ комнату. Вѣдь тутъ вы можете страшно простудиться.

Примитива пошла за старухой въ комнату, устроенную въ воротахъ подъ аркой. Мужъ же ея помогаль между тѣмъ кучеру выпрягать лошадей, ставить ихъ въ конюшню и ввозить карету подъ навѣсъ.

Въ комнатѣ Гертруда снимала съ Примитивы дорожное платье.

— Пусти, ужъ я все сдѣлаю, говорила она горничной.—Вѣдь я все это умѣю, и такъ какъ барышня у меня въ домѣ, такъ я сдѣлаю все, что дѣлала столько лѣтъ. Ахъ ты Господи! п. одолжала она, раздѣвая Примитиву; — вѣдь надо же было случиться, чтобы вы пріѣхали къ намъ именно сегодня! Сегодня, когда у меня во всемъ замкѣ уголочка не осталось, чтобы помѣстить васъ прилично!

— Какъ такъ? съ удивленіемъ спросила Примитива. — Развѣ въ замкѣ живутъ?

— Ни души человѣческой, сказала Гертруда, вытерѣвъ пыль со стула, куда сѣла Примитива. — Только раза два въ году видимъ мы иныхъ гостей, кромѣ совъ и воронъ, но завтра, видите ли, у насъ большая охота. Господинъ баронъ приглашалъ кучу гостей изъ сосѣдей, да и изъ столичныхъ. Для гостей этихъ мы уже нѣсколько дней все убираемъ, да готовимъ. Многіе изъ нихъ общали пріѣхать еще сегодня, и кушать будутъ въ маленькой оружейной залѣ. Но теперь пріѣхалъ только одинъ старикъ. Когда вы подъѣхали, мы думали, что это кто нибудь изъ приглашенныхъ на охоту.

— Мнѣ очень жаль, сказала Примитива, — если я надѣлала тебѣ хлопотъ; но такъ какъ ужъ я тутъ, то пожалуйста какъ ни-

будь пристрой меня. Но при этомъ постарайся, чтобы присутствіе мое тутъ осталось неизвѣстнымъ, я хочу быть только твоей гостью, и не хочу быть лишней. И ты тоже не показывайся, продолжала она, обращаясь къ своей горничной,—во всякомъ случаѣ не называй моего имени, да скажи это и кучеру.

— Ну объ этомъ не беспокойтесь! вскричала Гертруда.—Карета и лошади не могутъ броситься въ глаза между другими, а старика своего ужъ я научу. Относительно же ночлега не беспокойтесь, я положу васъ наверху въ нашу хорошую комнату, гдѣ стоитъ свадебная постель нашей Лизы, то есть свадебная постель, если Лиза когда нибудь выйдетъ замужъ. Теперь же она живетъ въ услуженіи въ городѣ. На этой постели еще не спалъ никто и въ ней-то вы уснете, какъ новорожденное дитя. Надо, чтобы все было такъ, какъ будто вы пріѣхали домой; вѣдь я знаю всѣ ваши привычки. Сегодня вы ужъ можете сердиться на меня, милая, прибавила она, обращаясь къ горничной, — но сегодня я сдѣлаю все за васъ и никому не уступлю этого, вѣдь я долго жила у фрейленъ и, можетъ быть, жила бы до сихъ поръ, если бы ей не надо было ѣхать въ городъ ко двору!

— Или, смѣясь, договорила Примитива,—если бы твой старикъ не увезъ тебя и не сдѣлалъ управительницей.

— Пожалуй, что вы и правы, проговорила довольная старуха,—но кто знаетъ, что бы было, если бы... да вотъ и старикъ!.. Ну, вскричала она вошедшему, — поздоровайся-ка сначала съ барышней; вотъ это и есть та самая добрая, милая барышня, о которой я тебѣ такъ часто говорила! Господи! какъ времена-то перемѣнчивы! Я точно вотъ сейчасъ вижу ее ребенкомъ, не выше этого стола, и какъ она бѣгаетъ съ мальчикомъ по лѣсу и по лугамъ. Помните, баринъ всегда говорилъ, что велить вамъ спать штаны. Что онъ, милый, подѣлываетъ? какъ онъ поживаетъ?

— Да, онъ здоровъ, отвѣчала Примитива.—Я ѣду къ нему. Онъ непремѣнно хотѣлъ поскорѣе видѣть меня, что и заставило меня выѣхать, несмотря на непогоду.

— Ну, все равно, за то завтра пріѣдете пораньше, вскричала Гертруда; но вдругъ замолчала, какъ человекъ, испугавшійся ка-

кой-то непріятной мысли.—Ахъ ты Господи! прибавила она,—я болтаю, да болтаю, вовсе не думая, что барышня вѣрно хочетъ и ѣсть и пить. Впрочемъ ужинъ будетъ готовъ раньше, чѣмъ вы успѣете вымыться.

Старуха выбѣжала, несмотря на протестъ Примитивы, старикъ тоже вышелъ за ней, такъ какъ звонокъ у воротъ возвѣстилъ о пріѣздѣ новыхъ гостей.

Въ ворота вѣхали сани, запряженные парю взымленныхъ лошадей. Въ саняхъ сидѣлъ генералъ Бауэръ и оба Шроффенштейна. Управляющій доложилъ имъ, что какой-то господинъ уже пріѣхалъ и ждетъ ихъ въ столовой. Потомъ онъ повелъ ихъ по узкой, витой каменной лѣстницѣ, гдѣ ихъ встрѣтилъ лакей и провелъ въ небольшую залу, убранную всевозможнымъ стариннымъ оружіемъ.

Овербергенъ, стоявшій у одного изъ оконъ, улыбаясь, встрѣтилъ новопріѣзжихъ.

— Добро пожаловать, господа! всеричалъ онъ.—Какъ хорошо, что и вы пріѣхали до назначеннаго часа и прервали мое уединеніе. Въ пріѣздѣ обоихъ графовъ, сказалъ онъ, обращаясь къ генералу,—я не былъ вполне увѣренъ; но вашъ пріѣздъ, генералъ, доказываетъ мнѣ, что наше дѣло пріобрѣло новаго хорошаго бойца.

— И да, и нѣтъ, коротко отвѣчалъ генералъ, вѣжливо раскланиваясь,—вы вѣрно простите старому солдату, что онъ не скроетъ своего мнѣнія, а выскажетъ его прямо. Задача моя состоитъ въ томъ, чтобъ на небѣ былъ одинъ Господь и на землѣ была единая глава, а такъ какъ новое правительство вмѣсто одной главы хочетъ сдѣлать много, что совсѣмъ не по мнѣ, то я принадлежу къ вашей партіи и могу отвѣтить вамъ утвердительно. Что же касается до благочестивой поповщины, о которой вы такъ сильно хлопочете, то мнѣ нѣтъ до нея никакого дѣла и въ этомъ случаѣ я долженъ отвѣтить вамъ отрицательно.

— То есть? съ удивленіемъ спросилъ Овербергенъ, пристально смотря на говорившаго.

— То есть, на войнѣ часто случается, что вступаешь въ союзъ, въ которомъ не можешь удержаться. Наши выгоды случайно идутъ по одной дорогѣ, слѣдовательно я ничего не могу имѣть

противъ того, чтобы мы шли нѣкоторое время вмѣстѣ и помогали другъ другу, насколько возможно! Потому же, такъ какъ я знаю, чего вы добиваетесь, намъ нечего дѣлать другъ съ другомъ.

— Я понимаю васъ, отвѣчалъ Овербергенъ, замѣтно успокоенный,—я далекъ отъ того, чтобы упрекать васъ въ откровенности, но скорѣе благодарю васъ за нее. Она показываетъ мнѣ, какъ въ сущности близки наши съ вами стремленія. Вы дѣйствуете въ пользу одной главы на землѣ, а мы одной главы на небѣ, которую тоже хотятъ замѣнить множествомъ вновь избранныхъ божковъ. Слѣдовательно въ основаніи у насъ одинъ и тотъ же духъ, а все остальное не должно насъ разъединять.

Генералъ кивнулъ головой и занялся разсматриваніемъ оружія, развѣшеннаго по стѣнамъ.

— Мы такъ удивлены, началъ Шроффенштейнъ, обращаясь къ Овербергену, — какъ только можно быть удивленнымъ, ни я, ни сынъ мой не подозрѣвали въ приглашеніи барона Адельговена на охоту, ничего кромѣ простого приглашенія. Еслибъ мы знали то, что мы узнали дорогою отъ генерала, а именно въ чемъ тутъ дѣло, то мы съ сыномъ вѣроятно...

— Все не пріѣхали бы? спросилъ Овербергенъ, и на устахъ его показалась улыбка презрѣнія.— Развѣ я не знаю вашихъ взглядовъ? Развѣ я не знаю, какъ вамъ важно пріобрѣсти опять потерянную власть? И, наконецъ, чѣмъ вы рискуете? Предположенная охота въ это время года въ помѣстьяхъ такого извѣстнаго охотника, какъ баронъ Адельговенъ, можетъ всегда служить предлогомъ собраться здѣсь всѣмъ единомышленникамъ, не возбуждая подозрѣнія. Поэтому намъ лучше обоймъ снять маски, ни къ чему теперь не нужны. Вы уже знаете, чего я хочу и потому перестаньте играть передо мной роль.

— Я право не знаю, вскричалъ Шроффенштейнъ, смущенный поведеніемъ Овербергена.— Какъ вамъ приходитъ въ голову, сударь, говорить подобныя вещи съ такой увѣренностью! Планъ вашъ обратить страну въ католицизмъ...

— Кто говоритъ объ этомъ. Неужели мнѣ надо объяснять вамъ, въ чемъ тутъ въ сущности дѣло? Новую форму правленія этой

страны предполагается уничтожить, коренной законъ, которымъ хотѣть ее установить, предполагается устранить вмѣстѣ съ изобрѣтателемъ его... Вотъ и все! Моя святая церковь принимаетъ тутъ участіе потому, что перемены эти касаются духа единства, которымъ она проникнута. Поэтому церковь предлагаетъ свои средства тѣмъ, кто дѣйствуетъ въ этомъ похвальномъ дѣлѣ. Если за эту помощь она выговариваетъ себѣ небольшія условія, то развѣ тутъ есть что нибудь дурное? Или развѣ дурно требовать возврата правъ, которыя обстоятельства отняли у церкви на нѣкоторое время?

— Тутъ дѣло идетъ не объ отдѣльномъ правѣ или правахъ, съ жаромъ вмѣшался молодой Шроффенштейнъ,—а въ томъ, что римская церковь должна сдѣлаться господствующей.

— А если большинство народа или, по крайней мѣрѣ, самая важная часть его сами собою склоняются къ ней? Развѣ въ такомъ случаѣ то, что вы говорите, не было бы естественнымъ слѣдствіемъ? Принципъ добраго стараго государственнаго права *Cujus regio, ejus religio* вамъ извѣстенъ; а что, если бы мы были въ состояніи обернуть этотъ принципъ?

Оба Шроффенштейна вздрогнули.

— Вы, конечно, не хотите этимъ сказать, будто герцогъ... сказалъ отецъ.

— Пока я ничего болѣе не скажу, отвѣчалъ Овербергенъ,—кромя того, что мы приобрѣли покровительство одной очень высокопоставленной особы.

— Высокопоставленной особы? прошепталъ смущенный отецъ.

— А хоть бы и такъ, сударь! вскричалъ сынъ.—Родъ Шроффенштейновъ испоконъ-вѣку пользовался славою принадлежать къ сторонникамъ чистаго ученія. Никогда онъ...

— Родъ Шроффенштейновъ ничего не сдѣлаетъ противъ насъ, отвѣчалъ Овербергенъ, съ спокойною увѣренностью.—У меня въ этомъ есть ручательство, которое меня не обманетъ. Но объ этомъ потомъ! Вотъ ѣдутъ новые гости. Скоро я буду имѣть честь подробнѣе объяснить съ вами.

Онъ вѣжливо раскланялся и ушелъ. Шроффенштейны съ удивленіемъ смотрѣли другъ на друга.

— Что ты на это скажешь? съ удивленіемъ вскричалъ отецъ.

— Я скажу, отвѣчалъ сынъ, — что это какой-то безстыдникъ, котораго я накажу! Онъ такъ ведетъ себя, точно будто мы сидимъ у него въ карманѣ и онъ можетъ нами распорядиться!

— Кажется, что такъ! отвѣчалъ печально первый, тогда какъ Клеменць продолжалъ, все болѣе и болѣе горячася:

— Этотъ черный господинъ ошибется, думая, что мы можемъ отказаться отъ своей самостоятельности. Я покажу ему, что онъ ошибается въ расчетахъ.

Со двора между тѣмъ слышались звоногъ и топотъ лошадей. Это пріѣхалъ хозяинъ замка, молодой баронъ Адельговень, съ нѣкоторыми сосѣдними помѣщиками. Они шумно поднялись по лѣстницѣ въ залъ.

— Ты можешь говорить все, что тебѣ угодно, Ферингъ, смѣясь вскричалъ Адельговень, — но я выигралъ; моя Лидди перебѣжала твою Миру на полголовы. А, здравствуйте, господа, продолжалъ онъ, обращаясь къ гостямъ. — Очень радъ васъ видѣть. Кажется, вѣтеръ утихаетъ и къ завтрашнему дню будетъ великолѣпная погода для охоты. Ну намъ надо торопиться пользоваться своими правами, потому что когда право на охоту прекратится, мужики позаботятся очень скоро, чтобы намъ ничего не осталось!

Въ то время, какъ гости здоровались между собою, Адельговень подошелъ къ Клеменцу.

— И ты ужь тутъ? сказалъ онъ. — Ну развѣ я не блистательно оплачиваю тебѣ за балъ въ ратушѣ? Развѣ не на славную охоту пригласилъ я тебя?

— Но я не очень благодаренъ тебѣ, отвѣчалъ Клеменць. — Не мѣшало бы тебѣ хоть намекнуть мнѣ, что подразумевалось подъ этой охотой!

— Къ чему? Этимъ все можно было испортить, въ такихъ дѣлахъ надо быть осторожнымъ. Видишь, какъ я практиченъ. Кромѣ того вѣдь я знаю твои убѣжденія, знаю, что ты не отстанешь, когда дѣло идетъ о дворянствѣ и его правахъ. Но, вообрази себѣ, вдругъ сказалъ онъ, — мы въ часъ доѣхали сюда отъ Керрингена?

Стоило бы тебѣ посмотрѣть на мою Лидди, чудное животное! Вотъ завтра полюбишься на нее.

Новоприбывшіе гости прервали этотъ разговоръ, потому что барону, какъ хозяину замка, надо было здороваться съ ними. Всѣ гости принадлежали къ сосѣднему дворянству или къ столичному. Общество состояло человѣкъ изъ двадцати. Адельговень, увидавъ, что всѣ собрались, велѣлъ подавать кушать.

— Ну, садитесь, господа, за столъ, вскричалъ онъ, —мы всѣ на лицо. Наберитесь-ка силы и огня для охоты, какъ вы думаете?

Всѣ, смѣясь, сѣли безъ разбора по мѣстамъ. Ужинъ барона нашли превосходнымъ, вина—тончайшими, и вскорѣ разговоръ сталъ и громокъ, и веселъ. Если бы кто нибудь явился туда случайно, то навѣрное не подумалъ бы объ этомъ обществѣ ничего другого, кромѣ того, что это сборище страстныхъ охотниковъ. Уже довольно поздно начали вставать изъ-за стола, Часть гостей ходила по залѣ, часть стояла кучками и часть осталась за столомъ. Но никто не помышлялъ, вѣжеству, идти на отдыхъ и, напротивъ того, многіе какъ-то вопросительно поглядывали на Адельговена, какъ будто спрашивая, когда же, наконецъ, будетъ приступлено къ главной цѣли собранія. Какъ будто случайно Адельговень подошелъ къ Овербергену, стоявшему у окна и, повидимому, равнодушно смотрѣвшему въ залу: „Ну, какъ же? шепнулъ онъ ему. — Пойдемъ туда?“

— Подождите еще немного, отвѣчалъ Овербергенъ. —Позвольте, и скажу еще нѣсколько словъ съ графомъ!

И онъ пошелъ къ Шроффенштейну.

— Миѣ еще надо исполнить обѣщаніе и сообщить вамъ о пропавшихъ у васъ бумагахъ, сказалъ онъ ему.—Хотите выслушать меня, и позовите для этого вашего сына? Можетъ и для него не бесполезно будетъ знать все дѣло. Мы пройдемъ вотъ въ этотъ кабинетъ.

— Теперь? съ смущеніемъ спросилъ графъ.—Къ чему же такія предосторожности, развѣ мы не можемъ поговорить здѣсь? Но если вы полагаете... онъ остановился, прочтя приказаніе во взорахъ Овербергена.

Графъ позвалъ сына, и они всѣ трое вошли, не говоря болѣе ни слова и незамѣченные никѣмъ, въ сосѣдную комнату.

— Итакъ, господа, началъ Овербергенъ,—я чувствую себя чрезвычайно счастливымъ, что могу сообщить вамъ нѣчто о драгоценныхъ фамильныхъ бумагахъ, что вѣроятно будетъ вамъ очень пріятно! Бумаги, продолжалъ онъ, видя, что оба графа съ нетерпѣніемъ ждутъ его словъ—найлены, и онѣ у меня въ рукахъ!

— Такъ? Да какъ это вамъ удалось добратся до нихъ? отвѣчалъ Клеменць нѣсколько колко въ то время, какъ отецъ поблѣднѣлъ, какъ полотно, и видимо растерялся.

Клеменць не замѣтилъ, что сдѣлалось съ отцомъ, отъ Овербергена же, неспускавшаго съ него глазъ, напротивъ того, не укринлось подергиваніе его лица.

— Это въ сущности нейдетъ къ дѣлу, сказалъ Овербергенъ;—но и не мѣшаетъ ему. Воры сознались въ воровствѣ на исповѣди у одного изъ моихъ друзей, и получили приказаніе возратить украденные предметы. Миѣ поручено отдать ихъ настоящему ихъ владѣльцу!

— Какъ я обязанъ вамъ! проговорилъ графъ съ улыбкой, сильно противорѣчившей съ его страшнымъ замيرانіемъ сердца.— А гдѣ же бумаги? Когда могу я ихъ...

— Скажите-ка миѣ, графъ, началъ Овербергенъ, какъ будто вовсе не слыхалъ тяжелаго вопроса,—вы только-что высказали замѣчаніе, что родъ Шроффенштейновъ всегда былъ въ числѣ сторонниковъ чистаго ученія, какъ вы назвали его.

— Да. Но отчего вы заговорили теперь объ этомъ? спросилъ Клеменць.

— Да такъ изъ простаго любопытства! вскричалъ Овербергенъ.— Миѣ казалось, будто я слышалъ, что родъ вашъ состоялъ прежде—кажется, во время тридцатилѣтней войны—изъ двухъ линій, изъ которыхъ одна осталась вѣрна старой церкви?

— Да, это было такъ, сказалъ старый графъ.—Но все-таки, я не понимаю, какое это имѣетъ отношеніе къ бумагамъ?

— Пожалуйста, не будьте такъ нетерпѣливы, скромно отвѣчалъ Овербергенъ;—меня это дѣло интересуетъ болѣе, чѣмъ вы думаете. И эта другая линія, кажется...

— Вымерла, отвѣчалъ Клеменць.—Судя по родословному дереву, было два брата. Одинъ изъ нихъ Клеменць, родоначальникъ нашей линіи, а другой умеръ бездѣтнымъ.

— Такъ! подтвердилъ Овербергенъ.—Его звали Трауготтомъ и онъ былъ императорскимъ полковникомъ въ Нидерландахъ,—не такъ ли? И такъ какъ послѣ него не осталось наслѣдниковъ, то всѣ богатя помѣстья его достались другой линіи, то есть вашей, господа?

— Такъ, рѣзко отвѣчалъ Клеменць.—Ну, удовлетворено ли ваше любопытство?

— О, вполне, вполне, продолжалъ Овербергенъ, лицо котораго принимало все болѣе и болѣе насмѣшливое выраженіе.—Только я не могу скрыть своего удивленія, что братъ зѣоть, который, сколько мнѣ извѣстно, былъ смертельнымъ врагомъ другого изъ-за религіи, оставилъ ему все свое состояніе, и не предоставилъ всего своимъ единовѣрцамъ посредствомъ завѣщанія.

— Къ счастью, ему не пришла въ голову такая глупость, подсмѣялся Клеменць.

Отецъ же его молча вытеръ холодный потъ съ лица: слово завѣщаніе кольнуло его точно кинжаломъ въ сердце и заставило догадаться, къ чему шель весь этотъ разговоръ.

— Гм... замѣтилъ Овербергенъ;—тѣмъ болѣе это странно, что я началъ пересматривать, изъ весьма простительнаго любопытства, украденныя у васъ бумаги, открылъ въ нихъ, къ немалому своему удивленію, совершенно законное завѣщаніе полковника графа Трауготта фонъ-Шроффенштейна.

— Завѣщаніе? вскричалъ пораженный Клеменць.

— Странно, шепталъ уничтоженный отецъ.—Это, дѣйствительно, очень странно!

— Какъ я говорю вамъ, снова заговорилъ Овербергенъ,—совершенно законное, засвидѣтельствованное нотаріусомъ завѣщаніе, и что всего страннѣе, завѣщаніе, которымъ онъ предоставляетъ монастырю Святого Руперта—вамъ это, конечно, извѣстно? — все свое состояніе.

— Это, сударь, неправда! вскричалъ Клеменць, и лицо его то

ВСПЫХИВАЛО ОТЪ НЕГОДОВАНІЯ, ТО БЛѢДНѢЛО ОТЪ УЖАСА.—ЭТО ПОПОВСКАЯ ВЫДУМКА! ЕСЛИ БЫ ПОДОБНОЕ ЗАВѢЩАНІЕ СУЩЕСТВОВАЛО, МОНАСТЫРЬ ДАВНО НАПОМНИЛЪ БЫ ОБЪ НЕМЪ!

— Вы забываете, замѣтилъ Овербергенъ,—что оно не было у него въ рукахъ. Монастырь, конечно, зналъ о существованіи его, и подозрѣвалъ, у кого оно находилось, но вы понимаете, что этого всего было недостаточно, чтобы увѣренно начать дѣйствовать. Теперь, конечно, когда случай, когда само Провидѣніе отдало эти документы намъ въ руки, теперь, конечно, это будетъ дѣло другого рода. Я тоже, господа, совершенно увѣренъ въ вашей честности, что вы теперь, зная, что состояніе вамъ не принадлежитъ, не оставите его у себя.

— Да, говорите же что нибудь, папа, вскричалъ Клеменць, дрожа отъ волненія.—Вѣдь вы должны же знать, какія бумаги были украдены и былъ ли между ними такой документъ, и если таковой существовалъ, то можно ли было дѣйствовать такъ глупо и хранить его, какъ какой нибудь кладъ.

— Вмѣсто того, чтобы уничтожить его, хотите вы сказать, перебилъ его Овербергенъ.—Ахъ, не порицайте, что онъ былъ оставленъ. Это лучшее доказательство честности вашего рода. Этимъ всегда оставлялась возможность настоящему владѣльцу пріобрѣсти отнятое у него достояніе. Вы видите, батюшка вашъ не отвѣчаетъ на вопросъ вашъ, продолжалъ онъ.—Вотъ по этимъ даннымъ вы не будете сомнѣваться въ словахъ моихъ.

Старый графъ безсознательно опустился на диванчикъ, стоявшій у стѣны, и былъ блѣднѣе мертвеца. Но послѣ послѣднихъ словъ и Клеменць тоже чуть не упалъ подлѣ него. Оба изображали картину отчаянія, на которую Овербергенъ смотрѣлъ съ улыбкой.

— Итакъ, мы раззорены! простоналъ отецъ раздирающимъ душу голосомъ.

— Мы нищѣ! въ отчаяніи проговорилъ Клеменць.

Овербергенъ еще нѣкоторое время полюбовался отчаяніемъ Шроффштейновъ, потомъ подошелъ къ нимъ и заговорилъ голосомъ, въ которомъ звучала прежняя кротость и искренность.

— Опомнитесь, господа! Вы, которые признаете такъ называе-

мое чистое ученіе, зная теперь силу нашей церкви, вы узнаете, какъ она привыкла дѣйствовать. Она признаетъ, что не вы похитили ея достояніе, но что похищенное вы получили отъ своихъ предковъ. Она не отказывается, что на вашей сторонѣ есть нѣкотораго рода историческое оправданіе и потому она предлагаетъ вамъ руку къ примиренію.

И отецъ и сынъ тяжело вздохнули и продолжали слушать.

— Продолжайте! вскричалъ первый.

— Вы получите обратно роковой документъ, продолжалъ Овербергенъ, — конечно не безъ условій. Во-первыхъ, вы должны обязаться не противиться стремленіямъ церкви въ этой странѣ, но, напротивъ, всѣми силами поддерживать ихъ. Конечно, это условіе вдвое важнѣе, если вы получите какиъ нибудь образомъ значительное мѣсто.

Онъ остановился, какъ будто въ ожиданіи отвѣта. Но такъ какъ его не послѣдовало, то онъ продолжалъ:

— Молчаніе ваше принимаю я за согласіе. Далѣе вы обязуетесь возвратить намъ часть похищеннаго имущества въ видѣ небольшого вознагражденія. Мы удовольствуемся замкомъ Дильгофомъ вмѣстѣ со всѣми его угодьями.

— Дильгофомъ! проговорилъ старый графъ. — Наше лучшее, доходнѣйшее имѣніе!

— Ну, сказала Клеменцъ, смѣясь отъ безсильнаго гнѣва, — такімъ небольшимъ вознагражденіемъ во всякомъ случаѣ можно удовольствоваться!

— Тутъ нѣтъ ничего вопіющаго, благочестиво сказалъ Овербергенъ. — Мудрено не удовольствоваться въ такомъ дѣлѣ, гдѣ берется часть, когда можно бы было взять все.

— Да, да, гнѣвно продолжалъ Клеменцъ, — намъ надо еще благодарить разбойниковъ за то, что они снимаютъ съ насъ платье и оставляютъ рубашку!— Это немногимъ лучше.

— Ну нѣтъ, любезно проговорилъ Овербергенъ. — Вы сдѣлали неудачное сравненіе, если тутъ можетъ быть рѣчь о разбоѣ, то вы конечно согласитесь, что не мы будемъ въ немъ обвинены.

— Но что же намъ дѣлать? снова вскричалъ Клеменцъ. —

Нищими, какъ вы насъ оставляете, мы едва можемъ существовать. **Д**а чортъ возьми, папа, да говорите же что нибудь! Должны ли мы соглашаться на эти условія? Неужели нѣтъ возможности избѣгнуть ихъ?

Отецъ пожалъ плечами, онъ точно окаменѣлъ и не могъ ни думать, ни говорить.

— Могу увѣрить васъ, продолжалъ за него Овербергенъ,—что у васъ нѣтъ такой возможности. При несомнѣнности документовъ процессъ можетъ кончиться только въ вашу невыгоду. Кромѣ того, вы должны имѣть въ виду, что владѣнія, о которыхъ по большей части идетъ дѣло, находятся всѣ въ сосѣднемъ государствѣ. Тамъ господствуетъ наша церковь и она легко можетъ устроить, чтобъ ее ввели во владѣніе. Поэтому не раздумывайте болѣе и примите это условіе. Мы принимаемъ Дильгофъ со всѣми его долгами, хотя прежде онъ былъ чистъ отъ нихъ. Новое доказательство нашей снисходительности. Дѣло совершится просто въ видѣ купчей. Оба вы, какъ единственные представители вашего рода, напишете мнѣ купчую. Послѣ этого вы подпишетесь, что получили плату, которую вы можете поставить, какую вамъ будетъ угодно. Когда вы вручите мнѣ купчую, вы обратно получите завѣщаніе со всѣми остальными бумагами.

— Дѣлать нечего! проговорилъ старый графъ.—Мы попали въ ловушку.

— Такъ вы согласны?—Хорошо, вскричалъ Овербергенъ.—Завтра вечеромъ, когда мы возвратимся въ городъ, сдѣлайте мнѣ честь отужинать со мной. Тогда мы быстро обдѣлаемъ все дѣло. А что бы вы видѣли, продолжалъ онъ, подходя еще ближе,—что я вашъ другъ и сожалею о потерѣ вашего состоянія, чему я способствовалъ по распоряженію высшихъ лицъ, я укажу вамъ, какъ пополнить этотъ пробѣлъ.

Оба вопросительно посмотрѣли на него.

— Женись, сказалъ онъ, обращаясь къ Клеменцу,—на богатой. Я могу вамъ указать на одну богатую наслѣдницу. Прежде родъ ихъ былъ нѣсколько бѣденъ, но наслѣдство, полученное послѣ дальняго родственника, совершенно поправило его. Эта невѣста по-

лучить въ приданое навѣрное съ полмилліона. Что вы скажете о фрейлинѣ герцогини, дѣвицѣ Примитивѣ фонъ-Фалькенгофѣ.

Клеменцъ, слушавшій съ напряженіемъ, гнѣвно вскричалъ при этомъ имени.

— Какъ смѣете вы, сударь, вскричалъ онъ.—Хоть мы и принуждены были позволить вамъ ограбить насъ, но тѣмъ не менѣе я не позволю вамъ шутить со мной.

— За кого вы меня принимаете? кротко спросилъ Овербергенъ.— Ужь не приходила ли вамъ самимъ эта мысль.

— Не представляйтесь, пожалуйста, сказалъ Клеменцъ.— Вы, безъ сомнѣнія, давно знаете, что я сватался на фрейлинѣ?

— И безуспѣшно.

— Во всякомъ случаѣ, началъ графъ,— фрейленъ была бы блестящей партіей, и при теперешнемъ нашемъ положеніи, какъ нельзя болѣе кстати. Но только эта особа съ весьма страннымъ взглядомъ на вещи, и до сихъ поръ сынъ мой не имѣлъ счастья...

— Ну этого нечего пугаться, снова началъ Овербергенъ.— Почему знать, можетъ теперь онъ будетъ счастливѣе въ своемъ сватовствѣ. Сердце женщины не камень, да и камень пробивается постоянно падающей каплей. Не изумляйтесь, молодой человекъ! Между нами будь сказано, бракъ этой дѣвушки былъ бы пріятенъ нѣкоторымъ лицамъ, потому что тогда она не будетъ около герцогини. Будьте увѣрены въ моихъ стараніяхъ и въ содѣйствіи ея высочества. Наши переговоры объ этомъ предметѣ ведутся, кромѣ того, при весьма счастливыхъ обстоятельствахъ. Вы, вѣроятно, не подозреваете, что фрейленъ сегодня здѣсь въ замкѣ?

— Фрейленъ Фалькенгофъ? спросилъ съ удивленіемъ Клеменцъ.

— Да, отвѣчалъ Овербергенъ.— Ваша неприступная дама съ полмилліономъ. Погода заставила ее искать убѣжища. Она остановилась внизу у управляющаго, жена котораго была ея кормилицей.

— Но откуда могли вы все это узнать? спросилъ старый графъ.

— Я, по обыкновенію своему, отвѣчалъ Овербергенъ,— пріѣзжаю нѣсколько ранѣе другихъ. Точно также и сегодня я пріѣхалъ сюда первымъ, видѣлъ, какъ пріѣхала фрейленъ и узналъ остальное изъ восторженныхъ возгласовъ управительницы. Пріимайте съ

пользой мою опытность, и, можетъ быть, вамъ поможетъ ваша счастливая звѣзда. Ну, а теперь намъ надо идти туда къ гостямъ.

— Подлый шпіонъ, пробормоталъ Клеменцъ, когда всѣ трое вошли въ залу. Овербергенъ вошелъ такъ равнодушно, какъ будто не произошло ровно ничего важнаго; старый графъ тоже почти пришелъ уже въ себя, и только одинъ Клеменцъ такъ кусалъ себѣ губы, что изъ нихъ текла кровь.

— Ну, господа, сказалъ Адельговенъ, замѣтивъ пришедшихъ и переглянувшись съ Овербергеномъ,—уже поздно! Если угодно, мы отправимся въ оружейную комнату, чтобы выбрать оружіе на завтрашній день!

Общество, зная очень хорошо, что это сигналъ для предполагаемаго тайнаго совѣщанія, изъявило готовность. Всѣ прошли черезъ небольшую дверь въ маленькій корридорчикъ, а изъ него въ такъ называемую оружейную комнату. Прислуга осталась въ залѣ убирать со стола.

Между тѣмъ Примитива поужинала въ комнатѣ управляющаго и выслушала не мало извиненій Гертруды, что ужинъ не довольно хорошъ. Вечеръ прошелъ въ различныхъ воспоминаніяхъ, и Примитивъ уже захотѣлось отдохнуть. По желанію ея, Гертруда повела ее въ верхній этажъ, гдѣ ей была приготовлена постель.

— Ужъ не взыщите, сказала Гертруда,—постельное бѣлье конечно не такое тонкое и хорошее, къ какому вы привыкли; но все-таки оно чистое, а перина набита хорошимъ пухомъ. Такихъ мягкихъ подушекъ не найти и при дворѣ!

Примитива поблагодарила за хлопоты и спросила о прежнемъ назначеніи этой комнаты, форма которой показалась ей странною. Одна стѣна, гдѣ стояла кровать, была довольно широка, обѣ же боковыя стѣны сходились тупымъ угломъ, заканчивавшимся большимъ шкафомъ, съ потолка до полу.

— Да, сказала болтливая старуха; — стѣна замка образуетъ тутъ уголь, вотъ почему недостало на комнату больше мѣста. Прежде тутъ и не было комнаты, и эту устроили для меня, чтобы было хоть какое нибудь мѣстечко прятать хорошія вещи. Прежде это было устроено для защиты. Тамъ вонъ, гдѣ стоитъ шкафъ,

былъ ходъ на галерею въ рыцарскую залу, гдѣ виситъ теперь оружіе. Но галерея стала валиться и ее уничтожили, а тутъ входъ задѣлали шкафомъ вмѣсто стѣны. Но вамъ не помѣшаютъ спать, фрейленъ! Хотя гости внизу и будутъ немного шумѣть, но изъ столовой сюда ничего не будетъ слышно, а въ оружейную сегодня никто не придетъ! Но я задерживаю васъ своей болтовней! Вы вѣрно устали и хотите спать и отъ ѣзды и отъ холода! Ну, такъ спокойной ночи, фрейленъ, спите хорошенько! А я еще не скоро усну отъ радости, что вы у меня ночуете!

Гертруда удалилась, не переставая говорить любезности, и оставила Примитиву одну, такъ какъ горничную свою она тоже отослала. Свиданіе съ старухой живо напомнило ей хорошее давно прошедшее время. Много радостныхъ дней припомнилось ей вмѣстѣ съ цѣлымъ рядомъ улыбающихся образовъ, и въ такомъ пріятномъ настроеніи духа, только-что хотѣла она потушить свѣчу, чтобы постараться и во снѣ повторить эти воспоминанія, какъ звуки различныхъ голосовъ обратили ея вниманіе и заставили прислушиваться. Казалось, они долетали изъ того мѣста, гдѣ стоялъ шкафъ. Она послушала минуты двѣ, но шумъ не преобразился. Съ быстрой рѣшимостью подошла она къ шкафу, изъ котораго шли звуки. Осторожно повернула торчавшій въ замкѣ ключъ, отворила обѣ половинки и отступила въ изумленіи. Такъ какъ звукъ не сдерживался болѣе довольно толстой дубовой дверью, то она могла слышать весь разговоръ, содержаніе котораго поразило ее еще болѣе, чѣмъ странный случай, сдѣлавшій ее свидѣтельницей. Звуки шли снизу, и напомнили Примитивѣ рассказъ Гертруды. Она поняла, что находилась въ томъ мѣстѣ, куда прежде выходила галерея рыцарской залы. Теперь отвертіе это было задѣлано досчатой стѣной, образовывавшей въ тоже время заднюю стѣнку шкафа, и въ щели которой просвѣчивалъ даже свѣтъ. Примитива стояла, притаивъ дыханіе.

— Это оскорбленіе нашихъ прежнихъ, законныхъ правъ! послышалось снизу. — Герцогъ этого не можетъ сдѣлать, это внѣ его власти!

— Къ несчастію, отвѣчалъ другой голосъ;—къ несчастію, онъ

кажется твердо увѣренъ въ противномъ. Онъ находится совершенно подъ вліяніемъ того человѣка, котораго онъ облекъ первымъ достоинствомъ въ государствѣ.

При звукѣ голоса Прimitivesа вздрогнула; голосъ былъ ей знакомъ, но вдругъ она не могла припомнить, гдѣ его слышала.

— Власть, какой пользуется этотъ человѣкъ надъ герцогомъ, вскричалъ первый голосъ, — удивительна! Правда ли это, что я слышалъ, будто онъ не позволилъ герцогу выстроить себѣ новаго дворца?

— Въ сущности это вѣрно, снова отвѣчалъ знакомый голосъ, — это вы можете мнѣ повѣрить. Герцогъ твердо рѣшился начать постройку и уже сговорился съ архитекторомъ; но послѣ разговора съ министромъ, онъ объявилъ, что отдумалъ строить. Архитекторъ уѣхалъ бы давно, если бы я не уговорилъ его остаться, такъ какъ онъ можетъ пригодиться намъ для нашихъ цѣлей.

— Неслыханно! вскричалъ голосъ. — И вы говорите, что недавно министръ уговорилъ герцога дать конституцію или органической законъ, которымъ утвердятся всѣ эти милыя нововведенія? Говорятъ, будто герцогиня-мать только въ послѣднюю минуту уговорила его остановиться, но что, судя по всему, законъ будетъ все-таки данъ?

— Да, все было такъ, отвѣчалъ знакомый голосъ; — я знаю это изъ устъ очевидца, оберкамендинера Кюндиха, котораго за подслушиванье отставили. Но вліяніе министра перевѣсило вліяніе герцогини. Конституція почти готова и, чтобы помѣшать обнаруженію ее, нельзя терять ни одного дня.

— Надо помѣшать! произнесло нѣсколько голосовъ. — Настоящій порядокъ вещей у насъ въ странѣ хорошъ. Всякое измѣненіе и нововведеніе послужатъ къ нашему вреду. Дворянство ни теперь и никогда не должно ни на волосъ уступать правъ своихъ.

— Да, эта конституція не должна являться! замѣтилъ кто-то. — Мы останемся господами и судьями въ нашихъ помѣстьяхъ, и хотимъ имѣть подданныхъ, а не быть сами подданными!

— Въ концѣ концовъ, чтобы крестьяне, которые теперь работаютъ на замки, смѣялись бы надъ нами, потому что тогда замки

наши' будутъ такими же крестьянскими домами, только каменными. Чтобы насъ не пускали въ лѣсъ, и говорили бы намъ: стой, это моя земля, я владѣю ей!—Чортъ возьми, вонъ виситъ оружіе и охотничьи принадлежности моихъ предковъ; всѣ они были-страстные охотники, они повернутся въ могилахъ, если я допущу, чтобы въ нашихъ владѣніяхъ какойнибудь мужикъ безнаказанно выстрѣлилъ.

Примитива совершенно вошла въ шкафъ изъ усилившагося любопытства и стала пытаться разсмотрѣть чтонибудь въ щель. Въ щель, однако, ничего не было видно, но ощупывая, она замѣтила, что кусочекъ дерева вертѣлся. Она повернула его, но этимъ задѣла за какой-то рыцарскій снарядъ, висѣвшій на стѣнѣ въ видѣ трофея, и тотъ съ шумомъ полетѣлъ въ залу, именно въ то время, какъ Адельговень оканчивалъ свою рѣчь. Примитива же могла въ образовавшуюся дырочку осмотрѣть всю залу, и увидѣла все общество, сидѣвшее вокругъ стола. Въ концѣ стола она увидѣла и узнала Овербергена и теперь поняла, почему голосъ ей показался такимъ знакомымъ. Передъ нимъ лежали бумаги. Она замѣтила тоже Блеменца и отца его, и увидѣла, что и все общество нѣсколько знакомо ей.

— Вотъ видите! вскричалъ Адельговень,—старики уже зашевелились и ловятъ меня на словѣ! Итакъ еще разъ, конституція не должна быть обнародована!

— Этого мало! вскричалъ другой собесѣдникъ;—и свобода совѣсти, и новое судопроизводство должны быть уничтожены! Славно было бы, если бы дворянину пришлось сидѣть на скамьѣ подсудимыхъ и быть судимому народомъ! Народъ долженъ остаться тѣмъ, чѣмъ онъ есть—народомъ! Довольно съ него, если онъ умѣетъ работать. Мыслить онъ долженъ предоставить другимъ, да и читать тоже! Народъ, которымъ хотятъ управлять, долженъ вѣрить, а не разсуждать. Свобода печати и совѣсти годятся для нашего брата. Впрочемъ я никогда не испыталъ еще необходимости ни въ той, ни въ другой. Читайте я то, что хочу, и вѣрю въ то, во что хочу вѣрить, и на это мнѣ не надо никакого позволенія.

— И такъ относительно перваго пункта мы согласны, начал Овербергенъ въ то время, какъ другіе различнымъ образомъ выражали свое согласіе. — Рѣшено, что должно совершиться; дальнѣйшій вопросъ заключается въ томъ, какъ оно должно совершиться?

— Да тутъ не можетъ быть болѣе вопроса, вскричалъ Адельговень, — министра надо удалить. Надо идти къ герцогу и представить ему все дѣло; ему не останется ничего другого, какъ уступить. Отъ васъ намъ извѣстно, что герцогиня-мать поддерживаетъ насъ, слѣдовательно скорѣе за дѣло! Рѣшительный толчокъ долженъ столкнуть временщика, а когда тотъ будетъ отстраненъ, все остальное сдѣлается само собою!

Общество выразило согласіе. Изъ присутствующихъ было выбрано нѣсколько человекъ, которые должны были пріѣхать черезъ нѣсколько дней въ столицу, потребовать аудіенціи у герцога и высказать ему свои желанія. Клеменць былъ въ числѣ избранныхъ.

— Ну а если, снова началъ Овербергенъ, — герцогъ не исполнить желанія и министръ останется — дѣло весьма возможное, и которое слѣдуетъ предвидѣть — что тогда, господа?

— Тогда надо принять другія, болѣе рѣшительныя мѣры! вскричалъ Адельговень.

— Какія же это рѣшительныя мѣры? осторожно спросилъ Овербергенъ.

Всѣ замолчали. Никто не осмѣливался произнести слово; открытое возстаніе, хотя мысленно болѣе или менѣе это дѣло было рѣшено.

— Позвольте мнѣ сначала высказать вамъ свое мнѣніе, снова началъ Овербергенъ. — Планъ, который всѣ вы одобрили, составленъ ея высочествомъ, герцогиней-матерью. Она была такъ милостива, что повѣрила мнѣ свои мысли, поручила выполнение ихъ; такимъ образомъ, такъ какъ случайности всѣ предвидѣны, я осмѣлюсь высказать вамъ ея мнѣніе. Герцогиня такъ проникнута высокимъ значеніемъ этого дѣла, что считаетъ необходимымъ рѣшиться на крайнія мѣры.

— То есть какія? спросили многіе изъ присутствующихъ.

— Если герцогъ откажетъ отставить министра и уничтожить реформы отвѣчалъ Овербергенъ,—то герцогиня намѣрена взять въ свои руки бразды правленія. Народу будетъ объявлено, что состояніе здоровья герцога требуетъ на нѣкоторое время отдаленія его отъ государственныхъ дѣлъ. Герцогъ же самъ будетъ находиться, въ нѣкоторомъ родѣ, подъ надзоромъ известное время, подъ предлогомъ поправленія здоровья. Когда же старая форма правленія будетъ восстановлена, то и съ министромъ будетъ поступлено какъ слѣдуетъ. Между тѣмъ всѣ посвященные должны стараться удержать народъ въ благонамѣренномъ настроеніи духа. Если же небольшая партія сдѣлаетъ попытку къ возстанію, то всѣ переговоры относительно вооруженнаго вмѣшательства сосѣдней державы, и безъ того заинтересованной въ престолонаслѣдіи и подавленіи беспорядковъ, уже окончены. Вотъ, сказалъ онъ, вставая и развертывая лежавшія передъ нимъ бумаги; — можете просмотрѣть всю переписку относительно этого предмета. Оправдайте довѣріе, какое выказываетъ вамъ ея высочество выраженіемъ своей готовности.

Слова Овербергена вызвали сильное волненіе. Всѣ просматривали бумаги и никто не прерывалъ молчанія.

— Ну хорошо же, началъ послѣ этого генераль Бауэръ.— Если дѣло не идетъ о формальномъ низверженіи герцога, моего государя, то я готовъ противъ воли его оказать ему услугу, хотя не совсѣмъ благовидную. Доложите ея высочеству о моей готовности.

— И о моей, вскричалъ Адельговень, и вслѣдъ за этимъ и другіе выразили тоже самое.

— Въ такомъ случаѣ, вы не откажетесь, снова началъ Овербергенъ,—дать въ руки герцогини доказательство вашей готовности. Вотъ бумага, продиктованная мнѣ самой герцогиней. Въ этой бумагѣ герцогиню просятъ, вслѣдствіе тяжелыхъ современныхъ обстоятельствъ, принять какія ей угодно средства къ спасенію отечества. Герцогиня ожидаетъ, что всѣ вы подпишете эту бумагу.

— Мнѣ кажется, сказалъ Адельговень, просмотрѣвъ вмѣстѣ съ

другими бумагу, — подписать это можно. Но, продолжалъ онъ, взявъ уже перо и вдругъ останавливаясь, — вѣдь мы даемъ вамъ въ руки доказательство, которое при какой нибудь случайности можетъ сдѣлаться для насъ крайне опаснымъ. Поэтому вы не примите за недоувѣріе съ нашей стороны, если мы постараемся о безопасности. Мнѣ кажется бумагу подписать можно, сказалъ онъ, обращаясь къ гостямъ, — но мы вручимъ ее кому нибудь изъ насъ, кто бы въ случаѣ нужды передалъ ее вмѣстѣ съ вами герцогинѣ.

Овербергенъ прикусилъ себѣ губы, но ничего не отвѣчалъ. Онъ видѣлъ, что возраженіе возбудитъ только противъ него подозрѣніе, и согласился съ удовольствіемъ вмѣстѣ со всѣми другими.

— Ну такъ подпишитесь, сказалъ снова Адельговенъ. — Капитанъ Шроффенштейнъ будетъ хранить бумагу, если угодно. Онъ живетъ въ столицѣ и слѣдовательно всегда на лицо, если понадобится бумага. Честное его слово будетъ намъ служить порукою, что онъ не отдастъ бумаги господину фонъ-Овербергену ранѣе, чѣмъ депутаціи будетъ отказано въ просьбѣ. Вы же, милостивый государь, продолжалъ онъ, обращаясь къ Овербергену, — отдайте и другія бумаги господину Шроффенштейну. Такимъ образомъ мы обоюдно обезопасимъ другъ друга.

Всѣ согласились и подписали, послѣ чего Клеменцъ получилъ бумагу. Овербергенъ, сладко улыбаясь, передалъ ему и остальные бумаги.

— Возьмите, господинъ графъ, сказалъ онъ. — Недоувѣріе не можетъ оскорбить меня, такъ какъ оно даетъ мнѣ случай убѣдиться въ особомъ довѣрїи, какимъ вы пользуетесь.

По предложенію Адельговена, для вида было выбрано посѣщенію оружіе для слѣдующей охоты и потому все общество вышло изъ залы.

При выходѣ, старый Шроффенштейнъ столкнулся съ Овербергеномъ.

— Вы улыбаетесь, сказалъ ему шепотомъ графъ, — какъ будто дѣло ваше уже удалось, а между тѣмъ все можетъ случиться, о чемъ говорили сегодня и вы все-таки не достигнете своей побочной цѣли. Вы забыли главнаго врага.

— Кого это?

— Сторонниковъ вѣры, которую вы намѣрены угнетать.

Овербергенъ засмѣялся.

— Знаете вы побасенку, какъ человекъ укротилъ лошадь? сказалъ онъ.— Лошадь воевала съ оленемъ. Охотникъ, тоже преслѣдовавшій оленя, предложилъ ей союзъ. Лошадь приняла союзъ, позволила охотнику сѣсть на себя и возила его пока олень не былъ убитъ. Врага своего она уничтожила, но за то лишилась свободы, потому что не могла болѣе отдѣлаться отъ всадника. Новыя свободныя общества — это олень. Остальные выводы можете сдѣлать сами.

Онъ раскланялся и вышелъ.

Въ оружейной залѣ давно уже стихло и стемнѣло, а Примитива едва только опомнилась и вышла изъ шкафа. Свѣча у ней почти вся догорѣла и едва мерцала. Состояніе ея души было мучительное! Что она слышала! Какого страшнаго заговора стала соучастницей! Ее охватилъ страхъ и отчаяніе. Она представила себѣ герцога въ позорномъ заточеніи у герцогини, управляемой властолюбивымъ іезуитомъ, потомъ представляла Фюрера передъ судомъ, осужденнаго за то, что онъ желалъ блага народу! Ей невыразимо жаль стало погибели надеждъ, на которыя она взирала съ наслажденіемъ, потомъ вдругъ представился весь ужасъ междуусобицы и бѣдствій страны. Она твердо рѣшилась во что бы то ни стало воспротивиться этому, но какъ это сдѣлать? Не ѣхать ли ей сейчасъ же въ городъ и не открыть ли все герцогу? Но повѣрить ли онъ ей безъ всякихъ доказательствъ. Не открыть ли ей заговоръ Фюреру? Но поможетъ ли ему это открытіе, если онъ встанетъ противъ такихъ могущественныхъ противниковъ безъ всякой защиты, кромѣ этого свѣденія? Мысли ея путались отъ волненія и напряженныхъ думъ и все-таки она не находила исхода!

Звуки трубъ вывели ее изъ этого состоянія. Это былъ сигналъ къ охотѣ, послѣ чего охотники съ шумомъ выѣхали изъ воротъ. Утро уже наступило, а Примитива еще не думала засыпать, хотя нѣсколько разъ ложилась въ постель и пыталась успокоиться. Утом-

ленная, встрѣтила она горничную, которая пришла доложить ей, что кучеръ запрегъ карету и готовъ къ отъѣзду, и что завтракъ уже поданъ. Примитива слушала и бессознательно дозволяла одѣвать себя.

За этимъ занятіемъ застала ихъ Гертруда. Она сначала поступалась въ дверь, а потомъ просунула голову не то съ любопытствомъ, не то съ смущеніемъ.

— Здравствуйте, фрейленъ! сказала она.— Можно войти! Надѣюсь, что вы хорошо спали подъ моей кровлей! А я вамъ привожу кое-кого съ ранняго утра? Гостя! право гостя!

— Кого же? съ удивленіемъ спросила Примитива.

— Онъ далъ мнѣ свою карточку, сказала Гертруда.— Онъ сказалъ, что знаетъ, что неловко такъ рано беспокоить васъ, но что ему необходимо говорить съ вами.

Примитива взяла карточку и прочла: Клеменць графъ фонъ-Шроффенштейнъ.

— Онъ! прошептала она.— Что ему надо? Откуда знаетъ онъ о моемъ присутствіи? Ну все равно, продолжала она, какъ будто сзаренная какою-то мыслью;—я повिдаюсь съ нимъ.

— Ну такъ я приведу этого господина внизъ въ комнату, сказала Гертруда,— и скажу ему, что вы туда придете.

Примитива кивнула головою. Черезъ нѣсколько минутъ она стояла передъ Клеменцомъ.

Черезъ часъ она, одѣтая въ дорожное платье, вышла изъ комнаты управляющаго подъ руку съ Клеменцомъ и сѣла въ подѣхавшую карету, сопровождаемая разными пожеланіями Гертруды. Она была страшно блѣдна, но лицо ея выражало несказанную кротость, какъ будто она была чѣмъ-то вдохновлена свыше.

Карета покатилась.

Клеменць воротился въ замокъ. На верху, на площадѣ лѣстницы, встрѣтилъ его отецъ, подъ предлогомъ нездоровья отказавшійся отъ охоты.

— Ну что? съ нетерпѣніемъ спросилъ онъ.

— Заказывайте свадебные пригласительные билеты, папа, отъ вѣчалъ Клеменць, сіяя удовольствіемъ. — Мы спасены!

Конецъ второго тома.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.

I.

П а к е т ь .

Было сѣренькое, туманное утро. Теплый южный вѣтеръ дулъ между горъ, окаймлявшихъ горизонтъ, и снѣгъ совершенно растаялъ въ нѣсколько дней. Размякшая почва высохла и на солнцѣ отъ нея поднимался паръ: однимъ словомъ, все предвѣщало раннюю весну.

Фридрихъ сидѣлъ за письменнымъ столомъ, когда Бенпо тихо постучался въ дверь и, получивъ позволеніе войти, вошелъ съ словами, что завтракъ готовъ и госпожа совѣтница въ столовой.

— Развѣ ужь такъ поздно? вскричалъ Фридрихъ, и вскочилъ, чтобы окончить свой туалетъ.

Бенпо сталъ помогать ему, во время одѣванья Фридрихъ почувствовалъ у себя на рукѣ горячую каплю. Онъ быстро взглянулъ на Бенпо и тутъ замѣтилъ, что тотъ былъ весь въ слезахъ.

— Что съ тобой, старикъ? ласково спросилъ Фридрихъ. — О чемъ ты плачешь?

— Простите меня, синьоръ, проговорилъ Бенпо, — я плачу потому, что служу вамъ сегодня въ послѣдній разъ. Это просто надрываетъ мое сердце, а все-таки... per Dio, Signore, какъ ни люблю я васъ — а иначе я не могу!

— Благодарю тебя за твою привязанность, отвѣчалъ Фридрихъ. — Если ты можъ рѣшиться ѣхать, то ужь покажи, что мо-

жешь и исполнить свое рѣшеніе. Поѣзжай къ себѣ на родину и порадуйся на нее. Если же тамъ не найдешь того, чего ожидаешь, то возвращайся, мѣсто твое у насъ въ домѣ не будетъ занято. Когда ѣдешь?

— Черезъ полчаса.

Бешпо рыдая простился съ Фридрихомъ и черезъ полчаса тихо вышелъ изъ дому.

Фридрихъ вошелъ къ матери, она весело поздоровалась съ нимъ и подвинулась на диванѣ, чтобы дать ему мѣсто подлѣ себя.

— Налить тебѣ кофе, спросила она,—или ты самъ нальешь?

— Налейте, матушка, вы, какъ всегда, улыбаясь отвѣчалъ Фридрихъ.—Ужь позаботьтесь обо мнѣ; заботы ваши мнѣ пріятны.

— Это очень мило съ твоей стороны, сказала польщенная совѣтница,—впрочемъ въ сущности это только моя обязанность. Руки, изъ которой тебѣ было бы пріятнѣе принимать чашку, чѣмъ изъ рукъ матери, тутъ нѣтъ, и мнѣ повѣолѣ надо играть роль хозяйки.

— А гдѣ же Ульрика? спросилъ Фридрихъ съ нѣкоторою грустью.—Спать еще?

— Не знаю, дитя, но думаю, что такъ. Сегодня ночью у меня опять болѣла лѣвая рука и я не спала и слышала, какъ она пріѣхала домой. Это было далеко за полночь, а ты знаешь, что недоспанное ночью надо доспать утромъ.

— Прошу васъ, матушка, вскричалъ Фридрихъ,—оставимъ этотъ разговоръ. Не портите мнѣ утра.

— Боже упаси! отвѣчала совѣтница,—но такъ какъ объ этомъ зашла рѣчь, то я хотѣла еще спросить тебя, говорилъ ли ты съ женой объ извѣстномъ предметѣ.

— Нѣтъ, отвѣчалъ съ неудовольствіемъ Фридрихъ.—Я откладываю все его, потому что, какъ сказалъ вамъ, предоставляю Ульригѣ время натѣшиться и опомниться.

— Такъ какъ я это знала, то тоже ничего не говорила. Но не слишкомъ ли долго придется тебѣ ждать?

Фридрихъ ничего не отвѣчалъ. Въ душѣ у него давно таилась

эта мысль, но онъ заглушалъ ее усиленнымъ трудомъ. Совѣтница долго, пристально смотрѣла на него, потомъ заговорила:

— Не огорчайся моими словами; ясно то, что жена твоя не пропустила слова мои мимо ушей. Я едва вѣрила себѣ, услыхавъ, какъ она рано пріѣхала въ тотъ вечеръ послѣ нашего разговора.

— Рано? спросилъ Фридрихъ.

— Да. Къ несчастію случилось такъ, что я уже лежала въ постели, а тебя не было дома или ты былъ занятъ съ своимъ таинственнымъ гостемъ въ башнѣ.

Душа Фридриха сжалась отъ какого-то темнаго предчувствія.

— Но послѣ этого вечера, продолжала совѣтница,—она точно будто на зло пріѣзжаетъ все позже и позже!

Въ это время вошелъ новый слуга и, къ немалому удовольствію Фридриха, прервалъ разговоръ.

— На дворѣ, сказалъ онъ, — стоитъ какой-то мальчикъ съ письмомъ. Но онъ хочетъ самъ отдать его г. министру.

— Ну такъ пусти его, приказалъ Фридрихъ.

Въ комнату вошелъ мальчикъ съ очень пріятными чертами лица, но во всей фигурѣ котораго видѣлось что-то сдержанное и скрытное, что производило непріятное впечатлѣніе. По знаку Фридриха слуга вышелъ.

— Что тебѣ, дитя? спросилъ Фридрихъ.—Кто тебя посылаетъ ко мнѣ?

Мальчикъ ничего не отвѣчалъ, но подалъ ему толстый пакетъ.

— Это мнѣ? снова спросилъ Фридрихъ, принимая его. — Да развѣ ты нѣмой?

Фридрихъ посмотрѣлъ на адресъ и отошелъ въ сторону распечатать пакетъ.

— Какой нѣмой, продолжала между тѣмъ совѣтница. — Вѣдь я его знаю. Это мальчикъ нашего сосѣда Вилля, тутъ въ переулкѣ. Вѣдь это ты мальчуганъ? Гдѣ же мать твоя?

Мальчикъ упорно молчалъ и смотрѣлъ внизъ. Когда же его спросили о матери, онъ поднялъ глаза и, взглянувъ и странно и печально на совѣтницу, отвѣчалъ:

— Мать давно ушла.

— Какъ ушла? спросила совѣтница.— Вотъ славно! ушла и бросила тебя? и ты не знаешь гдѣ она?

Мальчикъ печально покачалъ головой.

Совѣтница хотѣла продолжать разговоръ, но вдругъ остановилась, посмотрѣвъ на Фридриха, который между тѣмъ, распечатавъ пакетъ, поблѣднѣлъ какъ смерть и дрожа сталъ читать какую-то бумагу.

— Что съ тобой, Фридрихъ? вскричала совѣтница, вскочивъ съ мѣста.— Что случилось, отчего ты такъ перепуганъ?

Она хотѣла броситься къ Фридриху, но тотъ быстро подошелъ къ ней и сказалъ:

— Ничего, матушка, право ничего, я только удивился. Благодарю тебя мальчуганъ, обратился онъ къ мальчику.— Ты ждешь чегонибудь?

Мальчикъ бросилъ на него смысленный взглядъ и спросилъ:

— Когда мнѣ опять прійти?

— Я въ точности сдѣлаю все, какъ требуютъ. Теперь скоро десять часовъ,—приходи опять въ два.

Мальчикъ быстро повернулся и хотѣлъ уйти не простясь.

— Подожди же, вскричалъ вслѣдъ за нимъ Фюреръ,—и возьми вотъ это за труды.

Онъ подаль ему большую серебряную монету. Мальчикъ, едва взглянувъ на нее, поспѣшно сунулъ ее въ карманъ.

Выйдя на улицу и осмотрѣвшись кругомъ, онъ проскользнулъ съ ловкостью лисицы въ темныя сѣни сосѣдняго дома.

Въ то же время, въ концѣ переулка, въ подвальномъ этажѣ отворилась дверь и въ нее вышелъ ткачъ Вилль и пронзительно свиснулъ. Ричардъ тотчасъ же прибѣжалъ на этотъ сигналъ и подошелъ къ ткачу.

— Вотъ, сказалъ онъ, протягивая монету.— Кушн намъ хлѣба.

Вилль, взглянувъ на монету, удивился.

— Мальчикъ, откуда ты взялъ это? вскричалъ онъ.

Ричардъ, ничего не отвѣчая, въ мигъ вбѣжалъ на верхъ по лѣстницѣ къ себѣ въ комнату, гдѣ онъ спалъ.

Вскорѣ послѣ мальчика изъ тѣхъ темныхъ сѣней, куда онъ вбѣжалъ, вышла женщина плотно закутанная. Она осторожно осмотрѣлась кругомъ и потомъ поспѣшно пошла вдоль переулка.

Между тѣмъ совѣтница осыпала сына вопросами о содержаніи извѣстій, произведшихъ на него такое сильное впечатлѣніе.

— Успокойтесь, милая матушка, отвѣчала ей Фридрихъ.—Этого ничего. Я только не былъ приготовленъ къ тому извѣстію, которое получилъ.

— Я знаю тебя, говорила мать, — и знаю, что ты не такой человѣкъ, чтобы испугаться пустяковъ! Ну, говори же! Вѣдь я не хочу знать, что было въ этихъ скверныхъ бумагахъ, но скажи мнѣ только, не грозитъ ли тебѣ какаянибудь опасность?

— Опасность? Какъ это пришло вамъ въ голову? спросилъ Фридрихъ.

— Вотъ видишь ли, со страхомъ сказала совѣтница.—Ты не говоришь, что ее нѣтъ, слѣдовательно ты узналъ чтонибудь нехорошее. Не правда ли, противъ тебя чтонибудь замышляется?

Фридрихъ съ удивленіемъ взглянулъ на нее.

— Еще разъ спрашиваю васъ, сказалъ онъ,—какъ могло это прійти вамъ въ голову?

Совѣтница колебалась.

— Потому что, сказала она потомъ,—съ нѣкотораго времени, я знаю, что у тебя есть враги, которые употребятъ всѣ усилія, чтобы лишить тебя твоего положенія и разстроить твои планы.

— Вы знаете это, отвѣтилъ Фридрихъ,—и скрывали это отъ меня? Милая матушка, могу себѣ представить, сколько вы пострадали!

— Да, мнѣ было тяжело, отвѣчала совѣтница,—но когда я все это передумывала, мнѣ все-таки казалось, что лучше объ этомъ не говорить тебѣ. Вѣдь я знала, что ты желаешь хорошаго; и что хорошее благословлено Господомъ, и потому, думала я, лучше предоставить все твоей честности и его святой волѣ.

— А что знаете вы матушка? началъ Фридрихъ.—Скажите мнѣ теперь все, что вы знаете.

Совѣтница рассказала коротко и просто о посѣщеніи Овербергена и о разговорѣ ея съ нимъ.

— Я знаю этого господина, сказалъ онъ.—Но повторяю—мнѣ не грозитъ никакой опасности.

Онъ всталъ, взялъ шляпу и бумаги и, пожавъ руку матери, вышелъ. Въ сѣняхъ его встрѣтила горничная Ульрики и доложила ему, что госпожа ея желаетъ поговорить съ нимъ. Онъ хотѣлъ сначала отказаться, такъ какъ онъ и безъ того опоздалъ, но потомъ одумался и пошелъ за нею.

Войдя къ Ульрикѣ, онъ отъ души поцѣловалъ ее.

— Извини меня, что я задерживаю тебя, сказала она, — но только при твоихъ занятіяхъ у меня нѣтъ другихъ средствъ видѣться съ тобою.

— Къ несчастію, день мнѣ не принадлежитъ, ласково отвѣчалъ Фридрихъ,—а относительно вечера я могу обратить этотъ упрекъ на тебя. Ты не пользуешься возможностью видѣть меня.

— Вотъ какъ! сказала Ульрика, колко улыбаясь;—такой упрекъ лишаетъ меня мужества сообщить тебѣ мое желаніе, для чего...

— Желаніе? Если я имѣю возможность выполнить его, любезно отвѣчалъ Фридрихъ,—то тебѣ остается только высказать его.

Ульрика поклонилась.

— Тебѣ конечно извѣстно, какъ радушно принята я въ обществѣ. Мнѣ постоянно даютъ понять, что нѣтъ такого общества, гдѣ жену твою могли бы принимать не съ полнымъ удовольствіемъ.

— Это ужъ ради твоей любезности, что, во всякомъ случаѣ, мнѣ чрезвычайно пріятно, замѣтилъ Фридрихъ.

— До сихъ поръ, продолжала Ульрика, — я была всюду и всегда только гостьею, по требованію же общезитія, надо чтобы и я когда нибудь отвѣтила на гостепріимство и выказала бы и его съ своей стороны. Однимъ словомъ, неизбѣжно мнѣ пригласить и къ себѣ.

— Что же, сдѣлай это. Твои обязанности, точно также и мои обязанности, мнѣ будетъ пріятно видѣть у насъ общество.

— Такую готовность съ твоей стороны я ожидала, но ты пой-

мешь, что и отъ меня и отъ тебя общество ожидаетъ многого, и что при такомъ условіи вѣшность очень важна.

— Ахъ, ты хочешь сказать, что квартира наша недостаточно изящна? смѣясь спросилъ Фридрихъ. — Это очень можетъ быть! Ну въ этомъ отношеніи надо призвать на помощь твой вкусъ! Не трогай только ни моей комнаты, ни комнаты матушки, а со всѣмъ остальнымъ распорайся какъ знаешь.

— Это очень мило съ твоей стороны! Только это не то, чего я хочу. Наша квартира здѣсь никакъ не можетъ подойти подъ свѣтскія требованія.

— Это отчего? Развѣ она не также просторна и неудобна, какъ и лучшія квартиры въ городѣ?

— Да, но только она старомодна. Невозможно будетъ устроить что нибудь изящное и цѣлое. А узкій-то, грязный переулочекъ? По немъ вѣдь едва можно проѣхать, а двумъ каретамъ и не развѣхаться.

Фридрихъ почесалъ себѣ лобъ.

— Ну, вѣдь этому горю помочь нельзя, сказалъ онъ.

— Можно! возразила Ульрика, — конечно можно, если бы ты только захотѣлъ.

— Если бы я захотѣлъ?

— Въ городѣ довольно хорошенькихъ квартиръ. Если бы ты рѣшился взять другую квартиру...

— Объ этомъ не можетъ быть и рѣчи! сказалъ Фридрихъ и всталъ.

— Такъ положительно? спросила задѣтая Ульрика.

— Разъ навсегда. Это глупость, а глупость устраняется всего лучше рѣшительностью. Хорошо было бы, если бы я во всемъ такъ поступалъ.

— Можетъ быть, ты объяснишь мнѣ, что это значитъ?

Фридрихъ, уже взволнованный раньше, вспыхнулъ.

— Объясню, отвѣчалъ онъ. — Непремѣнно объясню. Домъ этотъ мнѣ принадлежитъ, онъ славный, красивый, удовлетворяющій благо-разумнымъ требованіямъ...

— Слѣдовательно мои требованія неблагоразумны!

— Было бы ложью противорѣчить этому. Да, твои требованія неблагоразумны! И если бы ты подумала, какъ дорогъ мнѣ домъ, гдѣ отецъ мой провелъ большую часть своей жизни, гдѣ онъ работалъ и умеръ, домъ столь дорогой моей матери... если бы ты обо всемъ этомъ хотя немного подумала, ты не высказала бы такого требованія. Неужели ты могла предполагать, что я оставлю домъ и брошу мать свою? Никогда!

— Къ сожалѣнію, мать твоя тебѣ дороже жены! Это я уже испытала!

— Ты ничего не испытала, кромѣ того, что достойная женщина сдѣлала тебѣ замѣчаніе объ образѣ твоей жизни! Если бы ты обратила вниманіе на ея замѣчаніе, тебѣ это принесло бы пользу, и меня избавило бы отъ непріятности повторять тебѣ то, что она говорила.

— Какъ! и ты тоже?

— И я. Или ты думаешь, что я молчу потому, что я ничего не вижу? Я молчалъ только потому, что надѣялся на тебя, и думалъ что ты сама пробудишься отъ твоихъ пустыхъ увеселеній и воротишься въ кругъ твоихъ домашнихъ обязанностей. Ты этого не сдѣлала! И не думаешь этого дѣлать! Это доказываетъ мнѣ сегодняшнее твое требованіе! Такъ знай же, что я повторяю тебѣ замѣчанія моей матери! Считаю каждое ея слово какъ бы сказаннымъ мною!

— Фридрихъ, какъ говоришь ты со мною?

— Какъ мужъ. Пѣвняй на себя, что тебѣ пришлось это слушать. Ты забываешь свое положеніе. Если я, по занимаемому мною мѣсту, сталъ на равную ногу съ аристократіей—это меня ни въ чемъ не измѣняетъ. Мои взгляды, мои принципы остались прежними! Я не такъ глупъ, чтобы предполагать, что вмѣстѣ съ пріятіемъ мѣста, и потребности...

— Прошу тебя прекратить этотъ разговоръ — я знаю ужъ достаточно.

— Очень жалѣю, что такое объясненіе было необходимо, но избавить тебя отъ него я не могъ; и такъ какъ мы зашли уже

такъ далеко, то знай, что тебѣ надо перемѣниться, и что ты должна исполнить мое желаніе.

— Должна? И ты смѣешь мнѣ говорить это, ты...

— Я говорю это, и настою на своемъ. Ты немедленно измѣниши образъ твоей жизни, будешь сидѣть дома, и только въ видѣ исключенія ѣздить въ гости.

Ульрика разразилась слезами.

— Несчастливая я! вскричала она, спрятавъ лицо въ подушку дивана, на который она бросилась.—Какъ говоришь ты со мною! О моя милая, добрая мать, такъ говорить съ твоей дочерью человѣкъ, поклявшійся тебѣ... Ахъ! если бы ты дожила до этого!

Точно отъ электрическаго удара Фридрихъ остановился передъ нею.

— Не поминай о твоей матери, несчастная! вскричалъ онъ.— Обдумай то, что я сказалъ тебѣ, и не заставляй меня представить тебѣ смертный одръ легкомыслія и рассказать вещи, которыя лучше на вѣки скрыть отъ тебя!

Съ этими словами онъ повернулся и вышелъ изъ комнаты. Ульрика осталась въ слезахъ и съ сердцемъ, разтерзаннымъ отъ различныхъ впечатлѣній.

Въ то же самое время герцогъ Феликсъ сидѣлъ въ раздумьѣ въ своей комнатѣ. Передъ нимъ лежала груда бумагъ и записокъ, которыя ему надо было подписать, но его взоры были обращены къ окну. На дворѣ яркое солнышко начинало разсѣивать туманъ. Въ душѣ молодого герцога произошла со дня вступленія его на престолъ перемѣна, о которой никто не подозрѣвалъ, и въ которой онъ не смѣлъ сознаться самъ себѣ. Когда скиптръ достался ему такъ быстро и такъ неожиданно, это обстоятельство и все ему предшествовавшее, привело его въ такое восторженное состояніе, что онъ принялъ на себя рѣшенія самыя важныя. Онъ походилъ на человѣка, принявшаго въ пылу благороднаго чувства долгъ, который со временемъ сдѣлался для него тягостнымъ и непріятнымъ. Когда онъ рѣшился взять въ министры Фюрера и осуществить съ его помощію идеалъ гуманнаго управленія, онъ смотрѣлъ на все это очень серьезно. Этотъ идеалъ, --воспоминаніе его

студенческаго времени,—предсталъ предъ нимъ съ новой прелестію, когда ему самому, не будучи узаннымъ, пришлось ознакомиться съ возстаніемъ народа и узнать его чувства и нужды. Идеаль этотъ онъ хотѣлъ ввести въ жизнь, но не зналъ, какъ это сдѣлать. Ему казалось, что осуществленіе такого идеала можетъ совершиться такъ же быстро, какъ постройка какого нибудь сказочнаго дворца; но вдругъ увидѣлъ, что и тутъ нужны приготовления. Сначала онъ слушалъ проекты Фюрера съ интересомъ и не безъ удовольствія соглашался на нихъ но вскорѣ сталъ смотрѣть на всѣ эти реформы и нововведенія, какъ на какую-то прихоть.

Основной законъ, приостановленный вмѣшательствомъ герцогини-бабки, явился снова на сцену вслѣдствіе вліянія Фюрера и для обнародованія его не доставало только подписи герцога.

Такимъ образомъ, хотя герцогъ и охладѣлъ къ взглядамъ Фридриха, но самъ Фюреръ лично скорѣе выигралъ, чѣмъ проигралъ въ милости герцога. Съ одной стороны, характеръ Фридриха невольно возбуждалъ уваженіе, а съ другой, въ герцогѣ было сознание своей неправоты, и неправоту эту онъ сознавалъ вслѣдствіе своихъ отношеній къ Ульрику. Хотя между Феликсомъ и Ульрикой не было преступныхъ отношеній, но между ними существовала тайна, которую они по необходимости должны были хранить отъ Фридриха, и она незамѣтно сближала ихъ. Со дня бала въ ратушѣ, герцогъ видѣлъ Ульрику нѣсколько разъ въ обществѣ; хотя онъ говорилъ съ ней вообще весьма мало, но тѣмъ не менѣе эти свиданія зажгли въ Феликсѣ сильную страсть. Страсть эта, можетъ быть, усиливалась потому, что герцогъ считалъ недоступнымъ для себя обладаніе Ульрикой и, кромѣ того, принужденъ былъ тщательно скрывать свои чувства. Только одна Ульрика, несмотря на кажущуюся незначительность ихъ разговоровъ, видѣла изъ каждаго слова, изъ каждаго взгляда сильную подавленную страсть, съ которой, по легкомыслію своему, ей хотѣлось играть. Въ душѣ она оправдывалась тѣмъ, что разговоры эти происходятъ при всѣхъ, но въ часы уединенія нерѣдко мечты ея вовсе не согласовались съ обязанностями жены, преданной своему мужу. Мечты эти слишкомъ ясно доказывали, что порочная искра зажглась въ ея душѣ.

Всѣ эти чувства и соображенія неясно вертѣлись въ груди гер-

пога. Наканунѣ вечеромъ онъ видѣлся съ Ульрикой, и теперь все еще мечталъ о прошедшемъ, такъ что вздрогнулъ даже, когда оберъ-камердинеръ доложилъ ему, что наступило время приѣма. Прежній лакей Борнеманъ, поступившій на мѣсто прогнаннаго Кюндиха, почтительно спросилъ герцога, угодно ли ему будетъ начать приѣмъ.

— Кто хочетъ меня видѣть? спросилъ герцогъ.

— Нѣсколько человекъ дворянъ, имена которыхъ написаны тутъ, отвѣчалъ Борнеманъ, положивъ на столъ листъ бумаги, — и архитекторъ Риголетъ!

— А, онъ, сказалъ Феликсъ, вставая. — Впусти его перваго! Еще непріятный разговоръ, проговорилъ онъ шопотомъ въ то время, какъ лакей вышелъ исполнить его приказъ, — которымъ я обязанъ своему министру.

Архитекторъ вошелъ, почтительно раскланиваясь.

— Мнѣ очень пріятно видѣть васъ, любезный Риголетъ, началъ герцогъ, — не принесли ли вы чегонибудь новаго изъ своихъ работъ?

— Я очень жалѣю, ваше высочество, что не могу этимъ служить вамъ, отвѣчалъ архитекторъ, — я явился, чтобы передъ отъѣздомъ своимъ...

— Какъ, вы уѣзжаете? вскричалъ герцогъ. — Отъ души сожалѣю объ этомъ. Но конечно не надолго?

— Этого я не могу опредѣлить, отвѣчалъ архитекторъ. — Художникъ не принадлежитъ себѣ, а принадлежитъ мѣсту, гдѣ ему приходится примѣнять къ дѣлу свои способности.

— Теперь къ сожалѣнію примѣнять ихъ у себя я не могу, отвѣчалъ Феликсъ, нѣсколько задѣтый словами художника. — Мнѣ очень жалъ, что серьезные вопросы у меня въ странѣ не позволяютъ мнѣ въ началѣ моего царствованія обратить вниманіе на искусство настолько, насколько бы мнѣ этого хотѣлось. Когда же это будетъ возможно и вы будете свободны, то мнѣ будетъ очень пріятно поддержать вашъ талантъ. Прощайте!

Феликсъ раскланялся и художникъ удалился, чтобы дать мѣсто дворянамъ. Между другими были и Адельговенъ и оба Шроффенштейна.

— Я удивленъ, господа! встрѣтилъ ихъ Феликсъ.—Что могло привести васъ ко мнѣ въ такомъ количествѣ.

— Убѣжденіе, ваше высочество, отвѣчалъ Шроффенштейнъ-отецъ,—что мы не напрасно выскажемъ просьбу, отъ которой зависятъ наше благополучіе!

— Просьбу? Говорите!

— Ваше высочество начали на престолѣ вашихъ предковъ вводить другіе принципы, а не тѣ, которые вѣками служили для пользы страны. Ваше высочество начали большими, рѣшительными реформами и намѣрены—если намъ позволено проникнуть въ тайну вашихъ высочайшихъ рѣшеній—утвердить навсегда дѣло ваше общимъ корейнымъ закономъ?

— Какъ? Неужели догадки мои справедливы, господа! перебилъ его герцогъ.—Неужели и вы принадлежите къ партіи недовольныхъ?

— Мы пришли, продолжалъ Шроффенштейнъ, — просить ваше высочество, при составленіи этого закона, не лишать правъ, которыми дворянство страны пользовалось въ продолженіи столькихъ вѣковъ. Ваше высочество осчастливили безграничнымъ своимъ довѣріемъ челоуѣка, въ которомъ мы не можемъ предполагать къ намъ пріязни. Онъ извѣстенъ, какъ челоуѣкъ, пропитанный самыми вредными идеями новаго времени и находящійся въ сношеніяхъ съ опаснѣйшими сторонниками республиканизма, и какъ челоуѣкъ, непремѣнно желающій уничтожить насъ.

— А, такъ жалоба на моего министра! Вы несправедливы къ нему, господа, я знаю вполне его взгляды! Онъ ничего не желаетъ такого, чего бы и я не желалъ.

— Не можетъ быть, ваше высочество! Судя по слухамъ, отъ насъ хотятъ отнять право суда надъ нашими подданными; оброкъ, десятинный сборъ будутъ уничтожены и мы будемъ подсудны такому же суду, какъ самый послѣдній батракъ изъ народа.

— Относительно послѣдняго я не думаю, чтобы вы могли быть недовольны; за все же остальное вы будете удовлетворены.

— Ваше высочество! Какое же удовлетвореніе можетъ возвратить дворянству блескъ, вліяніе и благосостояніе, если отъ него отнимаютъ источники этого благосостоянія! Дворянство будетъ только слово, пустой звукъ!

— Можете ли вы жаловаться, что васъ заставляютъ приносить жертву, когда я добровольно приношу гораздо большую. Не закрывайте глазъ на требованія времени; то, чѣмъ вы жертвуете, принесетъ пользу цѣлому и слѣдовательно и вамъ также.

— Я буду такъ смѣль, что позволю себѣ противорѣчить вашему высочеству! вскричалъ Шпроффенштейнъ.— Оно принесетъ пользу не цѣлому, а только одной части, простому народу. Ему будетъ отдано то, что будетъ отнято у насъ. Это тайныя намѣренія опаснаго человѣка, въ несчастію страны, стоящаго около васъ, и пріобрѣтшаго такое странное вліяніе надъ вашимъ высочествомъ, что онъ осмѣливается возставать противъ частныхъ желаній вашего высочества.

— Что вы хотите этимъ сказать? вскричалъ Феликсъ.

— О желаніи вашего высочества строить новый дворецъ, чему онъ осмѣлился противиться.

— Объ этомъ прошу не говорить! вскричалъ Феликсъ.

— Теперь, снова началъ Шпроффенштейнъ,—дѣло заключается все въ томъ, чтобы сдѣлать этого человѣка безвреднымъ. Теперь надо удержать дворянство, какъ опору и силу престола. Вмѣстѣ съ дворянствомъ онъ хочетъ уничтожить тронъ и такимъ образомъ дѣйствовать въ пользу своего идеала — республики. Вотъ вслѣдствіе чего мы явились къ вашему высочеству отъ имени большинства дворянства, и почему мы считали своей священной обязанностью просить ваше высочество отставить министра.

Говорившій замолчалъ; герцогъ тоже молчалъ, смѣлость требованія и способъ выраженія нѣсколько удивили его.

— Если бы я, опираясь только на ваши слова, рѣшился на чтонибудь, сказалъ онъ потомъ,—вы имѣли бы право упрекнуть меня, что я дѣйствую необдуманно. Я подумаю о томъ, что вы сказали, и сегодня же дамъ вамъ отвѣтъ.

Недовольная депутація удалилась. Герцогъ далъ уклончивый отвѣтъ потому, что въ словахъ дворянства слышалась рѣшительность, которая не позволяла ему согласиться на ихъ просьбу, хотя бы въ душѣ онъ и былъ согласенъ съ ними. Слова дворянства запали однако въ душу герцога. Его поразила мысль, что дѣйствительно, можетъ быть, за доводами Фридриха скрываются болѣе глубокіе

мотивы, и что онъ, можетъ быть, считаетъ его только орудіемъ, которымъ и пользуется. Когда въ часъ доклада въ кабинетъ вошелъ Фридрихъ, герцогъ еще былъ занятъ этими мыслями. Онъ долго молча смотрѣлъ на лицо министра, въ которомъ замѣтна была въ тотъ день необыкновенная серьезность, а дѣла между тѣмъ шли своимъ чередомъ.

— Что мы готовы сегодня? спросилъ наконецъ герцогъ.

— Съ сегодняшними дѣлами готовы, отвѣчалъ Фридрихъ, — но мнѣ надо поговорить еще о самомъ важномъ.

— Самомъ важномъ?

— Для вашего высочества, для всей страны и для меня. Основному закону все еще не достаетъ подписи.

Герцогъ всталъ, непріятно задѣтый.

— Оставьте это дѣло до другого раза, сказалъ онъ, — это дѣло рѣшено, но сегодня мнѣ не хочется. Вѣдь еще успѣется.

Лицо Фюрера омрачилось.

— Вашему высочеству, сказалъ онъ въ волненіи, но сдержанно, — извѣстно высокое значеніе этого закона. Вы знаете, какъ необходимо обнародовать его поскорѣе, чтобы подтвердить все предшествующее, такимъ образомъ въ вашемъ отказѣ я вижу слѣдствіе глубокихъ неизвѣстныхъ мнѣ основаній.

— Такихъ основаній не существуетъ! вскричалъ Феликсъ, — но такой важный шагъ я хочу сдѣлать въ болѣе хорошемъ расположеніи духа, чѣмъ мое настоящее. Вы знаете, что я рѣшился исполнить ваше желаніе, только не торопите меня.

— Мое желаніе, ваше высочество? съ удивленіемъ отвѣчалъ Фридрихъ. — До настоящей минуты я думалъ, что это желаніе вашего высочества, исполнителемъ котораго являюсь я. Неужели это не такъ? Неужели противникамъ удалось уже такъ скоро потушить высокое вдохновеніе, которому я обязанъ своимъ назначеніемъ?

— Что вы говорите о противникахъ? вскричалъ герцогъ. — Что вы считаете меня флюгеромъ, вертящимся куда вѣтеръ подуетъ?

— Если же дѣло тутъ не въ желаніи вашего высочества, сказалъ Фридрихъ, подумавъ немного, — то значить въ томъ, что я исполнителемъ его... слѣдовательно я лишился вашего довѣрія!

— Не ловите меня на каждомъ словѣ! Я не люблю этого. Тутъ

нѣтъ рѣчи о нежеланіи или колеблющемся довѣріи. Не торопите меня,—вотъ и все. Мы успѣемъ сдѣлать еще больше этого. Къ чему вы такъ спѣшите?

— Потому что я знаю, какъ дорого время, и потому, что людямъ принадлежитъ только настоящее.

— Вы думаете, что я могу умереть, и дѣло ваше останется неоконченнымъ? Не безпокойтесь, въ мои года ударомъ не умираютъ.

— Я на это не намекалъ, я хотѣлъ только сказать, что нахожу лучшимъ не откладывать дѣла, которое можно кончить. Въ настоящую минуту я на себѣ испытываю, какъ скоро проходить счастье человѣка.

При этихъ словахъ Фридрихъ совершенно безсознательно держался за кольцо, подаренное ему герцогомъ, и вертѣлъ его на пальцѣ. Герцогъ замѣтилъ это и остановился.

— Вамъ нечего указывать мнѣ на кольцо, сердито вскричалъ онъ,—я не забылъ своего обѣщанія!

Фридрихъ молча снялъ кольцо съ пальца и положилъ его въ себѣ въ карманъ. Отъ герцога не укрылось и это движеніе.

— Зачѣмъ это, вскричалъ онъ, раскаяваясь въ своей вспышкѣ,—я былъ несправедливъ къ вамъ. Носите кольцо всегда; полезно, чтобы я иногда видѣлъ его. Но дѣйствительно ли слѣдуетъ издавать такой законъ? продолжалъ онъ, помолчавъ немного.—Вы знаете, какъ искренно желаю я блага своей странѣ. Но нельзя ли сдѣлать для этого все, какъ мы предполагали съ вами, не издавая такого закона?

— Конечно можно, отвѣчалъ Фюреръ,—но кто поручится вамъ за вашихъ потомковъ? Неужели вы хотите создать благо только на время, а не навсегда?

— Но какой же гарантіей можетъ быть листъ бумаги, пергаментъ противъ воли человѣка? Если кто нибудь изъ потомковъ моихъ не захочетъ быть моимъ послѣдователемъ, что помѣшаетъ ему уничтожить однимъ взмахомъ пера все, изданное мною?

— Это возможно; но, лично для себя, я вижу въ этомъ новое доказательство, такъ какъ вижу что я лишился вашего довѣрія. Позвольте мнѣ воротиться къ своимъ прежнимъ скромнымъ заня-

тѣмъ, которыя оставлены мною противъ желанія, и дай Богъ, чтобы вы нашли совѣтниковъ, которые такъ бы вѣрно служили вамъ и странѣ, какъ я!

— Вы слишкомъ торопитесь, сказалъ герцогъ послѣ нѣкотораго молчанія, во время котораго онъ пристально смотрѣлъ на Фридриха.—Я не даю вамъ отставки.

— Тѣмъ не менѣе я прошу васъ объ ней, твердо отвѣчалъ Фридрихъ.—Ваше высочество обратили вниманіе на слова людей, которые называютъ себя моими врагами, но которые въ сущности враги цѣлой націи и ея лучшаго будущаго.

— Какъ пришло вамъ это въ голову?

— Намѣренія господь, которыхъ ваше высочество принимали передо мною, я знаю слишкомъ хорошо, чтобы не понять, что привело ихъ къ вамъ. Я вижу, что слова ихъ проникли къ вамъ въ сердце. Такимъ образомъ мнѣ остается исполнить только одинъ долгъ, ваше высочество, а именно, открыть происки моихъ обвинителей. Ихъ позорныя интриги теперь, съ моимъ удаленіемъ, будутъ вѣроятно лишними, но вашему высочеству нужно знать все-таки, что это за люди.

— Что вы хотите этимъ сказать?

— Что эти люди рѣшили во что бы то ни стало низвергнуть либеральныя начала, извѣстныя вашему высочеству. Если бы вы, герцогъ, не оставили меня сегодня, то герцогиня-бабка взяла бы въ свои руки бразды правленія, ваше высочество были бы объявлены погѣшаннымъ и находились бы подъ присмотромъ.

— Можетъ ли это быть, Фюреръ! Вы бредите! Кто сообщилъ вамъ это?

— Это не бредъ, вотъ доказательства! Вотъ бумага, подписанная всѣми заговорщиками, которой они просятъ герцогиню принять управленіе. Вотъ доказательства поповскихъ козней въ странѣ, а вотъ договоръ съ сосѣдней державой.

Онъ положилъ бумаги передъ герцогомъ. Феликсъ стоялъ, какъ громомъ пораженный, онъ то блѣднѣлъ, то краснѣлъ, тревожно рассматривая положенные передъ нимъ документы.

— Неслыханный позоръ! проговорилъ онъ потомъ.—И герцогиня! Моя родная... Какую услугу оказали вы мнѣ, другъ мой!

Но я поймаю ихъ! Они узнаютъ, что значить гнѣвъ мой! Но все это только копіи! Гдѣ же оригиналы?

— У меня есть и оригиналы, отвѣчалъ Фридрихъ,—но я могу только показать ихъ вашему высочеству, чтобы подтвердить этихъ достовѣрность копій. Я получилъ ихъ подѣ условіемъ, что возвращу ихъ сегодня же въ два часа. Прежде, чѣмъ я дамъ ихъ вамъ, я попрошу вашего герцогскаго слова, что вы тотчасъ же возвратите ихъ мнѣ.

— Но къ чему? Какже уличить и наказать измѣнниковъ, если...

— Я сообщилъ вашему высочеству объ этомъ дѣлѣ только для того, чтобы вы знали, что это за партія. А наказать за разговоръ, во главѣ котораго стоитъ герцогиня-бабка, вамъ нельзя, и потому я прошу васъ дать слово!

— Хорошо! Даю вамъ его.

Фридрихъ досталъ оригиналы, и герцогъ поспѣшно просмотрѣлъ ихъ.

— Такъ, такъ! Вотъ, Фюреръ, сказалъ онъ,—документы. Возьмите ихъ, а копіи оставьте мнѣ для вѣчнаго воспоминанія, мнѣ надо внимательнѣе просмотрѣть ихъ. А теперь оставьте меня одного, и не говорите мнѣ больше о вашей отставкѣ! Идите, мнѣ надо остаться одному! Прикажите, чтобы никого ко мнѣ не пускали. Въ пять часовъ придетъ эта депутація! Будьте тоже здѣсь, вамъ надо слышать отвѣтъ, который я имъ дамъ.

Фридрихъ вышелъ. Феликсъ остался въ такомъ смущеніи, что не замѣчалъ, какъ летѣли часы и какъ наступилъ уже вечеръ, напомнившій ему о предстоявшемъ свиданіи.

Въ назначенное время Адельговень, Шроффенштейны и сообщники ихъ стояли въ залѣ герцога и ждали, когда ихъ позовутъ.

— Какъ думаете вы? спросилъ кто-то старшаго Шроффенштейна,—въ какомъ положеніи наши дѣла?

— Почемъ знать, отвѣчалъ онъ,—его высочество кажется очень не въ духѣ.

— Онъ не выходилъ къ обѣду, замѣтилъ кто-то.

— Что такое могло случиться? сказала Адельговень.—Но все равно, если онъ намъ откажетъ, то вѣдь все уже готово. Вѣдь ты спряталъ бумаги, Клеменцъ?

— Конечно, отвѣчалъ тотъ, вынимая бумажникъ и показывая бумаги.

Въ это время дверь въ комнату герцога отворилась.

Впущенные депутаты подошли къ герцогу, одѣтому въ блестящій мундиръ и мрачно смотрѣвшему на нихъ. Подлѣ него стоялъ Фридрихъ въ простомъ черномъ фракѣ.

— Подойдите поближе, торжественно началъ герцогъ. Я обѣщаль вамъ еще сегодня дать отвѣтъ, и исполняю свое обѣщаніе въ присутствіи человѣка, обвиняемаго вами. Слушайте же: я не испугаюсь вашихъ замысловъ, втайнѣ составленныхъ! Отъ того, что я считаю справедливымъ, я не отступлю ни ради себялюбиваго дворянства, ни ради гучки ханжей, ни ради сосѣднихъ штыковъ, даже если бы въ странѣ у меня появились государственные измѣнники, которые бы вздумали опираться на нихъ! Запомните это для себя и передайте всѣмъ своимъ единомышленникамъ! Я очищу страну отъ возмутителей, дѣйствующихъ во мракѣ. Вы же можете устраивать въ своихъ помѣстьяхъ настоящія — поймите меня хорошо — настоящія охоты, и знайте, что попытку противиться моей волѣ я накажу, несмотря на то, вѣмъ она будетъ сдѣлана — несмотря, какъ бы близко человѣкъ этотъ ни стоялъ ко мнѣ! Вотъ человѣкъ, продолжалъ онъ, обращаясь къ Фюреру, — которому я довѣряю, въ особенности съ настоящаго дня. Онъ останется моимъ министромъ, а чтобы вы видѣли, какъ серьезно отношусь я къ своимъ намѣреніямъ, прошу васъ сообщить вашимъ и всему моему народу радостную вѣсть, что я передъ вашими глазами подписалъ актъ, закрѣпляющій на вѣки его права!

Онъ подписалъ.

Уничтоженные, съ злобою въ душѣ, удалились посланные.

— Довольны ли вы мною? спросилъ герцогъ Фюрера, тоже совершенно пораженнаго.— Что вы и теперь хотите еще уйти отъ меня? Въ доказательство что нѣтъ, обнимите меня.

II.

На дачѣ.

Передъ окнами небольшого флигеля разстилались куртины съ душистыми цвѣтами, посреди которыхъ журчалъ фонтанъ, освѣжая кругомъ всю зелень. Весеннее солнце ярко освѣщало прекрасную мѣстность и едва пробиралось сквозь зеленныя занавѣски въ нижнюю комнату дачки. Въ глубинѣ этой роскошно-убранной комнаты на низенькомъ диванчикѣ лежалъ больной, закутанный, несмотря на теплоту, одѣялами и пледами. Подлѣ дивана стоялъ старикъ, по виду отставной военный. Его звали Виндрейтеромъ. Онъ былъ извѣстенъ какъ человѣкъ энергическій и горячо преданный дѣлу свободы. Онъ принималъ самое дѣятельное участіе въ послѣднемъ народномъ движеніи и былъ въ немъ одной изъ самыхъ замѣтныхъ личностей. Онъ пользовался большимъ уваженіемъ и популярностію въ средѣ городскихъ ремесленниковъ.

— Не примете ли порошокъ, лейтенантъ? спросилъ старикъ Виндрейтеръ, поднося къ больному рюмку съ лекарствомъ.

Больной поднялся такъ поспѣшно, чего никакъ нельзя было ожидать при видѣ его изнуренной фигуры, и со всего размаха ударилъ по руцѣ стараго солдата. Рюмка полетѣла и разбилась.

— Собака! что мнѣ въ твоёмъ лекарствѣ! Докторъ дуракъ! ему надо вынуть пулю у меня изъ груди! Я чувствую ее, она жжетъ меня! Будь тысячу разъ проклята рука, пустившая ее въ меня!

Утомленный Бергдорфъ упалъ въ изнеможеніи.

— Не надо такъ говорить. Кто бы ни пустилъ ее, онъ сдѣлалъ это на войнѣ. Я тоже былъ тамъ, подлѣ меня падали многіе, и имъ ужъ не встать. Но никто изъ нихъ въ послѣднюю минуту не думалъ о руцѣ, пустившей пулю.

— Да, если бы онъ убилъ меня на мѣстѣ, я не проклиналъ бы его. Но вѣдь я мучусь ужъ годъ...

— Можетъ быть, судьба устроила это для того, чтобы дать вамъ время въ чемъ нибудь раскаяться передъ смертію...

— Не говори мнѣ о смерти. Развѣ докторъ сказалъ, что я умру, или ты выдумалъ это изъ своей дурацкой башки!

— Докторъ сказалъ, что вамъ очень, очень худо. А я думаю, не мѣшаетъ вамъ подумать о смерти и очистить совѣсть...

— Я жить хочу! Проклять, проклять, кто выстрѣлилъ въ меня. Если бы мнѣ узнать кто! Вѣдь ты былъ тамъ, ты долженъ знать!..

— Я стоялъ тамъ и видѣлъ васъ, и узналъ, что вы сынъ моего бывшаго ротмистра, тотъ самый мальчикъ, котораго я каталъ на лошади. Подумайте-ка, лейтенантъ, не надо ли вамъ сдѣлать какогонибудь распоряженія. Не оставляете ли вы когонибудь, кто бы имѣлъ право проклинать васъ?

— Что ты хочешь сказать? На что ты все намекаешь? Я имѣю право проклинать, и пусть будетъ проклять...

— Не проклиняйте, быстро проговорилъ старикъ,—почемъ вы знаете, чья рука направила въ васъ пулю!

— А, такъ ты знаешь? вскричалъ Бергдорфъ.—Знаешь, такъ говори же.

— Можно ли знать кто въ такой сумятицѣ? Лежите лучше спокойноѣ, а я вамъ расскажу чтонибудь. Жила была у насъ въ городѣ дѣвушка, хорошая, честная дѣвушка. Понравилась она одному важному баричу. Важный баричъ поигралъ съ дѣвушкой да и бросилъ ее, у дѣвушки родился сынъ. Улкъъ противъ барича не было, потому что къ дѣвушкѣ онъ ходилъ только по ночамъ и то переодѣтый, писемъ ей не писалъ. Судъ заставилъ его присягнуть. Онъ и присягнулъ, что отродясь не видывалъ этой дѣвушки. Прошло много лѣтъ съ тѣхъ поръ. Бѣдная дѣвушка не любила надменныхъ господъ, и когда возсталъ народъ, на одной изъ баррикадъ она стояла блѣдная, съ сверкающими глазами. Братъ ея пришелъ за нею и за ея сыномъ, но она не пошла, говоря, что теперь настала пора отомстить ея оскорбителямъ. Лейтенантъ! не помните ли вы, что, когда вы подходили къ баррикадѣ, съ правой стороны стояла блѣдная дѣвушка? Она не спускала съ васъ глазъ и шептала: это онъ!

— Я видѣлъ ее, прошепталъ больной.—Такъ, это точно была

она? Я видѣлъ ее въ ту минуту, какъ раздался выстрѣлъ. Она стояла съ ружьемъ. Такъ это она, Цилли. О, Боже мой!

— Чтожь, вы и теперь будете еще проклинать, лейтенантъ. Теперь вы знаете, какъ вамъ надо распорядиться. Съ той несчастной ночи дѣвушка пропала, никто не знаетъ, куда она дѣлась. Но вѣдь есть ребенокъ и онъ вашъ, неужели вы теперь бросите его?

— Но что могу я для него сдѣлать? спросилъ Бергдорфъ, не глядя на Виндрейтера.

— Неужели вы можете еще спрашивать объ этомъ?

— Приведи мнѣ мальчика.

Старикъ съ сіяющимъ лицомъ бросился изъ комнаты. Больной остался одинъ. Тишина въ комнатѣ прерывалась его тяжелымъ дыханіемъ, онъ задумчиво смотрѣлъ, какъ свѣтъ, слабѣе и слабѣе проникавшій въ комнату сквозь опущенныя гардины, и воздухъ, доносившійся въ отворенное окно, начинали напоминать о вечерѣ. Вдругъ гардины заколыхались и между ними показалась чья-то голова. Бергдорфъ хотѣлъ кричать, но не могъ, когда же Виндрейтеръ вошелъ со свѣчей, головы уже не было. Старикъ замѣтилъ волненіе больного и бросился къ нему.

— Что съ вами? вскричалъ онъ. — Что случилось?

— Она была опять тутъ, вотъ тутъ у окна.

— Кто могъ быть тутъ? Вы вѣрно ошиблись.

— Она была! упорно говорилъ больной. — Я узналъ ее... она стояла у окна и смотрѣла на меня сверкающими глазами. Она... Цилли.

— Вамъ показалось. Я привелъ мальчика. Хотите его видѣть. Но онъ ничего не знаетъ. Я сказалъ только, что вы хотите ему что-то подарить.

Бергдорфъ кивнулъ головой. Вскорѣ Виндрейтеръ вошелъ, ведя за руку мальчика. Ребенокъ со страхомъ озирался кругомъ.

— Вотъ, Ричардъ, этотъ господинъ хочетъ купить тебѣ новое платье. Тебѣ нечего его бояться.

Мальчикъ остановился около больного и устремилъ на него свои большіе темные глаза, какъ будто желая убѣдиться, что ему точно нечего его бояться. Больной тоже внимательно смотрѣлъ на ре-

бенка, а старикъ стоялъ между ними, держа лампу и освѣщая обоихъ.

— Ея черты, прошепталъ больной, — дикіе, огненные глаза, что я видѣлъ съвозъ дымъ въ минуту выстрѣла.

Онъ невольно вздрогнулъ. Ребенку стало тоже неловко и онъ прижался къ старику.

— Ну, заговорилъ старикъ, желая прекратить тяжелое положеніе, — этотъ господинъ желаетъ купить тебѣ новое платье. Какого цвѣта купить тебѣ?

— Чернаго, быстро проговорилъ мальчикъ.

— Зачѣмъ же чернаго? Для твоихъ лѣтъ лучше чтонибудь посвѣтлѣе.

— Ткачъ Вилль говоритъ, что мать умерла и не вернется болѣе, отвѣчалъ Ричардъ. — Мнѣ надо носить по ней трауръ, а чернаго платья купить не на что.

Бергдорфъ отвернулся.

— Ткачъ Веберъ отецъ твой? спросилъ Виндрейтеръ.

— Нѣтъ, дядя, онъ кормитъ меня, а отца я не знаю.

— А хочешь узнать его? спросилъ старикъ.

— Нѣтъ, твердо отвѣчалъ мальчикъ. — Мать говоритъ, что онъ дурной человекъ и сдѣлалъ ее несчастной.

Виндрейтеръ замѣтилъ, что больной въ изнеможеніи опустился на подушки и сказалъ мальчику:

— Ну теперь иди. Господинъ этотъ очень болѣнъ, завтра же приходи пораньше, я сведу тебя къ портному и ты получишь куртку.

Мальчикъ опростетью выбѣжалъ изъ комнаты. Долго въ комнатѣ царствовало молчаніе, наконецъ больной протянулъ старику руку и сказалъ:

— Ты хорошо это сдѣлалъ, но ты видишь я не могу быть отцомъ ребенку, мать позаботилась, чтобы я не былъ имъ. Но я сдѣлаю для него все, что могу.

— Только не сегодня. Сегодня вамъ надо успокоиться.

III.

Пилигримы.

Недалеко отъ заставы св. Іакова въ пасмурный дождливый вечеръ шелъ мастеръ Ремпельманъ и тащилъ огромную связку кожъ. Подойдя къ своей квартирѣ, онъ свиснулъ и вслѣдъ за свисткомъ на верху отворилась форточка и въ нее высунулась голова госпожи Ремпельманъ.

— Слава тебѣ, Господи, радостно вскричала она;—это ты?

— Да, сойди-ка внизъ да возьми кожи, а мнѣ надо поправить въ саду абрикосы.

Черезъ полчаса сапожникъ вернулся изъ сада, ворча что-то.

— Что ты? на кого ворчишь? просила его жена.

— Опять посчитался съ сосѣдомъ, агентомъ Шпарбергеромъ, отвѣчалъ мужъ,—поправляя абрикосы, я схватился за желѣзную рѣшетку и она поддалась. Агентъ это видѣлъ и мнѣ пришлось передъ нимъ извиниться. А теперь жена выстави-ка на лѣстницу просушить мои башмаки.

— Смотри, чтобы и эти не пропали такъ же, какъ тѣ старые сапоги.

— Ахъ, не напоминай ты мнѣ объ этомъ. Эта кража у меня и безъ того изъ головы не выходитъ. Кому понадобились старые сапоги, съ огромными гвоздями, кому?

— Какомунибудь прохожему!

— Ну развѣ сосѣднему садовнику—это будетъ вѣрнѣе.

Въ тотъ же вечеръ жена Ремпельмана, доставая башмаки, вмѣсто одной пары нашла двѣ, а именно рядомъ съ башмаками стояли старые, украденные недавно сапоги.

Сосѣдъ сапожника, агентъ Шпарбергеръ, поговоривъ довольно крупно съ Ремпельманомъ, ушелъ въ домъ, гдѣ встрѣтилъ его садовникъ.

— Можешь искать себѣ мѣсто, сказалъ ему агентъ.

— Что я сдѣлалъ такое? чѣмъ вы недовольны, сударь? спрашивалъ его пораженный садовникъ.

— Сколько разъ говорилъ я тебѣ не вести знакомства съ сосѣдами, и сколько разъ говорилъ тебѣ, чтобы ты выжилъ ихъ какъ нибудь. А то онъ сидитъ тамъ въ своей каланчѣ и видитъ все, что у меня дѣлается.

— Гдѣ же мнѣ найти теперь мѣсто?

— Ну это ужъ твое дѣло.

— Ну, а если я выживу сосѣда, могу я тогда остаться?

— Если черезъ три дня сапожника не будетъ на каланчѣ, можешь остаться.

Черезъ нѣсколько минутъ агентъ вышелъ изъ дому и направился къ заставѣ. Онъ пошелъ вдоль городской стѣны, по пустой улицѣ, слабо освѣщенной однимъ фонаремъ. Онъ дошелъ до какого-то зданія, прежде бывшаго вѣроятно церковью, а теперь почти разваливагося и, остановясь у воротъ, сталъ оглядываться, нѣтъ ли гдѣ кого.

— Какъ грустно, прошепталъ онъ,—что правовѣрные должны прятаться во мракъ, но придетъ время, когда они зажгутъ факелы и спать всѣ преграды.

Агентъ остановился передъ дверью и стукнулъ три раза съ небольшими промежутками, послѣ чего изнутри тихимъ голосомъ спросили пароль. „Ерихонскій пилигримъ“, также тихо отвѣчалъ Шпарбергеръ. Черезъ нѣсколько времени дверь тихо отворилась настолько, чтобы пропустить человѣка; потомъ также тихо затворилась.

Нѣсколько времени въ безлюдной улицѣ царствовала тишина. Но потомъ изъ-за кучи мусора, наваленнаго у самой двери, поднялся человѣкъ, прятанннй тамъ.

— А! проговорилъ онъ смѣясь и потирая руки; — такъ чутье мое меня не обмануло? Такъ вотъ гдѣ сборище, и стукъ и пароль я знаю.

Подумавъ еще съ минуту, онъ рѣшительно подошелъ къ двери и постучалъ, но, не получивъ отвѣта, повторилъ еще разъ. Выслушавъ пароль, его впустили, и онъ увидѣлъ сидящаго въ какой-то нишѣ старика съ фонаремъ въ одной рукѣ и съ вѣнкомъ изъ розъ въ другой. Хотя вошедшій незнакомецъ былъ неузнаваемъ, тѣмъ не менѣе онъ отступилъ, когда старикъ, въ которомъ

онъ тотчасъ же узналъ маркера изъ знакомаго ему отеля, поднялъ фонарь и осмотрѣлъ его съ головы до ногъ.

Послѣ этого онъ снова усѣлся въ нишу, но несмотря на свою задумчивость, замѣтилъ, что незнакомецъ, пройдя во дворикъ, не зналъ куда идти далѣе. Онъ подошелъ къ нему и, поднявъ фонарь, спросилъ:

— Чего вы, сударь, ищете? Пароль хоть вы и знали, но стучали-то не совсѣмъ какъ слѣдуетъ, и если вы не знаете, куда идетъ путь Ерихонскихъ пилигримовъ, то вы забрались не туда, куда слѣдуетъ.

Незнакомецъ понялъ, что ему во что бы то ни стало надо было угадать вѣрный отвѣтъ, или отказаться отъ успѣха своего предпріятія. Онъ съ увѣренностію осмотрѣлся, и увидѣлъ надъ узенькимъ проходомъ черный крестъ съ красными перекладинами.

— Ерихонскіе пилигримы идутъ къ кресту, изъ мрака ночи къ утренней зарѣ, торжественно проговорилъ незнакомецъ и пошелъ къ проходу. Вѣроятно, онъ угадалъ отвѣтъ, потому что старикъ вернулся и сѣлъ на свое старое мѣсто.

Изъ этого перехода нѣсколько ступеней вели въ залу безъ оконъ, вѣроятно служившую прежде мѣстомъ погребенія. Вдоль стѣнъ шли ниши одна подлѣ другой для помѣщенія гробовъ, изъ которыхъ нѣкоторыя были задѣланы, и надписи на задѣланныхъ мѣстахъ показывали, что въ нихъ уже покоятся усопшіе. Потолокъ поддерживался посреди низкими и толстыми колоннами. Вся эта страшная обстановка низкой залы производила какое-то внушающее впечатлѣніе. На возвышеніи вмѣсто алтаря стоялъ длинный столъ со свѣчами, обставленный старинными стульями, а вдоль стѣны размѣщены были скамейки, а на скамейкахъ сидѣли благочестивые слушатели мужчины и женщины и вели между собою шопотомъ бесѣду. Около стола стояло нѣсколько мужчинъ, принадлежавшихъ, судя по костюму, къ духовенству. Между ними незнакомецъ замѣтилъ и Овербергена, зорко слѣдившаго за всѣмъ, что дѣлалось въ залѣ. Онъ съ жаромъ говорилъ съ какимъ-то молодымъ челоувѣкомъ и разговоръ ихъ былъ прерванъ Шпарбергеромъ, подавшимъ Овербергену какой-то свертокъ.

— Позвольте, сказалъ онъ, почтительно подходя, — вручить

вамъ мое приношеніе въ пользу абиссинскихъ сиротъ, за которыхъ вы недавно такъ хорошо говорили.

— Не столько дорого приношеніе, сколько усердіе, благочестиво возразилъ Овербергенъ.

Агентъ почтительно раскланялся. Послѣ него къ Овербергену подошелъ писарь Биллингеръ, и они съ нимъ отошли въ уголокъ.

— Исполнили ли вы мое порученіе? спросилъ его Овербергенъ. — Узнали ли вы о той особѣ, о которой я вамъ говорилъ?

Они заговорили шопотомъ.

Незнакомецъ быстро осмотрѣлъ все это и, къ удовольствію своему, замѣтилъ, что своимъ появленіемъ не обратилъ вниманія, такъ что никто не узналъ въ немъ страшнаго и опаснаго Ридля. Онъ принялъ позу благочестиваго богомольца, причемъ ему было удобно слушать и замѣчать все, что дѣлалось вокругъ. Неподалеку отъ него, вокругъ бывшаго камердинера Кюндиха, собралась кучка людей, преимущественно женщинъ, и внимательно слушала, что онъ читалъ и потомъ объяснялъ прочитанное.

— Посѣщенію всѣхъ вѣрующихъ, сказалъ Кюндихъ, складывая бумагу. — буду я очень радъ, пусть они сами убѣдятся, какое милосердіе Господь ниспослалъ на мою дѣвочку, простую, необразованную дѣвочку, которая едва умѣетъ читать и писать. Но лишь только рука ея касается психографа, какъ она дѣлается совершенно другимъ существомъ. На нее нисходитъ вдохновеніе и она начинаетъ разрѣшать и отвѣчать на самые таинственные вопросы такъ легко, какъ будто всю жизнь свою только этимъ и занималась.

— Удивительно, проговорилъ судья Веберъ, снявъ золотые очки и протирая ихъ носовымъ платкомъ. — Я приду къ вамъ, господинъ оберъ-камердинеръ, и посмотрю, что дѣлаетъ Господь, чтобы вразумить невѣрующихъ. Странно, что до сихъ поръ никому не пришло въ голову разрѣшать такимъ простымъ способомъ великія научныя задачи, надъ которыми ученые сидятъ цѣлыми вѣками. Тутъ истины можно было бы почерпать изъ лучшихъ источниковъ.

— Подобныя попытки мы уже дѣлали, отвѣчалъ таинственно, но довѣрчиво Кюндихъ;—хотя мнѣ этого не хотѣлось! Сынъ по-
«Дѣло», № 11.

койной моей сестры, студентъ, изъ числа нынѣшней невѣрующей молодежи, захотѣлъ вызвать тѣнь Шиллера. Духъ вызваннаго изъяснилъ готовность отвѣчать. Невѣрующій студентъ задалъ ему сочинить стихотвореніе. Мы сидѣли всѣ какъ на раскаленныхъ угольяхъ вокругъ пишущей, которая однакожь безъ всякаго труда написала довольно длинное стихотвореніе.

— Ну и это стихотвореніе? съ любопытствомъ спросилъ судья.

— Конечно, продолжалъ Кюндихъ,—не походило на тѣ, что Шиллеръ писалъ при жизни. Студентъ уже торжествовалъ и началъ острить, но замолчалъ послѣ отвѣта, даннаго духомъ.

— Какого же? спросилъ судья.

— Шиллеръ сознавался самъ, что стихотвореніе дурно и прибавлялъ, что онъ присужденъ писать при новыхъ попыткахъ дурно, въ наказаніе за то, что при жизни онъ занимался такими суетными вопросами, вмѣсто того, чтобы употребить всѣ свои силы на разрѣшеніе міроваго вопроса, которая вѣра есть истинная?

— Удивительно, непостижимо! восклицалъ въ волненіи судья;— и какъ это человѣчество слѣпо, что не догадывается примѣнять такого простого способа, напримѣръ, хоть бы въ судебныхъ дѣлахъ, при произнесеніи приговора, вмѣсто суда присяжныхъ, въ особенности при запутанныхъ дѣлахъ. Вѣдь такъ можно было бы навѣрное узнать о виновности или невинности подсудимаго.

Всѣ слушатели закивали головами въ знакъ согласія, но Ридль никакъ не могъ болѣе вытерпѣть, и что-то въ родѣ хохота вырвалось изъ его груди. Но онъ тотчасъ же опомнился, и сталъ довольно громко выражать удивленіе, что совершенно удовлетворило слушателей Кюндиха. Не удовлетворило это только зорко слѣдившаго за всѣми писаря Биллингера. Онъ сталъ пристально вглядываться въ Ридля, и хотѣлъ уже подойти, чтобы заговорить съ нимъ, какъ раздался звонокъ, возвѣщавшій начало проповѣди и молитвы, цѣли собранія.

— Кажется, я почти весь городъ знаю, шепталъ писарь, — а этотъ господинъ мнѣ незнакомъ. Надо спросить у старика привратника.

Овербергенъ отошелъ въ сторону и шепталъ самодовольно улыбаясь: „Такъ это была она, такъ я и подозрѣвалъ! Такъ между

ними тайныя сношенія! Вѣдь онъ человѣкъ, и съ человѣческими страстями. Ну по этому концу можно куда какъ далеко забраться.

Проповѣдь началъ говорить какой-то юноша, съ длинными, закинутыми назадъ волосами. Все слушало съ напряженнымъ вниманіемъ. Неслышно, какъ змѣя въ травѣ, пробрался между тѣмъ писарь къ Овербергену и сталъ ему что-то шептать.

— Чужой между нами? съ безпокойствомъ проговорилъ Овербергенъ.— Кто бы это могъ быть?

— Не знаю, шепталъ писарь;—мигъ онъ тотчасъ же бросился въ глаза и показался подозрительнымъ. Да и старикъ привратникъ говоритъ, что постучался онъ не совѣмъ по правиламъ, да и не зналъ дороги, указанной каждому.

— Хорошо, спокойно сказала Овербергенъ. — Не выпускайте его изъ вида, пока не кончится проповѣдь! Чтобы все было тихо и спокойно. Нѣсколько пилигримовъ перваго разряда пусть заговорятъ съ нимъ у выходныхъ дверей, и такимъ образомъ задержать его на минуту. А я буду по близости.

Онъ хотѣлъ еще что-то сказать, но несмотря на отдаленность и замкнутость залы, съ улицы послышался какой-то непріятный гулъ. Дверь настежь отворилась и привратникъ вбѣжалъ едва переводя духъ, но онъ не успѣлъ еще произнести ни слова, какъ въ отворенную дверь послышался трескъ пожара и видно было сильное пламя. Правовѣрные конечно забыли всѣ правила любви къ ближнему, и всякій въ ущербъ брата своего старался вырваться на волю.

„Горить! горить! кричалъ старый маркеръ, совершенно, кажется, потерявшій голову.— Горить въ Келлергассъ, въ Красной Звѣздѣ, зады отъ которой выходятъ къ намъ! Мы въ самомъ огнѣ. Вотъ наказаніе намъ грѣшнымъ! Пусть гнѣвъ твой, Господи, обратится на безбожниковъ, а не на насъ, твоихъ милыхъ дѣтей, пилигримовъ твоего новаго Ерихона!

Въ этой давѣ Ридль проскользнулъ незамѣтно не въ главную выходную дверь, а перескочивъ черезъ заборчикъ въ сосѣдній садъ. Ему пришло перелѣзть еще черезъ нѣсколько заборовъ, какъ вдругъ къ немалому удивленію своему онъ очутился въ маленькомъ садикѣ Красной Звѣзды, подъ освѣщенными пламенемъ каштанами,

гдѣ онъ сидѣлъ съ Фридрихомъ въ вечеръ возстанія. Темныя кровли сосѣднихъ домовъ озарялись краснымъ заревомъ, передняя часть харчевни горѣла какъ свѣча. Трескъ горѣвшаго дерева и шипѣвшей воды смѣшивался съ крикомъ пожарныхъ. Несмотря на близость пожара въ садикѣ никого не было, хотя и тутъ сосѣднимъ домамъ грозила опасность.

Съ минуту Ридль простоялъ, глядя на всепомощающій огонь, онъ не обращалъ вниманія, что искры сыпались какъ дождь около него, что сквозъ запертые ставни нижняго этажа сталъ пробираться дымъ. Точно также не обратилъ онъ вниманія и на то, что въ уголочкѣ сада прижался на четверенькахъ хозяинъ Красной Звѣзды, владѣтель дома. Страхъ, казалось, совершенно лишилъ его разсудка, такъ что онъ скорѣе походилъ на мертваго, чѣмъ на живого, хотя шепталъ какія-то невнятные слова, дрожалъ всѣмъ тѣломъ и стучалъ зубами; ему, казалось, и въ голову не приходило спасать свое добро. Приблизившійся сильный мужской голосъ вывелъ его изъ этого оцѣпененія, онъ точно очнувшись вскочилъ на ноги и наклонился впередъ всѣмъ тѣломъ, какъ будто ожидая кого-то, съ тѣмъ, чтобы вступить съ нимъ въ смертельный бой. Но онъ быстро одумался, когда голосъ кричавшаго сталъ приближаться, и снова принялъ прежнее отчаянное положеніе, и кромѣ того сталъ жалобно вопить.

Въ эту минуту въ садикъ вбѣжалъ слесарь Губеръ, отчаянно крича:

— Марія! Марія! гдѣ ты? Гдѣ Марія? крикнулъ онъ еще громче, увидавъ хозяина, къ которому онъ бросился и схватилъ его за шиворотъ такъ, что тотъ чуть не задохся.

— Не знаю, стоналъ тотъ.—Ахъ ты, Господи! какже мнѣ знать? Со страха я все позабылъ. Я погибшій человекъ! Вотъ мой и домъ! вотъ моя и харчевня!

— Я задушю тебя, крикнулъ въ себя Губеръ;—если ты не скажешь гдѣ дѣвушка?

— Почему я знаю, снова простоналъ хозяинъ.— Не видалъ ее, да и не думалъ о ней. Она вѣрно у себя въ комнатѣ.

— У себя въ комнатѣ? въ страшномъ отчаяніи крикнулъ Губеръ.— Тамъ въ огнѣ? Подъ горящей крышей, которая грозитъ

оженинотно рухнуть и раздавить ее? Ты знаешь это и не говоришь? Знаешь и сидишь, и реवेशь и не трогаешься съ мѣста, чтобы спасти дѣвушку, которой ты долженъ былъ бы служить отцомъ? Собака ты! Ты поджегъ домъ, разбойникъ. Но поджегъ на свою шею. Я спасу ее, или сгорю вмѣстѣ съ нею.

И съ этими словами Губеръ бросился въ сѣни, изъ которыхъ валилъ дымъ, доказывавшій, что домъ загорался и внизу. Между тѣмъ въ садикъ прибѣжали рабочіе ломать домъ, для того, чтобы онъ, рухнувъ впередъ, не причинилъ еще большаго несчастія.

— Подождите! крикнулъ Ридль рабочимъ. — Въ домъ остался человекъ на верху, въ комнатѣ подъ крышей.

— Спаси Господи несчастнаго! сказалъ одинъ изъ пожарныхъ. — Ему ужъ не выйти! Если мы и не будемъ ломать, крыша все-таки тотчасъ же рухнетъ и убьетъ его.

Наступила мертвая тишина, всѣ ждали чего-то, и только трещалъ огонь. Вдругъ въ сѣняхъ показалась фигура Губера съ безчувственной Маріей на рукахъ. Толпа встрѣтила его радостнымъ крикомъ, и таеъ какъ онъ шелъ шатаясь отъ утомленія, то Марія у него была тотчасъ же взята.

Только-что всѣ вышли изъ сѣней, какъ крыша рухнула съ страшнымъ трескомъ и осыпала всѣхъ присутствующихъ градомъ искръ и углей.

— Проклятый! прошипѣлъ хозяинъ, незамѣченный въ толпѣ, — еще минута, и было бы поздно!

Потомъ онъ бросился на колѣни передъ безчувственной дѣвушкой и закричалъ, поднявъ руки къ небу:

— Слава тебѣ, Господи! опять ты со мною! Пусть горитъ мой домъ, я избавленъ отъ ужаснаго несчастія! Моя милая, добрая дочь спасена! Теперь мнѣ все равно, я пойду хоть по міру.

IV.

Жертва.

Въ герцогскомъ замкѣ, въ комнатахъ старой герцогини, стояла Примитива и распечатывала большой пакетъ, изъ котораго достала

множество писемъ на тонкой цвѣтной бумагѣ, и небольшую записочку, написанную весьма некрасиво и неправильно.

Примитива начала читать записку:

„Мнѣ вовсе нѣтъ желанія поссорить васъ съ вашимъ женихомъ, но такая важная особа, какъ вы, должны понять, что подобныя письма не могутъ оставаться въ чужихъ рукахъ. Предлагаю ихъ вамъ. У меня ихъ есть порядочная коллекція, изъ которыхъ посылаю вамъ нѣкоторые экземпляры...

Тутъ послышался въ дверяхъ шумъ и Примитива едва успѣла прикрыть письмо носовымъ платкомъ, какъ въ комнату вошелъ молодой Шроффенштейнъ.

Черезъ полчаса Шроффенштейнъ стоялъ одинъ, онъ былъ взбѣшенъ и смущенъ и очень обрадовался, увидавъ въ дверяхъ Овербергена. Онъ, какъ бы желая излить гнѣвъ свой, подошелъ къ нему.

— Овербергенъ! вскричалъ онъ, — очень радъ васъ видѣть, вы пришли очень кстати!

— Я тоже очень радъ! отвѣчалъ Овербергенъ, сладко улыбаясь; — мнѣ вѣдь надо еще кончить съ вами дѣльце.

— Не доводите меня до крайности, господинъ Овербергенъ, знайте, что пулю, на которую я полагаю послѣднюю свою надежду, предназначаю я не себѣ, а вамъ.

— Другъ мой, въ чему вы такъ горячитесь, бротно возразилъ Овербергенъ; — выслушайте же сначала...

— Фрейленъ Фалькенгофъ, вскричалъ Шроффенштейнъ, — отказала мнѣ, а потому и я считаю себя въ правѣ отказать вамъ въ вашемъ требованіи.

— Въ такомъ случаѣ дѣло замедлится, но не измѣнится.

— Если намъ суждено раззориться, то, по крайней мѣрѣ, я буду бороться до послѣдней крайности.

— Полноте, мой молодой другъ, возразилъ Овербергенъ, — сдержите ваше слово, а я вамъ помогу обвиняться съ фрейленъ фонъ-Фалькенгофъ.

— Развѣ вы знаете причину ея отказа?

— Можетъ быть, улыбаясь отвѣчалъ Овербергенъ.

— Ну такъ мнѣ значитъ нечего таиться передъ вами. Она

недовольна одной моею интрижкой съ танцовщицей. Теперь я совсѣмъ запутался.

— Фрейленъ дастъ свое согласіе.

— Несмотря на эту исторію?

— Несмотря. Но только мнѣ надо поговорить съ нею.

— Да вотъ она идетъ. Я уйду и оставлю васъ однихъ.

— Совсѣмъ не надо. Отойдите на минуту и потомъ сами увидите, что я общалъ вамъ не слишкомъ много.

Это была точно Примитива. Овербергенъ любезно подошелъ къ ней.

— Я сознаю свою смѣлость, что безпокою васъ своимъ разговоромъ, сказалъ Овербергенъ.—Мнѣ очень хотѣлось спросить васъ, фрейленъ, правда ли будто вы выходите замужъ, а между тѣмъ вы такъ это скрываете, что носится другой слухъ, будто вы уѣзжаете съ герцогиней-бабкой.

— Я не понимаю васъ, сударь! Если вы говорите о господинѣ фонъ-Шпрофенштейнѣ, то онъ самъ можетъ сказать вамъ, какъ неосновательны слухи о моемъ бракѣ.

— Позвольте мнѣ говорить съ вами откровенно. Вы хотите отказать вашему жениху на основаніи того, что прочли письма его, писанныя имъ уже въ то время, какъ онъ былъ вашимъ женихомъ. Но такая строгость нравовъ съ вашей стороны, право, меня удивляетъ.

— Милостивый государь, вы хотите оскорблять меня.

— Нисколько. Можетъ ли быть такая строгость здѣсь, гдѣ бывають примѣры, что дамы выходятъ по ночамъ въ мужскомъ платьѣ, на свиданье съ милымъ другомъ, въ какомъ нибудь мѣстечкѣ, совсѣмъ непопулярномъ хорошей славой.

— Что вы хотите этимъ сказать? вскричала Примитива, не умѣя скрыть своего удивленія.

— Вы видите, что я все знаю. Хотите узнать, гдѣ было это свиданіе и кто была эта дама? Какъ вы думаете, какое впечатлѣніе произведетъ эта исторія, если я буду рассказывать ее далѣе. Исторію про одну придворную даму, считавшуюся вообще примѣромъ нравственности, образцомъ строгости, и которая падаетъ до того, что ночью ходитъ къ своему возлюбленному. Не смущайтесь

впрочемъ, я вашъ другъ, и вамъ меня нечего бояться. А въ видѣ признательности за мое молчаніе, я прошу васъ не отказываться болѣе отъ брака съ графомъ фонъ-Шроффенштейномъ. Могу я на это надѣяться, фрейленъ?

Онъ раскланялся съ Примитивой и подошелъ къ Шроффенштейну.

— Поздравляю васъ, другъ мой, сказалъ онъ,—недоразумѣніе, бывшее между вами, устранено, не такъ ли, фрейленъ?

— Право? сказалъ Шроффенштейнъ.—Я могу надѣяться?

И съ этими словами онъ быстро подошелъ къ Примитивѣ, обнялъ ее, поцѣловалъ прямо въ губы и вышелъ изъ комнаты, вмѣстѣ съ Овербергенемъ.

Примитива едва понимала, что съ ней дѣлается. Она, шатаясь, опустилась на диванъ и закрыла лицо руками.

Въ это самое время Фридрихъ стоялъ передъ слѣпою герцогиней, и горячо говорилъ съ нею.

— Вы посланы ко мнѣ внукомъ, господинъ министръ, говорила герцогиня. —Что скажете вы мнѣ отъ него?

— До герцога, отвѣчалъ Фридрихъ,—дошелъ слухъ, что ваше высочество намѣрены выѣхать изъ государства, и поселиться въ столицѣ нашего могущественнаго сосѣда...

— А если бы это было и такъ? гордо спросила старуха.

— Герцогъ велѣлъ просить васъ черезъ меня отложить это намѣреніе, и не лишать его присутствія вашего высочества.

— Если герцогу такъ важно мое присутствіе, зачѣмъ же не приходитъ онъ самъ просить меня?

Фридрихъ сообщилъ, что герцогъ уѣхалъ въ свой охотничій замокъ Сентъ-Венделинъ.

Долго длились переговоры, герцогиня возвышала голосъ, Фридрихъ же говорилъ почтительно, но твердо. Наконецъ онъ подошелъ ближе къ старухѣ и проговорилъ:

— Вы видите, ваше высочество, что я знаю болѣе, чѣмъ говорю. Такъ дайте же отвѣтъ, какого желаетъ герцогъ. Такъ какъ вы собрались уже въ дорогу, и нельзя отложить поѣздки, не возбудивъ толковъ, то герцогъ проситъ, чтобы вы не переступали границы его государства, и отправились въ помѣстье его Либштейнъ,

которое онъ предлагаетъ къ вашимъ услугамъ. Я не взялъ бы на себя этого порученія, если бы не былъ увѣренъ, что могу принести герцогу совершенно благопріятный отвѣтъ отъ вашего высочества.

— Дайте мнѣ время подумать, прошптала герцогиня.

— Сожалѣю, что не могу исполнить этого желанія. Надо, чтобы ваше высочество тотчасъ же сообщили мнѣ о своемъ рѣшеніи, безъ виѣшательства вашихъ благочестивыхъ совѣтниковъ.

— А если я откажусь? спросила герцогиня.

— Ваше высочество не откажетесь, твердо отвѣчала Фюреръ. — Но если бы это случилось, то будутъ приняты мѣры для исполненія воли герцога.

— Хорошо ли я понимаю васъ? Какъ! вы осмѣлитесь употребить силу?

— Не угодно ли вашему высочеству припомнить, что очень недавно въ этихъ самыхъ комнатахъ шли разговоры и рѣшались мѣры противъ моего государя, герцога. И мѣры эти нельзя называть иначе, какъ мѣрами насилія.

— Нѣтъ, нѣтъ, вскричала внѣ себя герцогиня, тщетно старавшаяся сохранить спокойствіе и величіе; — это все дѣлается не по желанію моего внука! Я пойду къ нему и сама поговорю съ нимъ.

— Невозможно, ваше высочество, холодно сказалъ Фюреръ. — Герцогъ уѣхалъ на охоту въ Сентъ-Венделингъ. Мнѣ же надо тотчасъ же знать отвѣтъ вашего высочества.

— Неслыханно! кричала старуха. — Насиліе принца противъ принцессы!

— Главы дома противъ непослушнаго члена семейства!

Въ это время въ комнату вошла дежурная дама герцогиня.

— Какой отвѣтъ угодно будетъ вашему высочеству дать мнѣ? спросилъ Фридрихъ совершенно спокойнымъ дѣловымъ тономъ.

— Скажите герцогу, отвѣчала дрожащимъ голосомъ герцогиня, — что я съ благодарностью принимаю нѣжную заботливость моего внука о моемъ здоровьи! Я съ удовольствіемъ исполню его желаніе и поселюсь въ замкъ Либштейнгъ.

Она съ гордостью повернулась и, опираясь на руку своей дамы, ушла къ себѣ въ спальню.

Фюреръ перевелъ духъ и пошелъ къ герцогу. Онъ былъ такъ взволнованъ, что ошибся дверью и замѣтилъ это только тогда, когда вошелъ уже въ комнату. Онъ хотѣлъ уже вернуться, какъ вдругъ услышалъ шорохъ и увидалъ женщину, горько плачущую на диванѣ. Она встала и Фюреръ увидѣлъ Примитиву.

Съ тѣхъ поръ, какъ Клеменцъ вышелъ изъ комнаты, она, не смотря на свое отчаяніе, сознала все свое несчастіе, неизбежность связи съ ненавистнымъ человѣкомъ. При воспоминаніи о прошедшихъ отрадныхъ картинахъ, слезы полились у нея обильнѣе, и, сама не помня себя, она бросилась къ Фюреру. Она опомнилась уже у него въ объятіяхъ. Голова ея покоилась у него на груди, и онъ цѣловалъ ее въ лобъ.

Фюреръ первый пришелъ въ себя, и тихонько отстранилъ ее отъ себя.

— Фрейленгъ! Примитива! шепталъ онъ.— Что съ вами? Опомнитесь! Говорите же! Вы такъ блѣдны, какъ будто только-что видѣли привидѣніе.

— Привидѣніе? отвѣчала она;— да, я видѣла страшное привидѣніе своей будущности—и оно представилось мнѣ во всемъ своемъ ужасѣ! Простите меня, другъ мой, простите мою слабость! У меня было довольно времени обдумать и приготовиться къ своей будущности, и глупо, что я не могу спокойнѣе смотрѣть на нее.

— Такъ ли я понимаю васъ? нерѣшительно спросилъ ее Фюреръ.— Неужели вы подтвердите слухи о вашемъ...

— Я рѣшила свою участь, съ видимымъ трудомъ проговорила Примитива. — Графъ Клеменцъ просилъ моей руки, и мнѣ надо согласиться на его просьбу.

— Надо, фрейленгъ? съ участіемъ спросилъ Фюреръ.— Такъ это не ваше сердечное желаніе? Но кто же можетъ принуждать васъ?

— Не спрашивайте! уклончиво отвѣчала Примитива.— Теперь я опять пришла въ себя. Идите, Фюреръ, и не спрашивайте меня!

— Какъ могу я не спрашивать, вскричалъ Фюреръ; — послѣ того, что я слышалъ отъ васъ, послѣ того, какъ я знаю, что бракъ этотъ будетъ вашимъ несчастіемъ?

Примитива не отнимала руки, взятой Фридрихомъ, и смотрѣла ему прямо въ глаза.

— А если бы это было и такъ, другъ мой, что же изъ этого? Вѣдь и вы не можете похвастаться вашимъ счастьемъ? Вы опускаете глаза; такъ это отвѣтъ вашъ?

— Что такое счастье? отвѣчала Фюреръ, тяжело вздыхая.— Гдѣ найти его? Жизнь идетъ совсѣмъ не такъ, какъ подсказываютъ намъ надежда и желаніе, и если весна богата цвѣтами, то морозъ и насѣкомыя стараются о томъ, чтобы плодовъ было поменьше.

— Вы несчастливы, Фридрихъ! сказала Примитива, задумчиво глядя на него.— Я слышала объ этомъ. Вы не нашли въ семейной жизни того, чего искали.

— Къ сожалѣнію, это справедливо, отвѣчалъ Фюреръ.— Я не встрѣтилъ въ женѣ того сочувствія, какого ожидалъ. Но я не считаю надежды свои погибшими. Ульрика молода, всѣ эти отношенія для нея новы. Ее увлекли удовольствія, да и я, можетъ быть, не мало виноватъ въ этомъ. Можетъ быть, я слишкомъ предавался занятіямъ и вслѣдствіе этого отстранялся отъ нее и отъ дома.

— Въ этихъ словахъ я узнаю васъ, другъ мой, съ жаромъ отвѣчала Примитива.— Да, вы правы, не считайте надежды свои погибшими! Вы еще будете когда нибудь счастливы; вы будете счастливы, потому что вы стоите счастья, и въ моеѣ жизни, по крайней мѣрѣ, будетъ утѣшеніе, что вы счастливы.

— О Примитива, въ волненіи вскричалъ Фюреръ, — зачѣмъ жизнь такъ долго не сводила насъ! Зачѣмъ мы встрѣтились такъ поздно! Зачѣмъ понялъ я такъ поздно, чѣмъ были вы для меня съ первой минуты! Зачѣмъ узнаю я только теперь по вашимъ сдержаннымъ словамъ, по вашимъ взорамъ, по вашимъ слезамъ, что вы чувствуете ко мнѣ!

— Не думайте болѣе объ этомъ! отвѣчала Примитива, отнимая свою руку.— Забудьте навсегда ту минуту, когда я могла забытьсѣ.

— Какъ забыть мнѣ то, что было бы лучшей надеждой, лучшимъ счастьемъ моей жизни, если бы мнѣ было позволено протянуть до этого руку? Нѣтъ, если всей моей жизни суждено тануться, какъ мрачной, безотрадной ночи, то эта минута будетъ надо мною ясною, никогда непотухающей звѣздой.

— Да, звѣздой, кротко отвѣчала Примитива. — Такой же звѣздой будетъ для меня и воспоминаніе о васъ! Развѣ нельзя путнику во мракѣ, окружающемъ его, смотрѣть на звѣзды, для него недосыгаемыя?

— Ну такъ, сказалъ Фюреръ, едва владѣя собою, — прощайте! Будьте тверды, Примитива, и достойны другъ друга! Въ вѣчности мы принадлежимъ другъ другу, а здѣсь намъ надо разстаться!

— Разстаться! грустно проговорила Примитива. — Какъ это горько! Я никогда не сознавала, какъ глубоко вкоренилось во мнѣ это чувство. Вся сила моя пропадаетъ при мысли, что мнѣ надо вырвать васъ изъ сердца.

— Зачѣмъ же вырывать? Наши отношенія останутся тайной нашей жизни, ея сокровищемъ, и для того, чтобы на вѣки сохранить и то и другое, намъ надо дать другъ другу слово никогда болѣе не видаться.

— Никогда?

— Къ чему, Примитива? Намъ надо скорѣе исполнить наше рѣшеніе для того, чтобы оно не поколебалось. Намъ не надо видѣться болѣе.

Примитива подала ему руку съ словами прощанія, и они разошлись. Когда Фюреръ вышелъ изъ дворца, было уже такъ темно, что всюду горѣли фонари. Передъ воротами водили взадъ и впередъ лошадей, и Фридрихъ, къ немалому удивленію своему, услышалъ, какъ конюхи говорили, что герцогъ не поѣхалъ въ Сентъ-Венделинъ, а вернулся съ половины пути. Далѣе Фридрихъ пропустилъ мимо ушей, какъ конюхи толковали, что герцогъ большой любитель пѣнія, и что дорогою онъ вспомнилъ, что у генеральши фонъ-Гельмгангъ будетъ пѣніе, и поэтому онъ вернулся въ городъ.

Не обращая вниманія на окружающіе предметы, шелъ Фридрихъ домой, гордо поднявъ голову, и чувствуя себя легко, какъ будто съ плечъ у него свалилась тяжесть. Онъ чувствовалъ, что побѣдилъ себя, что голова одержала верхъ надъ сердцемъ, мысль надъ нервнымъ увлеченіемъ. Вдругъ онъ съ удивленіемъ остановился. Ему послышалось пѣніе. Онъ посмотрѣлъ и увидалъ, что стоитъ передъ домою генеральши, гдѣ должны были собраться гости для пѣнія. Окна были отворены, и подъ акомпаниментъ превосходнаго роля

слышалось пѣніе превосходнаго женскаго голоса, довольно низкаго и густаго.

— Господи! что это со мною? вскричалъ Фюреръ, приподнявъ шляпу, чтобы освѣжить голову.—Голосъ этотъ мнѣ знакомъ! Это точно... да нѣтъ этого быть не можетъ. Вѣдь она обѣщала мнѣ быть сегодня дома. Мы проведемъ вечеръ въ саду.

Онъ торопливо пошелъ дальше, и вскорѣ дошелъ до узкаго переулка и тихаго, какъ монастырь, своего дома. На звонъ его, дверь ему отворила сама совѣтница.

— Ахъ какъ хорошо, вскричала она,—что ты пришелъ домой такъ рано.

— Матушка, виѣ себя вскричалъ Фридрихъ, не отвѣчая на ея дружеское привѣтствіе,—гдѣ Ульрика?

Совѣтница вмѣсто отвѣта пожала плечами.

— Не можетъ быть, снова вскричалъ Фридрихъ.— Она обѣщала мнѣ не ѣздить на спѣвкѣ.

— И все-таки поѣхала, отвѣчала совѣтница.— Генеральша прислала еще разъ, сама пріѣзжала и говорила, что безъ нея нельзя обойтись, что дуетъ, или какъ онъ тамъ называется, не можетъ состояться безъ нея, что въ числѣ слушателей будетъ, можетъ быть, его высочество.

— И такъ несмотря ни на что, вскричалъ Фридрихъ;—несмотря на такое торжественное обѣщаніе...

— Полно, сынъ мой, вскричала заботливая мать, взявъ его за руку,—успокойся. Ты совсѣмъ виѣ себя, я тебя не видывала такимъ!

— Да я и не чувствовалъ еще никогда того, что чувствую теперь! вскричалъ онъ.— Матушка, какой тяжелый былъ сегодня день! Я нажилъ себѣ страшнаго врага въ лицѣ женщины, распрощался съ лучшимъ счастіемъ своей жизни, пожертвовавъ имъ своему слову; но судьба, кажется, отвергаетъ эту жертву, и отнимаетъ отъ меня то, въ чемъ я думалъ найти свое благополучіе.

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ.

I.

Кладбище.

Большое городское кладбище было наводнено народомъ. Встждали великолѣпныхъ похоронъ, и въ ожиданіи толковали о покойникѣ. Въ числѣ слушателей былъ и слесарь Губеръ.

— Кого хоронять? спрашивалъ кто-то изъ толпы.

— Сегодня отдають послѣднюю честь лейтенанту Бергдорфу. Первый далъ онъ приказъ, годъ тому назадъ, стрѣлять въ народъ. И первая пуля съ баррикадъ убила его, хотя онъ и умеръ отъ нея болѣе чѣмъ черезъ годъ.

Слова эти были прерваны звуками барабановъ. Солдаты несли гробъ съ тѣломъ Бергдорфа. На гробу, украшенномъ цвѣтами, лежали каска и сабля. За гробомъ шли родственники, а за родственниками цѣлая толпа блестяще-одѣтыхъ чиновниковъ и офицеровъ, и за ними ужъ народъ. Бой барабана смѣнялся грустнымъ мотивомъ похороннаго марша. Для зрителей, стоявшихъ за оградой, зрѣлище кончилось, и потому они быстро разошлись. Остался только отрядъ солдатъ, который долженъ былъ дать три залпа, когда тѣло будутъ опускать въ могилу, тѣло человѣка, умершаго при исполненіи своего долга.

Ткачъ Вилль былъ изъ числа присутствовавшихъ при погребеніи; онъ держалъ за руку Ричарда, одѣтаго въ новое черное платье, на которое мальчикъ любовался съ видимымъ удовольствіемъ. Ткачъ стоялъ вдали отъ могилы, куда нельзя было пробраться сквозь давку. Потомъ онъ пошелъ съ мальчикомъ къ воротамъ кладбища и сталъ ходить взадъ и впередъ, чтобы выждать когда народъ разоидется и имъ можно будетъ подойти къ могилѣ. Дикому мальчику, кажется, это очень не нравилось, потому что онъ смотрѣлъ во всѣ стороны, точно будто отыскивая глазами, куда ему ускользнуть, что непремѣнно и сдѣлалъ бы, если бы ткачъ Вилль крѣпко не держалъ его за руку.

Такъ, прогуливаясь, подошли они къ склепу, изъ котораго вынесли новаго покойника. Простой гробъ съ плоской крышей ясно доказывалъ бѣдность умершаго. При погребеніи не было слышно ни пѣнія, ни молитвы, и не было видно духовныхъ церемоній. А между тѣмъ за гробомъ двинулась цѣлая толпа весьма порядочно одѣтыхъ людей. Покойникъ былъ работникъ, бѣдный ремесленникъ, принадлежавшій къ свободномыслящей сектѣ. Онъ умеръ во цвѣтъ лѣтъ и оставилъ жену и двоихъ дѣтей въ страшной нуждѣ. Густая толпа любопытныхъ шла за этимъ простымъ гробомъ, поворотившимъ въ уголъ кладбища, гдѣ были приготовлены могилы для бѣдныхъ.

На лѣстницѣ въ склепъ, стоялъ, облокотясь къ стѣнѣ, смотритель кладбища и задумчиво смотрѣлъ вслѣдъ за похоронами; къ нему подошелъ могильщикъ съ заступомъ на плечѣ и, поклонившись, остановился передъ нимъ.

— Что? видѣли, господинъ смотритель? сказалъ онъ. — Я за-былъ прежде рассказать вамъ это. Когда сегодня утромъ я вышелъ рыть могилу, я замѣтилъ стекла на землѣ. Осмотрѣвъ вокругъ, я увидѣлъ, что разбито окно въ склепѣ. Это то окно, подъ которымъ растетъ бузинное дерево. Что такое, подумалъ я, тутъ случилось? Я осмотрѣлся и нашелъ, что отъ дерева обломаны сучекъ. Точно будто кто-то влѣзалъ на него, чтобы посмотрѣть въ покойную комнату.

— Молчи, парень, торопливо отвѣчалъ смотритель; — видѣлъ я это все еще ночью и поскорѣ велѣлъ вставить окно. Никому не надо рассказывать этого. Выйдутъ только дразги, а толку все-таки никакого.

— Въ чемъ же? съ любопытствомъ спросилъ могильщикъ. — Расскажите мнѣ, господинъ инспекторъ! Я не разболтаю, и такъ какъ я знаю ужь одно, такъ все-таки лучше если узнаю все сразу, чтобы можно было сообразиться.

Смотритель съ могильщикомъ отошли немного въ сторону и стали такъ, что Вилль, вовсе не желая подслушивать, услышалъ все.

— Странное это происшествіе, сказалъ смотритель. — Ты знаешь, кто это былъ покойникъ лейтенантъ, котораго только-что внесли. Многіе не долюбивали его. Когда его принесли, то по-

ставили въ склепъ въ богатой залѣ, родственники навезли цвѣтовъ и вѣнковъ и поручили мнѣ обложить его всего зеленью и цвѣтами. Такъ я и сдѣлалъ, и украсилъ покойника, порядочно такъ обезображеннаго, такъ что онъ сталъ сношень, и кромѣ того я вложилъ ему въ руки букетъ, гдѣ у него было маленькое распятіе. Когда же ночью, по обязанности службы, я раза два обошелъ своихъ покойниковъ, чтобы посмотрѣть горятъ ли свѣчи и не случилось ли чего, и легъ опять у себя въ комнатѣ, я услышалъ въ залѣ шорохъ. Глупости! подумалъ я,—это кровь шумитъ у меня въ ухахъ, что часто со мною случается,—и я хотѣлъ уже вернуться на другой бокъ, но старуха моя,—она спитъ рядомъ у стѣны—тоже слышала. А пока мы разсуждали, да я одѣвался, а она зажигала фонарь, мы услышали опять шорохъ и потомъ что-то упало на полъ. Ну можешь себѣ представить, какую тревогу забило мое бѣдное, безкровное сердце. И что же? Все было тихо и покойно, несгораемая лампада свѣтила, какъ звѣздочка, покойники всѣ лежали по своимъ мѣстамъ. И лейтенантъ тоже...

— Ну, спросилъ могильщикъ,—что же? Меня морозъ пробираетъ по кожѣ.

— Съ катафалка, гдѣ стоялъ лейтенантъ, продолжалъ смотритель,—всѣ цвѣты были сброшены на полъ. Цвѣты, что были въ горшкахъ, были осторожно сняты и поставлены въ уголокъ, и только два изъ нихъ лежали на полу. Вѣрно тотъ, кто это дѣлалъ, испугался и они выпали у него изъ рукъ.

Могильщикъ всплеснулъ руками и стоялъ разинувъ ротъ.

— Мы съ старухой, продолжалъ смотритель,—тотчасъ же принялись за дѣло и все поправили. Выбрали еще годные цвѣты, взяли отъ другого покойника букетъ и всунули его лейтенанту. Тутъ мы замѣтили, что и распятія нѣтъ. Ужъ мы обыскали все, какъ будто высматривая булавку, но его не оказалось, и кромѣ разбитаго окна не было никакихъ больше слѣдовъ.

Ткачъ невольно слышалъ все и тяжело вздохнулъ. А Ричардъ старался вырвать руку и говорилъ:

— Зачѣмъ мы тутъ? Отчего не уходимъ, какъ другіе.

Это обратило вниманіе смотрителя и онъ замолчалъ; потомъ спросилъ у Вилля, что ему нужно, и не ищетъ ли онъ чего.

— Нѣтъ, отвѣчалъ онъ, — но мнѣ сдѣлалось немного дурно. Я не могу переносить запаха ладона.

— Въ такомъ случаѣ, милый другъ, вамъ не надо ходить на кладбище! сказалъ смотритель. — Вы точно Богъ знаетъ на что похожи. Не принести ли вамъ чего? [У меня всѣмъ этимъ спиртамъ и счету нѣтъ.

— Нѣтъ, нѣтъ, почти со страхомъ проговорилъ ткачъ, — я лучше пойду, движеніе и воздухъ вѣрно помогутъ мнѣ.

Съ этими словами онъ пошелъ впередъ и потащилъ съ собою мальчика.

— Пойдемъ-ка на могилу, сказалъ онъ.

— Что тамъ дѣлать? упрямо отвѣчалъ мальчикъ.

— Надо тебѣ помолиться за барина, отвѣчалъ ткачъ. — Вѣдь это онъ подарилъ тебѣ платье.

Мальчикъ ничего не отвѣчалъ, но не противился болѣе. Ткачъ, шатаясь, пошелъ къ могилѣ; для слабаго человѣка было слишкомъ много волненія. Онъ угадалъ изъ разсказа смотрителя, кто преслѣдовалъ покойника даже въ гробу. Вступивъ на дорожку, гдѣ была свѣжая могила Бергдорфа, ему показалось, что тамъ стоитъ какая-то женщина; но не успѣлъ онъ разглядѣть ее хорошенько, какъ Ричардъ вырвался у него изъ рукъ и побѣжалъ между памятниками, громко крича: „Мать! мать!“

— Цили! проговорилъ ткачъ, ускоривъ шаги; — да, это точно она.

Когда онъ подошелъ къ ней, мальчикъ висѣлъ уже у нея на шеѣ, и она страстно прижимала и цѣловала его, точно будто желала задушить. Мальчикъ, вообще не только нечувствительный къ ласкамъ, но нелюбившій даже, чтобы его трогали, на этотъ разъ также страстно отвѣчалъ ей.

— Цили! сестра! говорилъ ткачъ, незнавшій что сказать отъ удивленія.

— И ты тутъ, братъ Вилль? отвѣчала Цили гораздо ласковѣе, чѣмъ она говорила обыкновенно. — Хорошо, что ты тутъ, а то я хотѣла идти къ тебѣ.

— Скажи ты, ради Бога, вскричалъ ткачъ, — гдѣ это ты была все это время. Что дѣлала, ну да и хороша же ты! Брани въ гробъ владуть!

— Мнѣ такой и слѣдуетъ быть, отвѣчала Цилли по старому врачю, — такой и слѣдуетъ быть мнѣ, бѣдной и потерянной. Но обо мнѣ братъ не заботься! Я не опозорила тебя. Я работала и голодала, спасая честь этого святого мѣста....

— Цилли! вскричалъ ткачъ, всплеснувъ руками. — Ты просто страхъ наводишь. Можно ли это дѣлать? Признайся, вѣдь это ты сегодня ночью пробралась къ покойникамъ, измѣла цвѣты и взяла даже распятіе у мертвеца!

— Зачѣмъ же быть кресту въ клятвопреступныхъ рукахъ? продолжала она съ выраженіемъ самой дикой ненависти. — Нельзя шутить съ такими священными предметами!

— Да вѣдь это не по-христіански, отвѣчалъ Вилль. — Нельзя ненавидѣть за гробомъ.

— Нѣтъ, можно! дико отвѣчала она. — И я ненавижу! Ненавижу за гробомъ, и до второго пришествія буду ненавидѣть! Когда мы туда всѣ соберемся, я найду его въ несмѣтныхъ рядахъ, поставлю его передъ судомъ того, кто будетъ судить и великихъ и малыхъ, и посмотрю какъ-то онъ тогда не скажетъ правды. Я не показалась бы теперь, не будь мальчика, не будь Ричарда. Онъ ростетъ, что ты хочешь съ нимъ дѣлать, братъ?

— Слава тебѣ, Господи! вскричалъ ткачъ. — Наконецъ-то ты сказала спокойное и разумное слово. Мальчику надо выучиться какомунибудь ремеслу, надо отдать его въ ученіе. Сначала я хотѣлъ сдѣлать изъ него ткача, но потомъ раздумалъ. Заработокъ слишкомъ ничтоженъ.

— Нѣтъ, проговорила мать, — ткачемъ ему не надо быть!

— Бромъ того, купецъ, что торгуетъ у насъ на углу, хотѣлъ взять его въ ученіе за ничтожную плату, но и этой платы у меня нѣтъ.

— Да, да, вскричала Цилли, все еще стоявшая на колѣняхъ у могилы, — нищета начинается съ перваго шага его жизни; онъ проклятъ съ самаго начала его существованія! А человекъ, который все это сдѣлалъ, умеръ и лежитъ въ могилѣ, какъ всякій другой порядочный человекъ, покрытый вѣнками и зеленью.

Она схватила букеты и хотѣла разорвать ихъ, но братъ остановилъ ее.

— Оставь, сестра, сказалъ онъ.—Это глупо. Тотъ, кто лежитъ тамъ, стоитъ теперь передъ другимъ судомъ. Вѣдь ты сама говорила, что будешь жаловаться на него другому судѣ. Ну такъ жди, и не произноси проклятій! Передъ смертью онъ настолько одумался, что вотъ сшилъ мальчику это платье, и оставилъ столько денегъ, сколько будетъ нужно на его ученіе, да кромѣ того еще будетъ остатокъ.

— Такъ онъ это сдѣлалъ? вскричала тронутая Цилли, и слезы брызнули изъ ея глазъ.—Но я денегъ не возьму, я сама попробую заработать деньги на его ученіе и пришлю тебѣ, братъ!

— Ты? съ удивленіемъ вскричалъ ткачъ.—Какже ты заработаешь? Такъ ты опять хочешь уйти? Что ты замышляешь?

— Это ужъ мое дѣло, холодно отвѣчала она.—А ты поговори съ купцомъ! Когда будетъ время, я дамъ о себѣ знать.

Она встала и хотѣла идти, но мальчикъ прижался къ ней и вскричалъ:

— Матушка! я хочу идти съ тобою!

— Нѣтъ? сказала она.—Ты останешься, Ричардъ. Ты пойдешь съ дядей, я такъ хочу, проговорила она строго, но тотчасъ прижала его къ себѣ и нѣжно заговорила:—я такъ хочу, прошу тебя.

— Не плачь, матушка, я сдѣлаю, что ты хочешь, останусь у дяди Вилля и буду учиться, но только ты не уходи.

Она, ласкаясь, наклонилась къ нему, и тихо стала ему что-то говорить. Но въ это время общее вниманіе было привлечено внезапнымъ шумомъ, происшедшимъ недалеко отъ могилы. Шаговъ за сто, въ углу кладбища было мѣсто для погребенія работника сектанта. Похороны спокойно совершались до тѣхъ поръ, пока гробъ не стали опускать въ могилу; но тѣмъ не менѣе отъ вниманія человека, шедшаго за гробомъ, не укрылось, что толпа, тѣснившаяся около могилы, вовсе не принадлежала къ ихъ общинѣ, и что сначала шопотомъ раздавались недоброжелательныя слова, а потомъ они стали раздаваться все чаще и громче. Замѣтилъ все это извѣстный всѣмъ въ городѣ купецъ Рундъ, одинъ изъ самыхъ ревностныхъ представителей свободомыслящей секты.

— Взгляните и прислушайтесь, сказалъ онъ своему сосѣду.—

Это вѣдь на насъ мѣтять. Я съ самаго начала замѣтилъ людей, которые подзадоривали народъ противъ насъ. Вѣдь мы въ первый разъ хоронимъ торжественно и открыто. Вы увидите, что это не пропустятъ, не помѣшавъ намъ.

За родственниками усопшаго стояла цѣлая толпа женщинъ различныхъ сословій.

— Ну посмотримъ же, говорила одна изъ нихъ другой,—они еще говорятъ, что проповѣдуютъ религію любви. Если бы это было такъ, они не стали бы хоронить этого бѣдняка такъ просто, такъ небрежно, какъ бросаютъ въ яму собакъ.

Какой-то человѣкъ, съ подвязанной правой рукой, въ бѣдномъ платьѣ простого работника слышалъ это замѣчаніе и отвѣчалъ:

— Эти люди не обращаютъ на то вниманія, хоронить ли роскошно или въ простомъ гробу. Деньги у нихъ на это есть, и то, что другіе истрачиваютъ на торжественность процессій, они собираютъ, за то вдовѣ да дѣтямъ они дали столько, что имъ теперь есть чѣмъ жить.

— Такъ они рассказываютъ, злобно возразила одна изъ слушательницъ.—Но почему знать—правда-ли это? Вы вѣрно тоже принадлежите къ ихъ общинѣ, что такъ хорошо знаете ихъ дѣла.

— Нѣтъ, отвѣтилъ нашъ знакомый слесарь Губеръ,—я только такъ слышалъ. Работать я не могу, потому что испортилъ себѣ руку на послѣднемъ пожарѣ, вотъ теперь и шатаюсь и слышу всякую всячину.

— Все равно! вскричалъ старый маркеръ, съ неизбѣжнымъ розовымъ вѣнкомъ въ рукахъ, стоявшій во главѣ толпы.—Грѣшно, что у насъ допускаются такія вещи. Немудрено, что мы страдаемъ отъ голода и болѣзней, и неудивительно, что сгоримъ какъ Содомъ и Гоморра!

Тутъ же оказался и писарь Биллингерь и судья Веберъ, который дѣлалъ какіе-то таинственные знаки.

— Это правда, что грѣшно! вскричалъ Биллингерь.—Не надо, чтобы эти сектанты такъ открыто смѣли дѣйствовать, мы не должны позволять имъ! Для того и вводится теперь свобода, чтобы каждый могъ заявлять, чего онъ хочетъ и чего нѣтъ! Если мы не потерпимъ, чтобы они, такъ открыто совершали свои обряды,

огда и правительство обратить на нихъ вниманіе и положить
гому предѣль.

Бружокъ вокругъ могилы сталъ тѣснѣе и наступило молчаніе,
когда одна изъ женщинъ не воскликнула:

— Кажется, они приготовляются молиться. Любопытно послу-
шать, какъ подобные люди молятся.

Бупецъ Рундъ подошелъ къ краю могилы, такъ что его видно
было всѣмъ окружающимъ, и сильнымъ голосомъ началъ говорить
рѣчь, описывая простую жизнь трудолюбиваго работника, только-
что опущеннаго въ могилу, и заключилъ эту краткую рѣчь слѣ-
дующими словами. „Лучше всего, если, въ память усопшаго, члены
общины позаботятся о тѣхъ, кого онъ оставилъ по себѣ. Для
покойника мы ничего болѣе не можемъ сдѣлать, какъ помолиться,
и потому помолился: Отче нашъ...“ началъ онъ, торжественно сло-
живъ руки, но въ ту же минуту раздался страшный шумъ, и послы-
шались голоса: „Да это отче нашъ! Да это наша молитва! какъ
смѣютъ еретики читать ее. Молчать! или мы заткнемъ вамъ глотку!“

Краска вспыхнула на лицѣ Рунда; тѣмъ не менѣе онъ продол-
жалъ спокойно читать молитву. Но слова тотчасъ же были при-
ведены въ дѣйствіе. Полетѣли камни и грязь и началась такая
давка, что каждую минуту можно было ждать несчастія.

Бупецъ во время этой сумятицы до конца дочиталъ молитву.
Члены общины собрались въ кучку и, казалось, не боялись схватки
съ народомъ, и спокойно ждали, что будетъ далѣе, но схватки не
последовало. Въ ту минуту, какъ шумная толпа бросилась къ мо-
гилѣ, передніе ряды ея скатились назадъ, потому что песокъ, на-
валенный на краю, осыпался, и передъ ними вдругъ очутился Гу-
беръ съ чугуннымъ крестомъ въ лѣвой рукѣ, которымъ онъ на-
халъ, какъ палкой.

— Назадъ! крикнулъ онъ. — Перваго, кто осмѣлится тронуть
когонибудь изъ молящихся и осквернить это мѣсто, я убью, какъ
собаку! Что вамъ надо? Я не принадлежу къ этой общинѣ, но
если ихъ вѣра никому не мѣшаетъ, то намъ нечего соваться.
Пусть хоронятъ своихъ покойниковъ какъ знаютъ. Мы не отвѣ-
тимъ за нихъ ни на этомъ, ни на томъ свѣтѣ. Каждый по сво-
ему добивается блаженства въ будущей жизни!

Подстрекатели хотѣли произвести только шумъ, но для дѣла они были слишкомъ трусливы, и такъ какъ еретики, окончивъ литву, замолчали, то наступила тишина во время которой члены общины удалились спокойно, тѣмъ болѣе, что не вдалекѣ преследовалъ патруль, и при видѣ военныхъ подстрекатели не находили удобнымъ дѣйствовать.

Навонецъ все стихло и толпа стала расходиться съ кладбища. Вилль противъ желанія былъ оттиснуть толпой и теперь събирался къ могилѣ лейтенанта, вполне увѣренный, что мать съ сыномъ вѣрно исчезли. Но, къ его удивленію, мальчикъ спокойно стоялъ около насыпи.

— Гдѣ же мать? издали крикнулъ твачъ. — Развѣ она и в самомъ дѣлѣ ушла?

— Да, сказалъ Ричардъ. — Она сказала, чтобы я остался и дѣлалъ все, что прикажетъ мнѣ дядя. Поэтому я остаюсь и буду слушаться.

— Но куда же она ушла? Развѣ она не сказала?

— Сказала.

— Ну такъ гдѣ же она? Развѣ ты этого не скажешь упрямецъ.

— Нѣтъ, сказалъ мальчикъ, смѣло глядя на него. — Я обещалъ матери никому не говорить этого, и сдержу обѣщаніе.

Мальчикъ, не дожидаясь дальнѣйшихъ распросовъ, пошелъ съ кладбища. Твачъ послѣдовалъ за нимъ.

— Что это за наказаніе! вскричалъ онъ, всплеснувъ руками. — Много еще будетъ мнѣ хлопотъ съ мальчикомъ. Но какъ ему и быть другимъ. Старая поговорка говоритъ: яблоко падаетъ недалеко отъ яблони. А въ какую сторону оно катится — это все равно.

II.

Мужъ.

Не отъ всѣхъ глазъ укрылась страсть герцога къ Ульриху, и потому конечно нашлись такіе услужливые люди, которые стали

помогать герцогу. Также генеральша фонъ-Гельмгангъ устроила такъ, что Ульрика встрѣтилась у нея на дачѣ съ глазу на глазъ съ герцогомъ, и герцогъ не пропустилъ этого удобнаго случая, чтобы еще разъ не высказать своей любви къ Ульрикѣ, и изъ ея смущенія убѣдился, что и она, съ своей стороны, неравнодушна къ нему.

Свиданіе это такъ взволновало Ульрику, что она пріѣхала домой сама не своя. Сердце ея билось отъ восторга, что она любима герцогомъ. Дома она не застала никого, даже совѣтница противъ своего обыкновенія ушла къ кому-то по сосѣдству. Прислуга, пользуясь отсутствіемъ господъ, тоже вся разбѣжалась. Ее встрѣтилъ только слуга, замѣнившій Бенпо. Она быстро прошла по пустымъ комнатамъ въ залу, гдѣ стояло фортепіано и остановилась передъ нимъ. Быстро сбросивъ шляпу и платокъ заиграла она, какъ будто въ звукахъ желая выразить волненіе своего сердца. Между тѣмъ въ залу вошелъ Фюреръ и сталъ за ея стуломъ. Онъ неожиданно отдѣлался отъ занятій и поспѣшилъ домой. Услыхавъ звуки рояля и пѣніе, онъ очень обрадовался, и съ радостью въ сердцѣ бросился въ залу.

Ульрика такъ погрузилась въ игру и въ мечты свои, что не слыхала ни его шаговъ и не замѣтила его приближенія, и когда вдругъ увидѣла его за собою, то непритворно вздрогнула отъ испуга.

— Я вовсе не хотѣлъ испугать тебя, милая, сказалъ Фюреръ. — Мнѣ хотѣлось только быть не замѣченнымъ слушателемъ. Я такъ давно не слыхалъ твоей игры и пѣнія, не восхищался твоимъ искусствомъ.

— Если бы ты хотѣлъ, это было бы очень нетрудно, холодно отвѣчала Ульрика. — Тебѣ стоитъ только посѣщать то общество, гдѣ занимаются музыкой. Но если ты лишаешь себя такого повелительнаго наслажденія, то ужъ это не моя вина.

— Вѣроятно моя, спокойно отвѣчалъ Фюреръ, задѣтый холоднымъ тономъ, вѣявшимъ отъ словъ Ульрики. — Мой взглядъ на музыку нѣсколько иной, и хотя я вовсе не имѣю претензіи считать себя знатокомъ ея, тѣмъ не менѣе это искусство я причисляю къ домашнимъ, если только можно такъ выразиться, а пользоваться-

ся этимъ наслажденіемъ дома, согласишься сама, мнѣ приходится рѣдко.

Въ эту минуту Ульрикѣ почему-то пришли на память слова герцога, сравнившего ее съ соловьемъ въ неволѣ.

— Многіе находятъ пріятнымъ запереть соловья въ клѣтку, сказала она, — и думаютъ, что онъ нигдѣ не будетъ пѣть такъ хорошо, какъ у себя въ клѣткѣ.

Фюреръ все съ большимъ и большимъ увлеченіемъ глядѣлъ на нее.

— Сравненіе это вовсе неудачно, сказалъ онъ, помолчавъ; — и годится только на тотъ случай, если соловей самъ чувствуетъ себя въ неволѣ. Я же всегда слышалъ, что соловей предпочитаетъ глухой лѣсъ, и поетъ только для себя и для своихъ въ лѣсномъ уединеніи. Соловей легко отличилъ бы клѣтку отъ свободы и выборъ между той и другой былъ бы для него нетруденъ, хотя бы клѣтка была сдѣлана изъ золота.

— Меня нисколько не удивляетъ, что мы такъ различно смотримъ на вещи, сказала Ульрика, отворачиваясь и приготовляясь встать.

— Подожди немного, сказалъ Фюреръ, удерживая ее. — Мнѣ кажется, что различіе нашихъ взглядовъ только кажущееся. Я помню время, когда мы были во всемъ поразительно согласны. Такъ было когда-то. Неужели это не вернется? Неужели надежда на возвратъ есть ничто иное какъ самообольщеніе?

— Можетъ быть, нетвердо отвѣчала Ульрика. — Можетъ быть, тебя обманываетъ воспоминаніе.

— Нѣтъ, дорогая, это не такъ! вскричалъ Фридрихъ. — Мнѣ кажется, что ты просто не въ духѣ, и потому не можешь спокойно говорить объ этомъ предметѣ. Я нахожу, что ты страшно взволнована, и хотя не пытаюсь знать причины этого волненія, то все-таки хочу доказать тебѣ, что я правъ. Вѣрно то, что воспоминаніе меня не обманываетъ; оно рисуетъ мнѣ то время, когда мы встрѣтились, когда я нашель тебя, полюбилъ, когда твое сердце отозвалось на мое...

Ульрика молчала.

— Я знаю, какъ живо, какъ симпатично мы сочувствовали

другъ другу. Я до сихъ поръ ощущаю блаженство той минуты, когда впервые я высказалъ тебѣ любовь свою и когда ты впервые бросилась ко мнѣ на шею, и въ страстномъ волненіи шептала мнѣ о своей любви и благодарности.

— Такъ и есть, вскричала Ульрика, вставая и отходя. — Очень благодарна! Вѣчно мнѣ приходится выслушивать напоминанія того, что ты для меня сдѣлалъ.

— Признаюсь, сказалъ Фюреръ спокойно, но серьезно, — что такого упрека я отъ тебя не ожидалъ и на него я могу отвѣчать только одно, что, говоря по совѣсти, я не заслужилъ его. Ты никакъ не можешь серьезно предполагать, чтобы мнѣ когда нибудь пришло въ голову напомнить тебѣ прошлое изъ желанія колнуть тебя. Грустно только, что ты говоришь мнѣ это, и я къ сожалѣнію вижу, что наши отношенія съ тобой гораздо хуже, чѣмъ я ожидалъ. Ты сердилъ на меня, недовольна мною, и, можетъ, считаешь себя въ правѣ, потому что я не вполне допускаю развиваться твоимъ стремленіямъ къ развлеченіямъ и удовольствіямъ. Можетъ быть, въ этомъ случаѣ я поступилъ ошибочно; можетъ быть, я сохранилъ свои профессорскіе взгляды, сдѣлавшись министромъ. Но только вслѣдствіе этого еще ничто не погибло; все это еще можно измѣнить и ты можешь высказать мнѣ свои желанія относительно этого.

— Дѣлай, какъ хочешь! отвѣчала Ульрика. — Я давно привыкла жить согласно твоимъ распоряженіямъ.

— Ульрика! грустно вскричалъ Фюреръ.

— Что находишь ты тутъ страннаго? Да, я привыкла дѣйствовать по предписанію, считать себя существомъ, невольно находящимся подъ чужой опекой.

— Подъ опекой! съ жаромъ проговорилъ Фюреръ. — Ей Богу, можетъ быть, это было бы хорошо; потому что есть люди, которые никогда не могутъ обойтись безъ опеки.

— Это любезное замѣчаніе вѣроятно касается меня?

— Это ужъ ты сама рѣши. Ты говорила о соловѣ въ невольнѣ а я тебѣ расскажу тоже про одного соловья, нѣсколько похожаго на тебя, для того, чтобы ты образумилась, если еще не поздно. Расскажу тебѣ исторію одной пѣвицы, которая считала свободу въ зеленомъ лѣсу бѣдностью и несчастіемъ, которая не

могла противустоять голосу, восхвалявшему ея пѣніе и красоту, и продала жизнь свою и свободу за богатый кормъ и неволю въ золотой клѣткѣ—исторію женщины, которая не только погубила себя, но цѣною позора продавала свою родную дочь!

Ульрика громко зарыдала.

— Такъ вотъ что? вскричала она.—Ну теперь я все поняла. Бѣдная, бѣдная, несчастная мать, что ты должна была выстрадать!

— Какъ? возразилъ ей Фюреръ.—Даже теперь, когда ты все знаешь, ты думаешь только о ней, а не о себѣ и не обо мнѣ? Ну, значить ты далеко зашла, очень далеко и долгъ мой прибѣгнуть къ серьезнымъ мѣрамъ.

Онъ прошелъ взадъ и впередъ по комнатѣ и остановился передъ Ульрикой, съ рыданіями опустившейся на стулъ.

— Отъ нынѣ я устрою домъ свой такъ, чтобы онъ вполне соответствовалъ моему положенію и обязанностямъ. Ты же прежде всего позаботься о томъ, чтобы центромъ своей жизни и своей дѣятельности сдѣлать домъ мой и занять въ немъ свое мѣсто. Все устроится согласно съ обстоятельствами, но ты не должна забывать, что я, сдѣлавшись министромъ, остался гражданиномъ, гражданиномъ по понятіямъ и правамъ, и что мнѣ неприлично ради своего настоящего мѣста таяться вверхъ и стараться пробиться въ кружокъ, къ которому я не принадлежу, да и не хочу принадлежать! Это ты должна принять въ соображеніе. Это моя рѣшительная и неизмѣнная воля.

— Твоя воля? холодно сказала Ульрика.—Хорошо. Ну такъ выслушай же и мою! То, чего ты желаешь, я нахожу принужденіемъ, а принужденію я не подчиняюсь.

— Какъ, ты противишься мнѣ?

— Да. Прежде чѣмъ позволю я себя заковать въ новыя цѣпи, лучше разорвать старыя.

— Ульрика, можно ли такъ говорить? Нѣтъ, продолжалъ онъ, въ то время, какъ она закрыла лицо платкомъ,—я этого не слыхалъ. Я покажу тебѣ, какъ я люблю тебя, и сдѣлаю то, что считаю своею обязанностью, какъ мужа и какъ человѣка. Можетъ быть, въ словахъ, произнесенныхъ тобою есть указаніе, которое поведетъ къ спасенію. Можетъ быть, было бы хорошо тебѣ уда-

лжаться на нѣкоторое время отъ здѣшняго кружка. Тетушка, у которой ты провела нѣсколько лѣтъ, не совсѣмъ здорова, и очень желаетъ, чтобы ты пріѣхала къ ней на нѣкоторое время. Я получилъ сегодня письмо. Ты поѣдешь къ ней и останешься у нея до тѣхъ поръ, пока я не призову тебя.

— Я не поѣду! вскричала Ульрика, вскочивъ со стула и сверкнувъ глазами.

Фюреръ съ твердой рѣшимостью подошелъ къ ней.

— Ты поѣдешь и поѣдешь завтра же, сказалъ онъ.— Матушка идетъ. Молчи! Ей не для чего знать, что между нами происходило, я не хочу сценъ. Я объясню ей все, насколько это будетъ нужно, ты же отправляйся къ себѣ въ комнату и приготовь все къ завтрашнему отъѣзду.

Ульрика бросилась къ себѣ въ комнату. Фридрихъ остался на мѣстѣ. Долго сидѣлъ онъ тутъ, погруженный въ размышленія, потомъ всталъ и хотѣлъ уже отправиться къ себѣ въ кабинетъ, какъ слуга доложилъ ему, что его ждетъ какой-то незнакомый господинъ. Фридрихъ велѣлъ привести его въ комнату въ башнѣ, служившую теперь лѣтней пріемной. Этимъ незнакомцемъ оказался Ридль, одѣтый въ тотъ самый костюмъ, въ какомъ онъ былъ на сходкѣ ерихонскихъ пилигриммовъ. Фридрихъ не узналъ бы его, еслибъ онъ не протянулъ ему руки и, при этомъ, смѣясь, не снялъ бы парика.

— Жарко! сказалъ онъ;— надо облегчить себя немного.

— Ты здѣсь! съ удивленіемъ вскричалъ Фридрихъ, взявъ Ридля за руку и пожимая ее съ большимъ жаромъ, чѣмъ, можетъ быть, сдѣлалъ бы это въ другое время. Онъ видѣлъ, съ какой искренностью Ридль протянулъ ему руку, а въ эту минуту мрачнаго настроенія, онъ болѣе, чѣмъ когда либо, могъ трогаться знаками дружескаго къ себѣ расположенія.— Ну милости просимъ, шуть! продолжалъ онъ.— Вижу, что ты дурачишься по прежнему. Опять перодѣванье! Ты избралъ не ту дорогу, которую слѣдовало: тебѣ бы быть актеромъ. Ты выказываешь замѣчательныя сценическія способности.

— Да я и есть актеръ, сказалъ Ридль, садясь и рукою приглашая Фюрера сѣсть подлѣ него.— Ты вѣдь тоже актеръ. Каждый человѣкъ актеръ, да и что такое актеръ, какъ не человѣкъ,

нарочно отрекающійся отъ своей личности, отказывающійся отъ своего призванія, и представляющій нѣчто иное, однимъ словомъ, человѣкъ, который хочетъ казаться и изображать изъ себя не то, что онъ есть? Разница между мною и вами, другими актерами, заключается лишь въ томъ, что я признаюсь, что я актеръ, а вы и слышать объ этомъ не хотите, и бьете себя въ грудь, увѣряя, что это неправда.

— Ты, можетъ быть, и правъ, улыбаясь сказалъ Фюреръ.— Но и въ этомъ случаѣ бываютъ исключенія.

— Исключенія? отвѣчалъ Ридль, въ то время, какъ Фюреръ дѣлалъ знакъ слугѣ, принесшему вино и закуску, удалиться.— Да, исключенія есть. Бъ сожалѣнню они есть. Есть люди, — кажется объ этомъ я читалъ гдѣ-то, — которые разваливаются какъ перезрѣлые плоды, такъ, что ихъ видно до самой сердцевины. Но и этими самыми исключеніями мое правило торжественно подтверждается; они только доказываютъ, что подобный человѣкъ, будь онъ десять разъ министромъ, лишній въ нашемъ мірѣ внѣшности, что ему, съ его истинами и откровенностью, мѣсто не здѣсь, а въ американскихъ дѣвственныхъ лѣсахъ.

— Чувствую весь ядъ твоихъ рѣчей, сказалъ Фюреръ;—но онъ безвреденъ для меня; меня защищаетъ отъ него мое глубокое сознаніе въ правотѣ моихъ дѣйствій. Но на что ты въ сущности намекаешь? Что затѣваешь ты своимъ маскированіемъ? Развѣ ты не боишься непріятностей съ полиціей?

— Нѣтъ, нисколько, смѣясь сказалъ Ридль.— Я съ нею въ самыхъ лучшихъ отношеніяхъ. Кого я изображаю? Человѣка, живущаго процентами съ своего капитала;—къ такимъ людямъ полиція не привязывается, въ особенности при либеральномъ министрѣ! Кроме того я членъ одного благочестиваго общества; а чиновникъ, ведущій списокъ пріѣзжающихъ, тоже принадлежитъ къ этому обществу. Слѣдовательно и онъ не противъ меня.

— Я слышалъ о твоихъ благочестивыхъ подвигахъ.

— Подожди, еще много о нихъ услышишь. Теперь я для этого пріѣхалъ. Мнѣ надо сообщить тебѣ нѣчто чрезвычайно важное, и такъ какъ я не зналъ, застану ли тебя дома и буду ли говорить съ тобою, то на всякій случай изложилъ все на бумагѣ.

— Давай! сказалъ министръ, протягивая руку къ бумагамъ, положеннымъ Ридлемъ на столъ.

— Не теперь, сказалъ Ридль. — Хотя дѣло это очень серьезно, и хотя оно служить подтвержденіемъ того, что ты не долженъ былъ брать мѣста министра, но оно не спѣшное и его можно отложить до завтрашняго дня. Отдохни нынѣшнюю ночь! Новости, изложенныя тутъ, очень займутъ тебя, и потому дай ужь намъ насладиться свиданіемъ! Мнѣ кажется, что для тебя теперь нужна болѣе легкая бесѣда, которая отвлекла бы тебя отъ занятій, отъ несприятностей жизни и политики.

— Кажется, что ты правъ, сказалъ Фюреръ, не въ силахъ будучи подавить вздоха.

— Ты вздыхаешь. Повторяю, тебѣ не слѣдовало брать этого мѣста. Тебѣ надо было оставаться тѣмъ, чѣмъ ты былъ—свободнымъ человѣкомъ науки, ученымъ, настоящимъ проповѣдникомъ, истиннымъ царемъ, отвѣтственнымъ только передъ Богомъ, передъ наукой да передъ самимъ собою. Но скажи, что съ тобой? Ты необыкновенно мраченъ. Мрачность эта не отъ занятій, настолько я тебя знаю. У тебя болитъ сердце, вѣдь у тебя чувствительное сердце, и потому я въ третій разъ говорю тебѣ: не надо было брать этого мѣста. Министръ не долженъ имѣть сердца; это чистое противорѣчіе.

— Ты угадалъ, сказалъ Фридрихъ, подумавъ немного;—и я не вижу причины, почему бы мнѣ не рассказать всего дѣла. Вѣдь ты былъ у насъ въ тотъ день, какъ жена моя вступила въ первый разъ въ этотъ домъ?

Ридль взялъ его за руку.

— Довольно, сказалъ онъ, —теперь я понимаю все. Я не суетенъ, но когда въ тотъ день тостъ за твое домашнее счастье былъ такъ несприятно прерванъ, мнѣ это показалось какимъ-то сквернымъ предзнаменованіемъ. Я слишкомъ люблю тебя, чтобы выпустить изъ виду тебя и домъ твой; я слишкомъ много сталкивался съ людьми, и потому могу судить о нихъ съ перваго взгляда. Поэтому я знаю напередъ все, что услышу отъ тебя. Ты дашь мнѣ еще новое подтвержденіе стараго мнѣнія о бесполезности поисковъ за жемчугомъ.

— Что ты хочешь этимъ сказать?

— Кажется, это ясно. Жемчужина представляетъ нѣчто рѣдкое, чистое, благородное. Поэтому-то ее и цѣнятъ такъ высоко и предпочитаютъ другимъ драгоценностямъ. Но найти ее трудно. Не во всякой раковинѣ скрывается такая жемчужина, но каждый, отправляющійся на поиски, надѣется найти ее. Искатели наловили множество раковинъ и начинаютъ вскрывать ихъ. И что же? Изъ двухъ-трехъ тысячъ вскрытыхъ раковинъ, только въ одной лежитъ жемчужина, только одинъ счастливецъ получаетъ ее, всѣмъ же остальнымъ достаются пустыя раковины.

— Ты врагъ женщинъ, сказала Фридрихъ;—но я надѣюсь, что все поправится. Ульрика въ сущности добра, ее можно переработать. И тогда все будетъ хорошо.

— Великолѣпная мысль! смѣясь сказалъ Ридль.—Дѣйствительно, если можно помочь горю, то все пойдетъ хорошо. Но, признаюсь, я не раздѣляю твоей надежды, если она основывается только на одной добротѣ твоей жены; всѣ онѣ добры, но слабы и тщеславны. Всѣ пока стоятъ въ равновѣси. Но мало-по-малу отношенія и темпераментъ кладутъ всѣхъ свой на чашки. Которая изъ нихъ перетянетъ, это подъ конецъ рѣшить случай.

— Непріятная картина! вскричалъ Фюреръ.— Не хочу объ этомъ болѣе слышать. Какое право ты имѣешь такъ говорить? Ты не знаешь женщинъ и клеветешь на нихъ и на все челоѣчество.

— Ну, сказалъ Ридль, — у всякаго свой взглядъ. Чужими глазами никто смотрѣть не можетъ, а смотрѣть на это дѣло въ увеличительные очки, по моему, нечестно. А какое право имѣю я такъ говорить? Право собственного опыта. Я говорю потому, что самъ видѣлъ и самъ испыталъ. Если тебѣ не скучно, я могу рассказать тебѣ одну исторію. Ты, конечно, не полагаешь, продолжалъ онъ, закуривъ новую сигару,—что я весь вѣкъ жилъ отшельникомъ и желалъ всю жизнь провести въ одиночествѣ. Я тоже испыталъ то невыразимое очарованіе, я тоже принялъ горькое крещеніе огнемъ, безъ чего никто не можетъ сказать, что дѣйствительно заслужилъ названіе челоѣка? Я любилъ и, несмотря на свою фізіономію, считалъ и себя любимымъ. Конечно, я зналъ,

Что не похожу на Адониса, но также знаю, что и я стою чегонибудь, что я молодъ, богатъ, человекъ съ принципами, а купеческая дочка, передъ которой я курилъ фиміамъ, казалось, наслаждалась запахомъ этого фиміама. Это была дѣвушка, другъ мой, чуть не ребенокъ, блондинка съ невиннѣйшими глазами, съ крошечнымъ взглядомъ лани, и робостью, чистотой и невинностью походила на мадонну. Первые порывы любви проявились въ ней, какъ говоритъ Шиллеръ, подобно божественнымъ звукамъ чистой струнной игры. При искреннемъ чувствѣ, другъ мой, охватившемъ меня тогда, я былъ невыразимо счастливъ. Я дожидаться не могъ той минуты, когда совершенно назову ее своей; я считалъ секунды, когда былъ не съ нею, и высчитывалъ минуты до того времени, когда снова увижу ее. Такимъ образомъ разъ случилось, что мнѣ пришлось выѣхать изъ города по дѣламъ и пріѣхать только на слѣдующій день. Но я такъ былъ влюбленъ, что умолялъ и заклиналъ мою невѣсту написать мнѣ чтонибудь туда, гдѣ я буду ночевать. Я молилъ ее написать хотя бы двѣ строчки, она обѣщала и сдержала слово. Я, какъ теперь, помню, какъ почтальонъ вручилъ мнѣ письмо, какъ я распечаталъ его и съ удивленіемъ взглянулъ на конвертъ, адресованный впрочемъ на мое имя, тогда какъ письмо предназначалось вовсе не мнѣ. Знаешь ли ты исторію Людвига Строгаго Баварскаго? Да? Или графа Веттера въ Катеринѣ Гейльбронской? Ну, такъ съ моей возлюбленной случилось тоже самое, что съ ними;—она перемѣшала письма. Въ томъ, что я получилъ, было написано слѣдующее: „Мой дорогой, неопѣненный Отто!“—Меня же, какъ тебѣ извѣстно, зовутъ Христофоромъ.— „Мой противный рыжеголовый уѣхалъ и вернется только завтра. Ахъ, не будь эта рыжая лисица вмѣстѣ съ тѣмъ золотымъ мѣшкомъ, я давно бы выпроводила его, чтобъ быть совершенно твоей, томящейся безъ тебя, Амаліей“. Не знаю надо ли тебѣ говорить, что прочитанное мною письмо, чуть не свело меня съ ума! Если бы въ рукахъ у меня былъ ножикъ или пистолетъ и безстыдница была бы тутъ,—почемъ знать, не поступилъ ли бы я такъ же, какъ Людвигъ съ Маріей Брабантской. Но такъ какъ этого не случилось, то я только схватился за волосы. При этомъ я какъ-то печально взглянулъ въ зеркало и увидѣлъ, что безстыдная Амалія

была не совсѣмъ не права; въ зеркало на меня смотрѣла отвратительная рыжая рожа. Я узналъ „неоцѣннаго“ Отто, это былъ двоюродный братъ Амаліи, молодой парень, кровь съ молокомъ, уланскій юнкеръ. Съ нимъ ужъ я никакъ не могъ тягаться. Я показался себѣ невыразимо смѣшнымъ и отъ души хохоталъ, глядя въ зеркало. Это помогло мнѣ излечиться отъ гнѣва и отчаянія, которыя уже впускали свои когти въ мое тѣло. Своей невѣсты я больше не видѣлъ, потому что перемѣнилъ мѣсто своего жительства и былъ очень радъ, что сталъ ее забывать, и когда впослѣдствіи мнѣ приходила охота искать жемчужину, я обыкновенно прочитывалъ письмо Амаліи и, какъ видишь, знаю его даже наизусть.

III.

Амариллисъ Велладонна.

Въ короткое время, между обнародованіемъ новаго закона и введеніемъ суда присяжныхъ, невозможно было устроить особаго зданія. Старый пустой монастырь съ довольно большими комнатами былъ наскоро приготовленъ для этой цѣли. Громадный библиотечный залъ, выбранный для засѣданія суда, представлялъ странный контрастъ между тѣмъ, чѣмъ онъ былъ прежде и чѣмъ сталъ теперь. Вдоль стѣнъ и въ оконныхъ простѣнкахъ стояли еще сѣрые крашеные шкапы съ проволочными рѣшетками, но на полкахъ кромѣ пыли ничего не было. Въ этомъ обширномъ залѣ было довольно мѣста для публики, которая размѣщалась на поставленныхъ рядами скамейкахъ. Крѣпкія перильца отдѣляли мѣсто, гдѣ возвышалась трибуна для судей, а направо и налево стояли столики для обвинителей и защитниковъ. Въ глубинѣ комнаты, у окна, были устроены мѣста для присяжныхъ, противъ скамьи для подсудимыхъ.

Наступила торжественная минута, когда въ первый разъ раздался звонокъ, возвѣщавшій появленіе судей, которые заняли мѣста при всеобщемъ молчаніи въ то время, какъ первый подсудимый сѣлся на скамью. Это былъ мастеръ Ремпельманъ, и тотъ,

кто видѣлъ его прежде, теперь съ трудомъ узналъ бы его. Короткое время заключенія, а болѣе всего огорченіе, забота о женѣ и дѣтяхъ страшно измѣнили его. Лицо его осунулось и поблѣднѣло, а въ волосахъ показалась легкая просѣдь. Когда онъ подходилъ къ роковой скамьѣ, то запатался такъ, что ему пришлось ухватиться за балюстраду. Потомъ онъ поднималъ глаза, какъ бы желая придать себѣ твердости, и уже спокойнѣе заявлялъ мѣсто между двухъ жандармовъ. Выборъ присяжныхъ скоро былъ оконченъ и обвинительный актъ прочитанъ. Въ немъ съ необыкновенною ловкостію и предусмотрительностію были сопоставлены всѣ обстоятельства, сильно уличающія подсудимаго, и все это было облечено въ такую правдоподобную форму, что казалось совершенно невѣроятнымъ удачно бороться противъ такого обвиненія. Когда началось судебное слѣдствіе, Ремпельманъ совершенно пришелъ въ себя. Онъ отвѣчалъ спокойно, въ простыхъ словахъ разсказалъ, какъ въ вечеръ торжества какой-то незнакомецъ угощалъ его и жену виномъ, потомъ подарилъ ему деньги. Затѣмъ разсказалъ всю правду относительно изломанной рѣшетки, разсказалъ, какъ у него украдены были сапоги и въ роковую ночь снова поставлены на лѣстницу. Тщетно старались члены и президентъ сбивчивыми вопросами заставить его сказать какое нибудь противорѣчіе и тѣмъ сдѣлать неправдоподобнымъ разсказъ его, но онъ твердо стоялъ на своемъ. „Все такъ было, господа, и будь тутъ самъ Господь свидѣтелемъ, я не могъ бы сказать иначе“.

„Пусть войдутъ свидѣтели“, сказалъ президентъ, и въ публикѣ начался шопотъ и движеніе, какъ на водѣ, колыхаемой вѣтромъ. Въ боковую дверь вошелъ агентъ Шпарбергеръ, какъ истецъ, и садовникъ Шибеле съ нѣкоторыми сосѣдами; за ними, шатаясь, вошла, держа за руку мальчика, жена Ремпельмана, закрывая лицо бѣлымъ платкомъ, такъ уже пропитаннымъ слезами, что, казалось, онъ не могъ болѣе принимать новыхъ слезъ, и онѣ капали ей на руки. Она не видала, куда ее привели и только когда председатель началъ объяснять значеніе свидѣтельскаго показанія и отвѣтственность за ложную присягу, она отняла платокъ отъ глазъ и взоръ ея прежде всего упалъ на мужа. Въ ту же самую минуту и подсудимый вскочилъ, протянулъ руки и прежде, чѣмъ кто ни-

«Дѣло», № 11.

будь успѣлъ помѣшать, она бросилась къ нему и съ крикомъ отчаянія и блаженства повисла ему на шею. Они оба не могли говорить и только спустя нѣкоторое время оторвались другъ от друга, потому что прокуроръ заявилъ, что подобныя изъявленія чувствъ закономъ не допускаются, а подсудимому запрещаются всякія сношенія съ свидѣтелями.

Послѣ присяги начались показанія свидѣтелей. Сначала показывалъ истецъ, а другіе ждали въ сосѣдней комнатѣ своей очереди. Шпарбергеръ дѣлалъ показаніе съ развязностію дѣлового человѣка, которому очень непріятно быть замѣшаннымъ въ такую дѣлѣ и который готовъ бы былъ скорѣе понести убытокъ, если бы онъ только могъ избавить его отъ подобныхъ хлопотъ. Онъ живо сожалѣлъ, что такъ грустно ошибся въ сосѣдѣ, котораго всегда считалъ честнымъ человѣкомъ. Но что вообще онъ давно уже замѣчалъ, что у него отъ времени до времени пропадаютъ деньги, но воровства со взломомъ никогда еще не бывало; у него не оказывалось иногда то бумажекъ, то серебряной монеты. Онъ далъ присягу съ такой искренностію, съ такимъ тономъ честности въ каждомъ словѣ, съ такимъ сочувствіемъ къ несчастію, что видъ его и манеры произвели чрезвычайно пріятное впечатлѣніе на присяжныхъ. Въ то же время Ремпельманъ, сознавая свою невинность, не могъ совладать съ собой и оставаться спокойнымъ, нѣсколько разъ перебывалъ свидѣтеля, такъ что предсѣдателю приходилось призывать подсудимаго къ порядку; рѣзкость тона и горячность подсудимаго много повредили ему во мнѣніи присяжныхъ. Когда истцу былъ предложенъ вопросъ: другъ онъ или врагъ подсудимаго, то онъ совершенно спокойно отвѣчалъ, что не врагъ; послѣ чего предсѣдатель спросилъ у подсудимаго, что онъ можетъ сказать въ свое оправданіе? Тогда Ремпельманъ всталъ, осмотрѣлъ залу и сказалъ: „Мнѣ нечего больше сказать, кромѣ того, что я невиненъ. Этотъ господинъ говоритъ, что онъ не врагъ мнѣ,— пусть въ этомъ разсудитъ насъ Господь Богъ. Я же говорю чистосердечно, что съ тѣхъ поръ, какъ знаю его, терпѣть его не могу, и если на землѣ у меня есть врагъ, то это конечно онъ.“

Присяжные покачали головами и стали шептаться и Ремпельману не помогло послѣ этого даже и то, что онъ завѣрялъ, что

деньги у него были прежде, чѣмъ была кража, и что онъ кожевнику платилъ банковыми билетами. Даже появленіе его жены не могло изгладить дурного впечатлѣнія и скорѣе заставляло думать, что у несчастнаго мастера закоренѣлый дурной характеръ, сопровождавшійся вѣроятно и другими пороками. Когда же жена Ремпельмана на заявленіе, — что она не можетъ быть свидѣтельницею на сторонѣ мужа, но что тѣмъ не менѣе она должна высказать всю правду, — скромно и дрожащимъ голосомъ заявила, что она скажетъ все, что знаетъ, будетъ ли это въ пользу или во вредъ ея мужу, то это конечно не прошло безслѣдно относительно присяжныхъ. Тѣмъ не менѣе исторія о неизвѣстномъ господинѣ съ деньгами и о подброшенныхъ сапогахъ опять показалась такъ неправдоподобною, что заставила усомниться въ искренности ея показаній.

Показаніе садовника Шибеле произвело окончательный переломъ; хотя онъ сначала былъ очень смущенъ и останавливался, какъ будто отъ душевной борьбы, но потомъ вдругъ борьба эта исчезла, онъ вытеръ потъ со лба и проговорилъ свои показанія такъ быстро и твердо, какъ будто затверженный урокъ. Онъ рассказалъ, какъ нашелъ разломанную дверь и шкапъ, какъ побѣждалъ и созвалъ сосѣдей, которые вмѣстѣ съ нимъ открыли слѣды и прослѣдили отъ самаго дома до жилища сапожника. На столѣ суда лежали сапоги, въ серединѣ которыхъ не доставало гвоздя, а снимокъ, взятый со слѣда въ точности, приходился къ нимъ.

Послѣ этихъ уликъ основательность обвиненія была несомнѣнна, хотя защитникъ выходилъ изъ себя, защищая подсудимаго. Обвинитель заключилъ свою послѣднюю рѣчь тѣмъ, что обратился къ присяжнымъ съ слѣдующими словами: „Вы видѣли, сказалъ онъ, — потрясающую сцену весьма серьезной семейной драмы, никто изъ васъ конечно не остался при этомъ равнодушенъ; но вы не должны забывать, господа, что вы юристы и что тутъ надо слушаться больше головы, нежели сердца, и потому, произнося приговоръ, вы должны руководствоваться разсудкомъ, а не чувствомъ“.

Тщетно въ заключительномъ словѣ защитникъ употреблялъ все свое краснорѣчіе, чтобы подѣйствовать на сердца присяжныхъ, объясняя имъ, что ихъ да, или нѣтъ, повліяетъ на честь и бла-

госостояніе цѣлой семьи и на все существованіе ея; но короткій срокъ, употребленный присяжными на совѣщаніе другъ съ другомъ въ отдѣльной комнатѣ, уже доказывалъ, какъ одинаково смотрѣли они на это дѣло.

Было произнесено—виновенъ. Судьямъ тоже не надо было много времени, чтобы согласиться относительно наказанія и они присудили Ремпельмана на многолѣтнее строгое заточеніе.

Молча, точно окаменѣлый, выслушалъ мастеръ проговоръ, навѣки разлучавшій его съ семьей. Жена его упала въ обморокъ и ее, безчувственную, вынесли изъ залы.

Предсѣдатель въ заключеніе обратился къ Ремпельману. „Вы слышали вашъ приговоръ, не имѣете ли вы еще что сказать“?

— Да, отвѣчалъ Ремпельманъ и торжественно твердымъ шагомъ вышелъ на средину пространства между зрителями и судьями.—Я знаю, что я присужденъ, что я заклейменъ, какъ воръ, и что все, что бы я ни сказалъ вамъ, будетъ бесполезно. Но тѣмъ не менѣе я поднимаю правую руку свою и говорю: какъ вѣрно то, что я крещенъ, что Богъ святъ на небесахъ, такъ и то, что я невиненъ! Деньги мнѣ дѣйствительно были подарены, и если тотъ человѣкъ, который далъ мнѣ ихъ изъ желанія мнѣ добра, и который принесъ мнѣ такое несчастіе, еще живъ, то, можетъ быть, онъ услышитъ о моемъ приговорѣ и въ такомъ случаѣ я прошу его явиться и заявить объ этомъ суду, если же онъ этого не сдѣлаетъ, то отвѣтитъ за это передъ Богомъ на страшномъ судѣ.

Дрожь пробѣжала по собранію; въ словахъ и фигурѣ этого человѣка было что-то такое, вовсе не похожее на преступника, на уличеннаго вора. Въ то время, какъ его уводили и увозили въ закрытой каретѣ въ тюрьму, докторъ и еще нѣсколько человѣкъ хлопотали въ сосѣдней комнатѣ около сильно страдавшей жены Ремпельмана. Шпарбергеръ подошелъ къ ней также, и съ глубокимъ состраданіемъ посмотрѣвъ на почти безчувственную женщину, сказалъ:

— Какъ жаль мнѣ эту бѣдную женщину! Я предпочелъ бы лучше не розыскивать своихъ денегъ, чѣмъ видѣть, какъ страдаетъ она, бѣдная. Позаботьтесь, докторъ, чтобы она ни въ чемъ не терпѣла недостатка, а я охотно за все заплачу!

Садовникъ Шибеле тоже ласково подошелъ къ ней, когда она нѣсколько пришла въ себя.

— Дай Богъ, чтобы вы утѣшились! льстиво проговорилъ онъ, — надо свыкнуться съ необходимостью и забыть сѣвернаго мужа, навлекшаго на васъ позоръ и насмѣшки. Лучше всего было бы и для него и для васъ, если бы онъ никогда болѣе не возвращался изъ острога! Изъ-за этого нельзя же убиваться такой молодой, славной бабенкѣ; кабы она только захотѣла, такъ будетъ со-всѣмъ не то.

Онъ, не кончивъ, со страхомъ отскочилъ въ другой конецъ комнаты и сталъ пробираться къ дверямъ, потому что жена сапожника вскочила, какъ будто никогда не чувствовала слабости, и если бы любезникъ не ушелъ, то навѣрное его глаза были бы выцарапаны.

Такъ какъ это дѣло было несложное, то и длилось всего нѣсколько часовъ. Къ послѣобѣденному засѣданію было назначено другое дѣло и потому почти никто не уходилъ изъ залы. Всѣ выжидали, пока судьи и присяжные отдохнуть. Второе дѣло было еще занимательнѣе перваго. Подсудимымъ былъ хозяинъ Красной Звѣзды Мозеръ, обвиненный въ поджогъ своего собственнаго дома. Это дѣло, какъ и дѣло Ремпельмана, главнымъ образомъ было основано на подозрѣніи и неточныхъ уликахъ, но за то оба подсудимые представляли рѣзкую противоположность. Хотя Ремпельманъ въ началѣ и казался пораженнымъ и несчастнымъ, за то потомъ сталъ нѣсколько спокойнѣе. Чувство невозможности отстранить отъ себя подозрѣніе сильно волновало его, и его громкую рѣчь могли легко принять за безпокойство нечистой совѣсти. Мозеръ же, напротивъ того, явился совершенно спокойнымъ, и даже можно сказать равнодушнымъ, какъ будто дѣло вовсе до него не касалось. Съ сложенными руками, съ опущенными взорами и шевеля губами, какъ будто читая молитву, явился онъ въ залу, скромно поклонился на всѣ стороны и такъ развязно сѣлъ на скамью подсудимыхъ, какъ будто бы сидѣлъ у себя въ харчевнѣ, а два жандарма по бокамъ были его гостями, которыхъ ему слѣдовало угостить. Также отвѣчалъ онъ и на обвиненіе, и всѣ мелкія подозрѣнія умѣлъ или совершенно уничтожить, или значительно уменьшить. Съ перваго взгляда весьма подозрительнымъ казалось

то обстоятельство, что дѣла его были въ плохомъ положеніи, и что онъ не могъ долѣе поддерживать ихъ. Онъ опровергъ однако это тѣмъ, что никто не могъ доказать ему, когда онъ не исполнялъ своихъ обязательствъ, когда не платилъ процентовъ или долговыхъ документовъ. Конечно, всѣ эти платежи были сдѣланы не вполне, и всюду оставались небольшія недоимки, но вообще балансъ его торговыхъ дѣлъ вовсе не представлялся особенно неблагоприятнымъ.

„Дѣла мои не были такъ дурны, какъ казались“, сказалъ онъ, „и какъ я самъ выставялъ ихъ. Я всегда во время могъ бы платить все, но мнѣ было гораздо выгоднѣе держать въ рукахъ деньги лишнія недѣли и мѣсяцы, когда я могъ ихъ еще два обернуть, и обдѣлать какое нибудь дѣльце. Мнѣ было выгодно, что люди считали меня бѣднѣе, чѣмъ я былъ въ дѣйствительности; но что изъ этого могло произойти такое несчастіе, объ этомъ я вовсе не думалъ. Такимъ образомъ, я скопилъ порядочную сумму, и размѣнялъ ее на бумаги, которыя я, казалось, нигдѣ не могъ лучше спрятать, какъ въ комнатѣ дочери; но тамъ-то они и сгорѣли вмѣстѣ со всѣмъ остальнымъ.“

Тотъ фактъ, что не задолго передъ тѣмъ онъ застраховалъ вдвое свое имущество, онъ объяснилъ просто, что вслѣдствіе недавно бывшаго у него по сосѣдству пожара, счастливо однакожъ потушеннаго, онъ сталъ бояться подобнаго же несчастія и рѣшился лучше на жертву.

Обвиненіе, что будто онъ вынесъ передъ пожаромъ цѣнныя вещи и припряталъ ихъ, уничтожилось само собою, потому что свидѣтель, у котораго вещи хранились, подтвердилъ, что онѣ лежатъ у него болѣе полугода. Мозеръ же объяснилъ, что тогда онъ имѣлъ намѣреніе предпринять нѣкоторыя перестройки въ домѣ, и въ доказательство указывалъ на каменщика, съ которымъ велъ въ то время переговоры. Во время перестройки ходило бы много разнаго народа въ домъ, такъ долго ли до грѣха, и онъ счелъ благоразумнымъ отдать на сохраненіе пріятелю серебро и другія цѣнныя вещи. Перестройка между тѣмъ не состоялась, а такъ какъ вещи эти ему не были нужны, то онъ и оставилъ ихъ у знакомаго, зная, что тамъ онѣ будутъ сохранны.

Самое серьезное подозрѣніе заключалось въ томъ, что огонь показанъ въ пустой, боковой комнатѣ, ключъ отъ которой былъ у него, и кромѣ того, что во время пожара его нигдѣ не было видно, и что, наконецъ, когда онъ оказался въ садикѣ, то велъ себя крайне странно и подозрительно. Первое подозрѣніе уничтожилось тѣмъ, что двойной ключъ ко всѣмъ комнатамъ въ домѣ находился въ рукахъ его дочери, и что она, къ несчастію, не всегда бываетъ въ полномъ разумѣ, и не всегда тушитъ свѣчу, за что не разъ ужъ онъ съ нею ссорился. И что вообще дѣвушка эта причиняла ему не мало безпокойства. Но послѣдней и самой важной уликой было показаніе Губера, явившагося свидѣтелемъ, и у котораго до сихъ поръ болѣла рука, обожженная при спасеніи Маріи. Онъ разсказалъ, какъ засталъ хозяина, какъ онъ съ трудомъ узналъ отъ него, гдѣ была дѣвушка, и какъ потомъ побѣжалъ наверхъ, чтобы вытащить оттуда несчастную.

Послѣ показанія Губера поднялся защитникъ хозяина, худой, пожилой человѣкъ, съ умными, тонкими чертами лица и съ высокимъ лбомъ. Длинные сѣдые волосы были закинута назадъ и вся фигура и манеры старика напоминали лицо изъ духовенства.

— Господа присяжные, началъ онъ, — и господа судьи конечно согласятся со мною, что показанія этого свидѣтеля чрезвычайно важны, и потому онѣ требуютъ болѣе тщательнаго разсмотрѣнія. Вслѣдствіе этого я прошу позволенія сдѣлать нѣсколько вопросовъ этому свидѣтелю. Гдѣ вы, продолжалъ онъ, обращаясь къ Губеру, — нашли дѣвушку во время пожара и въ какомъ положеніи она находилась?

— Въ комнатѣ второго этажа, отвѣчалъ Губеръ, — въ которой почти никто не жилъ и гдѣ преимущественно лежалъ старый хламъ.

— Да вѣдь въ этой комнатѣ была же постель, вѣдь это была же комната дѣвушки? спросилъ защитникъ.

— Да.

— Можно себѣ представить, что весь домъ былъ полонъ страшнаго дыму, вамъ вѣроятно трудно было отыскать комнату?

— Конечно, быстро отвѣчалъ Губеръ. — Если бы я не зналъ такъ хорошо дома, то, вѣроятно, не могъ бы найти ее.

— Такъ вы соглашаетесь, сказалъ защитникъ, быстро взгля-

нубъ на присяжныхъ, — что хорошо знали домъ. Не угодно ли вамъ объяснить, почему вы его знали?

— Очень просто, отвѣчалъ Губеръ, нѣсколько смѣшавшись.— Я очень часто бывалъ въ этомъ домѣ и ходилъ туда, какъ обыкновенно ходятъ въ харчевню.

— Такъ, но тѣ, кто приходитъ въ харчевню, не ходятъ дальше пріемныхъ комнатъ. А комната, о которой мы говоримъ, какъ вы сами заявляете, была во второмъ этажѣ и принадлежала къ числу домашнихъ комнатъ?

— Я въ этотъ домъ ходилъ не только какъ обыкновенный трактирный посѣтитель, но и какъ хорошей знакомый, я бывалъ тамъ часто еще при жизни хозяйки.

— Говорятъ, сказалъ многозначительно защитникъ, — что вы были въ короткихъ отношеніяхъ съ дочерью?

— Я не знаю, сударь, что вы хотите этимъ сказать; — но я имѣлъ намѣреніе жениться на ней.

— Слѣдовательно, вы были съ ней въ любовныхъ отношеніяхъ.

— Вовсе нѣтъ. Для любовныхъ отношеній необходимо обоюдное согласіе, а Марія никогда обо мнѣ и слышать не хотѣла.

— Отчего такъ?

— Этого не знаю. Она мнѣ этого никогда не говорила. Она говоритъ, что это тайна, измѣнить которой она не имѣетъ права.

— Ну, а отецъ, который сидитъ тутъ передъ вами на скамьѣ подсудимыхъ, зналъ ли о вашемъ намѣреніи и изъявлялъ ли свое согласіе?

— Онъ зналъ о немъ, но не соглашался.

— За это вы вѣроятно очень не любите его?

— Нѣтъ, откровенно отвѣчалъ Губеръ. — Если бы пришлось искать друга, то, во всякомъ случаѣ, хозяинъ былъ бы послѣдній, но вѣдь это болѣе дѣло вкуса. Но врагомъ я ему не былъ и мнѣ кажется, что если бы Марія захотѣла, то онъ бы подъ конецъ далъ свое согласіе.

— Вы, безъ сомнѣнія, часто посѣщали дѣвушку и, можетъ быть, даже тайно, то есть безъ вѣдома ея отца?

— Я часто ходилъ къ ней въ кухню.

— По плану дома кухня была закрыта съ вѣшной стороны и

входъ въ нее былъ только черезъ комнаты. Какъ же вы могли ходить туда безъ вѣдома отца?

— Э, смѣясь сказалъ Губеръ, — я лазилъ туда въ окно. Окно выходитъ на дворъ и только одинъ разъ...

Онъ остановился.

— Ну, вы молчите, вскричалъ защитникъ. — Господа присяжные, извольте обратить вниманіе, что свидѣтель очевидно запинается.

— Я не запинаюсь, сказалъ Губеръ. — Я ничего дурного не сдѣлалъ. Только разъ, хотѣлъ я сказать, въ тотъ вечеръ, когда праздновались новыя законы, Марія не приходила въ общую комнату и такъ какъ окно было закрыто ставнемъ, а я боялся, не произошло ли съ ней чего нибудь, то и влѣзъ на крышу и спустился въ трубу.

— Вы видите, я прошу васъ замѣтить, съ торжествомъ вскричалъ защитникъ, — до какой степени свидѣтель былъ знакомъ съ расположеніемъ дома и какъ былъ коротокъ съ дѣвушкой. А какъ же вы нашли дѣвушку, когда пошли ее спасать? Лежала она въ постели?

— Нѣтъ, я нѣсколько разъ крикнулъ ее по имени, но такъ какъ отвѣта не послѣдовало, то я и хотѣлъ отворить дверь. Дверь была заперта и я хотѣлъ ужъ выломать ее, какъ вдругъ замѣтилъ, что ключъ торчалъ въ замкѣ и былъ замкнутъ снаружи.

Присяжные съ удивленіемъ взглянули другъ на друга и покачали головами.

— Я отворилъ, продолжалъ Губеръ, — и нашелъ Марію въ рубашкѣ, полуертвую на полу около постели. Она спрятала голову подъ одѣяло, вѣроятно для того, чтобы не задохнуться, потому что дымъ и чадъ проходили во всѣ щели и черезъ полъ. Долго думать тутъ было нечего. Она легка, какъ перо, потому я взялъ ее на руки и снесъ внизъ.

— Вы говорите, сказалъ защитникъ, — что ключъ торчалъ снаружи. Это вѣроятно ошибка. Было бы странно, если бы вы все такъ точно замѣтили. Вѣроятно, вы не были такъ хладнокровны, чтобы дѣлать подобныя наблюденія. Дверь, вѣроятно, не была замкнута, но только не сразу отворилась, что случается очень часто.

— Нѣтъ, нѣтъ, съ жаромъ вскричалъ Губеръ, — это я знаю навѣрное! Это вѣдь по моей части и въ такихъ вещахъ я никогда не ошибаюсь. Ключъ торчалъ въ замѣкъ и былъ повернутъ два раза. Марія была заперта. Конечно я былъ точно въ горячкѣ, но все-таки я сознавалъ, что вижу и что дѣлаю.

— Рѣдкое присутствие духа! иронически замѣтилъ защитникъ. — Желательно было бы, чтобы вы его никогда не теряли. Еще послѣдній вопросъ. Вы назвали себя католикомъ и какъ католикъ принесли присягу. Но, говорятъ, будто вы отступились отъ своей церкви и сочувствуете принципамъ свободной секты.

— Это неправда.

— Тѣмъ не менѣе нѣсколько дней тому назадъ вы публично съ жаромъ приняли сторону сектантовъ и даже грозили вашимъ единовѣрцамъ.

— И это тоже неправда. Толпа необразованныхъ людей — были ли это мои единовѣрцы, не знаю — хотѣла погнѣшать сектантамъ, изъ которыхъ я никого не зналъ, при погребеніи одного изъ ихъ членовъ. Мнѣ показалось это несправедливостію, а я никакой несправедливости перенести не могу. Гдѣ я вижу несправедливость, я вмѣшиваюсь, потому что не могу вытерпѣть. Такой ужъ я человекъ.

— Ну, такъ вамъ найдется много дѣла, другъ мой, сказалъ защитникъ. — Мнѣ нечего болѣе спрашивать и я замѣчу только, что, во всякомъ случаѣ, этотъ свидѣтель выказалъ подозрительное равнодушіе относительно религіозныхъ вопросовъ, вслѣдствіе чего на его показаніе и на присягу слѣдуетъ смотрѣть весьма осторожно.

— Милостивый государь, вскочивъ вскричалъ Губеръ, — какъ осмѣливаетесь вы...

Предсѣдатель перебилъ его.

— Я не позволяю свидѣтелю больше говорить. Вы должны молчать и говорить только, когда васъ спрашиваютъ.

Послѣ этого, исходъ дѣла зависѣлъ прямо отъ показаній Маріи. Призванный судебный врачъ объявилъ, что онъ много наблюдалъ за нею и хотя о ней и говорятъ, что она помѣшана, но никакъ не могъ подмѣтить этого, а что скорѣй она кажется ему подверженной меланхолии, что можетъ иногда переходить въ настоящее по-

гѣшательство. Что дѣвушки передъ пожаромъ онъ не видѣлъ, но что, по словамъ знавшихъ ее, болѣзнь ея усилилась и перешла въ какое-то безчувственное состояніе, вслѣдствіе чего она большую часть времени находится въ какой-то безсознательной и тупой задумчивости. Тѣмъ не менѣе онъ считаетъ ее не безумной, и что такъ какъ ея состояніе произошло отъ потрясенія, то, можетъ быть, потрясеніе отъ непривычнаго появленія передъ судомъ произведетъ на нее дѣйствіе и дѣвушка придетъ въ сознаніе.

Если бы въ этой, наполненной публикой, залѣ упала иголка, то можно было бы услышать, такъ было тихо, когда вошла Марія, опираясь на руку какой-то дѣвушки. Она была одѣта очень просто и крѣпко держалась за руку этой дѣвушки, которая ее не только вела, но почти тащила. Глаза ея безмысленно смотрѣли впередъ, а лицо было блѣдно, какъ у покойницы; при видѣ ея многіе вздохнули и многіе прошептали: „какъ жаль, такая хорошенькая дѣвушка и такое несчастіе“. Ее довели до середины и предсѣдатель началъ говорить ей. Но какъ врачъ, такъ и предсѣдатель тщетно старались добиться отъ нея слова. Она молчала и стояла, какъ статуя.

— Позвольте мнѣ поговорить съ ней, подойдя сказалъ Губеръ. — Она знаетъ мой голосъ, можетъ быть, я приведу ее въ себя.

— Противъ этого я долженъ протестовать, послѣшно вскричалъ защитникъ. — Тутъ слишкомъ велика опасность тайнаго соглашенія.

Предсѣдатель былъ одного съ нимъ мнѣнія, и велѣлъ увести свидѣльницу. Ее отвели въ сторону. Призваны были еще свидѣтели, которые подтверждали, какъ Мозеръ велъ себя при спасеніи дочери; онъ такъ громко выражалъ свою радость, что сомнѣваться въ его чувствахъ было невозможно.

Послѣ этого обвиненіе само собою уничтожалось, и защитнику нечего было много ломать голову, тѣмъ болѣе, что повальный обыскъ оказался совершенно въ пользу Мозера, и всѣ называли его человѣкомъ тихимъ, скромнымъ, весьма благочестивымъ и членомъ многихъ благотворительныхъ обществъ. Присяжные, выйдя, вернулись очень скоро, на этотъ разъ съ оправдательнымъ приговоромъ, такъ какъ другого по ходу дѣла нельзя было и ожидать. Ропотъ удовольствія раздался по собранію. Одинъ подсудимый оста-

вался по прежнему покоенъ. Онъ обернулся къ стѣнѣ, какъ будто желая скрыть свое лицо и чувства; но ясно было видно, что онъ, поднявъ руки, молился.

Судьи удалились въ отдѣльную комнату. Между тѣмъ наступилъ вечеръ, въ залѣ зажгли газовыя лампы. Когда колокольчикъ возвѣстилъ возвращеніе судей, вся публика стала занимать свои мѣста; свидѣтели, тоже выходявшіе на время, вернулись, а съ ними вмѣстѣ вошла и Марія, по прежнему безсмысленно и задумчиво занявшая мѣсто на скамьѣ прямо противъ подсудимаго. Тутъ вошли судьи и предсѣдатель объявилъ, что подсудимый оправданъ. Онъ хотѣлъ начать чтеніе оправдательнаго приговора, но для чтенія было слишкомъ темно. Вслѣдствіе этого онъ велѣлъ пустить болѣе газа и поднять абажуры, что внезапно, какъ молніей или какъ пламенемъ, озарило залу. Чтеніе было прервано дикимъ крикомъ; вскрикнула Марія; внезапный свѣтъ ослѣпилъ ее и вмѣстѣ съ тѣмъ пробудилъ отъ оцѣпенѣнія. Она внезапно увидѣла хозяина и, вскочивъ съ мѣста, протянула руку, указывая на него.

— Пожаръ! кричала она, раздирающимъ душу голосомъ, — пожаръ. Вонъ онъ съ горящими лучинами! Хозяинъ Звѣзды идетъ и зажигаетъ солому! Пресвятая Марія, горимъ! Онъ повертываетъ ключъ въ замкѣ... спасите! спасите! Онъ не выпускаетъ меня, онъ хочетъ, чтобы я сгорѣла!

Всѣ присутствующіе вздрогнули. Ни прокуроръ, ни защитникъ не находили словъ. Только подсудимый оставался по прежнему покоенъ, и бросалъ холодные, ядовитые взоры на помѣшанную.

— Вотъ вы сами, господа, видите, сказалъ онъ;—въ какомъ она положеніи.

Эти слова и голосъ хозяина окончательно вывели Марію изъ оцѣпенѣнія. Она бросилась къ скамьѣ подсудимыхъ и упала передъ нею на колѣни.

— Хозяинъ! кричала она; — не запирай меня въ горящемъ домѣ, не сжигай меня! Выпусти меня! Я все буду дѣлать, что ты прикажешь! Мать! Мать! кричала она, съ отчаяніемъ ползая по полу,—зачѣмъ ты не помогаешь мнѣ? Ахъ, вотъ и ты. Смотри, хозяинъ, вонъ она стоитъ въ углу! Она грозитъ тебѣ! Поднимаетъ руку! Видишь, шрамъ у нея на лбу?

И послѣ этого она въ безпамятствѣ упала на полъ.

— Вынесите сумасшедшую отсюда! строго проговорилъ предсѣдатель, и торжественнымъ голосомъ дочиталъ приговоръ до конца.

— Вы оправданы, сказалъ онъ въ заключеніе подсудимому, — и можете безпрепятственно выйти отсюда. Приговоръ присяжныхъ неизмѣняемъ. За это дѣло никто болѣе на землѣ не можетъ привести васъ къ суду. За то же, что мы тутъ слышали и видѣли, вы будете имѣть дѣло съ вашей совѣстью и небеснымъ Судьей.

Какъ прорвавшійся потокъ, бросилась послѣ этого толпа, шумя и разсуждая, къ выходу. Никто не обращалъ вниманія на Мозера, поспѣшно скрывшагося въ толпѣ. Губеръ остался съ Маріей, перенесенной въ сосѣдній домъ. Ее положили на постель, она была какъ бы въ летаргическомъ снѣ. Тщетно употреблялъ докторъ возбуждательныя средства, и наконецъ объявилъ, что можетъ посоветывать для больной только покой, а остальное все надо представить природѣ.

Онъ угадалъ въ точности. Полнѣйшая тишина, окружавшая больную, вскорѣ подѣйствовала на нее такъ, что она опаматовалась, открыла глаза, осмотрѣлась кругомъ и попыталась привстать.

— Хочешь чегонибудь, Марія? тихо сказалъ Губеръ, сидѣвшій у постели. — Не пугайся! Это я подлѣ тебя!

Она осмысленно взглянула на грустное лицо молодого человѣка, и во взглядѣ его видѣлась искренняя любовь; потомъ слабо протянула ему руку, которую онъ съ радостью взялъ и поцѣловалъ.

— Ты со мной, вѣрный другъ мой? прошептала она. — Ахъ, зачѣмъ мнѣ нельзя навсегда остаться съ тобою!

— Ты можешь, тихо отвѣчалъ Губеръ, — если только захочешь. Послѣ того, что случилось сегодня, тебѣ нельзя вернуться къ отчиму въ домъ. Ты знаешь, что я думаю, Марія. Я тебѣ часто говорилъ. Скажи только, что ты согласна, и черезъ недѣлю ты переѣдешь ко мнѣ навсегда, какъ жена моя.

Она взглянула на него, нѣжно улыбаясь.

— Я не боюсь больше хозяина, сказала она; — но вмѣстѣ со страхомъ кончилась и надежда. То, что случилось, разбило мнѣ сердце. Я ужъ недолго протяну. Останься со мною, Мартынъ, до конца! Я чувствую, онъ ужъ не далекъ.

— Не можетъ быть, сказала Губеръ, съ трудомъ преодолевая горе. — Ты не должна объ этомъ думать. Когда мы будемъ въ другомъ домѣ, и у другихъ людей, тогда ты скоро поправишься и будешь опять весела. Не будь такъ печальна и старайся поскорѣе выздоровѣть, и если ты меня не можешь полюбить, то я объ этомъ не буду говорить ни слова болѣе.

— Я-то не могу полюбить тебя! сказала она такъ отъ души, что всякое сомнѣніе въ этомъ уничтожилось само собою.

— А если ты любишь меня, зачѣмъ же ты не хочешь быть моею женою?

— Потому, что я недостойна тебя, Мартынъ, проговорила она съ усиленіемъ; — потому, что ты стоишь честной, порядочной жены. Теперь, когда пришелъ мой конецъ, я могу все сказать тебѣ. Ты за это не будешь проклипать меня, и, можетъ быть, будешь меньше страдать, когда все узнаешь. Ты вѣрно еще помнишь, какъ мать моя вышла замужъ за хозяина Звѣзды. Я была еще дѣвочкой, мнѣ не было еще и пятнадцати лѣтъ, когда я переѣхала съ нею къ нему въ домъ. Ты знаешь также, какъ несчастливъ былъ этотъ бракъ, и какъ скоро оказалось, что хозяинъ женился на моеи матери только ради ея денегъ.

Губеръ печально кивнулъ въ знакъ согласія.

— Скоро начались только непріятности и брань; который день у насъ только и слышались крикъ, да драка. Чѣмъ хуже обращался хозяинъ съ матерью, тѣмъ ласковѣе и ласковѣе дѣлался со мною; а я по простотѣ сердечной ничего дурного не предполагала. И часто, когда я ложилась спать, меня иногда начинало такъ что-то тяжело клонить ко сну и тогда я видѣла ужасные сны, а послѣ пробужденія у меня какъ-то сжималось сердце, а голова была тяжела, страшно тяжела! Разъ, послѣ такой ночи, со мною сдѣлались судороги, а разъ я внезапно проснулась отъ чего-то ужаснаго и видѣла, какъ хозяинъ поспѣшно выходилъ изъ моеи комнаты. Мнѣ тогда только пришло въ голову, что всякій разъ передъ тѣмъ, какъ на меня нападалъ такой тяжелый сонъ, онъ не отставалъ отъ меня до тѣхъ поръ, пока я не выпивала питья, которое, по его словамъ, было полезно мнѣ при моемъ болѣзненнымъ состояніи. Я не подозрѣвала, что со мною случилось, но

разсказала все матери. Внѣ себя, стала она ему выговаривать за это. У нихъ началась брань, онъ разозлился и ударилъ ее по головѣ топоромъ и сильно ее ранилъ. Отъ этого удара она долго лежала въ постели и всѣмъ разсказывала, что упала и наткнулась на топоръ. Я же была такая жалкая, что болдась кажется самой себя и съ тѣхъ поръ мнѣ становилось все хуже и хуже. Слава тебѣ, Господи, продолжала она, отдохнувъ немного,—теперь пришелъ конецъ. Вѣрно мать моя вымолила это у Господа Бога. Не презирай меня, Мартынъ, и теперь, теперь я могу тебѣ сказать, что я люблю тебя болѣе жизни, и что высшимъ моимъ блаженствомъ было бы принадлежать тебѣ на вѣки! Но такъ лучше. Ты успокойся и будешь еще счастливъ въ жизни, а что ты меня не совѣмъ забудешь,—въ этомъ я увѣрена.

— Никогда, никогда, рыдая вскричалъ Губеръ, не будучи болѣе въ состояніи скрывать своего горя.—Ты живешь, Марія, слѣдовательно есть еще надежда. Не умирай, оставайся со мною, я еще больше буду любить тебя.

Марія ничего не отвѣчала, она вдругъ такъ ослабѣла, что едва могла прошептать:

— Слишкомъ поздно, сказала она едва внятно.—Я скоро умру, дай мнѣ твою милую, дорогую руку, продолжала она, взявъ его руку обѣими своими.—Вотъ такъ я и умру.

Она закрыла глаза, плотно сжимая руку Мартына. Она болѣе не вздрагивала и лежала неподвижно.

Мартынъ съ неудовольствіемъ закивалъ головой, когда вдругъ дверь отворилась и въ комнату поспѣшно вошла хозяйка квартиры, куда была перенесена Марія.

— Опять новость, вскричала она.—Право ужъ не знаю и говорить ли мнѣ.

— Что такое? невольно спросилъ Губеръ.

— Сейчасъ шли мимо, шопотомъ проговорила женщина,—и разсказывали новость. Мозеръ, хозяинъ Звѣзды, какъ ушелъ изъ суда, взявъ веревку да и повѣсилъ.

— Тихе, вскричалъ Губеръ, — она не должна этого знать. Встаньте лучше на колѣни, да помолитесь, чтобы ей легче было умереть.

Хозяйка стала молиться. Въ комнату вошло еще нѣсколько человекъ и тоже стали молиться; но напрасно, агонія уже миновалась и душа незамѣтно покинула тѣло. Губеръ сидѣлъ до глубокой ночи около постели Маріи и только къ утру вынулъ свою руку изъ ея оочевѣлыхъ рукъ и крестомъ сложилъ ихъ на усноившуюся наконецъ грудь.

Черезъ нѣсколько дней, недалеко отъ границы, ѣхала по большой дорогѣ удобная дорожная открытая коляска. Весьма небольшой багажъ путешественника и очевидная поспѣшность, съ какою почтарь погонялъ четверку лошадей, доказывали, что путешественникъ ѣхалъ по какому нибудь спѣшному дѣлу. Путешественникъ этотъ былъ Фридрихъ. Лицо его было крайне озабочено; хотя взоры блуждали по прелестной мѣстности, открывавшейся передъ нимъ въ видѣ горъ, но онъ какъ будто не замѣчалъ, какъ прелестно, между возвышавшихся холмовъ и лѣсовъ, какъ зеркало, блестя озеро, какъ надъ нимъ возвышались въ голубой синевѣ все выше и выше и все торжественнѣе и величественнѣе вершины горъ, кажется, онъ болѣе смотрѣлъ вдаль какъ бы для того, чтобы съ нетерпѣніемъ измѣрить, далеко ли ему осталось до его цѣли.

Коляска стала спускаться съ небольшой возвышенности. Почтарь далъ вздохнуть лошадямъ, указалъ бичемъ на небольшую горку, гдѣ изъ-за темного лѣсу видѣлись башни и стѣны, и сказалъ:

— Вотъ видите тамъ, это и есть Венделинъ. Какъ мы спустимся съ горы, дорога пойдетъ лучше. Въ полчаса будемъ на мѣстѣ.

Фридрихъ выпрямился и пристально посмотрѣлъ на указанное мѣсто. Потомъ онъ утвердительно кивнулъ головой и началъ опривляться какъ человекъ, которому тотчасъ же надо приступить къ дѣлу. Вскорѣ изъ-за громаднаго еловаго лѣсу показалось небольшое озеро, въ темной водѣ котораго отражался холмъ, увѣнчанный замкомъ, и почти тотчасъ же кучеръ остановился у узенькой дорожки, спускавшейся внизъ, и сказалъ:

— Кажется, сударь, вы очень спѣшите, такъ по этой дорожкѣ вы дойдете въ замокъ получасомъ раньше. Вы можете пройти по англійскому парку и по саду. А проѣзжая дорога идетъ далекимъ объѣздомъ. Если вы тутъ сойдете и пройдете черезъ мостъ, такъ я поѣду тихонько вругомъ.

Фридрихъ, казалось, очень обрадовался этому предложенію. Онъ вышелъ изъ экипажа и пошелъ черезъ мостъ. Черезъ островочные ворота онъ вошелъ въ паркъ, похожій скорѣе на лѣсъ, на лужайкахъ котораго паслись ручные олени. Фюреръ шелъ съ неудовольствіемъ по незнакомой ему дорожкѣ, боясь заблудиться, и хотѣлъ уже вернуться обратно, какъ вдругъ услышалъ пѣніе какого-то мужского голоса. Пройдя еще нѣсколько шаговъ, онъ увидѣлъ, что паркъ кончился и передъ нимъ открылся садъ съ клумбами цвѣтовъ.

Какой-то старикъ въ зеленомъ передникѣ стоялъ съ заступомъ и пересаживалъ въ клумбы разныя растенія и цвѣты, стоявшіе подлѣ него въ корзинѣ. При этомъ онъ напѣвалъ себѣ подъ носъ какую-то пѣсню, изъ которой только и слышался что простой, однообразный припѣвъ.

Замѣтивъ Фюрера, онъ вдругъ остановился.

— Здравствуйте, сударь! сказалъ онъ.—Какъ это вы попали по этой дорожкѣ? Странно! Вы чужой, и знаете этотъ ходъ.

Фюреръ разсказалъ, какъ это случилось, и просилъ старика тотчасъ же доложить о немъ его высочеству, съ которымъ ему необходимо говорить, что онъ принадлежитъ ко двору, и пріѣхалъ къ герцогу.

— Съ удовольствіемъ, сударь! Сейчасъ доложу! сказалъ садовникъ.—Только вотъ дайте мнѣ пересадить эти цвѣты! Они ужъ безъ земли и могутъ погибнуть, пока я буду ходить. Это очень рѣдкій сортъ цвѣтовъ, такихъ вы, можетъ быть, и не видывали.

— Ну такъ пожалуйста поторопитесь, сказалъ Фридрихъ съ нѣкоторымъ нетерпѣніемъ.—Мои дѣла право очень важны.

— Сейчасъ, сейчасъ, сударь! Это веселая работа. Это растеніе не воздушное, но въ оранжереѣ оно очень прозябало. Такъ вотъ я и хочу попробовать пересадить его и посмотрѣть, не поможетъ ли ему чистый воздухъ, другая земля и свѣтъ. Это часто помогаетъ; но часто растенія и не переносятъ этого, но тогда ихъ нечего и жалѣть, значить они и въ оранжереѣ точно также бы погибли. Вѣдь и съ людьми бываетъ тоже самое! Посмотрите-ка, продолжалъ онъ, работая и болтая,—посмотрите-ка на это растеніе! Оно прислано издалека, кажется, изъ Вестъ Индіи. Это родъ амариліса, весьма рѣдкій, полу-лилія, полу-нарцисъ, и цвѣты у него

необыкновеннаго розоваго цвѣта. Но когда оно цвѣтеть, не надо подходить близко, потому что запахъ у него ядовитый, и если пробить около него долго, то онъ одуряетъ, производитъ головокруженіе и потомъ обморокъ. У насъ вонъ тамъ въ оранжереѣ есть еще экземпляръ. И теперь онъ какъ разъ въ цвѣту; надо вамъ посмотреть его, сударь! Цвѣтокъ необыкновенно хорошъ, но ядовитъ, какъ я вамъ говорю. Ну да вѣдь это бываетъ, сударь, часто, и потому-то онъ и называется Амариллисъ Белладонна. Ну, я кончилъ, заключилъ онъ наконецъ, и передъ уходомъ потопталъ землю вокругъ только-что пересаженнаго растенія и осторожно полилъ его.—Теперь посмотримъ, что изъ этого выйдетъ, а я свое дѣло сдѣлалъ.

Такъ какъ онъ замѣтилъ, что Фридрихъ вовсе не былъ расположенъ къ разговорамъ, то взялъ свои лопаты и пошелъ поспѣшно впередъ по различнымъ дорожкамъ въ боковой флигель замка, выстроеннаго совершенно въ рыцарскомъ вкусѣ. Въ сторонѣ былъ небольшой питомникъ, отдѣленный живою изгородью, и посреди его хорошенкѣй домикъ, который съ перваго же взгляда можно было принять за домъ садовника. Неподалеку отъ него начиналась оранжерея съ стеклянной крышей и такими же стѣнами, и примыкала къ самому замку.

— Вотъ домъ мой! сударь! сказалъ садовникъ. — Подождите минуточку! Я пойду въ замокъ и передамъ карточку вашу кастеляну. Но врядъ ли герцогъ васъ приметъ. Кажется, онъ или уѣхалъ кататься, или у него есть кто-то въ гостяхъ. Отдохните вотъ тамъ на скамейкѣ, сударь! А вотъ идетъ какъ разъ моя невѣстка.

Молодая женщина подходила съ ребенкомъ на рукахъ; она поклонилась Фюреру, котораго старикъ поручилъ ей, и добродушно пригласила его въ комнату,

— Войдите же! сказала она.—Если вы пріѣхали изъ столицы, то у насъ вѣрно вамъ понравится. Здѣсь хотя все и просто, но мило. Мужъ мой ужъ на это мастеръ.

Фридрихъ вѣжливо отказался отъ приглашенія.

— Мнѣ не долго придется ждать, сказалъ онъ,—и я лучше посижу на воздухѣ. Скажите мнѣ, пожалуйста, такъ ли я попялъ.

Я думалъ найти здѣсь герцога одного и слышу о гостяхъ. Кто же можетъ быть у него?

— Это, улыбаясь сказала женщина,—хотя и гости, но въ то же время и не гости. У него въ гостяхъ дама.

— Дама? съ удивленіемъ вскричалъ Фридрихъ, такъ какъ ему вовсе были неизвѣстны склонности герцога съ этой стороны.

— Такъ, по крайней мѣрѣ, мнѣ передалъ мужъ, отвѣчала женщина. — Я не видѣла ее. Можетъ быть, тутъ что нибудь и не такъ. Она очень хорошо одѣта, и должно быть не изъ простыхъ. Она ѣхала мимо, и у ея экипажа сломалось колесо, а такъ какъ герцогъ случился неподалеку, и дамѣ невозможно было ѣхать далѣе, то онъ и пригласилъ ее въ замокъ.

Фюреру некогда было разяснять тутъ что нибудь, потому что въ ту минуту воротился садовникъ, и передъ нимъ шелъ какой-то господинъ, одѣтый, по придворному обычаю, съ головы до ногъ въ черное.

— Вотъ идетъ господинъ кастелянъ, сказала женщина.—Если вамъ надо чего нибудь у герцога, то онъ можетъ помочь вамъ. Онъ въ силѣ. Прежде онъ былъ его камердинеромъ, и путешествовалъ съ нимъ.

Въ это время кастелянъ подошелъ и раскланялся съ Фридрихомъ чрезвычайно вѣжливо и не скрывая своего удивленія.

— Такъ это точно вы, господинъ министр! вскричалъ онъ.—Его высочество вѣрить не хотѣли, чтобы это были вы, и послали меня убѣдиться въ этомъ.

Фюреръ по положенію своему приобрѣлъ большой навыкъ къ самообладанію, тѣмъ не менѣе, онъ не зналъ въ ту минуту, что отвѣчать; потому что, смотря на наглое, жирное лицо кастеляна, глядѣвшаго на него плутовскими глазами и съ безстыдной улыбкой, онъ ясно сознавалъ, что встрѣчалъ гдѣ-то этого человѣка. Но вспомнить, гдѣ встрѣчалъ онъ его, онъ не могъ, но только припоминалъ, что встрѣча не была пріятная.

— Его высочество, продолжалъ кастелянъ,—много ѣздили верхомъ сегодня утромъ, и теперь одѣваются. Они тотчасъ же примутъ васъ, а теперь прошу пожаловать за мною.

— Нѣтъ, я предпочитаю остаться на воздухѣ, отвѣчалъ Фюреръ.—А вы будьте такъ добры—позовите меня.

— Съ удовольствіемъ, вскричалъ кастелянъ.—Я счастливъ, что могу служить вамъ! Я такъ давно желалъ познакомиться съ человекомъ, сдѣлавшимъ такъ много для народа и отечества! Конечно, если бы я могъ подозрѣвать, продолжалъ онъ, съ страннымъ удивленіемъ,—то многое мнѣ и прежде было бы ясно.

Не успѣлъ Фридрихъ вникнуть въ эти слова, какъ онъ раскланялся и пошелъ по дорожкѣ. Вслѣдъ за этимъ старый садовникъ, узнавъ, кто былъ этотъ незнакомецъ, почтительно подошелъ къ нему, снявъ шляпу.

— Не сердитесь на меня, господинъ министръ, или какъ васъ тамъ надо называть, сказалъ онъ;—если простой, необразованный человекъ, какъ я, скажетъ вамъ, какъ онъ радъ видѣть васъ. Во всю свою жизнь я мало думалъ объ этихъ вещахъ, но я знаю, и весь свѣтъ говоритъ, что вы желаете добра намъ и родинѣ нашей. Поэтому вы вѣроятно позволите поднести вамъ букетъ изъ нашихъ цвѣтовъ.

— Благодарю васъ, мой другъ, сказалъ Фридрихъ,—за ваши слова и за букетъ, который я съ удовольствіемъ приму. Ваша простая благодарность кажется мнѣ лучшимъ цвѣткомъ, какой только есть у васъ въ саду.

— И теперь вы вѣроятно не откажете мнѣ посмотрѣть оранжерею, продолжалъ садовникъ, — и мою Амариллисъ Велладонну. Право стоитъ. Вы не найдете лучшаго экземпляра. Но только не нюхайте ее, это ужъ я говорилъ вамъ. Послушай-ка, сказалъ онъ невѣсткѣ,—когда кастелянъ придетъ, то скажи ему, что господинъ министръ пошелъ въ оранжерею. Я пошщу сына, чтобы онъ помогъ мнѣ связать вамъ букетъ. Онъ тоже будетъ очень радъ васъ видѣть. Мы сейчасъ прійдемъ.

Говоря это, онъ отворилъ дверь въ оранжерею, куда и вошелъ Фридрихъ.

Спертый, теплый, удушливый воздухъ обдалъ его, такъ что у него закружилась голова и забились виски. Но онъ скоро оправился и пошелъ спокойно между цвѣтами и растеніями, стоявшими сотнями по обѣимъ сторонамъ оранжереи. Каждое отдѣленіе оран-

жерен отдѣлялось отъ другого стеклянной стѣной, и шло нѣсколькими ступенями выше предыдущаго. Наконецъ Фридрихъ дошелъ до отдѣленія пальмъ, устроеннаго въ видѣ сада, гдѣ во время дождя можно было забыть, что не сидишь на свѣжемъ воздухѣ. Пальмы различныхъ сортовъ, кактусы и другія тропическія растенія насажены были такъ густо, какъ въ лѣсной чащѣ. Посреди сдѣлана была большая лужайка съ фонтаномъ, высоко взлетавшимъ и съ шумомъ падавшимъ назадъ. На лужайкѣ виднѣлись тамъ и сямъ клумбы цвѣтовъ, уборка которыхъ дѣлала честь вкусу садовника; около стеклянной стѣны, густо уставленной пальмами, тѣнистая тропинка вела въ другое отдѣленіе.

Передъ этой стѣной стояла бѣлая мраморная тумба, а на ней большая ваза. Въ вазѣ росло растеніе съ блѣдно-зелеными узкими и длинными листьями въ видѣ куста и разсыпалось во всѣ стороны. Изъ середины куста виднѣлся великолѣпный, большой вѣнцобразный цвѣтокъ самаго яркаго розоваго цвѣта. Старикъ садовникъ былъ правъ. Трудно было вообразить себѣ что нибудь болѣе красивое, но уже за нѣсколько шаговъ чувствовался очаровательный, одуряющій запахъ, распространяемый цвѣткомъ. Дощечка, висѣвшая на вазѣ, показывала, что это и есть краса сада, Амариллисъ Белладонна. Съ минутою Фридрихъ любовался цвѣткомъ, а потомъ спокойно пошелъ дальше по пальмовой дорожкѣ, чтобы осмотрѣть послѣднее отдѣленіе. Шумъ фонтана и щебетаніе птицъ заглушали голоса, раздававшіеся въ послѣднемъ отдѣленіи, и шумъ шаговъ Фюрера.

Это отдѣленіе соединялось съ замкомъ. Оно тоже было наполнено пальмами, между которыми были сдѣланы какъ бы навѣсы изъ вьющихся растеній. Тутъ же стоялъ диванъ и передъ нимъ круглый столъ.

Войдя въ это отдѣленіе, Фюреръ остановился, какъ громомъ пораженный; на диванѣ сидѣлъ герцогъ Феликсъ, а на груди у него лежала, нѣжно обвивъ его руками, Ульрика.

Она первая увидѣла его. Съ крикомъ вскочила она и потомъ какъ мертвая упала на диванъ, спрятавъ лицо въ подушки, блѣдая и испуганная нечаяннымъ появленіемъ своего мужа.

Безмолвно, подобно статуѣ, поднялся и герцогъ.

Въ ту же минуту, чуть не задыхаясь, вбѣжалъ въ дверь кастелянъ. Хитрый предостерегатель явился слишкомъ поздно. Тутъ Фридрихъ вспомнилъ, гдѣ видѣлъ это лицо.

Онъ тоже не находилъ словъ, но положилъ денеши, съ которыми пріѣхалъ, на столикъ, потомъ снялъ съ пальца кольцо, когда-то полученное имъ отъ герцога, молча положилъ его на денеши и потомъ исчезъ.

(Окончаніе въ слѣдующей книжкѣ.)

ПЕРЕДЪ СУДОМЪ.

Отъ кого я беременна, вамъ не скажу:

То завѣтная тайна моя.

Потаскушкой меня называете вы?

Лжете—честная женщина я.

Съ кѣмъ слюбилась я, этого вамъ не узнать;

Онъ хорошъ и пригожъ, милый мой,

Въ чемъ бы онъ ни ходилъ, въ золотой ли цѣпи,

Иль въ соломенной шляпѣ простой.

Если надо насмѣшки сносить и позоръ,

Ихъ снесу я одна на плечахъ.

Знаетъ милый меня, знаю милаго я,—

И про все знаетъ Богъ въ небесахъ.

Перестаньте же, честные судьи мои,

Перестаньте меня вы томить!

Вѣдь дитя это было и будетъ моимъ,

И не вамъ его надо кормить.

Мих. Михайловъ.

НАДГРОБІЕ ПОЭТА.

(Изъ Эллиота.)

Вашъ общій братъ схороненъ здѣсь,
Пѣвецъ скорбей людскихъ.
Поля и рѣки—небо—лѣсъ,—
Онъ книгъ не зналъ иныхъ.

Его скорбѣть учило зло—
Тиранство—стонъ раба—
Столица—фабрика—село—
Тюрьма—чертогъ—гроба.

Повсюду онъ порокъ встрѣчалъ.
Какъ бытъ! Онъ чистоты
Отъ тины жизни и не ждалъ,
Въ страстяхъ, въ скорбяхъ нужды.

Не тронулъ онъ черви въ пыли
Презрѣннемъ, словомъ злымъ,—
И нищій съ сильными земли
Былъ равенъ передъ нимъ.

Онъ славилъ тѣхъ, кто бѣдникамъ
Служилъ своимъ добромъ,
И слалъ проклятье богачамъ,
Живущимъ грабежомъ.

Все человѣчество любилъ,
И, честнымъ сердцемъ смѣлъ,
Враговъ народа онъ клеймилъ
И громко Правду пѣлъ.

Иск. Михайловъ.

ИСТОРИЯ ОДНОГО ТОВАРИЩЕСТВА.

РОМАНЪ.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.

VI.

— Хорошая или дурная вѣсть?.. читай скорѣе, озабоченно шепнула всегда веселая и вертлявая Настенька, явившись на другой день утромъ въ спальню Катерины Игнатьевны и сунувъ ей въ руки записку отъ Мочалова, писанную имъ въ прошлую ночь, вскорѣ послѣ того, какъ онъ всталъ изъ-за игорнаго стола.

Записка была всего въ двѣ строчки. Въ верхней было торпливо написано: «Не ждите меня. Мочаловъ»; а потомъ, внизу прибавлено болѣе ровнымъ почеркомъ: «Прощайте, мой маленькій другъ; не осуждайте меня и не печальтесь». Сначала Катерина Игнатьевна изумилась, потомъ задумалась, наконецъ пожала плечами и швырнула записку на столъ.

— Что это за свинство! раздражительно вскричала она.— Это онъ, должно быть, пьяный писалъ. Что это за почеркъ! Что это за слова! Не осуждайте, говоритъ! Такая я старая сплетница, чтобы порицать когонибудь!.. Не печальтесь, пишеть! Стану я печалиться, какъ же! О комъ это? О немъ? Боже мой!..

И она опять принялась убирать передъ зеркаломъ свои во-

лосы. Настенька задумчиво перечитала записку и не улыбулась, слова не вымолвила на восклицаніе подруги.

— Но главное, каковъ тонъ! Торжественность какая! Пишетъ человекъ такъ, какъ будто бы онъ умеръ и его отпѣли, въ землю закопали; а на самомъ дѣлѣ у него насморкъ, должно быть, сдѣлался. Ну, да! Что ты такъ смотришь на меня? Я тебѣ говорю, насморкъ сдѣлался, не больше. Что ты какъ въ воду опущенная? Онъ обѣщалъ написать въ случаѣ бѣды... Настенька! Да что это такое? Что ты? Говори же!..

— Говорять, будто онъ сегодня ночью проигралъ казенныя деньги, робко сказала Настенька.—Много, говорятъ, прибавила она, со страхомъ глядя, какъ Катерина Игнатьевна медленно поднималась со стула, блѣдная, съ побѣлѣвшими губами, даже какъ будто разомъ состарившаяся.

— Ну чтожь? Застрѣлился онъ? Да? спросила она усталымъ, болѣзненно-спокойнымъ голосомъ, какъ на смерть раненная и совсѣмъ безсильная.

— Я ничего не знаю, Катенька... Ничего не знаю... Можетъ быть, онъ и не проигрывалъ, все это выдумали на него... Ей Богу я ничего не знаю!..

— Не знаешь?.. Скажи прямо. Мнѣ все равно... Не мучь меня...

— Ей Богу ничего не знаю... Мнѣ, честное слово, ничего объ этомъ не говорили...

Катерина Игнатьевна вдругъ круто отъ нея отвернулась и бросилась одѣваться. Настенька совсѣмъ струсила, растерялась и только и думала, какъ бы ей незамѣтно пробраться домой, такъ незамѣтно, чтобы ее не видала ни Дарья Ивановна и никто въ домѣ. А Катерина Игнатьевна въ одну минуту была совсѣмъ одѣта и, не говоря ни слова, съ крѣпко-сжатыми губами вышла изъ комнаты.

— Куда вы? вскрикнула бывшая на дворѣ Дарья Ивановна.

Настенька покраснѣла и сконфуженная воротилась обратно; Катерина Игнатьевна даже головы не повернула и скользнула въ калитку. Съ опущенными въ землю глазами, съ раскрывшимися отъ быстрой ходьбы губами, она шла все быстрѣе и быстрѣе. Прохожіе сторонились передъ нею и потомъ съ нѣкоторымъ изумленіемъ оглядывались на хорошенькую, молодень-

ую дѣвушку, которая почти бѣжала куда-то съ такимъ тоскивымъ, полнымъ сердечной муки лицомъ, какъ будто бы или въ воду хочетъ броситься, или отъ преслѣдованія спасается, или у нея тамъ гдѣ-то умираетъ братъ, женихъ, любовникъ. Ей не нужно было спрашивать гдѣ живутъ Мочаловы; она часто проходила мимо этого дома и теперь прямо шла въ ихъ квартиру. Въ сѣняхъ она остановилась, перевела дыханіе и, наконецъ, отворила дверь.

Вышла мать Мочалова, спокойная, тихая, съ неторопливыми движеніями, съ совершеннымъ спокойствіемъ на своемъ блѣдномъ, старческомъ лицѣ.

— Моего сына нѣтъ дома, сказала она своимъ обыкновеннымъ книжнымъ языкомъ.—И мнѣ очень жаль, что я не могу даже сказать вамъ, когда онъ придетъ домой. Онъ ничего не говорилъ мнѣ.

— И давно онъ ушелъ? настоятельно спросила Катерина Игнатьевна.

— Да онъ со вчерашняго вечера не былъ дома. Я полагаю, что онъ вчера засидѣлся у кого нибудь изъ своихъ друзей и остался тамъ ночевать, чтобы не беспокоить меня своимъ позднимъ приходомъ. Можно думать поэтому, что онъ уже скоро теперь придетъ.

— Позвольте мнѣ воды, прошептала Катерина Игнатьевна, прислонившись къ косяку двери, около которой стояла, и прилегла къ ней головой.

Старушка засуетилась и видимо начала волноваться.

— Сядьте, пожалуйста, говорила она. — Вотъ сюда, на диванъ... Я окно открою...

Но молодая дѣвушка уже оправилась.

— Вы не знаете, гдѣ онъ былъ вчера вечеромъ? стремительно продолжала она допрашивать такимъ настоятельнымъ тономъ, такъ упорно глядя прямо въ глаза старушкѣ, что та и не на такіе вопросы не замедлила бы ей отвѣчать.

— Нѣтъ, этого я не знаю..

— Не слышали? Не говорили вамъ, не намекали? Никто не дѣлалъ вамъ какихъ нибудь намековъ?..

Старушка все больше и больше волновалась. Лицо у нея сдѣлалось тоскливое, она вопросительно смотрѣла на хорошень-

кую незнакомку я, подойдя къ ней поближе, оперлась обѣими руками на спинку стула. Можетъ быть, эта дѣвушка пришла увѣдомить ее, приготовить ее...

— Скажите,—вы знаете что нибудь о немъ? тоскливо спросила она.—Что съ нимъ?..

Катерина Игнатьевна тихо покачала головой.

— Нѣтъ, ничего, ничего не знаю...

— Одна моя знакомая намекнула мнѣ сегодня въ церкви, что будто бы мой сынъ проигралъ ввѣренныя ему деньги, продолжала Евгенія Ильинична тихимъ и дрожащимъ голосомъ.—Но я знаю, что этого не можетъ быть, потому что онъ неспособенъ на это. Нѣтъ, это неправда... Можетъ быть, и до васъ дошли эти слухи? Скажите мнѣ...

Колокольчикъ на двери опять звякнулъ. Вошелъ Мочаловъ. Приостановившись на одно мгновеніе, онъ взглянулъ на мать, взглянулъ на Катерину Игнатьевну, потомъ отвернулся такъ быстро, что это движеніе походило больше на содроганіе, и, не снимая фуражки, не заходя въ эту комнату, прошелъ къ себѣ.

— Маменька! позвалъ онъ, взявшись за ручку своей двери, полу-обернувшись черезъ плечо.

Мать пришла къ нему. Онъ ходилъ взадъ и впередъ, заложивъ руки за спину. Занавѣска на окнѣ была спущена, въ комнатѣ царствовалъ полусвѣтъ... Знаетъ она или не знаетъ? Неужели знаетъ? думалъ онъ и искоса и бѣгло взглянулъ на мать, входившую въ комнату. Скорѣе бы сбросить всю эту тягость! съ отчаяніемъ подумалъ онъ и остановился передъ матерью, готовый сейчасъ же признаться ей во всемъ. Но сердце у него такъ забилося, руки такъ задрожали и такая тяжесть сдавила его грудь, что онъ отвернулся и отошелъ.

— Что ей? спросилъ онъ, не поднимая глазъ.— Меня видѣтъ? Пусть зайдетъ сюда... А вы не уйдете? дома будете? Мнѣ очень нужно говорить съ вами... потомъ... послѣ, когда она уйдетъ, прибавилъ онъ судорожно звучавшимъ голосомъ.

Она нѣсколько минутъ колебалась между желаніемъ заговорить съ нимъ и между какимъ-то напавшимъ на нее страхомъ, побуждавшимъ ее уйти отъ него и хоть на нѣкоторое время отложить предстоящій разговоръ съ нимъ, приготовиться къ этому разговору; даже пускай вовсе бы и не было этого раз-

говора, пускай все, что случилось въ прошедшую ночь, пройдетя молчаніемъ, какъ будто бы ничего и не было. Къ чему эти разговоры?.. И такъ все понятно!..

Сгорбившись, понуривъ голову, нетвердыми шагами вышла она изъ комнаты и послала къ сыну Катерину Игнатьевну.

Она вошла, притворила за собою дверь и бросилась къ Мочалову, готовая прижаться къ его груди и плакать отъ радости, что онъ живъ и невредимъ. Онъ отступилъ шага на два и едва притронулся до ея руки своими дрожащими пальцами. Лицо у него было, повидимому, такое холодное, движенія такъ рѣзки, что глаза Катеньки наполнились слезами, и она печально отошла отъ него.

— Сядьте, сказалъ онъ, придвинувъ стулъ къ маленькому круглому столику, и самъ сѣлъ по другую его сторону.

Она повиновалась. Онъ облокотился обѣими руками на столикъ, и, придвинувшись почти къ самому лицу Катеньки, заговорилъ глухимъ, осторожнымъ шопотомъ:

— Вы слышали что нибудь? Да? Потому и пришли? Слышали, что я проигралъ? Да?..

— Да, я слышала, робко отвѣчала она.

— Отъ кого?..

Она сказала.

— Проклятая старуха, вѣдьма! Она у двери стояла! шепталъ онъ съ отчаяніемъ. — А мать знаетъ? А? Сказали ей?.

— Сказали. Но она не вѣритъ. Она говорила мнѣ: этого не можетъ быть. Никому не повѣритъ...

— Да, да не повѣритъ, почти простоналъ онъ. — Не повѣритъ.

Онъ откинулся въ спинкѣ стула, опустилъ головой на руку и замолчалъ. Потомъ всталъ и опять началъ ходить по комнатѣ.

— А вы думали я застрѣлился? вдругъ спросилъ онъ съ искаженнымъ лицомъ.

Она ничего не отвѣчала, а все больше и больше задумывалась, все пристальнѣе и пристальнѣе смотрѣла на него.

— Да?.. Нѣтъ, какъ можно. Какъ можно лишить отечество такого нужнаго человѣка! злобно говорилъ онъ. — Нельзя этого. Ну, идите себѣ съ Богомъ, неожиданно прибавилъ онъ, оста-

новившись въ глубокомъ раздумьи. — Мнѣ предстоитъ еще переговорить съ матерью.

Катерина Игнатьевна не тронулась съ мѣста.

— Но, наконецъ: успокойте меня; правда или неправда?..

— Что неправда? Какъ неправда?! раздражительно вскричалъ онъ, смотря на нее во всѣ глаза.

— Въ самомъ дѣлѣ...

— Да о чемъ же мы съ вами говорили? зашепталъ онъ, опять присѣвъ противъ нея.—Все, все правда... Но если вы услышите, что я казенныя деньги проигралъ, говорите, что это вздоръ. Это пустяки... казенныя деньги будутъ цѣлы. Я мать обыгралъ, мать ограбилъ. Слышите ли вы? Вотъ въ чемъ дѣло... Все, что здѣсь есть, все, что на матери есть,—все будетъ продано, чтобы выкупить... Я честь свою проигралъ, такъ чтобы ее выкупить... если это возможно... Впрочемъ, я думаю, что невозможно... Во всякомъ случаѣ, я ограбилъ старуху. Она будетъ нищая... Вотъ въ чемъ дѣло, а остальное все вздоръ. Впрочемъ и остальное, пожалуй, правда. . Все, все правда...

Онъ отвернулся и отошелъ.

— Ну, идите же. Теперь все знаете... Больше мнѣ нечего вамъ говорить... Все сказано...

— Божемой! вскричала она.—Какіе, должно быть, пустяки вы проиграли? И изъ-за этого? Такое отчаяніе?..

— Еще бы! Разумѣется! Нищаго обокралъ! Много ли у нищей имущества! Конечно пустяки! раздражительно шепталъ Мочаловъ.

— И изъ-за чего вы? спросила она съ удивленіемъ.—Успокойтесь. Не говорите вашей матери ничего, ни слова. Я вамъ дамъ эти деньги...

— Ахъ!.. Зачѣмъ мнѣ? нетерпѣливо вскричалъ онъ, отмахнувшись рукой.—Мнѣ уже даны эти деньги... Даны, слышите ли вы? Не нужно мнѣ...

— Кто далъ?...

— Вамъ какое дѣло? Не все ли равно—кто? Вы ли, другой ли ктонибудь; все равно нужно расплачиваться. Или вы хотите мнѣ подарить ваши деньги? Очень, очень вамъ благодаренъ...

— Не то: вы у бѣдняка ихъ взяли. Ему нужны они. Вы торопитесь расплатиться съ нимъ, хотите все распродать. А мнѣ не нужны они. Я богата. Я могу ждать долго, очень долго. Подумайте...

Онъ, наконецъ, понялъ, чего она хотѣла, обратилъ вниманіе на ея предложеніе и задумался, остановился.

— Нѣтъ, произнесъ онъ въ раздумьи,—что вы тамъ говорите: молчать, не говорить ни слова. Не могу я молчать, нельзя этого.

— Ну скажите, если хотите—все равно. Но вамъ не зачѣмъ раззоряться, продавать ваши вещи; вы будете понемногу расплачиваться со мной, понемногу...

— Да, я понимаю, понимаю, нетерпѣливо прервалъ онъ, какъ будто его мучили всѣ эти предложенія, и бросился на стулъ, кусая ногти.—Какъ мнѣ все это гадко! какъ все это мнѣ надоѣло? тихо воскликнулъ онъ съ глубокимъ вздохомъ.—Отовсюду благодѣянія, сожалѣнія; всѣ желаютъ мнѣ благодѣтельствовать! Невыносимо! Понимаете ли вы, какъ это должно быть невыносимо?...

— Я не вамъ, не для васъ предлагаю мою помощь... Вамъ она не нужна...

— Не для меня, повторилъ онъ горько.

— Конечно, сказала она и ступила шага два къ двери.—Я принесу вамъ эти деньги. Вы возьмете ихъ, должны взять. Вы называли меня своимъ другомъ, говорили, что я такъ близка къ вамъ, какъ никто другой. Отъ кого вы тамъ приняли помощь? Любите ли онъ васъ такъ, какъ я? Дороги ли вы ему, какъ мнѣ? Можетъ быть, онъ теперь скрипитъ зубами отъ злости и досады, что разстался съ своими деньгами? Можетъ быть, онъ будетъ теперь считать васъ своимъ должникомъ, себя вашимъ благодѣтелемъ? А я... я счастлива буду... Нѣтъ, вы не должны, не должны отказываться...

И Катерина Игнатьевна, не дожидаясь возраженій, поторопилась уйти.

Мочаловъ задумался. Казалось, что все устроивалось къ лучшему. Сначала его еще смущала та мысль, что онъ принужденъ принимать чужую помощь, нѣкоторымъ образомъ быть облагодѣтельствованнымъ, но потомъ это смущеніе все больше

и больше блѣднѣло передъ наплывомъ новыхъ мыслей. Неужели все спасено? Неужели на происшествія прошлой ночи можно теперь взглянуть, какъ на страшный сонъ, неимѣющій никакого вліянія на его жизнь? Неужели все останется по прежнему и начинается опять та же жизнь, что была и до вчерашней ночи? Точно камень свалился съ его груди. Ему казалось, что надъ нимъ возшла какая-то новая, счастливая звѣзда; ему мечталось, что онъ вышелъ изъ мрачнаго, душнаго подземелья на свѣтъ, что въ немъ произошелъ внезапный и чудесный переворотъ. Онъ вдругъ пересталъ думать о смерти, началъ вѣрить въ будущее и твердо былъ увѣренъ, что въ этомъ будущемъ онъ стѣмъжетъ загладить свой проступокъ. Болѣзнь больше не пугала его, не казалась ему опасной, онъ даже началъ нѣсколько сомнѣваться въ ея существованіи. Съ горящими глазами, съ яркимъ пунцовымъ румянцемъ на щекахъ онъ пришелъ къ матери и рассказалъ ей все, рассказалъ безъ отчаянія, безъ горечи и злости, какъ будто о давно-давно сдѣланномъ проступкѣ, уже заглаженномъ и поправленномъ. О настоящемъ онъ мало думалъ въ эту минуту, потому что слишкомъ много надѣялся на будущее.

VII.

У Дарьи Ивановны даже руки задрожали и слезы выступили на глазахъ отъ гнѣва и обиды, когда Катенька, не обращая ни малѣйшаго вниманія на ея вопросъ, скользнула въ калитку и убѣжала. Богъ знаетъ куда. Дарья Ивановна была женщина добрая, но эта доброта нисколько не мѣшала ей имѣть характеръ властный, вспыльчивый, впечатлительный. Она не привыкла, чтобы ей безнаказанно наступали на ноги, чтобы на ея слова обращали столько же вниманія, какъ на лай какойнибудь собаченки, и кому она меньше всего была способна простить подобное презрѣніе къ ея особѣ, такъ это именно Катеринѣ Игнатьевнѣ. Катенька была ей какъ своя родная дочь; Катеньку она искренно любила, Катеньку баловала, Катенькѣ прощала многіе грѣшки и капризы — и вотъ за

всю эту любовь вотъ чѣмъ ей платять! Знать ее не хотять! Не хотять на нее обращать и вниманія! Нѣсколько минутъ она бродила такъ, какъ будто бы у нея голова кружилась и глаза ничего не видѣли; потомъ какъ будто бы мимоходомъ обратилась къ Настенькѣ:

— Куда она пошла-то? сумрачно и неохотно спросила Дарья Ивановна.

Настенька не отличалась ни особенною храбростью, ни изобрѣтательностью, но за то обладала непоколебимѣйшемъ упрямствомъ и своего рода стойкостью. Какъ бы ее ни допрашивали насчетъ какого нибудь изъ ея грѣшковъ, какія бы улики противъ нея ни представляли, она неуклонно продолжала твердить, что знать ничего не знаетъ и вѣдать не вѣдаетъ. Такъ же поступила она и въ этомъ случаѣ. Она не знала ни того, куда ушла Катенька, ни того, чѣмъ Катенька разстроена и, не смущаясь, объявила, кромѣ того, что никакого разговора между ними не было, а Катенька такъ, ни съ того, ни съ сего, взяла да и ушла. Дарья Ивановна оставила Настеньку въ покоѣ и ушла отъ нея какъ черная туча. Въ домѣ стало не видно ея, не слышно ея голоса; наступило нѣчто въ родѣ той зловѣщей тишины, которая бываетъ иногда передъ грозой.

Наконецъ Катенька возвратилась. Дарья Ивановна отрывисто кликнула ее въ свою комнату. Катенька вошла и остановилась въ дверяхъ.

— Если ты, матушка, хочешь разгуливать гдѣ тебѣ угодно, заговорила Дарья Ивановна, вскинувъ на нее свои блестящія гнѣвомъ глазки и какъ топоромъ вырубая каждое слово,—такъ чтобы тебя не было въ моемъ домѣ. Слышишь? Иди, куда хочешь! Поѣзжай въ Москву къ теткѣ или крестной матери... Куда хочешь! Можетъ, онѣ тебѣ все позволятъ. А я не позволю, нѣтъ... Если у меня хочешь жить; такъ мое слово пусть будетъ для тебя свято... Ступай!..

Катенька не тронулась и неподвижно стояла въ дверяхъ, придерживаясь одной рукой за притворенную половинку. Сердце ея такъ билось, что Дарья Ивановна навѣрное услышала бы его торопливые, глухіе, точно подземные удары, если бы у нея самой кровь не стучала въ голову. Казалось, что вотъ-вотъ сейчасъ вспыхнетъ и Катенька, и поведетъ дѣло совсѣмъ на раз-

рывъ. Вдругъ она совсѣмъ вошла въ комнату и опустилась къ ногамъ Дарьи Ивановны, положивъ руки ей на колѣни.

— Ахъ тетя, тетя! тихо и чуть не плача воскликнула она. — Вы сердитесь на меня; а если бы знали, какъ мнѣ тяжело, что со мной дѣлается... Я все вамъ скажу, все...

И она дѣйствительно все рассказала. То почти плача, то почти смѣясь, рассказала она, какъ впервые познакомилась съ Мочаловымъ изъ юмористическихъ разсказовъ о немъ Матросова, какъ эти разсказы заинтересовали ее, расположили въ пользу страннаго человѣка, который со всѣми въ ссорѣ, никѣмъ не любимъ и подвергается насмѣшкамъ даже со стороны тѣхъ, кто всѣхъ ближе къ нему. Разсказала какъ и гдѣ увидѣла его въ первый разъ, гдѣ встрѣчалась съ нимъ, о чемъ они говорили. Изрѣдка, умоляющими глазами взглядывала она въ лицо тетки, а то все перебирала платье на ея колѣняхъ и смотрѣла на складки, образовывавшіяся подъ ея руками.

— Господи, Господи! восклицала иногда Дарья Ивановна и, крѣпко сложивъ на груди руки, сжавъ губы, смотрѣла на племянницу, овруглившимися, расширившимися глазами, исполненными такого сокрушенія и ужаса, какъ будто та оказалась въ конецъ и на вѣки погибшей женщиной.

— Господи! Ничего-то я не понимаю! воскликнула она наконецъ.—Ходятъ, ходятъ на свиданья, говорятъ, говорятъ... А о свадьбѣ-то вы говорили ли хоть разъ?

— Онъ не любитъ меня, тетя, — не любитъ, отвѣчала Катенька и тутъ наконецъ расплакалась.

— Не любитъ, а на свиданье ходитъ! Можетъ, думалъ, что ты нищенка какая нибудь? Не слышалъ о приданомъ?.. А?.. Не говорилъ объ этомъ? Нѣтъ?.. Ну, узнаетъ, такъ сейчасъ и полюбитъ и свататься станетъ...

О самомъ главномъ, о проигрышѣ, еще не было рѣчи. Дарья Ивановна узнала только о совершенно невинной любви, о совершенно невинныхъ свиданіяхъ и начала понемногу успокоиваться, такъ какъ вся эта исторія очевидно не успѣла еще выйти наружу, сдѣлаться предметомъ сплетенъ и потому не могла имѣть большого вліянія на будущность ея племянницы. Катенька приступила къ разсказу о происшествіи прошедшей

ночи. Дарья Ивановна внимательно выслушала, потомъ встала и задумчиво прошла по комнатамъ.

— Мотъ, картежникъ, деньги казенныя проигралъ, мать по міру пустилъ! Хорошо! отрывисто заговорила она.—Нѣтъ, тебѣ этакого мужа не надо... Не бывать ему твоимъ мужемъ... Слышишь?..

— Тетя, — дайте мнѣ эти деньги, еще разъ повторила свою просьбу Катенька, ловя ея руку.

— И видѣться съ нимъ ты больше не думай... Слышишь, Ката? Говори же: слышишь ты, что я тебѣ говорю..., Чтобы все было кончено...

Катенька подумала, потомъ тяжело вздохнула.

— Хорошо; я не буду видѣться, не буду писать къ нему,— только дайте деньги...

— Какія деньги!?

Дарья Ивановна какъ будто только сію минуту услышала, что нужны деньги.

— Тетя! Я все сдѣлаю... Я не взгляну на него, слова съ нимъ не скажу, пока вы не позволите... Только дайте эти деньги, спасите его... И не его,—мать его спасите...

— Какія такія деньги? Откуда я ихъ возьму? На огородѣ что ли онѣ у насъ растутъ? Ты никакъ совсѣмъ спятила?..

— Не ваши, я прошу мои деньги....

— Твой! Это твой-то деньги брошу я, подарю Богъ знаетъ кому! съ ужасомъ воскликнула Дарья Ивановна.—Да ты совсѣмъ, совсѣмъ сумасшедшая... Хороша бы я была!... Порадовалась бы на небесахъ мать твоя, глядя на мои дѣла.

— Что вамъ! Это не ваши, мои деньги. Я что хочю, то и дѣлаю съ ними! Хоть въ воду брошу! Вамъ какое дѣло? вспылила Катенька.

Дарья Ивановна смѣряла ее презрительнымъ взглядомъ.

— Такое дѣло, что эти деньги не твои, а мои, холодно сказала она.—Когда выйдешь замужъ,—твой будутъ. Да и то, если съ моего позволенія выйдешь замужъ... Тогда твой... А теперь мой...

Она отвернулась, взяла съ комода ключи и пошла изъ комнаты. Катенька загородила ей дорогу и упала на колѣни. Волосы ея разбилась, лицо разгорѣлось и было мокро отъ слезъ, глаза блестяли.

— Нѣтъ, отрѣзала Дарья Ивановна, отвернулась и пошла въ другія двери.

— Вѣдь я общала! съ отчаяніемъ вскрикнула Катенька.

Но Дарья Ивановна и не оглянулась. Катенька все еще стояла на колѣняхъ, протянувъ къ ней руки. Потомъ она упала лицомъ на стоящій подлѣ нея стулъ и зарыдала. Черезъ минуту опять поднялась, порывисто отерла слезы и начала быстро ходить по комнатѣ. Ею овладѣло сильное раздраженіе; она придумывала, чтобы ей сдѣлать съ Дарьей Ивановной, какъ бы ей отомстить, оскорбить, унижить ее, насмѣяться надъ ней. Затѣмъ само собою опять явилась мысль: какъ исполнить свое обѣщаніе Мочалову. Что дѣлать?... Откуда взять деньги?...

VIII.

Вечеромъ, когда Дарья Ивановна совершала обычное кормленіе куръ, утокъ и прочей домашней птицы, явился Матросовъ. Сначала впрочемъ явилась въ калиткѣ одна только его черная, кудрявая голова. Прежде онъ внимательно осмотрѣлъ, не выпущена ли изъ сарая собака и потомъ уже выступилъ всею своею особою, — въ черномъ, сильно понощенномъ сюртукѣ, въ клеенчатой фуражкѣ и съ толстой палкой въ рукѣ.

— Мой вамъ салютъ! еще издали привѣтствовалъ онъ Дарью Ивановну, размахивая фуражкой.

А она серьезно, не говоря ни слова, не кланяясь, смотрѣла на него; подождала, пока онъ подошелъ къ ней, потомъ повернулась и пошла въ садъ.

— Здравствуй, коротко сказала она, не взглянувъ на него.

Матросовъ шелъ рядомъ съ нею и искоса посматрѣлъ на нее. Онъ началъ подозрѣвать, что здѣсь что-то не ладно. Что бы это могло быть? На лбу у него образовалась морщинка, онъ въ раздумьѣ потеръ ее и опять также искоса взглянулъ на Дарью Ивановну.

— Что омрачаетъ сердце ваше?.. Какія мысли, заботы и печали? — нѣсколько торжественно спросилъ онъ.

— Такія, батюшка, печали, какія мнѣ и во снѣ не снились. Не знаю только, говорить ли тебѣ, нерѣшительно отвѣтила она.

Лицо ея было такое суровое и озабоченное, въ ея нерѣшимости высказать Матросову своя печали было такъ много угрожающаго и злобщаго, что Петру Васильевичу показалось, что будто бы воздухъ вдругъ сдѣлался какъ-то тяжелъ и удушливъ, точно гроза собиралась, а на лбу его выступилъ легкій потъ.

— Отчего не поговорить съ хорошимъ человѣкомъ, не вдругъ возразилъ онъ.—Тѣмъ болѣе, что всѣ эти печали и сокрушенія—самое тѣнное, самое плевое дѣло. Вы посмотрите вокругъ себя, Дарья Ивановна: яблони и вишни подъ тяжестью своихъ плодовъ гнутся, солнышко свѣтитъ, закатываясь, птички чиркаютъ, каждая травка благоухаетъ, красота, однимъ словомъ. И все это вѣдь вѣчно! А печаль что? Она, печаль, сегодня есть, а завтра ея и нѣтъ... Печаль-то прошла, пропала, а вѣчная красота осталась по прежнему незыблема... Это, я вамъ скажу, хорошая, очень хорошая философія...

— Такъ отчего же, я говорю, и не поговорить съ хорошимъ человѣкомъ, продолжалъ онъ, не дождавшись, чтобы Дарья Ивановна прервала его и заговорила не о философіи, а о дѣлахъ текущихъ.—Какія тамъ у васъ есть печали и сокрушенія? Иванъ Федоровичъ благополученъ ли?.. Катерина Игнатьевна въ добромъ ли здоровьѣ?.. Не капризничаетъ ли она?.. Или, можетъ быть, кухарка надѣлала какихъ нибудь пакостей?..

— Простись ты съ Катериной Игнатьевной; она топиться хочетъ, коротко и задумчиво вымолвила Дарья Ивановна.

Матросовъ выронилъ свою палку, машинально поднялъ ее и несмотря на то, что вслѣдствіе этого движенія кровь должна бы была, кажется, прилить къ его лицу, она, напротивъ, быстро покидала его. Воздухъ становился для него все тяжелѣе и тяжелѣе.

— Что такъ? Развѣ и ей надоѣла жизнь, ей, незнавшей ни горя, ни житейскихъ мукъ? спросилъ онъ измѣнившимся голосомъ.

— Такъ. Прозѣвали мы ее съ тобой, батюшка... хочешь, такъ послушай, какія у меня заботы...

Онъ конечно слушалъ, а она коротко и въ отрывистыхъ выраженіяхъ передала ему все, что сама знала. Она говорила

сухо, не горячилась, не волновалась, не прибѣгала къ жалобнымъ или гнѣвнымъ восклицаніямъ, но чувствовалось, что это дѣло глубоко ее поразило, что ей больно даже говорить о немъ. Матросовъ былъ такъ блѣденъ, что даже его вѣчно пламенѣвшій носъ — и тотъ замѣтно поблѣдѣлъ. Во всей фигурѣ Петра Васильевича выражалось такое страданіе, что его можно бы было пожалѣть; но Дарья Ивановна не только не расположена была къ жалости, но даже какъ будто бы нарочно язвила его: «что, молъ, не дался тебѣ этотъ кладъ? Не съумѣлъ ты его сохранить? Изъ рукъ онъ у тебя ушелъ?..» Онъ шелъ, понутивъ голову и машинально закручивая длинные концы своего чернаго галстука, такъ что онъ свернулся въ видѣ тоненькаго снурочка и врѣзался въ его шею; а вѣтви яблонь и акацій то и дѣло задѣвали его по лицу. Дарья Ивановна давно кончила свое повѣствованіе, а онъ все еще молчалъ.

— Что скажешь? спросила она наконецъ.

Теперь кровь стала все быстрѣе и быстрѣе возвращаться къ его лицу. Казалось, онъ начиналъ сердиться.

— Ну чтожъ? сказалъ онъ, пустивъ свой галстукъ и окончательно раскраснѣвшись. — Чтожъ? — разъединять любящія сердца...

Тутъ онъ приостановился и раза два ударилъ своей палкой по травѣ.

— Да соедините ихъ... Свадьбу играйте. . Чего тутъ! воскликнулъ онъ въ величайшемъ гнѣвѣ.

— Хорошъ мужъ!..

— Хорошъ... А чѣмъ дурень? Скажите мнѣ, пожалуйста, чѣмъ онъ дурень? злобно приставалъ Матросовъ. — Геніальный человѣкъ, который не употребляетъ поросатины и вообще мяса!.. Человѣкъ до того насъ всѣхъ превосходящій, что онъ никого изъ насъ не уважаетъ, ни съ кѣмъ изъ насъ не хочетъ дружить!.. Притомъ недурень собой, интересенъ, блѣденъ и сверхъ всего этого носитъ мундиръ и эполеты... Эполеты вѣдь!.. Вотъ какая штука!..

Тутъ онъ спохватился, что, можетъ быть, ему не слѣдовало бы говорить такимъ тономъ о своемъ пріятелѣ, медленно скрестилъ на груди руки и тяжело вздохнулъ.

— Нѣтъ, онъ человѣкъ порядочный, произнесъ онъ тише и совсѣмъ въ другомъ тонѣ.

Дарья Ивановна презрительно усмѣхнулась.

— Картежникъ, вы думаете? спросилъ онъ, мрачно взглянувъ на нее. — Мотъ?.. Нѣтъ, полноте. Куда ему! Онъ, я думаю, какъ деньги-то проигралъ, такъ, воображаю, точно съ кровли свалился. Какъ, мотъ, это меня угораздило? Непорочный онъ человѣкъ въ этомъ отношеніи. Черствъ онъ, сухъ,—это правда; любви ему не доставало, любви въ немъ не было... Теперь она пришла... ну,.. другой будетъ...

Она покачала головой.

— Не любить онъ ее...

— Не любить!.. Какъ не любить!.. Да вамъ это почему знать?.. Говорилъ онъ вамъ, что ли?..

— Она говорила...

— Она?!.

Онъ на минуту приостановился съ удивленными, широко-раскрытыми глазами, потомъ опять принялся закручивать свой галстукъ.

— А впрочемъ, все равно, пробормоталъ онъ.— Не любить, такъ не любить... Пускай и не любить. Это она изъ-за того и топиться хочетъ, что онъ ее не любить...

— Да нѣтъ же... Говорила я тебѣ, что она деньги просить...

— Ахъ, да... Деньги.. Ну, дайте ей...

— Чего дайте?..

— Деньги...

— Ты, батюшка, я вижу, тоже совсѣмъ рехнулся...

— Не утопится, вы думаете? спросилъ онъ такимъ голосомъ, по которому ясно было видно, что онъ или совершенно не думаетъ о томъ, что говоритъ, или же созерцаетъ это сквозь густой туманъ, сквозь вереницы мыслей, совершенно до этого предмета неотносящихся.

Предложивши этотъ довольно странный вопросъ, онъ сѣлъ, не ожидая отвѣта, на попавшуюся по дорогѣ скамью и, полузакрывши одной рукой лицо, бессознательно принялся чертить палкой по песку разные неопредѣленные узоры. Въ головѣ его вертѣлись вереницы мыслей, безчисленное множество жалобныхъ, грустныхъ и тоскливо юмористическихъ восклицаній, масса воспоминаній,—тысячи сценъ изъ недавняго прошлаго—

и все это было такъ же отрывочно и неопредѣленно, какъ и тѣ узоры, что бессознательно чертила его правая рука. То складывалась въ его умѣ цѣлая челобитная на ту тѣму, что вотъ онъ душу свою положилъ за эту дѣвушку, воспитывалъ ее, умъ ея возвышалъ и развивалъ, любилъ ее какъ хорошая, вѣрная собака и т. д. То вспоминалось ему, какъ она въ одинъ прекрасный весенній день, увлеченная какою-то повѣстью, крѣпко пожала ему руку,—какъ у него сердце замерло отъ этого пожатія, голова закружилась и какъ онъ послѣ этого цѣлую ночь бродилъ за городомъ, слушалъ, какъ пѣлъ соловей и сладко мечталъ. То вдругъ воскресло въ его памяти, какъ онъ укралъ у нея перчатку, — какъ онъ перелистывалъ побывавшія въ ея рукахъ книги и по цѣлымъ часамъ перелистывалъ ихъ, всматриваясь въ каждую строчку, нѣтъ ли чего нибудь отмѣченнаго ею, нѣтъ ли какихъ нибудь мимолетныхъ слѣдовъ ея чувства и мысли.

— Никогда ничего не было! угрюмо проворчалъ онъ.

— Что? спросила Дарья Ивановна.

Но онъ не слышалъ ея вопроса, а пробовалъ защититься отъ этого наплыва ядовитыхъ воспоминаній подъ щитомъ своей *хорошей* философіи, очень хорошей философіи. Все это пройдетъ, минетъ,—разсуждалъ онъ,—пройдетъ моя глупая любовь, пройдетъ эта глупая тоска, а міръ останется во всей прелести. По прежнему будутъ въ немъ соловьи пѣть, цвѣты цвѣсти, по прежнему будутъ въ немъ отъ времени до времени появляться прекрасныя молодыя дѣвушки съ черными и голубыми глазами, которыя нисколько не хуже *этихъ* глазъ. Все вздоръ, все пустяки!.. Но и философія мало возвышала его упавшій духъ. Все передъ нимъ стояла эта неблагоприятная, вѣтреная, но все-таки дорогая ему дѣвушка, смотрѣла на него своими чарующими глазами, какъ будто бы подслушивала его разсужденія, воспоминанія, восклицанія, философію и отъ души подсмѣивалась надъ нимъ.

— Вѣдь давно бы долженъ былъ знать это, вслухъ произнесъ онъ съ движеніемъ досады.

— Что знать?.. Что она влюбилась-то?..

Матросовъ съ изумленіемъ повернулся къ Дарьѣ Ивановнѣ,

посмотрѣлъ на нее такъ, какъ будто она упала къ нему съ близъ стоящей яблони, и потомъ ужь отвѣчалъ:

— Нѣтъ,—что она меня не любитъ...

Она тоже съ нѣкоторымъ удивленіемъ осмотрѣла его.

— Ты мнѣ скажи, что дѣлать-то?..

Онъ призадумался.

— Ничего. Самое лучшее...

— Какъ ничего? Да что же это будетъ?..

— А кто ихъ знаетъ, что тамъ будетъ... Придумаютъ что нибудь. Столкнутся, можетъ быть, да свадьбу и сыграютъ. А то, можетъ быть, и ничего не будетъ..

— Ну, Петръ Васильевичъ, сегодня съ тобой говорить, надо самому угорѣлымъ быть, сухо отвѣтила на это Дарья Ивановна и встала со скамьи.

Матросовъ какъ будто и не слышалъ; наклонившись подбородкомъ на набалдашникъ палки, онъ задумчиво смотрѣлъ куда-то вдаль, въ зеленую чащу сада. Воспоминанія и тоска о потерянныхъ мечтахъ опять уносили его далеко прочь отъ сердитой Дарьи Ивановны.

— Пойдемъ лучше чай пить...

— Нѣтъ, не пойду, коротко отвѣчалъ онъ и всталъ.—Что я тамъ стану дѣлать...

— Что дѣлать! Чай пить, я говорю... Куда же ты?..

— Домой пойду...

Онъ опять принялся медленно крутить свой галстукъ и пошелъ изъ сада.

IX.

Въ то время, какъ Матросовъ брелъ домой, Филиппъ Рябининъ уже съ добрые полчаса шаялся, какъ маятникъ, изъ угла въ уголь по своей комнатѣ. Онъ повидимому и не думалъ зажигать огонь, хотя становилось уже совсѣмъ темно. Да ему и не нужно было огня. Онъ злился, хандрилъ, скучалъ, а заниматься подобнымъ дѣломъ можно и безъ огня; въ потьмахъ, пожалуй, даже еще лучше, потому что ничто не развлекаетъ больной и раздраженной мысли, ничто не мѣшаетъ ей напряженно ра-

ботать въ одномъ исключительномъ направленіи и раздражаться еще больше. Уличная жизнь засыпаетъ, дома, что стоятъ напротивъ, темны, угрюмы, тоже будто дремятъ и стоятъ вездѣ глубокая грусть и хандру навѣвающая тишина. Огонь ли одинокій гдѣ нибудь покажется, онъ какъ-то непривѣтливо и печально смотритъ сквозь закоптѣвшія стекла, дверь ли гдѣ нибудь скрипнетъ среди глубокой сумеречной тишины, этотъ звукъ какъ-то рѣзко и дико ударитъ по нервамъ,—точно будто плачетъ эта дверь или стонетъ или вскрикнула она. Вездѣ мракъ, вездѣ тишина и когда сердце человѣка проситъ жизни, когда ему свѣта нужно, когда на душѣ у него и безъ того мрачно, тогда невыносимъ этотъ сумеречный мракъ, невыносимо это сонное безмолвіе и раздражаютъ они и безъ того раздраженные нервы, навѣваютъ тоску и отчаяніе.

Еще вчера утромъ Филиппъ былъ спокоенъ, даже преисполненъ большихъ надеждъ, но съ того утра, казалось ему, Богъ знаетъ сколько воды утекло и какъ много прошло времени, сквернаго, тяжелаго времени, за которое все измѣнилось, все стало гадко и безотраднo. Съ тѣхъ поръ онъ успѣлъ повидаться съ сестрой и вынести изъ этого свиданія предчувствіе чего-то недобраго, какой-то тайны, которая, можетъ быть, погубитъ Зою; потомъ онъ видѣлся съ любимой женщиной.

— Въ послѣдній разъ, прошепталъ онъ.

Больше онъ не хотѣлъ показываться къ ней, потому что она, ясно, ненавидитъ его, ей тяжело его видѣть, ей кажется, что онъ приходитъ къ ней, какъ кредиторъ, какъ благодѣтель. Конечно онъ больше не пойдетъ къ ней... Затѣмъ послѣдовало ночное посѣщеніе Мочалова... Что послѣ этого мечтать о товариществѣ, по поводу котораго было такъ много говорено, на которое возлагалось такъ много надеждъ! Гдѣ его благодѣтельное вліяніе, о которомъ недавно распространялся Матросовъ? Чувствовалъ ли это вліяніе Мочаловъ, когда ставилъ на карту чужія деньги? Положимъ, его довела до этого скука, хандра, отчаяніе. Онъ игралъ потому же, почему другіе пьютъ. Положимъ. Но вѣдь значитъ товарищество не пробудило въ немъ надежды на лучшее будущее, не внесло свѣта въ его жизнь, не пробудило въ немъ заснувшей энергіи. Выходитъ, оно не коснулось его внутренней жизни, онъ не думалъ

о немъ, этомъ товариществѣ, оно было ему совсѣмъ постороннее, чужое, неинтересное дѣло. Вотъ что безотрадно. Отчего послѣ этого не подозрѣвать, что и другіе — Матросовъ, Потапъ Потапычъ, точно также равнодушны къ товариществу, что оно и для нихъ совсѣмъ постороннее дѣло? Потапъ Потапычъ вонъ пропалъ гдѣ-то, глазъ не показываетъ... Все, все распознается врозь. Дома становится наконецъ невыносимо: воркотня, брань, сплетни...

— Вонъ она опять идетъ! Боже мой, Боже мой! шепчетъ Филиппъ, съ ужасомъ глядя, какъ отворяется дверь, врывается въ комнату полоса свѣта и является Анна Романовна со свѣчей въ рукѣ.

Лицо его блѣдно и полно тоски, волосы въ безпорядкѣ, руки плотно и съ видомъ отчаянія скрещены на груди. Онъ не смотритъ на нее, какъ будто ее не замѣчаетъ и тяжело и широко продолжаетъ шагать по комнатѣ.

— Завтра на базаръ нужно идти, за провизіей, говоритъ Анна Романовна, сурово и скорбно глядя въ сторону.

— Денегъ?.. Вотъ деньги...

Онъ отдаетъ деньги и опять ходитъ по комнатѣ.

— Деньги! Какія это деньги! съ горечью начинаетъ Анна Романовна, медленно сосчитавъ ихъ.—Куда ихъ потянуть? Вонъ говядины нужно купить, вонъ жалованье Катеринѣ отдать, вонъ плотнику надо заплатить...

— Нѣтъ у меня.. Катеринѣ отдано жалованье, плотнику заплачено... Нѣтъ у меня...

— Нѣтъ... Отъ Пыхляевыхъ вчера пятнадцать рублей получилъ; Бороздины сегодня сколько тебѣ заплатили? Пять вѣдь?.. Ты думаешь, я не знаю?.. Все знаю... Гдѣ они?..

Филиппъ стоитъ у окна, повернувшись къ нему лицомъ и смотреть на темную улицу.

— Нѣтъ у меня, шопотомъ повторяетъ онъ.

— А гдѣ они? Гдѣ? Тамъ, гдѣ ты до полуночи просиживаешь, у любовницы твоей. Вотъ гдѣ... Смотри, скоро будетъ богата; зазнается, въ каретѣ будетъ ѣздить...

У окна слышится что-то въ родѣ хрустенья сжатыхъ или ломаныхъ пальцевъ—и только

— А тутъ у тебя домъ совсѣмъ развалился. Въ этомъ домѣ

вѣдь твой отецъ жилъ. Мать-то твоя какъ какая нибудь нищая ходитъ. Сестра въ чужихъ людяхъ живетъ...

Отвѣта нѣтъ.

— Господи, Господи! Совсѣмъ каменный, шепчетъ Анна Романовна съ глубокимъ вздохомъ и беретъ за ручку двери.

Дверь затворилась, свѣтъ исчезъ и Филиппъ опять принимается ходить по комнатѣ. Нѣтъ, думаетъ онъ, это невыносимо; завтра же переѣду на другую квартиру. Пускай говорятъ, что хотятъ, а здѣсь жить нельзя, силъ никакихъ нѣтъ.

Онъ вдругъ зажегъ свѣчу; кто-то тихонько, легко идетъ по лѣстницѣ и шаги кажутся знакомыми. Какъ будто Потапъ Потапычъ. Дѣйствительно онъ.

— А я думалъ, вы утонули или на одрѣ болѣзни лежите, пасмурно встрѣтилъ его Филиппъ.—Заходилъ сегодня къ вамъ. Говорятъ, здоровъ...

Онъ подвинулъ гостю папиросы и продолжалъ ходить по комнатѣ.

— Да я вотъ все раздумывалъ объ этомъ дѣлѣ, Филиппъ Петровичъ, нѣсколько нетвердымъ голосомъ произнесъ Потапъ Потапычъ и смущенно кашлянулъ.

— О какомъ дѣлѣ?

— А вотъ что вы насчетъ мастерской говорили...

Филиппъ вдругъ остановился и пристально взглянулъ на него. Лицо у него совсѣмъ сконфуженное, глаза опущены въ землю, сидитъ онъ на самомъ кончикѣ стула, какъ будто ожидая, что его вотъ-вотъ выгонять отсюда. У Филиппа даже кровь бросилась въ лицо отъ злости и досады; ему точно шепнулъ кто, что Потапъ Потапычъ пришелъ отказаться отъ мастерской.

— Еще разъ обдумали? спросилъ онъ съ горечью. — Чтожъ, портные говорятъ, что семь разъ примѣрь, да ужъ тогда и отрѣжь. Ну чтожъ?.. Какъ видно, раздумали..?

— Вы извините, Филиппъ Петровичъ, пробормоталъ Потапъ Потапычъ.—Такъ мнѣ передъ вами совѣстно...

— Не беспокойтесь обо мнѣ; ничего, тихо отвѣтилъ Филиппъ, отвернувшись.—Отсовѣтовали?.. Да?..

— Не совѣтовали... А главное не могу я, неловко...

— Да, понимаю: дворянинъ, процѣдилъ сквозь зубы Фи-

липпъ не то презрительно, не то съ какимъ-то сожалѣніемъ и опустился въ кресло.

Потапъ Потапычъ мелькомъ взглянулъ на него въ это время.

Филиппъ, казалось, уже пересталъ сердиться; лицо у него было блѣдно, вяло, апатично, углы губъ опускались, только брови были нахмурены.

— Чтожь? Такъ жить, какъ до сихъ поръ жили, лучше?... А? спросилъ онъ безучастно и глядя въ сторону.

— Нѣтъ, мнѣ мѣсто общають дать...

— А!.. Мѣсто!.. Опять землю мѣрять?...

— Да, землемѣромъ...

— Чтожь, мѣряйте, мѣряйте...

Онъ задумчиво побарабанилъ по столу, зѣвнулъ, потомъ опять обратился къ Потапу Потапычу.

— Вы думаете, я сержусь на васъ? Нѣтъ, нисколько. Конечно жаль, да чтожь... Не сержусь; а если я смотрю кислымъ, такъ это оттого, что я нездоровъ немного, не выспался и неприятности разныя...

— Я слышалъ, что будто бы съ Мочаловымъ случилось несчастіе, осмѣлился замѣтить нѣсколько приободрившійся Потапъ Потапычъ.

Филиппъ вопросительно смотрѣлъ на него.

— Проиграли они, говорятъ...

— Да. Да вѣдь кто играетъ, такъ сегодня проиграетъ, завтра выиграетъ... Самое обыкновенное дѣло...

— Говорять, они увлеклись очень; будто бы казенныя проиграли...

— Кто же это говорить?...

— Мнѣ одна знакомая старушка рассказывала; говорить, отъ Анны Романовны слышала...

— Какіе пустяки. Анна Романовна должно быть черезъ десять дверей подслушивала, не такъ разслышала...

Потапъ Потапычъ, пугливо покосившись на дверь, освѣдомился, дома ли Анна Романовна и поспѣшилъ удалиться къ ней. Филиппъ съ минуту чертилъ на бумагѣ какія-то каракули; затѣмъ отчетливо вывелъ слово «дворянинъ», потомъ тщательно вырисовалъ два слова «подъ гору», поставилъ подлѣ нихъ вос-

клицательный знакъ, бросилъ перо и ушелъ изъ дома. Онъ направился къ Матросову.

Петръ Васильевичъ сидѣлъ за чайнымъ столомъ. Чай онъ уже кончилъ пить, но вставать изъ-за стола и не думалъ и продолжалъ сидѣть въ глубокой задумчивости.

— Ты что тутъ? спросилъ Филиппъ.

Матросовъ вопросительно приподнял на него глаза.

— О чемъ это ты такъ задумался? пояснилъ Филиппъ.

Петръ Васильевичъ однако не намѣренъ былъ такъ сразу и выдать причины своей задумчивости. Онъ немного помолчалъ, потомъ принялъ со стола локоть, провелъ рукой по лицу и затѣмъ указалъ глазами на собаку, лежавшую у его ногъ.

— Да вотъ, произнесъ онъ меланхолически.

— Это чтожъ такое?

— Собака; простая собака, обыкновенная, русская... Уши стоячія, морда короткая и т. д.

— Ну такъ чтожъ такое?...

— Да ничего. Привязалась ко мнѣ и пришла со мной; должно быть судьбу мою желаетъ раздѣлить, потому худая и голодная. Я ее покормилъ немного, а у нея желудокъ и разстроился... Впрочемъ дѣло не въ томъ... А вотъ что участь мою она желаетъ дѣлить, такъ это меня очень размѣшило и на разныя размышленія навело.

— А я, глядя на тебя, подумалъ, что ты занять Богъ знаетъ какими вычисленіями...

— Да? Нѣтъ, это еще что! А я вотъ одинъ разъ видѣлъ: купецъ въ лавкѣ сидитъ. Почтенный такой купецъ, борода большая, жена и дѣти есть, — сидитъ и размазываетъ пальцемъ по прилавку. На прилавокъ этотъ чаемъ плеснули что ли, даже можетъ быть, плюнулъ онъ, прости его Господь, — ну и размазываетъ это пальцемъ, разрисовываетъ. Размазываетъ себѣ, а физиономія у него глубокомысленная, мудрая, премудрая такая...

Филиппъ пристально разсматривалъ его, какъ будто изучалъ.

— А любопытно бы мнѣ было знать, о чемъ это ты въ самомъ дѣлѣ думаешь? Какія такія мрачныя думы обуреваютъ тебя? спросилъ онъ.

Матросовъ уставился на него изподлобья угрюмымъ и насмѣшливымъ взглядомъ.

— Весьма любопытно? А? Интересно? Очень? подразнилъ онъ.

— Очень любопытно..

— Да, дѣйствительно интересно, угрюмо повторилъ Матросовъ, медленно отвелъ отъ него свои глаза и уставилъ ихъ на пустой стаканъ.

— А наши дѣла пошли совсѣмъ подь гору, сказалъ Филиппъ, вдругъ совсѣмъ перемѣнивъ тонъ и съ какою-то рѣшимостью.

— Подь гору?..

— Да. Потапъ Потапычъ надулъ насъ...

— Какъ надулъ?..

— Такъ, не хочетъ быть столяромъ, хочетъ быть чиновникомъ...

Сначала Матросовъ какъ будто не повѣрилъ, потомъ увѣровалъ, поднялся съ своего стула и плюнулъ.

— Тьфу! Чортъ знаетъ, чортъ знаетъ что такое! Одинъ проигрался, другой отказался, третій... чортъ знаетъ что такое! пробормоталъ онъ.—Оттого ты и кислый, а я и не замѣчаю...

Филиппъ молчалъ.

— Эхъ, стыдно! Эхъ чего не видалъ: Потапъ Потапычъ его надулъ! Срамъ! Меня вонъ... та богатая купчиха надула; которую я хотѣлъ подь вѣнецъ вести, съ которою жизнь свою мечталъ раздѣлить; она, я тебѣ говорю, надула, — однако я ничего...

Филиппъ усмѣхнулся.

— Да, она измѣнила! Это вѣдь не Потапъ Потапычъ... Это звѣзда, звѣзда была... И вдругъ нѣтъ звѣзды... Угасла...

Онъ снова сѣлъ къ своему столу и уставился въ пустой стаканъ, а Филиппъ не переставалъ наблюдать за своимъ пріителемъ.

— Да, такъ чтожь? встрепенулся Матросовъ, вспомнивъ о чемъ шла рѣчь.—Надулъ, ты говоришь? Что же ты думаешь дѣлать?

— Я думаю бросить все это дѣло, сказалъ Филиппъ —Бросить товарищество да и все тутъ...

Матросовъ смотрѣлъ на него во всѣ глаза.

— Что такое ты говоришь? А? Что такое? съ неудовольствиемъ заговорилъ онъ.

— Товарищество бросить... Что за комедія такая... Тѣ деньги, что въ кассѣ были и Потапу Потапычу назначались, дайми Мочалову; а свои полторы тысячи ты возврати... И конецъ...

Матросовъ мрачно смѣрилъ его съ головы до ногъ.

— Убирайся ты пожалуйста вонъ; оставь меня въ покоѣ, заговорилъ онъ наконецъ, весь раскраснѣвшись и вставая со стула, причеми гнѣвно оттолкнулъ его.—Видишь ты, что чловѣку не по себѣ, а лѣзешь къ нему чортъ знаетъ съ чѣмъ. Шутишь ты, такъ это очень глупо; а не шутишь, такъ и убирайся куда знаешь... Пойми ты, что я хоть и разстроенъ, и болѣнъ, — а не одурѣлъ еще... Уходи...

Филиппъ засмѣялся и тоже всталъ.

— Постой... Еще одно слово... Шутишь ты или нѣтъ, серьезно говоришь? остановилъ его Матросовъ.

Филиппъ опять засмѣялся, но громче.

— Интересно тебѣ это знать? А? Очень? передразнилъ онъ.

— Убирайся!..

И онъ ушелъ за свои ширмы и легъ на постель. Филиппъ посмотрѣлъ ему вслѣдъ, подумалъ, потомъ налилъ себѣ стаканъ чаю и не торопясь выпилъ его; Матросовъ не говорилъ ни слова.

— Прощай, сказалъ Филиппъ, надѣвая шляпу.

Матросовъ не отвѣчалъ.

Небо было все въ звѣздахъ, когда Филиппъ вышелъ на улицу. Онъ взглянулъ направо, взглянулъ налево, очевидно недоумѣвая, куда бы ему направить свои шаги, постоялъ на одномъ мѣстѣ, посмотрѣлъ на звѣздное небо и, наконецъ, рѣшился тронуться въ путь. Шелъ онъ тихо, забросивъ за спину руки, понуривъ голову. Шутилъ онъ въ самомъ дѣлѣ съ Матросовымъ или не шутилъ, — серьезно предлагалъ ему бросить товарищество? Ни то, ни другое... А впрочемъ скорѣе онъ серьезно говорилъ, чѣмъ шутилъ. Ему вдругъ стало въ тягость это дѣло, которое всѣ бросаютъ, о которомъ никто не думаетъ. Къ чему же лицезрѣть? Если Матросовъ согласится, что нужно бросить, — такъ больше ничего и не остается дѣлать; а если нѣтъ, скажетъ, что бросать не слѣдуетъ, — тогда значить еще не все пропало, значить еще не всѣ надломлены, не всѣ нравственно пали. Вотъ и все...

Да, вот и все... И вдругъ на него нашла тяжелая, сердцецемящая тоска; ему что-то горло захватило и грудь сжало. Отчего, отчего я никогда не могу идти до конца, не колеблясь, не разочаровываясь и не падая? спрашивалъ онъ. Отчего при первой неудачѣ, самой ничтожнѣйшей неудачѣ, у меня падаетъ вся вѣра въ самого себя, въ людей, въ то дѣло, надъ которымъ я работаю? И можно ли съ такимъ характеромъ приниматься за какую нибудь серьезную, большую работу? Къ чему раздражать себя великолѣпными, грандіозными мечтами? Блестящія мечтанія, колоссальные планы—и жалкое безсиліе ихъ выполнитъ. Обидно, горько! Положимъ, не виноватъ я, не совсѣмъ виноватъ, нечего мнѣ больше дѣлать. Что же въ самомъ дѣлѣ дѣлать, когда видишь, что никого подлѣ тебя нѣтъ, что одинъ ты? Да и не въ томъ дѣло, кто виноватъ, — совсѣмъ не въ томъ дѣло. Дѣло въ томъ, что въ результатѣ все-таки одно—безсиліе. Мечты, много разговоровъ, споровъ, предположеній—а въ результатѣ нѣтъ ни силы, ни дѣла. Есть ли теперь во мнѣ хоть одна искра, жалкая искра надежды на товарищество? Нѣтъ, ни гѣни надежды. А потомъ, вѣроятно, опять зашевелится надежда, опять составится новое товарищество и въ результатѣ опять ничего не будетъ. Горько, скучно!

Онъ шелъ по той улицѣ, гдѣ жила Евлалія Александровна. Вотъ и ея домъ, вотъ окно ея комнаты,—видѣнъ въ ней свѣтъ, у окна опять пальцы съ начатой работой. Зайти или нѣтъ? Зачѣмъ зайти? Не все ли между ними было покончено вчерашнимъ разговоромъ? Нѣтъ, не все. Ему вспомнилось, какъ иногда она бывала нѣжна съ нимъ, съ какимъ искреннимъ, глубокимъ страданіемъ просила у него прощенія въ своихъ болѣзненныхъ выходкахъ. Нѣтъ, послѣдняго слова не было сказано. Пойти,—сказать это слово, кончить все.

Филиппъ вошелъ. Евлалія Александровна только-что пришла откуда-то и снимала шляпу.

— Это вы? вы? вскричала она, бросившись къ нему.—Не навсегда ушли? Простили меня? Да?

Голосъ ея дрожалъ, рука, сжавшая его руку, тоже треметала.

— Какой вы блѣдный! замѣтила она.—Вы больны? Или устами, можетъ быть? Садитесь... Вотъ сюда...

Она сѣла противъ него, облокотилась на колѣно и, положивъ на руку подбородокъ, пристально смотрѣла въ глаза Филиппа.

— Такъ простили? Нѣтъ, постойтѣ; а вамъ все скажу, все объясню. Я горда,—видите ли,—я избалована... Я никогда не знала этой нищеты, не привыкла быть нищей... Я не привыкла, чтобы меня жалѣли. Что можетъ быть обиднѣ этой жалости? Вѣдь она оскорбляетъ, мучить; отъ одной мысли, что меня жалѣютъ, у меня кровь бросается въ голову... Такъ вотъ...

Она почти задыхалась, слезы слышались въ ея голосѣ.

— Вѣдь вы... Мнѣ казалось, что вѣдь вы мнѣ милостыню подали... Да, милостыню... И потомъ... мнѣ казалось, вы только прикрывались дружбой ко мнѣ. Вы изъ жалости не покидали меня, все изъ жалости, изъ состраданія... Да это мнѣ и теперь кажется... Не могу я... Скажите: вѣдь это не дружба, нѣтъ? Это жалость?

Филиппъ прикрылъ рукой глаза. «Высказать, кончить», мельнуло у него въ закрывшейся головѣ.

— Нѣтъ; это не дружба; съ усиленіемъ произнесъ онъ.—Это любовь...

Она вдругъ медленно поднялась и тихо отошла прочь. Руки ея дрожали, лицо было блѣдно, а глаза горѣли какъ сумасшедшіе.

— Нѣтъ; это не то, шептала она, остановившись и поникнувъ головой.—Это ложь... Вы лжете...

Филиппъ всталъ блѣдный не меньше ея...

— Ну, и отлично, тихо сказалъ онъ. — По крайней мѣрѣ, все сказано п... кончено.

Онъ пошелъ къ двери. Она загородила ему дорогу, взглянула въ его глаза своимъ безумнымъ взглядомъ и охватила руками его шею...

— Все равно, зашептала она.—Пускай лжешь, пускай обманываешь меня... Что мнѣ... Я люблю тебя. Я только-что ходила къ тебѣ, чтобы сказать тебѣ все... Презирай меня, бей, обманывай,—что хочешь дѣлай... Но я люблю тебя...

— Отчего ты мнѣ не вѣришь? спросилъ Филиппъ, отстранивъ ее и почти со страхомъ глядя въ ея горячіе глаза.

Она расплакалась...

— Не могу я, шептала она сквозь рыданіе.—Нѣтъ, это ты изъ жалости... Это ты опять милостыню мнѣ даешь...

X.

Прошло уже около недѣли послѣ всѣхъ этихъ большихъ и маленькихъ происшествій въ средѣ нашего товарищества, а Зоя все еще ничего о нихъ не знала.

Она была нездорова. По утрамъ ее мучила лихорадка, по вечерамъ начинались головныя боли, сопровождаемая жаромъ во всемя тѣлѣ; ночью она иногда бредила. Это продолжалось уже третій день. Барканцевы ухаживали за нею, какъ за больнымъ ребенкомъ, только и смотрѣли ей въ глаза: не нужно ли ей чего нибудь, не хочетъ ли она лечь заснуть, не мѣшаютъ ли они ей. Ходили они не иначе какъ на ципочкахъ, говорили не иначе какъ шепотомъ. Зоя дѣйствительно сдѣлалась для нихъ какъ родная.

Съ того дня, какъ Зоя заболѣла, Парфѣновъ почти поселился на заводѣ. Онъ уже и не думалъ скрывать отъ хозяевъ свои чувства къ Зоѣ; кажется, что онъ даже излилъ ихъ передъ Софьей Михайловной и съ волненіемъ заявилъ, что намѣренія его самыя добрыя. Вообще онъ сильно переимѣнился за эти три-четыре дня: сдѣлался откровеннѣе, проще въ обращеніи, задушевнѣе въ разговорахъ, въ немъ замѣтно стало участіе къ тѣмъ людямъ, которые были около него. Лицо его замѣтно похудѣло и поблѣднѣло, глаза были полны тревоги и печали, и часто, когда больная спала въ своей комнатѣ и весь домъ притихалъ на это время, онъ по цѣлому часу неподвижно сидѣлъ въ залѣ, курилъ и думалъ какія-то, ему одному извѣстныя думы. А когда Зоя выходила, онъ такъ и впивался въ нее своими глазами, такъ и слѣдилъ за нею, ловилъ каждое ея движеніе, каждый взглядъ: не отодвинуть ли отъ нея лампу, не притворить ли окно, не ищетъ ли она глазами чего нибудь. А она странно и неровно держала себя относительно его. Замѣтно было, что въ ней совершается борьба по поводу этого чело-вѣка. То она какъ будто бы рѣшалась отстраниться отъ него. не замѣчала его, избѣгала говорить съ нимъ или же говорила холодно, съ замѣтнымъ неудовольствіемъ; а то вся эта рѣшимость внезапно пропадетъ въ ней: когда онъ не смотритъ на нее, занятъ чѣмъ нибудь или читаетъ что нибудь, она долго,

съ видимымъ волненіемъ и чувствомъ смотритъ украдкой въ его лицо, какъ будто его изучая, и затѣмъ вдругъ сама заговоритъ съ нимъ, заговоритъ дружески, довѣрчиво.

Парфеновъ каждый день хотѣлъ съѣздить за Филиппомъ, но Зоя всякій разъ останавливала его, увѣряя, что ей лучше, и завтра она будетъ совсѣмъ здорова.

Наконецъ Филиппъ пріѣхалъ.

— Филиппъ! Что ты? Что съ тобой случилось? Болѣнь ты? вскричала Зоя, всплеснувъ руками.

— Я болѣнь? переспросилъ онъ усмѣхнувшись.— Тотъ баринъ говорилъ мнѣ, что ты больна. А я здоровъ. Впрочемъ онъ меня просилъ не выдавать, что онъ меня привезъ. Ну что, Зоя, милая? Въ чемъ дѣло?..

Трудно было повѣрить, что это не болѣзнь измѣнила его такъ сильно и въ такое короткое время. Глаза у него ввалились, казалось, больше, чѣмъ прежде и все смотрѣли куда-то въ сторону или внизъ, тяжело, неподвижно и не мигая, какъ у чловѣка, которымъ овладѣла какая-то упорная, мрачная идея, повсюду его преслѣдующая и недающая ему обратить вниманіе на что либо постороннее. Онъ очень похудѣлъ; голосъ его былъ тихъ, въ разговорѣ съ сестрой слышалась особенная нѣжность.

— Нѣтъ, я здоровъ, сказалъ онъ, переговоривши съ Зоей о ея болѣзни.— А случится,—дѣйствительно кое-что случилось. Я вѣдь теперь не съ матерью живу. Слышала?.. Да, переѣхалъ. Съ недѣлю уже переѣхалъ. Жить подлѣ нея, я думаю, только глухо-нѣмой можетъ. Да и то врядъ ли: глухонѣмого она пожалуй бить стала бы. Говорить подлѣ нея нельзя, потому что она сейчасъ подслушаетъ и сплетню пуститъ; заниматься тоже нельзя: она гостью какуюнибудь приведетъ, начнетъ ей ругать меня и дверь нарочно растворитъ, чтобы и я слышалъ. Это ты и сама знаешь. Но въ моей исторіи вышло еще нѣкоторое осложненіе...

Онъ придвинулся къ ней и тихо, почти шопотомъ, точно передавалъ ей какойнибудь кладъ, какоенибудь сокровище, которое нужно отъ всѣхъ беречь и скрывать, рассказалъ о своихъ отношеніяхъ къ Евлаіи Александровнѣ.

— Въ четвергъ вечеромъ она пришла ко мнѣ. Покончить

нужно было всё эти недоразумѣнія. Меня дома не было; я у Матросова былъ. На лѣстницѣ ее мать встрѣтила, — дверь ей отворила. Евлазія Александровна спросила, дома ли я. Она подъ вуалемъ была. Однако мать узнала ее... Крикъ подняла, вой, брань самую грубую, грязную... Потомъ окно открыла; изъ окна продолжала кричать и ругаться... Мерзко, однимъ словомъ, отвратительно...

Онъ провелъ рукой по глазамъ, вѣроятно, желая скрыть ихъ выраженіе и опустилъ голову.

— Воротился я часовъ въ двѣнадцать. Мать ждала меня. Только-что я вошелъ, она накинулась на меня, съ торжествомъ такимъ, точно Богъ знаетъ какое дѣло сдѣлала. «Была, говорить, она была!» А у меня, только-что я ее увидѣлъ, руки задрожали, въ головѣ и груди точно молотами стучать и глаза ничего не видятъ... Ну, однако ничего... Постояли мы другъ передъ другомъ... молча... Потомъ она къ себѣ ушла, я къ себѣ... Показалось мнѣ, что она вдругъ очень поблѣдѣла; а можетъ быть, и нѣтъ... Плохо я видѣлъ... На другое утро перебѣжалъ...

— Что же мать?..

— Ни слова. Слонялась только изъ угла въ уголь и шептала что-то... Какъ видно поражена была, растерялась... Потомъ, когда уже все увезли и я уходить собрался, она припала лицомъ къ косяку и заплакала...

— Досадно, сказала Зоя, — что ты, я думаю, весь городъ взволновалъ. Сколько шуму, толковъ...

Филиппъ взглянулъ на часы и, забросивъ руки за спину, торопливо прошелся по комнатѣ. Онъ, казалось, не слышалъ ея замѣчанія, лицо его сдѣлалось тревожно, глаза смотрѣли неподвижно. Упорная и мрачная идея, какъ видно, опять овладѣла имъ.

— Что ты говоришь? востепенулся онъ.— Да... толки... Удивительно!.. Никогда я не повѣрилъ бы, что изъ-за такого происшествія можетъ быть такъ много тревоги и шума... Никогда... Это удивительно! Только-что покажешься на улицѣ,— видишь, что люди бросаются къ окнамъ, стремглавъ бросаются, торопятся, толкаютъ другъ друга и всё, встревоженные, съ округлившимися отъ любопытства глазами, всматриваются въ

тебя... Иной разъ слышишь даже, какъ они тамъ вскрикиваютъ: Рябининъ, Рябининъ ѣдетъ!.. Въ домъ ли въ какойнибудь входишь, къ больному, такъ даже и такіе больные, которымъ бы казалось, интереснѣе всего ихъ немощи, — и тѣ смотрятъ на тебя какъ будто бы ты или феноменъ, или циклопъ, или еторжаникъ, или убійца... Я ужъ думалъ, не показалось ли и-тушкѣ, что я хотѣлъ ее убить? Не обвинила ли она меня в этомъ? А? Съ чего же въ противномъ случаѣ всё такъ смотрятъ на меня, впиваются въ меня? А? Съ чего?..

— Неужели это такъ сильно мучить тебя?

— Это мучить?.. Нѣтъ; Богъ съ ними; пускай смотрятъ, пускай шумятъ... Это комары! Вотъ они что... Шумятъ, кричатъ. Много шуму, но мало боли. Богъ съ ними... Это комары... А ты думала, они для меня змѣи? Нѣтъ, пускай ихъ; есть вещи похуже...

Онъ присѣлъ поближе къ ней и опять заговорилъ чуть не шопотомъ.

— Странные бываютъ случаи... Позавчера вечеромъ мы съ Евлаіей Александровной были въ загородномъ саду. Долго гуляли. Держались, конечно, подальше отъ тѣхъ мѣстъ, гдѣ было много огня и народу. Потомъ попали въ ту аллею, гдѣ, если помнишь, стоитъ почти развалившаяся бесѣдка, въ которой самоубійство случилось. Глухая, дальняя аллея; рѣдко кто тамъ бываетъ. Сидѣли мы на скамьѣ, говорили. Ночь была очень темная; а въ этой аллеѣ темень, какъ въ могилѣ. Только сидимъ мы и слышимъ, идутъ по этой аллеѣ и говорятъ... Идутъ тихо; говорятъ довольно громко. По голосу мнѣ показалось, что одинъ—твой женихъ, Новоторовъ; другой голосъ мнѣ незнакомый, но Евлаіа Александровна увѣряетъ, что это долженъ быть одинъ родственникъ ея мужа. Очень можетъ быть. Дѣло шло именно о томъ, чтобы вызвать сюда ея мужа. Да, милая, они хотятъ вызвать его сюда. Я, говоритъ Новоторовъ, сочинилъ уже письмо. Могу сказать, хорошее письмо. Вы прочтите,—знаю, что одобрите. Кое-что, разумѣется, слѣдуетъ еще поприбавить; а потомъ перепишите, да и отсылайте съ Богомъ. Дойдетъ ли только? Потому вѣдь теперь ярмарка; господинъ Сорогинъ вѣроятно играть отправится... Дойдетъ, говоритъ тотъ другой господинъ, и объяснилъ почему дойдетъ и какъ

дойдетъ. Объяснилъ такъ хорошо, что намъ нечего было больше сомнѣваться, о комъ шла рѣчь. Они въ это время остановились закурить сигары. Спички одна за другой гасли, а эти господа все говорили и говорили.

— Я, сказалъ еще Новоторовъ,—распространился въ моемъ посланіи насчетъ того, что Евлаіа Александровна теперь, молъ, весьма и весьма богата. Это, я полагаю, будетъ Матвѣю Ивановичу очень лестно и заманчиво. А вы, съ своей стороны, поговорите о безчестіи, наносимомъ его имени, о срамѣ, которому она всѣхъ васъ подвергаетъ. Я самъ не написалъ этого; потому у васъ эта статья должна лучше выйти; вы вѣдь тоже родственникъ. Сами чувствуете ея дѣла...

Тутъ Филиппъ отодвинулся отъ Зои и откинулся къ спинкѣ кресла.

— Вотъ они гдѣ, змѣи-то, сказалъ онъ.—Это змѣи... А то комары, Зоя, комары, моя дорогая, не больше...

— Что же вы хотите дѣлать? спросила Зоя.

— Да что дѣлать?.. Подождемъ его, подождемъ, повторилъ онъ и въ лихорадочномъ волненіи потеръ руки.

— Какъ подождете? Чего? Чтобы онъ пріѣхалъ?..

— Да, да, именно... Ты не волнуйся только, тише говори... Случаи бываютъ странные, я тебѣ говорю. Съ тѣхъ поръ, какъ мнѣ удалось подслушать ихъ разговоръ, я боюсь говорить громко. Мало ли что бываетъ, можетъ быть, вонъ тамъ подъ окномъ стоитъ ктонибудь и слушаетъ...

Онъ подозрительно взглянулъ на окно и опять наклонился къ сестрѣ.

— Такъ я говорю, ждать будемъ, зашепталъ онъ.—Потому больше нечего дѣлать. Конечно, съ перваго взгляда казалось бы, что самое лучшее—уѣхать ей отсюда. Куданибудь подальше уѣхать и тамъ ждать, что будетъ. Съ перваго взгляда это такъ, но на дѣлѣ не то, нельзя этого. Потому нельзя, что она не хочетъ ѣхать безъ меня, ни за что не соглашается. И не потому единственно не хочетъ она уѣхать, чтобы не хотѣла разстаться со мной, нѣтъ... Конечно и это имѣетъ свою долю вліянія, но кромѣ этого здѣсь тоже выходитъ нѣкоторое осложненіе. Нужно тебѣ сказать, что она нервная женщина, до того больная, что иной разъ доходитъ почти до галлюцинацій, до

брета, до сумасшествія. Это ужасно, Зоя. Мнѣ иногда кажется, что она и совсѣмъ съ ума сошла, и меня заражаетъ своимъ сумасшествіемъ, и что я тоже схожу съ ума. Можешь ли ты себѣ представить до чего довели ее всѣ эти сплетни, весь этотъ шумъ въ городѣ, всѣ эти исторіи съ моими родными? Ты никогда себѣ не представишь подобнаго состоянія, не повѣришь, можетъ быть... Она вообразила, что мои и ея родные стоворились подкараулить меня ночью и убить... Да, убить!.. Когда меня требуютъ ночью къ комунибудь изъ больныхъ, на нее ужасъ нападаетъ, съ ней почти бредъ дѣлается... Это ужасно, Зоя... Это ея положеніе довело ее до этого; опасенія, что мужъ каждую минуту можетъ пріѣхать и взять ее къ себѣ, оскорбленія, которымъ она подвергалась отъ многихъ и въ томъ числѣ отъ нашей матери, вотъ что довело ее до этого. Понятно ли тебѣ теперь, что она ни за что не согласится уѣхать отсюда? Для меня понятно... Затѣмъ остается еще одно: уѣхать и мнѣ вмѣстѣ съ нею... Это такъ... но, Зоя, Зоя! Оставить мѣсто, съ которымъ уже освоился, познакомился, оставить мѣсто, гдѣ уже есть много людей, которые и знаютъ тебя, и любятъ, и вѣрятъ тебѣ... Это тяжело, Зоя... А такихъ людей уже много есть здѣсь. Я не говорю о богатыхъ. Это комары. Богъ съ ними. Я говорю о тѣхъ, что живутъ въ скверныхъ избушкахъ, за визиты мои платятъ не монетой, а теплымъ словомъ, искреннею благодарностью. Ихъ мнѣ не хотѣлось бы оставлять: я нуженъ имъ, а они нужны мнѣ; безъ нихъ какъ-то пусто было бы на свѣтѣ. Да и зачѣмъ ѣхать? Куда торопиться? Можетъ быть, этотъ господинъ еще и не осчастливитъ насъ своимъ посѣщеніемъ, по крайней мѣрѣ, еще не осчастливилъ. Въ самомъ дѣлѣ теперь вѣдь ярмарка въ Нижнемъ. Ему нужно быть тамъ, жатву собирать...

— Нѣтъ, я думаю пріѣдетъ, замѣтила Зоя.—Вѣдь ему пишутъ, что его жена богата теперь. Какъ ему не ѣхать. Я думаю, даже поспѣшить...

— Поспѣшить? переспросилъ Филиппъ, глубоко вздохнувъ, задумался и опять взглянулъ на часы.

— Ну чтожь? заговорилъ онъ послѣ довольно долгаго раздумья.—Пускай ѣдетъ, пускай... Мы ждемъ его; у насъ уже все готово... Пускай его прогуляется...

— Что же ты думаешь дѣлать, когда онъ вдругъ явится передъ вами?..

— Передъ нами?.. Нѣтъ, передъ нами онъ не явится, почти съ ужасомъ вскричалъ Филиппъ.—Нѣтъ, этого не будетъ. Мы такъ рѣшили, что какъ только онъ пріѣдетъ, Евлалія Александровна выѣзжаетъ отсюда и слѣда не оставитъ по себѣ. Пуской ищутъ... Двѣсти верстъ ѣзды на лошадяхъ, двадцать часовъ, а тамъ пристань, пароходы идутъ и вверхъ, и внизъ... Пуской, пуской ищутъ!..

— Но какъ же ты узнаешь?..

— Въ томъ-то и дѣло, что узнаю, быстро и все шопотомъ прервалъ онъ.—У нихъ условлено, чтобы онъ прямо къ нимъ въ домъ пріѣхалъ. И Новоторовъ, и тотъ другой, — родственникъ этого шулера, — теперь друзьями сдѣлались, живутъ въ одномъ домѣ. Такъ онъ, я говорю, къ нимъ пріѣдетъ. Они, видишь-ли, хотятъ сообща дѣйствовать, — какойнибудь остроумный планъ сочинить, великій скандалъ устроить... Ха, ха, ха...

Засмѣялся онъ тихо, почти беззвучно, но съ такой злобой въ лицѣ, которая поразила Зою.

— А мнѣ сейчасъ же и дадутъ знать о его пріѣздѣ. Ты помнишь Фильку десятскаго? Онъ купленъ мной; то есть не деньгами купленъ, а услугой. Онъ руку себѣ сломалъ. Новоторовъ (дуракъ) сбросилъ его съ козелъ тарантаса. А я его лечилъ... Ну, вотъ и все... Она изъ рукъ у нихъ уйдетъ, изъ подъ носа...

Онъ опять засмѣялся, потеръ руки и въ лихорадочномъ волненіи прошелся по комнатѣ.

— Положимъ, сказала Зоя.—Ну, а потомъ?

— Когда потомъ?..

— Если онъ будетъ ждать и жить здѣсь?..

Филиппъ тихо опустился въ кресло и прикрылъ рукой глаза. Волненіе и одушевленіе внезапно оставили его. Казалось, онъ окаменѣлъ и неподвижная, тяготящая идея опять появилась въ его глазахъ.

— Тогда... увидимъ, тяжело и глухо произнесъ онъ.

— Вѣдь это невыносимо однако: если даже онъ и уйдетъ отсюда, то вѣдь каждый день можетъ опять возвратиться. Никогда нельзя быть спокойнымъ...

— Да... никогда, тѣмъ же тономъ повторилъ Филиппъ.

— И нигдѣ...

Онъ молчалъ и смотрѣлъ себѣ подъ ноги тяжелымъ и неподвижнымъ взглядомъ.

— Онъ всюду будетъ угрожать ей, продолжала Зоя. — Я думаю, никогда не оставитъ въ покоѣ. Что за мучительная жизнь!..

— Да; нужно избавиться, какъ бы про себя согласился Филиппъ.

— Но какъ?..

На это онъ не отвѣтилъ ни слова.

— Одного я боюсь, чтобы онъ какъ нибудь безъ меня не пріѣхалъ... Девять часовъ... Домой нужно ѣхать, отрывисто и устало сказалъ онъ и принялся свертывать себѣ папиросу.

— Избавиться, ты говоришь... Но какъ же? еще разъ спросила Зоя.

Онъ пожалъ плечами.

— Не знаю... Какъ избавиться?.. Никакъ, вѣроятно, не избавишься, неохотно провознесъ онъ.

Зоя долго смотрѣла на него, потомъ какъ будто испугалась, притихла и сжалась вся.

— Филиппъ! У тебя что-то недоброе, злое на душѣ, замѣтила она робко.

— Что такое? спросилъ онъ весь погруженный въ свое занятіе.

— Мнѣ кажется, ты убьешь его, почти прошептала она.

Онъ не шевельнулся и продолжалъ насыпать табакъ.

— Какой вздоръ! сказалъ онъ наконецъ. — Будетъ говорить объ этомъ... Довольно...

Наступило молчаніе. Наконецъ Филиппъ окончилъ свою работу, закурилъ папиросу и, облокотившись обѣими руками на столъ, взглянулъ на Зою. Лицо его было очень блѣдно, взглядъ блестящъ и холоденъ.

— Можетъ быть, ты поинтересуешься дѣлами нашего товарищества? спросилъ онъ.

— Да, конечно, задумчиво отвѣчала она. — Что сдѣлалось съ Потапомъ Потапычемъ? Онъ давно уже не бывалъ здѣсь...

— Совѣстно ему должно быть, — оттого и неидетъ... Гово-

рять, онъ мѣсто получилъ... А товариществу онъ измѣнилъ,— покинулъ насъ...

— Этого я не ожидала, прошептала Зоя.

— Мочаловъ проигралъ казенныя деньги. Мечтаетъ теперь начать новую жизнь и дѣйствительно вступить въ нее, только будетъ играть совершенно пассивную роль?—умретъ скоро...

— Боже мой! Ну,—Матросовъ? Матросовъ? вскрикнула Зоя, невольно поднявшись со стула.

— Матросовъ все бѣгаетъ гдѣ-то. Ему тамъ измѣнилъ кто-то. Подъ вѣнецъ, говоритъ, хотѣлъ вести—и вдругъ нѣтъ ничего...

Зоя молча, пораженная смотрѣла на брата.

— Что же это?.. Все разстроилось, конечно.

Онъ махнулъ рукой, отодвинулъ кресло и сталъ искать свою шляпу.

А. Важинъ.

(Окончаніе въ слѣдующей книжкѣ.)

РАТКЛИФЪ.

(Изъ Гейне.)

Богъ сна меня унесъ въ далекий край,
Гдѣ нвы такъ прिवѣтно мнѣ кивали
Зелеными и длинными руками,—
Гдѣ на меня цвѣты смотрѣли нѣжно
И ласково, какъ любящія сестры,—
Гдѣ родственно звучалъ мнѣ голосъ птицъ,—
Гдѣ даже самый лай собакъ казался
Давно знакомымъ, — гдѣ всѣ голоса,
Всѣ образы здоровались со мной,
Какъ съ другомъ старымъ; но гдѣ все при этомъ
Являлось мнѣ такъ чуждо—странно-чуждо. —
Передъ красивой деревенской дачей
Стоялъ я. Грудь какъ будто содрогалась;
Но въ головѣ моей спокойно было.
И я спокойно отряхнулъ съ дорожной
Одежды пыль,—и за звонокъ взялся.
Онъ зазвенѣлъ, и двери отворились.

Тутъ было много женщинъ и мужчинъ,
Все лицъ знакомыхъ. Тихая печаль
И робко затаенный страхъ лежали
На нихъ на всѣхъ. Какъ будто смущены,
Они смотрѣли на меня такъ странно,
Съ какимъ-то состраданьемъ,—и по сѣрцу
Вдругъ быстрый трепетъ у меня прошелъ
Предвѣстіемъ невѣдомаго горя.
Я тотчасъ же старуху Маргариту

Узналъ, и на нее взглянулъ пытливо.
 Она не говорила. «Гдѣ Марія?»
 Спросилъ я,—и она, не отвѣчая,
 Взяла мнѣ руку, и пошла со мной
 По множеству блестящихъ, длинныхъ комнатъ,
 Гдѣ царствовали роскошь, свѣтъ и всюду
 Безмолвіе могилы. Наконецъ
 Мы очутились въ сумрачномъ покоѣ,
 И, отвернувшись отъ меня лицомъ,
 Она мнѣ показала на софу. —
 «Марія, вы ли это?» я спросилъ,
 И твердости вопроса своего
 Самъ подивился. Каменно и глухо
 Послышался мнѣ голосъ: «Да; меня
 Такъ называютъ люди.» Острой болью
 По мнѣ слова тѣ пробѣжали. Этотъ
 Тупой, холодный звукъ былъ все-жъ когда-то
 Прекраснымъ, нѣжнымъ голосомъ Маріи.
 И эта женщина, въ своемъ поблекшемъ
 Лиловомъ платьѣ, кое-какъ надѣтомъ,
 Съ отвисшими грудями, съ неподвижно
 Стоящими стеклянными зрачками,
 И съ блѣдной, вялой кожей на щекахъ, —
 Да, эта женщина была когда-то
 Цвѣтущей, пѣжной, милою Маріей.—
 «Вы долго путешествовали, другъ,»
 Она сказала съ пошлой и холодной
 Развязностью. «Теперь не такъ вы хили;
 Поздоровѣли, пополнѣли вы;
 Животъ и икры очень округлились.»
 И сладкая улыбка пробѣжала
 У ней по желтымъ, высохшимъ губамъ.
 Въ смущеньи, машинально я сказалъ:
 «Вы замужъ вышли, говорили мнѣ.»—
 «Ахъ, да!» она сказала равнодушно
 И съ громкимъ смѣхомъ; «у меня теперь
 Полѣно есть, обтянутое кожей,
 И мужемъ называется. Конечно,
 Полѣно—все полѣно.» И беззвучно,
 Противно засмѣялася она.

Холодный страхъ стѣснилъ мнѣ грудь,—и я
 Подумалъ: это ль чистыя уста—
 Какъ розы, чистыя уста Маріа? —
 Она тутъ поднялась, взяла со стула
 Поспѣшно шаль, накинула ее,
 И, опираясь на руку мою,
 Меня съ собою быстро повлекла
 Въ отворенную дверь,—и дальше—дальше —
 Лугами, полемъ и опушкой лѣса.

Какъ огненный вѣнецъ, катилось солнце
 Къ закату; въ пурпурѣ его горѣли
 Цвѣты, деревья и рѣка, вдали
 Струившаяся строго-величаво.
 «Какъ блещетъ это пламенное око
 Въ лазури водъ!» воскликнула Маріа. —
 «Молчи, несчастная!» сказала я ей.
 И предо мною въ заревомъ мерцаньи
 Свершалось будто сказочное что-то.
 Въ поляхъ туманные вставали лки,
 И обнимались бѣлыми руками,
 И исчезали. Съ нѣжностью любви
 Фіялки любовались другъ на друга;
 Одинъ къ другому принадлежали страстно
 Вѣнцы лилей; порывисто дышали,
 Въ горячей нѣгѣ замирали розы;
 Огнемъ вилось дыханіе гвоздикъ,—
 И всѣ цвѣты въ благоуханьи млѣли,
 Всѣ обливались страстными слезами,
 Шептали всѣ: «любовь! любовь! любовь!»
 Порхали мотыльки; жучки, какъ искры,
 Мелькали, напѣвая пѣсню эльфовъ.
 Вечерній вѣтеръ чуть дышалъ, и тихо
 Шептались листья дуба. Соловей
 Какъ будто таялъ въ звукахъ чудной пѣсни.—
 Подъ этотъ шопоть, шелестъ, звонъ и пѣнье,
 Мнѣ женщина увидшая болтала,
 Склоняясь къ моему плечу, несноснымъ,
 Холоднымъ, будто оловяннымъ тономъ:
 «Я знаю, въ ночь вы бродите по замку.
 Высокій призракъ—малый не дурной:

На все сквозь пальцы смотреть онъ; а тотъ,
 Что въ голубомъ,—небесный ангелъ. Только
 Вотъ этотъ красный очень васъ не любитъ».
 И много дикихъ словъ, еще пестрѣ,
 Она твердила мнѣ безъ перерыву,
 Пока не утомилась, и не сѣла
 Со мною рядомъ на свамѣхъ подъ дубомъ.

Сидѣли мы уныло и безмолвно,
 Порою взглядывали другъ на друга,
 И все грустнѣе становились оба.
 Казалось, вздохъ предсмертный проходилъ
 По листьямъ дуба; соловей на немъ
 Пѣлъ пѣснь неисцѣлимой, вѣчной скорби.
 Но сквозь листы прокрался алый свѣтъ,
 И легъ на бѣлое лицо Маріи,
 И вызвалъ блескъ въ ея глазахъ,—и прежнимъ,
 Мнѣ милымъ голосомъ она сказала:
 «Какъ ты узналъ, что такъ несчастна я?
 Прочла я все въ твоихъ безумныхъ пѣсняхъ».

Морозъ прошелъ по тѣлу у меня;
 Я ужаснулся своего безумья,
 Прозрѣвшаго въ грядущее; мой мозгъ
 Какъ будто вдругъ погасъ,—и я проснулся.

Мих. Михайловъ.

П Р Я Х А .

(Изъ Гете.)

Въ тихой горенкѣ своей
Я пряла спокойно;
Къ прялкѣ парень подошелъ
Молодой и статной.
Сталъ хвалить меня, сказалъ,
Что приду я чисто,
И что косы у меня—
Лень же золотистой.
Да не смирно онъ стоялъ,—
Не далъ мнѣ покою.
Нитка вдругъ оборвалась
Между нимъ и мною.
Хоть на пряжѣ мнѣ пришлось
Много заработку,
Но не стать хвалиться имъ
Мнѣ по околотку.
Шла я съ пряжею къ ткачу,
А сама горѣла;
Точно сердце у меня
Выскочить хотѣло.
Надо мыть, бѣлить тканье,
У пруда трудиться;
А къ водѣ едва-едва
Сможешь наклониться.
То, что въ горенкѣ тайкомъ
Отъ людей прядется,
Рано ль, поздно ль, на показъ
Выносить придется.

М. М.

СОВРЕМЕННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

ЛЮДИ Сороковыхъ и Шестидесятыхъ годовъ.

(По поводу романа г. Писемскаго «Люди сороковыхъ годовъ». Заря 1869 г.)

IX.

Бѣлинскій, какъ умственный барометръ, стоитъ высоко во главѣ своего времени. По Бѣлинскому мы судимъ о силѣ и направленіи передовой мысли Россіи 40-хъ годовъ, именемъ Бѣлинскаго мы зовемъ эпоху сороковыхъ годовъ, именемъ этого честнаго человѣка намъ свято и дорого то трудное для русской мысли время; въ лихорадочной дѣятельности и личныхъ страданіяхъ Бѣлинскаго мы читаемъ мучительную драму, которую приходилось переживать лучшимъ людямъ той эпохи.

Но Бѣлинскій умеръ и точно что-то порвалось, точно нашло затмѣніе на русскій умъ; между ожившей Россіей 60-хъ и Россіей 40 хъ годовъ видится намъ какъ бы темный, глухой промежутокъ; какое-то безличное время, неоставившее, повидимому, никакого слѣда. О Россіи 40-хъ годовъ мы судимъ по Бѣлинскому; но по какому признаку мы можемъ судить, что думала и дѣлала Россія 50-хъ годовъ? Признака времени, барометра для опредѣленія высоты русской мысли, повидимому, нѣтъ.

Но вѣдь не вымерла же Россія? Люди шестидесятыхъ годовъ не свалились же прямо съ неба; у нихъ должны же быть корни, должна быть почва, на которой они выросли. Не только должна быть, но и есть, и почвой этой была безгласная, повидимому темная и глу-

хая, Россія пятидесятихъ годовъ. Люди шестидесятихъ годовъ зародились тѣмъ же процессомъ, каковымъ и люди 40-хъ годовъ, въ предшествовавшее имъ темное время.

Людей сороковыхъ годовъ заѣдала рефлексія, мучили вопросы, имъ нужно было выработать себѣ точку зрѣнія, установить новое мировоззрѣніе, ибо Россія, исторіей Европы, должна была круто повернуть на новый путь, изъ Востока превратиться въ Западъ. Люди сороковыхъ годовъ, первые изъ русскихъ, почували это неизбежно близкое будущее, потянули въ себя свѣжимъ воздухомъ и первые встали на умственную точку Запада. Какъ же имъ было не очутиться въ неустойчивомъ равновѣсіи, не почувствовать надъ собою силы Востока, когда они въ немъ выросли, когда имъ приходилось вести съ нимъ борьбу? А сила у него была большая! И вотъ Станкевичъ пишетъ Грановскому: «болѣе простора уму, болѣе любви сердцу—и всѣ эти сомнѣнія: какъ мнѣ быть? что мнѣ дѣлать? что изъ меня выйдеть?—пойдутъ къ чорту...» Но легче было дать совѣтъ, чѣмъ его исполнить. Самъ Станкевичъ, въ другомъ письмѣ, разъясняетъ этотъ моментъ колебанія лучшихъ людей своего времени. «Надобно или дѣлать добро, говоритъ онъ, или готовить себя къ дѣланію добра, совершенствовать себя въ нравственномъ отношеніи, совершенствовать себя умственно.» Въ этихъ-то словахъ и ключъ къ пониманію людей сороковыхъ годовъ. Задача этихъ людей заключалась не въ томъ, чтобы что нибудь дѣлать, а въ томъ, чтобы готовиться къ дѣлу, подготавливать почву, сѣять.

Въ ростѣ народовъ повторяется тотъ же процессъ, какой мы наблюдаемъ въ развитіи отдѣльнаго человѣка. Не начали же вы прямо съ дѣла, а сначала, ребенкомъ, расправляли свои члены, развивали умъ и чувство, подготавливали ихъ къ будущему труду. Такимъ же подготовительнымъ моментомъ была и Россія сороковыхъ годовъ.

Но какъ не можетъ пройти жизнь отдѣльнаго человѣка въ одномъ лишь подготовительномъ развитіи, такъ же не останавливается и жизнь цѣлаго народа. Здоровый, правильный физиологическій ростъ требуетъ дѣла и безъ дѣла не мыслимъ. Поэтому за Россіей сороковыхъ годовъ, только зрѣвшей мыслию, наступило время пятидесятихъ годовъ, время попытки дѣла, попытки слабой, нетвердой, односторонней, но тѣмъ не менѣе попытки начального момента активности. Это моментъ уже не философской рефлексіи, которую переживали люди сороковыхъ годовъ, а рефлекса физиологическаго, выразившагося въ слабомъ импульсѣ движенія.

Что же дѣлала Россія пятидесятихъ годовъ? Печальная правда!

Наступившая практика далеко не соответствовала силѣ предшествовавшаго порыва и высотѣ полета мысли. Какимъ горячимъ чувствомъ горѣли люди сороковыхъ годовъ—и патриотизмъ до фанатизма, и мировая любовь до безумія, и порывъ къ правдѣ и честности! Каждому лучшему человѣку хотѣлось усовершенствовать себя лично до того, чтобы сдѣлаться добродѣтельнѣе праведника, хотѣлось весь міръ вмѣстить въ своемъ сердцѣ и сдѣлать всѣхъ людей безпредѣльно счастливыми. Кажется, съ такой силой можно бы перенести Кавказъ на другое мѣсто, поднять Русь на небо! Но и Кавказъ и Русь остались тамъ же. На первомъ планѣ сталъ, ненавистный г. Писемскому, жоржзандизмъ. Въ пятидесятыхъ годахъ жоржзандизмъ поглотилъ всѣ остальные вопросы и если литература есть зеркало жизни, то мы въ этомъ зеркалѣ не видимъ ничего другого, кромѣ попытокъ практическаго разрѣшенія вопроса о женскомъ счастьи. Худо это или хорошо, спросите у г. Писемскаго; мы же скажемъ, что лучше заниматься жоржзандизмомъ, чѣмъ не заниматься ничѣмъ, ибо Россіи того времени не было другого выбора. Психологія женскаго сердца и вопросъ о любви оттого и разработана у насъ много лучше другихъ вопросовъ, что разрѣшеніе его встрѣчало сравнительно гораздо меньше препятствій. Когда выборъ предметовъ для гласной разработки малъ и общественныя условія не благопріятствуютъ умственной жизни, якоремъ спасенія является всегда женскій вопросъ. Въ этомъ причина, почему въ женскомъ вопросѣ наше общество далеко зрѣлѣе, чѣмъ во всѣхъ остальныхъ. Мы даже въ сороковыхъ годахъ, по поводу супружескаго счастья, могли задаваться вопросомъ: «кто виноватъ?» а развѣ подобная постановка была возможна въ другихъ сферахъ знанія и особенно въ области общественныхъ наукъ?

Теоретическій жоржзандизмъ сороковыхъ годовъ остановился на дѣлѣ Круциферской и Бельтова. Докторъ Круповъ, представитель тогдашняго русскаго реализма и здравомыслія, пришелъ въ ужасъ и негодованіе, когда словами было уже невозможно воротить прошлаго. «Знаете вы или нѣтъ, что вы разрушили счастье семьи, на которую я четыре года ходилъ радоваться, которая мнѣ замѣняла мою собственную семью; вы отравили ее, вы сдѣлали разомъ четырехъ несчастныхъ, говорилъ Круповъ Бельтову.—Васъ приняли какъ родного, васъ отогрѣли тамъ, а вы чѣмъ отблагодарили?.. Мужъ не нынче, завтра повѣсится или утопится, не знаю, въ водѣ или въ винѣ; она будетъ въ чахоткѣ, за это я вамъ отвѣчаю; ребенокъ останется сиротою на чужихъ рукахъ,—и, въ довершеніе, весь

городъ трубить о вашей побѣдѣ... Если бы вы были человѣкъ съ душою, вы остановились бы на первой ступени, вы не дали бы замѣтить своей любви! Зачѣмъ вы не оставили ихъ домъ? Зачѣмъ?» И въ самомъ дѣлѣ—зачѣмъ Бельтовъ познакомился съ Круциферскими, вѣдь не дитя же онъ, чтобы не знать, что чужую жену любить не позволено, что изъ этого ничего хорошаго выйти не можетъ? Зачѣмъ? спросимъ мы съ докторомъ Круповымъ. Но какъ эти вопросы повидимому ни логичны, но здраваго смысла въ нихъ мало. «Вы проще спросите, отвѣчалъ Бельтовъ, зачѣмъ я живу вообще? Дѣйствительно не знаю! можетъ для того, чтобы стубить эту семью, чтобы погубить лучшую женщину, которую я встрѣчалъ. Вамъ все это легко спрашивать и осуждать. Видно, въ васъ сердце-то смолоду билось тихо, а то бы осталось хоть что нибудь въ воспоминаніи...» И правда жизни на сторонѣ обвиняемаго Бельтова, а не на сторонѣ его обвинителя Крупова. Круповъ любить Круциферскую и желаетъ ей всякаго счастья, но развѣ Бельтовъ тоже не любитъ ее и не желаетъ ей счастья, еще можетъ быть и побольше? «Очень часто людей, жившихъ лѣтъ двадцать вмѣстѣ, въ гробъ кладутъ чужими, а иногда они и любятъ другъ друга, да не знаютъ; а братственное сочувствіе въ одинъ мигъ раскрываетъ въ десять разъ больше, справедливо замѣтилъ Бельтовъ.» Круповъ говоритъ, что Круциферская четыре года жила счастливо; но она могла бы прожить такимъ образомъ двадцать лѣтъ, только едва ли Дмитрій Яковлевичъ сдѣлался бы ей отъ этого ближе. И Круповъ, какъ подумалъ, такъ и рѣшилъ, что Дмитрію Яковлевичу не слѣдовало жениться на женщинѣ такой силы. Но вѣдь объ этомъ толковать уже было поздно. Что же дѣлать? Благоразуміе того времени видѣло только одинъ исходъ. «Владиміръ Петровичъ, говорилъ Круповъ Бельтову, докажите, что вы сильный человѣкъ; я вѣрю, что вамъ это трудно, ну, все же принесите жертву, большую жертву... а мы, можетъ, спасемъ эту женщину; Владиміръ Петровичъ, уѣзжайте отсюда!..» Бельтовъ уѣхалъ. Что же вышло? Всѣ стали еще несчастнѣе. Круповъ сдѣлался вдвое угрюмѣе, мать Бельтова почувствовала полную пустоту жизни, Круциферская зачахла, Дмитрій Яковлевичъ спился. А Бельтовъ? Ну конечно и ему было не легко мыкать свое горе по свѣту. Практиченъ ли оказался рецептъ Крупова и точно ли не было иного выхода? «Полянкой Саксъ» Дружининъ поправилъ Крупова.

Полянка совершенно оранжерейный цвѣтокъ, взрощенный на почвѣ идеализма. Она была хороша, какъ ангелъ, весела, какъ

птичка, и наивна, какъ двухлѣтній ребенокъ. Полинъка ни о чемъ не имѣетъ понятія, кромѣ великосвѣтскаго формализма, она ничего не читала и никогда не думала своею головою. Мужъ ея служить чиновникомъ особыхъ порученій у какого-то министра; а она думаетъ, что министерскіе чиновники, запершись по комнатамъ, пишутъ всякую дрянъ по своему выбору, а начальство осматриваетъ написанное ими и награждаетъ того, у кого написано красивѣе. Полинъка въ постоянномъ страхѣ за своего мужа, qui écrit toujours en pattes de mouches, какъ она выражается на неизбѣжномъ тогда французскомъ языкѣ. Полинъка находитъ преуморительнымъ, что ея мужъ раскланивается всегда съ ея горничными и разъ, заставъ, что онъ самъ доставалъ себѣ платье, потому что лакей его ушелъ обѣдать, она пожурила его. Еще страннѣе ей кажется, что мужъ не цѣлуетъ никогда ея руки, никогда не становится передъ нею на колѣни и является къ ней всегда или во фракѣ или въ сюртукѣ. Разъ Саксъ далъ Полинъкѣ Жоржъ Занда и объяснилъ ей, что Жоржъ Зандъ не мужчина, а женщина. «Ахъ, mon ange, писала Полинъка къ своей пріятельницѣ, если это точно женщина, такъ прелезастыдная и прескучная (г. Писемскій разсуждаетъ совершенно такъ же). Въ одномъ ея романѣ мужчина пробирается въ спальню молодой дѣвушки и стоитъ всю ночь у ея постели!» Конечно Ж. Зандъ показался скученъ Полинъкѣ и она его бросила. Когда князь Галицкій, упавъ въ порывѣ страсти къ ея ногамъ, сталъ цѣловать ея маленькія ножки и судорожныя рыданія рвали его грудь, Полинъка начала его ласкать и успокаивать и просила не любить ее больше, потому что она вовсе не хорошенькая, что она мала ростомъ, что у нея худенькія руки, что она сама тоненькая и что она совсѣмъ не понимаетъ, чѣмъ могла понравиться. Всѣ свои наивности и странности Полинъка вынесла изъ пансіона. Дома ее обожали, смотрѣли на нее, какъ на очаровательную игрушку, какъ на бабочку, къ которой страшно прикоснуться, чтобъ не испортить блестящихъ ея крыльевъ. Въ свѣтѣ носили ее на рукахъ; старики и молодежь толпами ходила за ней, чтобъ наговорить ей всякой драни и услышать отъ нея какуюнибудь дѣтскую выходку. Это тройное баловство хотя и не испортило ея характера, не дало ей капризовъ, но сдѣлало еще хуже—оно рѣшительно остановило развитіе ея нравственныхъ способностей, такъ что, несмотря на свои девятнадцать лѣтъ, Полинъка была не больше, какъ самый милый, умный, очаровательный двѣнадцатилѣтній ребенокъ.

Вотъ та великолѣнная игрушка, въ которую превратилъ женщину русскій идеализмъ, испортившій цѣлый рядъ женскихъ поколѣній. Дѣвушка росла въ праздной нѣтѣ, не приучаясь думать, не приучаясь трудиться, не приучаясь понимать не только окружающую ее жизнь, но и свои собственныя человѣческія и гражданскія обязанности и интересы. Такія искалѣченныя существа представляли превосходный матеріалъ для построения великосвѣтскихъ романовъ, но для жизни—никуда не годились и рѣшительно не поддавались реальному, понятному опредѣленію. Поэтому-то и было въ такомъ ходу называть идеальныхъ дѣвицъ—ангелами. Кто же видѣлъ ангела! Творческой фантазіи представлялось обширное поле и каждый читатель рисовалъ въ своемъ воображеніи, что ему хотѣлось. Пора печальная,—печальная тѣмъ болѣе, что *мысли* пустились слишвомъ крѣпкіе корни въ русскую почву и до сихъ поръ придаютъ характеръ отсталости русской, по преимуществу провинціальной, семейной жизни. Саксъ имѣлъ полное право сердиться на родителей Полинки. «Чтобъ ихъ нелегкая побрала!» писалъ онъ Залѣшину. И еще родители не такъ виноваты, какъ общество, которое требованіями своими заставило обращать женщинъ въ ребятшекъ... И съ какой гордостью старикъ отецъ отпустилъ Саксу, въ день свадьбы, эту стереотипную фразу: «берегите мою Полинку,—она такое дитя!» Но на новое поколѣніе передовыхъ людей подобныя фразы производили уже не то впечатлѣніе, какого думали они достигать. Саксъ озлился и нашелъ, что отецъ говоритъ чепуху и что названіе дитяти вовсе не почетный титулъ для женщины.

Когда явилось уже сознаніе подобнаго рода, то неизбеженъ и актъ самовоспитанія. Одни должны научить другихъ.. Русскій мужчина взялся перевоспитать русскую женщину. Круциферской открылъ глаза на міръ божій Бельтовъ; множество вещей простыхъ, обыденныхъ, на которыя она прежде не смотрѣла, заставляли ее теперь думать, она измѣнилась, возмужала. Полинку—перевоспиталъ ея мужъ. «Я далъ клятву воспитать Полинку по своему, писалъ Саксъ Залѣшину, хотя бы для этого потребовалось разсориться въ конецъ съ обществомъ. Я поклялся развить ея способности вполне, сообщать ея мыслямъ независимость и настоящій взглядъ на общество и вывести ее такимъ образомъ изъ ряда хорошенькихъ, но пустыхъ женщинъ. Я поклялся укрѣпить ея душевныя силы, направить ихъ ко всему доброму и разогнать облаво сантиментальной, бессмысленной невинности, которое давитъ бѣднаго моего ребенка...»

Въ какомъ же направленіи могло совершиться перевоспитаніе? У каждаго времени есть своя правда, которую оно преслѣдуетъ; для пятидесятихъ годовъ являлась правдой практика жоржзандизма, конечно не въ томъ видѣ, какъ повимають ее гг. Писемскій и Вихровъ. Жоржзандизмъ шелъ протестомъ противъ всякаго превращенія женщины въ ангела, дитяго, игрушку; противъ всего, что не дѣлало изъ женщины просто женщину—мать, жену. Но такую задачу могли брать на себя люди уже вполне готовые и честные, ибо сущность возникавшихъ при этомъ отношеній была вовсе не нормальная.

Въ самомъ дѣлѣ, что такое супружество, если мѣжъ, вполне зрѣлый человѣкъ, превращается въ воспитателя и учителя своей малолѣтней жены? Мужья искони присвоили себѣ право перевоспитывать своихъ женъ. Множество мужей и до сихъ поръ мечтають вылѣпливать изъ своихъ женъ такія фигурки, какія имъ нужны, и дѣйствуютъ они такъ на основаніи того татарскаго преданія, что чѣмъ жена моложе, тѣмъ она больше похожа на воскъ и удобнѣе для лѣпки. Тутъ мужъ становится прямо въ отношенія старшаго къ младшему, воспитателя къ воспитанницѣ, бракъ дѣлается уродствомъ, ибо женщина, какъ Индіана, мѣняетъ лишь тюрьму. переходя изъ тюрьмы родительской въ тюрьму супружескую. Поэтому даже перевоспитательный замыселъ идеальнаго Сакса можно оправдывать лишь общественнымъ злополучіемъ того порядка вещей, который дѣлалъ неустранимо-неизбѣжнымъ подобное поведение. Но развѣ это бракъ, даже и у идеальнаго Сакса? Но съ другой стороны, только благодаря идеальнымъ Саксамъ преобразовалась русская семья изъ стараго, домостроевскаго на новый европейскій ладъ. Эпоха пятидесятихъ годовъ есть именно эпоха этой перестройки.

Полинкѣ кажется страннымъ, что ея мужъ кланяется горничнымъ—у г. Писемскаго Вихровъ, въ тотъ же періодъ, даетъ горничнымъ цѣловать свое плечо и кому же?—Грушѣ,—самъ достаетъ себѣ платье изъ шкафа, не стоитъ передъ Полинкой на колѣняхъ, не является къ ней въ халатѣ, нечесаный, съ заспанными глазами. Двадцать лѣтъ назадъ все это казалось чудовищно изумительнымъ и требовалось быть очень сильнымъ передовикомъ, чтобы не спать съ женой на одной кровати; въ этомъ видѣли даже зловѣщее предзнаменованіе. Всѣ эти, повидимому, ничтожныя мелочи являлись въ свое время признакомъ вольнодумства и опаснаго нигилизма и въ то же время виѣшнимъ признакомъ новыхъ людей

съ прогрессивно-практическимъ закаломъ. Вся жизнь общества точно ушла въ эту точку. Улучшеніе отношеній между женщиной и женщиной составляло предметъ наиболѣе изысканнаго и умнаго кадрилиаго разговора и наиболѣе оживленной и современной салонной бесѣды. Внѣшней благоприличностью супружескихъ отношеній опредѣлялась прогрессивная порядочность человѣка, степень его передовитости. Были даже мужья, которые говорили своимъ женамъ *вы*, и въ физиологическихъ отношеніяхъ усматривали нехорошую, но къ сожалѣнію неустранимую матеріалистическую сущность супружества. Опять идеализмъ, но только на новой почвѣ, какъ реакція противъ старой грязи отношеній. Вѣдь и до педантизма доведенная внѣшняя порядочность Сакса, при которой ему казалось неприличнымъ явиться къ женѣ въ лѣтнемъ пальто, было тоже крайностію реакціи противъ прежнихъ халатныхъ отношеній. Это была своеобразная форма протеста, которую Полинъка, несмотря на свое воспитаніе на пансіонскомъ французскомъ языкѣ, понять не могла, ибо дома она привыкла видѣть въ отношеніяхъ своего папеньки къ маменькѣ старинную русскую супружескую санфасонность. Вся эта новизна отношеній называлась жоржзандизмомъ и приписывалась старыми людьми эхидному вліянію романовъ Жоржъ Занда. Такова уже сила привычки, что нечесанность считается лучше чесанности, невѣжливость лучше вѣжливости, грубость лучше мягкости и вѣрностныя отношенія лучше свободныхъ.

Но жоржзандизмъ въ своей чистой формѣ не дѣйствовалъ уже тогда непосредственно изъ своего источника. Русскій умъ, получивъ толчекъ, по закону инерціи сталъ думать въ данномъ направленіи самостоятельно. Въ этомъ и причина практическихъ попытокъ и начала перестройки супружескихъ отношеній. Люди либеральничаютъ и болтаютъ только до тѣхъ поръ, пока они зрѣютъ мыслию и пока они не превратили ее въ кровь и плоть. Но когда мозгъ окрѣпъ въ пониманіи новаго до того, что ужъ и не можетъ мыслить иначе, тогда наступаетъ и соответственная практика. Это физиологическій законъ рефлекса. Саксъ вводитъ внѣшнюю чистоту отношеній потому, что онъ ужъ и любитъ иначе; а Полинъка, думающая по старому, по родительскому, находитъ его за это холоднымъ и плачетъ. Было время, когда женщины плакали, если мужья ихъ не били. Вотъ что писала Полинъка своей подругѣ Annette Кросинской: «А что за холодный человѣкъ этотъ Коста! Разъ онъ довелъ меня до слезъ. Я какъ-то недовко тронула его пальцемъ, онъ вздрогнулъ весь. — «А! ты ревнивый!» сказала я шутя. — Да и какой еще

ревнивый! отвѣчалъ Костя.— «Скажи же мнѣ, что бы ты сдѣлалъ, еслибъ я тебѣ измѣнила?»—Э! кто нынче измѣняетъ! — «Ну, если бы?..»—Какъ бы измѣнила! изъ прихоти? — «Изъ прихоти! Развѣ нельзя представить, что я влюбилась бы въ кого нибудь изъ твоихъ пріятелей?»— Очень бы влюбилась?..— «Да, на всю жизнь, на вѣкъ, безъ ума и безъ памяти.»— Глаза его сверкнули такъ страшно, что я было струсила.— На что же мнѣ жена безъ ума и безъ памяти? Я бы поцѣловалъ тебя и уѣхалъ куда нибудь подальше.— «Ну, а ему-то чтоже?»— Онъ-то чѣмъ виноватъ?— Я заплакала, какъ ребенокъ: такая холодность хотъ кого взбѣсить!..» Наивной Полинкѣ хотѣлось непременно, чтобы произошла дуэль; прежнее общество не могло никакъ представить себѣ супружескую измѣну, т. е. перемѣну чувства, безъ кровавой развязки. Въ самомъ дѣлѣ, какая же это любовь, если не бьютъ оконъ, не подшибаютъ другъ другу глазъ и не производятъ какой либо кутерьмы! Но чудакъ Саксъ, когда Полинка полюбила Галицкаго, нашель, что и она права и онъ правъ. Такое непостижимое поведеніе было совершенно равносильно безумію; отсталое общество не могло ничего сообразить и понять. Какъ же это могутъ быть всѣ правы?! Ясно, что всѣ эти вольнодумствующие Саксы — злоредные модники, потому что начитались французскихъ книжекъ. По мнѣнію г. Писемскаго, высказанному имъ даже въ 1869 году, Жоржъ Зандъ не больше какъ глупая баба, наслушавшаяся разныхъ либеральныхъ мыслей, понабравшаяся кое-чего съ вѣтру, но ничего непонявшая, непереварившая и поспѣшившая легкомысленно разнести всѣ эти новости по бѣду свѣту. А вѣдь г. Писемскій человекъ передовой, мыслящій, поучающій русское человѣчество! Какъ же должны были смотрѣть на Саксовъ старые люди 1849 года? Къ сожалѣнію, г. Писемскій только готовился тогда къ литературному поприщу и поэтому Саксъ оставался въ полномъ невѣденіи относительно вѣрнаго пониманія либеральной болтовни Жоржъ Занда. По истинѣ злополучный рокъ! Нужно же, чтобы г. Писемскій установилъ правильную точку зрѣнія на жоржзандизмъ, когда изъ Сакса и Полинки давно повыросъ лопухъ. Ну почему бы не явиться «Зарѣ» въ 1849 году? Можетъ быть, и вся исторія русскаго общества получила бы тогда другой характеръ. Богъ вамъ судья, г. Писемскій — не хотѣли вы насъ спасти во время! Теперь же говорить поздно.

Итакъ, благодаря запоздалому появленію г. Писемскаго, жоржзандизмъ на русской почвѣ климатизуется. Новыя мысли, новые воп-

росы, новыя отношенія начинаютъ вырабатываться нами, даже помимо романовъ Жоржъ Занда, собственными нашими салонными бесѣдами, устной пропагандой, проникающей во всякую голову, нелишнюю еще здраваго смысла. Саксъ идетъ даже дальше: «меня уговариваетъ болѣе ѣсть, писала Полинъка къ Annette, наливаетъ полную рюмку вина и говоритъ, что обѣдъ его повкуснѣе мѣлу и угольевъ... все это опять на нашъ счетъ, душа моя. Сказать ли тебѣ, Annette?.. да ты меня выбранишь... Когда онъ бываетъ особенно веселъ, онъ приказываетъ вечеромъ подать маленькую бутылочку шампанскаго и мы съ нимъ пьемъ, шоп аnge, пока всю бутылку выпьемъ!..» Такой реализмъ даже возмутителенъ. Ну какъ заставлять ангела не только ѣсть здоровую, питательную пищу, но еще и пить вино! Вольнодумство Сакса достигаетъ наконецъ того, что онъ заботится о положеніи крестьянъ, взятыхъ въ приданое за Полинъкой и какъ видно не особенно благоденствовавшихъ у прещяго своего барина. «Въ имѣннн, которое дали за мною,—говорится въ томъ же письмѣ Полинъки къ Annette,—сдѣлалъ онъ такія перемѣны, что получать съ него мы будемъ вдвое меньше, чѣмъ оно прежде приносило. Папа ужъ добръ, а за это разсердился. «Безъ нужды уменьшать оброкъ»—говоритъ онъ мужу—«значитъ давать вредный примѣръ сосѣднимъ мужикамъ, уничтожать весь страхъ и повиновеніе.» А что же Саксъ? Онъ только смѣется и дѣлаетъ все по своему.

Все это черты времени, а не фантазія романиста. Что въ разсказѣ Дружинина дѣйствуютъ живые люди, а не сочиненные герои, какъ въ «Обрывѣ» или въ послѣднихъ романахъ гг. Писемскаго и Тургенева, видно изъ того, какъ была принята «Полинъка Саксъ.» Все свѣжее и молодое жадно накинулось читать повѣсть, каждый нашель въ ней что нибудь свое, каждый чувствовалъ себя способнымъ поступать такъ же. Конечно нашлись голоса и противъ; находили, что «Полинъка Саксъ» сколокъ съ «Жака». Но для насъ это неважно; намъ важенъ тотъ фактъ, что «Полинъка Саксъ» была принята большинствомъ сочувственно, а изъ этого мы заключаемъ, что общество узнало себя, чего бы никакъ не могло случиться, если бы въ обществѣ не было матеріаловъ для подобнаго идеала.

Главный подвигъ Сакса, составляющій основную мысль разсказа, есть его разводъ съ женой. Полинъка, какъ всѣ дѣвушки того времени, имѣла насчетъ брака самыя смутныя понятія. Замужъ выходили потому, что такъ принято, потому, что этимъ приобретается положеніе въ свѣтѣ, потому, наконецъ, что нельзя же быть вѣчно

въ тягость родителямъ, ну и т. д. По выходѣ изъ пансіона Полинъка влюбилась въ ловкаго и красиваго гусара князя Галицкаго; но когда Галицкій уѣхалъ на короткій срокъ на граничныя воды, въ это время какъ-то подвернулся Саксъ и Полинъка вышла за него. Галицкій возвратился, захотѣлъ возобновить старое знакомство и дѣло кончилось паденіемъ ангела. Вотъ тутъ-то и наступаетъ моментъ торжества новыхъ идей. По старому міровоззрѣнію Саксу слѣдовало вызвать Галицкаго на дуэль, но Саксъ нашель, что это глупо и прибѣгнулъ къ средству менѣе замысловатому. «Другъ мой, писалъ Саксъ Залѣшину, моя жена не нуждается въ оправданіи, скажу тебѣ болѣе: и Галицкій правъ... Если бы у меня и была рѣшимость мстить—у меня нѣтъ средствъ для мщенія. Что мнѣ дѣлать съ этимъ ребенкомъ, который самъ не понимаетъ, что онъ настряпалъ! Не армянинъ же я, чтобы похаживать съ кинжаломъ около «злудѣя» и «измѣнницы»; я не обладаю тѣмъ искусствомъ, съ которымъ иной важный господинъ умѣетъ терзать каждую минуту несчастную свою жену, заставляя ее платить годами мученій за часъ заблужденія, да еще заблужденія ли?..» Саксъ выхлопоталъ разводъ и Полинъка вышла за Галицкаго.

Разсказъ Дружинина обрисовываетъ цѣлый рядъ нелѣпыхъ общественныхъ положеній того времени. Никто не виноватъ и всѣ страдаютъ. Полинъкѣ бѣдной досталось больше всѣхъ, что ее воспитали ангеломъ. Въ качествѣ ангела она болтала всякія наивности; въ качествѣ ангела она влюбилась въ ловкихъ и красивыхъ бальныхъ кавалеровъ, въ качествѣ ангела она влюбилась въ Галицкаго; въ качествѣ ангела, наконецъ, она вышла замужъ за Сакса, и тутъ только впервые увидѣла, что не умѣетъ ходить по землѣ. Урокъ жизни Полинъка купила дорогою цѣною: — зачахла и переселялась въ тотъ міръ, для котораго ее воспитывали. А между тѣмъ Полинъка была натура хорошая, честная, любящая и Саксъ, выдавшій людей, находилъ въ ней всѣ признаки характера. Можетъ быть, оттого-то она и зачахла. Люди менѣе сильные находятъ примиреніе въ уступкѣ и забытости или въ обманѣ. Саксъ конечно поступилъ глупо, женившись на Полинъкѣ, прежде чѣмъ она сформировалась. Онъ хотѣлъ идти противъ общества въ воспитаніи Полинъки; но общество оказалось сильнѣе, женивъ его на ребенкѣ. А блистательный князь Галицкій? И онъ жертва того же общественного недомыслія. Повсюду путаница отношеній, какой-то омутъ, въ которомъ всякій на чужомъ мѣстѣ и всѣмъ скверно.

Саксъ разрубилъ круто гордіевъ узелъ; но вѣдь этотъ исходъ, простой въ романѣ, вовсе не былъ такъ легокъ на практикѣ и люди практическіе способомъ Сакса конечно не удовлетворялись. Но мы напомнимъ практикамъ еще разъ слова Гейне—«вы, гордые люди дѣла, ничто иное, какъ бессознательныя руки людей мысли...» Способъ Сакса не универсальное лекарство противъ всякихъ супружескихъ положеній и внутренней смыслъ его лишь въ томъ, что люди уже не ограничиваются однимъ бесплоднымъ вопросомъ: «кто виноватъ?» а въ томъ, что они уже прямо говорятъ: «виноватыхъ нѣтъ», и каждый хочетъ искать выхода по своему. «Безумный плачетъ лишь отъ бѣдства, а умный ищетъ средства, какъ дѣломъ горю пособить»—вотъ девизъ людей сороковыхъ годовъ во второй моментъ ихъ развитія.

Х.

Въ отношеніяхъ русскаго мужчины къ русской женщинѣ въ періодъ, о которомъ мы говоримъ, есть своеобразность, рѣшительно незамѣчаемая у Жоржъ Занда. У Жоржъ Занда мужчины къ женщинамъ стоятъ въ отношеніяхъ равенства. Можетъ случиться, что графъ влюбится въ уличную пѣвицу или княгиня въ сына крестьянина; но это только социальное различіе, а не нравственное. Въ концѣ концовъ оказывается всегда, что уличная пѣвица образована, какъ королева, и сынъ мужика кончилъ курсъ въ Сорбоннѣ или въ какой нибудь коллегіи, что онъ знаменитый адвокатъ или что нибудь вообще выдающееся изъ ряда. Влюбленные герои и героини Жоржъ Занда всегда равны нравственно, иначе и любовь между ними была бы невозможна. Единственное исключеніе составляетъ, какъ кажется, Мопра-живодеръ, въ судьбѣ котораго женщина играетъ роль цивилизующей силы.

Въ русской жизни замѣчается явленіе обратное. Всѣ наши романисты, рисующіе эпоху «сороковыхъ» и «пятидесятыхъ» годовъ—Дружининъ, Авдѣевъ, Тургеневъ, Гончаровъ, Писемскій—постоянно дѣлаютъ своихъ героевъ развивателями; мужчины въ умственномъ отношеніи стоятъ всегда неизмѣримо выше женщинъ, они являются всегда наставниками и учителями, нравственнаго равенства не существуетъ. Вихровъ съ перваго же знакомства съ Клеопатрой Петровной принялся не только развивать ее «Илиадою», но учить

даже грамматикѣ, географіи и исторіи; покончивъ съ Клеопатрой, Вихровъ, подобно Райскому, принялся за Мари. Взглянувъ на генерала, Вихровъ сейчасъ же понялъ, что съ такимъ господиномъ нравственное общеніе невозможно, и слѣдовательно невозможно и супружеское счастье. Сообразивъ это, Вихровъ, какъ змій-искуситель, началъ пытать Мари вопросами: «неужели вы никогда и никого не любили кромѣ вашего мужа? спросилъ онъ». — Никого, отвѣчала Мари. — «Не вѣрю! чтобы вы съ вашимъ умомъ, съ вашимъ образованіемъ, никого не любили, кромѣ Евгенія Петровича, который, можетъ быть, и прекрасный и добрый человѣкъ... Вихровъ не договорилъ». — Никого не любила, перебила его Мари. — «И впредь не полюбите?» — Постараюсь. — «И все это для исполненія священной обязанности матери и супруги? спросилъ Вихровъ...» Вихровъ здѣсь дѣйствовалъ въ личныхъ видахъ и потому онъ повелъ атаку противъ нравственныхъ качествъ мужа Мари, маня ее счастьемъ ей еще невѣдомымъ. Это приѣмъ Райскаго. Саксъ въ тѣхъ же личныхъ видахъ началъ воспитаніе Полинки съ эстетическаго развитія—съ музыки и живописи. Для вопросовъ сердца Полинка была еще молода и Жоржъ Зандъ оказывался ей не подъ силу.

И повсюду и всегда наши женщины 40-хъ и 50-хъ годовъ оказывались недоучеными дѣвушками, наивными, невинными, пріятными, красивыми, плѣнительными, влекущими и только. Мужчина признаетъ въ женщинѣ чувство и силу, но силу еще непробудившуюся и несознающую себя. Иначе и не могло быть. Г. Писемскій сообщаетъ, что въ пансіонѣ, гдѣ училась Клеопатра Петровна, занимались больше живыми картинами и обожаніемъ учителей. Дружининъ говоритъ, что Полинка воспиталась, какъ оранжерейный цвѣтокъ, въ полномъ невѣденіи того, что дѣлается въ мірѣ. Мари, благодаря богатству княгини Вѣшневой, воспитывалась хотя изысканно, но учителями ея были Шевыревъ и, безъ сомнѣнія, г. Погодинъ.

Мужчины развивались при иныхъ условіяхъ. Къ ихъ услугамъ были пять университетовъ, не считая другихъ высшихъ заведеній. Какъ бы ни были плохи университеты того времени, но они давали неизмѣримо больше того, чему могли научить женскіе пансіоны, институты и домашнее воспитаніе маменекъ, которыя, несмотря на это, считали себя умнѣ всѣхъ русскихъ университетовъ. Когда Полинка выходила замужъ, мать ей сказала: „помни, Поля, что умная женщина можетъ все сдѣлать изъ своего мужа“. Несмотря на такую обольстительную перспективу, у Полинки и у всякой

женщины того времени было слишкомъ мало силы для воспитательнаго вліянія и не женщина повела мужчину, а напротивъ мужчина указалъ женщинѣ здоровый, женскій идеаль, ибо владѣлъ далеко большимъ запасомъ средствъ и способовъ для умственнаго развитія. У мужчины явились и привычка читать, и читать было что; такъ что въ мало-мальски мыслящей головѣ могли возникать и возникали разныя полезныя параллели. Этимъ порядкомъ общественнаго и домашняго воспитанія опредѣлились и установились тѣ воспитательныя отношенія, на которыя указываютъ всѣ безъ исключенія романисты того времени. Герой романа всегда — бывший студентъ университета, и иногда и Московскаго; героиня же — нѣчто неясное, смутное, паробразное, неопредѣлившееся, отличающееся полнѣйшей умственной невинностью. Совершенно ясно, какія могутъ возникнуть на первыхъ порахъ отношенія между героемъ и героиней. Каждый герой долженъ сдѣлаться развивателемъ, долженъ открыть женщинѣ міръ, котораго она не знаетъ. Иногда открытіе новаго міра требуетъ необычайныхъ усилій.

Такъ, Райскій трудился надъ Бѣловодовой всю первую часть «Обрыва,» почти въ 10 печатныхъ листовъ, и все-таки ни до чего не добился. Въ этомъ фактѣ нѣтъ ничего смѣшнаго; напротивъ, онъ очень печаленъ, ибо показываетъ до какой закамѣнѣлости была доведена женщина. Саксъ бился тоже года полтора и даже впалъ въ отчаяніе отъ безуспѣшности своего труда.

Любопытно, что развивателями являлись не молодые люди, полные страсти, свѣжихъ силъ, идущіе очертя голову въ неизвѣстное имъ будущее, а, напротивъ, люди помятые жизнью — Рудинъ, Саксъ, Соконнинъ, Лаврецкій. Для нихъ развитіе служило процессомъ, обновляющимъ ихъ собственную жизнь, точно, протрадавъ въ сороковыхъ годахъ въ безплодномъ разрѣшеніи вопросовъ, они въ пятидесятыхъ нашли то, чего не могли найти ранѣе. «Какъ поживешь и увидишь много гаденькаго и надломленнаго, говорилъ Соконнинъ Наташѣ, то является потребность освѣжиться вліяніемъ молодой и ясной жизни... и невольно хочется уберечь ее отъ всякаго сору...» Но это была опасная игра.

Наташа была дѣвушкой, которую сама мать называла диваркой и ребенкомъ. Конечно Наташа не была таковой чистокровной наивностью, какъ Полинъка, но сущность положенія оттого нисколько не мѣняется. Наташа изображала изъ себя тоже нѣчто очень неясное и неопредѣленное, нѣчто очень молодое, задержанное въ своемъ развитіи. Чувство, которое шевелилось въ ней, г. Авдѣевъ срав-

ниваетъ съ «теплотою молодой начинающейся жизни; съ теплотою, которая заставляетъ на зарѣ стыдливо раскрываться почку цвѣтка и ждате освѣжающей росы полуоткрытыми розовыми губами!»

Съ перваго же раза Наташа почувствовала надъ собою нравственное превосходство Соковлина, она была не рада, что пошла съ нимъ гулять и даже хотѣла выдумать предлогъ, чтобы уйти отъ него. Но эта натянутость продолжалась недолго. „Скоро это былъ— не холостой гость съ молоденькою дѣвицею—хозяйкою, но ученица съ любимымъ учителемъ. Соковлинъ чувствовалъ это и ему стало-было совѣстно играть роль педанта и пользоваться своимъ умственнымъ превосходствомъ; но Наташа съ такимъ жаднымъ любопытствомъ его слушала, такъ застѣнчиво сознавалась въ своемъ невѣжествѣ, такъ пылливо хотѣла вникнуть въ его мысли, высмотрѣть его взгляды, что Соковлинъ невольно, чтобы только ей угодить, началъ высказывать нѣкоторыя общія, но новыя для нея мысли. Слова Соковлина были для Наташи, какъ первое мерцаніе утренняго свѣта, сквозь который начинаютъ проступать и обрисовываться вещи въ ихъ настоящемъ видѣ. До этой поры ея прямая и чистая душа замѣчала только странныя противорѣчія между законными требованіями правды и отвѣтами, которые давала на нихъ жизнь окружающей ее среды. Она услышала первыя, простыя искреннія слова человѣка, здраво и ясно смотрящаго на вещи, прямо ставящаго вопросы и дающаго на нихъ положительные отвѣты. Ихъ разговоръ или, лучше сказать, рѣчь Соковлина переходила отъ предмета къ предмету, касалась вскользь того и другого,—но все, до чего касалась она, какъ будто задѣтое солнечнымъ лучемъ, выступало ясно и рельефно и поражало своей ясностью и простотой дѣвушку, учившуюся у плохихъ учителей, взросшую въ пустой и мелкой средѣ.

Что за общія черты! Романисты, выводившіе людей 50-хъ годовъ, точно сговорились. У всѣхъ одно и то же. У всѣхъ вы видите молодую, честную, неразвитую силу, напрашивающуюся на жизнь, и рядомъ стоящаго въ раздумьи человѣка сороковыхъ годовъ, задающагося вопросомъ, подобно Лаврецкому: «вотъ новое существо, вступающее въ жизнь — дѣвушка славная, что-то изъ нея выйдет?» Потомъ этотъ человѣкъ начинаетъ проникаться «вѣяніемъ молодой, ясной жизни,» хочетъ спасти эту ясную жизнь отъ грязи; одушевляется, принимается говорить и говорить хорошо, искренно, горячо. Дѣвушка, выросшая въ лонѣ природы или въ четырехъ стѣнахъ института, слушаетъ внимательно новыя для нея рѣчи,

проникается новымъ, невѣдомымъ еще ей чувствомъ къ наставнику и за тѣмъ—обоюдная любовь, но только съ разной развязкой. Если и замѣчается какая нибудь разница въ дѣйствующихъ лицахъ, то только разница темпераментовъ. Такъ, нынѣ пропагандируютъ съ спокойнымъ достоинствомъ, какъ Соковлинъ; другіе съ отѣнками отческаго покровительственнаго чувства, какъ Саксъ; третьи съ искренно-захватывающей, но неясной расплывчивостію Рудина; четвертые съ простой, безвычурной задушевностію Лаврецкаго; наконецъ, пятые съ безтолковой, фразистой суетливостію Райскаго. Но въ сущности всѣ отдаются однородной пропагандѣ, всѣ стремятся къ тому, чтобы открыть духовныя очи женщинѣ, ввести ее въ новый, неизвѣстный ей міръ, превратить ее изъ наивнаго ребенка въ зрѣлую, мыслящую и чувствующую женщину. Даже Паншины увлечены общимъ теченіемъ и пропагандируютъ, но конечно по своему. Пропаганда въ смыслѣ женскаго вопроса составляетъ такую же болѣзнь Россіи пятидесятихъ годовъ, какъ рефлексія — Россіи сороковыхъ годовъ.

Но нужно отдать справедливость теоретической зрѣлости проповѣдниковъ. Они иногда хорошо понимали то неловкое положеніе, въ которое ихъ ставило увлеченіе. «Я старикъ предъ вами,—говорилъ Соковлинъ Наташѣ,—я со всѣми добродѣтелями, которыми вы меня надѣяете, не стою кончика вашей руки! Чѣмъ я заплачу за вашу довѣрчивую любовь?.. Вѣдь вы молоды... вы, можетъ быть, полюбили меня потому, что не видѣли лучшихъ, потому что вамъ хочется любить; вы, можетъ быть, любовь свою любите, а не меня; я только кстати подвернулся тутъ. Вы искренны, я въ этомъ не сомнѣваюсь; но вы можете и сами не подозревать этого, я я знаю это все и долженъ былъ думать и за себя и за васъ. Подумайте, подумайте серьезно! Вѣдь я буду старикомъ, прежде нежели вы будете вполнѣ женщиной... вѣдь я изломанъ, вѣдь многое, во что вы еще вѣрите, какъ въ святыню, давно уже обмануло меня...» Всю эту красивую рѣчь Соковлинъ держалъ вовсе не для того, чтобы Наташа согласилась съ нимъ и отказала бы ему въ своей рукѣ. Откажи Наташа и Соковлинъ сталъ бы, можетъ быть, доказывать противное. У Соковлина былъ другой замыселъ; въ немъ, какъ и въ Саксѣ, Рудинѣ, Лаврецкомъ, во всѣхъ тѣхъ, кто предмету своей страсти могъ приподнести помятое сердце, сидѣлъ червячекъ боязни, недававшій имъ покоя. «Во мнѣ есть убѣжденіе,—договорился наконецъ Соковлинъ,—твердое, неизмѣнное, что чувства не зависятъ отъ насъ. Я вѣрю, что они могутъ не измѣ-

няться, но могутъ и измѣняться—все дѣло случая и обстоятельствъ, какъ болѣзнь. Дайте мнѣ слово, что если когданибудь... хоть завтра... хоть на другой день свадьбы... если эти чувства измѣнятся... если вы увидите, что ошиблись въ нихъ или во мнѣ, что я не стою ихъ, или другой лучшій заставитъ ихъ измѣниться... тогда — тогда вы мнѣ прямо, какъ другу, какъ брату, скажите объ этомъ, чтобы я могъ остаться для васъ только другомъ и братомъ...» Наташа дала слово. Эту простую, справедливую мысль Соковлинъ высказалъ только послѣ длиннаго приступа и высказывалъ ее съ замираніемъ сердца, съ перерывами, боясь оскорбить Наташу. «Ради Бога, не оскорбляйтесь, не считите этого недоверіемъ къ вашимъ чувствамъ; клянусь, я вѣрю въ вашу чистоту и искренность; но это для меня дѣло совѣсти...» оправдывался Соковлинъ. Почему же требовалась чуть не очистительная присяга, чтобы говорить объ измѣняемости чувствъ? Новый герой не сталъ бы тратить такъ много краснорѣчія, по поводу такой вовсе не важной мысли, и если Маркъ вступалъ въ нѣсколько пространный разговоръ на ту же тѣму, то только потому, что его вынуждала Вѣра. Дѣло въ томъ, что Соковлинъ герой пятидесятыхъ годовъ. До вопроса объ измѣняемости чувствъ люди сороковыхъ годовъ додумались труднымъ процессомъ, а вводить его, какъ вѣроятную случайность брака послѣ того, что и въ романахъ и въ жизни всѣ влюбляющіеся, жениющіеся и т. д. давали всегда клятву любить вѣчно—было почти тоже самое, что проповѣдывать ложь, воровство, грабежъ и убійство. Еще труднѣе была практика того же вопроса. Саксъ былъ передовикъ и человѣкъ съ характеромъ; но когда милый ребенокъ настраивалъ самъ не понимая что, герой романа чуть не сошелъ съ ума. «Развѣ въ моемъ положеніи идея о справедливости доступна для меня, развѣ она можетъ получить практическое примѣненіе?—писалъ Саксъ Зальшину.—Я знаю безъ тебя и она права, и онъ правъ и я буду правъ, если жестоко отомщу имъ обоимъ. Раненый солдатъ съ бѣшенствомъ лѣзетъ на непріятельскую колонну: развѣ онъ думаетъ о томъ, что можетъ убить не того человѣка, который его ранилъ? что даже и ранившій его невиноватъ передъ нимъ? Я въ отчаяніи, я хочу мстить, и придетъ ли мнѣ въ голову думать о результатѣ моего отчаянія?..» И это положеніе героя въ романѣ было совершенно вѣрно жизни. Додуматься до теоретической возможности своего собственного подобнаго положенія давалось не всякому, а чтобы оказаться послѣдовательными на дѣлѣ—требовалось во времена Сакса быть

героизмъ. Но Саксъ съ собою справился; результатъ его внутренней борьбы читателю извѣстенъ. Конечно дѣло не обошлось безъ театральности; то было время героевъ и потому самыя простыя вещи дѣлались съ трескомъ и картонностию. Простоту надо выработать тоже зрѣлою мыслию и опытомъ, до нея надо дожить и потому мы не поставимъ въ упрекъ людямъ сороковыхъ годовъ, что они еще не умѣли дѣлать просто простыхъ вещей. Простота явилась признакомъ лишь людей шестидесятыхъ годовъ.

Въ отношеніяхъ Соковлина къ Наташѣ мы находимъ уже больше простоты и почти полное отсутствіе рисовки и театральности. Видно, что общество уже думало больше и было готово идти дальше Сакса. «Наташа, ты не откровенна со мною, другъ мой,—сказалъ Соковлинъ, уже догадавшійся о ея любви къ Комлеву,—развѣ я не заслуживаю твоей довѣренности?.. Я знаю есть вещи, про которыя тяжело говорить. Но молчаніе тяжелѣе и хуже... И ты давно любишь его?—Не знаю, чуть слышно проговорила Наташа. — И очень? снова спросилъ Соковлинъ,... и ему стало совѣстно своего вопроса... Ты ни въ чемъ не виновата... Мы не свободны въ чувствахъ. Ты знаешь, я этого боялся сначала, но потомъ отдался теченію беззаботно... и слава Богу! мы долго были счастливы... что же дѣлать, если случилось!.. я подозрѣвалъ, что *начиналось* — но ничего не дѣлалъ, чтобы остановить, да и не остановишь... Нельзя останавливать жизнь...» Ужъ это какая-то тихая жалоба на неизбѣжность и несокрушимость рока, съ которыми бороться невозможно. Отелловскій элементъ, который такъ слышится въ Саксѣ, здѣсь уже не выступаетъ съ своею попыткой къ разрушенію. Соковлинъ мученикъ, понимающій бесплодность дикаго, разрушительнаго порыва. Онъ чуть не плачетъ, потому что знаетъ, что теряетъ невозвратно и неизбѣжно свой міръ и счастье, которыхъ нельзя забрать назадъ никакой земной силой. Положеніе его дѣйствительно мучительное; потерявъ все лучшее, чѣмъ красилась его жизнь, онъ остается ни при чемъ, ему приходится перестроивать всю свою жизнь съизнова. Но вѣдь это хорошо молодому! Молодой можетъ взбираться на вершину горы житейскаго счастья десятки разъ, десятки разъ сваливаться и снова взбираться; но у кого силъ немного, у кого на плечахъ лежитъ уже тяжесть лѣтъ, тому съ помятыми боками и слабѣющими руками идти на приступъ трудно. А общественное мнѣніе? Соковлинъ видитъ, что противъ него все, и руки его опускаются и чувствуетъ онъ, что у него нѣтъ силъ бороться съ своимъ глупымъ, страдательнымъ поло-

женіемъ. Соковлинъ начинаетъ просить милости и пощады: «пока есть силы, не уступай и того, что намъ еще осталось... сынъ есть у насъ!» говоритъ онъ, думая хоть этимъ обращеніемъ къ другому чувству, всегда сильному въ женщинѣ, удержать свое положеніе. Въ этомъ приѣмѣ мы видимъ чрезвычайно важный моментъ общественнаго развитія. Гдѣ то гордое право, съ которымъ выступалъ прежній мужъ, когда находилъ, что его баба запалила? Изъ деспота, съ ремнемъ въ рукѣ, онъ является скромнымъ просителемъ, чуть не вымаливающимъ милости. Но прошлое невозвратно. Саксъ заставилъ Галицкаго жениться на Полинкѣ; Соковлинъ думаетъ то же, но Комлевъ оказывается челоѣкомъ иныхъ понятій. «Я на Натальѣ Дмитріевнѣ не женюсь,—говоритъ онъ твердо Соковлину,— не женюсь потому, что женитьба и любовь по моему двѣ вещи разные. У меня есть свои убѣжденія о бракѣ. Я женюсь не располагалъ и теперь не вижу причинъ измѣнять свои намѣренія...» Круповъ уприсялъ Бельтова уѣхать; но вышло-ли лучше? «Я готовъ уѣхать, говоритъ и Комлевъ, но она?..» Вопросъ о ней не представлялся ни Крупову, ни Бельтову... Комлевъ уѣхалъ, но за нимъ уѣхала и Соковлина. «Если ты вздумаешь возвратиться, помни, что здѣсь у тебя домъ и сынъ», сказалъ Соковлинъ, прощаясь съ женой. Какая огромная разница въ этомъ новомъ положеніи лицъ и тѣмъ, защемляющимъ сердце, какое мы встрѣчаемъ въ романѣ «Кто виновать?», написаннымъ какими нибудь десятью годами ранѣе!

Можетъ быть, я вдаюсь въ слишкомъ большія подробности о вопросѣ повидимому пережитомъ и сданномъ въ архивъ; говорю слишкомъ подробно о романахъ, написанныхъ 10, 20 лѣтъ назадъ. Но мы имѣемъ дѣло съ исторіей, мы имѣемъ дѣло съ вопросомъ о постепенной зрѣлости русскихъ понятій, мы имѣемъ наконецъ дѣло съ романомъ, печатающимся въ 1869 году. — «Люди сороковыхъ годовъ» охватываютъ эпоху 1830 года и до освобожденія крестьянъ. Въ этотъ періодъ времени явились мысли и положенія, высказанныя въ «Кто виновать?», высказанныя въ «Полинкѣ Саксъ», высказанныя наконецъ въ «Подводномъ камнѣ». Но «Люди сороковыхъ годовъ» г. Писемскаго, жившіе въ тотъ же періодъ, совѣтъ и не намекаютъ на эти положенія. Мы не читаемъ въ нихъ исторію постепенной зрѣлости русской мысли и тѣ фазисы ея развитія, въ которыхъ сказалось направленіе, извѣстное у насъ подъ именемъ «жоржзандизма» и которому г. Писемскій посвятилъ даже цѣлую главу, съ спеціальной цѣлью обозвать m-me Дюдеванъ—

бабой, толкующей съ вѣтра то, чего она слышала отъ умныхъ людей, да только не переварила своимъ умомъ. Область громадная, необъятная; интеллектуальная жизнь цѣлаго народа въ его лучшихъ представителяхъ; и вмѣсто всего этого даютъ русскому читателю какой-то урѣзанный конспектъ романа! Не полемическимъ задоромъ, а доказательствами хочется убѣдить мнѣ читателя въ томъ, что г. Писемскій не показалъ «людей сороковыхъ годовъ» и что они были не такими, какими представлены у него.

XI.

Но отчего развивателями являлись все люди пожилые, надломленные, люди сороковыхъ годовъ? Возмите любой романъ, рисующій ту эпоху и вы найдете людей только двухъ типовъ — развиваемую дѣвушку, молодую, красивую, обаятельную, съ внутренней, несказавшейся еще силой, и развивателя — человѣка «сороковыхъ годовъ». Если въ романѣ и является иногда мужчина молодой, то онъ оказывается какимъ нибудь Басистовымъ, благоговѣющимъ передъ Рудинимъ и ловящимъ на лету каждое его слово. На этихъ юношей люди сороковыхъ годовъ не обращаютъ вниманія. Какъ-то разъ Рудинъ, напрямѣръ, провелъ все утро съ Басистовымъ, толковалъ съ нимъ о самыхъ важныхъ мировыхъ вопросахъ и задачахъ и возбудилъ въ немъ живѣйшій восторгъ; но потомъ его бросилъ... «видно, замѣчаетъ авторъ, онъ только на словахъ искалъ чистыхъ и преданныхъ душъ». Да, та пора, когда Лежневъ обнималъ по ночамъ липу въ саду, или когда студентами они просиживали до утра, разрѣшая мировые вопросы—эта счастливая пора молодости людей сороковыхъ годовъ прошла. О чемъ можно было говорить—все переговорилось; за періодомъ разговоровъ *сороковыхъ годовъ* наступила пора любви *пятидесятыхъ годовъ*, пора пракческаго жорзандизма. Это была пора очевидной усталости, стремленія уже къ отдыху, къ мирному семейному покою. То былъ закатъ стараго свѣтила предъ восходомъ новаго. Но новая, грядущая сила еще не выступила съ своей программой и потому понятно, что романисты не могли рисовать того, чего они не видѣли. Оттого-то такъ и изумались люди сороковыхъ годовъ, когда внезапно предъ ними другіе, свѣжіе люди, полные энергіи и

силы. Люди сороковыхъ годовъ привыкли видѣть и слышать только себя. Они держались высоко на своемъ пьедесталѣ, все, что было вокругъ нихъ, было ниже ихъ, они никогда не видѣли никого, кто бы могъ равняться съ ними — Басистовы, что-ли? И вдругъ, какъ грибы послѣ дождя, точно изъ земли выросшіе молодые люди заговорили съ зрѣлостію и силой пожилыхъ. Было отчего прійдти въ изумленіе.

И по отношенію къ женщинѣ замѣчается подобная же внезапность.

Женщина явилась какъ бы предтечей новыхъ людей. Она быстро прошла курсъ, прочитанный ей людьми сороковыхъ годовъ и въ какіе нибудь десять лѣтъ выросла изъ наивной Полинки въ Елену. Причиной этого была односторонность воспитанія. Люди сороковыхъ годовъ были люди чувства, ихъ пожирала міровая любовь, ихъ преслѣдовали широкіе идеалы, расплывающіяся стремленія, они жили точно въ чаду, не выяснивъ себѣ никакой точной программы общественнаго и частнаго поведенія. Они даже не любили никакой точности и положительности, охлаждающей чувство. Рудинъ, напримѣръ, начавъ у Дарьи Михайловны разсказъ о своихъ заграничныхъ похожденіяхъ, сейчасъ же свернулъ на *общія* разсужденія о значеніи просвѣщенія и науки, объ университетахъ и жизни университетской *вообще*. Широкими и смѣлыми чертами набросалъ онъ громадную картину, говорилъ мастерски, увлекательно, но *не совсѣмъ ясно*. Образы смѣнялись образами; сравненія, то неожиданно смѣлыя, то поразительно вѣрныя, возникали за сравненіями. «Рудинъ владѣлъ едва ли не высшей тайной — музыкой краснорѣчія,—говоритъ авторъ.—Онъ умѣлъ, ударяя по однимъ струнамъ сердець, заставлять *смутно* звенѣть и дрожать всѣ другія. Иной слушатель, пожалуй, и *не понималъ* въ точности, *о чемъ шла рѣчь*; но грудь его высоко поднималась, *какія-то занавѣсы разверзались передъ его глазами*, что-то лучезарное загоралось впереди...» Соковлинъ принадлежалъ къ той же породѣ людей, у которыхъ голова въ сердцѣ. «Ихъ понятія, идеи, воззрѣнія, непроявляемыя на самой жизни и невытекающія изъ нея, носили на себѣ печать ихъ личныхъ влеченій, ихъ логика была страстна; въ жизни они часто путались и спотыкались, они жили въ обществѣ преимущественно жизнью сердца», говоритъ авторъ. Отъ этой односторонности и вѣчной жизни чувствомъ они даже съ сѣдыми волосами не могли видѣть равнодушно молодую красивую женщину. «Что же это такое?—думалъ Соковлинъ, влюбившійся въ Ната-

шу,—опять любовь, что-ли? Мало развѣ я любилъ и обманывалъ и обманывался? Боже мой! къ чему же всѣ уроки прошедшаго, всѣ передраги, отъ которыхъ приходилось такъ тяжело, что я думалъ и желалъ на вѣкъ отдѣлаться отъ нихъ? Что за живучесть сердца, что за странная потребность любви! Къ чему вся жажда спокойствія и что это за жалкое благоразуміе, когда съ сѣдиной въ головѣ нельзя сойтись съ шестнадцатилѣтней дѣвочкой, чтобы не влюбиться въ нее...» Человѣкъ такого склада долженъ былъ вліять, дѣйствуя на чувство другихъ, поэтому мы и въ Соковлинѣ встрѣчаемъ родственную черту съ Рудинымъ. Когда м-лле Кадо отозвалась было дурно о русской природѣ, Соковлинъ вступился за свою родину. Онъ сталъ доказывать, что тѣ изъ людей сѣвера, которые горячо любятъ природу, въ состояніи лучше цѣнить ее, тоньше умѣютъ подмѣчать ея красоты, чѣмъ избалованные ею жители юга... Соковлинъ началъ спокойно; но увлекшись, одушевился и говорилъ съ жаромъ; потомъ, дойдя до русской природы, рѣчь его подъ-стать предмету приняла какой-то тихій и грустный, задѣвающий за душу строй, и когда онъ кончилъ, сказавъ: «да лучше посмотрите кругомъ»,—всѣ оглянулись на пышный закатъ—и среди глубокой тишины, все недосказанное договорилъ осенній вѣчеръ. Рассказъ Соковлина даже на менѣе воспримчивыхъ произвелъ впечатлѣніе. Но Наташа, слушая его, не спускала глазъ съ рассказчика. Въ душѣ ея рисовались яркія картины далекихъ и невиданныхъ ею странъ; но переносясь туда, она слышала возлѣ рѣчи Соковлина, какъ будто и онъ переносился съ нею; вспоминались ей и ея прошедшія бесѣды съ нимъ, и когда потомъ взглянула она вокругъ, она не видала ни облаковъ, горящихъ въ аломъ огнѣ на небѣ, ни розовыхъ тѣней и полутоновъ по изгибамъ полей и перелѣсья,—словомъ, не видала никакихъ частныхъ картины; но весь вечеръ, вся поэзія его всецѣльно отразилась въ ея душѣ и среди этого глубокаго поэтическаго настроенія, какъ туманы, стали подниматься воспоминанія всего отъ него слышаннаго, всего вмѣстѣ читаннаго...»

Характеръ воспитанія, которое могли дать эти люди женщинѣ, совершенно ясенъ изъ приведенныхъ примѣровъ. Развиватели владѣли талантомъ ударять по струнамъ сердца, какъ выражается г. Тургеневъ, а у слушательницъ разверзались передъ глазами какіе-то занавѣсы. У Наташи, послѣ рѣчи Соковлина, исчезли всѣ частности картины, явилось глубокое поэтическое настроеніе и, какъ туманы, стали подниматься воспоминанія. И такъ всегда.

Ни одинъ авторъ не дастъ вамъ точнаго понятія о томъ, что именно говорилъ его герой, какое положительное знаніе онъ сообщилъ, въ чемъ именно заключается интеллектуальный образъ развивателя. Вы узнаете только, что общее впечатлѣніе краснорѣчія было умягчающее и отрадное и что центромъ, около котораго вы вертѣлись, было чувство, сердце, любовь. Такъ какъ люди сороковыхъ годовъ были жорзандисты, то мы можемъ составить себѣ приблизительное понятіе о томъ, что они могли говорить, когда изъ сферы общихъ, широкихъ понятій о природѣ и мировой любви они опускались на землю. Свобода и измѣняемость чувства, женское счастье—вотъ конечно главная тѣма. Да еще бы имъ не говорить объ измѣняемости чувства, когда каждый изъ нихъ понималъ, что поступаетъ неразумительно и негуманно, предлагая себя, уже помятаго жпзнію человѣка, свѣжей ничего невѣдающей юности!

Но на вопросахъ сердца женщина зрѣетъ скоро. Что же затѣмъ, когда вопросъ этотъ разъясненъ уже вполне? Женщина и по воспитанію, и по наслѣдственности не имѣетъ охоты и наклонности къ отвлеченному мышленію и всегда отличалась большею практичностью, чѣмъ мужчины. Поэтому мы уже въ Натальѣ Алексѣевнѣ встрѣчаемъ попытки примѣнить къ дѣлу красивыя рѣчи Рудина, говорившаго ей такъ много о призваніи женщины, о томъ, что одна Жанна д'Аркъ могла спасти Францію... Оттого Наталью Алексѣевну такъ и поразило, когда на ея готовность сломить всѣ препятствія Рудинъ отвѣтилъ своимъ знаменитымъ—*нужно покориться*.

Елена вышла прямо изъ Натальи Алексѣевны. Въ Еленѣ выразилось, насколько женщина уже переросла своего развивателя.

Бельтовъ, Саксъ, Соковлинъ, Рудинъ, Лаврецкій — немислимы рядомъ съ Еленой, она не станетъ ихъ слушать, какъ не слушаетъ Шубина, потому что знаетъ уже все, что они могутъ ей разсказать о мировой любви, объ идеальной природѣ, о широкихъ чувствахъ, увлекающихъ въ какую-то туманную, неясную, но пріятно-манящую даль. И у ней, пожалуй, разверзаются передъ глазами какіе-то занавѣсы—да за ними уже видится иное.

Росту Елена была высокаго, лицо имѣла блѣдное и смуглое, большіе сѣрые глаза подъ круглыми бровями, окруженные крошечными веснушками, лобъ и носъ совершенно прямые, сжатый ротъ и довольно острый подбородокъ. Во всемъ ея существѣ, въ выраженіи лица, внимательномъ и немного пугливомъ, въ ясномъ, но измѣчивомъ взорѣ, въ улыбкѣ, какъ будто напряженной, въ

голосъ тихомъ и неровномъ было что-то нервическое, электрическое, что-то порывистое и торопливое, словомъ, что-то, что не могло всѣмъ нравиться, что даже отталкивало иныхъ. Руки у нея были узкія, розовыя, съ длинными пальцами, ноги тоже узкія, она ходила быстро, почти стремительно, немного наклоняясь впередъ. Такъ описываетъ Елену авторъ, а Шубинъ говоритъ, что отъ ея лица можно въ отчаяніе придти. Посмотрите: линія чистыя, строгія, прямая, кажется, не трудно схватить сходство! Не тутъ-то было... Не дается какъ кладъ въ руки. «Замѣтилъ ты, какъ она слушаетъ? обращается Шубинъ къ Берсеневу.—Ни одна черта не тронется, только выраженіе взгляда безпрестанно мѣняется, а отъ него мѣняется вся фигура... Удивительное существо... странное существо, прибавилъ онъ послѣ короткаго молчанія». Это уже не кисейная барышня, не паробразныя Полинки, Наташеньки и т. д., которыхъ нужно кормить розовымъ вареньемъ и миндальными пряниками; это какая-то стальная дѣвушка, рѣшительно нежелающая изображать изъ себя облака.

Ей повидимому было очень удобно настроиться въ нѣжно-сердечный тонъ, потому что ея гувернанткой была институтка, очень чувствительное, доброе и лѣнивое существо, влюблявшаяся каждый день и кончившая тѣмъ, что въ пятидесятомъ году, когда Еленѣ минуло семнадцать лѣтъ, вышла замужъ за какого-то офицера, который тутъ же ее и бросилъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ гувернантка очень любила литературу и сама пописывала стишки. Она приохотила Елену къ чтенію. Чтеніе однако не удовлетворяло вполне Елену, она была натура активная, жаждавшая дѣятельности и дѣятельнаго добра; одна платоническая любовь къ несчастнымъ и страдающимъ, которой отличались барышни предыдущаго періода, была для Елены недостаточна. Нищія, голодные, больные ее занимали, тревожили, мучили; она видѣла ихъ во снѣ, спрашивала о нихъ всѣхъ своихъ знакомыхъ и подавала заботливо милостыню. „Всѣ притѣсненныя животныя, худыя дворовыя собаки, осужденныя на смерть котята, выпавшіе изъ гнѣзда воробьи, даже насѣкомыя и гады находили въ Еленѣ покровительство и защиту: она сама кормила ихъ, не гнушалась ими. Мать не мѣшала Еленѣ въ этомъ, но отецъ сердился, называлъ это пошлымъ нѣжничаньемъ и увѣрялъ, что отъ собакъ да кошекъ въ домѣ ступить негдѣ. «Леночка, кричалъ онъ ей бывало, иди скорѣй, паукъ муху сосетъ, освобождай несчастную!» И Леночка, вся встревоженная, прибѣгала, освобождала муху, расклеивала ей лапки...»

На десятомъ году Елена познакомилась съ нищей дѣвочкой, Катей, и тайкомъ ходила къ ней на свиданье въ садъ, приносила ей лакомства, дарила ей платки, гривеннички. Елена садилась съ Катей рядомъ на сухую землю, съ чувствомъ радостнаго смиренія ѣла ея черствый хлѣбъ, слушала ея рассказы. У Кати была тетка, злая старуха, которая ее часто била. Катя ее ненавидѣла и все говорила о томъ, какъ она убѣжить отъ тетки, какъ будетъ жить на *всей Божьей волѣ*. Съ тайнымъ уваженіемъ и страхомъ внимала Елена этимъ невѣдомымъ, новымъ словамъ, пристально смотрѣла на Катю и все въ ней тогда—ея черные, быстрые, почти звѣринные глаза, ея загорѣлыя руки, глухой голосъ, даже ея изорванное платье—казалось Еленѣ чѣмъ-то особеннымъ, чуть не священнымъ. Елена возвращалась домой и долго потомъ думала о нищихъ, о божьей волѣ, думала о томъ, какъ она вырѣжетъ себѣ орѣховую палку и сумку надѣнетъ и убѣжить съ Катей.

Елена росла и развивалась не тепличнымъ образомъ въ четырехъ стѣнахъ оранжереи, а среди живой природы,—но не той природы, которая учить восхищаться восходомъ и закатомъ солнца и млѣть въ лунную ночь подъ звуки соловья, а природы близкой, земной; природы, выражающей въ страдающей отъ паука мухѣ, въ околѣвающимъ котенкѣ, въ голодной собакѣ, въ нищей Катѣ, которой дороже всего божья воля. Дѣвушку, выросавшую въ такой школѣ, не могли удовлетворять ходячіе отвѣты на ея смутные, но серьезные вопросы, и теоріи бабушкиныхъ приличій и пансіонской морали. Отъ этого подругъ у нея не было и изъ всѣхъ дѣвицъ, посѣщавшихъ домъ ея родителей, она не сошлась ни съ одной. Она охладѣла даже и къ своимъ родителямъ. Она сперва обожала отца, но потомъ разлюбила; а къ слезливой матери начала относиться съ покровительственнымъ чувствомъ, обращаясь съ ней, какъ съ больной бабушкой. Безсознательно, но Елена чувствовала, что она сильнѣе всѣхъ ея окружающихъ и что они не то, что ей нужно. Но что же ей нужно, чего она искала? «Слабость возмущала ее, —говоритъ авторъ,—глупость сердца, ложь она не прощала «во вѣки вѣковъ»; требованія ея ни передъ чѣмъ не отступали, самыя молитвы не разъ мѣшались съ укоромъ. Стоило человѣку потерять ея уваженіе, а судъ она произносила скоро, часто слишкомъ скоро, и ужъ онъ переставалъ существовать для нея. Шубницъ не даромъ называлъ Елену страннымъ, удивительнымъ существомъ.

Саксъ началъ воспитаніе Полиньки съ показыванія ей картинъ и разыгрыванія мелодій Шуберта, что было совершенно въ духѣ

тепличной идеальности того времени, когда эстетическій вкусъ развивали не по самой природѣ, а въ благоухающихъ будуарахъ, при яркомъ освѣщеніи карсельской лампы съ матовымъ шаромъ, среди бронзы и на художественномъ изображеніи бѣдности и людскаго страданія масляными красками и глиняными статуэтками. Елена взяла первые уроки у самой природы, и художественными произведеніями или порывомъ художнической души поймать ее было невозможно. Могъ ли значить для нея что нибудь Шубинъ, такъ настойчиво добивавшійся ея любви! Художническая натура, онъ поглощенъ весь собой; онъ малый славный, честный, неглупый; но его интересовъ Елена понимать не можетъ. Бродитъ въ немъ какая-то неустановившаяся сила, кидается онъ на все и не достигаетъ ничего. «Онъ трудился усердно, но урывками, скитался по окрестностямъ Москвы, лѣпилъ и рисовалъ портреты крестьянскихъ дѣвокъ, сходилъ съ разными лицами, молодыми и старыми, высокога и низкаго полета, итальянскими формовщиками и русскими художниками, слышать не хотѣлъ объ академіи и не признавалъ ни одного профессора. Талантомъ онъ обладалъ положительнымъ...» говоритъ о Шубинѣ авторъ. Когда Шубинъ убѣдился, что Елена его не любитъ, то впалъ въ отчаяніе. «Что я? говоритъ онъ Берсеневу, — горемыка, нелюбимый, я фокусникъ, артистъ, фигляръ; но какіе бы безмолвные восторги нидъ бы я въ этихъ ночныхъ струяхъ, подъ этими звѣздами, подъ этими алмазами, еслибъ я зналъ, что меня любятъ». Въ это время выходила изъ мелочной лавки какая-то дѣвушка. Шубинъ крикнулъ—«Аннушка!» «Это... это, вотъ видите... тутъ есть у меня знакомое семейство... такъ это у нихъ... ты не подумай» оправдывался съ разстановками только-что приходившій въ отчаяніе художникъ и, не докончивъ рѣчи, побѣжалъ за уходившей дѣвушкой. Въ этомъ художническомъ маятникѣ не могло быть ничего подъ одну мѣрку съ Еленой. На нее могла вліять только сила, человѣкъ съ стальными нервами, ну а какая сила была въ Шубинѣ! «Миѣ кажется, самое ваше раскаяніе васъ забавляетъ, да и слезы тоже», сказала разъ Елена Шубину, вздумавшему открывать ей свою душу. А когда Шубинъ спросилъ ее: «вы никогда, ни за что, ни въ какомъ случаѣ не полюбили бы художника?» Елена посмотрѣла ему прямо въ глаза и отвѣтила:—«Не думаю, Павелъ Яковлевичъ; нѣтъ».

Елена—дѣвушка, пережившая моментъ художественности еще въ пеленкахъ. Съ тѣхъ поръ, какъ она начала ходить, она уже жила живою жизнью и въ восемнадцать лѣтъ ея нервы и мозгъ требовали

такихъ впечатлѣній, которымъ не могла удовлетворить эстетика академіи художествъ.

Въ Берсенева ей было показалось, что она находитъ себя удовлетвореніе, но это только показалось. Берсенева былъ вымирающій типъ человѣка сороковыхъ годовъ; неопредѣлившаяся переходная форма, въ которой смѣшались черты сороковыхъ, пятидесятихъ и шестидесятыхъ годовъ. Это какой-то конгломератъ, заключающій въ себя много хорошихъ элементовъ, но лишенный главнаго, что даетъ силу и значеніе человѣку—способности что нибудь сдѣлать.

Первый Берсенева любилъ природу какимъ-то слезливымъ образомъ, совершенно на манеръ людей сороковыхъ годовъ. «Замѣтилъ ли ты,—говоритъ онъ разъ Шубину, когда они валялись въ полѣ на травѣ,—какое странное чувство возбуждаетъ въ насъ природа? Все въ ней такъ полно, такъ ясно, я хочу сказать, такъ удовлетворено собою и мы это понимаемъ и любимъ этимъ и въ тоже время она, по крайней мѣрѣ, во мнѣ всегда возбуждаетъ какое-то безпокойство, какую-то тревогу, даже грусть. Что это значитъ? Сильнѣе ли сознаемъ мы передъ нею, передъ ея лицомъ всю нашу неполноту, нашу неясность, или же намъ мало того удовлетворенія, какимъ она довольствуется, а другого, т. е., я хочу сказать, того, чего намъ нужно, у нея нѣтъ?.. А потомъ, продолжалъ Берсенева, когда я на примѣръ стою весною въ лѣсу, въ зеленой чащѣ, когда мнѣ чудятся романтическіе звуки Оберонова рога...» и т. д. Если бы съ Берсеновымъ бесѣдовалъ не Шубинъ, а Маркъ Волоховъ, то онъ бы ему сказалъ, что онъ горюдитъ чепуху и посовѣтовалъ бы приложить къ головѣ холодные компрессы. Справедливость однако велитъ прибавить, что Берсенову стало немножко совѣстно, когда онъ сказалъ объ Обероновомъ рогѣ. Это хорошій признакъ, показывающій, что время брало свое и если люди сороковыхъ годовъ еще вѣрили въ духовъ, то, по крайней мѣрѣ, стыдились говорить объ этомъ громко. Поколѣніе сходило уже съ своей дороги и лишилось своей былой самоувѣренности.

Рядомъ съ этой чертой людей сороковыхъ годовъ мы находимъ въ Берсенова другую изъ того же времени—робость, неувѣренность въ свои силы. «Поставить себя номеромъ вторымъ—все назначеніе нашей жизни», говоритъ онъ Шубину. Или, мечтая сдѣлаться профессоромъ, онъ говоритъ Еленѣ: «Конечно, я очень хорошо знаю все, чего мнѣ не достаетъ для того, чтобы быть достойнымъ такого высокаго... Я хочу сказать, что я слишкомъ мало подготовленъ, но я надѣюсь получить позволеніе съѣздить за-границу; про-

буду тамъ три-четыре года, если нужно, а тогда... — Вы хотите быть профессоромъ исторіи? спросила Елена. — «Да, отвѣчалъ Берсенева. — Какое же можетъ быть лучше призваніе? Подумайте, пойти по слѣдамъ Тимофея Николаевича... Одна мысль о подобной дѣятельности наполняетъ меня радостію и смущеніемъ... Покойный батюшка благословилъ меня на это дѣло... Я никогда не забуду его послѣднихъ словъ». Во 'всемъ этомъ нѣтъ ни одного слова, которое бы изобличало въ Берсенева здоровый порывъ къ активной энергіи. Онъ непремѣнно хочетъ зарыться въ книги и затѣмъ начать *говорить* съ кафедры. Берсенева даже думаетъ, что онъ окажетъ великую услугу своему отечеству, если никогда не забудетъ послѣднихъ словъ своего отца. А именно забыть-то ихъ ему и слѣдовало, потому что его отецъ шеллингианецъ и сведенборгистъ, написалъ сочиненіе о *Преступленіяхъ или преобразованіяхъ духа въ міръ*, и слѣдовательно ужъ никакъ не могъ дать своему сыну полезнаго правтческаго совѣта. До чего папенька испортилъ своего сына, можно видѣть изъ того, что когда Берсенева, влюбленнаго въ Елену, начала мучить ревность къ Инсарову и тайное, темное чувство нехорошей грусти стало грызть его, «эта грусть не помѣшала ему однако взяться за *Исторію Гоенштауфеновъ* и начать читать ее съ самой той страницы, на которой онъ остановился наканунѣ». Какой же это живой человѣкъ? Или, людямъ, зрѣвшимъ въ пятидесятыхъ годахъ, не было другого исхода, какъ окунуться въ созерцательную жизнь и любить людей въ книгахъ, а не въ дѣйствительности? Но отчего же явилась Елена, отчего же вслѣдъ за ней выступаетъ на свѣтъ божій Базаровъ? Ясно, что было еще и другое теченіе, — Берсеневахъ же создавалъ старый источникъ и выносила въ міръ старая струя.

Елена сначала не поняла Берсенева. Что Шубинъ не по ней-то было ей ясно; но она думала, что въ умномъ Берсенева найдеть источникъ той мудрости, которая освѣтитъ ей ея смутныя стремленія къ чему-то. Берсенева казался ей очень ученымъ, наконецъ она слышала, что его отецъ оставилъ замѣчательное сочиненіе. И вотъ она хочетъ узнать содержаніе этого сочиненія и сущность философской системы Шеллинга. Ее сердить неумѣстное вмѣшательство Шубина, который нашель, что въ хорошую погоду о философіи говорить не слѣдуетъ, а нужно толковать о соловьяхъ, о розахъ, о молодыхъ глазахъ и улыбкахъ. «Да и о французскихъ романахъ, о женскихъ трипахъ», продолжала Елена. Вѣдь ужъ это цѣлая пропасть, раздѣляющая Елену отъ ея предшественницъ!

Но скоро Елена выжала Берсенева, какъ лимонъ. Соку въ немъ оказалось очень мало и самъ онъ, Берсенева, помогъ ей перерости его рассказомъ о своемъ товарищѣ Инсаровѣ. Тутъ только впервые поняла Елена, что достоинство человѣка въ нравственной силѣ. Елена нашла чего искала.

Какъ Берсенева испортило наслѣдственное воспитаніе, такъ тоже наслѣдственное воспитаніе создало силу Инсарова. Берсенева выросъ въ разслабляющей традиціи; отецъ, умирая, благословилъ его на служеніе наукъ: «передаю тебѣ свѣточъ, сказалъ онъ, я держалъ его покаместъ могъ, не выпускай и ты сей свѣточъ до конца». И со свѣточемъ кабинетнаго буквоѣдства въ рукѣ, Берсенева вообразилъ, что не можетъ быть ничего выше мистическаго пониманья природы и *юворенья* съ кафедры. Инсаровъ получилъ иное послѣдство. Мать его зарѣзали турки, а отца тѣже турки разстрѣляли, и Инсаровъ сталъ учиться не для того, чтобы говорить съ кафедры, а чтобы освободить свою родину. Въ самомъ дѣлѣ есть чему изумиться въ человѣкѣ, который задался такою мыслию восьмилѣтнимъ ребенкомъ! Елена пожелала познакомиться съ Инсаровымъ.

Шубинъ при всемъ своемъ легкомысліи превосходно обрисовалъ Инсарова. Онъ назвалъ его героемъ, а герой, по опредѣленію Шубина, не долженъ умѣть говорить: герой мычитъ, какъ быкъ; за то двинетъ рогами—стѣны валятся. Именно подобныя черты и были въ Инсаровѣ. Онъ былъ человѣкомъ дѣла и въ этомъ его главное отличіе отъ Шубина, Берсенева и всѣхъ людей сороковыхъ годовъ. Какъ человѣкъ дѣла, говорилъ онъ мало и даромъ тратить словъ не любилъ. Когда Берсенева сталъ приглашать его переѣхать къ нему на дачу, то Инсаровъ на его робкую расплывающуюся болтовню, отвѣчалъ съ лаконизмомъ, достойнымъ Марка Волохова, и Берсенева зналъ, что Инсаровъ не сдастся. Въ этой твердости принциповъ—сила Инсарова и всѣхъ ему подобныхъ. Такой человѣкъ долженъ былъ покорить Елену. Инсаровъ смотрѣлъ прямо и открыто, былъ правдивъ, какъ Елена; правда, онъ не владѣлъ внѣшними талантами и краснорѣчіемъ людей сороковыхъ годовъ, но у него былъ свой талантъ лучше—сила для дѣла, безъ ненужныхъ словъ. Когда пьяные нѣмцы вздумали задѣть компанію, въ которой участвовали Елена и Инсаровъ, онъ кинулъ нѣмца-зачинщика въ прудъ, такъ, что только пошли изъ воды пузыри и мало заботясь о томъ, утонетъ ли нѣмецъ, Инсаровъ пошелъ дальше. Съ такими людьми шутить нельзя. Чело-

вѣкъ дѣла, онъ не умѣлъ опредѣлить себя, и потому когда Елена спросила его: «вы очень любите свою родину?» Онъ отвѣтилъ ей: «Это еще неизвѣстно. Вотъ, когда ктонибудь изъ насъ умретъ за нее, тогда можно будетъ сказать, что онъ ее любитъ»... «Я увѣренъ, вы полюбите насъ: вы всѣхъ притѣсненныхъ любите, го-всриль дальше Инсаровъ... Вы сейчасъ спрашивали—люблю ли я свою родину? Что же другое можно любить на землѣ? Что одно неизмѣнно, что выше всѣхъ сомнѣній, чему нельзя не вѣрить послѣ Бога? И когда эта родина нуждается въ тебѣ... Забудьте: послѣдній мужикъ, послѣдній нищій въ Болгаріи и я,—мы желаемъ одного и того же...» Когда Инсаровъ ушелъ, Елена долго смотрѣла ему вслѣдъ. Онъ въ этотъ день сталъ для нея другимъ человѣкомъ. Со времени знакомства съ Инсаровымъ, Елену начали мучить еще больше вопросы. «Къ чему молодость, къ чему я живу, зачѣмъ у меня душа, зачѣмъ все это?» спрашиваетъ себя Елена. Она знаетъ, что нужно дѣлать добро, что это главное въ жизни, но какъ его дѣлать? Покровительственная любовь къ собакамъ, котятамъ и воробьямъ не удовлетворяетъ. Жить личной любовью по примѣру Полнекъ, Талинекъ? На мужскую любовь уже нѣтъ запроса. Чувство болѣе широкое шевелится въ груди Елены и міровая, расплывчатая, безпредметная любовь, которою болѣли люди сороковыхъ годовъ въ молодости, воплощается въ Еленѣ въ ясно сознанную любовь къ людямъ. Это ужъ начало политической струйки въ русской женщинѣ. Понятно, какими маленькими должны казаться ей всѣ тѣ, въ комъ нѣтъ подобныхъ стремленій. Шубинъ, Берсеневъ и всѣ, всѣ кто ее окружаетъ, кто съ ней живетъ, представляются ей карликами, а Инсаровъ?—когда онъ говоритъ о своей родинѣ, онъ растетъ, растетъ, и лицо его хорошеетъ и голосъ какъ сталь—и нѣтъ, кажется, тогда на свѣтѣ такого человѣка, передъ кѣмъ бы онъ глаза опустилъ. Ну, какъ не плѣниться такою силою? И вотъ Елена соединяетъ свою судьбу съ судьбою Инсарова. «И ты пойдешь за мною повсюду? спрашиваетъ онъ ее».—Всюду, на край земли. Гдѣ ты будешь, тамъ я буду.—«И ты себя не обманываешь, ты знаешь, что родители твои никогда не согласятся на нашъ бракъ?»—Я себя не обманываю; я это знаю.—«Ты знаешь, что я бѣденъ, почти нищій?»—Знаю.—«Что я не русскій, что мнѣ не суждено жить въ Россіи, что тебѣ придется разорвать всѣ твои связи съ отечествомъ, съ родными?»—Знаю, знаю.—«Ты знаешь также, что я посвятилъ себя дѣлу трудному, неблагодарному, что мнѣ... что намъ при-

дется подвергаться не однимъ опасностямъ, но и лишениямъ, униженію, быть можетъ?»—Знаю, все знаю.—«Что ты должна будешь отстать отъ всѣхъ твоихъ привычекъ, что тамъ одна, между чужими, ты, можетъ быть, принуждена будешь работать...» Елена положила ему руку на губы... Наконецъ Инсаровъ получаетъ письма изъ Болгаріи; друзья зовутъ его. «Вѣдь ты меня возьмешь съ собою? спрашиваетъ его Елена.—О, моя милая дѣвушка, о моя героиня, отвѣчалъ онъ, не грѣшно ли, не безумно ли мнѣ, бездомному, одинокому, увлекать тебя съ собою... И куда же!—Елена зажала ему ротъ.—«Тсс... Развѣ не все рѣшено, не все кончено между нами? Развѣ я не твоя жена? Развѣ жена разстается съ мужемъ?»—Жены не идутъ на войну.—«Да, когда они могутъ остаться, отвѣтила Елена...» Былая любовь къ страдающимъ отъ пауховъ мухамъ, къ голодающимъ котятамъ и щенкамъ, уроки нищей Кати, хотѣвшей жить на *всей Божьей воли*, выросли въ чувство любви къ страдающимъ народамъ, въ стремленіе къ самопожертвованію для спасенія ихъ. И Берсенева разсуждалъ о томъ, что есть слова соединяющія и причисляя къ нимъ родину, науку, свободу, справедливость, любовь, но не любовь—наслажденіе, а любовь—жертву, да только словами и кончилъ. И Мари, героиня романа г. Писемскаго, вышла замужъ потому, что мужъ ея былъ герой, и проливалъ свою кровь за отечество, на Кавказѣ.

Елена для насъ новая женская форма, выработавшаяся постепенно изъ формы предыдущей. Она продуктъ того жоржзандизма, который первый указалъ на нравственную силу женщины. Конечно, это не совсѣмъ тотъ типъ, который усиливались создать Саксъ, Соковлинъ, Рудинъ, Райскій, и для русскаго мужчины можетъ показаться обиднымъ, что для окончательнаго перевоспитанія русскаго женщины явился болгарь. Но пока вопросъ не въ этомъ; вопросъ въ томъ, что явилася новая форма и ни одна русская женщина не нашла, что Елена выдуманная кукла. Ясно, что силы Елены сказались и въ другихъ. Рудинъ увидѣлъ бы въ Еленѣ Жанну д'Аркъ, о которой онъ пророчествовалъ.

Эта новая форма могла явиться лишь на счетъ отрицанія всего того изъ предыдущей формы, что оказывалось несомнѣстнымъ. И дѣйствительно, въ Еленѣ мы находимъ особенности, которыя очень скоро слѣдвались существеннымъ признакомъ поколѣнія, смѣнившаго людей сороковыхъ годовъ. Елена говоритъ съ сознаниемъ, что человѣку нужно несчастье или бѣдность, или болѣзнь, а то какъ разъ зазнаешься. Правда. Только несчастье поучаетъ че-

ловѣка счастію, если злой рокъ помогъ ему родиться, подобно Еленѣ, въ хлопчатой бумагѣ. У Елены ужъ и вкусъ другой. Она, какъ Инсаровъ, не любитъ стиховъ и ничего не смыслить въ художествѣ, въ томъ великомъ знаніи, на которомъ Саксъ построилъ свой великолѣпный планъ о перевоспитаніи Полинки. А потомъ, когда Инсаровъ спустилъ пьянаго нѣмца въ воду? Елена писала въ своемъ дневникѣ: «Какія странная, новыя, страшныя впечатлѣнія! Когда онъ вдругъ взялъ этого великана и швырнулъ его, какъ мячикъ, въ воду, я не испугалась... но онъ меня испугалъ. И какое лицо злобщее, почти жестокое! Какъ онъ сказалъ: выплыветъ!... Да, съ нимъ шутить нельзя и заступиться онъ умѣетъ. Но къ чему же эта злоба, эти дрожащія губы, этотъ ядъ въ глазахъ? Или, можетъ быть, иначе нельзя? Нельзя быть мужчиной, бойцомъ и остаться кроткимъ и мягкимъ? Жизнь дѣло грубое, сказалъ онъ мнѣ недавно. Я повторила эти слова Андрею Петровичу; онъ не согласился съ Инсаровымъ...» Еще бы Берсенева могъ согласиться съ этимъ! Ни Берсенева, ни Сокованинъ, ни Рудинъ, ни Лаврецкій, ни Райскій не могли переносить грубости. Но за-то они бы и не защитили, а постарались бы стусеваться.

Въ чертахъ Елены и Инсарова заключаются всѣ намеки на новыхъ людей, которымъ такъ досталось потомъ отъ того же самаго Тургенева: лаконизмъ, демократическая грубость, прямизна отношеній безъ всякаго вилянья, дѣло безъ красивыхъ словъ, свобода обращенія безъ чопорности и ложнаго стыда. Г. Тургеневъ, самъ человѣкъ сороковыхъ годовъ, какъ бы вырылъ собственными руками могилу для своего поколѣнія и точно хочетъ сказать ему—ложись! твоя роль кончена, твои идеалы ненужны, вотъ новая выступающая сила, за которую пойдетъ жизнь. Но въ своей землѣ никто пророкомъ не бывалъ.

ХП.

Г. Тургеневъ остался вѣрнѣй правдѣ своего времени, давъ Еленѣ воспитателемъ болгара. Развѣ то развитіе, на путь котораго встала Елена еще съ ранней молодости, могли ей дать герои сороковыхъ годовъ? Мы знаемъ ихъ всѣхъ. Саксъ, умный и энергическій, началъ бы показывать Еленѣ картины, писанныя масляными красками, играть съ ней сонаты Бетховена и пѣть романсы Шу-

берта. Рудинъ—но онъ раскрывалъ только занавѣсы, за которыми являлись расплывающіеся лучезарные круги и толькѣ. Соколинъ, Лаврецкій учили бы наслажденію любви и домохѣдству на теплой лежанкѣ. «А ужъ какъ бы мы были счастливы на лежанкѣ!» сказать бы съ глубокимъ вздохомъ Лаврецкій.

Но могли ли эти люди дать Еленѣ то счастье, котораго она искала? Кого же могли отрядить изъ себя люди сороковыхъ годовъ, чтобы воспитать и развить Елену? Рѣшительно никого не было. Г. Писемскій выкопалъ какого-то Вихрова, но вѣдь Вихровъ не больше, какъ либеральный исправникъ, пописывающій что-то изъ дилетантизма; не Вихровъ тянетъ время, а время его, и мы были бы очень благодарны г. Писемскому, если бы онъ намъ объяснилъ, какая существенная разница между прокуроромъ Захаревскимъ и Вихровымъ. Для Вихрова идеаль женщины Мари, и г. Писемскій совершенно серьезно думаетъ, что изобразилъ очень тонкій идеаль и женскую прогрессивность, заставивъ Мари разлюбить своего стараго, израненнаго мужа, и потянуться къ болѣе свѣжему и молодому Вихрову.

Кончавшее свой вѣкъ поколѣніе сороковыхъ годовъ могло переродиться лишь въ Берсеневыхъ, нѣжныхъ, любящихъ, частію идеально-мистическихъ, преданныхъ наукѣ, въ которой, по ихъ мнѣнію, все спасеніе, но не могло создать активной силы, ибо жизнь дѣло грубое, какъ сказалъ Инсаровъ. Откуда же было явиться воспитателю, кого могъ назначить г. Тургеневъ въ учителя Елены? И тутъ обнаруживается снова своеобразность людей сороковыхъ годовъ. Они выросли на *общихъ* понятіяхъ и *общихъ* безпредметныхъ чувствахъ, на *общей* правдѣ и общемъ сочувствіи человѣчеству страдающему *вообще*. Г. Тургеневъ и самъ развился на своихъ собственныхъ «Запискахъ охотника»; въ тѣ времена толковали и писали «о бѣдныхъ людяхъ», «о забытыхъ людяхъ». Елена конечно читала эти описанія, благодаря тому, что ея гувернанткой была сантиментальная институтка, любившая литературу. И вотъ сердце Елены подготовилось сочувствовать всѣмъ страдающимъ и угнетеннымъ и отъ страдающихъ котать Елена, по мѣрѣ зрѣлости, перенесла свое сочувствіе на страдающихъ людей. Могъ ли поэтому г. Тургеневъ поставить вопросъ на реальную почву соціального движенія? Авторъ могъ его прозрѣвать, могъ даже знать о его существованіи, но страданіе людей представлялось ему явленіемъ не соціально-экономическимъ, а отвлеченно-нравственнымъ.

Поэтому г. Тургеневъ и придалъ Еленѣ огромную долю мечта-

тельного элемента. Въ Еленѣ мы видимъ неудовлетворенность живнiю, окружающей пустотой, легкомыслиемъ, тупостию. «Для чего они живутъ?» спрашиваетъ Елена, глядя на своего отца, на свою мать, на Увара Ивановича. Въ самомъ дѣлѣ, для чего живутъ эти люди? Вопросъ этотъ неновый, имъ могла задаться даже Мара г. Писемскаго. Но дѣло не въ вопросѣ, а въ отвѣтѣ. А какой отвѣтъ былъ у Рудина, Сакса, Лаврецкаго. Какъ бы они научили Увара Ивановича жить иначе, чему бы они научили Елену? Они могли воспитать только Полинекъ, Леночекъ, Танечекъ; но пора Леночекъ и Танечекъ проходила, ихъ дряблость становилась ясною, слѣдовательно и для активной, энергической Елены требовались иные учителя и воспитатели. И вотъ г. Тургеневъ изобрѣтаетъ Инсарова, на котораго онъ переноситъ русскiя черты, да только заставляетъ его дѣлать нерусское дѣло. Инсаровъ задумавъ путь того же творческаго процесса, какъ и Елена. Если хотите Инсаровъ—Рудинъ, вывороченный на изнанку. Рудинъ носится съ своею мировою любовью по свѣту и ничего не дѣлаетъ, но появивъ наконецъ, что это и въ самомъ дѣлѣ ужь очень глупо, преобразуется въ Инсарова и отправляется спасать болгаръ. Впрочемъ и настоящiй Рудинъ сдѣлалъ почти тоже самое, хотя изъ другого побужденiя—онъ пошелъ спасать французовъ и погибъ на баррикадѣ. Героическую Елену конечно могъ удовлетворить лишь какой нибудь Инсаровъ, а кто бы могъ удовлетворить ее еще полнѣе и изъ русскихъ,—г. Тургеневъ самъ не зналъ, потому что никогда не стоялъ на реальной почвѣ и не могъ даже представить себѣ людей другого закала.

Въ этомъ смыслѣ и Елена является плодомъ оранжерейнымъ, хотя и изъ другой оранжереи, тѣмъ Полиньки и Лизы. Для этихъ милыхъ дѣвицъ вся жизнь заключалась въ нѣжныхъ чувствахъ къ мужчинамъ и въ плѣнительномъ эгоизмѣ вдвоемъ. Лиза, когда ей не удалось выдти замужъ за Лаврецкаго—пошла въ монастырь, Батисъ Прыхина у г. Писемскаго отправилась по тому же побужденiю въ сестры милосердiя, Клеопатра Петровна излюбовалась до того, что умерла въ чахоткѣ. Въ той же единственной цѣли жизни причина бѣдствiй Лаврецкаго, Соковлина, Сакса, а ужь, кажется, имъ-то можно бы найти себѣ дѣло. Оттого-то они такъ и боятся, чтобы ихъ не разлюбили; оттого-то они и превосходные мужья.

Но Елена даже и на пути любви стоитъ неизмѣримо впереди своихъ предшественницъ. Ея любовь изъ двухъ элементовъ; исчез-

неть одинъ, останется другой и примѣру Лизы ужь ни въ какомъ случаѣ слѣдовать не придется. И несмотря на то, жаль, что судьба послала ей въ развиватели Инсарова. Инсаровъ, неоспоримо, человѣкъ хорошій, сильный, стремленія его превосходныя, но тѣмъ не менѣе жаль, что Елена не могла додуматься своимъ умомъ до такихъ требованій, болѣе близкихъ къ родной почвѣ, на которой она выросла. И что это за злополучный рокъ, что судьба русской женщины зависитъ такъ рабски отъ мужчины, на котораго натолкнетъ ее случай. Вѣдь нужно же, чтобы Инсаровъ былъ пріятелемъ Берсенева! Ну, а если бы его пріятелемъ были Базаровъ или Маркъ Волоховъ? И не было ли бы это лучше? Отчего же Елена не могла сама додуматься до того, на что ее такъ хорошо наводила жизнь? Чего могли значить ужь одни уроки нищей Кати! Тутъ и бѣдность, тутъ и стремленіе пожить на всей Божьей волѣ. Кажется, выводъ прямой. Онъ не дался потому, что идеализація, переходившая изъ поколѣнія въ поколѣніе, наложила свою печать и на Елену. Скверность окружающаго научила ее мечтать, а неумѣнье создать дѣло подъ руками заставило искать его въ искусственномъ, далекомъ мірѣ, за разверзавшимися занавѣсами.

Но несмотря на все это, русская женщина, созданная эпохой жорзандизма, вышла далеко выше мужчины сороковыхъ годовъ, выродившагося въ Берсенева. Это фактъ, констатируемый г. Тургеневымъ, знавшимъ свое время, и мы не имѣемъ никакого основанія сомнѣваться въ его вѣрности. Новая женская форма, несмотря на свою здоровую сущность, не могла служить однако руководящимъ идеаломъ, хотя г. Тургеневъ, какъ кажется, усиливался придать такое значеніе Еленѣ. Правда, Елена выразила великую готовность нести всѣ тягости жизни Инсарова—и лишенія, и опасности, и униженіе и даже работать своими руками; но мы изъ всего того, что говоритъ авторъ о ея воспитаніи, не видимъ доказательствъ, чтобы она имѣла хоть какую нибудь подготовку для жизни труда и лишеній. Дѣйствительно она иногда ѣла съ Катей черствый хлѣбъ, да вѣдь этого еще мало. Елена росла мечтательной дѣвушкой, она слишкомъ работала воображеніемъ, постоянно уходила въ себя, удалялась отъ людей и никогда не спускалась съ идеально-мечтательной высоты, которая худо выдѣлываетъ человѣка для практической жизни. Умѣла ли Елена даже шить?

Елена послѣдній продуктъ идеала людей сороковыхъ годовъ. И дѣйствительно, между Полиньюкой Саксъ и Еленой разстояніе громадно. Но зато Еленой г. Тургеневъ похоронилъ и себя, и все

свое поколѣніе. Елена была лебединой пѣснію г. Тургенева, его послѣднимъ прогрессивнымъ словомъ. Выше Елены люди сороковыхъ годовъ выдумать ничего не могли; но это имъ не укоръ, — нельзя же имъ было выдумывать и послѣ смерти. На почвѣ русскаго жорзандизма они сдѣлали много и русская женщина помянетъ ихъ такимъ же добрымъ словомъ, какимъ поминаютъ Станкевича, Грановскаго, Бѣлинскаго и всѣхъ честныхъ людей того времени.

Я знаю, что моя похвала людямъ сороковыхъ годовъ понравится не всѣмъ и считаю это не больше какъ недоразумѣніемъ, происходящимъ оттого, что мы до сихъ поръ еще не условились, кого называть людьми сороковыхъ годовъ. Объяснимъ примѣромъ. Въ обыкновенной рѣчи деньги называются капиталомъ; но на языкѣ экономической науки одни и тѣже сто рублей могутъ быть, а могутъ и не быть капиталомъ. Капиталъ только то, что можетъ быть элементомъ производства, а если сто рублей лежатъ неподвижно въ сундукѣ — они не капиталъ, а экономическій нуль. Не та ли же неясность обыденной рѣчи создаетъ и наше недоразумѣніе по поводу людей 40-хъ годовъ. Если вы меня спросите: г. Тургеневъ человѣкъ сороковыхъ годовъ? я, въ свою очередь, спрошу васъ о какомъ Тургеневѣ вы говорите — о томъ ли, который написалъ «Записки Охотника», или о томъ, который написалъ «Дымъ?» Если вы меня спросите: Писемскій человѣкъ сороковыхъ годовъ? — я васъ тоже спрошу, о какомъ Писемскомъ вы говорите, о томъ ли, который написалъ «Плотничью артель», или объ авторѣ «Взбаломученнаго моря?» Если вы меня спросите: Гончаровъ человѣкъ сороковыхъ годовъ? я снова спрошу васъ, о какомъ Гончаровѣ вы заводите рѣчь, о томъ ли, который написалъ «Обыкновенную исторію», или о томъ, который напечаталъ «Обрывъ?» Если вы меня спросите: Станкевичъ, Бѣлинскій, Грановскій люди сороковыхъ годовъ? я скажу — «да, люди сороковыхъ годовъ, къ которымъ принадлежали нѣкогда Тургеневъ и въ нѣкоторой степени гг. Писемскій и Гончаровъ, но уже нынче не принадлежать.» У каждаго времени есть свое прогрессивное слово, которое оно высказываетъ; прогрессивное дѣло, которое оно дѣлаетъ. У людей сороковыхъ годовъ было тоже свое слово и свое дѣло, которыя они сказали и сдѣлали честно; у нихъ была и большая теоретическая работа, въ чемъ вы можете убѣдиться изъ сочиненій Бѣлинскаго и сильная пропаганда жорзандизма, въ чемъ вы можете убѣдиться изъ романовъ и повѣстей людей сороковыхъ годовъ. Но это поколѣніе хорошихъ лю-

дей вымерло съ тѣхъ поръ, какъ перестало говорить прогрессивнымъ языкомъ. Гг. Тургеневъ, Писемскій, Гончаровъ, которые изрѣдка напоминаютъ о себѣ и теперь, совсѣмъ не тѣ люди, которыхъ бы Бѣлинскій призналъ людьми своего поколѣнія. Чтобы быть человѣкомъ сороковыхъ годовъ, мало родиться въ 1820 году и въ 1840 году кончить курсъ въ московскомъ университетѣ. Пожалуй и Вихровъ сдѣлалъ такую же штуку, но кто же признаетъ его человѣкомъ сороковыхъ годовъ, кромѣ г. Писемскаго? Чтобы имѣть право на названіе человѣка сороковыхъ годовъ, нужно было сослужить службу своему времени, помочь ему въ его дѣлѣ. Раскройте народную перепись 1820 года, вы найдете въ ней 15 миллионъ новыхъ именъ — неужели это все люди сороковыхъ годовъ? Наше недоразумѣніе происходитъ оттого, что, сказавъ «люди 40-хъ годовъ», вы представляете себѣ сейчасъ же Тургенева съ «Дымомъ», Писемскаго съ «Взбаломученнымъ моремъ», Гончарова съ «Обрывомъ», а зачѣмъ же не Бѣлинскаго, Станкевича, Грановскаго и другихъ прогрессивныхъ писателей той эпохи, выразившихъ собою духъ и стремленія времени? Каждой эпохѣ даютъ названіе прогрессивные люди, ихъ только именемъ оно и зовется. Развѣ придетъ кому нибудь въ голову назвать шестидесятые года временемъ Всеволода Костомарова?

Людей сороковыхъ годовъ нѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ нѣтъ Россіи сороковыхъ годовъ. Гдѣ ея школы, чиновники, суды, ея крѣпостное право? Вызовите изъ могилы тѣнь Бѣлинскаго, покажите ему теперешнюю Россію и спросите—та-ли это Россія, что тридцать лѣтъ назадъ? Нынѣ Бѣлинскаго позволено читать ужъ и гимназистамъ, а тогда не смѣли читать его генералы. Мы знаемъ, что живи Бѣлинскій въ наше время, онъ страдалъ бы и теперь, какъ страдалъ тогда, онъ стремился бы и теперь горячо къ чему-то,—потому что Бѣлинскіе всегда чудачки и никогда не умѣютъ быть довольными настоящимъ,—но это *что-то* было бы уже совсѣмъ инымъ, нисколько непохожимъ на его тогдашній идеалъ. Ужъ одна отмена крѣпостного права сломала весь строй жизни сороковыхъ годовъ въ такой степени, что романы г. Тургенева, въ которыхъ мы еще въ 1860 году, находили вопросы времени, теперь для насъ область историческаго прошлаго, какъ «Семейная хроника» Аксакова; немножко поближе къ намъ—только въ этомъ и разница. Покажите, гдѣ Саксы, Лаврецкіе, Рудины, Райскіе? Можетъ быть, вы ихъ найдете въ Николаевскѣ на Амурѣ, можетъ быть, отыщете и въ Петербургѣ; но въ томъ же Петербургѣ можно найти и людей IX

вѣка; только что же изъ этого? Мы все-таки утверждаемъ, что Саксы, Лаврецкіе, Рудины, Райскіе, Наташи и Елены умерли вмѣстѣ съ ихъ авторами. Да, и Елена умерла! Никого нѣтъ въ живыхъ изъ того времени. Вы думаете, что провинція, читая такъ жадно «Обрывъ», вѣрила въ существованіе Марковъ, Райскихъ, Марфинекъ, Вѣръ? Ничуть не бывало. Она только оглядывалась съ недоумѣніемъ и если молчала, то лишь по неспособности формулировать свое недоумѣніе. Не отнимайте отъ общества здраваго смысла, которымъ не всегда владѣютъ всегда готовые поучать его русскіе романисты. Думать, что гг. Тургеневъ, Гончаровъ, Писемскій могутъ повернуть Россію хотя на іоту назадъ—значить приписывать имъ тринадцатый подвигъ Геркулеса, а себя превращать въ умственного пигмея. Вѣдь вы на это не согласитесь? Я вовсе не хочу сказать, что у нашего времени нѣтъ враговъ;—тупости, рутины, отсталости, бѣдности и вообще всякой нищеты—умственной и матеріальной—всему этому имя легионъ. Вотъ эта-то умственная нищета и завербовала въ свои ряды гг. Тургенева, Гончарова, Писемскаго и многихъ другихъ и стерла съ нихъ всѣ признаки прогрессивности; но она завербовала ихъ не какъ представителей сороковыхъ годовъ. — Бѣлинскаго она бы не завербовала.

ХІІІ.

Умственный прогрессъ идетъ преемственно изъ поколѣнія въ поколѣніе. Каждое поколѣніе кладетъ свой камень въ основу того зданія, которое воздвигается вѣками. Тутъ своего рода геологическое наслоеніе. Люди сороковыхъ годовъ положили свой кирпичъ и умерли; умерла ихъ идея, умерли ихъ стремленія и на старый, уже каменѣющій слой, новая жизнь осаждаеть слой новый. Пытаться воскрешать покойниковъ больше, чѣмъ бесполезно; это пустая трата силъ, отрываемыхъ отъ живого дѣла.

Да и какіе же это люди сороковыхъ годовъ, когда отъ cadaго ихъ теперешняго слова вѣетъ оскорбленнымъ самолюбіемъ, бессильнымъ раздраженіемъ и усталостію! Для насъ люди сороковыхъ годовъ—образъ идеальный, соединяющій въ себѣ, какъ бы въ фокусѣ, лучшія стремленія своего времени. Если вы спросите, кто же человекъ сороковыхъ годовъ—Бѣлинскій, Станкевичъ, Гранов-

скій, Кудрявцевъ, Катковъ, Тургеневъ, Гончаровъ? Мы отвѣтимъ, что никто изъ нихъ въ отдѣльности; но если изъ каждаго изъ нихъ взять лучшее, то можно создать идеальный типъ своего времени; этотъ искусственно-созданный образъ и будетъ представителемъ тѣхъ хорошихъ мыслей, той прогрессивной идеи, изъ которой люди дѣла создали новый русскій общественный порядокъ. Но развѣ гг. Тургеневъ, Писемскій, Гончаровъ, если мы станемъ судить ихъ по ихъ послѣднимъ произведеніямъ, являются представителями хотя какой-либо прогрессивности?

Не обманывайтесь тѣмъ, что г. Тургеневъ заставляетъ говорить за себя Литвинова и Потугина. Мы знаемъ, что это говорить самъ авторъ. Если бы Литвиновъ и Потугинъ говорили противъ личныхъ убѣжденій г. Тургенева—онъ бы ихъ опровергнулъ. Не опровергъ—значитъ говорить самъ. «Дымъ, дымъ и дымъ, все дымъ и парь, вся русская жизнь, все людское и особенно все русское—дымъ», говорить г. Тургеневъ.—Все какъ будто безпрестанно мѣняется, всюду новые образы, явленія бѣгутъ за явленіями, а въ сущности все тоже, да тоже; все торопится, спѣшитъ куда-то и все исчезаетъ безслѣдно, ничего не достигая; другой вѣтеръ подулъ — и бросилось все въ противоположную сторону, и тамъ опять таже безустанная, тревожная и ненужная игра. И то, что еще такъ недавно совершалось съ трескомъ и громомъ—дымъ, и всѣ эти горячіе споры и толки молодежи, мечтающей о преобразованія міра—дымъ; и сужденія и рѣчи государственныхъ людей—дымъ; и все на свѣтѣ—дымъ и парь. Эту мысль, конечно не по-русски, высказалъ много ранѣе г. Тургенева еще царь Соломонъ.

И гдѣ эти люди, гордые, самонадѣянные, стремившіеся въ чему-то? продолжаетъ г. Тургеневъ, уже не въ видѣ монолога, а въ лицахъ. Опошлились или подломились; либералы стали крѣпостниками, люди свободолюбивые—превратились въ лакеевъ. Даже Губаревъ, божественный Губаревъ, несокрушимый, какъ скала, сокрушился и сталъ ругать мужиковъ скотами и свиньями и грозилъ имъ побоями: «бить ихъ надо, вотъ что, по мордамъ бить...» говорить онъ.

Да и какого ждать толку отъ Россіи! Кто мы? На что способны, гдѣ наша сила? «Мы славяне, говорить авторъ «Дыма», вообще, какъ извѣстно, силой воли не богаты. Что прикажете дѣлать?! Правительство освободило насъ отъ крѣпостной зависимости, спасибо ему; но привычка рабства слишкомъ глубоко въ насъ вѣдрилась: не скоро мы отъ нихъ отдѣлаемся. Намъ во всемъ и всюду нуженъ ба-

ринь; бариномъ этимъ бываетъ, большею частію, живой субъектъ; иногда какое нибудь такъ называемое направленіе надъ нами власть возымѣтъ... теперь, напримѣръ, мы всё къ естественнымъ наукамъ въ кабалу записались... Почему, въ силу какихъ резонансовъ записываемся въ кабалу—это дѣло темное; такая ужъ видно наша натура. Но главное дѣло, чтобъ былъ у насъ баринъ. Ну вотъ онъ и есть у насъ; это, значитъ, нашъ, а на все остальное мы наплевать! Чистые холопы! И гордость холопская, и холопское униженіе. Новый баринъ народится—старого долой! То былъ Яковъ, а теперь Сидоръ; въ ухо Якова, въ ноги Сидору! Вспомните, какія въ этомъ родѣ у насъ происходили продѣлки! Мы толкуемъ объ отрицаніи, какъ объ отличительномъ нашемъ свойствѣ; но и отрицаемъ-то мы не такъ, какъ свободный человѣкъ, разящій шпагой, а какъ лакей, лупящій кулакомъ, да еще, пожалуй, и лупить-то онъ по-господскому приказу». Крѣпко выражается г. Тургеневъ, ужъ видно очень разсердился.

Отдѣлавъ образованныхъ, г. Тургеневъ обращается къ русскому мужику. «Русскій народъ... о! это великій народъ. Видите этотъ армякъ? вотъ откуда все пойдетъ. Всѣ другіе идола разрушены; будемъ же вѣровать въ армякъ. Ну, а коли армякъ выдастъ? Нѣтъ, онъ не выдастъ, прочтите Кохановскую и очи въ потолоки! Право, если бы я былъ живописцемъ—все это за г. Тургенева говорить Потугинъ — вотъ бы я какую картину написалъ: образованный человѣкъ стоитъ передъ мужикомъ и кланяется ему низко: вылежи, молю, меня, батюшка-мужичекъ, я пропадаю отъ болѣсти, а мужикъ, въ свою очередь, низко кланяется образованному человѣку: научи, молю, меня, батюшка-баринъ, я пропадаю отъ темноты. Ну, и разумѣется, оба ни съ мѣста...»

А внутренній социально-экономическій бытъ ужъ и не говорите. «Хозяиничать Литвинову въ своемъ имѣніи оказывалось невозможнымъ, нужда заставляла перебиваться со дня на день, соглашаться на всякія уступки—и вещественныя, и нравственныя. Новое принималось плохо, старое всякую силу уотеряло; неумѣлый сталкивался съ недобросовѣстнымъ; весь поколебленный бытъ ходилъ ходуномъ, какъ трясна болотная...»

Что же это такое, какъ не рефлексія, погубившая Рудина? Все развѣдаетъ она въ человѣкѣ, даже самую мысль. Если писатель доходитъ до такого нравственнаго состоянія—онъ умеръ, сколько бы лѣтъ онъ не влачилъ потомъ свое земное существованіе. Писаніе его дѣлается уже патологическимъ продуктомъ, какъ у Гоголя его

исповѣдь и переписка съ друзьями. Человѣкъ мысли умираетъ съ того момента, когда онъ перестаетъ служить лучшимъ стремленіямъ своего поколѣнія, когда онъ поетъ прежнюю пѣсню, не чуя, что наступили другія времена и нужны другія пѣсни...

Отсталость г. Писемскаго другого характера. Онъ не можетъ впасть въ рефлексію, потому что слишкомъ убѣжденъ въ свою непогрѣшимость. Изъ всякаго слова г. Писемскаго видно, что онъ принадлежитъ къ породѣ русскихъ самородковъ, противъ которыхъ такъ яро говоритъ Потугинъ. «Нашъ братъ самородокъ «трень-брень» вальсикъ или романчикъ, и, смотришь, уже руки въ панталоны и ротъ презрительно скривленъ: я, моля, гений. И въ живописи тоже самое, и вездѣ... Нѣтъ; будь ты хоть семи пядей во лбу, а учись, учись съ азбуки! *Не то молчи, да сиди, поджавши хвостъ!*» Писаревъ справедливо говоритъ, что образъ мыслей г. Писемскаго загроможденъ предрасудками, противорѣчіями и разлагающимися остатками кошихинской старины. Но Писаревъ несправедливъ, когда онъ видитъ въ г. Писемскомъ художника и объективнаго писателя. Именно той чистой художественности, въ основѣ которой, какъ у Тургенева, лежитъ теплое человѣческое чувство, у г. Писемскаго рѣшительно нѣтъ и никогда не было. Онъ запутывается въ собственныхъ противорѣчіяхъ, его подавляетъ масса житейскихъ фактовъ, которыхъ онъ никакъ не въ состояніи обобщить до идеала или типа. У г. Писемскаго никакъ не поймешь, что онъ хочетъ сказать и на вашъ вопросъ, что же дѣлать? — вы видите, что авторъ только молча разводитъ руками. Оттого то такъ и жалка мелкая, всеразрушающая объективность г. Писемскаго. Нарисуетъ онъ вамъ дурака или взяточника или самодура, нарисуетъ онъ вамъ семейную драму, подавляющую васъ своею духотой—и думайте, что себѣ хотите. Мы знаемъ, что критикъ открыто широкое поле говорить *по поводу* подобныхъ произведеній. Но вѣдь это только по поводу. Да хотѣлъ ли, напримѣръ, г. Островскій сказать въ своихъ сочиненіяхъ то, что сказалъ по поводу ихъ Добролюбовъ въ «Темномъ царствѣ?»

Въ г. Писемскомъ была своего рода сила, но сила колобродящая, неустановившаяся; вы видите писателя ничѣмъ недовольнаго, ничѣмъ неудовлетвореннаго, но въ тоже время лишеннаго всякаго гуманно-общественнаго чувства, лишеннаго ясно-сознаннаго стремленія. У Тургенева вы встрѣтите идеальные типы, по которымъ можете прослѣдить исторію развитія нѣкоторыхъ русскихъ мыслей и нѣкоторыхъ лучшихъ русскихъ стремленій. Тургенева можно при-

знать русскимъ Жоржъ Зандомъ, ибо никто лучше его не анализировалъ женскаго чувства, никто лучше его не создалъ разнообразныхъ женскихъ идеаловъ, не изобразилъ страданій извѣстныхъ душевныхъ состояній. Г. Тургеневъ въ этомъ отношеніи имѣеть важное воспитательное значеніе. А г. Писемскій хватитъ васъ, точно обухомъ по лбу, задушитъ васъ какимъ-то смраднымъ воздухомъ и ни однимъ намекомъ не укажетъ, гдѣ спастись отъ обука, гдѣ найти свѣжій воздухъ. И мы понимали бы подобное направленіе таланта г. Писемскаго, если бы въ этой затхлости была послѣдовательность. Мы пришли бы къ выводу, если бы васъ вели къ нему. Г. Писемскій не ведетъ никуда, да онъ и самъ не знаетъ, куда идти, и потому постоянно себѣ противорѣчитъ. Вы наконецъ теряете въ него всякую вѣру и отворачиваетесь отъ него, какъ отъ человѣка, который не въ состояніи сказать вамъ ничего гуманнаго, полезнаго и опредѣленнаго. Указываютъ на то, что г. Писемскій рисуеъ всю мерзость жизни, всю ея духоту и какъ бы является отрицателемъ. Но вѣдь и Потугинъ г. Тургенева все и всѣхъ отрицаетъ, потому что страдаетъ геморроемъ и какою-то болѣзнію печени. Отъ такого отрицанія никому ни тепло, ни холодно.

А между тѣмъ какаа неизмѣримаа гордость. Съ скромностію истиннаго самородка, г. Писемскій вообразилъ себя Геродотомъ и говорить... ну какъ вы думаете, что онъ говоритъ?— «пусть будущій историкъ со вниманіемъ и доверіемъ прочтетъ наше сказаніе (Взбаломученное море); мы представляемъ ему вѣрную, хотя и неполную картину нравовъ нашего времени и если въ ней не отразилась вся Россія, то за то тщательно собрана вся ея ложь». Господи, Господи! до чего можетъ дописаться безсознательное творчество.

И считая своихъ читателей совсѣмъ мальчиками, г. Писемскій поучаетъ ихъ уму-разуму устами своихъ героевъ. Мы не противъ назидательнаго элемента литературныхъ произведеній. Въ назиданіи ихъ — сила. Но назиданіе должно заключаться въ тѣхъ ощущеніяхъ, которыя переживаетъ читатель, и въ тѣхъ выводахъ, которые онъ самъ дѣлаетъ. Г. Писемскій поступаетъ на выворотъ. Весь романъ «Люди 40-хъ годовъ» и особенно пятая, послѣдняя часть, непрерывный «разговоръ о добрѣ и злѣ»; разговоръ, въ которомъ вы видите худо-спиртавашагося за занавѣсками автора, суфлирующаго своихъ героямъ. Главнымъ резонеромъ является конечно герой романа, Вихровъ, резюмирующій наконецъ всю мудрость г. Писемскаго въ слѣдующемъ монологѣ: «Геній нашего народа, раз-

суждаетъ Вихровъ, пока выразился только въ необыкновенно *здравомъ умѣ*, и вслѣдствіе этого въ сильной устойчивости; въ насъ нѣтъ ни французской галантерейности, ни глубокомыслія нѣмецкаго, ни предпріимчивости англійской, но мы очень *благодарны* и *разсудительны*: насъ ничѣмъ нельзя очень порадовать, но за то ничѣмъ и не запугать. Мы строимъ наше государство медленно, но изъ хорошаго матеріала; удерживаемъ только настоящее, а все ложное и фальшивое выкидываемъ. Что нашъ аристократизмъ и демократизмъ совершенно миражныя явленія—въ этомъ сомнѣваться нечего; сколько вотъ я ни ѣздилъ по Россіи и ни прислушивался къ кореннымъ и любимымъ понятіямъ народа, по моему мнѣнію, въ ней не должно быть никакого дѣленія на сословія—и она должна быть, если можно такъ выразиться, по преимуществу государствомъ хоровымъ, гдѣ каждый пѣлъ бы во весь свой полный, естественный голосъ и въ совокупности выходило бы все это согласно.. Этому свойству русскаго народа мы видимъ безпрестанное подтвержденіе въ жизни: у насъ есть хоровыя пѣсни, хоровыя пляски, хоровыя гулянья... У насъ нѣтъ, напримѣръ, единичныхъ хорошихъ голосовъ; но за то у насъ хоръ русской оперы, я думаю, первой въ мірѣ. У насъ — превосходная придворная капелла; у каждаго архіерея отличный хоръ пѣвчихъ». Благодушная, но глупенькая Мари слушаетъ съ благоговѣніемъ эту дѣтскую болтовню, эту пародію на Погодинскіе афоризмы Вихрова, и думаетъ, что онъ и въ самомъ дѣлѣ Колумбъ, открывшій Америку.

А между тѣмъ нашъ Колумбъ въ сущности не ушелъ дальше гоголевскаго Манилова. Г. Писемскій серьезно полагаетъ, что здравый смыслъ есть сокровище, котораго нѣтъ ни у кого, кромѣ русскихъ, вовсе не подозрѣвая того, что здравый смыслъ есть и у готентотовъ. Здравый смыслъ не больше, какъ практическая способность выбрать изъ двухъ очевидностей одну, болѣе выгодную. Ну у кого же нѣтъ этой способности? Всякій народъ усваиваетъ то, что ему годится, и не принимаетъ того, чего ему ненужно. Вопросъ вовсе не въ этомъ, а въ томъ, что г. Писемскій считаетъ себя весталкой, хранищей неугасимый огонь русскаго здраваго смысла. Но вѣдь тоже самое думаетъ о себѣ и г. Тургеневъ, и г. Гончаровъ и всѣ тѣ, кто несогласенъ съ ними. Кто же тотъ истинный представитель русскаго здраваго смысла, которому суждено создать русскій согласный хоръ? Г. Писемскій говоритъ -- народъ, а г. Тургеневъ смѣется надъ народомъ и надъ вѣрой въ спасительный армякъ. Но и г. Писемскій вовсе не такъ искренно вѣ-

рять въ русскій здравый смыслъ, какъ онъ ораторствуетъ въ «Зарѣ». Превознося русскій здравый смыслъ и указывая на него, какъ на единственный якорь спасенія, г. Писемскій въ тоже время говоритъ, что „всѣ у насъ живутъ по какому-то точно навсегда уже установившемуся для русскаго царства механизму. Разумѣтся, всѣмъ, кто поумиѣ и почестиѣ, какъ-то неловко; но всѣ въ тоже время располагаютъ свою жизнь по тѣмъ правиламъ, которыя скорѣй пришли къ намъ черезъ ухо, чѣмъ выработались изъ собственного сердца и пониманья“. И неужели и это здравый смыслъ? Г. Писемскій скажетъ, что онъ говоритъ это не о народѣ, что образованные довели Россію до такого состоянія; зачѣмъ же вы говорите въ такомъ случаѣ о способности русскаго человѣка къ хору и залогъ русской общественной и политической мудрости видите въ томъ, что у каждаго архіерея есть пѣвчіе и что хоръ русской оперы лучшій въ мірѣ. Русскому Геродоту подобныя младенческія доказательства приводить неприлично. Да и ссылкой на народъ г. Писемскій тоже себя не защититъ. Конечно онъ усиливается изобразить изъ себя друга народа и сторонника его здраваго смысла; но въ тоже время онъ трактуетъ излюбленный для него народъ немногимъ лучше Бирскаго исправника. По теоріи г. Писемскаго стремленія русскаго народа слѣдуетъ объяснять лишь его хороватостію, а двигающей силой долженъ быть здравый смыслъ. Но тотъ же г. Писемскій въ „Взбаломученномъ морѣ“ выставляетъ русскаго простаго человѣка такимъ олицетвореніемъ тупоумія, что больно читать. Нѣкогда «Время» обрушилось на г. Н. Успѣнскаго за его рассказы изъ народнаго быта; но мужики Успѣнскаго не бывали никогда такъ глупы, какъ мужики г. Писемскаго. Все, что шевелилось на днѣ души русскаго человѣка, всѣ его социальна-экономическія теоріи и стремленія г. Писемскій свелъ къ простому наущенію бѣжавшаго кучера Михайлы, разбойника, вора и убійцы. Ну какой же тутъ здравый смыслъ, какое же это адвокатство за народъ! Какой же вы русскій! И г. Писемскій всегда таковъ: въ монологѣ онъ прочитаетъ вамъ лекцію о хорѣ, а въ лицахъ изобразитъ какогонибудь Михайлу, за которымъ, какъ стадо барановъ, тянется міръ.

Или, можетъ быть, это объективность? Дѣйствительно, кого бы ни рисовалъ г. Писемскій—это всегда какоенибудь нравственное уродство и искаженіе. И чѣмъ човѣкъ больше изуродованъ, тѣмъ онъ лучше въ изображеніи г. Писемскаго. Оттого-то у него такъ и хороши какойнибудь циникъ Іона, мужикъ-негодяй, ра-

сходившаяся черноземная сила. Но чуть г. Писемскому приходится изображать людскую порядочность — у него выходятъ китайскія тѣни въ родѣ Вихрова, Мари, Марьѣновскаго и Евпраксіи. Пресловутая же русская хорватость оказывается лишь тогда, когда нужно совершить какія либо пакости. Г. Писемскій точно не видѣлъ ни одного живого человѣка, который бы пришелся ему по вкусу; его живые люди всегда разбойники, негодяи или дураки; его идеалы—всегда тѣни. А въ тоже время онъ льститъ русскому здравому смыслу и увѣряетъ читателя, что у него болитъ душа за всѣхъ страдающихъ. Какой, право, добрый! Впрочемъ Писаревъ весьма вѣрно сказалъ, что когда г. Писемскій примется разсуждать, то хоть святыхъ вонъ выноси.

Нигдѣ безсиліе г. Писемскаго не обнаруживается въ такой несчастной наготѣ, какъ въ «Людахъ сороковыхъ годовъ». Мы нисколько не сомнѣваемся, что ему хотѣлось весьма искренно похвалить этихъ людей; но какъ г. Писемскому приходилось въ этомъ случаѣ имѣть дѣло съ людьми порядочными, даже идеальными, а онъ мастеръ рисовать лишь кучеровъ, да и то только дурного поведенія, то люди сороковыхъ годовъ изобразились у г. Писемскаго очень маленькими карликами, немножко смѣшными, а больше жалкими.

Чтобы понять эпоху и людей, нужно быть способнымъ проникнуться ихъ чувствами и мыслями. Если нѣтъ ни того, ни другого, не можетъ быть и создано ничего сильнаго. Вотъ на чемъ мы основываемъ свое мнѣніе о полной непрогрессивности г. Писемскаго и о томъ, что, укоряя другихъ въ мелочной лжи, онъ не замѣчаетъ въ своемъ глазу бревна. Пусть молодые лгали, но они лгали искренно.

Способность создавать героевъ есть не больше какъ способность проникнуться величіемъ данной идеи. Геройъ есть идея коллективная. Изъ отдѣльныхъ небольшихъ людей берутся отдѣльныя черты, отдѣльныя силы, которыя концентрируются въ одномъ идеалѣ, въ вымышленномъ лицѣ, въ героѣ. Оттого-то герой — идеаль, оттого онъ и сила, въ которомъ каждый найдетъ частичку самого себя. Въ героѣ олицетворяются народныя страданія, народныя стремленія, народная дума, или стремленія и идеи образованнаго общества или части его. Такимъ образомъ, въ лицѣ героя соединяются силы тысячей, сотенъ тысячъ людей, смотри по размѣру и большей или меньшей всеобщности стремленія. Чѣмъ сильнѣе въ авторѣ способность выразить эту силу, сконцентрированную въ иде-

альномъ героѣ, тѣмъ выше талантъ автора; чѣмъ слабѣе—тѣмъ талантъ слабѣе. Выразить стремленія страны въ данную минуту и идеальномъ героѣ величайшая задача и заслуга писателя. Выразитъ ли онъ житейскую мерзость, выразитъ ли онъ благородныя прогрессивныя порывы — все равно, лишь бы въ героѣ сказались сила и правда. Размѣромъ этой силы и правды, какъ масштабомъ мѣрится авторскій талантъ. Наболѣвшее народное чувство побѣдоносной неволей, вредное вліяніе крѣпостной системы на всѣ стороны общественной жизни, горячій порывъ лучшихъ русскихъ людей спасти свою страну отъ крѣпостной язвы и устроить порядочныя общественныя и частныя отношенія, наконецъ осуществленіе этого стремленія въ отмѣнѣ крѣпостного права и въ гласномъ судѣ—вотъ картина, которую задумалъ г. Писемскій нарисовать въ своемъ послѣднемъ романѣ. Картина не маленькая; захвачена цѣлая четверть столѣтія; есть надъ чѣмъ подумать и погрызть перо. Что же нарисовалъ г. Писемскій въ дѣйствительности?

Всѣхъ своихъ героевъ онъ показалъ сначала въ эмбрионѣ, въ мальчишки и дѣвочки, фигурировавшіе въ первыхъ частяхъ въ патапончикяхъ и манишечкахъ, оказались потомъ государственными людьми и тѣми людьми дѣла, которые осуществили общественный идеалъ людей сороковыхъ годовъ. Красивый мальчикъ Абреевъ вышелъ красивымъ флигель-адъютантомъ, потомъ молодымъ генераломъ: наконецъ, г. Писемскій сдѣлалъ его губернаторомъ. Вихровъ опредѣляетъ Абреева такъ: онъ военный и съ состояніемъ и потому консерваторъ; Абреевъ — человѣкъ добрый, благородный, деликатный. Онъ олицетворенное безсиліе; онъ вездѣ очень благороденъ, очень обидчивъ, но никакого дѣла подвинуть впередъ не въ состояніи.

Плавинъ, тотъ Плавинъ, который вдохнулъ въ Вихрова страсть къ театру, вышелъ тоже какимъ-то очень важнымъ администраторомъ. По опредѣленію Вихрова Плавинъ статскій и еще добывающійся состоянія, а потому радикаль. Плавинъ дерзокъ, назалъ какъ всѣ выскочки, но онъ сила, хотя и внѣшняя, а все-таки сила. У него нѣтъ никакихъ убѣжденій, но разъ усвоивъ себѣ что нибудь чужое, онъ уже будетъ работать, какъ волъ и ни передъ чѣмъ не остановится. Марьеновскій смотритъ на Плавина еще хуже. По его словамъ, Плавинъ въ сущности ничего; господинъ, очень любящій комфортъ и удобства жизни и визнавшій способъ позывать въ себѣ человѣка весьма способнаго. Способности его заключаются въ томъ, что всѣ новыя предположенія, которыя от-

нихъ пугаютъ и смущаютъ, а другими не совѣмъ съ разу понимаютъ, онъ такъ сумѣетъ показать и объяснить, что ихъ сейчасъ же уразумѣваютъ и перестаютъ пугаться. «Неужели же этотъ господинъ никогда не обличится, размышляетъ Вихровъ о Плавинѣ, и общество не пойметъ, что онъ вовсе не высоко-даровитая личность, а только нахаль и человѣкъ энергическій?»

Генералъ Эйсмондъ, севастопольскій герой, человѣкъ глупый, невѣжественный, но очень храбрый. Послѣ паденія Севастополя петербургское общество приняло Эйсмонда съ энтузіазмомъ, давало ему объѣды, говорило спичи и затѣмъ онъ былъ назначенъ на покойное и почетное мѣсто.

Правовѣдъ Захаревскій, по опредѣленію Марьеновскаго, вышелъ внѣшнимъ, неглубокимъ юристомъ. Но онъ тайный совѣтникъ, съ анненской звѣздой и мученикъ служебнаго честолюбія до того, что даже похуздѣлъ.

Инженеръ Захаревскій вышелъ въ отставку. «Стоитъ, говорить, руки въ грошахъ марать, да еще попреки получать; хватать, такъ хватать милліончики», и сталъ заниматься желѣзнодорожными подрядами.

Одинъ Марьеновскій оказывается хорошимъ человѣкомъ. Это уже совѣмъ сѣдой, нѣсколько даже сгорбленный старикъ, тайный совѣтникъ и со звѣздой. Марьеновскій занимается по устройству новыхъ судебныхъ учрежденій и, по словамъ Вихрова, человѣкъ наиболѣе достойный для этого дѣла. Въ чемъ заключаются достоинства Марьеновскаго, какими заслугами онъ дошелъ до своего теперешняго положенія, г. Писемскій не говорить ни слова. Онъ показалъ его всего два раза: только-что окончившимъ курсъ студентомъ и затѣмъ въ послѣдней части романа сѣдымъ тайнымъ совѣтникомъ. Гдѣ затѣмъ пропадалъ г. Марьеновскій — неизвестно, почему онъ достойный человѣкъ — тоже нигдѣ не объяснено. Вообще Марьеновскій какое-то вводное, случайное лицо. Уже не для того ли г. Писемскій показалъ его въ пятой части, чтобы не огорчать слишкомъ русскихъ администраторовъ, среди которыхъ онъ не усмотрѣлъ ни одного порядочнаго человѣка?

Относительно высшей администраціи г. Писемскій заставляетъ Абреева высказать такое мнѣніе: «Можно имѣть какую угодно систему—самую строгую, тиранническую, потомъ самую гуманную, широкую: всегда найдутся люди, весьма честные, которые часто изъ своихъ убѣжденій будутъ выполнять ту и другую; но когда вамъ сегодня говорятъ: «крути!», завтра: «послабляй!», послѣ завтра

опять «крути!»...— «Какъ же, такъ прямо и пишутъ: «крути и послабляй!» виѣшталась Мари.— О, нѣтъ, отвѣчалъ Абреевъ; но это вы сейчасъ чувствуете по тону получаемыхъ бумагъ, надъ которыми, ей Богу, иногда приходилось дѣлать дни просиживать, чтобы понять, что въ нихъ сказано! На каждой строчкѣ: *но, Впрочем, хотя...* а что именно—этого-то и недоговорено, и изъ всего этого вы могли вывести одно только заключеніе, что вы должны были имѣть желѣзную руку, но мягкую перчатку.»

Изобразивъ въ такомъ видѣ своихъ героевъ, г. Писемскій заставляеть неизмѣримо-самолюбиваго Вихрова проникнуться ниже-слѣдующею несчастною мыслию, которую онъ и высказываетъ Марьеновскому. „Мнѣ иногда приходитъ въ голову нестерпимое желаніе, говорить Вихровъ, чтобы всѣмъ намъ сверстникамъ собраться и отпраздновать наше общее душевное настроеніе. *Общество, Богъ знаетъ, будетъ ли еще вспоминать насъ, будетъ ли благодарно намъ; но по крайней мѣрѣ мы сами похвалимъ и поблагодаримъ другъ друга*“. Тайный совѣтникъ Марьеновскій, отличавшійся, по словамъ г. Писемскаго, большою скромностію, отвѣтилъ: „мысль не дурна!“ Такого отвѣта мы отъ васъ, г. тайный совѣтникъ, не ожидали и намъ очень обидно за проникательность г. Писемскаго, котораго вы такъ лукаво провели за носъ. Онъ васъ рекомендуетъ всѣмъ какъ человѣка скромнаго, а вы хотите дать себѣ торжественный обѣдъ за заслуги и похвалить себя за этимъ обѣдомъ! А съ другой стороны, не спохватился ли самъ г. Писемскій и не захотѣлъ ли онъ поправиться, по примѣру Собакевича, который хотя и нашель прокурора человѣкомъ хорошимъ, но потомъ все-таки выругалъ свиньей?

Обѣдъ, конечно, состоялся и ораторъ торжества, Вихровъ, скалъ, передъ шампанскимъ, слѣдующую рѣчь: „Мм. гг. Всѣ мы, здѣсь собравшіеся на наше скромное празднество, проходили въ жизни совершенно разные пути — и всѣ мы имѣемъ одну только общую черту, что въ большей или меньшей степени принадлежимъ къ эпохѣ нынѣшнихъ преобразованій. Конечно, въ этой громадной перестройкѣ принимали участіе сотни гораздо болѣе сильнѣйшихъ и замѣчательныхъ дѣятелей; но и мы, смѣю думать, имѣемъ право сопричислить себя къ сонму ихъ, потому что всегда, во всѣ минуты нашей жизни, были искренними и безкорыстными хранителями того маленькаго огонька русской мысли, который въ пору нашей молодости чуть-чуть и то воровски тлѣлъ,—того огонька, который въ настоящее время разгорѣлся въ великое пламя всеобщаго го-

сударственного переустройства. Да, милостивые государи, эти реформы обдумывались и облюблились не въ палатахъ тогдашнихъ государственныхъ мужей, а на вышкахъ и въ подвалахъ, въ бѣдныхъ студенческихъ квартирахъ и по скромнымъ гостиннымъ литераторовъ и ученыхъ. Я помню, напимѣръ, какъ нашъ почтенный Викторъ Петровичъ Заминъ, самъ бѣднякъ и почти безъ пристанища, всей душой своей только и болѣлъ, что о русскомъ крестьянинѣ;—какъ Николай Петровичъ Живинъ, служа стряпчимъ, ничего въ мѣрѣ не произносилъ съ такимъ ожесточеніемъ, какъ извѣстную фразу въ студенческой пѣснѣ: „Pereat justitia!“,—какъ Всеволодъ Никандричъ (Плавинъ), компрометируя себя вѣроотно на своемъ служебномъ посту, ненавидѣлъ и возмущался крѣпостнымъ правомъ! Не забыть мнѣ, милостивые государи, и того, какъ нѣкогда блестящій и свѣтскій полковникъ (Абреевъ) обласкалъ и заступился за меня, бѣднаго и гонимаго литератора;—какъ меня потомъ въ пѣломъ городѣ только и привѣтствовали именно за то, что я былъ гонимый литераторъ—это два брата Захаревскіе: одинъ изъ нихъ былъ прокуроръ и бился до послѣднихъ силъ съ деспотомъ-губернаторомъ, а другой—инженеръ, который давно уже бросилъ мелкое поприще чиновника и даровито принялся за дѣло предпринимателя. А васъ, какимъ словомъ опривѣтствовать, обратился Вихровъ къ Марьеновскому,—я уже не знаю: вашей высокополезной, высоко-скромной и честной дѣятельности мы можемъ только удивляться и завидовать въ лучшемъ значеніи этого слова!.. Всѣ эти черты, которыя я перечислилъ изъ нашей прошедшей жизни, даютъ намъ, кажется, право стать въ число людей сороковыхъ годовъ!..“ Всѣ конечно обрадовались, что они такъ легко попали въ люди сороковыхъ годовъ, и стали кричать Вихрову: bravo, прекрасно, прекрасно!

Самый злѣйшій врагъ не поступилъ бы съ такимъ эхиднымъ лукавствомъ, съ какимъ поступилъ г. Писемскій съ героями своего романа и преимущественно съ Вихровымъ. Ну какъ во всѣхъ пяти частяхъ увѣрить, что Вихровъ герой, что онъ человѣкъ сороковыхъ годовъ и затѣмъ передъ самымъ концомъ романа заставить героя такъ позорно провалиться! Г. Тургеневу ничего не стоило заставить Базарова передъ смертію причаститься, однако онъ этого не сдѣлалъ. Какъ, Заминъ, Петинъ, Абреевъ, Захаревскій, Плавинъ люди сороковыхъ годовъ! Да вѣдь вы сами говорите, что они пошляки, Плавинъ даже имѣлъ положительный талантъ понижать всякую порядочную мысль; а инженеръ—Захаревскій этотъ казнокрадъ и грабитель, про котораго Вихровъ не нашелъ сказать ни

чего болѣе, какъ то, что онъ поприще чиновника промѣнялъ на дѣло подрядчика желѣзныхъ дорогъ? Бѣдный Бѣлинскій, если бы онъ зналъ, что его поставятъ на одну доску съ Захаревскимъ! И кто же? Литераторъ, считающій себя не только человѣкомъ сороковыхъ годовъ, но и вѣрнымъ лѣтописцемъ своего времени, лѣтописцемъ, требующимъ, чтобы будущій историкъ Россіи читалъ его романы *со вниманіемъ и довѣріемъ*. И почему бы Вихрову не пригласить на обѣдъ всѣхъ своихъ одновашниковъ по гимназін и университету, почему бы ему не пригласить и станового пристава Огаркина съ женой?

Вихровъ говоритъ, что свершившіяся реформы обдумывались не въ палатахъ тогдашнихъ государственныхъ мужей, а на вышкахъ и подвалахъ, въ бѣдныхъ студенческихъ квартирахъ и по скромнымъ гостиннымъ литераторовъ и ученыхъ. Правда, но только въ этомъ дѣлѣ неповинны ни Заминъ, ни Петинъ, ни Захаревскій, ни Абреевъ, ни Плавинъ, никто изъ тѣхъ, кого Вихровъ собралъ обѣдать у Донона. Самъ Вихровъ же говоритъ, что все это пошляки, недоучки, честолюбивые чиновники и только. Тѣхъ, кто выработывалъ идею, разрѣшившуюся реформами, г. Писемскій намъ не показалъ и Вихровъ на обѣдъ не пригласилъ. Вихровъ даже совсѣмъ и не подозрѣваетъ разницы между людьми прогрессивной идеи и людьми дѣла. Люди сороковыхъ годовъ были людьми идеи и больше ничего. Они страдали за окружающее ихъ общество, они уясняли причины его страданій, но, воплощая въ себѣ идею, они не знали, да и не могли знать, какой потребуется акушеръ для ея рожденія и какіе употребить онъ инструменты. Люди дѣла могли явиться изъ того же поколѣнія людей, могли явиться и изъ другого; у насъ они явились изъ поколѣнія сороковыхъ годовъ. Но въ то время, когда жили люди идеи, людей дѣла еще не было. Дѣло слѣдуетъ за идеей и люди дѣла слѣдуютъ за людьми идеи, когда она вполнѣ созрѣла и сдѣлалась возможной для практическаго осуществленія. Съ воплощеніемъ идеи людей сороковыхъ годовъ начинается періодъ новой русской исторіи; идея, лежащая по ту сторону границы періода—идея уже умершая, у нея не можетъ быть живыхъ представителей, потому что ея самой нѣтъ. По сю же стороны границы начинается новая жизнь, возникаетъ новая идея, воплощеніе которой еще въ будущемъ. Да и что такое романъ г. Писемскаго, какъ не тризна по умершей идеѣ и по умершимъ людямъ. Хочешь быть человѣкомъ новаго періода—живи его идеей; не хочешь—ты умершій.

Но печальную тризну отпраздновалъ г. Писемскій и убого по-

хоронилъ свой собственный талантъ. Таже печальная участь постигла г. Гончарова и г. Тургенева. Люди идеи, они пережили свою идею и новаго слова у нихъ нѣтъ и сказать имъ больше нечего. Тѣ, кто живетъ задами, могутъ еще долго восхищаться «Рудинами», «Дворянскимъ гнѣздомъ», «Обломовымъ», «Обыкновенной исторіей», «Тюфякомъ», но этимъ любителямъ историческихъ памятниковъ никто не мѣшаетъ восхищаться «Вѣдной Лизой», «Юриемъ Милославскимъ», «Послѣднимъ Новикомъ» и даже «Таинственнымъ монахомъ» г. Зотова. Въ обширномъ русскомъ государствѣ есть любители, восхищающіеся даже «Францискомъ Венеціаномъ». Мало ли чего нѣтъ на свѣтѣ! Но если человѣкъ понимаетъ свое время, если онъ въ состояніи понять, что идея сороковыхъ годовъ уже воплотилась и уступила свое мѣсто новой идеѣ, то онъ не можетъ не согласиться, что литературныя произведенія, которыя еще такъ недавно насъ волновали, потому что затрогивали живые вопросы, волновать насъ теперь не могутъ, ибо вопросы эти сданы въ архивъ. Намъ говорятъ, что новые таланты неизмѣримо слабѣе старыхъ, предположимъ даже, что новыхъ талантовъ и совѣтъ нѣтъ, какъ будто отъ этого старое сдѣлается новымъ? Воздадимте живымъ и умершимъ покойникамъ по ихъ заслугамъ и перестанемте объ нихъ спорить и шумѣть. Есть у насъ свое дѣло, какъ и у людей сороковыхъ годовъ: будемте людьми шестидесятыхъ годовъ.

Такъ какъ статья моя растянулась, то я считаю необходимымъ резюмировать то, что я хотѣлъ доказать:

Люди сороковыхъ годовъ для насъ идеальные представители прогрессивной идеи, воплотившейся въ современныхъ реформахъ и въ тѣхъ улучшеніяхъ общественныхъ и частныхъ отношеній, которыя ужъ мы переживаемъ.

Реформы новаго времени составляютъ границу двухъ періодовъ: старой, законченной эпохи 40-хъ годовъ, и новой, начавшейся шестидесятыми годами.

Люди 40-хъ г., какъ представители извѣстной прогрессивной идеи, уже не существуютъ. Врагами людей 60-хъ годовъ являются не они.

Сохранившіеся въ живыхъ писатели предыдущей эпохи, тоже покойники, хотя они и живы. Прогрессивное значеніе ихъ кончилось. Современное безсиліе ихъ вполне доказано ихъ послѣдними произведеніями. Писемскій ослабѣлъ до того, что былъ даже не въ состояніи обрисовать вѣрно и сильно людей своего времени. Онъ оцѣнилъ эпоху, которой гордится.

Съ слѣдующей главы я перейду къ людямъ шестидесятыхъ годовъ.

Н. Ш.

4*

НОВЫЯ КНИГИ.

Очеркъ сѣверной и южной системъ золотыхъ промысловъ Енисейскаго округа, сочиненіе, удостоенное Географическимъ обществомъ малою золотою медали, составилъ дѣйствительный членъ общества, Н. В. Латкинъ. Спб., 1869.

Недавно мы читали въ газетахъ, что золотопромышленникъ Р. предложилъ въ подарокъ французской императрицѣ нѣсколько жеребцовъ; но когда предложеніе было отклонено, то Р. началъ угрожать, что онъ подаритъ упомянутыхъ жеребцовъ первому встрѣчному французу. Намъ кажется, что и г. Латкинъ, золотопромышленникъ и авторъ книжки о прискахъ, поступилъ бы гораздо основательнѣе, если бы деньги, израсходованныя имъ на изданіе своего сочиненія, употребилъ на покупку хорошаго жеребца, для подарка какой нибудь особѣ. Такимъ подаркомъ онъ могъ бы пріобрѣсти, по крайней мѣрѣ, однимъ сторонникомъ больше, что для него было бы выгодно въ виду пересматриваемаго нынѣ золотопромышленнаго устава... Сочиненная же имъ книжка, хотя и удостоенная Географическимъ обществомъ золотою медали, но въ сущности нестоющая и мѣднаго гроша, никого не можетъ подкупить въ свою пользу. Большая часть книги г. Латкина наполнена топографическими свѣденіями о рѣкахъ, горахъ, дорогахъ, станціяхъ, прискахъ; цифрами о количествѣ добываемаго золота и глубокомысленными соображеніями о золотопромывательныхъ машинахъ. Этой части мы вовсе не касаемся; мы остановимся только на тѣхъ свѣденіяхъ, которыми г. Латкинъ хочетъ убѣдить публику относительно сноснаго положенія присковскихъ рабочихъ. Казен-

нымъ слогомъ рапортуеть онъ, что на принскахъ «все обстоитъ благополучно».

Все, что пишутъ «малосвѣдующіе и досужіе писаки» о бѣдственномъ положеніи рабочихъ и эксплуатаціи ихъ, по мнѣнію г. Латкина, не заслуживаетъ никакого вниманія (стр. 119); добродѣтельные золотопромышленники, по увѣренію его, обращаются съ рабочими какъ нельзя лучше и «всѣ уже сознали, что рабочий, хотя и поселенецъ, все же человѣкъ» (стр. 55); содержаніе рабочихъ великолѣпно, помѣщенія здоровы и удобны, расчеты съ ними акуратны и честны (стр. 54, 120—123); есть для рабочихъ «очень удобныя больницы», доктора, фельдшера и акушерки; санитарное состояніе рабочихъ вполнѣ удовлетворительно, даже сифились въ енисейской сырой и холодной тайгѣ, при постоянномъ употребленіи въ пищу солонины, «излечивается довольно легко»; смертность—самая незначительная; «несчастные случаи отъ запыленія землею, камнями и обвалами, замерзаніе и утопленіе, хотя и бывають ежегодно, но не часто и не въ большомъ числѣ, *такъ какъ работы вѣдуться вообще съ должною осторожностью*, почему, если и бывають случаи подобныхъ несчастій, то ихъ можно приписать *неосторожности* самихъ рабочихъ, которые, надо сказать правду, *чрезвычайно безпечны*» (неосторожная осторожность значитъ!); словомъ, это сибирское Эльдorado для рабочаго люда; страдаютъ только «на своемъ трудномъ пути труженники» — золотопромышленники, да, ѣздящіе по принскамъ, горные исправники и ревизоры; «кромя того, пріѣзжаетъ еще лѣтомъ жандармскій штабъ-офицеръ» (стр. 52—56; 116—125, 131, 136).

Вотъ почти и всѣ бездоказательныя свѣденія, сообщаемыя авторомъ въ тѣхъ видахъ, чтобы расположить мнѣніе общества и администраціи къ золотопромышленникамъ и повліять въ извѣстномъ направленіи на пересматриваемый теперь золотопромышленный уставъ. Авторъ вовсе не полемизируетъ съ тѣми «малосвѣдующими и досужими писаками», которые не разъ уже выводили на свѣжую воду подвиги рыцарей сибирской тайги *). Впрочемъ, такой полемики никогда и не было; хотя многія корреспонденціи и статьи

*) О принсковыхъ рабочихъ, ихъ кабалѣ и ужасномъ положеніи были статьи Вагва и Цвѣтолюбова въ газетѣ «Амуръ» 1860 г., въ «Голосѣ» 1862 г., въ книгѣ Кривошапкина «Енисейскій Округъ», въ «Сибирскомъ Вѣстникѣ» 1863 г., въ «С.-Петербург. Вѣдомостяхъ» 1865 г., № 137, въ «Отечеств. Запискахъ» 1867 г. и проч.

о пріискахъ приводили сибирскихъ золотопромышленниковъ въ ярость, но они или ограничивались голословною печатною бранью въ какихъ нибудь «Енисейскихъ Губ. Вѣдомостяхъ» или отдѣльвали сочинителя непечатнымъ образомъ. Такъ, напр., было намѣненіе высѣчь розгами красноярскаго корреспондента «Голоса» за его статью о пріисковыхъ рабочихъ.

Мы коснемся здѣсь тѣхъ обвиненій, которыя не разъ уже высказывались въ нашей печати противъ золотопромышленности и на которое защитники послѣдней если и отвѣчали, то одной бранью.

Пишутъ и говорятъ, что вербовка на пріиски въ большинствѣ случаевъ производится при помощи *стиванья* и огромныхъ задатковъ, закабаляющихъ рабочихъ золотопромышленнику. Добровольныхъ работниковъ на пріиски ходитъ чрезвычайно мало. Пріисковая работа такъ тяжела, что многіе предпочитаютъ ей каторгу, и бывали случаи, что бѣглый каторжникъ, попавшій на пріиски подъ именемъ какого нибудь поселенца, самъ объявлялъ о своемъ ложномъ имени, чтобы только возвратиться съ пріисковъ на каторгу. «Столь возмутительные факты» — писалъ въ 1863 г. енисейскій исправникъ, — «доказываемые дѣлами енисейскаго земскаго суда и другихъ полицейскихъ мѣстъ и разноспыме въ разсказахъ рабочихъ, выходящихъ съ пріисковъ, до того дѣлаются извѣстными въ рабочемъ классѣ, что порождаютъ въ немъ только ужасъ и отвращеніе къ пріисковымъ работамъ. Ни огромные задатки, ни баснословные заработки, прославляемые нанимателями пріисковыхъ работниковъ, не привлекаютъ уже на пріиски никого изъ людей, непотерявшихъ еще доброй нравственности, хотя и терпящихъ какую бы то ни было нужду въ деньгахъ. Идутъ же на пріиски люди бездомовые, пьяницы, больные и безсильные, которые на мѣстахъ своего водворенія служатъ въ тягость своимъ обществамъ. Изъ 18,397 мужчинъ, населяющихъ собою енисейскій округъ, на пріиски ходитъ только 100 человекъ съ небольшимъ». Остальные рабочіе — изъ великороссійскихъ и западно-сибирскихъ крестьянъ, главнымъ же образомъ изъ ссыльныхъ, которые нерѣдко высылаются на пріиски при помощи волостныхъ писарей, получающихъ отъ хозяевъ за доставку каждаго такого работника по нѣскольку рублей. Защитники золотопромышленности, конечно, скажутъ, что насильственной высылки поселенцевъ на пріиски никогда не бывало, что это сплетня; но вѣдь эта сплетня уже была заявлена въ печати, — почему же никто не потрудился опровергнуть ее? Еще болѣе странно, почему золотопромышленникъ

не воспользуются всегда находящимся въ ихъ рукахъ оружіемъ для обличенія во лжи «малосвѣдущихъ и досужихъ писака», обвиняющихъ ихъ въ закабаленіи и угнетеніи рабочаго люда,—вѣдь стоитъ только обнародовать контракты, заключаемые съ рабочими, и отношеніе къ послѣднимъ хозяевъ значительно выяснится. Но въ томъ-то и бѣда, что изъ каждаго пункта этихъ контрактовъ было бы ясно видно стремленіе закабалить рабочаго и истолковать въ свою пользу золотопромышленный уставъ. Количество задатка, вопреки закону, сплошь и рядомъ превышаетъ годовую плату рабочаго и дѣлаетъ его кабалнымъ должникомъ золотопромышленника, при помощи тѣхъ долговъ, въ которые работникъ входитъ сверхъ того на пріискахъ. Многіе контракты относятъ на счетъ рабочаго же и расходы, могущіе быть при выправкѣ или перемѣнѣ его вида. Одежду, обувь и другіе предметы первой необходимости работникъ обязанъ покупать не иначе, какъ у своего хозяина, и покупаетъ онъ все это въ десять разъ дороже, чѣмъ другой. Даже жалованье на пріискахъ выдается ему не деньгами, а упомянутыми предметами. Контрактъ обязываетъ работника купленныхъ у хозяина вещей не только никому не продавать, но даже не дарить, согласно будто бы 2501 статья горнаго устава, въ которой говорится вовсе не объ этомъ, а о наказаніи буяновъ, лѣвтяевъ и картежниковъ! Затянувъ въ долги работника, его ставятъ въ необходимость идти на пріиски и на слѣдующій годъ, который обременить его новыми долгами и снова погонять въ тайгу на третій годъ и т. д. У золотопромышленниковъ давно уже копошится мысль о прикрѣпленіи рабочихъ къ пріисковой землѣ. Въ „Енисейскихъ губернскихъ вѣдомостяхъ» золотопромышленникъ Тарасовъ заявлялъ эту мысль, обвинившись филантропомъ, сожалѣющимъ бѣдненькихъ рабочихъ за лишенія и страданія, которымъ они подвергаются въ своихъ странствованіяхъ на пріиски и обратно. «Слѣдуетъ—писалъ этотъ благотворящій мужъ—улучшить положеніе несчастной меньшей братіи, выстроить въ тайгѣ деревни и водворить въ нихъ рабочихъ вмѣстѣ съ ихъ семействами.» Въ то же время редакція «Сибирскаго Вѣстника» сообщала, что къ этому стремятся и иркутскіе золотопромышленники. Въ настоящее время ихъ желаніе отчасти уже исполнилось, и есть не мало рабочихъ, которыхъ необходимость заставляетъ вовсе не покидать пріисковъ, а по окончаніи работъ осенью тотчасъ же наниматься на зиму и на все лѣто вплоть до слѣдующей осени. «Это обыкновеніе»—говоритъ г. Латвинъ—установилось недавно, и рабочіе, рассчитавшись, или вовсе уходятъ изъ

тайги, или снова нанимаются до сентября» (стр. 54). При такой кабаль существовать даже *торь модьми*. Въ контрактахъ нѣкоторыхъ компаній есть условіе, позволяющее хозяевамъ передавать своихъ рабочихъ на другіе пріиски, владѣльцы которыхъ и уплачиваютъ долги этихъ работниковъ; послѣдніе въ такомъ случаѣ называются *запроданными*. Рабочій получаетъ жалованье со дня прихода на пріискъ, между тѣмъ его обязываютъ никуда не отлучаться отъ мѣста своего жительства со дня найма и быть готовымъ къ отправкѣ въ тайгу по первому требованію. Въ ожиданіи этой отправки у него пропадаетъ даромъ иногда мѣсяца три. Рабочій ни въ какомъ случаѣ не имѣетъ права уходить съ пріиска до окончанія срока работъ хозяинъ же можетъ прогнать его во всякое время. Дневной срокъ работъ по закону—съ 5 часовъ утра до 8 вечера—это *шахшум*; но контракты говорятъ, что «рабочіе не должны быть въ претензіи, если работы продолжатся и долѣе» этого срока. Такимъ образомъ, работы начинаются обыкновенно не въ 5, а въ 4 утра, и оканчиваются въ 9, 10, 11 часовъ вечера. Но это еще слава Богу. Г. Латкинъ рассказываетъ, что на пріискахъ компаній Г. и Б. работы начинались въ 4 часу утра, продолжаясь до 11 и до 12 часовъ ночи. «Утомленные люди нерѣдко не ходили ужинать и засыпали на сырой землѣ... Нынѣ этого уже не дѣлается» (стр. 55). Будто не дѣлается, г. Латкинъ? Говорятъ, что на нѣкоторыхъ пріискахъ рабочіе работаютъ не 21 часъ въ сутки, какъ это завѣдено на промыслахъ Г. и Б., а *22 часа*; работы начинаются въ 2 часа ночи и продолжаются до 11 и до 12 часовъ слѣдующей ночи. Конечно, трудно вѣрить, чтобы человѣкъ могъ вынести столько часовъ самаго тяжелаго труда, но также трудно и не вѣрить *защитнику* золотопромышленности, г. Латкину, свидѣтельствуемому о дѣйствительности этого возмутительнаго факта. Работы на пріискахъ ведутся обыкновенно и днемъ и ночью, двумя смѣнами рабочихъ. Воскресные и табельные дни давно уже уничтожены золотопромышленниками; рабочіе не имѣютъ въ эти дни никакого отдыха. Законъ дозволяетъ въ эти дни только добровольную, *старательную* работу съ особой платой; но старательныя работы теперь превращены въ обязательныя. Кромѣ работъ золотопромышленныхъ, контракты обязываютъ рабочихъ во всякое время и во всякую погоду исправлять «и другія работы, нетерпящія отлагательства». — На этомъ основаніи можно заставить работника дѣлать все, что угодно хозяину или управляющему. Ежедневно рабочему назначается извѣстный *урокъ*; если онъ не кончатъ его,

то дѣлается соответственный вычетъ изъ его жалованья. Но этихъ и другихъ подобныхъ средствъ золотопромышленникамъ еще недостаточно для эксплуатаціи рабочихъ. Вопреки закону, запрещающему какую бы то ни было торговлю на прискахъ, хозяева открыто торгуютъ всѣмъ по ужаснымъ цѣнамъ. Есть на прискахъ и кабаки, въ которыхъ не только можно купить водки—по 1 р. стаканчикъ, по 5 р. сер. бутылка—но и приволкнуться. Какъ во времена откупа золотопромышленники спаввали рабочихъ своею водкою, такъ и теперь многіе золотопромышленники въ тоже время винокуры, и не ихъ ли агентовъ подразумѣваетъ г. Латкинъ, говоря: «въ послѣднее время здѣсь расплодилось очень много спиртовозовъ, т. е. торговцевъ спиртомъ и водкой; эта запрещенная торговля приноситъ занимающимся ею значительныя выгоды, и на промыслахъ пьянство стало нинѣ значительнѣе прежняго» стр. 54). До какой степени выгодно соединеніе въ однихъ рукахъ золотопромышленности и виноторговли, показываетъ слѣдующій фактъ. Одинъ откупщикъ-золотопромышленникъ долженъ былъ заплатить рабочимъ около 100,000 руб., но въ кассѣ у него было только 10,000 руб., онъ отдалъ имъ эти 10,000 руб. и объявилъ мѣстами расчета всѣ его собственные кабаки, лежавшіе на ихъ пути; рабочіе пропили и 10,000 руб., полученныхъ ими отъ хозяина, и 90,000, оставшіеся за нимъ въ долгу!

Общій годовою заработокъ рабочаго-мастероваго простирается отъ 120 до 250 р. сер., а обыкновеннаго рабочаго отъ 35 до 150 р., смотря по разнымъ обстоятельствамъ (Латкинъ, 119, 123). Но рѣдкіе приносятъ домой что нибудь другое, кромѣ долговъ промысловой конторѣ. Если же рабочій и получить нѣкоторую сумму, то непрежѣнно истратитъ ее на водку, на развратъ, еле-еле доташится домой оборваннымъ и истомленнымъ, и тотчасъ же запродаетъ себя въ присковую работу на слѣдующій годъ.

Г. Латкинъ говоритъ, что положеніе рабочихъ на прискахъ въ послѣднее время значительно улучшилось. Плохо вѣрится этому за вѣренію. Быть присковухъ рабочихъ такъ ужасенъ и такъ интересуетъ въ Сибири всѣхъ порядочныхъ людей, что о каждомъ существенномъ улучшеніи его мы узнали бы изъ періодической печати. Что существенныхъ улучшеній нѣтъ, можно видѣть уже изъ одного того, что работы продолжаются по 17, 18, 19, даже по 20 часовъ въ сутки, и какія работы! Очень часто, стоя по поясъ въ холодной водѣ и подвергая голову палящему жару лѣтняго солнца, работникъ получаетъ солнечный ударъ. Отъ физическаго истомле-

ня, дурной пищи, тѣснаго и сырого помѣщенія, недостатка котораго признаеть даже г. Латкинъ (стр. 120), развиваются тифъ и цынга. Больной работникъ не получаетъ жалованья; на нѣкоторыхъ принсахъ онъ даже платитъ за свое лечение. Если болѣзнь не кратковременна, то его расчитываютъ и отпускаютъ съ принса съ однимъ только проходнымъ видомъ, не только безъ гроша, но сплошь и рядомъ съ долгомъ хозяину. Заболѣвшему рабочему рѣдко повѣрятъ съ перваго раза; бывали случаи, что больныхъ сѣкли за мнимую лѣность. Медицинская часть на принсахъ до самаго послѣдняго времени была устроена крайне дурно; «приличныя больницы» существовали только на бумагѣ; лекаря были почти безъ дѣла, хотя и получали громадное содержаніе за свою обязанность надзирать за санитарнымъ состояніемъ рабочихъ. Побои, тѣлесныя наказанія, усмиренія столь частыхъ бунтовъ выведенныхъ изъ терпѣнія работниковъ и другія возмутительныя жестокости, о *недавнемъ* существованіи которыхъ свидѣтельствуетъ и г. Латкинъ, отрицая впрочемъ возможность ихъ въ настоящее время, — все это дѣлало принсковую работу въ нѣсколько разъ ужаснѣе каторжной. Для расправъ съ рабочими на принсахъ содержатся казачьи команды. Г. Латкинъ говоритъ: «нынѣ, благодаря Бога и *уничтоженію тѣлеснаго наказанія*, все это повывелось, хотя кое-гдѣ еще и обращаются съ рабочими не совсѣмъ ласково, но теперь, кажется, всѣ уже сознали, что *рабочій хотя и поселенецъ*, все же человекъ». Напрасно г. Латкинъ ссылается на указъ объ уничтоженіи тѣлеснаго наказанія, — *поселенцы* (а всѣ почти рабочіе или поселенцы или освобожденные каторжники) *до сихъ поръ подлежатъ тѣлесному наказанію*, и въ глухой тайгѣ ихъ сѣвуть, сколько угодно. Что же касается втораго выраженія г. Латкина, то оно также забавно, какъ разглагольствія г. Скарятина о свободѣ, или болтовня о красотѣ, о здоровомъ смыслѣ, исходящая изъ устъ Николая Соловьева, пасущагося нынѣ на зеленыхъ лугахъ «Русскаго Вѣстника». На невыносимость принсковой работы указываютъ и частые побѣги рабочихъ. Такъ въ 1864 г. съ принсковъ К^о. Б. изъ 800 рабочихъ бѣжало около 100 чел.; въ 1866 г. со многихъ принсковъ южной системы бѣжало по 10 и 12 чел. изъ ста. Прежде за побѣгъ были плети, цынѣ розги. Въ началѣ настоящаго десятилѣтія нѣкоторые гуманные золотопромышленники толковали и, кажется, писали о необходимости смертной казни бѣжавшихъ рабочихъ; а нѣкій либераль, помѣщавшій иногда стихотворенія въ либеральнѣйшихъ

изданіяхъ, говорятъ, письменно предлагалъ одной особѣ выкалывать бѣглецамъ глаза!..

Численность рабочихъ командъ съ году на годъ быстро уменьшается. Въ енсейскомъ округѣ рабочихъ было: въ сороковыхъ годахъ до 25,000 чел.; въ 1860 г. 16,352 чел., въ 1868 г. 5,500 чел. Нельзя не порадоваться такому быстрому уменьшенію жертвъ золотопромышленной эксплуатаціи. Нельзя также не порадоваться и быстрому паденію самой золотопромышленности, о чемъ свидѣтельствуешь г. Латкинъ. Пріиски, дающіе барыша 30 проц. на рубль, считаются нынѣ хорошими, между тѣмъ какъ прежде на нихъ не обратили бы и вниманія, такъ какъ хорошіе пріиски давали тогда на рубль до 2 руб. (стр. 48). «Съ достовѣрностью можно сказать, что время большихъ работъ и значительной добычи золота миновало, и что работы, мельчая годъ отъ году, современемъ перейдутъ въ руки мелкихъ капиталистовъ и промышленниковъ, для которыхъ всегда будетъ выгодно разрабатывать россыпи, при содержаніи золота въ 30 и даже 24 доли отъ 100 пудовъ» (стр. 136). Г. Латкинъ намекаетъ даже на то, что съ дарованіемъ полной свободы золотопромышленности, она приметъ за основаніе артельное начало и подвинетъ впередъ дѣло улучшенія быта рабочихъ. Нужно только уничтожить всѣ налоги на золото, «ненужныя формальности и препятствія и прочія угнетающія узаконенія, которыя промышленникъ встрѣчаетъ на своемъ рискованномъ и трудномъ пути» (стр. 136). Да, г. Латкинъ, вы разсчитали вѣрно. Райская жизнь начнется тогда для крупныхъ золотопромышленниковъ, которые, какъ видно изъ вашей же книжки, вовсе не вывелись; сами же вы свидѣствуете о важномъ значеніи, быстромъ развитіи и обогащеніи «К^о гг. Латвинныхъ» (стр. 127, 128). При полной свободѣ золотопромышленности подобныя компаніи будутъ богатѣть еще быстрѣе, чѣмъ теперь, съ одной стороны производя обширную эксплуатацію богатыхъ россыпей, а съ другой стороны, пользуясь выгодами и отъ мелкой промышленности, получая значительные проценты съ мелкихъ предпринимателей, которые, по неизмѣннѣ капитала, будутъ заимствоваться имъ у тузовъ золотого дѣла. Если даже золотые пріиски будутъ разрабатываться крестьянскими артелями, то, зная сильную рискованность золотопромышленныхъ предпріятій и безусловную необходимость для такихъ артелей начинать дѣло на деньги, взятая въ долгъ, можно навѣрное предсказать, что большинство этихъ мелкихъ промышленниковъ должно будетъ попасть въ кабальную зависимость отъ крупныхъ кредиторовъ. По

нашему мифу, возрожденіе золотопромышленности, возвращеніе того «добраго стараго времени, о которомъ плачетъ г. Латвинъ, принесло бы одинъ вредъ Сибири, затруднивъ ея переходъ къ промышленности мануфактурной. Золотопромышленность, Амуръ и винокуренные заводы довели въ Восточной Сибири цѣны на жизненные припасы до небывалыхъ размѣровъ. Даря рабочее населеніе кабалой, золотопромышленники почти ничѣмъ не вознаграждаютъ край, и самыя крупныя изъ нихъ почти вовсе не живутъ въ Сибири. А чтобы познакомиться съ нравственнымъ вліяніемъ золотопромышленности, стоитъ только взглянуть на ея столицу, Красноярскъ. Этотъ губернской городъ до 1868 г. не имѣлъ даже гимназій, которая открылась, только благодаря самымъ энергическимъ настояніямъ бывшаго губернатора, г. Замятнина. О женскомъ училищѣ до этого года и помяну не было. Когда же нѣсколько господъ начали давать бесплатныя уроки по разнымъ предметамъ въ дѣтскомъ пріютѣ, то обыватели не на шутку оскорбились этимъ, на томъ основаніи, что цѣль пріюта — приготовленіе для нихъ прислуги, а гуманное обращеніе учителей съ воспитанницами и образованіе послѣднихъ сдѣлають, дескать, ихъ вовсе негодными къ роли горничныхъ и кухарокъ. Тамъ нѣтъ ни библиотекы, ни даже газетнаго кабинета для чтенія. Картежная игра, пьянство, ростовщичество, отъявленное сутяжничество, обчитыванье рабочихъ, наемныя свидѣтели, содержимыя для лжесвидѣтельствванія по всѣмъ дѣламъ, выгоднымъ для ихъ содержателя, — вотъ мрачныя черты, которыми обрисовывается жизнь золотопромышленнаго города. Въ средѣ же рабочаго люда золотопромышленность порождаетъ безобразныя кутежи, сплошной развратъ, торговлю женскимъ тѣломъ, убійства и грабежи, обращенныя въ промыселъ, контрабанду золота, за которую жестоко страдаетъ попавшійся въ ней мужикъ, хотя въ большинствѣ случаевъ онъ воруетъ золото вовсе не для себя.

Семейная жизнь въ русскомъ расколѣ. Историческій очеркъ раскольничьяго ученія о бракѣ. Выпускъ I (отъ начала раскола до царствованія Николая I). Э. О. профессора с.-петерб. духов. академіи, И. Нильскаго. Спб., 1869.

Г. Нильскій человекъ воинственный; въ литературныхъ походахъ и сраженіяхъ онъ бывалъ не разъ; онъ ходилъ не только подѣ

г. Шапова, но даже и подь самого раскольникыаго антихриста. Его воинственность замѣтна и въ книжкѣ о раскольникыемъ бракѣ.

Какъ видно изъ предисловія, авторъ составлялъ свою книжицу не для ученыхъ специалистовъ, а для большинства публики. Но его книга такъ растянута, такимъ вялымъ и дубовымъ языкомъ написана, такъ набита излишними, вовсе неинтересными подробностями раскольникыей полемики о бракѣ и обширными выдержками изъ малограмотныхъ раскольникыихъ писателей, что едва ли найдетъ много читателей внѣ сферы лицъ, занимающихся расколомъ. Но интересъ самаго предмета заставляетъ насъ удѣлить разбору этого сочиненія нѣсколько страницъ.

Когда раскольники въ XVII вѣкѣ окончательно отдѣлились отъ православія, когда отдѣлившіеся вмѣстѣ съ ними «іереи древняго благочестія» всѣ умерли и у старовѣровъ не оказалось архіерея для рукоположенія новыхъ поповъ, тогда безпоповцы рѣшили, что истинное священство погнбло, и что поэтому ихъ церковь должна довольствоваться только двумя таинствами, крещеніемъ и покаяніемъ, которые, по примѣру первыхъ христіанъ, могутъ совершаться и простыми мірянами. Бракъ же никонимъ образомъ не можетъ быть совершенъ міряниномъ, а бракъ, вѣнчаный православнымъ священникомъ, по мнѣнію раскольника, есть блудъ. Какъ же тутъ быть, гдѣ выходъ изъ этого затруднительнаго положенія? Извѣстный расколуучитель, протопопъ Аввакумъ, рекомендуетъ гражданскій бракъ, говоря «еще кто не имать іереевъ, да живетъ *просто*». Г. Нильскій, вопреки совершенно ясному смыслу этого мѣста, толкуетъ его такъ, что будто бы Аввакумъ предписываетъ безбрачіе, а гражданскій бракъ раскольниковъ, по мнѣнію автора, развился только въ позднѣйшее время, какъ реакція раскольникыему разврату, бывшему, въ свою очередь, реакціей сильно развившемуся между раскольникыами аскетизму. Но неужели авторъ не знаетъ, что гражданскій бракъ не есть исключительная принадлежность раскольникыихъ обществъ, что въ древней Россіи гражданскій бракъ хотя и считался официально «явнымъ блудомъ», влекущимъ за собою наказаніе, но все-таки встрѣчался часто и между раскольникыами и между нераскольникыами. Невѣнчаные браки были въ большомъ ходу и въ XIII, и въ XIV и въ XV столѣтіяхъ, какъ видно изъ посланій митрополитовъ Максима и Фотія (А. А. Э., I, стр. 461). Простой народъ, по выраженію пѣсни, нерѣдко устраивалъ свои свадьбы «безъ вѣнчанья, безъ попа, вокругъ зеленаго ракитова куста». Такие браки были въ обычаѣ особенно у казаковъ (А. И., III, 43).

Около того же времени, какъ Аввакумъ увѣщевалъ раскольниковъ жить безъ вѣнчанья, «просто», Стенька Разинъ говоритъ тѣснѣйшей около него вольницѣ: «на что церкви, къ чему попы? Вѣнчать, что-ли? Да не все-ли равно: станьте въ парѣ подлѣ дерева да пропляшите вокругъ него, вотъ и повѣнчались!» И онъ собиралъ молодежь, приводилъ къ вербовому кусту, заставлялъ ихъ парами плясать вокругъ него, и потомъ увѣрялъ, что они стали отъ этого мужемъ и женой (Костомаровъ, II, 285). Невѣнчанные браки особенно сильны были въ отдаленной, безцерковной Сибири: они сохранились здѣсь до самаго послѣдняго времени и носятъ названіе *сибирскихъ браковъ*. Расколъ не изобрѣлъ гражданскаго брака, онъ только принялъ его, какъ народный обычай, подходившій подъ догматическое міросозерцаніе раскольника. Гражданскій бракъ является въ расколѣ уже съ самыхъ первыхъ дней его существованія, и возникъ онъ вовсе не вслѣдствіе реакціи разврату бракоборцевъ, какъ думаетъ г. Нильскій. Правда, что въ первое время послѣ отдѣленія раскольниковъ отъ господствующей церкви, большинство ихъ рѣшительно не благоволило къ подобнымъ бракамъ, считая ихъ «гласнымъ блудомъ», хотя въ то же время во многихъ сектахъ отцы и матери, по словамъ Дмитрія Ростовскаго, не «вдавали своихъ дочерей законному браку, но велѣли имъ безъ вѣнчанія съ кѣмъ хотятъ жить». Но вѣра въ близкое пришествіе антихриста и въ кончину міра, старинное, заимствованное изъ Византии и отъ инородцевъ, презрѣніе къ матерямъ и къ женщинамъ, дошедшее въ послѣдствіи до скопчества, постоянныя гоненія на раскольниковъ, ихъ убѣжденіе о погибелі истиннаго священства, безъ котораго бракъ невозможенъ, — все это заставило безпоповцевъ придать своему ученію крайне аскетическій характеръ. Они «совершенно отвергли брачное супружество», всѣхъ супруговъ, вступавшихъ въ ихъ общество стали «разводить на чистое житіе», рожденіе дѣтей объявили беззаконіемъ, а помощь родильницамъ — грѣхомъ и нечестіемъ. Ихъ свѣти приняли совершенно аскетическій характеръ и главный ихъ толкъ, *поморскій*, долгое время носилъ названіе *монастырскаго*. Сначала и братья и сестры «жили жестокимъ житіемъ», вполне согласно съ своимъ ученіемъ. Но это продолжалось недолго; поруганная природа брала свое, и раскольничьи скиты превращались въ мѣста повальнаго разврата. Еще Аввакумъ вынужденъ былъ даже съ опасностью жизни «унимать отъ блудни» своихъ единовѣрцевъ. И въ первое же время раскола не только простые раскольники, но даже наставники ихъ жили «въ веліяхъ на уединеніи съ зазорными ли-

цами и съ духовными дочерьми, съ дѣвцами и съ женщинами, и подъ видомъ стряпухъ держали у себя любовницъ» (стр. 31). «Юноши и дѣвы», лишенные возможности вступать въ бракъ, собирались «въ темныя ночи по гумнамъ, по лѣсамъ, по посадѣлкамъ нечистымъ, и досмотрѣвши юноши дѣвъ, а дѣвы юношей», предавались любви. Дѣти, бывшіе плодомъ такихъ союзовъ или убивались или воспитывались въ общинѣ, какъ чужіе (стр. 111, 113). Наконецъ и сами учителя бракорядцевъ, желавшіе во что бы то ни стало удержать своихъ послѣдователей отъ общенія съ еретиками, т. е. съ православными и съ раскольниками, признававшими церковный бракъ, и въ тоже время не имѣя силъ побороть ни своихъ собственныхъ страстей, ни страстей своихъ сторонниковъ, — принуждены были допустить полную свободу любовныхъ отношеній. «Лучше имѣть сто блудницъ, нежели брачиться», говорилъ въ 1785 г. Ковылинъ, учитель федосѣевцевъ. «Безъ грѣха нѣтъ покаянія, безъ покаянія нѣтъ спасенія» (стр. 213). Гнусинъ, бывший главою преображенской общины въ первой четверти XIX вѣка, считалъ всѣхъ «вступающихъ въ брачное сожителство за язычниковъ, съ которыми, по отлученіи ихъ отъ общества, не слѣдуетъ сообщаться ни въ молитвѣ, ни въ пищѣ, ни въ итѣ, и не принимать отъ нихъ никакого приношенія въ церковь божію». Когда Гнусинъ сидѣлъ уже въ соловецкомъ острогѣ, то одному, посѣтившему его наставнику преображенскаго кладбища, далъ слѣдующій замѣчательный совѣтъ. «Если пожелаешь быть наставникомъ всего федосѣевского согласія, то помни, что его составляютъ люди, а чтобы овладѣть ими, надо имъ не противиться. Чѣмъ чаще будешь отпускать имъ ихъ прегрѣшенія, тѣмъ сильнѣе они будутъ привержены къ согласію и не пойдутъ въ церковь: что имъ тамъ дѣлать, гдѣ даютъ одну жену, да и ту не смѣй кинуть! Отвержай входеніе и исхожденіе на ложе мужское женщинамъ и дѣвкамъ, и тебя почтутъ мужи, и ты вознесешься» (стр. 364). Преображенское кладбище сдѣлалось въ это время обѣтованною землею, куда тайно отъ своихъ родственниковъ уходили не только мужчины, но и дочери богатыхъ купцовъ. «Незаконнорожденныхъ отъ подобныхъ христіанокъ было такъ много, что за невозможностью призрѣть всѣхъ на кладбищѣ, нѣкоторая часть ихъ отсылалась для воспитанія въ село Ивановское» (стр. 365). Жизнь другихъ федосѣевскихъ общинъ была не лучше жизни преображенскаго кладбища. Нѣкоторые раскольничьи толки, какъ извѣстно, возвели даже въ догматъ свою «христову любовь», т. е. полную свободу половой страсти, и рас-

колыничій аскетизмъ такимъ образомъ кончилъ полною разнузданностью инстинктовъ, ложью и лицемѣріемъ. Нужно однако замѣтить, что не всѣ бракоборцы, отвергая какой бы то ни было бракъ, проповѣдая дѣвство и въ тоже время развратничая, дѣйствуютъ лицемерно. Дѣло въ томъ, что вѣруя въ истинность своего ученія, они только *прѣпятъ* противъ него, будучи не въ силахъ сдержать своихъ страстей. А ужасные размѣры ихъ разврата, по нашему мнѣнію, стоятъ въ тѣсной связи съ ихъ глубокимъ убѣжденіемъ въ пришествіе антихриста и въ близкую кончину міра, что главнымъ образомъ и заставляетъ ихъ отвергать бракъ. Вѣра въ антихриста наполняетъ душу раскольника страхомъ, отчаяніемъ, фанатизмомъ, а исторія народовъ даетъ намъ множество примѣровъ того, какъ ожиданіе великихъ и грозныхъ бѣдствій доводитъ часто людей до какого-то бѣшенаго желанія наслажденій, что превосходно изобразилъ Пушкинъ въ своей піесѣ «Пиръ во время чумы».

Отрицанію брака и семейства, по мнѣнію автора, много содѣйствовали тѣ ужасныя гоненія, которыя долго обогрѣли раскольническою кровью лицо русской земли. Этимъ религиознымъ терроромъ знаменито въ особенности правленіе Софьи, когда даже малолѣтнія раскольничьи дѣти подлежали «за свое упрямство кнуту», когда бить кнутомъ полагалось даже тѣхъ, кто доставлялъ раскольникамъ пищу, питье и проч. (стр. 52). Разбѣгаясь за границу, въ Польшу, въ Сибирь, спасаясь по лѣсамъ и пустынямъ, предаваясь цѣлыми массами самоожженію, раскольники не могли и думать о семейной жизни. Начиная съ Петра Великаго положеніе раскольниковъ улучшается. Облагая раскольниковъ двойнымъ оладомъ, жестоко преслѣдуя ихъ за мнимые или дѣйствительные ихъ политическіе замыслы, Петръ призналъ открытое существованіе раскола, дозволивъ постѣдователямъ его жить наравнѣ съ другими подданными въ городахъ и селеніяхъ, не ходить на исповѣдь, не вѣнчаться въ церкви, носить бороду и старинное платье. «По дарованной мнѣ отъ Всевышняго власти» — писалъ Петръ въ своемъ указѣ 1702 г.— «совѣсти человѣческой приневоливать не желаю и охотно предоставляю каждому христіанину на его отвѣтственность пещись о блаженствѣ души своей» и обѣщающъ «крѣпко смотрѣть, чтобы никто въ своемъ публичномъ и частномъ отправленіи богослуженія обезпокоенъ не былъ». Когда такимъ образомъ, для раскольниковъ настали болѣе мирныя времена, когда, по словамъ историка Выговской пустыни, «всякое изобиліе начало умножаться и распространяться отъ пашень, и отъ торговъ, и отъ про-

мысловъ», то прежній аскетизмъ началъ постепенно ослабѣвать, а склонность къ семейной жизни усиливаться. Въ началѣ XVIII в. въ расколѣ являются уже защитники брачной жизни, одни раскольники начинаютъ вѣнчаться въ православныхъ церквяхъ, другіе въ своихъ часовняхъ, третьи вступаютъ въ гражданскій бракъ, каждыя изъ нихъ отстаиваютъ свой бракъ, борются съ бракоборцами и съ сектантами, расходящимися съ ними въ возрѣдїяхъ на способъ заключенія брака,—подробное изложеніе этой борьбы и составляетъ содержаніе книги г. Нильскаго. Въ началѣ настоящаго столѣтія бракоборцы, считая «ззорнымъ» предаваться разврату и чувствуя невыполнимость ученія о дѣвствѣ, въ огромномъ числѣ начали вступать въ бракъ, несмотря на проклятія и сопротивленія многочисленныхъ фанатиковъ бракоборства. Особенно разрушительное вліяніе на обычаи и аскетическій фанатизмъ раскольниковъ имѣла столичная жизнь. Петербургскіе федосѣевцы, напр., не только жили въ бракѣ, но даже ихъ жены нанимали для кормленія своихъ дѣтей «еретичекъ», чтобы удобнѣе было ходить «въ маскарады и въ театры, въ оперы и комедіи». Онѣ обучали своихъ дѣтей и богомерзкимъ модамъ, сказкамъ и пѣснямъ бѣсовскимъ, чтенію душегубныхъ книжекъ, ношенію богомерзкой нѣмецкой одежды и туркообразныхъ салоповъ». Не только вечера, но и ночи проводили онѣ «въ игрѣ карточной и другихъ законопреступленіяхъ, танцахъ и прочихъ бѣсовскіихъ забавахъ» (стр. 306—308). Въ средѣ провинціальныхъ раскольниковъ хотя и не было такого увлеченія внѣшностью цивилизованной жизни, но все-таки браки дѣлались все чаще и чаще, а бракоборческій фанатизмъ московскихъ федосѣевцевъ все болѣе и болѣе терялъ власти надъ умами.

Первымъ замѣчательнымъ противникомъ раскольническаго бракоборчества и порождаемаго имъ разврата былъ Иванъ Алексѣевъ, родившійся въ 1709 г. и убѣждавшій бракоборцевъ въ «необходимости чловѣку брачнаго сожитія» и въ законности раскольничьихъ браковъ, заключаемыхъ въ православной церкви. Для дѣйствительности брака, по Алексѣеву, необходимы только взаимная любовь брачующихся, согласіе ихъ на вступленіе въ бракъ, выраженное передъ свидѣтелями, и согласіе родителей. Вѣнчаніе также необходимо, но меньше, какъ «общенародный обычай», неимѣющій прямого отношенія къ сущности брака, не дающій никакой благодати и имѣющій цѣлью то, чтобы отличить законный союзъ брачующихся отъ блуднаго сожитія и заявить о согласіи жениха и не-
«Дѣло», № 11.

вѣсты передъ цѣлымъ обществомъ, присутствующимъ въ церкви въ лицѣ зрителей и свидѣтелей брака (стр. 121). Ученіе Алексѣева и его продолжателей нашло множество послѣдователей, особенно съ сороковыхъ годовъ настоящаго вѣка, когда позволено было православнымъ священникамъ вѣнчать раскольниковъ, не обязывая ихъ обращаться къ православію. Впрочемъ и до этого времени, какъ выражается одинъ синодскій указъ, многіе «окаянные попы» не только исполняли за деньги всѣ желанія раскольниковъ, но и сами придерживались ихъ вѣрованій, и раскольничьи браки, вопреки частымъ запрещеніямъ свѣтской власти, прелобополучно вѣнчались въ православныхъ церквяхъ по обрядамъ старовѣрства. Гражданскій же бракъ, по мнѣнію Алексѣева и его послѣдователей, есть «бездѣльничество», дѣло «нечистое», «достойное церковной и гражданской казни и изгнанія изъ людскаго жительствова» (стр. 195). Другіе же учителя, какъ, напр., Емельяновъ, отвергавшіе «суевѣріе черни, вѣрующей, что существо брака состоитъ въ пресвитерскомъ вѣнчаніи, а не вѣчною обѣтѣ сопрягающихся лицъ», ограничивали церковную сторону брака только чтеніемъ молитвъ «людьми нерукоположенными», а нѣкоторые даже удовольствовались однимъ родительскимъ благословеніемъ (стр. 218—226). Наконецъ, выражаясь словами г. Нильскаго, «не прибѣгая ни къ какимъ либеральнымъ соображеніямъ, въ родѣ разглагольствій современныхъ ревнителей женской эманципаціи касательно брачной жизни», многіе безпоповцы вскорѣ послѣ отдѣленія раскола отъ государственной церкви, начали доказывать дѣйствительность браковъ, заключенныхъ не только безъ вѣнчанья, но даже безъ согласія родителей (стр. 188). Какъ мы уже замѣтили выше, это ученіе только освящало фактъ, задолго до него и независимо отъ него существовавшій въ народной жизни вообще и въ раскольничьей въ частности. Не только многіе раскольники жили съ невѣнчанными женами, но даже сами учителя бракоборства нерѣдко вступали въ такія связи. Молодые люди обоюго пола знакомились между собою секретно отъ старшихъ, и «безъ благословенія отца и матери, безъ всякаго чина гражданскаго и обычая, сами собою убѣгомъ и сокровеніемъ поимались и, помѣшкавши или въ лѣсѣ или гдѣ во отъздѣ, въ домъ свой, аки новобрачные пріѣзжали»; родители ихъ по необходимости признавали совершившійся фактъ бракосочетанія (стр. 190). Сплошь и рядомъ такіе браки устроались съ помощью родителей, которые «сына своего любовницу, яко законносопряженную его жену, снохою и невѣст-

вою нарицали, и рожденныхъ отъ нихъ дѣтей, яко законныхъ своихъ вмѣняли», а въ случаѣ смерти сына, содержали его вдову, воспитывали его дѣтей и дѣлали ихъ наслѣдниками своего имѣнія (стр. 370). Гражданскія жены даже въ присутственныхъ мѣстахъ назывались «женами»; на имя ихъ покупались и утверждались дома, лавки, заводы, фабрики (стр. 372). Однакожь бракъ, заключенный безъ всякихъ формальностей, часто былъ невыгоденъ для женщины, потому что мужъ могъ прогнать ее всегда, когда ему угодно. Многіе мужья бросали своихъ сожительницъ, обремененныхъ дѣтьми, даже передавали ихъ, какъ вещи, другимъ мужчинамъ. Такія, покинутыя своими мужьями, женщины нерѣдко являлись къ властямъ, жалуясь на тѣхъ, которые «приживъ съ ними дѣтей, не кормятъ ихъ», или обѣщавъ жить съ ними въ бракъ, обманули ихъ. Но подобныя челобитныя всегда почти оставались безъ послѣдствій, такъ какъ раскольники «умилостивляли судей, окуная свое благочестіе» (стр. 193). Поэтому, очень многіе стали избѣгать такихъ браковъ, или вѣнчались у русскихъ поповъ и польскихъ ксендзовъ, или заключая бракъ при свидѣтеляхъ, но обычаямъ Покровской часовни, при чемъ женихъ и невѣста давали другъ другу формальную клятву въ вѣчной вѣрности. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, за невмѣніемъ или отсутствіемъ наставниковъ, браки благословлялись бабами и дѣвками (стр. 398). Церковная власть не только браки безпоповщинскіе, заключавшіеся безъ вѣнчанья, но даже и поповщинскіе, вѣнчанные попами, только бѣглими, признавала незаконными, подлежащими расторженію и наказанію. Но раскольники съ помощью извѣстныхъ средствъ всегда умѣли отстаивать свои браки тѣмъ болѣе, что духовенство силошъ и ряломъ записывало ихъ въ церковныя книги.

Хорошо было бы, если бы г. Нильскій въ слѣдующихъ выпускахъ своего сочиненія обратилъ вниманіе на экономическія отношенія супруговъ, на условія расторженія брака, на положеніе раскольнической женщины въ семействѣ, обществѣ и церкви. Вѣдь расколъ значительно поднималъ женщину изъ ея рабскаго униженія, предоставивъ ей роль религіозной наставницы и проповѣдницы и допустивъ ее къ участію въ дѣлахъ общины. Только мы просили бы г. Нильскаго, ради его же собственныхъ интересовъ, поменьше набивать свои книжки полемическими спорами разныхъ расколоучителей, скучное изложеніе которыхъ отталкиваетъ отъ книги читателя. Мы совѣтовали бы также автору не употреблять тѣхъ выходовъ противъ женской эманципаціи, которыми онъ украсилъ цер-

вый выпускъ своего сочиненія. Эти выходки, во-первыхъ, ни къ селу, ни къ городу, а во-вторыхъ, они обнаруживаютъ въ авторѣ непониманіе того предмета, противъ котораго онъ борется, какъ донъ-Кихоть; такое же непониманіе очень невыгодно для репутаціи экстраординарнаго профессора. Поймите, г. Нильскій, что безпоповцы отрицаютъ церковный бракъ потому, что, по ихъ мнѣнію, нѣтъ истинныхъ поповъ для его вѣчанья. Формальный раскольниковскій бракъ въ своей юридической сущности ничѣмъ не отличается отъ церковнаго брака. Въ бракѣ же, заключенномъ безъ всякихъ формальностей, какъ видно даже изъ вашей книжки, положеніе женщины еще хуже; мужъ не имѣетъ относительно ея никакихъ обязанностей и всегда можетъ прогнать и ее и прижитыхъ съ нею дѣтей. Неужели вы воображаете, что эманципаторы стремятся къ подобнымъ порядкамъ?

О вліяніи школъ на здоровье. Рудольфа Вирхова. Перев. съ нѣмецкаго. Спб. издан. Гр. Немирова. 1870.

Кто читалъ «Очерки Бурсы» Помяловскаго, тотъ легко могъ представить себѣ состояніе отца и матери, провожающихъ своихъ дѣтей въ эти школы, которыя такъ вѣрно обрисованы покойнымъ Помяловскимъ. Конечно, духъ времени коснулся и старой бурсы, измѣнилъ въ ней многое къ лучшему, но все-таки современная бурса, по своимъ гигиеническимъ условіямъ, также далеко отстоитъ отъ нормально-устроенной школы, какъ шалашъ диваря отъ кристальнаго дворца Лондона. И вотъ ученикъ, отправляясь въ эту школу, вдругъ находитъ себя среди совершенно новой и незнакомой ему обстановки. Послѣ домашняго воспитанія, хоть и плохого, но свободнаго, послѣ чистаго воздуха, послѣ свѣжаго поля и лѣса, онъ вдругъ попадаетъ въ городскую школу, наглухо запертую, съ затхлымъ воздухомъ, свойственнымъ только одной бурсѣ, съ латинской и греческой грамматикой, надъ которыми онъ получитъ первые уроки педагогической пытки, узнаетъ, что такое головныя боли, опухоль глазъ и грудныя болѣзни. Всѣ эти впечатлѣнія, какъ утренній морозъ, захватываютъ въ ранней молодости развитіе ребенка, и при самыхъ счастливыхъ противодѣйствующихъ обстоятельствахъ кладутъ на него на всю жизнь печать суровой школьной обстановки. Мы не имѣемъ никакихъ статистическихъ данныхъ

для опредѣленія смертности въ нашихъ школахъ вообще, но нисколько не преувеличимъ, если скажемъ, что третія часть учениковъ умираетъ отъ разныхъ болѣзней, развившихся въ школѣ и благодаря ея анти-гигіеническому устройству, не достигая 20-лѣтняго возраста. Мнѣніе наше, между прочимъ, подтверждается тѣмъ фактомъ, что въ нашихъ гимназіяхъ и семинаріяхъ очень немногіе изъ учащихся добираются до высшаго класса. Однихъ исключаютъ по неспособности, другихъ за дурное поведеніе, но большая часть уносится смертію. Цифра смертности самая крупная падаетъ у насъ на дѣтей отъ одного года и до трехъ лѣтъ, и потомъ отъ 12—15-лѣтняго возраста, когда ребенокъ принадлежитъ школѣ. Но между смертію и болѣзненнымъ состояніемъ лежитъ множество другихъ патологическихъ явленій, которыя мы привыкли объяснять разными проявленіями злой воли. — Мы часто смотримъ на глубоко-сосредоточенное и мрачное лицо ребенка и наввио говоримъ, что «онъ ужъ такого характера»; мы не понимаемъ и не хотимъ понять, что этотъ мрачный взглядъ, это постоянное уныніе ребенка, по природѣ своей жаждущаго веселья, движенія и свободы, есть слѣдствіе или ненормальнаго развитія грудныхъ органовъ, придавленныхъ усидчивымъ наклоннымъ положеніемъ надъ столомъ и книгой, или накопленія крови въ мозгу отъ напряженія надъ латинской тарбарщиной.

Изъ книжки Вирхова читатель можетъ узнать, что надъ гигиеной школы уже давно работаютъ европейскіе врачи и педагоги, что, сообразно добытымъ ею выводамъ, правительства и общества стараются устроить школы, обставляя ихъ всѣми необходимыми условіями для сохраненія здоровья дѣтей и правильнаго развитія ихъ умственныхъ способностей. И тутъ гигиена вступаетъ въ безусловныя права великаго наставника и реформатора. Она ясно, какъ день, показываетъ намъ, что современная школа даже тамъ, гдѣ на нее обращается вниманіе законодателя и мыслящаго педагога, вредно влияетъ на здоровіе учащихся, что она порождаетъ спеціальныя болѣзни, какъ, напримѣръ, близорукость, чахотку, тифъ и поврежденія грудныхъ органовъ. Такъ, изъ статистическихъ таблицъ Энгеля, долго собиравшаго данныя для изслѣдованія школьныхъ болѣзней, мы узнаемъ, «что чахотка, какъ легочная, такъ и гортанная, обнаруживается въ школьные года, т. е. отъ 10—15 лѣтъ, и сопровождается смертностью, которая усиливается въ промежутокъ времени отъ 10—15 лѣтъ и дѣлаетъ поразительные успѣхи въ позднѣйшій періодъ отъ 15—20 лѣтъ. На сто умершихъ приходится слѣдующее процентное отношеніе:

Умершихъ отъ 5—10 лѣтъ	4,81	} отъ легоч- ной чахот- хотки.
» » 10—15 »	12,96	
» » 15—20 »	31,68	

Результатъ этотъ дѣйствительно поразителенъ, если принять во вниманіе, что только тифъ и холера даютъ приблизительно большія цифры смертности для этого періода жизни. — Слѣдующія вліянія школы особенно вредны:

- 1) Дурной испорченный воздухъ, особенно гдѣ много дѣтей.
- 2) Частыя простуды вслѣдствіе сквознаго вѣтра и сообщенія теплаго воздуха комнатъ съ свѣжимъ внѣшнимъ воздухомъ, и происходяція отъ этого воспаленія въ горлѣ и груди.
- 3) Пыль въ школахъ.
- 4) Ослабленіе дѣятельности дыхательныхъ органовъ вслѣдствіе продолжительнаго сидѣнья.

Просимъ замѣтить, что Энгель говоритъ здѣсь только о берлинскихъ школахъ, которыя ужь, конечно, не хуже устроены, чѣмъ наши бурсы. Пруссія—страна протестантской чистоплотности; здѣсь грамотность обязательна для всякаго, какъ религіи; здѣсь экзамень въ наукахъ требуется отъ каждаго, желающаго получить какую нибудь общественную должность. Поэтому школа всегда была предметомъ общественной заботливости. И въ этой-то школѣ почти 32 взрослыхъ ученика умираетъ на 100 только потому, что школа устроена не по правиламъ гигиены. А сколько же должно умирать юношей тамъ, гдѣ они вмѣсто воздуха дышатъ зловонной атмосферой русской бурной избы, вмѣсто пыли обложены слоями грязи и вмѣсто сидѣнья на скамейкахъ валяются на полу съ поджатыми подъ себя ногами! Послѣ чахотки самая распространенная болѣзнь, порождаемая школой,—это искривленія позвоночнаго столба. Фарнеръ говоритъ: «когда почти 90% искривленій начинаются въ школьное время, и искривленія эти въ точности соотвѣтствуютъ положенію тѣла во время писанія, то въ виду такихъ фактовъ мы въ правѣ обвинять школу, какъ главную причину ихъ». Такимъ образомъ дурноустроенный столъ даритъ обществу значительный процентъ горбатыхъ и кривобокихъ гражданъ. Ортопедъ Принсъ сильно возстааетъ противъ тѣхъ учителей, которые постоянно командуютъ ученикамъ сидѣть смирно и тихо. «Это часто бываетъ причиной того, говоритъ онъ, что дѣти принимаютъ и сохраняютъ неправильныя положенія тѣла». Наконецъ все домашнее воспитаніе, столь скудное положительными правилами, вертится только на этомъ одномъ отрицательномъ началѣ, вытекающемъ изъ той схоластической

морали, что самообуздание есть величайшій идеаль человеческой нравственности. Къ сожалѣнiю, эта дешевая мораль приобретается очень дорого-стоющимъ уродствомъ человеческого организма.

Всѣ вышеозначенные недостатки школы преимущественно рафинируются въ закрытомъ заведенiи. Всѣ лучшiе современные педагоги согласны въ томъ, что закрытая школа какъ физически, такъ и умственно вредно дѣйствуетъ на развитiе ученика. «Это тепличное воспитанiе, говоритъ швейцарскiй педагогъ Гильомъ, основанное на средневѣковомъ принципѣ охраненiя нашей нравственности посредствомъ запертыхъ дверей и глухихъ рѣшетокъ, можетъ дать государству только больныхъ и вялыхъ гражданъ, которые на всю жизнь получаютъ здѣсь непобѣдимое отвращенiе ко всему, что напоминаетъ имъ въ послѣдствiи школу и науку. Тутъ же развиваются тѣ сокрушительныя болѣзни, которыя, образовавъ привычку, уже никогда не излечиваются». — Несмотря однакожь на единодушное мнѣнiе противъ закрытой школы, у нея есть еще много своихъ защитниковъ, такъ точно, какъ тѣлесное наказанiе еще далеко не потеряло своихъ адвокатовъ. Система католическаго воспитанiя другого принципа и признавать не хочетъ. Это понятно; для того, чтобы стереть съ ученика заблаговременно человеческую личность и обратить его въ орудiе мертвой доктрины, закрытая школа и розга служатъ самыми лучшими средствами.

Въ виду всѣхъ этихъ обстоятельствъ Вирховъ совѣтуетъ дать гигиенѣ школы строгое научное основанiе; онъ думаетъ, что въ этомъ случаѣ обширная сравнительная статистика болѣзней школъ можетъ указать, противъ какого зла и какими средствами надо бороться. Небольшая книжка его, заключающая только 40 страницекъ, обратила на себя наше вниманiе только тѣмъ, что она возбуждаетъ вопросъ великой важности и даетъ ему вѣрное направлениe въ области современныхъ педагогическихъ изслѣдованiй.

О самоуправленiи. Сравнительный обзоръ русскихъ и иностранныхъ земскихъ и общественныхъ учрежденiй. Князя А. Васильчикова. Т. I. СПб. 1869.

Если бы у насъ каждый обеспеченный и образованный человекъ вносилъ свою долю труда и силъ въ нашу бѣдную литературу, то,

во-первыхъ, она не была бы такъ бѣдна, какъ теперь, а во-вторыхъ, самостоятельная умственная дѣятельность у насъ увеличилась бы соразмѣрно притоку новыхъ силъ и труда. Кромѣ того и самая независимость мысли много выиграла бы отъ того, что въ числѣ литературныхъ дѣятелей были бы люди, поставленные по своему общественному положенію виѣ необходимости обезпечивать свое существованіе тяжелымъ литературнымъ трудомъ. Бѣлинскаго упрекали, что онъ былъ недостаточно образованъ, Гоголь самъ сознавался въ скудости своего развитія; но могъ ли Бѣлинскій найти время для своего всесторонняго образованія, когда у него уставала рука отъ срочной журнальной работы? Могъ ли Гоголь стать по развитію въ уровень съ своимъ временемъ, когда онъ больной лежалъ въ Италіи и постоянно боялся, что на завтра у него не будетъ обѣда или нѣсколькихъ копѣекъ на лекарство. И что это за печальная процессія, которую г. Галяховъ сумѣлъ раздуть въ исторію русской литературы? Ломоносовъ чуть не умираетъ съ голоду, пробивая себѣ дорогу къ профессорской кафедрѣ; поэтъ Никитинъ содержитъ постоялый дворъ, самъ отмѣриваетъ овесъ и сѣно извозчикамъ, по-поясъ стоитъ въ пыли и грязи, и въ тоже время пишетъ стихи; Добролюбовъ умираетъ, и его хоронятъ его добрые друзья на свой счетъ. И какой длинный списокъ высокихъ талантовъ, благороднѣйшихъ натуръ и полезныхъ силъ мы могли бы привести здѣсь, еслибъ кто нибудь нуждался въ подтвержденіи нашей мысли. Но картина нѣсколько измѣняется, когда мы посмотримъ на судьбу нашихъ литературныхъ бездарностей и посредственностей. Всѣ онѣ, болѣе или менѣе, оставляли своему потомству наследственные дома, мызы, деревни и даже виллы.— И послѣ этого мы еще жалуемся, что литература наша бѣдна самостоятельными силами и серьезными произведеніями. Но кому же охота жертвовать своимъ здоровьемъ и жизнію той дѣятельности, которая, правда, доставляетъ величайшее нравственное наслажденіе, но когда силы упадутъ, когда приливы крови къ постоянно напряженному мозгу и слабость зрѣнія лишатъ возможности работать по 12 часовъ въ сутки, — въ перспективѣ видѣется безвыходная бѣдность, простой бѣлый гробъ и никому ненужная голая могила. Много ли найдется такихъ героевъ, которые бы охотно пошли на встрѣчу этого литературнаго креста? Не больше ли тѣхъ, которые предпочтутъ идти по слѣдамъ какаго нибудь откупщика, изъ головы котораго труднѣе было выбить искру божію, чѣмъ изъ

бульжника, а между тѣмъ этотъ бульжникъ оставляетъ своему потомству миллионное состояніе.

На эти мысли навела насъ книга князя Васильчикова. Каждый изъ насъ въ правѣ позавидовать тѣмъ матеріальнымъ средствамъ, которыми располагалъ авторъ для спокойной, ничѣмъ неозабоченной и независимой разработки избраннаго имъ предмета. Онъ могъ читать, когда ему угодно, писать, когда чувствовалъ къ тому расположеніе; нужда не стучалась въ его дверь и срочная работа не нарушала его обычныхъ занятій. Овому талантъ, овому два, и кто получаетъ два, отъ того мы должны и требовать вдвое. Но пока не явится въ печати второй томъ сочиненія кн. Васильчикова, мы воздержимся отъ всякаго рѣшительнаго приговора. Какъ исполнить авторъ свою программу, къ какому результату онъ придетъ послѣ своего сравнительнаго очерка нашихъ земскихъ учреждений съ иностранными—объ этомъ теперь только можно гадать, но не положительно судить.

Но сочиненію кн. Васильчикова предшествуетъ длинное введеніе, въ которомъ заключается вся *profession de foi* автора, весь основной взглядъ его на предметъ, который онъ защищаетъ и въ пользу котораго онъ уже не разъ являлся искреннимъ и талантливымъ адвокатомъ. Говоря о различіи нашего соціального строя отъ западно-европейскаго, онъ думаетъ, что у насъ личное начало искони уступало преобладающей силѣ общиннаго, и неразрывная связь народа съ землею была фундаментомъ, на которомъ сложилась вся наша исторія. «Это отсутствіе личнаго элемента, говоритъ авторъ, и преобладаніе земскаго составляетъ главное явленіе русской общественной жизни, имѣвшее роковое вліяніе на все ея развитіе» (стр. XXXI.) Такимъ образомъ *право на землю и сельская община*, по мнѣнію г. Васильчикова, составляютъ основныя черты нашей будущей общественной организаціи. «Свидѣтельствуя объ этомъ фактъ, продолжаетъ авторъ, мы вовсе не думаемъ превозносить его, какъ благодѣяніе или преимущество нашего русскаго быта. Мы видимъ въ немъ много свѣтлыхъ сторонъ, но много и темныхъ. Но фактъ этотъ безспоренъ и несомнѣненъ, и самыя ярлыя противники соціального ученія о правѣ на землю и общинномъ владѣніи должны сознаться, что объ эти формулы общественнаго строя привиты русской землѣ ея историческимъ развитіемъ. Скажемъ болѣе: тѣже самыя противники, которые отвергаютъ въ принципѣ право на землю, сознаютъ его въ Россіи, какъ фактъ; тѣже самыя дѣятель, которые ратуютъ на словахъ противъ об-

щины, на дѣлѣ ее допускають, регламентируютъ и признають, а среди оглушительныхъ криковъ, съ конми преслѣдуются и угнѣчаются наши вредныя направленія, обзываемыя коммунизмомъ и социализмомъ, мы не встрѣчали ни одного человѣка, который бы взялся перемѣнить это направленіе. Напримѣръ, когда дѣло шло объ освобожденіи крестьянъ, много было истрачено краснорѣчія на защиту правъ собственности землевладѣльцевъ, и много перекинуто негодованій противъ ученія, будто бы революціоннаго ученія, о правѣ крестьянъ на усадебную осѣдлость и полевой на дѣлѣ.

„Но намъ не удалось между всѣми крестоносцами, ополчившимися за право собственности, найти такого отважнаго государственнаго мужа, который бы взялся провести этотъ абсолютно-священный принципъ и примѣнить его къ дѣлу въ простой формѣ личнаго освобожденія крестьянъ безъ земли; напротивъ, мы видѣли, что какъ скоро праздныя рѣчи переходили къ исполненію, люди самыхъ крѣпостныхъ направленій смирялись передъ дѣйствительностью, покорялись необходимости и своими же руками потрясали провозглашенныя ими права полной собственности; они спорили о размѣрѣ, называли уступкой или добровольнымъ соглашеніемъ то, что другіе признавали обязательнымъ, но въ сущности никто изъ нихъ не отважился взять на свою отвѣтственность проведеніе такой мѣры, которая бы отвергла права на землю русскихъ крестьянъ и закрѣпила бы всю поземельную собственность за словіемъ русскихъ землевладѣльцевъ“ (стр. XXXIV—XXXVII.) Исходя изъ этой точки зрѣнія, кн. Васильчиковъ даетъ нашему земству громадное будущее значеніе, но чтобы оно приобрѣло дѣйствительную силу, чтобы его социальная и государственная роль была исполнена съ успѣхомъ — это прямо, говоритъ онъ, *зависитъ отъ той степени умственнаго и нравственнаго образованія, до котораго возвысится у насъ нисшій классъ народа.*

Мы не будемъ теперь оспаривать кн. Васильчикова въ его основпой идеѣ, — надѣясь современемъ возвратиться къ его сочиненію, но не можемъ не задуматься надъ тѣмъ грустнымъ фактомъ, что такая прочная историческая сила, прошедшая нѣсколько вѣковъ самыхъ тяжелыхъ опытовъ нашей жизни, такое всемогущее начало, какъ земское, потерпѣло на нашихъ глазахъ полное крушеніе. И если для поддержанія нашего земства, какъ *ultima ratio*, необходимо умственное и нравственное образованіе низшаго класса, то сколько же столѣтій еще потребуется на осуществленіе

этого идеала? Это идеалъ даже для такихъ націй, какъ Англія и Германія, — идеалъ отдаленный, къ которому можетъ стремиться только народъ съ сильными экономическими средствами. Если для элементарнаго образованія 38 милліоновъ французовъ необходима ежегодная сумма въ милліардъ франковъ, то сколько же нужно употребить намъ, чтобы пустить въ ходъ рациональное образованіе слишкомъ 60-милліоннаго народонаселенія? Вотъ вопросъ, который отнимаетъ у этого идеала всякую реальную почву. Пользуясь этимъ положеніемъ, противники земской реформы прямо говорили, что мы не доросли еще до самоуправленія даже такого скромнаго, какое отведено нашему общественному уму и знанію.

Но противники не хотѣли понять, что народъ, у котораго было вѣчевое учрежденіе въ XI и XII столѣтіи, который не разъ являлся полновластнымъ рѣшителемъ своей судьбы въ трудныя годы, — такому народу было бы обидно думать, что онъ въ половинѣ XIX вѣка не можетъ справиться съ внутреннимъ мѣстнымъ управленіемъ чисто-хозяйственнаго характера. А между тѣмъ это фактъ, котораго отрицать нельзя. Не прошло и пяти лѣтъ, какъ земскія собранія впали въ апатію, громкими застольными рѣчами замѣнили самое дѣло, и всѣ свои гражданскіе порывы окончили торжественнымъ приподнесеніемъ г. Скарятину почетнаго званія холмскаго земскаго члена. Общественное чувство, общественная совѣсть, общественное мнѣніе, наконецъ способность общества взяться за настоящее свое дѣло и послѣдовательно, упорно и терпѣливо выдерживать его — всѣ эти необходимые проводники земской организаціи оказались у насъ такъ вялы, безсильны и безхарактерны, что будь противники земской реформы немножко поумнѣе, то они вполне воспользовались бы своимъ выгоднымъ положеніемъ. Начать съ того, что мы оказались вовсе непритовленными къ пониманію и исполненію своихъ земскихъ обязанностей; привыкшіе всего ожидать свыше, какъ небесной манны, несмѣющіе рознуть рта безъ того, чтобы не посмотрѣть прежде въ глаза начальству, мы съ первыхъ же дней растерялись и расплозились врозь. Ни одно земское собраніе не позаботилось основать печатнаго органа для пропаганды своего учрежденія. Пропищалъ что-то г. Коршъ о земскомъ дѣлѣ, обыкновенно говорящій въ пятницу одно, а въ субботу другое. отрапортовалъ г. Краевскій передъ подпиской о благодѣяніи новой реформы — и только! Но такъ ли дѣйствуетъ общество, когда ему предстоитъ совершить великую реформу? Посмотрите, напримѣръ, на Англію. Страна, на-

ученная вѣковымъ опытомъ управляться сама собою, умственно сильно-развитая, кажется, она могла бы безъ особенной подготовки дѣйствовать въ моменты своихъ социальнихъ реформъ. Но нѣтъ, осуществленію ея реформъ предшествуетъ цѣлая литература, ихъ обсуждаютъ тысячи разнообразныхъ органовъ печати, онѣ служатъ передъ лицомъ цѣлаго міра предметомъ оживленныхъ парламентскихъ дебатовъ, клубовъ и митинговъ, ихъ проводятъ въ сознание общества всѣми доступными нашему времени средствами гласной пропаганды, и когда наступаетъ время осуществленія идеи, нужна только искусная рука, чтобы поставить ее на практическую почву. Такъ обыкновенно дѣйствуютъ тамъ, гдѣ общественное чувство преобладаетъ надъ личными, тупыми и крошечными стремленьями.

Мы надѣемся, что кн. Васильчиковъ разъяснитъ намъ во 2-мъ томѣ своего сочиненія тѣ вопросы и недоумѣнія, которыя овладѣваютъ каждымъ мыслящимъ человѣкомъ при взглядѣ на дальнѣйшую судьбу нашего земства.

Женщины ученые и учащіяся. Перев. съ француз. Москва. 1869.

Судя по громкому заглавію этой книжки, читатель, пожалуй, повѣритъ, что въ ней дѣйствительно говорится объ ученыхъ женщинахъ. Не вѣрьте, читатель, и не ошибайтесь, потому что мы за васъ перечитали всю книжку и на 107 страницахъ ея не нашли и десяти строчекъ, которыя бы отвѣчали заглавію. Объ ученыхъ женщинахъ тутъ нѣтъ ни слова, а объ учащихъ, кромѣ дѣтской болтовни и общихъ назиданій въ родѣ тѣхъ, какія преподаются класными дамами двѣнадцатилѣтнимъ институткамъ, также ничего не оказалось. Даже московскія барышни, еще недавно ходившія на поклоненіе къ «юродивому Корейшѣ», — даже онѣ — выше тѣхъ поученій, какія предлагаются этой книжкой. Кто изъ нихъ не знаетъ, напримѣръ, того, что женщина создана, также, какъ и мужчина, по образу и подобию Божию, что у нея есть также душа, «способная, подобно полю, производить одни дивніе плоды, если ее не воздѣлають». Вѣроятно, чтобы воздѣлать это поле, очистить его отъ бурьяна и лебеды и насадить въ немъ сѣмена всяческихъ до-

бродѣтелей, московская переводчица рѣшилась издать эту книжку. Но увы! кромѣ чертополоха мы ничего не собрали на этомъ воздѣланномъ полѣ. Кого могутъ убѣждать теперь избытка сентенцій о томъ, что легкомысліе женщины, пустота ея жизни—вредны, а трудъ и образованіе—полезны? Кому нужна эта сухая, безжизненная мораль школьной кафедры, когда женскій вопросъ требуетъ фактической разработки и практическаго примѣненія его?

А между тѣмъ въ концѣ книжки мы находимъ послѣсловіе, въ которомъ переводчица говорить: «Утонченная наблюдательность взгляда, проницательность, вѣрность опредѣленій, ясность изложенія и глубина содержанія *нашли въ моемъ сердцѣ* отголосокъ и внушили убѣжденіе, что эта книга можетъ принести много истинной пользы моимъ соотечественницамъ—вотъ почему я и перевела ее». Все это, можетъ быть, и дѣлаетъ честь *сердцу* переводчицы, но ужь никакъ не *юловъ* ея, потому что въ этой убогой книжицѣ рѣшительно нѣтъ никакой проницательности, утонченной наблюдательности и глубины содержанія; что же касается истинной пользы, то кромѣ типографіи, напечатавшей эту книжку, и фабрики, доставившей бумагу, никто изъ соотечественницъ не получитъ ни на одну іоту какой нибудь пользы. Послѣ того, какъ московскій книгопродавецъ Манухинъ объявляетъ, что къ числу знаменитыхъ русскихъ писателей принадлежать гг. Палаузовъ и Дріанскій, мы не удивимся никакой рекламѣ, сочиненной въ Москвѣ. Замѣтимъ только, что переводчицѣ слѣдовало помѣстить свою рекламу въ началѣ книги, а не въ концѣ, ибо до конца книги ни одна соотечественница не дочитаетъ ее, и слѣдовательно похвальнаго аттестата «Ученымъ и учащимся женщинамъ» не найдетъ.

Намъ остается заключить старой истиной, высказанной Паскалемъ, что если умная мысль попадетъ въ руки чловѣка недалекаго, она потеряетъ половину своей цѣны, а въ рукахъ глупаго обратится въ пошлость.

РЕЦЕНЗЕНТУ „ОТЕЧЕСТВЕННЫХЪ ЗАПИСОКЪ“.

«Всякій имѣетъ право быть глухимъ сколько ему угодно, но злоупотреблять этимъ правомъ никто не долженъ».

Гейне.

Если бы этотъ эпитафъ былъ вырѣзанъ на стали, вставленъ въ золотую раму и повѣшенъ рядомъ съ портретами нашихъ критиковъ и публицистовъ; если бы каждый изъ нихъ, вставая по утру, прежде чѣмъ садиться за письменный столъ, подходилъ къ этой золотой рамѣ и прочитывалъ эти назидательныя строки, то нѣтъ сомнѣнія, что двѣ трети всего, что печатается теперь, было бы не напечатано. И какимъ бы благодарѣніемъ было это *умное* молчаніе для нашихъ почтенныхъ органовъ печати! Сколько времени, силъ и способностей нашли бы себѣ болѣе полезное приложеніе, чѣмъ злоупотреблять тѣмъ правомъ, о которомъ говоритъ Гейне!

На это размысленіе мы были наведены уже давно, года два тому назадъ, однимъ изъ рецензентовъ „Голоса“, и если вспомнимъ его теперь, то обязаны этимъ рецензенту „Отечественныхъ Записокъ“.

Въ 1867 году, когда изданы были редакціею „Дѣла“ „Уроки элементарной физиологіи“ Томаса Гексли, съ предисловіемъ покойнаго Д. Д. Писарева, „Голосъ“ выпустилъ на насъ одного изъ своихъ критиковъ, который обратился къ намъ съ слѣдующимъ замѣчаніемъ: „Г. Писаревъ не перестаетъ *агитировать* въ пользу распространенія естествознанія въ Россіи“. Такъ какъ г. Браунъ

скій, если не ошибаюсь, препирался въ это время съ г. Катковымъ на счетъ субсидій, то Писаревъ, не желая мѣшать этой агитаціи—ужь конечно болѣе полезной, чѣмъ агитація въ пользу распространенія естествознанія—ничего не отвѣчалъ. Вслѣдъ за „Голосомъ“ опрокинулись на предисловіе Писарева и „Отечественныя Записки“, изображающія того же г. Краевскаго, но съ болѣе ученой стороны, такъ какъ „Голосъ“ изображаетъ въ немъ только публициста. Рецензентъ „Отечественныхъ Записокъ“ также противъ популярныхъ книгъ, но только онъ злоупотребилъ правомъ, о которомъ сказано выше, гораздо больше, чѣмъ рецензентъ „Голоса“.

Въ одномъ мѣстѣ своего предисловія Писаревъ говоритъ совершенно основательно: „Дилетантъ, упивающійся втеченіи всей своей жизни занимательными книжками Фохта, Бюхнера, Льюиса, Россмесслера и другихъ даровитыхъ популяризаторовъ, дилетантъ, читающій постоянно только для своего личнаго наслажденія и совершенно неспособный перейти отъ пассивнаго восприниманія впечатлѣній къ упорному и усидчивому труду, вызываетъ въ насъ тѣже чувства презрительнаго состраданія, съ которыми мы смотримъ на человѣка, посвятившаго всю свою жизнь созерцанію картинъ и статуй, чтенію нашихъ лирическихъ поэтовъ или благоговѣйному слушанію квартетовъ и симфоній“.

Мысль, кажется, очень проста и выражена ясно. Другими словами, кто, въ области знанія, вѣчно остается *ученикомъ* и неспособенъ высвободиться изъ-подъ чужой умственной опеки, тотъ также жалокъ, какъ и человѣкъ, который въ искусствѣ вѣчно пребываетъ поверхностнымъ *аматеромъ*, не возвышаясь до серьезнаго самостоятельнаго пониманія искусства. При самой скромной сообразительности никакого другого смысла и невозможно придавать словамъ Писарева. Но рецензентъ „Отечественныхъ Записокъ“, усмотрѣлъ въ нихъ нѣчто такое, чего и не снилось Писареву; онъ съ трогательною наивностію лепечетъ слѣдующую галиматью: „если кто *изучаетъ* поэзію вообще, или статуи, или картины (да кто же вамъ говоритъ про *изученіе*, скажите Бога ради!), тотъ едва ли заслуживаетъ презрѣнія. Г. Писаревъ неправильно ставитъ такихъ людей наравнѣ съ любителями популярныхъ книжекъ (вольно же

важъ понимать Писарева на выворотъ!). Статуи, картины, симфоніи вѣдь это настоящее искусство, т. е. дѣло серьезное, требующее упорнаго и усидчиваго труда (Еще бы! Чтобы протиснуться на канатъ или написать такую рецензію, какъ ваша, тоже требуется упорный трудъ. Но что же изъ этого слѣдуетъ?); между тѣмъ популярныя книжки, конечно, не наука, и чтеніе ихъ не можетъ быть серьезнымъ дѣломъ. („Отеч. Зап.“, 1867 г., августъ, книжка первая). Мы всегда были далеки отъ того, чтобы спорить съ прежними „Отеч. Записками“ о значеніи популярной литературы, но мы вправѣ спросить, какимъ образомъ редакция „Отеч. Зап.“, признавая чтеніе популярныхъ книгъ бездѣльнымъ, тѣмъ не менѣе бесѣдуетъ съ своими читателями о вновь появляющихся трудахъ популяризаторовъ и помѣщаетъ о такихъ книгахъ отзывы на страницахъ своего журнала? Вѣдь это по меньшей мѣрѣ непоследовательно. Но еще хуже для „Отеч. Записокъ“ новаго *фасона* — позволять писать рецензіи о тѣхъ книгахъ, въ которыя критикъ не потрудился даже заглянуть или, заглянувъ, не съумѣлъ прочесть довольно четкаго и крупнаго шрифта, какъ мы это увидимъ ниже.

Особенно не понравилась „Отеч. Зап.“ „Популярная Гигіена“ Реклама, изданная также редакціею „Дѣла“. Разбирая это сочиненіе, рецензентъ „Отеч. Зап.“ (октябрьская кн. 1869 г.) находитъ его „далеко не соответствующимъ общеевропейской извѣстности автора“. За нѣсколько страницъ раньше рецензентъ называетъ „лучшими сочиненіями“ по гигиенѣ переводы: „Ученія о здоровьѣ“ Отто Шраубе, „Человѣкъ и сохраненіе его здоровья“ Эстерлена, „Популярнаго изложенія Гигіены“ д-ра Лео, — и затѣмъ сердито объявляетъ: „Для популярной книги — гигиена Реклама темна, такъ какъ въ ней нѣтъ никакихъ объяснительныхъ свѣденій по анатоміи и физиологіи человѣка, безъ чего она не можетъ быть понятною для всѣхъ и cadaго“. Что въ книгѣ Реклама нѣтъ никакихъ свѣденій по анатоміи и физиологіи — это, разумѣется, обычная у редакціи „Отеч. Зап.“ замашка игнорировать то, чего она не видитъ или не хочетъ видѣть, но что гигиена не можетъ пускаться въ подробное объясненіе анатомическихъ и физиологическихъ частностей

совершенно неподготовленному къ ней читателю — съ этимъ, конечно, согласится всякій. Здѣсь все дѣло должно ограничиться краткимъ напоминаніемъ. Какъ бы популярна книга по естествознанію ни была, во всякомъ случаѣ она предполагаетъ въ читателѣ известную степень научной подготовки, чтобы быть для него понятною. Какую пользу извлечетъ изъ популярной астрономіи читатель, совершенно незнакомый съ началами математики? Тоже относится и къ гигиенѣ. Кто не знаетъ, что его мыслительной дѣятельностью завѣдываетъ головной мозгъ, а не кишечный каналъ, или что онъ дышетъ легкими, а не жабрами, кто незнакомъ съ самыми элементарными свѣденіями изъ анатоміи и физиологіи, — тому совершенно бесполезно было бы брать въ руки гигиеническое сочиненіе. Да и съ чего взяла редакція „Отеч. Зап.“, будто популярная книга пишется непременно „для всѣхъ и каждого?“ Вѣдь это немислимо. Не всякое популярное сочиненіе есть въ то же время книга для „народнаго“ чтенія — для грамотныхъ и полуграмотныхъ. Конечно, популярная научная книга имѣетъ въ виду массу; но массу публики, „читающей“ не для одного процесса чтенія, массу болѣе или менѣе „образованныхъ“, т. е. въ известной степени подготовленныхъ неспеціалистовъ. Приноровиться же къ пониманію всѣхъ и каждого — это рѣшительно выше всякихъ средствъ современнаго знанія. Великая его заслуга для нашего времени уже въ томъ, что оно изъ безпечальной области филистера сходитъ въ печальную сферу живого человѣка.

Но какъ ни скудны анатомическія и физиологическія указанія у Реклама, тѣмъ не менѣе мы имѣемъ основаніе утверждать, что и въ этомъ отношеніи его гигиена имѣетъ неоспоримое преимущество передъ изданными въ русскомъ переводѣ трудами Отто Штраубе, Эстерлена и д-ра Лео, ужь не говоря о томъ, что каждая область собственно гигиеническихъ вопросовъ разработана у Реклама съ несравненно большей обстоятельностью. Для примѣра, сравните его статьи о жилищахъ, о питаніи, объ уходѣ за кожей съ тѣми же предметами, у другихъ переведенныхъ гигиенистовъ. „Общепонятныя гигиеническія письма“ Эстерлена занимаютъ почти исключительно изслѣдованіемъ вопросовъ общественной гигиены и потому содержаніе

книги мало соотвѣтствуетъ своему другому заглавію: „Человѣкъ и сохраненіе его здоровья,“ если только заглавію этому придавать болѣе тѣсный смыслъ. „Популярное изложеніе гигиены и діететики“ д-ра Лео, при всѣхъ своихъ достоинствахъ, можетъ запугать обыкновеннаго читателя сухостью и нѣкоторой педантичностью изложенія, тогда какъ Рекламъ совершенно основательно считалъ занимательность содержанія однимъ изъ главныхъ условій своего популярнаго труда. Переводчики Лео объявляютъ въ коротенькомъ предисловіи, что одна изъ причинъ, побудившихъ ихъ выбрать для перевода его книгу, заключалась въ томъ, что „Лео обращаетъ особое вниманіе на гигиену дѣтскаго возраста, съ самаго рожденія ребенка, и на физическое воспитаніе послѣдняго“. У Реклама обзорнiю діететики по возрастамъ—отъ младенческаго до старческаго—посвящена совершенно самостоятельная статья въ началѣ книги, причѣмъ все, что касается физическаго и нравственнаго ухода за ребенкомъ изложено съ тою обстоятельностью, какой только можетъ пожелать—не говоримъ—книжная гигиеническая критика, но самая заботливая и любящая мать. Къ діететикѣ новорожденнаго авторъ возвращается опять, говоря о родахъ. Наконецъ, превосходная и безукоризненно хорошо переведенная книга Отто Штраубе далеко не можетъ соперничать съ гигиеной Реклама въ отношеніи полноты и законченности. Но почему же все это показалось редакціи „Отеч. Зап.“ нестоящимъ ея вниманія, почему она не сооблаговолила, взвѣсивъ съ критической добросовѣстностью внутреннія достоинства и недостатки книги Реклама, указать ей настоящее мѣсто въ ряду другихъ весьма скудныхъ явленій нашей гигиенической литературы?

Не менѣе страннымъ мы находимъ желаніе рецензента „Отеч. Запис.“ навязать Рекламу такія мысли, отъ которыхъ тотъ отрицается руками и ногами. Въ одномъ мѣстѣ своей книги Рекламъ говоритъ, что „идолъ жизненной силы ниспровергнуть съ своего пьедестала, и если мы употребляемъ еще это выраженіе, то только для того, чтобы показать обнаруженіе другихъ явленій.“ Изъ этого мѣста рецензентъ „Отеч. Зап.“ вычиталъ, будто Рекламъ *допускаетъ* жизненную силу. Откуда же это вы взяли, г. критикъ?

Неужели мы должны толковать вамъ, что языкъ гораздо упорнѣе и живучѣе идей, имъ выражаемыхъ, и что одному и тому же слову или выраженію, съ теченіемъ времени, придается совершенно различный смыслъ? Мы, напр., постоянно говоримъ о восходѣ и заходѣ солнца, тогда какъ послѣ галилеевскаго „*errig si inuove*“ всякому школьнику извѣстно, что не солнце движется вокругъ земли, но наша почтенная планета оказываетъ эту любезность солнцу. Дальше, намъ давнымъ давно извѣстно, что единственнымъ источникомъ всякаго психическаго движенія служить головной мозгъ и что сердце есть только центральный органъ кровеносной системы; о душѣ и ея свойствахъ мы мыслимъ ровно столько же, сколько рецензентъ „Отеч. Зап.“ мыслилъ въ гитѣнѣ. И однакожъ мы на каждомъ шагу употребляемъ выраженія: душа предчувствуетъ, сердце страдаетъ, радуется, любитъ, ненавидитъ, вѣруеть и т. д., то есть, другими словами языкъ упорно держится давнымъ давно отжившихъ физиологическихъ и философскихъ понятій. На это именно и хотѣлъ указать Рекламъ, говоря, что выраженіе *жизненная сила* хотя и сохранилось въ научномъ физиологическомъ языкѣ, но уже принимается нами къ обнаруженію совершенно иныхъ явленій, совсѣмъ не тѣхъ явленій, какія подразумевались прежде подъ этой физиологической формулой. Но неужели же вамъ лестно, г. авторъ отзыва, если мы вынуждены разжевывать вамъ такіа простыя, такіа очевидныя вещи?.. Столкнувъ Реклама съ арены общеевропейской извѣстности, редакція „Отеч. Зап.“ съ наименьшей свирѣпостью обрушилась и на переводчика. Разумѣется, и въ этихъ нападкахъ тонъ крайне не выдержанъ; „сейчасъ видно, что не человекъ писалъ,“ сказалъ бы Гоголь (зри: Записки сумашедшаго). Скажетъ напр., „языкъ перевода плохъ и исполненъ нелѣпостей“, но почему онъ плохъ и какія нелѣпости въ немъ содержатся — объ этомъ рецензентъ считаетъ долгомъ умалчивать. „Очевидное незнапіе переводчикомъ физиологіи“, продолжаетъ авторъ отзыва, „дѣлаетъ то, что въ книгѣ не мало курьезовъ въ родѣ, наприимѣръ, того (стр. 24), что: „количествомъ пищи и напитковъ можно произвольно увеличить или уменьшить количество мочи и кишечнаго канала (!)“. Нелѣпо, дѣйствительно, нелѣпо.

Но дѣло въ томъ, что недѣльность эта принадлежитъ не книгѣ Реклама, не переводчику, и даже не типографіи, а самому рецензенту и редакціи „Отеч. Зап.“. Вотъ что говорится у Реклама и что напечатано въ переведенной нами книгѣ: „Количествомъ пищи и напитковъ можно произвольно увеличить или уменьшить количество мочи и кишечнаго кала.“ (Курсивъ въ подлинникѣ). Вамъ говорить кала, а вы читаете канала! Или и тутъ приходится толковать вамъ, что въ книгѣ рѣчь идетъ объ экскрементахъ, matière fécale, у Реклама Dagukoth? Или вы объаты были куриной слѣпотой, когда строчили для ученой редакціи вашъ отзывъ? Рекламу вы навязали то, чего онъ никогда не думалъ сказать, и переводчику то, чего онъ не думалъ написать. Чѣмъ же это объяснить? Развѣ только тѣмъ, что бумага срама не имать, а редакція-то „Отеч. Зап.“? По крайней мѣрѣ, мы еще не отказывали ей въ этомъ добромъ качествѣ.

И это дѣлается рецензентами „Отеч. Записокъ“ не въ первый разъ. Мы напомнимъ имъ еще одинъ случай. Въ мартовской книжкѣ „Отеч. Записокъ“ за 1868 годъ о вновь вышедшемъ тогда переводѣ романа Фр. Шпильгагена „Одинъ въ полѣ—не воинъ“ дѣлается такой отзывъ:

„Переводъ романа, особенно второй его части, недуренъ (помилуйте, гдѣ намъ!), хотя мѣстами и попадаются промахи противъ русскаго языка (смотрите, пріятель, какъ бы вамъ не промахнуться!). Такъ, напр., на стр. 900-й переводчикъ въ уста короля влагаетъ слѣдующую фразу: „Лучше всего—солнечный свѣтъ, благотворный солнечный свѣтъ, который *хотя и расплосажаетъ на голову насткомыхъ*, все же наполняетъ отрадою сердце бѣднаго юноши“. Очевидно, что по-русски слѣдовало сказать (т. е. по русски слѣдовало *перевернуть* подлинникъ такимъ манеромъ): который *хотя и расплосажаетъ насѣкомыхъ, кружащихся въ воздухъ и обляпляющихъ голову* и т. д., но переводчику почему-то *показалось*, что король говорить именно о такихъ видахъ насѣкомыхъ, о которыхъ *въроятно королѣ не имѣютъ даже никакого понятія*“. (У Шпильгагена выписанныя слова произноситъ король въ бытность у генерала Тухгейма).

Вотъ это злополучное мѣсто о насѣкомыхъ, съ помощію которыхъ редація „Отеч. Записокъ“, вѣроятно, хотѣла выслужиться передъ королемъ Шпильгагена... Приводимъ это мѣсто слово въ слово, какъ оно напечатано у Шпильгагена: „Sonnenschein, viel Sonnenschein, der, wenn er auch auf dem Kopfe ein wenig Ungeziefer grosszieht“. (In Reih' und Glied, по берлинскому изданію 1868 года, томъ III, стр. 132). Мы полагаемъ, что въ вѣрномъ переводѣ этихъ словъ не затруднится любой ученикъ гимназіи: рѣчь, дѣйствительно, идетъ о *иловныхъ* насѣкомыхъ, а не о какихъ нибудь фантастическихъ чудовищахъ, *обтлпняющихъ* голову завравшихся рецензентовъ...

„Переводъ „Популярной гигіены“, заключаетъ рецензентъ, „не приноситъ *особенныхъ лавровъ* редакціи „Дѣла“. Отказывается же намъ въ лаврахъ особенно за скромное, переведенное съ подстрочной вѣрностью четверостишіе, помѣщенное въ концѣ книги Реклама; рецензентъ обзываетъ это четверостишіе „виршами“. Но рецензентъ забываетъ, что это не дифирамбъ, приготовленный для торжественнаго произнесенія въ какомъ нибудь англійскомъ клубѣ и, вѣроятно, ни Рекламы, ни редакціи „Дѣла“ никогда и не думали претендовать на лавры...

Но позвольте же и намъ спросить въ свою очередь, какіе *особенные лавры* приносятъ редакціи „Отеч. Зап.“ переводы, помѣщаемые въ ея журналѣ? Что если бы мы, потѣхи ради, вздумали пройти по такому руководѣлю, какъ пресловутый „Человѣкъ, который смѣется“ или „Черножелтое знамя“. Тутъ бы мы встрѣтились съ истинно диковинными вещами. Такъ на 127-й страницѣ „Черножелтаго знамени“ васъ останавливаетъ слѣдующій *куръезъ*, свидѣтельствующій о жалкомъ знаніи переводчикомъ нѣмецкаго языка. Австрійскій полковникъ, упрекая молодого, подчиненнаго ему офицера въ компрометирующемъ знакомствѣ съ преслѣдуемыми правительствомъ лицами, ставитъ ему такой вопросъ: такъ бѣглый священникъ, изгнанный профессоръ, *революціонный писака* (у автора ein revolutionärer Scribler) — для васъ люди честные? *Революціоннымъ писакон* обзывается здѣсь Граувакъ, сотрудникъ оппозиціоннаго листка. Переводчикъ, не добравшись до смысла нѣмецкаго слова

Scribler. (бушагошаратель, écrivassier), обратилъ нарицательное имя въ собственное и создалъ какого-то революціонера Скриблэра, о которомъ во всемъ романѣ нѣтъ нигдѣ ни малѣйшаго пошину. И до какого, подумаешь, изящества, можетъ подняться наша литературная рѣчь въ горнилѣ такого „скриблера“, какъ г. Марко-Вовчокъ! Онъ, напримѣръ, говоритъ: такой-то *питаеъ страсть къ каштанамъ* (стр. 139), вы *длаете* очень безнадежное лицо (стр. 180), кандидатъ *теологii* (стр. 211), баронъ Уфенфельсъ живетъ теперь *въ лонѣ* эмиграціи (стр. 212), вотъ моя *хата* (стр. 183—такъ выражается италіянецъ Негрони—(не изъ „заднѣпровскихъ“ ли?), *забрянчалъ* на гитарѣ. (не *забрячалъ* и не *забречалъ*, стр. 212), въ ней все *накипѣвшее вспыхнуло* (стр. 152.) Позвольте спросить васъ, г. Марко-Вовчокъ, не родственникъ ли вы тому переводчику тассовой поэмы, который о Готфридѣ буйльонскомъ поетъ такъ: „*вскипѣлъ Бульонъ, течетъ во храмъ?..*“ Вы много напоминаете его вашей стилистической манерой. Вотъ за такой переводъ редакцію „Отеч. Записокъ“ ужь давно слѣдовало бы увѣнчать лаврами,—но только съ нашей родимой березы.

Переводчикъ „Популярной Гигіены“ Реклама.

ХЕРСОНСКИЙ ФИЛОСОФЪ Г. ЧУЙКО.

Кто бы могъ подумать, что у насъ, среди херсонскихъ степей, скрывается философъ, котораго мы до сихъ поръ не могли замѣтить потому, что херсонскія степи доселѣ славились только тонкорунными баранами. Философъ этотъ никто иной, какъ г. Чуйко, адресовавшій въ № 292 „Петербургскихъ Вѣдомостей“ длинное посланіе редакціи „Дѣла“, по поводу коротенькой рецензіи, напечатанной въ 9-й кн. этого журнала и высказавшей наше мнѣніе о „Критическихъ опытахъ“ Тэна. Въ посланіи своемъ г. Чуйко упрекаетъ насъ за то, что мы, во-первыхъ, не понимаемъ такого *великаго* критика, какъ Тэнтъ; во-вторыхъ, за то, что мы, по своему крайнему невѣжеству, смѣшиваемъ публициста съ критикомъ, и слѣдовательно опять не понимаемъ теоріи критики. „Этимъ вы обнаружили, обращается къ намъ херсонскій философъ, что вы или совершеннѣйшій новичекъ въ дѣлѣ мысли, непонимающій еще очень многого, или порядочно уже пожившій публицистъ, котораго опытъ не спасъ отъ невѣжества“.

Что можетъ быть прискорбнѣе этого обвиненія, и притомъ исходящаго изъ устъ нашего единственнаго на всю Россію философа, г. Чуйко? Осуди насъ въ невѣжествѣ всѣ органы русской печати, мы могли бы пройти молчаніемъ ихъ приговоръ, но когда обвиняетъ насъ философъ, только изъ скромности удалившійся на пастбища херсонскихъ овецъ, мы должны были оглянуться на себя и въ тоже время обратить вниманіе на того, кто насъ обвиняетъ.

Это очень понятная черта чувства самосохраненія. Когда слышишь о себѣ неблагоприятное мнѣніе, то естественно рождается вопросъ: кто его произносить и имѣеть ли онъ право произносить его? Это заставило насъ познакомиться поближе съ г. Чуйко, изучить его не только какъ философа, но посмотрѣть на него и съ другой стороны, а именно со стороны знанія русской грамматики, науки, какъ известно, обязательной не только для философа, но и для кадета третьяго класса.

Вѣроятно, г. Чуйко согласится съ нами, что первый признакъ самаго безнадежнаго невѣжества—это незнаніе того языка, на которомъ мы рѣшаемся писать. Разсматривая Херсонскаго философа въ этомъ отношеніи, мы пришли къ самымъ печальнымъ результатамъ. Увы! единственный нашъ философъ не имѣеть никакого понятія о томъ языкѣ, на которомъ онъ адресовалъ намъ свое посланіе. Просимъ извинить насъ, читатель, если мы нѣсколько утомимъ ваше вниманіе, занявшись преподаваніемъ г. Чуйко элементарныхъ правилъ русскаго синтаксиса и орфографіи. Помнится намъ, что сей г. Чуйко года два тому назадъ издалъ брошюрку, озаглавленную: *О искусствѣ*. Брошюрку эту, конечно, никто не покупалъ, никто не прочиталъ, соображая очень правильно, что если г. Чуйко не съумѣеть грамматически озаглавить свою пустую книжонку, то чего же ожидать отъ нея дальше? Прошло два года, въ которые, вѣжеству, могъ бы г. Чуйко взять нѣсколько уроковъ изъ русскаго языка, но уввы! онъ не только не подвинулся впередъ, но попятился назадъ. Въ предисловіи его къ „Критическимъ опытамъ“ Тѣна мы находимъ слѣдующіе перлы, которые не дѣлають особенной чести нашему философу: „Это движеніе (французской мысли), пишетъ г. Чуйко, возникло, какъ отпоръ, какъ реакція той разлагающей (!?) литературѣ гостинной, будуара и публичнаго бала, *которыя были введены нравами второй имперіи*“. (Стр. VII.) Читатель недоумѣваетъ, къ чему тутъ относится слово *которыя*—къ гостинной, будуару и публичному балу или къ литературѣ? Грамматически къ послѣднимъ существительнымъ, а логически къ первому, т. е. къ литературѣ, такъ что у г. Чуйки граматика видимо ссорится съ его логикой. Далѣе, на стр. 333 мы встрѣчаемъ слѣдующую фразу: „Въ доба-

ВОКЪ КО ВСЕМУ эта греческая ветошь ежеминутно *дерется* отъ его грубыхъ прозаическихъ причудъ“. Тутъ ужъ мы рѣшительно ничего не понимаемъ и слово *дерется* должны отнести насчетъ крайняго тупоумія переводчика Тэна. Потомъ часто попадаются выраженія такого рода: „*начало* второй имперіи, *размившееся* таинмъ кровавымъ заревомъ; *сильный толчекъ*... ярко и ясно теперь *виденъ*“ (стр. V и VII.) Неужели вы, г. Херсонскій философъ, не понимаете, что ни на одномъ мало-мальски литературномъ языкѣ нельзя сказать: *начало размивается, толчекъ виденъ*. Но если г. Чуйко слабавать въ русской грамотѣ, то еще менѣе силенъ онъ во французской. Такъ, на стр. 232 онъ переводитъ Тэна слѣдующимъ образомъ: „Будучи простымъ журналистомъ (говорится о Свифтѣ), все состояніе котораго заключалось въ крошечной землицѣ въ Ирландіи“ и т. д. Откуда это вы взяли, г. Чуйко *крошечную землицу*, которою вы награждаете здѣсь Свифта. Вотъ французскій подлинникъ: Simple journaliste, ayant pour tout bien un petit bénéfice d'Irlande. Подлинникъ ясно говоритъ о бенефиціи, т. е. о церковной должности, съ которой соединялся извѣстный доходъ, а вы эту должность превратили въ землицу. Ну можно ли такъ переводить излюбленнаго вами Тэна! Вѣдь ни Тэнъ и ни одинъ біографъ Свифта не могъ вамъ наврать такой ерунды, чтобы Свифтъ былъ собственникомъ крошечной землицы въ Ирландіи. И вотъ такъ-то переведены вами „Критическіе опыты“ Тэна, гдѣ можно собрать, у кого есть охота обучать васъ русской грамматикѣ, богатые и разнообразные матеріалы для оцѣнки вашей несправимой безграмотности. И вы еще рѣшаетесь упрекать другихъ въ невѣжествѣ! Вѣроятно, вы надѣялись, что мы спустимъ вамъ эту храбрую выходку даромъ.

Теперь мы намѣрены рассмотреть г. Чуйко со стороны его логики. Если онъ въ грамматикѣ остановился на точкѣ замерзанія, то относительно логики и ожидать отъ него нечего. И дѣйствительно, Кифа Мокіевичъ, сравнительно съ нашимъ херсонскимъ философомъ, былъ бы истиннымъ Каятомъ. Дѣлая отзывъ о „Критическихъ опытахъ“ Тэна, мы поставили вопросъ очень ясно; мы сказали, что если у критика нѣтъ никакого опредѣленнаго міросозерцанія и общественнаго идеала, то онъ *великимъ* критикомъ не можетъ быть

названъ. Кажется, мысль ясная и не требующая разжевыванія. Кто же не знаетъ въ наше время, что великій мыслитель или критикъ тѣмъ и великъ, что у него есть опредѣленная, строго-обдуманная система мышленія, есть идеаль, къ которому онъ всѣми силами стремится и, разрушая старые предрассудки и ошибки своихъ предшественниковъ, создаетъ новое міросозерцаніе, даетъ новый поворотъ умственному движенію своего времени. Въ этомъ смыслѣ Декартъ былъ великій мыслитель. Онъ разрушилъ средневѣковое тупое поклоненіе авторитету своихъ: *я сомнѣваюсь*. Беконъ, положившій начало реальному знанію, нанесъ рѣшительный ударъ схоластической рутинѣ своимъ: *я знаю то, что наблюдаю*, и по праву называется великимъ. Дарвинъ, открывающій обширные горизонты челевѣческой мысли своей новой теоріей о развитіи органической жизни, также великъ. Но всѣ они велики не потому, что такъ угодно назвать ихъ какому нибудь г. Чуйко, а потому, что они дали новое направленіе умственной культурѣ и обогатили ее новыми идеями, новыми истинами. У всѣхъ этихъ мыслителей и подобныхъ имъ есть ясная и опредѣленная задача, на которую можно указать пальцемъ. Но за какія же особенныя заслуги вы отпустили величіе Тэню? Въ чемъ его міросозерцаніе и гдѣ онъ его предъявилъ намъ? Чтобы отвѣчать на этотъ вопросъ прямо и просто, вы начинаете нести такую дичь, что становится стыдно за васъ, г. Чуйко. Въ вашемъ безграмотномъ предисловіи, мы, между прочимъ, читаемъ слѣдующія строки: „внося общіе приемы, Кондильяка, столь свойственные французскому складу ума, онъ (Тэнъ) усложнилъ ихъ всѣмъ научно-историческимъ матеріаломъ, выработаннымъ въ XIX столѣтіи въ Германіи, во Франціи и въ Англіи, въ равной степени пользуясь началами, выработанными Боклемъ въ исторіи, Джономъ Стюартомъ Миллемъ въ логикѣ, Гегелемъ и Гете въ критикѣ“ и т. д. (стр. VIII). Подумайте только, что это была бы за злосчастная голова у великаго Тэна, если бы весь этотъ сунбуръ дѣйствительно могъ помѣститься въ ней. Вольфъ и Гегель, Милль и Гете — и все это уложилось и переварилось въ одномъ Тэнѣ. Положимъ, что кто нибудь, желая похвалить васъ, сказалъ бы, что г. Чуйко *усложнилъ* свои критиче-

скіе приемы, совмѣстивъ въ своей головѣ Писарева и г. Н. Соловьева, Добролюбова и г. Борна. На что бы вы походили въ этомъ живописномъ костюмѣ? Вѣдь вы даже не подозреваете той общеизвѣстной истины, что чѣмъ самостоятельнѣе наша мысль, тѣмъ менѣе она способна разбрасываться по разнымъ, и притомъ противоположнымъ, направленіямъ. Очевидно, вамъ хотѣлось во что бы то ни стало превознести Тэна, — а ума-то на это не хватило, — вы и начали натягивать на него чужой мундиръ, совершенно ему несвойственный. Тэнъ развился подъ вліяніемъ Шеллинга, Гете и Ветховена, какъ онъ самъ о себѣ говоритъ, и на этомъ развитіи онъ остановился. Онъ эстетикъ въ критикѣ, эклектикъ въ философіи, дилетантъ въ искусствѣ, а въ концѣ концовъ не великій критикъ, а великій болтунъ, у котораго съ Боклемъ нѣтъ ничего общаго.

Для того, чтобы опровергнуть насъ, вамъ слѣдовало, повторяемъ, прямо указать намъ, что вотъ то-то и то-то сдѣлано великимъ Тэномъ, что вотъ его міросозерцаніе, которое если и не принадлежитъ ему вполне, то имъ разработано и распространено, а вы вмѣсто этого начинаете лепетать, что и англійскіе журналы расхваливали Тэна. Изъ того, что англійскіе журналы часто хвалили лошадей Дерби, еще не слѣдуетъ, что самъ Дерби или его лошади были великими учеными. Противъ похвалъ англійскихъ журналовъ мы могли бы представить вамъ такое же количество отзывовъ о Тэнѣ во французскихъ журналахъ, которые никогда не считали его выше посредственности. Притомъ замѣтимъ вамъ, что если вы еще вздумаете указывать на англійскіе журналы, то просимъ васъ цитировать ихъ. Этого требуетъ самая обыкновенная литературная добросовѣстность. Тогда мы будемъ знать, какіе именно англійскіе журналы и какого оттѣнка мнѣній соглашаются съ вами, что Тэнъ великій критикъ. Вы, конечно, понимаете, почему мы этого требуемъ. Представьте, если бы кто нибудь вздумалъ составить себѣ мнѣніе о покойномъ Писаревѣ по фельетонамъ „Петербургскихъ Вѣдомостей“, писаннымъ подъ буквою Z: какое бы онъ получилъ понятіе о Писаревѣ? Когда Писаревъ былъ живъ, Z постоянно лаялъ на

него; когда Писаревъ умеръ, тотъ же Z и тотъ же Коршъ начали умиляться имъ и хвалить его. Не забывайте, г. Чуйко, что такихъ Хлестаковыхъ найдется — конечно не столько, сколько насъ, — но не мало и въ англійской журналистикѣ.

Намъ слѣдовало бы еще побесѣдовать съ херсонскимъ философомъ о его философіи или теоріи критики, но наши счеты съ филистерами давно уже кончены, и когда наступаетъ день, тогда мы слушають няинныхъ сказокъ „о бѣломъ бычкѣ“. Кого это г. Чуйко хочетъ убѣдить, кромѣ г. Корша, печатающаго его статьи, что современному критику нуженъ какой-то чистый (а то бываетъ еще не чистый?) анализъ и полная отчужденность отъ всѣхъ социальныхъ и политическихъ интересовъ нашего времени. Назадъ тому лѣтъ тридцать такіе ученые колпаки были въ модѣ, а теперь ихъ не найдешь даже въ херсонскихъ степяхъ. Если науки и жизнь разъ подали другъ другу руку, то уже никакое филистерство не разорветъ ихъ больше.

Н. Л.

ПРОЕКТЪ ПОЛОЖЕНІЯ ОБЪ ИСПРАВИТЕЛЬНЫХЪ ТЮРЬМАХЪ.

I.

Исправленіе преступниковъ составляетъ одну изъ главнѣйшихъ заботъ всѣхъ современныхъ законодательствъ. Различными путями стараются различныя законодательства осуществить эту заботу, — за исходную же точку всѣми ими принято одно и то же начало: тюремное заключеніе. Остановившись на мысли, что главнѣйшій корень зла находится въ болѣе чѣмъ печальномъ положеніи тюремъ прежняго устройства, криминалисты пришли къ заключенію, что изъ этого злого корня, путемъ различныхъ усовершенствованій, можно получить прекрасные плоды, т. е. изъ прежняго мѣста скорби и возмездія превратить тюрьму въ воспитательную школу. Изъ такого убѣжденія создалось нѣсколько теорій исправленій и всѣ онѣ нашли болѣе или менѣе научное приложеніе на практикѣ. Современная европейская тюрьма похожа столько же на нашъ первобытный острогъ, насколько шалашъ дикаря похожъ на любой барскій палаццо. Внѣшній видъ современно-европейской тюрьмы поражаетъ наблюдателя съ перваго взгляда: вмѣсто грязи, угрюмыхъ полуразвалинъ — почти изящная постройка; вмѣсто кандаловъ и тачекъ — цвѣтники, дорожки, усыпанныя пескомъ, подстриженные деревья; вмѣсто гула и гама, столбомъ стоящихъ надъ острогомъ, мертвенное молчаніе, вмѣсто снующихъ безъ цѣли и безъ дѣла арестантовъ — группы рабочихъ, движеніе станковъ, визгъ пилы, стукъ молота. Современно-европейская тюрьма это скорѣе громадная мастерская, чѣмъ острогъ. Одно только осталось неизмѣненнымъ — выраженіе физиономій: лицо арестанта-мастероваго смотритъ еще угрю-

мѣе, бросаемый имъ изъ-подъ нависшихъ бровей взглядъ еще подозрительнѣе, чѣмъ у нашего пропадающаго въ тоскѣ и бездѣйствіи острожника. Да и дышется въ этомъ гробовомъ молчаніи, въ средѣ этихъ подневольныхъ рабочихъ еще труднѣе, чѣмъ дышется въ томъ безформенномъ гулѣ, что носится надъ нашими острогами.

Достигается ли всѣми существующими нынѣ тюремными системами цѣль исправленія — это конечно по меньшей мѣрѣ вопросъ „подлежащій разрѣшенію“, но, повторяемъ, всѣ законодательства пришли къ заключенію, что двери тюрьмы есть единственная дорога къ спасенію для лицъ, уже разъ впавшихъ въ преступленіе. Наше законодательство точно также озабочено разрѣшеніемъ этого патологически-соціального вопроса, какъ и другія европейскія законодательства. Безспорно, наше законодательство и въ прежнее время дѣлало неоднократныя попытки къ улучшенію печальнаго положенія тюремъ, но всѣ его стремленія на практикѣ не приносили пользы: проекты, воспринявшіе силу закона, оставались мертвой буквой, остроги переполнялись арестантами, стѣны ихъ разваливались; тифъ, скорбутъ и проч. уносили ежегодно тысячи жертвъ. Рядъ реформъ, предпринятыхъ вообще для измѣненія слада нашей жизни, и судебная реформа въ особенности сдѣлали разрѣшеніе тюремнаго вопроса настолько настоятельнымъ, что оставленіе его *in statu quo* шло окончательно въ разрѣзъ съ тѣмъ, что дѣлалось въ другихъ сферахъ жизни. Полумѣры въ видѣ лучшаго снабженія арестантовъ пищей и бѣльемъ и т. п. оказались болѣе чѣмъ недостаточными. Для наилучшаго разрѣшенія тюремнаго вопроса обратились къ существующимъ европейскимъ образцамъ; въ Петербургѣ и въ Москвѣ началась первая пересадка этихъ образцовъ на нашу почву. Срочныя тюрьмы, устроенныя здѣсь и въ Москвѣ, съ кельями для ночлеговъ и съ обязательными работами считаются, хотя конечно до нѣкоторой только степени, уже европейской тюрьмой, но не нашимъ доморожденнымъ острогомъ. Даже цвѣты переносятъ зрителя, обладающаго сильнымъ воображеніемъ, въ иной міръ. Насколько эти цвѣты радуютъ взоры осужденныхъ — это конечно дѣло не зрителя...

Срочныя тюрьмы, устроенныя здѣсь и въ Москвѣ, составляли только опытъ и на этомъ одномъ опытѣ, какъ слишкомъ недоста-

точномъ и какъ имѣющемъ мѣстный характеръ, законодательство конечно не могло остановиться. Работы для болѣе широкаго и всесторонняго разрѣшенія продолжались.

Къ какимъ положительнымъ результатамъ приведетъ эта тюремная реформа, — пока еще неизвѣстно; но мы знаемъ, что проектъ уже выработанъ въ его общихъ чертахъ, и вотъ главные его основанія.

Главное управленіе исправительными тюрьмами сосредоточится, какъ и прежде, въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ, при которомъ будутъ состоять главные тюремные инспекторы, на которыхъ возлагается ревизія всѣхъ существующихъ мѣстъ исправленія. Слѣдовательно эти лица будутъ руководителями нашего тюремнаго дѣла; отъ нихъ конечно болѣе всего будетъ зависѣть направленіе тюремнаго вопроса въ ту или другую сторону. Надо надѣяться, что мѣста главныхъ инспекторовъ займутъ люди, специально ознакомившіеся съ положеніемъ тюремнаго вопроса въ Европѣ и у насъ и, кромѣ того, обладающіе самобытнотой наблюдательностью, которая подскажетъ и укажетъ имъ на многія печальныя стороны европейскаго тюремнаго вопроса, тамъ, гдѣ такіе наблюдатели, какъ авторъ „Матеріаловъ для тюремнаго вопроса“, Галкинъ, умѣютъ приходиться только въ восторгъ и умиленіе.

Полнымъ распорядителемъ каждой тюрьмы и блюстителемъ въ ней порядка дѣлается начальникъ тюрьмы. Извѣстно, что большинство современныхъ тюремныхъ смотрителей принадлежитъ къ числу людей крайне неразвитыхъ. Скудость содержанія съ одной стороны, трудность и нерѣдко опасность обязанностей смотрителя тюрьмы удаляли отъ занятія этой должности людей способныхъ. Чаще всего эту должность занимали люди, которымъ некуда было дѣваться. Ряды отставныхъ военныхъ служили главнѣйшимъ источникомъ, изъ котораго пополнялись мѣста смотрителей. Грубые, едва грамотные, они вносили значительную долю деморализующаго начала въ тюремную жизнь. Чтобы привлечь людей способныхъ и образованныхъ къ занятію мѣстъ начальниковъ тюремъ, нашли наилучшимъ увеличить жалованье настолько, чтобы оно давало возможность безбѣднаго существованія. Начальники перворазрядныхъ тюремъ должны по проекту получать напр. 2,400 руб. сер. Ко-

нечно, желательно, больше чѣмъ гдѣ либо, чтобы люди высоко развитые дѣлались начальниками вновь проектируемыхъ тюремъ: какіе бы ярлыки ни ставили надъ тюрьмой, но она всегда останется міромъ скорби, и благо тому, кто безъ наглости и фарисейства подойдетъ къ жильцамъ этого міра, кто подъ клеймомъ позора и отверженія сѣумѣетъ найти въ нихъ человѣка.

При каждой тюрьмѣ будетъ находиться врачъ, при женскихъ же акушерка. Врачебная часть при современныхъ тюрьмахъ находилась въ болѣе чѣмъ незавидномъ положеніи: городской врачъ, обыкновенно заваленный, кромѣ частной практики, официальными обязанностями, исполнялъ должность и острожного врача. Его посѣщенія можно назвать скорѣе налетами, чѣмъ визитаціями. Недостатокъ медицинскаго надзора, отсутствіе самыхъ необходимыхъ, самыхъ элементарныхъ медикаментовъ, тѣснота помѣщеній и дурная пища, дѣлаютъ изъ настоящихъ нашихъ остроговъ пріюты всевозможныхъ злокачественныхъ болѣзней и поразительной смертности.

Антагонизмъ между гражданскимъ и военнымъ начальствомъ тюрьмы служилъ обыкновенно источникомъ всевозможныхъ неурядицъ. Предѣлы власти по нынѣ дѣйствующему законодательству двухъ вѣдомствъ, гражданского и военного, не намѣчены, вслѣдствіе этого каждое вѣдомство считало себя по преимуществу начальствомъ и не хотѣло уступить первенства другому. Караулъ вмѣшивался во внутренніе распоряженія тюремнаго начальства, тюремное начальство въ распоряженія караула; въ случаѣ же открытія какихъ либо злоупотребленій одно вѣдомство сваливало бѣду и отвѣтственность на другое. Все это конечно отражалось на спинахъ арестантовъ. Арестантъ, попавшій въ милость къ военному начальству, былъ гонимъ гражданскимъ. Присутствіе караула во внутренности тюрьмы главнѣйшимъ образомъ послужило къ тому, что многіе изъ нашихъ остроговъ сдѣлались фабриками и торжищами фальшивыхъ денегъ, паспортовъ и т. п. Составители новаго проекта поняли неудобство отсутствія разграниченія военного и гражданского вѣдомствъ, а потому внесли въ него положеніе, что военный караулъ будетъ наряжаться только исключительно для охраненія тюрьмы отъ побѣговъ и для поддержанія распоряженій начальника тюрьмы; право же самостоятельнаго входа во внутрен-

ность тюрьмы онъ не имѣеть, за исключеніемъ только случаевъ, когда начальникъ тюрьмы потребуетъ его присутствія.

Завѣдываніе хозяйствомъ тюремъ, присканіе заказовъ и заключеніе условій на тюремныя работы, распредѣленіе заработной платы и принятіе поступающихъ пожертвованій возлагается на хозяйственное правленіе, которое состоитъ изъ начальника тюрьмы, его помощника, священника, врача и учителя. Кромѣ того губернатору предоставляется право приглашать къ участию въ дѣлахъ этого правленія и лицъ постороннихъ. Такъ какъ мѣстное правленіе находящихся въ губерніи тюремъ будетъ подчинено губернскому правленію, то нельзя не опасаться, чтобы при подобномъ іерархическомъ подчиненіи и устройствѣ будущія хозяйственныя правленія не повторили печальную исторію тюремныхъ комитетовъ. Тюремный комитетъ—это какой-то мифъ, существующій въ губерніи. Что-то? гдѣ-то? никто не знаетъ,— даже подѣ часть въ блаженномъ невѣдѣніи о существованіи его находятся самые члены. Доподлинности о существованіи его знаютъ только смотритель, секретарь и подрядчики. Но мифическое существованіе комитетовъ не мѣшаетъ имъ оказывать самое пагубное вліяніе на тюремную жизнь: стѣны остроговъ обваливаются, ремонтъ требуется самый настоятельный, а представленія объ этомъ носятя въ сферахъ мифическаго существованія комитета, — арестанты же забнутъ, дышать сыростью и мрутъ какъ мухи; арестанты ходятъ чуть не нагишомъ, — а представленія „о постройкѣ бѣлья“ носятя опять-таки въ тѣхъ же сферахъ мифическаго существованія. Арестанты—живые люди и дѣлать изъ нихъ нумера входящей и исходящей бумаги крайне неудобно; нужды и опасности не ждуть; арестантской желудокъ, какъ и свободный желудокъ, точно также требуетъ пищи, на тепло имѣеть такое же право осторожное тѣло, какъ и тѣло свободное... Всѣ эти истины легко могутъ нарушаться въ дѣйствительности, если мы даже и съ благими намѣреніями нагромоздимъ іерархію властей и обоюдныхъ сношеній между ними. Какъ бы ни было живо дѣло, — но если оно пройдетъ нѣсколько инстанцій и притомъ инстанцій чисто-канцелярскаго характера, то въ концѣ концовъ оно всегда превратится въ мертвую букву, въ справку, отношеніе. Въ основу тюремныхъ комитетовъ тоже положены благія намѣренія,—но эти на-

мѣренія не спасли тюрьмы ни отъ злоупотребленій, ни отъ безурядицы. Напротивъ того, они давали косвеннымъ образомъ обильную пищу и тѣмъ и другимъ: нѣтъ ничего легче, какъ скрывать злоупотребленія тогда, когда надъ властью стоитъ еще нѣсколько властей, стоитъ только приобрести и то весьма незначительный навыкъ въ „отписываніи“ бумагъ; тогда можно свалить отвѣтственность на власть, стоящую выше или рядомъ. Лучшимъ доказательствомъ этой легкости служить тотъ фактъ, что у насъ весьма рѣдко начинались дѣла о тюремныхъ злоупотребленіяхъ и если начинались, то почти никогда ничѣмъ не кончались, а, кажется, исторія нашихъ тюремъ не можетъ похвастаться особенной безукоризностью. Хозяйственныя правленія, съ подчиненностью ихъ губернскому правленію, на нашъ взглядъ есть не болѣе, какъ перифраза тюремныхъ комитетовъ. При полнѣйшей подчиненности хозяйственныхъ правленій губернскимъ правленіямъ и при принятомъ въ послѣднихъ порядкѣ дѣлопроизводства, первымъ придется употреблять болѣе заботы на составленіе журнальныхъ опредѣленій и донесеній, чѣмъ на наблюденіе за удовлетвореніемъ насущныхъ потребностей, что тѣмъ болѣе принесетъ вреда потому, что въ порядкѣ подчиненности не указанъ даже размѣръ суммъ, которыми могло бы самостоятельно и независимо распоряжаться хозяйственное правленіе, — такъ что каждый мелочный расходъ сдѣлается источникомъ нескончаемой переписки.

Кромѣ обыкновенныхъ попечителей учреждаются еще артельные попечители; это тѣ, кто снабжаетъ тюремныя мастерскія работами и содѣйствуетъ въ составленіи рабочихъ артелей начальнику тюрьмы. Между прочимъ однимъ изъ преимуществъ артельныхъ попечителей предположено допустить освобожденіе ихъ отъ службы по выборамъ. Отчасти вслѣдствіе неразвитости нашего общества, отчасти вслѣдствіе слишкомъ малаго простора для самодѣятельности, служба по выборамъ, особенно тамъ, гдѣ она не вознаграждалась солиднымъ говораромъ, считалась болѣе тяжелой ношей, нежели правомъ; а потому каждый, по мѣрѣ силъ и умѣнья, старался страхнуть съ себя эту ношу на плечи другому. Письма изъ провинцій указываютъ намъ, что если этотъ порядокъ и измѣнился къ лучшему, то въ дозахъ настолько микроскопическихъ, что наблюденіе

за измѣненіемъ становится крайне затруднительнымъ. Нынѣшніе тюремные попечители принимаютъ на себя эту обязанность болѣе не изъ желанія принести долю пользы, — но угодить приглашающему ихъ начальству, тѣмъ болѣе, что угожденіе стоитъ дешево, всего пять или десять рублей. Даже этой ничтожной суммой не можетъ быть измѣрена въ большинствѣ случаевъ доля пользы ими приносимая. Можно опасаться, что при допущеніи освобожденія отъ службы по выборамъ въ будущіе артельные попечители опять-таки не попадутъ люди, проникнутые искреннимъ желаніемъ внести лепту пользы въ отверженный міръ, но люди, желающіе промѣнять болѣе легкое на болѣе тяжелое. Такая перемѣна не представитъ и большихъ затрудненій: съ одной стороны, артельный попечитель можетъ постоянно озабочиваться составленіемъ артелей, но свою заботливость проявлять въ столь ничтожныхъ дозахъ, что артель никогда не составится, съ другой — и начальству не предстанетъ никогда необходимости отстранить его отъ этой безконечной заботливости, тѣмъ болѣе, что увеличивающееся число попечителей можетъ придать очень своеобразный и очень красивый видъ будущимъ отчетамъ.

Доставленіе матеріаловъ и рабочихъ инструментовъ, содержаніе при артеляхъ вольныхъ учителей, принятіе заготовленныхъ матеріаловъ и уплата денегъ хозяйственному управленію составляютъ главнѣйшія обязанности артельныхъ попечителей. Допуская артель въ будущемъ хозяйствѣ исправительныхъ тюремъ, проектъ упустилъ изъ вида главное и основное начало каждой артели — свободу составленія артели и свободу распредѣленія заработковъ. Конечно тюрьма всегда останется тюрьмой; и потому примѣнить къ ней вполне экономическіе принципы представится болѣе чѣмъ затруднительнымъ; но если уже принимать извѣстное начало, то надо дать ему по возможности и широкое примѣненіе. Еще недостаточно сказать, что составляется изъ рабочихъ артель, но надо сказать, въ чемъ же можетъ проявиться и выразиться дѣятельность этой артели. Не всякая группа рабочихъ — артель; нынѣ существующія мастерскія сапожниковъ, башмачниковъ и т. д. есть соединеніе учениковъ, подмастерьевъ, мастеровъ подъ главенствомъ и эксплуатаціей хозяина, но это еще не артель; изъ лицъ, участвующихъ въ этой мастерской, никто не можетъ потребовать отчета отъ хозяина ни

въ условіяхъ, заключенныхъ ими съ потребителями, ни съ распредѣленіи заработанной платы между рабочими. Артель же устраивается на совершенно противоположныхъ началахъ, она юридическій хозяинъ всему, она заключаетъ условія, она распредѣляетъ заработки между членами. Всѣхъ этихъ необходимыхъ, существенныхъ признаковъ артельного начала — нѣтъ въ новомъ проектѣ. Есть только слово, но нѣтъ факта. Между тѣмъ въ фактѣ-то и есть самая крайняя потребность: рабочій въ тюрьмѣ, несмотря на свою изолированность, несмотря на неестественность своего положенія, подчиняется общимъ экономическимъ началамъ, но если его можно заставить работать, то только при исполненіи трехъ условий: 1) когда онъ самъ будетъ выбирать себѣ работу; 2) когда онъ самъ будетъ контролировать свой заработокъ; 3) когда онъ будетъ осязательно видѣть, что главнѣйшая часть заработка идетъ въ его пользу...

Тюрьма составляетъ государственное учрежденіе, такъ какъ большинство преступленій нарушаетъ не частное право, но государственное, и преслѣдуется, за исключеніемъ лишь нѣкоторыхъ случаевъ, представителями государственнаго начала, но не частнаго обвиненія. Вслѣдствіе этого содержаніе исправительныхъ тюремъ отнесено главнѣйшимъ образомъ на счетъ государственнаго казначейства, и только въ пособіе суммамъ, получаемымъ изъ государственнаго казначейства, приданы суммы изъ городскихъ и земскихъ сборовъ. Кроме того на содержаніе же тюремъ отчисляется часть изъ заработной платы арестантовъ. Вообще послѣдняя распределяется такимъ образомъ: 10% идетъ въ спеціальныи капиталъ (назначеніе его мы укажемъ ниже) исправительной тюрьмы; 60% отчисляется въ казну, а остальные 30% (за исключеніемъ изъ нихъ 10% въ пользу арестантовъ, занимающихся хозяйственными работами въ тюрьмахъ) — поступаютъ въ пользу работника-арестанта. Мы совершенно согласны съ тѣмъ, что содержаніе тюремъ, доколѣ онѣ будутъ признаваться необходимою въ государственномъ хо-

зайствѣ, должно падать преимущественно на общій, государственный счетъ, но ни въ какомъ случаѣ не можемъ раздѣлять взгляда относительно распредѣленія арестантскихъ заработковъ. Увлечаться наружной, повидимому, блестящей стороной европейскаго строя — намъ удѣль; это-то увлеченіе мѣшаетъ намъ прослѣдить, оцѣнить по дѣйствительной стоимости оборотную сторону медали. Большая часть арестантскаго заработка, получаемого въ западно-европейскихъ тюрьмахъ, поступаетъ главнѣйшимъ образомъ на покрытіе тюремныхъ расходовъ. Повидимому такой порядокъ вещей далъ отличные результаты. Возмемъ первый попавшійся намъ примѣръ. Исправительная тюрьма въ Лозаннѣ считается однимъ изъ образцовыхъ произведеній въ своемъ родѣ; въ ней помѣщается всего до 120 человѣкъ, но постройка ея обошлась, при всей экономичности и расчетливости швейцарцевъ болѣе пятьсотъ тысячъ франковъ. Посмотримъ же, какіе результаты далъ тотъ порядокъ вещей, который предполагается примѣнить у насъ, и какія должны быть естественныя послѣдствія такого порядка вещей. Расходъ по лозанской тюрьмѣ на жалованье, ремонтъ, продовольствіе и т. под. въ продолженіе трехъ лѣтъ былъ слѣдующій: въ 1859 году — 61,583 ф., въ 1860 г. — 62,790 фр и въ 1861 г. — 64,000 фр.; доходы же, получаемые изъ заработной платы были слѣдующіе: въ 1859 г. — 32,135 фр., въ 1860 г. — 30,271 фр. и 1861 г. — 33,583 фр. Итакъ больше половины суммъ, расходуемыхъ на содержаніе тюрьмы, покрывалось арестантской работой. Повидимому лучшихъ результатовъ ожидать нельзя: незнаграждаемыхъ затратъ весьма мало. Но взглянемъ на оборотную сторону медали. Въ „Дѣлѣ“ уже не разъ разбиралась самая сущность исправительной теоріи и построенной на ней системы разнообразнѣйшихъ тюремныхъ организацій, а потому этого вопроса въ настоящей статьѣ мы не будемъ касаться, скажемъ только одно, что каждая тюрьма въ настоящее время предназначается для исправленія падшаго человѣчества. Говорятъ, что это именно и есть главнѣйшая цѣль построенія каждой тюрьмы. Слѣдовательно нужно во имя этой цѣли жертвовать всѣми остальными; вопросъ не въ томъ, сохранится ли лишній десятокъ тысячъ франковъ въ сундукѣ казначейства, а въ томъ, чтобы обратить одну или нѣсколько заблудшихъ овецъ на путь истинный. Какіе

же результаты дало исправленіе? Въ 1860 году—въ лозанской тюрьмѣ на 120 человекъ содержалось 50 рецидивистовъ; а въ 1861 году—65 рецидивистовъ. Итакъ исправленіе, какъ видите, дало гораздо менѣе утѣшительные результаты, чѣмъ денежная экономія. Указаніе всѣхъ причинъ, порождающихъ рецидивизмъ, а также объясненіе безуспѣшности исправительныхъ системъ слишкомъ отдалило бы насъ отъ предмета настоящей статьи,—разсмотрѣніе проекта положенія о тюрьмахъ,—а потому мы остановимся только на томъ, что непосредственно соприкасается съ предметомъ настоящей статьи—на заработной платѣ и для этого опять-таки воспользуемся цифрами лозанской тюрьмы. Недостатка въ работѣ въ тюрьмѣ никогда не оказывалось,—арестантамъ въ продолженіе сутокъ дается на отдыхъ, обѣдъ, ужинъ и т. д., не болѣе 3 часовъ; все же остальное время они сидятъ за работой. Кажется, трудъ дьявольскій, каторжный. И этотъ-то каторжный трудъ приноситъ въ результатъ рабочему среднимъ числомъ двѣ копейки серебромъ въ день. Какъ бы ни были незначительны, узки потребности арестанта въ тюрьмѣ, но тѣмъ не менѣе всѣ онѣ покрываются казеннымъ иждивеніемъ не могутъ; слѣдовательно у арестанта есть расходы въ тюрьмѣ, которые онъ долженъ покрывать своимъ нищенскимъ заработкомъ; но у арестанта могутъ быть расходы и внѣ тюрьмы: тамъ у него можетъ оставаться семья, которой онъ долженъ помогать... Спрашивается, что же вынесетъ арестантъ, выходя изъ исправительной тюрьмы? Мы не принадлежимъ къ тѣмъ оптимистамъ, которые вѣрятъ въ благотворное вліяніе тюрьмы, но даже предполагая, что изъ воспитательной школы вынесется богатый запасъ добродѣтели, мы въ тоже время должны признать, что оттуда же арестантъ вынесетъ голодный желудокъ, обладающій потребностью насыщаться, и позорное клеймо, которое, при всемъ желаніи арестанта употребить свои руки на честный трудъ, встанетъ ему поперегъ дороги. Если бы арестантъ, при нравственныхъ задаткахъ, вынесъ изъ тюрьмы порядочный заработокъ, то это дало бы ему возможность оглядѣться, пережить экономическій кризисъ, но такъ какъ въ его желудкѣ также пусто, какъ и въ его карманѣ, то при всѣхъ добродѣтеляхъ ему открывается одна дорога: опять та же благодѣтельная лозанская тюрьма со всѣми ея усовершенствованіями.

Вотъ одна изъ причинъ рецидивизма.

Филантропы, устраивающіе лозанскія и тому подобныя тюрьмы, съ гордостью указываютъ на полученные итоги расходовъ и доходовъ. Ихъ система исправленія такъ дешево стоитъ государству! Но если бы они разсчитали, чего стоитъ полиція и жандармерія, охраняющая общество отъ преступныхъ поползновеній рецидивистовъ на его спокойствіе, — что стоитъ судъ, судящій рецидивистовъ, что стоитъ частная собственность, похищаемая рецидивистами, что стоитъ человѣческая жизнь, такъ дешево и такъ часто поставляемая рецидивистами на карту, наконецъ, разсчитали бы, какую пользу могъ бы принести рецидивистъ, если бы онъ работалъ не въ тюрьмѣ, на свободѣ, въ такомъ случаѣ, они увидали бы, что результаты ихъ экономическихъ соображеній и выкладки далеко не такъ блестящи, какъ кажутся они съ перваго взгляда, увидали бы, что, выигрывая копѣйки, они теряютъ сотни рублей. Во всякомъ случаѣ, болѣе подробное и всестороннее разсмотрѣніе этого вопроса привело бы ихъ къ заключенію, что дальнорочность не составляетъ ихъ неотъемлемой добродѣтели.

Мы указали послѣдствія ничтожнаго экономическаго сбереженія арестантскихъ заработковъ въ одной изъ европейскихъ тюремъ. Можно опасаться, что при допущеніи вышеуказаннаго распредѣленія арестантскаго заработка въ нашихъ тюрьмахъ послѣдствія будутъ еще печальнѣе.

Это прямо вытекаетъ изъ нашихъ экономическихъ условій.

Слѣдуетъ имѣть въ виду при разрѣшеніи этого вопроса слѣдующее: города западной Европы составляютъ центръ промышленной жизни; отсюда всегдашній спросъ рабочихъ рукъ, отсюда же постоянное требованіе и на рабочихъ въ исправительныхъ заведеніяхъ. Исправительныя тюрьмы въ западной Европѣ никогда не ощущаютъ недостатка въ запросѣ на работу; арестантамъ не предстоитъ тамъ необходимости сидѣть сложа руки. Наши города, за немногими исключеніями, административные центры; отсутствіе промышленной жизни — ихъ главнѣйшая характеристика. Отсюда можно безошибочно предполагать, что большого запроса на тюремныя работы не будетъ. Это предположеніе становится еще болѣе вѣроятнымъ, если имѣть въ виду тѣ классы общества, на

долю которыхъ приходится главнѣйшая цифра преступниковъ. Это крестьяне. Кромѣ сохи, да бороны они ничего не знаютъ. Чтобы выучить ихъ какому либо мастерству, потребуется, вслѣдствіе непривычки, очень много времени, такъ что въ этотъ срокъ можетъ окончиться терминъ ихъ содержанія. Далѣе, исправительныя тюрьмы въ западной Европѣ есть учрежденіе уже не новое, къ нимъ успѣли приглядѣться, привыкнуть, а потому заказы въ нихъ идутъ безъ опаски; у насъ нужно еще побѣдить предубѣжденіе противъ тюрьмы, нужно поселить довѣріе къ рабочимъ, въ нихъ содержащимся, къ заказамъ, въ нихъ исполняющимся. Благодаря прошлому, благодаря формальностямъ и присущимъ имъ замедленіямъ, у насъ не всякій еще рѣшится имѣть дѣло съ казной. Каждый заказъ дѣло спѣшное, срочное. Въ интересѣ каждого промысла — вести дѣло съ возможно меньшими ограниченіями и стѣсненіями. Затѣмъ въ западной Европѣ исправительно-тюремное дѣло окончательно сложилось, систематизировалось; отсюда каждая копѣйка изъ заработка арестанта поступаетъ дѣйствительно въ пользу арестанта; въ дѣлѣ нашихъ исправительныхъ тюремъ, какъ въ дѣлѣ новомъ, мы должны ожидать, особенно на первыхъ порахъ извѣстной доли шаткости, неурядицы, которая конечно болѣе всего отразится на арестантскихъ заработкахъ.

Срочныя тюрьмы въ Москвѣ и Петербургѣ составляютъ первый опытъ въ тюремно-исправительномъ дѣлѣ. Очень жаль, что начальство этихъ тюремъ не знакомитъ общество съ результатами этого опыта; особенно было бы интересно узнать цифру *maximum*'а и *minimum*'а той экономіи, которую выносятъ арестанты изъ тюремъ. Мы увѣрены, что сумма эта весьма незначительна; но сколько слышно, арестанты болѣе четырехъ рублей серебромъ изъ тюрьмы не выносили. Но если такъ ничтожно арестантское сбереженіе въ столичныхъ тюрьмахъ, стоящихъ въ самыхъ выгодныхъ условіяхъ, то чего же можно ожидать отъ исправительной тюрьмы въ какомъ нибудь Симбирскѣ, Пензѣ, гдѣ половинѣ арестантовъ придется заниматься тѣмъ же, чѣмъ занимаются они въ настоящее время въ острогѣ, т. е. безцѣльнымъ измѣреніемъ тюремнаго двора?

Такимъ образомъ, можно разсчитывать, что если заработная плата арестантовъ будетъ распредѣляться такъ, какъ предположено по про-

екту, то арестанты, выходя изъ тюрьмы, будутъ выносить въ карманъ—нуль. Возможность существованія на эту экономію даже не подлежитъ и сомнѣнію.

Послѣдствія такого порядка вещей указаны выше. Рецидивизмъ будетъ такъ же значителенъ, какъ и въ настоящее время, дѣло же исправленія не подвинется ни на одинъ шагъ. Можно съ полною вѣроятностію разсчитывать, что изъ будущихъ исправительныхъ тюремъ будутъ выходить такіе же искусные специалисты тюремнаго житья-бытья, какіе существуютъ и нынѣ. Исправительная тюрьма явится постояннымъ, съ незначительными интервалами, жилищемъ многихъ и будущій наблюдатель будетъ также поражаться ихъ тонкимъ знаніемъ всѣхъ характерныхъ особенностей тюремъ чуть ли не цѣлой Россіи.

При составленіи тюремныхъ смѣтъ, предполагается установить такой порядокъ: смѣта составляется хозяйственнымъ правленіемъ, которая представляется въ губернское правленіе, это, съ своей стороны, по разсмотрѣніи, вноситъ въ главный тюремный комитетъ, и затѣмъ, она вносится въ общую смѣту министерства.

Въ этомъ составленіи, разсмотрѣніи и утвержденіи смѣтъ—нѣтъ ничего новаго. А такъ какъ послѣдствія подобнаго порядка уже въ достаточной степени провѣрены опытомъ, то было бы желательно, чтобы въ немъ, какъ и вообще въ тюремномъ управленіи допустилось болѣе самостоятельности, мѣстной автономіи. Это расширеніе автономіи является тѣмъ болѣе необходимымъ, что въ содержаніи тюремъ примутъ участіе мѣстное земство и городъ. Въ ихъ интересѣ слѣдить и за лучшимъ содержаніемъ тюремъ и за поступленіемъ денегъ на предназначаемыя статьи. Возможность гарантировать лучшее состояніе будущихъ исправительныхъ тюремъ посредствомъ длинныхъ іерархическихъ представленій больше кажущееся, чѣмъ дѣйствительное. Наши остроги точно также неукословно охранялись смѣтами, представленіями, журнальными опредѣленіями, но это не спасло же ихъ отъ печальнаго положенія. Новый опытъ составленія и утвержденія смѣтъ можетъ оказаться, конечно, удачнымъ и неудачнымъ, но едва ли есть достаточныя основанія повторять то, что оказалось уже только неудачнымъ?

Арестантовъ предполагается содержать днемъ въ общихъ камерахъ, а во время, предполагаемое для сна, въ отдѣльныхъ другъ отъ друга кельяхъ. Итакъ, предполагается соединить двѣ системы работы въ общихъ мастерскихъ и келейное заключеніе.

Намъ неизвѣстно, какимъ образомъ будутъ устроены будущія исправительныя тюрьмы, но мы знаемъ первый опытъ по этой части, с.-петербургскую срочную тюрьму, а потому скажемъ нѣсколько словъ объ ея устройствѣ, въ томъ предположеніи, что она послужитъ прототипомъ для дальнѣйшихъ заведеній въ томъ же родѣ.

Срочная тюрьма въ Петербургѣ устроена такимъ образомъ, что въ верхнемъ этажѣ находится большая часть мастерскихъ, въ нижнемъ же помѣщаются спальни. Каждая спальня представляетъ огромную камеру, раздѣленную по срединѣ досчатою перегородкою. къ этой перегородкѣ съ той и съ другой стороны лѣнятся рядомъ номеровъ пятьдесятъ арестантскихъ келій, отдѣленныхъ другъ отъ друга тоже досчатою перегородкой. Слово келья, слишкомъ громкое слово для характеристики арестантскаго ночлега, потому что каждая келья, какъ бы она ни была мала, предполагаетъ возможность свободнаго движенія взадъ и впередъ, арестантская же келья, занятая нарой, этой возможности не даетъ; въ нее можно только влѣзть и вылѣзть; но ходить по ней, болѣе чѣмъ неудобно. Келья полутемная, такъ какъ проходъ свѣта въ нее загороженъ передней стѣной, въ которой находится небольшое окошко, задѣланное проволоочною рѣшеткой.

Мы больше чѣмъ несторонники самыхъ наилучшихъ системъ заключенія. Даже г. Галкинъ, съ его краснорѣчивымъ описаніемъ арестантскихъ курточекъ, не могъ разсѣять нашего предубѣжденія. Въ келейномъ западно-европейскомъ заключеніи мы видимъ страшное зло. Кельи—это гроба для заживо-схороненныхъ людей. Но тѣмъ не менѣе мы согласны, что западно-европейскіе гроба одолжены своимъ происхожденіемъ хотя и ложной, но тѣмъ не менѣе твердо обозначенной, сформулированной идеѣ. Этимъ гробомъ и молчаніемъ хотѣтъ заставить человѣка углубляться въ самого себя, анализировать свое прошлое, а отсюда путемъ отрицательнаго анализа, придти къ положительному выводу—

къ необходимости исправленія для будущей дѣятельности. Чего же предполагается достигнуть кельями вышеозначеннаго устройства? Уже не говоря о томъ, что углубляться въ самого себя, постоянно лежа на узкой нарѣ, физически невозможно; многіе совершаютъ процессъ самоуглубленія, путешествуя изъ угла въ уголь, чего достигнуть при данномъ устройствѣ келій, по меньшей мѣрѣ, затруднительно; но даже и безъ этого достигнуть того молчанія, которымъ думаютъ обусловить самоуглубленіе и исправленіе, будетъ только представляться желательнымъ, но ни въ какомъ случаѣ недостижимымъ. Западно-европейскія кельи устроены художественнымъ образомъ, въ нихъ все рассчитано и обсуждено; но человѣкъ, прежде всего животное словесное и притомъ общественное; вслѣдствіе этого, онъ преодолеваетъ всевозможныя препятствія, лежащія на пути къ удовлетворенію его физиологическихъ потребностей: его обрекаютъ на насильственное молчаніе, но онъ, вмѣсто того, чтобы углубляться въ соображенія полезности этой мѣры, употребляетъ дьявольское терпѣніе для того, чтобы черезъ каменную стѣну познакомиться съ своимъ сосѣдомъ и достигаетъ этого: посредствомъ ударовъ у нихъ завязывается разговоръ, сношенія. Въ нашихъ новыхъ тюрьмахъ не потребуется даже и усиленнаго терпѣнія для достиженія этой цѣли: тонкая досчатая перегородка, представить такія же удобства для бесѣды, какъ и отсутствіе ея. Впрочемъ, зная до нѣкоторой степени осторожный міръ, мы увѣрены, что жильцы его устранять, такъ какъ перегородка, какая ни на есть, все же представляетъ препятствіе для непосредственныхъ сношеній, точно также увѣрены, что никакая бдительность начальства не помѣшаетъ имъ въ этомъ.

Чего же достигаютъ устройствомъ келій, принятомъ въ срочной тюрьмѣ Петербурга?

На нашъ взглядъ только одного: порчи воздуха. Чѣмъ, конечно, не достигается цѣль нравственнаго исправленія.

Предполагается по проекту воспретить во время работъ, подъ страхомъ наказанія, всякіе разговоры, неотносящіеся къ производимой работѣ.

Нельзя не отнести сочувственно къ тому, что составители проекта отказались отъ столь вредной системы гробового молчанія,

принятой въ западно-европейскихъ исправительныхъ тюрьмахъ, но въ тоже время, нельзя не замѣтить, что принятая полумѣра не только бесполезна, но и положительно вредна.

Она бесполезна потому, что не достигаетъ цѣли. Всякій знаетъ, что есть такъ называемый условный языкъ и что этимъ языкомъ съ особеннымъ мастерствомъ владѣютъ арестанты. Едва ли не тюрьмѣ вообще принадлежитъ и честь изобрѣтенія этого языка. Никто не помѣшаетъ мнѣ называть: ниткой—топоры, иглой—воровство, стежкомъ—убійство и т. д. Такимъ образомъ, можетъ составиться цѣлая рѣчь, цѣлый разговоръ, повидимому о самыхъ назидательныхъ и невинныхъ предметахъ, между тѣмъ, какъ на самомъ-то дѣлѣ будетъ обдумываться и передаваться планъ новаго преступленія, замысла къ побѣгу и т. д. и никто не проникнетъ, кромѣ, конечно, посвященныхъ въ условный языкъ, въ этотъ планъ. Мы вполне убѣждены, что при допущеніи въ будущихъ тюрьмахъ только разговоровъ, относящихся до производимыхъ работъ, составитъ очень скоро такой полный, и такой своеобразный жаргонъ, который приведетъ въ изумленіе самаго лучшаго филолога.

Итакъ, данная полумѣра и остается бесполезной полумѣрой. Она вредна потому, что можетъ влечь за собой деморализирующія послѣдствія.

Разговоръ о предметахъ, неотносящихся къ производимымъ работамъ будетъ составлять проступокъ, влекущій за собой наказаніе. Для того, чтобы покарать нарушителей, а такіе всенепремѣнно явятся, нужно слѣдить за ними. Слѣдовательно, потребуется учредить для этого особую систему надзора. Эта система можетъ быть приведена въ исполненіе или посредствомъ тюремныхъ служителей, или посредствомъ самихъ арестантовъ. Первое неудобно потому, что для каждаго арестанта потребовался бы особый приставникъ. Что едва ли окупило бы пользу этой мѣры. Такимъ образомъ, придется прибѣгнуть къ тѣмъ же арестантамъ, а для этого пришлось бы развивать между ними духъ соревнованія въ доносахъ на своихъ товарищѣхъ.

Но тюрьма предполагается для исправленія; въ нее попадаютъ люди съ пошатнувшейся нравственностью; къ этимъ-то людямъ при-

дется, для достиженія цѣли, прививать самый гнуснѣйшій изъ всѣхъ пороковъ — шпионство.

Но помимо безнравственности самаго шпионства, система надзора арестантовъ надъ арестантами, даетъ обильный матеріалъ глухой, постоянной борьбы. А кто не знаетъ, какими кровавыми катастрофами разыгрывается иногда эта борьба. Тюремный самосудъ — страшный самосудъ, закаленные въ житейскихъ передрагахъ, наболѣвшіе въ острожномъ сидѣннн организмы людей, участвующихъ въ этихъ самосудахъ, не знаютъ пощады. Ихъ рука, не дрогнувъ, санкционируетъ кровавые приговоры.

Итакъ, данная полумѣра положительно вредна.

Проектъ предполагаетъ обязательныя работы необходимой принадлежностью исправительныхъ тюремъ.

Противу такого обязательства конечно нельзя ничего возразить, но слѣдуетъ возразить противу неопредѣленности употребленнаго выраженія. Каждый трудъ можетъ очень легко превратиться изъ труда въ тяжкое наказаніе; стоитъ только увеличить дозу его. Во всѣхъ европейскихъ тюрьмахъ съ точностью обозначено время производства обязательныхъ работъ; конечно, время отдыха, даваемого тамъ арестантамъ, такъ коротко, что работа превращается въ изнурительное наказаніе и мы нисколько не желаемъ, чтобы въ нашихъ тюрьмахъ приняты были рабочіе сроки заграничныхъ системъ; но на эти обстоятельства мы указываемъ, какъ на подтвержденіе нашей мысли, что трудовые часы арестантовъ должны быть точно обозначены. Безъ подобнаго обозначенія каждый начальникъ тюрьмы сдѣлается произвольнымъ распорядителемъ арестантскаго времени и свои личныя неудовольствія къ арестантамъ будетъ, не прибѣгая къ дисциплинарнымъ наказаніямъ, выражать увеличеніемъ работныхъ часовъ. Произволь, съ одной стороны, и постоянное неудовольствіе съ другой, лягутъ необходимымъ и неизбѣжнымъ послѣдствіемъ такого порядка вещей.

Всѣ арестантскія работы раздѣлены на дисциплинарныя и добротныя; первыя заключаются въ механическихъ, а вторыя въ ремесленныхъ производствахъ.

Признаемся откровенно, что мы такого раздѣленія работъ не понимаемъ, даже больше, — сомнѣваемся, чтобы составители проекта сами вполне выяснили себѣ, какая цѣль такого раздѣленія, так и то положеніе, которое должны занять исправительныя тюрьмы. Что такое механическія и ремесленныя работы? Гдѣ твердая черта, раздѣляющая эти два вида работъ? Всякая работа отчасти механическая. Я пишу, слѣдовательно употребляю въ дѣло мое рубу; правда, мое занятіе требуетъ известной доли знанія, умѣнья толково и грамотно выражать свои мысли, но заставьте меня рубить дрова, пахать землю, и я знаю, что вмѣсто бревна попаду себѣ въ ногу и ужь навѣрное не проведу сохой ни одной полосы. слѣдовательно и эти работы точно также требуютъ знанія, сноровки, привычки. Да и почему же механическая работа — работа дисциплинарная, т. е. унижающая человѣка, работа же ремесленная — добротная, т. е. возвышающая человѣка. Ужь не говорю о томъ, что всякій трудъ, былъ бы онъ только производителемъ, не состоялъ бы онъ только въ переливаніи изъ пустого въ порожнее, въ толченіи воды, въ равной степени почтенный, но даже и въ степени органическихъ усилій, употребляемыхъ на каждую работу, не можетъ скрываться ничего такого, что бы давало право относить одни работы къ добротнымъ, другія къ дисциплинарнымъ. Заставьте человѣка, занимающагося всю жизнь пилкой дровъ (умаемъ, что это занятіе подходитъ, по мысли проекта, къ механическимъ работамъ), точать сапоги, сидѣть надъ дратвой, согнувши спину, и вы увидите, что для него именно послѣдняя-то работа (кажется ужь ремесленная) будетъ чистѣйшимъ наказаніемъ. Такимъ образомъ принятое расиредѣленіе работъ мы можемъ отнести къ меньшей мѣрѣ къ иллюзіямъ. Оно неудачно и съ другой стороны. Составители проекта, имѣя передъ глазами заграничныя образцы, думаютъ создать изъ нашихъ будущихъ исправительныхъ тюремъ нѣчто въ родѣ ремесленныхъ заведеній. Не будучи пророкомъ, впередъ можно сказать, что подобная попытка потерпитъ полнѣйшее фіаско. Выше мы указали разницу условій, въ которыхъ

находятся заграничныя тюрьмы и въ которыхъ будутъ поставлены наши тюрьмы. Въ этихъ-то условіяхъ и заключается полнѣйшая возможность неуспѣха порядковъ, принятыхъ въ западной Европѣ при пересадкѣ ихъ на нашу почву. У насъ исправительныя тюрьмы уже потому не превратятся въ ремесленныя заведенія, что не найдутъ себѣ заказчиковъ, а безъ требованія не можетъ быть и работы. Если начальства тюремъ, пополняя этотъ пробѣлъ, устроятъ особые склады, въ которыхъ арестантскія издѣлія будутъ ждать себѣ покупателей, то въ концѣ концовъ эти склады превратятся изъ складовъ издѣлій въ склады никуда негодной, погнившей отъ времени рухляди. Да и притомъ въ исправительныя тюрьмы попадаютъ люди не на всю же жизнь, а преимущественно на сроки болѣе или менѣе короткіе, на годъ, на полтора. Выучите-ка нашего крестьянина въ продолженіе года шить сапоги? Посмотрите: какой изъ него мастеръ выйдетъ, приобретутъ ли его мозолистыя, свывшіяся съ грубыми орудіями руки ту гибкость, которая необходима для того, чтобы человѣкъ владѣлъ иглой. Намъ кажется, въ этомъ приученіи, требующемъ бесполезной траты времени и силъ, не предстоитъ и необходимости. Кромѣ наказанія какая цѣль тюрьмы? Мы отвѣтимъ на это не отъ себя, но отъ тѣхъ, кто строятъ исправительныя тюрьмы: путемъ работъ и отчужденія отъ остального свободного міра исправить человѣка. Прекрасно. Но распредѣленіе работъ на унижающія и облагораживающія слишкомъ старо, чтобы доказывать невѣрность его; ни одна работа не поселяетъ въ человѣка порочныхъ наклонностей, ихъ производитъ отсутствіе труда. Слѣдовательно весь вопросъ сводится не къ тому, чтобы превратить тюрьмы въ ремесленныя школы, гдѣ бы арестанты клеили куда негодныя коробочки, но къ тому, чтобы найти имъ работу и притомъ работу такого сорта, которая вознаграждала бы подневольнаго работника, давала бы ему возможность составить сбереженіе и тѣмъ предохранила бы его отъ возможности попасть снова въ ту же работу. Поставивши же такимъ образомъ вопросъ, и разрѣшить его слѣдуетъ какъ можно болѣе сообразно тѣмъ мѣстнымъ условіямъ, въ которыхъ будутъ находиться наши тюрьмы. Униформа хороша только въ военномъ строѣ; проектируя же ту или другую мѣру, не принявъ при этомъ во вниманіе всѣхъ данныхъ, при ко-

торыхъ будетъ осуществляться эта мѣра, мы достигнемъ только одного: полнѣйшаго разочарованія, купленнаго очень дорогою цѣною. У насъ есть, напримѣръ, города, производящіе лѣсную торговлю; все населеніе мѣстностей, прилегающихъ къ этимъ городамъ, такъ сказать сроднилось съ лѣснымъ производствомъ и только съ нимъ однимъ. Представимъ же въ этомъ городѣ будущую исправительную тюрьму съ преобладаніемъ въ ней ремесленнаго характера. Что изъ этого выйдетъ? Отвѣтить не трудно. Арестанты ни сапогъ, ни сюртуковъ и т. п. шить не выучатся, сбереженій не сдѣлаютъ, казна тратъ своихъ не вознаградитъ. Между тѣмъ, если бы обратили достаточное вниманіе на мѣстныя условія и, обративъ вниманіе, изучивъ ихъ, воспользовались ими, тогда... правда, исправительная тюрьма выходила бы нѣсколько по виду изъ ряда „образцовыхъ“, но дѣло въ томъ, что люди не теряли бы даромъ времени и силъ, а общество денегъ. Что выгоднѣе и полезнѣе, предоставляемъ судить читателямъ.

Проектъ, трактуя о работахъ, говоритъ, что они должны производиться на артельныхъ началахъ. Это прекрасно, но очень жаль, что составители не всѣ знали, въ чемъ же именно можетъ и должно проявиться это артельное начало; даже больше, мы вовсе не видимъ возможности привиться этому прекрасному началу. Артельное начало можетъ выразиться и осуществиться главнѣйшимъ образомъ въ самодѣтельности рабочихъ. Безспорно, такъ какъ вопросъ идетъ о тюрьмѣ, то нечего и говорить о полной самодѣтельности подневольныхъ рабочихъ; но тѣмъ не менѣе отдѣльное проявленіе участія арестантовъ въ своихъ заработкахъ можетъ и должно быть допущено и здѣсь. Между тѣмъ проектъ, допуская артельное начало, не даетъ даже и намёка на арестантскую самодѣтельность, вездѣ у него являются полнѣйшими и самовластнѣйшими распорядителями арестантскихъ работъ начальники тюрьмы и попечители, арестантамъ же, рабочимъ остается одно только слово „артельное начало“, они устранены отъ участія въ договорѣ съ заказчиками на работы, имъ не предоставляется право контроля заработанныхъ денегъ, имъ не дано возможности распредѣлять работу между членами артели. Самая „артель“ составляетъ начальникомъ тюрьмы и лицомъ постороннимъ — попечителемъ. Гдѣ же

проявленіе „артельнаго начала?“ А между тѣмъ этотъ-то вопросъ, такъ какъ въ немъ заключается вся суть дѣла, требовалъ полнѣйшаго изученія и всесторонняго разрѣшенія его. Надо знать, надо глубоко изучить натуру острожнаго міра, чтобы придти къ заключенію, что надо дѣлать для того, чтобы этотъ міръ, если не помирился бы съ своей тяжелой долей, съ своимъ подневольнымъ положеніемъ, — чего конечно невозможно и требовать, — то по крайней мѣрѣ вынесъ извѣстную долю пользы изъ этого положенія. Какими бы цѣлями ни задавались строители тюремъ, но для тѣхъ, кто сидѣлъ въ этихъ тюрьмахъ, — тюрьма всегда останется тюрьмой, „попечительное“ же начальство вѣчно — тюремнымъ начальствомъ. Въ тюрьму попадаютъ обыкновенно люди, снабженные въ достаточной степени опытомъ жизни; ломка, совершившаяся въ ихъ прошломъ, заставляетъ ихъ относиться ко всему съ крайней осторожностью и недовѣрчивостью; въ большинствѣ личностей, приходящихъ съ ними въ столкновеніе, они привыкли видѣть враговъ, ведущихъ противъ нихъ борьбу, враговъ, съ которыми и имъ приходится бороться. Судебные приговоры рѣдко мирятъ ихъ съ началомъ справедливости, напротивъ того, они приходятъ къ убѣжденію, что эти приговоры одолжены своимъ происхожденіемъ именно враждебному отношенію къ нимъ общества. Что начальство „обманываетъ“, что начальство поставлено только для того, чтобы арестанты не убѣжали, да дѣлать ему непріятности, это искреннее, хоть и невысказываемое; убѣжденіе почти каждаго арестанта. Это предубѣжденіе нужно по возможности парализировать въ будущихъ исправительныхъ тюрьмахъ, ибо, оставляя его въ той силѣ, въ какой оно существуетъ въ настоящее время, никогда, даже на половину, не достигнется одна изъ цѣлей исправительныхъ тюремъ, — приучить человѣка къ труду. Такова ужъ натура человѣка: онъ хочетъ знать, что онъ дѣлаетъ, онъ хочетъ осязательно видѣть, что если не вся, то по крайней мѣрѣ часть заработка идетъ въ его пользу, — и противъ природы ничего не подѣлаешь. Если человѣкъ, хотя и пожилъ, но составилъ себѣ убѣжденіе, что вы присвоиваете себѣ его заработокъ, что этотъ заработокъ могъ быть гораздо значительнѣе, если бы онъ непосредственно договаривался съ лицомъ, предоставившимъ требованіе на работу, что онъ именно

потому и получает ничтожную плату, что вы окончательно устранили его от участія въ договорѣ и т. д. Въ такомъ случаѣ, ставьте къ каждому человѣку хоть по десяти приставниковъ, грозите ему всевозможными наказаніями, онъ все-таки найдетъ возможность обмануть вашихъ приставниковъ, обмануть васъ, наказанія же только укрѣпятъ его въ мысли, что онъ правъ и что на будущее время нужно употребить какъ можно больше хитрости для того, чтобы, обманывая васъ, избѣгнуть самому наказанія. Лицо, впадшее въ преступленіе и дѣлающееся жильцомъ тюрьмы, не становится существомъ, выходящимъ изъ ряда вонъ, оно остается тѣмъ же человѣкомъ, только еще болѣе недовѣрчивымъ, съ болѣзненно-развитой способностью предвидѣть вездѣ и во всемъ враждебныя отношенія. Противъ высказанныхъ нами положеній врядъ ли кто будетъ спорить. Эти-то положенія, какъ намъ кажется, должны быть приняты во вниманіе вездѣ, гдѣ вопросъ идетъ о работѣ, будетъ ли та работа подневольно-арестантская или свободная.

Если законодательство признаетъ необходимымъ устройство исправительныхъ тюремъ, въ такомъ случаѣ необходимо, чтобы эти тюрьмы приносили возможную долю пользы. Стремясь же къ этому, слѣдуетъ имѣть въ виду не одни только „начала“, но и возможность примѣненія этихъ „началъ“ на практикѣ. Допуская по мысли извѣстный „принципъ“, слѣдуетъ озаботиться и о томъ, чтобы осуществить его, иначе „принципъ“ и останется только „принципомъ“. Артельное начало, допускаемое при этомъ, приноситъ дѣйствительно пользу въ исправительныхъ тюрьмахъ, но только тогда, когда оно изъ области „начала“ спустится на болѣе реальную почву, т. е. когда будетъ строго очерчено, въ чемъ именно оно можетъ проявиться въ отношеніи арестантовъ; въ противномъ же случаѣ, оставаясь однимъ „началомъ“, оно дастъ только поводъ къ превратнымъ толкованіямъ и къ возбужденію неудовольствія и подозрѣній. Послѣднее же составляетъ вездѣ никуда негодный баластъ.

Арестантовъ исправительныхъ тюремъ предположено обучать закону Божію и грамотѣ, въ долгосрочныхъ же тюрьмахъ предположено сверхъ того преподавать элементарныя свѣденія изъ практическихъ наукъ.

На эту часть проекта можно заявить только одно: полное сочувствіе къ предложенію и желаніе широкаго осуществленія его.

Теперь намъ остается только сказать о тѣхъ мѣрахъ дисциплинарнаго взыскаія, которыя предполагается осуществить въ исправительныхъ тюрьмахъ.

Начальнику тюрьмы предоставляется право наказывать арестантовъ за проступки противъ дисциплины, невлекущіе по роду своему преданія виновныхъ суду, слѣдующимъ наказаніямъ: 1) лишенію свиданія съ родственниками въ праздничные дни на время до одного мѣсяца; 2) заключенію въ одиночномъ свѣтломъ помѣщеніи, безъ лишенія или съ лишеніемъ постели, на время до 7 дней; 3) заключенію въ свѣтломъ одиночномъ помѣщеніи, съ содержаніемъ на хлѣбѣ и водѣ, на время до 7 дней; 4) заключенію въ одиночномъ темномъ карцерѣ, съ содержаніемъ на хлѣбѣ и водѣ, на время до 6 дней; 5) лишенію права пользоваться опредѣленною закономъ частью заработной платы, на время до 1 мѣсяца; 6) наказанію розгами, до 20 ударовъ, и 7) наложенію кандаловъ, на время до 3 мѣсяцевъ.

Опредѣляя виды наказанія, проектъ указываетъ и размѣръ самаго карцера: онъ долженъ быть не менѣе 3 аршинъ длины и 1 аршина ширины. По мысли проекта начальнику тюрьмы предоставляется право подвергать арестантовъ наказанію только за незначительные проступки, но если представить, что арестанту придется пробыть въ карцерѣ 7 дней на хлѣбѣ и водѣ, затѣмъ, по истеченіи сутокъ, если онъ снова нарушилъ дисциплинарное правило, опять испытать ту же участь, въ такомъ случаѣ врядъ ли болѣе тяжкое наказаніе, которому арестантъ можетъ подвергнуться только по суду, можетъ сравниться по своимъ послѣдствіямъ съ этой домашней мѣрой наказанія. Отдаленіе человѣка, даже и въ тюрьмѣ, отъ остальнаго общества само по себѣ составляетъ уже достаточное возмездіе за его вину; усугублять же это возмездіе тѣмъ, что человѣка лишать свѣта, лишать возможности въ продолженіе нѣсколькихъ дней сдѣлать нѣсколько шаговъ, чтобы расправить свои наболѣвшіе члены, болѣе чѣмъ излишне. Это тѣмъ болѣе излишне, что начальникъ тюрьмы, какъ безапелляціонный судья извѣстнаго рода поступковъ, можетъ частой повторяемостью усугубить подобныя наказанія до

размѣровъ нестерпимой муки. Было бы гораздо полезнѣе указать опредѣленнѣе границы власти начальника тюрьмы въ распоряженіи указанными мѣрами взысканія, такъ какъ неопредѣленность можетъ дать широкій просторъ произволу, тѣмъ болѣе опасному потому, что нѣтъ даже указанія на то, что можетъ ли, по крайней мѣрѣ, жаловаться арестантъ, когда признаетъ, что наказаніе, на него налагаемое, несправедливое, тогда какъ это указаніе, въ видахъ справедливости, является необходимымъ.

При разсмотрѣніи проектируемыхъ взысканій, намъ снова приходится сталкиваться съ вопросомъ о розгахъ (кандалы мы причисляемъ къ той же категоріи наказаній) тогда, какъ мы предполагали, что этотъ вопросъ, за отнѣной тѣлеснаго наказанія въ нашемъ уголовномъ кодексѣ, долженъ быть причисленъ къ числу сданныхъ въ архивъ.

Полезна ли розга въ данномъ случаѣ или нѣтъ? Нравственно ли употребленіе ея или нѣтъ? При разрѣшеніи этихъ вопросовъ мы считаемъ болѣе чѣмъ излишними всякія апріористическія разсужденія, а потому становимся исключительно только на почву современнаго нашего законодательства. Если бы розга была полезна, если бы въ употребленіи ея скрывалась врачующая сила противъ порочныхъ наклонностей человѣка, въ такомъ случаѣ явно, что законодательства признавали бы употребленіе розги необходимымъ тамъ, гдѣ судъ признаетъ человѣка виновнымъ въ совершеніи извѣстнаго преступленія. Уничтожая розгу, какъ мѣру взысканія за проступки, подлежащіе судебному разбирательству, законодательства признали ее тѣмъ самымъ мало что бесполезной, но и положительно вредной, такъ какъ подобная мѣра наказанія, по мысли законодательствъ, унижаетъ человѣческое достоинство наказываемаго, уничтожая же эти достоинства, дѣлаетъ его еще болѣе безнравственнымъ. Розга всегда останется розгой, гдѣ бы она ни употреблялась: на школьной ли скамьѣ, на колѣняхъ ли чадолюбиваго родителя, въ полицейской ли чижовкѣ или въ арестантской камерѣ,—ея послѣдствія точно также всегда останутся неизмѣнными, какъ неизмѣненъ матеріалъ, изъ котораго состоитъ она. Какая цѣль исправительныхъ тюремъ? Намъ отвѣчаютъ: приучить заключенныхъ къ труду и внушить имъ религіоз-

ныя и нравственныя начала. Цѣль нравственная. Какимъ же образомъ можно достигнуть этой цѣли, прибѣгая къ средствамъ, уже признаннымъ самимъ законодательствомъ деморализующими человѣка. Исправлять человѣка съ одной стороны, и въ тоже время съ другой деморализировать его, вѣдь это значитъ разрушать дѣло рукъ своихъ, больше чѣмъ строить зданіе на зыбкомъ пескѣ. Желать, чтобы человѣкъ сдѣлался настолько чуткимъ, чтобы онъ понималъ грань, раздѣляющую нравственное отъ безнравственнаго, но въ то же время унижать въ немъ чувство человѣческаго достоинства, вѣдь это значитъ желать невозможнаго. Къ чему же тогда терять даромъ и время и средства? Въ проектируемыхъ мѣрахъ намъ слѣдуетъ отдаляться отъ нашего прошлаго, тѣмъ болѣе, когда рядомъ печальныхъ опытовъ доказано, что это прошлое приносило одни только горькіе плоды, но не откапывать въ могилахъ то, что уже погребено въ нихъ, падъ чѣмъ уже сказано: вѣчная память!

Н. Соколовскій.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ И ОБЩЕСТВЕННАЯ ХРОНИКА. ▶

Смерть лорда Дэрби.—133-й переводъ Гомера.—Шари на скачкахъ, свора собакъ, способность болтать и паляничать даютъ Дэрби славу государственнаго человѣка.—Неспособность Дэрби, какъ политическаго дѣятеля.—Сами феодалы причиной потрясенія феодальнаго строя въ Англии.—Разумная дѣятельность Гладстона въ виду фенианскаго движенія въ Ирландіи.—Побѣда правительственнаго тріумвирата въ испаніи для него хуже самого пораженія.—Неудачные поиски за королемъ.—Усилія австрійскаго министерства водворить конституціонализмъ въ Австріи.—Требованія чешской національной партіи.—Возстаніе Далмаціи.—Постоянное возрастаніе числа стачекъ во Франціи.—Возбужденное состояніе партій во Франціи.—Ожиданіе серьезныхъ событій 26 (14) октября.—Намѣреніе рьяныхъ бонапартистовъ устроить новый *Coup d'état*.—Тишина и спокойствіе Парижа 26 октября.—Вмѣсто пуля и баррикадъ войска услаждались безумной декламацией Гаи. — Нерѣшительность депутатовъ лѣвой стороны и неудовольствіе противъ нихъ избирателей.—Выборы.—Кандидатура Рошфора.—Арестъ его и освобожденіе.—Онъ становится героемъ дня.—Вопросъ о кандидатурѣ неприсяжныхъ кандидатовъ.

Лордъ Дэрби умеръ. Смерть этого человѣка, бывшаго въ свое время искуснымъ и вліятельнымъ противникомъ Роберта Пилля, Пальмерстона, Росселя и Гладстона, не могла пройти безслѣдно, и дѣйствительно нѣкоторое время остановила на себѣ всеобщее вниманіе. Много разъ втеченіе нынѣшняго столѣтія Дэрби попеременно то носилъ министерскій портфель, то находился въ парламентской оппозиціи въ числѣ самыхъ замѣтныхъ ея членовъ. Когда говорятъ о полу-дюжинѣ государственныхъ людей, давшихъ конкретную форму той политической абстракціи, которая называется царствованіемъ королевы Викторіи, въ ихъ числѣ не забываютъ упомянуть имя Эдварда-Джеффри Дэрби, графа Стэнли. Газета

„Стандартъ“ говорить намъ, что лордъ Дэрби, XIV въ этой фамиліи, „осуществилъ собою идеаль, подъ которымъ воображеніе и поэзія могутъ представить сына ста рыцарей, наслѣдника ста бароновъ. Между пэрами Англій невозможно найти болѣе совершеннаго джентльмена, болѣе сознательно убѣжденнаго дворянина, который бы такъ серьезно понималъ значеніе девиза „noblesse oblige“, болѣе одареннаго всѣми физическими, умственными и нравственными качествами, составляющими признакъ высшаго существа, именуемаго членомъ англійской аристократіи.“ „Ни одинъ государственный человѣкъ, продолжаетъ „Стандартъ“,—не былъ такъ глубоко проникнуть политическими традиціями своей страны, ни одинъ такъ ревностно не заботился о чести и величіи Англій; никто не могъ съ такимъ достоинствомъ защищать права аристократіи и быть распорядителемъ судебъ англійскаго народа, какъ лордъ Дэрби, служившій лучшимъ примѣромъ для новой генерациіи государственныхъ дѣятелей.“

Такимъ языкомъ говорятъ панегиристы покойнаго лорда. Люди же безпристрастные скажутъ, что лордъ Дэрби не имѣлъ ни одного качества, характеризующаго великаго человѣка, и что въ Англій тысячи портныхъ и сапожниковъ обладаютъ большей предусмотрительностію, большимъ политическимъ тактомъ и большей преданностію общимъ интересамъ. Но не имѣя ни малѣйшей искры генія, ни одного изъ высшихъ качествъ ума и сердца, Дэрби располагалъ нѣсколькими второстепенными талантами, которые, благодаря его огромному поземельному богатству, способствовали ему сдѣлаться значительной личностію. Когда человѣкъ владѣетъ тысячами десятинъ земли и получаетъ милліоны дохода, никто не назоветъ его глупцомъ; а если къ этому еще присоединяется тщательное воспитаніе, умѣнье держать себя въ обществѣ, извѣстная доля ума,—тогда не представляется никакого затрудненія занять видное мѣсто, сдѣлаться епископомъ, военнымъ генераломъ, посланникомъ и, наконецъ, даже первымъ министромъ.

Лордъ Дэрби представляетъ собою поразительный примѣръ того, какъ въ Англій счастливое сочетаніе извѣстныхъ обстоятельствъ способствуетъ громадному успѣху.

Во-первыхъ, какъ мы уже сказали, онъ былъ страшно богатъ.

Во-вторыхъ, въ юности онъ прилежно учился и настолько былъ силенъ въ сочинительствѣ, что въ университетѣ получилъ медаль за сочиненную имъ латинскую оду на паденіе Сиракузъ; онъ вышелъ изъ оксфордскаго университета, увѣнчанный академическимъ лавровымъ вѣнкомъ. Уже съ этого времени никто не могъ сомнѣваться, что юному студенту суждено занять одну изъ высшихъ государственныхъ должностей. Но и впоследствии, когда на его плечахъ тяготѣли интересы Великобританіи и ея колоній; когда онъ долженъ былъ заботиться о благосостояніи всѣхъ народовъ, всѣхъ сотенъ милліоновъ людей, которые повинуются британскому скипетру; когда онъ долженъ былъ погрузиться въ работы специальныхъ комиссій, въ чтеніе тысячи и одного рапортовъ, приходящихъ въ Лондонъ изъ земледѣльческихъ и промышленныхъ графствъ и изъ всѣхъ странъ земного шара, — какъ вы думаете, чѣмъ занимался въ тиши своего кабинета этотъ государственный человѣкъ? — въ сто пятьдесятъ третій разъ онъ переводилъ Гомера! Съ грустію приходится сознаться, что этой бесполезной тратой времени Дэрби увеличилъ свое значеніе государственнаго человѣка во мнѣніи своихъ согражданъ. Островитяне Великобританіи не особенно нѣжно относятся къ присяжнымъ литераторамъ, къ журналистамъ, добывающихъ литературной и журнальной работой хлѣбъ, но они съ дѣтской наивностью восхищаются человѣкомъ, который занимается литературой не изъ куска хлѣба, не по призванію, а между дѣломъ, какъ досужій дилетантъ; человѣку, написавшему комментарий къ Пиндару, охотно даютъ мѣсто секретаря колоній или инспектора таможенъ. Тоже и въ духовенствѣ. Богатыя прелатуры, тучныя пребанды легко получаютъ тѣми соискателями, кто силенъ въ греческой и римской литературѣ. Въ этой странной землѣ, теологъ значить человѣкъ съѣвшій собаку въ классикахъ. Въ англиканской христіанской церкви, чтобы сдѣлаться епископомъ или викаріемъ, мало знать евангеліе или апостольскія посланія, надо непременно вы зубрить еще оды Горація или комедіи Аристофана.

Въ-третьихъ, лордъ Дэрби былъ страстный спортсменъ. Держа огромныя пари за юныхъ жеребцовъ и кобылицъ, онъ сталъ знаменитостью во всей Англіи. Величайшій англійскій праздникъ, истинное національное учрежденіе слыветъ подъ именемъ дня Дэрби

(The Derby day). Лордъ Дерби, увѣнчанный университетомъ, жаждаль славы знаменитаго жокея, въ совершенствѣ понимающаго лошадиныя свойства; онъ завелъ великолѣпныхъ лошадей, стоящихъ ему страшныхъ денегъ, появлялся собственной персоной на скачкахъ и держалъ свору собакъ. Послѣднее, т. е. имѣніе своры собакъ, показывало, что лордъ Дэрби владѣеть огромными лѣсами и можетъ приглашать на свои охоты все окрестное джентри, а также давать великолѣпныя обѣды, ибо охота безъ роскошныхъ обѣдовъ въ Англіи немыслима. Чѣмъ они чаще, тѣмъ болѣе гостепріимный хозяинъ выигрываетъ во мнѣніи своихъ сосѣдей и они мало-по-малу становятся къ нему въ вассальныя отношенія. Такимъ образомъ, въ Англіи владѣлецъ своры собакъ легко можетъ располагать выборами въ парламентъ по своему произволу и занять видное политическое положеніе. Верхомъ на прекрасной лошади, галопируя за своими великолѣпными пойнтерами и борзыми, Дерби прославился, какъ одинъ изъ самыхъ знаменитѣйшихъ охотниковъ на лисицъ. Охотѣ же онъ обязанъ своимъ изумительнымъ здоровьемъ; онъ былъ какъ бы застрахованъ отъ болѣзней. Физическая энергія и исправное пищевареніе сдѣлали его живымъ и веселымъ. Уже давно замѣчено, что англичане питаютъ слабость къ своимъ государственнымъ людямъ веселаго характера; насколько они холодны и методичны въ своихъ собственныхъ дѣлахъ, настолько же они любятъ веселость въ дѣлахъ общественныхъ. Начиная съ Вальполя и Норта установилось правиломъ не дѣлать серьезной мины въ занятіяхъ государственными дѣлами и этому правилу строго слѣдовали и Питтъ, и Каннингъ, и Мельборнъ и Пальмерстонъ. Гладстонъ составляетъ исключеніе; но потому-то онъ и не особенно нравится англичанамъ, что онъ блѣденъ, желченъ и часто бываетъ не въ духѣ; они выказываютъ ему болѣе удивленія, чѣмъ симпатіи; онъ уважаемъ всѣми, любимъ нѣкоторыми, но что касается популярности, онъ ея никогда не достигнетъ. Въ немъ недостаетъ качества, такъ сильно развитаго въ Пальмерстонѣ, котораго англичане называли *joyous dog*, т. е. веселый малый, занимательный болтунъ. Лордъ Дэрби принадлежалъ къ категоріи занимательныхъ болтуновъ. Онъ болталъ чрезвычайно искусно, пересыпалъ свою рѣчь шутками и каламбурами. Онъ одинаково

правился какъ плебеймъ, такъ и патриціямъ: нужды нѣтъ, что всё его умозаключенія были крайне поверхностны, выводы слишкомъ легкомысленны, но за то рѣчь его блистала легкостью, фразы сыпались быстро одна за другою, онъ говорилъ громко, дикція его была ясна, чиста, почти изящна; онъ обладалъ искусствомъ внезапныхъ нападеній, быстрыхъ и ловкихъ возраженій. Онъ не сказалъ ни одной блистательной рѣчи; онъ былъ не ораторъ, но говорунъ. Его нельзя назвать замѣчательнымъ политикомъ, онъ не былъ ни тактикомъ, ни хорошимъ генераломъ, всё его компаніи были рядомъ болѣе или менѣе блестящихъ дѣйствій, болѣе или менѣе счастливыхъ ударовъ, но неминуемо сопровождавшихся страшными пораженіями, беспорядочными отступленіями. За то, что онъ былъ смѣлъ и неостороженъ; за то, что онъ безъ размысленія бросался въ борьбу, что онъ внезапно нападалъ на своего противника и по временамъ потчивалъ его хорошими ударами шпаги, — почитатели и друзья возвели его въ санъ благороднаго бойца, рыцарскаго героя; но онъ скорѣе былъ смѣсю неосторожности, хитрости, смѣлости и коварства; когда онъ видѣлъ, что его слишкомъ притиснули, онъ прибѣгалъ ко всякимъ средствамъ: ко лжи, къ инсинуаціи, къ клеветѣ. Если ему случалось вызвать на политической поединокъ сильнѣйшаго противника, онъ нападалъ на него быстро, колотъ и рубилъ безъ всякаго плана, безъ всякихъ правилъ, на авось, потомъ убѣгалъ и обнажалъ отравленный кинжалъ. Не даромъ лучшую часть своей жизни онъ провелъ на различныхъ steaple-chase. Отъ лошади онъ заимствовалъ быстроту, безразсудную пылкость, изящныя движенія, грубое ляганье; отъ лисицы онъ перенималъ лукавство и жестокое, безпокойное, насмѣшливое вѣроломство.

Дэрби, умершій 70 лѣтъ отъ роду, глава тори; началъ свою политическую карьеру въ партіи виговъ. Онъ, какъ и огромное большинство политическихъ дѣятелей, дебютировалъ либерализмомъ. Онъ выступилъ на сцену при лордѣ Каннингѣ, который вывозилъ либеральныя идеи въ Европу и на американскій континентъ подобно бирмингемскимъ мануфактуристамъ, набожнымъ англиканамъ, фабрикующимъ бронзовыхъ и мѣдныхъ боговъ для отпуски ихъ индусамъ, неграмъ и малайцамъ. Въ 1832 году лордъ Дэрби,

тогда еще называвшійся Стэнли, содѣйствовалъ проведенію реформистскаго билля лорда Джона Росселя, но дальше этого онъ не пошелъ. Билль о реформѣ былъ его геркулесовыми столбами. Однакожь, въ слѣдующемъ году, въ виду агитаціи О'Коннеля, которую слѣдовало остановить, онъ согласился пожертвовать десятью ирландскими епископіями. Онъ дошелъ даже до того, что соглашался на уничтоженіе сбора въ натурѣ священнической десятины. Но по вопросу, что нельзя ли назначить излишки духовныхъ доходовъ на народное образованіе, онъ быстро разорвалъ съ своею партіею и торжественно присоединился къ реакціонной когеріи. Этотъ шагъ опредѣлялъ его дальнѣйшую дѣятельность по вопросу о духовенствѣ. Съ этой поры, онъ не переставалъ повторять, что всякое нападеніе на господствующую церковь есть нападеніе на собственность, и что англиканская церковь, какъ въ Англии, такъ и въ Ирландіи составляетъ оплотъ норманской аристократіи, единственная гарантія ея преобладанія надъ англо-саксонскою расой. Это же самое онъ повторялъ и въ своихъ послѣднихъ рѣчахъ противъ Гладстона. Послѣдній актъ своей политической жизни онъ совершилъ недавно, когда вышелъ съ скандаломъ изъ палаты лордовъ въ тотъ моментъ, какъ его политическія креатуры, трусливые Дизраели и лордъ Кэрнсъ заявили, что они поставлены въ необходимость войти въ компромисъ съ Гладстономъ, т. е. признать свое пораженіе и согласиться на уничтоженіе англиканской церкви въ Ирландіи.

Безполезно говорить, что боецъ феодальной аристократіи ревностно боролся противъ реформы Роберта Пиля, уничтожающей налогъ, установленный хлѣбными законами, который вся нація платила въ пользу большихъ поземельныхъ собственниковъ. Главою партіи тори въ то время былъ лордъ Джоржъ Бентинкъ, тоже извѣстный охотникъ на лисицъ, отъ котораго предводительство партіей въ 1834 году перешло къ лорду Дэрби. Втеченіе 35 лѣтъ, трети столѣтія, этотъ человекъ былъ однимъ изъ главнѣйшихъ политическихъ дѣятелей въ своемъ отечествѣ; онъ былъ однимъ изъ тѣхъ людей, которыхъ англичане напыщенно называютъ *премьерами*. Въ то время, какъ онъ не былъ первымъ на скамьѣ министровъ, онъ былъ первымъ на скамьѣ оппозиціи. Уподобля ко,

лебанія англійской политики колебанія магнитной стрѣлки, онъ избралъ для себя нижній полюсъ, южный, и всегда былъ самымъ передовымъ въ направленіи ретроградной политики. Непреклонный и смѣлый, онъ тѣмъ болѣе пытался назадъ, чѣмъ либеральнѣе были его противники. Но въ концѣ концовъ этотъ умный человѣкъ дѣлалъ только одни глупости и вредилъ дѣлу англїбанизма и аристократизма гораздо болѣе, чѣмъ самые чартисты и радикалы; никогда либералы — Пиль, Россель и Гладстонъ — не могли бы такъ очевидно, фактически, на-голо выставить всѣ слабыя и безобразныя стороны устройства господствующей англиканской церкви и крупной поземельной норманской феодальной аристократіи, какъ это сдѣлали защитники этихъ учреждений Дэрби, Дизраели, Кэрнсъ и Салисбюри; названные либералы, судя по ихъ дѣйствіямъ, даже и не осмѣливались рѣшиться на такой важный шагъ, но защитники средне-вѣковыхъ учреждений въ Англии слишкомъ ясно доказали ихъ полнѣйшую несостоятельность въ наше время. Къ чему бы вели всѣ обличенія чартистовъ и радикаловъ, всѣ страстныя филиппики Эрнеста Джонса и Брадло, если бы епископы англиканской церкви, феодальные аристократы и биржевые эксплуататоры своими слишкомъ явными наглыми дѣйствіями, направленными во вреду общества, торжественно не доказывали справедливость рѣзкихъ нападокъ ихъ противниковъ. Такъ что невольно напрашивается вопросъ: могла ли бы Англія пройти даже половину того прогрессивнаго пути, какой она прошла, если бы не существовало могучей оппозиціи со стороны феодаловъ свѣтскихъ и духовныхъ. Какъ бы отвѣтомъ на этотъ вопросъ служить послѣдній былъ избирательной реформы. Послѣ смерти Пальмерстона, ставшаго во главѣ партіи прогрессивистовъ съ цѣлю тормозить прогрессъ, — Дэрби и Дизраели устраиваютъ союзъ своей реакціонной партіи съ радикалами для низверженія Росселя и Гладстона, которые представили самый скромный проектъ избирательной реформы. Имъ удалась эта комбинація: они столкнули Росселя и Гладстона, но тотчасъ же принуждены были сами представить другой проектъ избирательной реформы, расширенный въ либеральномъ смыслѣ. Они пали въ свою очередь, вслѣдствіе коалиціи радикаловъ съ Гладстономъ и Росселемъ, внесшимъ еще болѣе либеральный проектъ

той же избирательной реформы. Далъе, Брайтъ и Гладстонъ предложили нѣкоторыя скромныя улучшения въ пользу ирландскихъ крестьянъ въ отношеніяхъ ихъ къ крупнымъ землевладѣльцамъ. Дэрби и Дизраели, признавая себя слабыми по этому вопросу, перенесли его на другую почву, на которой считали себя какъ бы дома — на почву собственности духовенства, и результатомъ явилось уничтоженіе англиканской церкви въ Ирландіи, потрясеніе этой церкви въ самой Англии и опасность для феодальной поземельной собственности какъ въ Англии, такъ и въ Ирландіи. Дэрби и Дизраели такъ много шумѣли противъ всякаго прогресса, что къ ихъ выходкамъ привыкли и перестали обращать на нихъ вниманіе, зная, что эти болтуны кричатъ для собственнаго удовольствія, что они никому не страшны, такъ какъ у нихъ давно уже нѣтъ зубовъ. Своими постоянными вылазками изъ палаты лордовъ противъ политическихъ и соціальныхъ реформъ, они сильно уронили эту палату въ глазахъ своихъ согражданъ, которые теперь рѣшительно поставили вопросъ: есть ли необходимость для блага Англии сохранять долѣе такое учрежденіе, какъ верхняя палата?

Да, знатное имя лорда Дэрби прикрывало самую посредственную личность, великолѣпная пурпуровая горностаевая мантия пэра Англии висѣла на плечахъ простуженнаго подагрика. Лордъ Дэрби насъ интересуетъ не столько, какъ актеръ великой исторической драмы, разыгрывавшейся въ Англии втеченіе полувѣка, сколько, какъ типъ, къ счастью нынче встрѣчающійся все рѣже и рѣже, — типъ совершеннаго аристократа; чловѣка, которому богатство и общественныя условія дали положеніе въ десять, во сто разъ высшее противъ того, какимъ онъ могъ пользоваться по своимъ нравственнымъ достоинствамъ. Своей прической, своими круглыми очками, съ латинской одой и греческимъ переводомъ въ карманѣ, онъ какъ будто былъ созданъ для управленія какойнибудь старинной школой, гдѣ бы онъ преподавалъ классическую литературу въ томъ видѣ, какъ она преподавалась въ Англии 50 лѣтъ назадъ. Но капризный случай сдѣлалъ его архимилліонеромъ и онъ былъ три раза первымъ министромъ; несмотря на его близорукость, тотъ же случай сдѣлалъ его охотникомъ, спортсменомъ, турфистомъ; страстный игрокъ, онъ въ тоже время былъ бойцомъ за клерикаль-

ныя тенденціи, рыцаремъ феодальной собственности. Реакціонеры сдѣлали его своимъ героемъ; онъ былъ хранителемъ старинной традиціи несправедливости, въ XIX вѣкѣ онъ носилъ знамя и мечъ Вильгельма Завоевателя. Въ сущности эта роль была не по плечу этому человѣку, замѣнявшему принципы предразсудками, вся политическая система котораго заключалась въ паясничаньѣ; — человѣку, который не зналъ, что такое убѣжденіе, который бралъ лишь тщеславнымъ безразсудствомъ и дерзостью, въ которомъ были соединены подозрительность, невѣжество и неспособность понимать высокія истины.

Не забудемъ еще одну черту, характеризующую лорда Дэрби, одну изъ самыхъ любопытнѣйшихъ англійскихъ личностей, типъ которыхъ скоро сдѣлается преданіемъ старины глубокой. Лордъ Дэрби былъ слишкомъ тщеславенъ, чтобы быть честолюбивымъ въ настоящемъ значеніи этого слова. Онъ слишкомъ удовлетворялся своими познаніями въ греческомъ и латинскомъ языкахъ, своими собаками, своими лошадьми и замками, чтобы завидовать судьбѣ Пилы или Гладстона, чтобы желать трона и скипетра. Какъ и его сынъ, онъ считалъ себя слишкомъ могущественнымъ сеньоромъ, чтобы занять хотя бы тронъ Элады. Онъ былъ нѣсколько разъ министромъ и первымъ министромъ, но свое званіе короля турфа и владыки охоты всегда ставилъ выше этихъ почестей. Ему гораздо болѣе нравилось командовать надъ своими лакеями, чѣмъ бороться съ либералами; споры съ своими фермерами онъ предпочиталъ спорамъ съ пэрами въ свей палатѣ лордовъ; онъ лучше желалъ быть первымъ въ своихъ замкахъ, чѣмъ вторымъ въ Лондонѣ. Онъ былъ не лучшимъ политикомъ, какъ и знаменитый основатель норманской династіи въ Англій. Ему, съ его качествами, было бы приличнѣе всего наслаждаться плантаторской жизнію въ Луизианѣ или на Антильскихъ островахъ. Эти типы нынче мельчаютъ и съ каждымъ днемъ переводятся, что, безъ сомнѣнія, составляетъ отрадный фактъ; потому что общество, чтобы произвести высокаго и могущественнаго сеньора, въ родѣ лорда Дэрби, графа Стэнли, должно имѣть въ своей средѣ тысячи несчастныхъ рабовъ, невольниковъ или нищихъ, оглуѣвшихъ, бѣдствующихъ поселянъ или недалекихъ, скряжничающихъ буржуа.

Несмотря на послѣднія реформы, совершенныя въ Ирландіи министерствомъ Гладстона, феніанское движеніе въ странѣ продолжается. Впрочемъ трудно было и ожидать, чтобы оно могло прекратиться. Англія, правда, заплатила своей сестрѣ Ирландіи нѣкоторые долги, однакожь заплатила ихъ далеко не всѣ. Это движеніе впрочемъ ограничивается пока митингами, которые ирландцы собираютъ съ единственною цѣлію потребовать освобожденія арестованныхъ патріотовъ; они по этому поводу были намѣрены послать петицію въ министерство, что возбудило сору между двумя главными руководителями дѣла Муромъ и О'Доногю; первый желалъ, чтобы петиція была представлена въ формѣ рѣшительнаго требованія, второй хотѣлъ, чтобы ее написали въ умѣренныхъ выраженіяхъ и съ соблюденіемъ всѣхъ законныхъ формъ. Петиціи были посланы и той и другой стороной. Первый министръ и глава правительства, Гладстонъ посмотрѣлъ на дѣло серьезно и человѣчно; полученныя просьбы онъ не оставилъ безъ вниманія и на нихъ на всѣ отвѣчалъ собственноручнымъ письмомъ, появившимся въ печати. Смыслъ этого письма заключается въ томъ, что правительство не можетъ удовлетворять такія требованія, которыя есть ничто иное, какъ замаскированный призывъ къ бунту, что онъ проситъ ирландскую націю быть признательной за то, что правительство для нея сдѣлало, и вѣрить, что оно намѣрено сдѣлать еще болѣе. Трудно надѣяться, что Гладстонъ будетъ въ состояніи примирить непримиримые интересы, что онъ съумѣетъ успокоить Ирландію и доведетъ ее до полного соглашенія съ Англіею и заставитъ ее позабыть многочисленныя оскорбленія и притѣсненія, какія она вынесла отъ своей сестры. Трудно этому вѣрить, но нельзя не признать честныхъ побужденій, руководящихъ англійскимъ министромъ, который на высотѣ величія и могущества могъ остаться простымъ, разсудительнымъ и гуманнымъ человѣкомъ. Какъ не похожъ онъ на континентальныхъ министровъ, въ родѣ Роона, Ламаржоры, Ратацци, Руэ, Форкада де-ла-Рокетта, Прима, Серрано, которые умѣютъ дѣлать самыя вѣжливыя увѣщанія на просьбы своихъ подданныхъ, кончающіяся кровопусканіемъ и обреченіемъ на долгую діету субъектовъ, оказавшихся, по ихъ мнѣнію, не вполне здоровыми. У

нихъ карабины и штыки, у Гладстона идеи и разумъ — каждый дѣйствуетъ по своему вкусу!

13 (25) октября ирландцы, живущіе въ Лондонѣ, произвели большую манифестацію въ пользу феніевъ. Толпы собрались, шумѣли, ихъ выслушали, но никому не пришло въ голову пустить въ дѣло шасспо и все это шумное движеніе обошлось безъ несчастныхъ случаевъ.

Феніанская агитація серьезна, но еще серьезнѣе и важнѣе движеніе секуляристовъ, о которомъ мы упоминали въ сентябрьской книжкѣ „Дѣла“; оно постоянно усиливается. Секуляристы произвели манифестацію въ большихъ размѣрахъ въ одно изъ послѣднихъ воскресеній; ихъ, вмѣстѣ съ любопытными, собралось въ Гайдъ-Паркъ до ста тысячъ человѣкъ мужчинъ, женщинъ и дѣтей. Брэдло, вліяніе котораго увеличивается съ каждымъ днемъ, сказалъ блистательную рѣчь; въ ней онъ развивалъ демократическіе республиканскіе принципы, говорилъ о поземельныхъ собственникахъ, потомкахъ норманновъ, вслѣдствіе побѣды, отнявшихъ землю отъ настоящихъ ея собственниковъ англо-саксонцевъ, которые поэтому должны быть удовлетворены за все время неправильнаго владѣнія ихъ собственностью, и многое другое въ такомъ же родѣ. Рѣчь его произвела сильное впечатлѣніе и сопровождалась дружными рукоплесканіями.

Республиканская партія побѣждена въ Испаніи. Триумвиратъ, правящій Испаніей, получивъ изъ Сен-Клу приличное внушеніе, постарался возбудить гражданскую войну въ своемъ отечествѣ. Республиканцамъ приходилось дѣлать выборъ между обезоруженіемъ и битвою, и они избрали послѣднюю, хотя всѣ шансы были противъ нихъ. Ихъ пропаганда въ послѣдніе шесть мѣсяцевъ — нельзя сказать, чтобы была совершенно ничтожна, однакожь двигалась впередъ слишкомъ медленно. Народъ мало-по-малу впалъ въ свою обычную апатію, его обуяла прежняя лѣнь и безпечность. Избиратели ждали, что скажутъ ихъ депутаты въ кортесахъ и куда направятъ

ихъ дѣйствія, а депутаты ожидали, что нантіе воспослѣдуетъ отъ избирателей. Однакожь даже и при этой странной выжидательной системѣ партія начинала было группироваться; многія мѣстности организовали себя на республиканскій манеръ; муниципіи одна за другой разрывали съ партіями уніонистской и прогрессистской и приставали къ республиканской; республиканцы каждой провинціи, имѣвшіе свои отдѣльныя программы, рѣшили составить изъ нихъ одну общую, и каждый провинціальный комитетъ выслалъ своего депутата въ общій комитетъ въ Мадридѣ. Но враги не дремали, они поняли, что надо было дѣйствовать, пока задуманная организація окончательно еще не утвердилась, иначе будетъ поздно. Примъ вынулъ свою саблю и сталъ рубить нити той сѣти, которая готова была охватить всю Испанію. Когда, послѣ террагонскихъ событій, надо было принять какое нибудь рѣшеніе, Примъ увидѣлъ, что въ мадридскомъ центральномъ республиканскомъ комитетѣ нѣтъ единодушія (что, впрочемъ, замѣчалось всегда) и онъ раздѣленъ на двѣ партіи: на одной сторонѣ были люди слова, — Кастелляръ, Фигуэрасъ и др., — желавшіе избѣжать борьбы во что бы то ни стало; на другой, люди дѣйствія съ депутатомъ Хоарицти во главѣ, полагавшіе возможнымъ принять битву. Старый патріархъ, Орензе, присталъ къ послѣднимъ. Что же касается Гарридо, отъ котораго такъ много ждали, рассчитывая, что онъ станетъ во главѣ республиканцевъ, онъ въ то время уже не пользовался никакимъ вліяніемъ въ своей партіи; принявъ сторону кубанскихъ инсургентовъ, онъ оскорбилъ узкій патріотизмъ своихъ согражданъ, самыхъ ярыхъ шовинистовъ. Среди разсвирѣпѣвшей палаты, одинъ противъ всѣхъ возбѣщенныхъ депутатовъ, выступилъ Гарридо съ своей знаменитой рѣчью въ защиту кубанцевъ, которую окончилъ такими словами: „Во имя чести моего отечества еще разъ повторяю: кубанцы совершенно правы, а мы въ отношеніи ихъ несправедливы“. Этой рѣчью Гарридо погубилъ себя во мнѣніи своей партіи и потерялъ свое вліяніе именно въ то время, когда оно было особенно нужно, когда его таланты могли измѣнить положеніе дѣлъ и не допустить партію до пораженія.

Но въ центральномъ республиканскомъ комитетѣ споры шли не только между противниками и защитниками борьбы, но даже и тѣ,

кто рѣшился принять борьбу, никакъ не могли согласиться относительно плана дѣйствія. Этими раздорами превосходно сьумѣла воспользоваться монархическая партія. И что же вышло? Сарагосса спокойно смотрѣла, какъ дрались въ Барселонѣ и, въ свою очередь, была оставлена всеѣми, когда противъ нея собралась гроза. Та же участь постигла Валенсію, Севилью, Кордову, Малагу, Антекуэру и др.; двумъ корпусамъ правительственныхъ войскъ, одному на сѣверѣ, другому на югѣ, не представлялось никакихъ затрудненій побѣдить разрозненныя силы инсургентовъ, разбивая ихъ по одиночкѣ.

На этотъ разъ вся тяжесть борьбы и пораженія пала на долю Валенсіи, служащей средоточіемъ между сѣверомъ и югомъ Испаніи. Республиканцы этого города выказали мужество и стойкость; чтобы ихъ побѣдить пришлось прибѣгнуть къ пособію пожара. Армія Прима стала бросать въ городъ зажигательныя гранаты и зажгла нѣсколько кварталовъ. Потери въ городѣ были громадны, до этихъ поръ еще неизвѣстно дѣйствительное число убитыхъ и раненыхъ.

Триумvirатъ одержалъ побѣду, но, увы! эта кровавая побѣда ничего не измѣнила въ тревожномъ состояніи дѣлъ. Старая аксіома: „ничего нельзя кончить въ Испаніи“ остается и теперь въ полной своей силѣ. Общей національной жизни все еще незаметно въ Испаніи; въ столицѣ несравненно менѣе политической, умственной и социальной жизни, менѣе дѣятельности, чѣмъ во многихъ большихъ провинціальныхъ городахъ; каждый городъ соперничаетъ съ своимъ сосѣдомъ и желаетъ жить совершенно независимой жизнью. Во всемъ полнѣйшая рознь.

Бъ этой главной общей причинѣ присоединяется еще куча второстепенныхъ. Примъ и Серрано, по крайней мѣрѣ, по тридцати шести причинамъ неспособны воспользоваться плодами своей побѣды. Никогда, можетъ быть, они не были въ такомъ затруднительномъ положеніи, какъ теперь, когда Испанія имъ принадлежитъ и они имѣютъ право жизни и смерти надъ своими согражданами, могутъ разстрѣливать ихъ, когда имъ заблагоразсудится. Но Примъ охотно бы пустилъ пулю въ лобъ Серрано, а Серрано, съ своей стороны, съ меньшимъ бы удовольствіемъ пронзилъ сердце коварнаго Прима. Серрано занимаетъ первое мѣсто, Примъ второе; Сер-

рано регентъ и потому опирается на гражданскій элементъ, Примъ же держится арміи. Примъ имѣетъ своего кандидата на тронъ — герцога генуэзскаго; Серрано стоитъ за Фернанда португальскаго, который постоянно отказывается отъ предлагаемой ему чести; а несчастный Топете, принужденный вѣчно балансировать между обоими своими сотоварищами, — остается по прежнему покорнѣйшимъ слугою Антуана, герцога Монпансье. Спрашивается, какъ же уничтожить республиканцевъ, стереть въ порошокъ федеральную идею, если монархисты, раздѣленные еще болѣе, чѣмъ прежде, никакъ не могутъ прійти къ соглашенію на счетъ выбора короля? Республиканцы находятся внѣ закона, ихъ депутаты или въ тюрьмахъ, или убиты, или скрываются въ горахъ, или убѣжали за-границу — какое время можетъ быть болѣе удобнымъ для проведенія кандидатуры. По крайней мѣрѣ, такъ разсуждалъ побѣдитель Примъ и рѣшился выставить своего кандидата, апробованнаго Наполеономъ III. 31 (19) октября Примъ собралъ депутатовъ большинства и сильнымъ голосомъ, съ энергическими жестами заявилъ, что слѣдуетъ вотировать кандидатуру Томаса, герцога Генуэзскаго и необходимо собрать въ его пользу 171 голосъ, т. е. двѣ трети конгресса, такъ какъ король Викторъ-Эмануилъ объявилъ, что онъ не приметъ ни одного голоса менѣе. Именное голосованіе дало слѣдующіе результаты: противъ герцога Генуэзскаго 73 голоса, за него 117, слѣдовательно 54-мя голосами менѣе противъ положеннаго. „Однакожь такъ или иначе надо избрать этого кандидата! вскричалъ Примъ — если мы его отвергнемъ, то, вѣроятно, не найдемъ другого“. Но это восклицаніе не подвинуло дѣла и монархическая партія осталась раздѣленной еще болѣе, чѣмъ прежде.

Неудачный исходъ вота произошелъ вовсе не отъ борьбы партій за выставленныхъ ими кандидатовъ на тронъ, а отъ ненависти и соперничества между фракціями монархической партіи: уніонистской и прогрессистской, т. е. чистыми реакціонерами и реакціонерами на половину.

Примъ былъ побужденъ не какъ послѣдователь принца Генуэзскаго, а какъ глава прогрессистской партіи. Уніонисты, хотя и составляютъ меньшинство, но пользовались вмѣстѣ съ прогрессистами властію; а какъ имъ вздумалось оскалить зубы, и этимъ

скленьею они повредили Приму, то этотъ послѣдній лишилъ ихъ власти. Газеты передали извѣстіе, что тотъ и другой изъ членовъ кабинета уволены, а на ихъ мѣста назначены креатуры Прима. Даже триумвиръ Тонете нѣсколько разъ въ день представлялъ свою отставку, но столько же разъ въ день Серрано отказывался принять ее; регентъ имѣеть въ немъ нужду, потому что его удобно въ случаѣ надобности подставлять подъ удары Прима. Подъ предлогомъ, что онъ регентъ, Серрано желаетъ стоять внѣ борьбы партій, но онъ имѣлъ неловкость возбудить противъ себя свою собственную. Подобно Помпею въ борьбѣ съ Цезаремъ, онъ слишкомъ много полагается на наружную власть, онъ слишкомъ много надѣется на буржуазію и аристократію. Его домъ сгорѣлъ, онъ тотчасъ же поселился во дворцѣ испанскихъ королей. Облачившись въ бархатъ и горностаи, онъ важно, какъ пава, выступаетъ, по дворцовымъ заламъ, кокетливо глядясь въ зеркала, въ которыя любовалась собой королева Изабелла.

Коалиція реакціонеровъ и либераловъ монархической партіи побѣдила республиканцевъ и въ этомъ фактѣ ничего нѣтъ удивительнаго, его всегда можно было предсказать заранѣе, также, какъ теперь несомнѣнна для каждаго наступающая борьба недавнихъ враговъ, нынче союзниковъ. Они слишкомъ много дѣлали зла одни другимъ въ прежнее время, чтобы могли серьезно примириться. И такъ смѣло можно предсказать близкое наступленіе борьбы между уніонистами и прогрессистами, — борьбы нездоровыхъ честолюбій двухъ военныхъ предводителей: вѣроломнаго Прима и не совсѣмъ честнаго Серрано.

Бѣдная Австрія, несмотря на все ея желаніе, никакъ не можетъ сродниться съ конституціоннымъ порядкомъ. Развѣдаемое язвой католицизма и произвола, ея политическое тѣло выдержало двѣ страшныхъ ампутаціи: при Сольферино и Садовой. Послѣ этого оно должно было подчиниться діетѣ и душевной гигиенѣ, предписанной ей вѣнскимъ медикомъ фонъ-Фехтерслебенемъ. Но и эти сильныя средства

не могли облегчить ея болѣзненнаго организма, и теперь приходится прибѣгать къ органическимъ перемѣнамъ, къ измѣненію конституціи.

Министерство Тафе-Гискра, подъ либеральными внушеніями Бейста, обнародовало циркуляръ, который не можетъ не удивить тѣхъ, кто еще помнитъ Австрію Баха и Шварценберга. Министерство находитъ, что рейхсратъ не пользуется достаточнымъ вліяніемъ; оно жалуется, что рейхсратъ не достаточно могущественъ, что ему надо придать болѣе силы и энергіи. Господа министры жаждутъ, чтобы рейхсратъ влилъ болѣе чистую и обильную кровь въ вены Австріи, которая гибнетъ отъ безсилія; они желаютъ, чтобы рейхсратъ имѣлъ столько силы, чтобы съ успѣхомъ могъ бороться противъ всякихъ реакціонныхъ стремленій, направленныхъ противъ конституціонализма. Видя въ палатѣ послушнаго союзника, министерство естественно желаетъ усилить ея власть и атрибуты. Чтобы увеличить ея дѣятельность, министерство хочетъ заинтересовать общественное мнѣніе парламентарными трудами и реформировать избирательную систему, которая, по ихъ мнѣнію, исключаетъ всякую возможность дѣйствительнаго народнаго представительства. Въ самомъ дѣлѣ, австрійская избирательная система ставитъ тройной барьеръ между націей и палатой представителей, составленной изъ депутатовъ, назначенныхъ провинціальными сеймами, члены которыхъ попадаютъ туда, пройдя черезъ двѣ ступени выборовъ. Девять десятыхъ населенія лишены избирательныхъ правъ, а двѣ выборныя ступени создали избирательную олигархію. Система трехъ группъ, т. е. земледѣльческихъ общинъ, большой поземельной собственности и промышленныхъ учрежденій, кажется, изобрѣтена съ цѣлію дать преобладаніе интересамъ клерикальнымъ и феодальнымъ. Изъ 303 членовъ рейхсрата только 64 принадлежатъ городамъ, 50 крупнымъ собственникамъ, какъ свѣтскимъ, такъ и духовнымъ, и 89—деревнямъ; слѣдовательно сельскіе депутаты являются въ рейхсратѣ болѣе чѣмъ въ двойномъ числѣ противъ городскихъ. Министерство требуетъ болѣе равномѣрнаго распредѣленія полномочій, такъ какъ, по его мнѣнію, нераціонально предавать судьбы страны въ руки патеровъ и невѣждъ. Оно предложило губернаторамъ провинцій официально посовѣтовать провинціальнымъ сеймамъ поднять

вопросъ объ измѣненіи выборовъ и самой конституціи въ смыслѣ обнародованнаго циркуляра.

Отвѣтъ не замедлилъ послѣдовать. Большинство изъ 17 сѣансовъ отвѣчало въ смыслѣ умѣренно-либеральномъ. Всѣ они убѣждены, что гораздо лучше устроить народное представительство не по классамъ, кастамъ, различнымъ интересамъ, часто вредящимъ одни другимъ, а брать населеніе всей массой, безъ различія классовъ и положеній. Было также сдѣлано предложеніе замѣнить нынѣ существующую палату господъ избирательной палатой, которая должна будетъ въ Австріи, подобно сенату Соединенныхъ Штатовъ, представлять частные интересы каждой провинціи, т. е. проще сказать, желаютъ превратить Австрію въ федеративное государство, въ союзъ швейцарскихъ кантоновъ.— „Если признать административную децентрализацию, говорить Людвигъ Симонъ, — если признать за мѣстными различіями ихъ права, необходимо также создать живой органъ, посредствомъ котораго права на мѣстныя различія могли бы получать покровительство законнымъ путемъ. Безъ этого они всегда будутъ въ зависимости отъ стремленій къ единству въ управленіи и централизаци. Признанныя сегодня, они могутъ быть отняты завтра. Надобно, значитъ, дать имъ средство защищаться самимъ собою, посредствомъ сената, ими самими избраннаго“.

Федералистскій проектъ вызвалъ тотчасъ же неудовольствіе нѣмецкой унитарной партіи, желавшей всѣми средствами не допустить имперію разбиться на пять или на шесть кусковъ. Противъ него возстали не только реакціонеры этой партіи, но и либералы, недовѣряющіе развитію провинцій и опасяющіеся ихъ ретроградныхъ вліяній. Оппозиція явилась сильная и въ виду ея можно быть увѣреннымъ, что если бы даже и совершилась эта реформа обновленія рейхсрата, то она совершится неполно и повлечетъ за собой множество противорѣчій. Что же касается до реформы полной и радикальной—до всеобщей подачи голосовъ, т. е. признанія права голоса за всѣми гражданами, умѣющими читать и писать, — такой проектъ появился только въ одной программѣ партіи рабочихъ, демократовъ-соціалистовъ и космополитовъ. Но этотъ проектъ имѣлъ всѣ шансы возбудить противъ себя все и всѣхъ. И катол-

лики, и протестанты, и клерикалы, и либералы, и централисты, и децентралисты—все одинаково были противъ него. Чисто-нѣмецкая партія, считающая себя самой либеральной партіей въ Австріи, и та возстала противъ этого проекта изъ боязни, что осуществленіе его, по ихъ словамъ, передастъ всю власть въ руки славянскаго простонародья, невѣжественнаго, варварскаго,—передастъ ее чехамъ! Либеральная Австрія, надо правду сказать, чувствуетъ съ каждымъ днемъ все большую и большую ненависть къ чехамъ. И въ такую рѣшительную минуту, когда имперія едва живетъ, когда ей нужно полное согласіе для спасенія, она съ презрѣніемъ и ни на чемъ неоснованнымъ подозрѣніемъ отвергаетъ могучее, и для нея единственное, средство, которое только можетъ спасти ее. Пусть же исполнится ея судьба!

Понятно, что эта ненависть нѣмцевъ къ чехамъ, основанная болѣе всего на чувствѣ страха ихъ преобладанія, не можетъ возбуждать и со стороны чеховъ нѣжныя чувства къ нѣмцамъ. Но если бы по странной случайности, рѣшительно, впрочемъ, невозможной, нѣмцы измѣнили свою политику относительно чеховъ, нѣтъ сомнѣнія, что послѣдніе примирились бы съ ними и вступили въ дружескій союзъ. Требованія національной партіи чеховъ могутъ быть представлены въ такомъ конспектѣ:

1) Полнѣйшая автономія земель, составляющихъ чешскую корону, и коронованіе въ Прагѣ чешскаго короля, которому въ то же время принадлежитъ корона нераздѣльныхъ съ Чехією земель Моравіи и Силезіи.

2) Чешскій сеймъ, совершенно независимый, неподчиняющійся никакимъ законамъ, вотированнымъ парламентомъ, засѣдающимъ не въ Чехіи.

3) Назначеніе налоговъ въ Чехіи должно зависѣть исключительно отъ чешскаго національнаго сейма.

4) Чешскія высшія государственныя должности, отвѣтственныя передъ императоромъ, должны пополняться исключительно изъ уроженцевъ земель, составляющихъ чешскую корону.

5) Дѣйствительныя права чешскаго короля надъ чешскою землей начинаются только со дня коронованія его въ Прагѣ.

6) Страна имѣетъ право избрать сама себѣ государя, въ случаѣ прекращенія нынѣ царствующей династіи.

Кромѣ чешской агитаціи, досаждающей Австріи, ей приходится имѣть дѣло съ возстаніемъ въ Далмаціи. Страна поднялась и горы, ее населяющіе, ведутъ энергическую войну съ австрійскими гарнизонами, заманивая ихъ въ ущелья и заставляя переходить со скалы на скалу, что для австрійцевъ съ непривычки не совсѣмъ удобно. Инсуреція разрастается. Инсуреціонный комитетъ въ Бокко-ди-Каттаро издалъ манифестъ къ черногорцамъ и герцеговинцамъ, приглашая ихъ на *святую войну* противъ австрійцевъ, и назначая тотъ же лозунгъ, который нѣкогда раздавался на полѣ Грахова противъ турокъ: „Богъ и свобода!“

До сихъ поръ депеши, которыми австрійское правительство снабжаетъ Европу при посредствѣ агенства Гаваса, — утверждаютъ, что въ этомъ возмущеніи нѣтъ ничего серьезнаго. Это весьма возможно, но только при этомъ слѣдуетъ оговориться, что въ Румыніи, Сербіи, Болгаріи, Черногоріи, Кroatіи и въ другихъ мѣстахъ замѣтно сильное движеніе, въ тишинѣ подготовляемое. Намъ говорить, что во всемъ этомъ ничего нѣтъ серьезнаго, но нельзя сомнѣваться, что, рано или поздно, несерьезное сдѣлается очень серьезнымъ, и изъ какого нибудь пустяка возгорится серьезный восточный вопросъ и зажжетъ все вокругъ себя. Трансильванцы враждуютъ съ румынами, румыны съ венгерцами, черногорцы готовы принять сторону далматинцевъ — одна искра достаточна, чтобы произвести пожаръ и взорвать на воздухъ громаднѣйшіе пороховые магазины.

Безпрестанно увеличивающееся число стачекъ и постоянно возрастающіе ихъ размѣры ясно показываютъ, что во Франціи наступаетъ близость социальнаго переворота. Раззоря предпринимателей буржуа, стачки еще болѣе усиливаютъ и безъ того бѣдственное положеніе рабочаго класса. Стачки не ограничиваются одними рабочими, къ ихъ помощи обратились даже приказчики ма-

газиновъ. Еще очень недавно Парижъ, несмотря на избирательныя заботы, былъ взволнованъ стачкой приказчиковъ большихъ магазиновъ модныхъ товаровъ. Протестанты заявили, что они не желаютъ работать въ день по 15—17 часовъ и назначаютъ нормой 12 часовъ; они также требовали увольненія отъ работы въ воскресные дни. Хозяевамъ такое требованіе показалось чрезмѣрнымъ и возмутительнымъ и они пожелали лучше распоститься совсѣмъ съ своими буйными агентами, чѣмъ ихъ удовлетворять. Приказчики въ отмщеніе составили ассоціацію и открываютъ свои собственные магазины.

Прямимъ результатомъ стачекъ не премѣнно должно быть увеличеніе заработной платы, но также и вздорожаніе жизненныхъ продуктовъ. Стачка ничто иное, какъ промышленная война, — война гражданская въ мастерскихъ и, какъ всякая война, необходимо влечетъ за собою бѣдствія и раззореніе; но, къ несчастію, въ странахъ варварскихъ является часто необходимость прибѣгать и къ варварскимъ средствамъ. Французскіе патроны много лѣтъ притѣсняли рабочихъ, и рабочіе, въ свою очередь, пользуются случаемъ раззорять ихъ. Констатируя этотъ фактъ, мы вовсе не думаемъ возводить его въ непреложный законъ; напротивъ, мы готовы бы были отнестись сочувственно ко всякому средству, способному улучшить положеніе дѣлъ и сдѣлать невозможнымъ повтореніе печальныхъ событій, доказывающихъ социальную неурядицу. Но что же дѣлать, если невѣжество, глупость и упрямство еще такъ могущественно руководятъ человѣческими поступками. Невѣжество и глупость могутъ еще быть исправлены посредствомъ введенія системы обязательнаго и дароваго обученія, но противъ упрямства можно дѣйствовать только силой и принужденіемъ. Это-то нелѣпое упрямство и доводитъ до грустныхъ событій, которыя только усиливаютъ бѣдность и недовольство. Отъ стачекъ страдаютъ и патроны, и рабочіе, страдаютъ наконецъ всѣ — таковъ законъ солидарности обществъ.

Кромѣ раззоренія, на долю рабочихъ, какъ въ Бельгій, такъ и во Франціи достаются еще пули. Послѣ ружейной стрѣльбы въ Рикамаріа, послѣдовало такое же разстрѣливаніе рабочихъ въ Обань. Рудокопы попросили прибавки себѣ немного свѣта и не-

много хлѣба; орлеанская компанія, дающая своимъ акціонерамъ 11,60% дивиденда, на ихъ просьбу отвѣчала принятіемъ посредничества лейтенанта Боблонъ, юноши 23 лѣтъ, который для убѣжденія строптивыхъ, пустилъ въ нихъ градъ пуль и повелъ своихъ сподвижниковъ въ штыки на безоружный народъ. Пализао, нынѣшній главнокомандующій парижской арміей, нашелъ, говорятъ, такой способъ убѣжденія самымъ рациональнымъ.

По конституціи, утвержденной французскимъ императоромъ послѣ 2 декабря, законодательное собраніе не можетъ быть распущеннымъ болѣе шести мѣсяцевъ къ ряду. Разумѣется, всюду подобное законоположеніе было бы исполнено въ точности. Но во Франціи правительство второй имперіи считаетъ себя вправе не обращать вниманія на такіе пустяки и спокойно нарушаетъ конституцію. Оно, правда, при этомъ забыло ту истину, что если оно само будетъ такъ презрительно относиться къ законамъ, то и управляемые имъ граждане могутъ придти къ выводу, что и для нихъ законы необязательны. Одинъ изъ членовъ средней партіи, Кератри, вѣроятно, руководясь такимъ разсужденіемъ, заявилъ, что 26 (14) октября онъ, съ экземпляромъ конституціи въ рукахъ, явится передъ дверьми законодательнаго собранія и потребуетъ, чтобы его туда впустили. Старый, энергическій Распайль также объявилъ, что въ этотъ день, вмѣстѣ ли съ Кератри или одинъ, но только и онъ явится къ дверямъ дома народнаго представительства и постучится въ нихъ.

Въ это самое время парижское населеніе находилось въ сильно возбужденномъ состояніи. Между горячими головами составилось такое убѣжденіе: „воспользуемся агитаціей; произведемъ волненіе и попытаемся свергнуть вторую имперію. Мы произведемъ манифестацію; правительство, безъ сомнѣнія, выставитъ противъ насъ войска, желая разогнать наше непріятное для него сборище. Чѣмъ большія массы войскъ оно употребитъ въ дѣло, тѣмъ большее число любопытныхъ будетъ толпиться на улицахъ. Въ знаменитыя

іюньскія возмущенія собиралось на улицахъ каждый разъ не менѣе ста тысячъ зѣвакъ; 26-го октября ихъ соберется двѣсти тысячъ. Лишь бы полиція кинулась на нихъ съ своими casse-têtes, лишь бы артиллерія открыла огонь,—негодование къ бойнѣ будетъ таково, что чрезъ 4 часа на ноги встанетъ и вооружится 500,000 человекъ, и никакія правительственныя силы не устоятъ“.

„Но зачѣмъ же жертвовать столькими человѣческими жизнями для разрушенія того, что само разваливается, — раздались другіе голоса.—Когда есть полная увѣренность, что можно все выиграть, ничего не теряя, зачѣмъ же бросаться въ игру съ шансами огромныхъ потерь? Останавливать въ настоящій моментъ разложеніе стараго общества—будетъ ничѣмъ-невознаградимой ошибкой. Все, что должно пасть вмѣстѣ съ второй имперіей, теперь едва держится и почти совершенно разложилось. Пусть же оно валится само собою. Къ тому же если даже предположить, что вся демократическая партія нынче смотритъ одинаково на политическіе вопросы, то нельзя того же сказать насчетъ вопросовъ соціальныхъ. Каждый желаетъ соціальныхъ переměнъ, но взгляды на эти переměны слишкомъ различны у разныхъ фракцій демократической партіи, и потому нельзя назвать невѣроятнымъ такое предположеніе, что послѣ политической революціи 26 октября снова начнется борьба между этими фракціями за соціальные вопросы, которая опять можетъ также окончиться, какъ она кончилась 20 лѣтъ тому назадъ — кавеньяковской рѣзней?“

Такъ разсуждали осторожные люди въ отвѣтъ на пылкія рѣчи неосторожныхъ, и первые одержали верхъ. Ясно было видно, что правительство желаетъ возмущенія; въ прессѣ, на народныхъ сходкахъ оно охотно допускало самыя рѣзкія, революціонныя нападенія, и съ чрезмѣрной строгостью наклидывалось на мнѣнія умѣренно-либеральныя; въ тоже самое время оно стягивало войска къ Парижу; оно вполне вооружило венсенскую крѣпость и Валеріановую гору; оно распланировало батареи въ различныхъ пунктахъ Парижа; оно щедро раздавало солдатамъ вино и водку; каждому солдату было выдано по 14 патроновъ, вѣроятно по такому расчету: два на ребенка, четыре на женщину, восемь на каждого мужчину, составляющихъ парижское населеніе. Военный министръ обратилъ

свои взоры на провинціальныя войска, ему хотѣлось узнать, многіе ли батальоны состоятъ изъ людей настолькоъ рѣшительныхъ, что они пожелаютъ отомстить негодяямъ парижанамъ, неперестающимъ оскорблять армію! Нашлось тринадцать полковниковъ, заявившихъ пламенное желаніе явиться съ своими полками въ Парижъ 26 октября. Императрицу на это время услали на Востокъ, въ Константинополь и Каиръ. Послѣ же бойни она должна возвратиться въ Парижъ и принять на себя обязанность утѣшительницы страждущихъ, расточая граціозныя, симпатичныя улыбки раненымъ и выдавая золотыя монеты вдовамъ и сиротамъ погибшихъ.

„Если правительству второй имперіи такъ нужно возмущеніе, то мы, разумѣется, не должны допустить его“, разсуждали вліятельнѣйшіе руководители демократической партіи. Въ этомъ смыслѣ они повели дѣятельную пропаганду и ихъ усилія не пропали даромъ. 25 октября всѣ газеты единодушно возстали противъ несвоевременной и опасной насильственной манифестаціи. Одна только „Раус“, газета второй имперіи, выходила изъ себя, поддразнивая народъ; она съ насмѣшкой говорила республиканцамъ: „вѣрно у васъ ушла душа въ пятки, что вы не осмѣливаетесь выдти на улицу“. Но на лай г. Поля де-Кассаньяна никто не обращалъ никакого вниманія и его поддразниванья пропали даромъ, также какъ старанія тюркосовъ, на славу наточившихъ свои сабли. А бѣлыя блузы, а casse-têtes, розданныя полиціи? А блестящій планъ битвы въ Парижѣ, составленный блестящими маршалами Канроберомъ и Базеномъ? — Увы! и ихъ постигла та же участь: всѣ ихъ приготовленія оказались ненужными. А какъ жаль этихъ нѣжныхъ, чувствительныхъ придворныхъ дамъ, которыя съ такимъ трудомъ добились позволенія занять окна въ Тюльери, чтобы оттуда любоваться боемъ! Благодаря этимъ ненавистнымъ демократамъ, имъ тоже не суждено было ознакомиться съ картиной челоувѣкоубійства. Но, къ счастью, въ резервѣ оставался еще Пьетри: онъ можетъ все спасти. Пьетри теперь думаетъ и навѣрно выдумаетъ какую нибудь штучку. Задуманный переворотъ еще можетъ состояться.

Въ самомъ дѣлѣ, 25 октября всякій желающій могъ читать прилеженную на стѣнахъ прокламацію отъ полицейскаго префекта,

въ которой онъ „просилъ добрыхъ гражданъ“ оставаться дома и не вмѣшиваться въ толпы празднующихся людей, которые *на-мѣреваются* произвести безпорядки, направленные противъ власти; правительство же намѣрено со всей строгостью примѣнить декретъ о незаконныхъ сборищахъ“. Этому мало: Пьетри цитировалъ законъ, изданный республиканцами въ 1848 году и напечаталъ имена членовъ исполнительной комиссіи, подписавшихся подъ закономъ: Араго, Ламартина, Мари и Ледрю-Роллена. Этой приписочкой г. префектъ хотѣлъ сказать: „я буду разстрѣливать васъ, гг. республиканцы, но на основаніи закона, изданнаго республиканцами же. Затѣмъ г. Пьетри оставалось признать себя великимъ чело-вѣкомъ и почтительно кланяться своему изображенію въ зеркалахъ его гостиной.

Какъ ни была грубо измышлена ловушка, однакожъ можно было опасаться, какъ бы ни попались въ нее слишкомъ пылкіе люди. Газеты еще разъ сдѣлали воззваніе къ спокойствію и просили съ презрѣніемъ относиться къ оскорбленіямъ.

Наступилъ день 26 октября. Солдаты выстроились въ своихъ казармахъ съ оружіемъ въ рукахъ и вскорѣ заняли назначенныя имъ позиціи въ различныхъ пунктахъ Парижа, соединенныхъ телеграфною проволокою, какъ между собою, такъ и съ центральнымъ депо, гдѣ находился Канроберъ съ своимъ штабомъ. Войска занимали назначенныя мѣста въ совершеннѣйшей тишинѣ, не слышно было ни стука барабана, ни звука трубы. Они ждали: что-то будетъ? Но вотъ прошелъ и полдень—Парижъ по прежнему спокоенъ, въ предмѣстьяхъ никакого движенія. Площадь Согласія, назначенная мѣстомъ боя, совершенно пустынна. Канроберъ нахмурилъ брови, Пьетри въ отчаяннѣ, Базенъ печально покачиваетъ головой.

Но вдругъ, въ ту самую минуту, когда эти гордые воины считали всякую надежду для себя потерянной, на площади произошла шумъ. Подлѣ обелиска остановился фіакръ и изъ него вышелъ герой этого дня, г. Гань. Онъ поднялъ руки къ небу, какъ бы призывая его въ свидѣтели, и сталъ держать рѣчь къ проходящимъ. Не предводитель ли это демократіи, желающій вести народъ въ бой? пронеслось между полиціантами и они насторожили

«Дѣло», № 11.

уши. Но увы! рѣчь оратора, которую останавливались слушать нѣсколько случайныхъ прохожихъ, вовсе не была призывомъ къ оружію. Гань у подножія обелиска проповѣдывалъ *архифилантропофанию*, мечту всей его жизни; онъ умолялъ своихъ согражданъ приносить себя въ жертву, убивать себя, чтобы друзья и братья питались ихъ тѣломъ, пили ихъ кровь. Г. Гань, какъ и подобаетъ провозвѣстнику новой истины, былъ освистанъ своими слушателями. Гордый такимъ успѣхомъ, архифилантропофагъ спокойно усѣлся въ свой фіакаръ и отправился домой. Любопытные послѣдовали его примѣру. Поле сраженія осталось за Пьетри.

Такія событія ознаменовали день 26 октября, который въ исторіи второй имперіи получилъ мѣсто подлѣ дня 3 декабря, когда великій министр Пинаръ одержалъ подъ Клиши знаменитую побѣду надъ воображаемымъ непріателемъ. Надъ этими двумя побѣдами—подъ Обелискомъ и подъ Клиши зло смѣются и долго еще не перестанутъ смѣяться.

Слѣдовательно все было кончено, и день 26 октября, который многіе называли „пагубнымъ срокомъ расплаты“,—кануль въ вѣчность. Правительство не могло телеграфировать въ провинціи, что оно во второй разъ спасло порядокъ и собственность; демократія не подверглась такому истребленію, какъ въ декабрьскіе дни. Имперія и свобода по прежнему стоятъ одна противъ другой съ соотвѣтствующимъ оружіемъ въ рукахъ; тѣже опасенія, тѣже надежды по прежнему волнуютъ обѣ партіи.

Между тѣмъ глухое раздраженіе постоянно росло среди партій дѣйствія. Со всѣхъ сторонъ сыпались нападенія на членовъ лѣвой стороны палаты, на парижскихъ депутатовъ. Сдѣлали ли они все, что требовало достоинство ихъ полномочія, чего требовали интересы ихъ вѣрителей? Въ первый разъ, когда съ законодательнымъ собраніемъ поступили такъ беззастѣнчиво, оппозиціонные депутаты ограничились скромнымъ протестомъ, блѣднымъ и неопредѣленнымъ по смыслу и содержанію, и какъ птицы, выпущенныя изъ клѣтокъ, разлетѣлись на всѣ четыре стороны. Во второй разъ, когда законъ былъ нарушенъ, когда среди народа явился единодушный протестъ противъ этого нарушенія, когда агитація народа проявилась въ достаточной силѣ, онъ обратился къ своимъ депу-

татамъ, желая знать, чѣмъ они проявили свою дѣятельность. Не возобновили ли они сцену въ Жѣ-де-Помъ, не потребовали ли они осужденія министерства, не объявили ли они уничтоженіе правительства второй имперіи? Нѣтъ, они были слишкомъ завзятые политики, слишкомъ рьяные парламентаристы, чтобы рѣшиться на такой рискованный шагъ! Они отвѣчали новымъ протестомъ, почти такимъ же безсодержательнымъ, какъ и первый. Они очень точно и краснорѣчиво, съ подведеніемъ приличныхъ статей конституціи, старались доказать, что дѣйствія правительства они признаютъ за прямое нарушеніе закона. И болѣе ничего. Сказали тоже, что сказали умѣренные, что думали даже самые реакціонные депутаты правой стороны, не доводящіе свое бонапартистское рвеніе до умопомѣшательства.

Избиратели совсѣмъ не того ожидали отъ своихъ избранниковъ. Они вѣрили въ ихъ энергію, вѣрили въ пониманіе ими своей роли и достоинства депутата. Избиратели были недовольны, депутаты подверглись строгому допросу и немногіе изъ нихъ послѣ того вышли совершенно чистыми изъ дѣла.

Приближались выборы депутатовъ на нѣсколько вакантныхъ мѣстъ въ палатѣ. Понятно, что избиратели, недовольные своими депутатами, немногія оставшіяся въ ихъ рукахъ кандидатуры пожелали замѣстить людьми нѣсколько иного закала, чѣмъ прежніе оппозиціонные депутаты. Они рѣшились искать ихъ въ средѣ самыхъ энергическихъ противниковъ правительства, рѣзко нападающихъ на его происхожденіе и на его конституцію, а такъ какъ правительство требовало, чтобы депутаты непременно присягали имперіи, то очевидно, слѣдовало выбирать именно такихъ кандидатовъ, которые откажутся дать требуемую присягу. Если посмотрѣть на это движеніе глубже, то нельзя будетъ не согласиться, что причина его лежитъ въ самихъ прежнихъ депутатахъ, несъумѣвшихъ вести себя такъ, какъ требовалъ ихъ долгъ и желаніе ихъ довѣрителей.

Едва окончилась агитація 26 октября, какъ „Официальная Газета“ напечатала декретъ 4 ноября, призывающій избирателей 1-го, 3-го, 4-го и 8-го округовъ Парижа замѣстить четыре вакантныхъ мѣста въ законодательномъ собраніи. Всѣхъ удивила та-

кая поспѣшность. Министры имѣли у себя въ запасѣ еще два мѣсяца, законъ позволялъ имъ назначить эти выборы 15 января будущаго года. Съ какой стати имъ вздумалось назначить ихъ на 21 (9) ноября. Съ одной стороны, они незаконно отсрочиваютъ созваніе законодательныхъ палатъ, съ другой, ихъ беретъ нетерпѣніе двумя мѣсяцами ранѣе познакомиться съ новыми депутатами — странныя и непонятныя дѣйствія. Но правительство второй имперіи до того потеряло кредитъ среди управляемаго имъ народа, что и въ этомъ его дѣйствіи народъ видитъ заднюю мысль — возбудить возстаніе и имѣть предлогъ произвести новый государственный переворотъ. Но даже еслибы и на этотъ разъ ожиданія не оправдались, то правительство все-таки надѣялось выиграть отъ ускоренія выборовъ. Выбраны будутъ, по всей вѣроятности, личности изъ числа самыхъ красныхъ, что дастъ поводъ запугать боязливыхъ членовъ палаты, привлечь на свою сторону многихъ изъ 116 умѣренныхъ и создать солидное большинство изъ тѣхъ, которые послѣ восемнадцати-лѣтней рабской покорности рѣшились заявить нѣкоторую независимость. Въ заключеніе же всего принять въ министерство г. Оливье. Таковъ, говорятъ, планъ императора, который, вообще, находятъ весьма искуснымъ. Очень можетъ быть, что эти слухи справедливы, но врядъ ли партія дѣйствія будетъ столько наивна, что испугается ихъ. Имперія разлагается, а г. Оливье не имѣетъ настолько силы, чтобы гальванизовать ее и возбудить къ новой жизни, онъ можетъ сдѣлать только одно: погибнуть вмѣстѣ съ нею.

Но какъ бы тамъ ни было, а избирательный періодъ уже открылся. Списокъ записавшихся кандидатовъ вышелъ довольно длинный; для каждаго честолюбца всегда найдется кучка людей, вѣрящая въ его способности представлять въ палатѣ народныя интересы. Въ этотъ списокъ вошли многіе изъ тѣхъ, которые неудачно дебютировали въ послѣдніе выборы. Въ первый округъ представились Шуйа-Кертъе, Ламбрехтъ, Лорье, Кантагрель и Рошфоръ, въ третій, Лаферьеръ, редакторъ газеты „Rapport“, Кремье, бывший членомъ временнаго правительства, Глэ-Влизуенъ, остроумный перерывщикъ рѣчей въ палатѣ, и Артуръ Пиваръ, братъ депутата Эрнеста Пикара; въ четвертый, Аллу, адвокатъ, бывший

редакторомъ газеты „Temps“, который на послѣднихъ выборахъ отказался отъ перебаллотировки, способствуя этимъ выбору Ферри и дѣлая невозможнымъ избраніе Кохена и Геру; въ восьмой, Лавертюжонъ, издатель газеты „Gironde“, выборъ котораго не состоялся въ Бордо, Эммануиль Араго, Альфонсъ Жентъ, бывшій уже народнымъ представителемъ и наконецъ Герольдъ, адвокатъ, который, по его собственнымъ словамъ, всегда проигрывалъ въ кассационномъ судѣ процессы, ранѣе уже проигранные въ двухъ другихъ инстанціяхъ. Эти имена принадлежать къ различнымъ фракціямъ демократіи. Говорить ли объ официальныхъ кандидатахъ, Лашо, Девьеръ, Термъ — они внесены въ списокъ только для проформы, и сами не будутъ хлопотать о своемъ выборѣ, и правительство не станетъ употреблять обычныхъ мѣръ, чтобы пособить этому выбору.

Каждый кандидатъ организовалъ пропаганду въ свою пользу, основалъ свои комитеты, показывался на народныхъ сходкахъ, когда тамъ обсуждался какой нибудь важный вопросъ. Но рядомъ съ кандидатами, исполнившими всѣ формальности, т. е. присягнувшими имперіи, могутъ же появиться и такіе, которые не захотятъ дать требуемой присяги — какъ съ ними поступить? Когда въ первый разъ былъ поставленъ этотъ вопросъ, почти вся пресса высказалась противъ избранія кандидатовъ непринесшихъ присяги. Изъ крайнихъ оппозиционныхъ органовъ, одинъ „Reveil“ былъ за избраніе, „Kappel“ молчалъ, а „Reforme“ была противъ. Демократическіе органы, высказываясь противъ избранія неприсяжныхъ кандидатовъ, однимъ изъ аргументовъ ставили усиленіе разлада въ демократической партіи, которое непременно явится результатомъ принятія такого рѣшенія, — разлада, и теперь тормозящаго многія хорошія начинанія. При усиленіи разлада немудрено, что проскользнетъ въ палату официальный кандидатъ, получившій даже небольшое число избирательныхъ голосовъ. Наконецъ — и это былъ главнѣйшій аргументъ — къ чему рисковать на невѣрное, когда вѣрное находится уже въ рукахъ; легко отступить и полетѣть въ пропасть. Защитники, съ своей стороны, находили эти возраженія слабыми и доказывали, что опасности въ принятія ихъ предложенія не представляется никакой, разладъ въ

партіи отъ этого усилиться не можетъ, официальный кандидатъ не имѣетъ никакихъ шансовъ попасть въ палату, и выборъ неприсяжнаго кандидата, не принося никакого вреда для партіи, причинить большое безпокойство правительству, которое не осмѣлится не признать такого кандидата, своимъ избраніемъ доказывающаго, что народъ не желаетъ ни имперіи, ни ея конституціи. Затѣмъ толки замолкли, вопросъ сочли сданнымъ въ архивъ, но онъ вскорѣ опять появился на сцену.

Избирательная агитація продолжалась. Комитетъ, учрежденный для проведенія кандидатуры Рошфора, проживающаго еще въ Бельгіи, написалъ ему, чтобы онъ немедленно ни минуты ѣхалъ въ Парижъ. Рошфоръ тотчасъ же собрался въ путь; амнистія 15 (3) августа открывала ему двери Франціи. Переѣхавъ границу, онъ былъ арестованъ полицейскимъ комиссаромъ, который, впрочемъ, не зная навѣрное, былъ ли онъ въ правѣ поступить такимъ образомъ, телеграфировалъ лильскому префекту, а тотъ, въ свою очередь, приказавъ хорошенько наблюдать за арестованнымъ, спросилъ приказанія министра, что ему дѣлать? Министръ отвѣтилъ приказомъ тотчасъ же освободить плѣнника.

Между тѣмъ слухъ объ арестѣ дошелъ до Парижа и произвелъ тамъ сильное впечатлѣніе. Друзья остроумнаго памфлетиста успѣли сообщить объ этомъ на избирательной сходкѣ перваго округа. При имени Рошфора зала огласилась самыми восторженными криками сочувствія, перемежающимися съ громомъ рукоплесканій. Кантагрьель взошелъ на трибуну и заявилъ, что въ виду посягательства правительства на свободу Рошфора, ему остается сдѣлать одно: взять назадъ свою кандидатуру и, вмѣстѣ съ своими друзьями, подать голосъ за Рошфора. Другой серьезный соперникъ Рошфора, Лорье, посовѣтовавшись съ своими друзьями, напечаталъ въ „Barrel“ письмо, которымъ заявляетъ, что онъ отказывается отъ кандидатуры и проситъ избирателей единодушно послать въ палату человѣка, котораго правительство арестовало, презирая всѣ права. Когда же по пріѣздѣ въ Парижъ пятичасовой арестантъ показался на сходкѣ и разсказалъ свою краткую Одиссею, восторгъ его слушателей дошелъ до полной экзальтаціи. Каждый желалъ его видѣть, каждый хотѣлъ его слышать, всякое его слово

покрывалось аплодисментами, толпы шли за нимъ по улицѣ, отпрягали лошадей фіакера, куда онъ спасался отъ слишкомъ сильныхъ проявленій восторга толпы; женщины желали его цѣловать, предлагали ему букеты цвѣтовъ. Его избраніе несомнѣнно *. Безъ сомнѣнія, мы не можемъ вполне сочувствовать, когда видимъ, что люди изъ челоуѣка же дѣлаютъ себѣ идола, но въ отношеніи Рошфора можно найти смягчающія обстоятельства. Не первый ли изъ депутатовъ, Рошфоръ объявилъ, что онъ считаетъ себя безусловно отвѣтственнымъ передъ своими избирателями, что онъ на свое депутатское жалованье найметъ залу, гдѣ избиратели могутъ собираться и давать ему свои инструкціи. Понятно, что такое заявленіе должно было возбудить самый пылкій энтузіазмъ, такъ какъ избиратели очень хорошо знали, что Рошфоръ, благодаря своей популярности, могъ бы быть избранъ на шесть лѣтъ безъ всякихъ условій. Избраніе этого злѣйшаго врага Наполеона III, разумѣется, будетъ очень непріятно императору, оно покажетъ, что его подданные не чувствуютъ къ нему особенной нѣжности, а это, безъ сомнѣнія, должно не совсѣмъ благотворно отозваться на его болѣзненномъ организмѣ. Ему нужно спокойствіе и физическое и умственное, а тутъ мозолятъ глаза Рошфоромъ!

Въ третьемъ округѣ всѣ кандидаты должны были уступить мѣсто Кремье, которому остается теперь бороться только противъ неприсяжныхъ кандидатовъ, если они выступятъ. Въ четвертомъ, шансы дѣлятся между Бриссономъ и Гле-Визуаномъ; въ восьмомъ, между Араго и Жентомъ.

Въ такомъ положеніи находились дѣла, когда опять начали дѣйствовать защитники избранія неприсяжныхъ кандидатовъ. На этотъ разъ ихъ голосъ былъ услышанъ и за ними выступила цѣлая фаланга избирателей, готовая осуществить на практикѣ ихъ идею. Время было выбрано очень удачно. Кромѣ парижскаго избирательнаго движенія, настроившаго населеніе сочувственно относиться ко всякимъ фактамъ, которые могутъ принести вредъ противникамъ,

*) Телеграмма извѣстила насъ, что Рошфоръ одержалъ полную побѣду надъ своимъ соперникомъ Карно, выступившимъ тоже въ качествѣ республиканскаго кандидата. Таже телеграмма сообщаетъ, что въ третьемъ округѣ избранъ Кремье, а въ восьмомъ Араго; оба республиканцы. Въ четвертомъ же округѣ назначена перебаллотировка.

въ провинціи случались событія, отвѣчающія общему оппозиціонному настроенію.

Неприсяжные кандидаты, такимъ образомъ, выступили на арену. Феликсъ Піа, Луи-Бланъ, Ледрю-Ролленъ, Викторъ Гюго печатаютъ письмо за письмомъ въ различныхъ газетахъ. Составляется центральный комитетъ и 26 октября (7 ноября) организуется первая сходка. Послѣ оживленныхъ преній члены комитета пришли къ единодушному рѣшенію (впрочемъ за исключеніемъ одного голоса) выставить неприсяжныхъ кандидатовъ и согласились на счетъ трехъ лицъ: Ледрю-Роллена, Барбеса и Феликса Піа. Въ первый округъ, гдѣ кандидатомъ явился Рошфоръ, было рѣшено не посылать неприсяжнаго кандидата. На этотъ разъ и газеты поддержали движеніе, которое постоянно развивалось и усиливалось. Однакожь этотъ планъ не осуществился вполнѣ. Въ самый моментъ, когда слѣдовало выступить на сцену, Ледрю-Ролленъ отказался отъ своей кандидатуры.

Въ этомъ возвращеніи къ 48-му году не должно видѣть прославленія прошлаго, оправданія прежнихъ ошибокъ, желанія возобновить старыи ходъ дѣлъ. Нѣтъ, даже социалисты, враги Ледрю-Роллена, подали-бы голосъ за него; его выбрали бы одинаково и друзья и враги, такъ какъ его выборъ былъ бы протестомъ противъ государственнаго переворота, — протестомъ сильнымъ и рѣшительнымъ, слѣды котораго отзывались бы глубокими потрясеніями существующаго порядка и еще быстрѣе довели бы дѣло до развязки. Но если выборъ Ледрю-Роллена и не состоялся, по его собственному желанію, отъ этого ходъ дѣла нисколько не измѣнится и побѣда противниковъ второй имперіи остается все-таки несомнѣнной. Ледрю-Ролленъ былъ важенъ только какъ олицетвореніе протеста. Не болѣе.

Жавъ Лефренъ.

СЪ НЕВСКАГО БЕРЕГА.

(Общественный и литературный листокъ.)

- I. ПОВАЛЬНОЕ НЕДОРАЗУМѢНІЕ. (Стансы бывша
го крѣпостного). **Анонима.**
- II. НЕПРОИЗВОДИТЕЛЬНЫЯ СИЛЫ. (Заупокойная
замѣтка о художественной академической вы
ставкѣ). **Вологжанина.**
- III. ИНТИМНАЯ БЕСѢДА **Анонима.**
- IV. ШАГЪ ВПЕРЕДЪ—И ДВА НАЗАДЪ **Н. Н.**
- V. ПЕТЕРБУРГСКІЕ ПРОЗАИКИ И МОСКОВСКІЕ
СТИХОТВОРЦЫ. (Поучительная параллель). . . **Анонима.**
- VI. МИКРОСКОПЪ. (Разныя замѣтки, мелочи, слухи). **L'homme qui rit.**

I.

ПОВАЛЬНОЕ НЕДОРАЗУМѢНІЕ.

(Стансы бывшего вѣрнопостного.)

Свобода очень хороша,
Когда дана она народу,
И, какъ ревизская душа,
Могу сказать я не грѣша,
Что всѣ мы чтить должны свободу;
Свободу знаю я изъ книгъ,
Но всежъ быть вольнымъ не привыкъ.

Кто вѣкъ ходилъ въ одной дерюгѣ,
Въ лаптяхъ, не зная сапога,
Тотъ на комфортъ глядитъ въ испугѣ;
Такъ лопарю на тепломъ югѣ
Все снятся вѣчные свѣга,
Мятель и сѣверныя вьюги,—
И я—скажу вамъ на прямикъ—
Къ порядкамъ новымъ не привыкъ.

Свѣтъ рѣжетъ зрѣнье послѣ мрака.
Свою собаку на дворѣ
Спустяте съ цѣпи и, однако,
Опять къ привычной конурѣ
Полѣзетъ глупая собака,
А я не песъ, не глупъ, не дикъ,
Но всежъ быть вольнымъ не привыкъ.

Бѣднякъ, прожившій вѣкъ въ загонѣ
И очутившійся самъ-другъ,
Въ какомъ нибудь большомъ салонѣ,
Куда дѣвать не знаетъ рукъ,
Роняетъ шляпу при поклонѣ...
Такъ точно я гляжу вокругъ,

И признаюсь вамъ въ грустномъ тонѣ,
 Что я, робѣя каждый мигъ,
 Къ порядкамъ новымъ не привыкъ.

Во мнѣ есть умъ и безпристрастность,
 Чтобъ гласность чтить, но вотъ вопросъ:
 Какъ дать уму такую ясность,
 Чтобъ различить вполне опасность:
 Гдѣ начинается доносъ,
 И гдѣ должна кончатся гласность?
 Я становлюсь, друзья, въ тупикъ,
 Я въ новой роли не привыкъ.

Свобода личности есть сила.
 Заявишь личность иногда,
 Кого нибудь ударишь въ рыло
 И, смотришь, дѣло, господа,
 Доходить тотчасъ до суда;
 На всѣ лады заголосила
 О томъ печать; гамъ, свистъ и крикъ...
 Нѣтъ, я быть вольнымъ не привыкъ.

Познавъ, что «собственность есть кража,»
 Хочу я жить въ квартирѣ такъ,
 Чтобъ не платить,—вповенъ я же:
 Стремленій мудрыхъ не уважа,
 Меня изъ третьяго этажа,
 Хозяинъ гонитъ на чердакъ,
 Иль прогоняетъ вовсе даже,
 Какъ будто я простой мужикъ!
 Нѣтъ, я быть вольнымъ не привыкъ...

О солидарности, о стачкѣ
 Журналы русскіе поютъ,
 А межъ собою на кулачки
 Стѣною на-стѣну идутъ.
 Вездѣ свирѣпствуютъ горячки:
 Фразерства, сплетенъ, клеветы...
 Иной съ начальникомъ—на «ты»,
 И съ словомъ «вы» подходитъ къ прачкѣ...
 Сумбуръ, хаосъ и тьма интригъ...
 Нѣтъ, я быть вольнымъ не привыкъ.

На перецутьѣ къ новой жизни
 Кружится наша голова
 И мы, сказавъ: все тринъ—трава,
 Идемъ—кто въ лѣсъ, кто по дрова...
 И многимъ гражданамъ въ отчизнѣ
 Я на ушко шепну слова,
 Не прибѣгая къ укоризнѣ:
 Къ порядкамъ новымъ, о, друзья,
 Вы не привыкли, какъ и я.

Анонимъ.

II.

НЕПРОИЗВОДИТЕЛЬНЫЯ СИЛЫ.

(Заупокойная замѣтка о художественной академической выставкѣ.)

Двери Академіи Художествъ захлопнулись передъ „черню не-
 просвѣщенной“, выставка кончилась. Теперь, на досугѣ, „чернь не-
 просвѣщенна“ можетъ отдать себѣ отчетъ въ томъ, что она созер-
 цала недавно. Во-первыхъ, она была ослѣплена яркостью и бле-
 скомъ красокъ, во-вторыхъ, была поражена, — не въ первый разъ,
 впрочемъ, ей приходится поражаться, — изумительною наивностью
 и недомыслиемъ русскаго художественнаго гения, а въ-третьихъ,
 выходя изъ академическихъ залъ, „чернь“ чувствовала себя въ
 томъ непріятномъ положеніи, въ какомъ бы почувствовалъ себя
 человѣкъ, спросившій бифштексъ и получившій вмѣсто того кот-
 летку, состряпанную изъ чего-то, похожаго на жареные подтяжки,
 на кушанье, приготовленное труппобными поварами греческихъ кух-
 мистерскихъ... Цѣлый годъ сиднемъ сидѣлъ пресловутый Бова-си-
 лачъ—русскій художественный гений; наконецъ разрѣшился онъ...
 бездной уродцевъ и мертворожденныхъ. Гора родила мышь.

Нѣкоторые посѣтители выставки недоумѣвали даже, гдѣ они
 очутились—на выставкѣ ли художественной или на выставкѣ (ри-
 сованнаго) рогатаго скота, собакъ и другихъ животныхъ, ибо кру-
 гомъ они видѣли такія картины: „Коровы въ полѣ“ г. Маури,
 „Утки въ водѣ“ г. Зурланда, „Овцы въ лѣсу“ его же, „Собака“
 и „Голова теленка“ г. Бема, „Слонъ и носорогъ“ г. Шандоров-

скаго и пр. и пр. Только увидя портретъ автора „Взбаломученнаго моря“, А. Писемскаго, изображеннаго г. Перовымъ, публика могла догадаться, что она находится не на зоологической, а на художественной выставкѣ *).

На нѣкоторыхъ картинахъ, мы остановимъ теперь наше вниманіе.

Г. Бронниковъ представилъ, напримѣръ, публикѣ „Заключеннаго патриція въ темницѣ“ — вещь весьма неудобную для пониманія. Передъ вами сидитъ господинъ, въ неестественной академической позѣ, въ пышномъ костюмѣ опернаго тенора, за нимъ — на заднемъ планѣ — мелькаетъ чья-то сумрачная фигура... Кое-какъ, пожалуй, зритель еще догадается, что художникъ мнилъ изобразить тюрьму — не тюрьму, а нѣчто въ родѣ этого: для тюрьмы комната слишкомъ свѣтла, но въ пользу перваго предположенія говорятъ рѣшетки въ окнахъ и мрачная тѣнь, долженствующая, разумѣется, изображать свирѣпаго стража. Но почему должно прозрѣть въ сидящемъ на вытяжку *comme il faut* патриція — достовѣрно неизвѣстно. Г. Бронниковъ нарисовалъ еще группу голыхъ женщинъ во всевозможныхъ положеніяхъ — въ положеніяхъ, должно прибавить, часто до чрезвычайности натянутыхъ. Надпись подъ картиной гласитъ: „Римскія бани“. Тотъ, кто имѣетъ понятіе о байяхъ, о тѣхъ сладострастныхъ оргіяхъ, какія происходили въ нихъ, о волшебной-изящной обстановкѣ этихъ роскошныхъ храмовъ любви, тотъ — повторяемъ мы — только съ чувствомъ сожалѣнія посмотритъ на „Римскія бани“ г. Бронникова — на эту безвкусную, неграціозную начкотню. Очевидно, не нравы, не характеръ римлянъ, не римскую жизнь, не какой нибудь моментъ изъ нея хотѣлъ изобразить похотливый художникъ. Онъ просто онъ хотѣлъ изобразить нѣсколько обнаженныхъ женскихъ тѣлъ — и изобразилъ. За своихъ голыхъ женщинъ г. Бронниковъ долженъ выслушать отъ насъ го-

*) Между прочимъ, нужно замѣтить, что портретъ г. Писемскаго даетъ нѣкоторый матеріалъ будущимъ его біографамъ, въ родѣ гг. Шубинскаго и Семевского, которымъ дороги самыя ничтожныя мелочи изъ обыденной жизни знаменитыхъ дѣятелей. По портрету они могутъ узнать, что маститый романистъ носилъ всегда на шеѣ шпурокъ, на которомъ висѣлъ черешневый мундштукъ для сигаръ — свѣденіе для поклонниковъ очень любопытное...

люю правду. Вѣдь для того, чтобы воспроизвести въ живыхъ образахъ какую нибудь характеристическую черту изъ жизни давно умершаго общества—надо быть хорошо знакомымъ съ тѣмъ обществомъ, съ тою жизнью, погребенною подъ развалинами — да при томъ имѣть и фантазію погорячѣе. Для выполненія же подобной задачи у г. Бронникова, видимо, не хватаетъ ни силъ, ни средствъ. О римскихъ женщинахъ онъ, кажется, только и знаетъ, что они ходили съ римскими носами, а такого знанія, я думаю, недостаточно. Его картина: „Монахъ въ мастерской художника“ именно и замѣчательна въ томъ отношеніи, что она ясно указываетъ на то, что можетъ безъ ущерба для своей профессорской репутаціи сдѣлать г. Бронниковъ.

Картина г. Торопова: „Приказъ объ отставкѣ“ — ничто иное, какъ варіація на общезвѣстную, пережеванную тему и сказать о ней болѣе нечего... Въ виду стремленій къ образованію, ясно выраженныхъ въ настоящее время русскими женщинами, въ виду основанія высшаго учебнаго женскаго заведенія—картинку г. Лесли „Женскій вопросъ“ можно назвать—по меньшей мѣрѣ—безтактною, тувою, невѣжественною до дикости профанаціей лучшихъ стремленій лучшихъ людей современнаго образованнаго міра. Или, можетъ статься, художникъ считаетъ свое произведеніе сатирой? Нѣтъ! До сихъ поръ никогда еще сатира не возставала противъ свѣта: всегда бичевала только невѣжество и мракъ. Или, быть можетъ, г. Лесли позавидовалъ г. Авенаріусу и восхотѣлъ сдѣлаться Авенаріусомъ живописи? Незавидная роль!.. У нашихъ художниковъ какъ-то все на выворотъ. Въ добрыхъ начинаніяхъ они готовы видѣть общественныя язвы, а когда они видятъ дѣйствительныя язвы, то изображать ихъ не рѣшаются. Такъ, напримѣръ, академія выставила нѣсколько Іововъ и. — странное дѣло! — ни у одного Іова на тѣлѣ не видно, вопреки исторіи, ни одного струпа, ни одной гноины. Художники, вѣроятно, сочли неприличнымъ слѣдовать правдѣ, искажая ее во имя эстетической чистоплотности. Что всѣ академическіе Іовы плохи, — они сами достойны плача Іова, — это естественно. На премію, т. е. по заказу или—вѣрнѣе—по указкѣ—испоконъ вѣка не было еще написано ничего хорошаго. Если бы Рафаэль вздумалъ по академической программѣ

конкурировать на 2-ю золотую медаль, то онъ, конечно, сръзался бы отличнѣйшимъ манеромъ, т. е. медали бы не получилъ, а получилъ бы ее какой нибудь Егоровъ или Пахомовъ. По указкѣ работаетъ и получаетъ премію только одна посредственность: ибо только жалкая посредственность можетъ слѣпо удовлетворять художественной рутинѣ и олимпійскому тупоумію. О „Разрушеніи Содома“ г. Семирадскаго, какъ объ ученическомъ опытѣ, не стоило бы и заниматься, если бы творецъ этого разрушенія не былъ „удостоенъ“ за дѣло рукъ своихъ „первою преміей на третнихъ экзаменахъ“. Очевидно, академическіе олимпійцы поощряютъ г. Семирадскаго идти по пути содомныхъ грѣховъ, но г. Семирадскій еще можетъ спастись: лучше поздно, чѣмъ никогда... Разрушенія Содома на картинѣ разсмотрѣть никто не могъ: видѣли раздавленные и придавленные человѣческія тѣла, видѣли громаду разваливающихся кирпичей—и только. Сюжетъ, повидимому, страшный, трагическій, а вы готовы передъ картиной смѣяться... Если бы художникъ, не гоняясь за ветхозавѣтными преданіями, вмѣсто разрушенія Содома изобразилъ разрушеніе Колтовской церкви въ 1864 году—то его картина имѣла бы смыслъ вообще, а для ученыхъ архитекторовъ въ особенности. Картина бы вышла понятнѣе, естественнѣе, ближе къ правдѣ, а слѣдовательно и интереснѣе.

Изъ картинъ, смастеренныхъ съ эффектомъ, съ шикомъ, такъ сказать, бросаются въ глаза двѣ: „Амазонка“ и „Франческа ди Римини и Паоло ди Паоленто“. Костюмы—великолѣпны, позы—изящны до отвращенія, тѣни брошены удачно, обстановка вообще и въ деталяхъ—превосходна, словомъ техническая часть, форма—блестательна... Но содержаніе, мысль... Не ищите здѣсь мысли... «Lasciate ogni speranza voi ch'entrate!..» Положеніе Паоло Малатести еще выражаетъ кое-какую страсть, но Франческа болѣе подходит на тѣнь, явившуюся изъ могилы, чѣмъ на живую дѣву, съ трепетомъ поддающуюся страстному обаянію первой любви... Такимъ образомъ, мысль Данте выразилась весьма неудачно. И зачѣмъ братья не за свое дѣло... Господа художники! Вы Гоголя и Пушкина до сихъ поръ иллюстрировать не умѣете, а за Данте беретесь!.. Г. Мясоѣдовъ, посягающій на сюжеты изъ „Божественной Комедіи“, гораздо бы лучше сдѣлалъ, еслибъ послѣдовалъ

примѣру двухъ скромныхъ своихъ собратьевъ по искусству—А. Боброва и Еф. Иванова. Такъ первый изъ нихъ изобразилъ „Внутренность комнаты“, а второй „Огородныя овощи“. Не затѣйливо, но за то скромно! Такъ и г. Мясоѣдовъ гораздо бы болѣе выигралъ въ общемъ мѣрѣ, если бы вмѣсто Франчески нарисовалъ „вилокъ капусты“ или „внутренность шкапа“, принадлежащаго Андрею Краевскому.

Странный фактъ подмѣтилъ зритель: мертвые на картинахъ нашихъ художниковъ выходятъ несравненно лучше живыхъ и приходится сказать, что мертвые живѣе живыхъ. Въ произведеніи, на примѣръ, г. Плѣшанова, убиеннаго царевича за трупъ принять можно, но живыхъ людей, группирующихся вокругъ него, можно принять за костюмированные манкены, за куклы, за автоматовъ—за что хотите, только ужь никакъ не за живыхъ людей. Лицо погребяемаго монаха, на картинѣ г. Верещагина, выразительнѣе лицъ живой братіи, толпящейся кругомъ могилы; лицо мертвеца производитъ впечатлѣніе сильнѣе, нежели всѣ живыя лица, вмѣстѣ взятыя; поза мертвеца естественнѣе положеній тѣлъ живыхъ... Почему? Почему мертвое художникамъ удается? Не потому ли, можетъ быть, что они съ мертвыхъ всѣ свои картины пишутъ, всѣ помыслы свои устремляютъ въ мертвый міръ древности? Не отъ того ли, что они отрываются отъ всего живого и всецѣло отдаются мертвечинѣ?

Почему также подъ одной изъ головокъ подписано: „Головка помпеянки“? Почему же именно помпеянки? Почему не еврейки? Равно безобидно можно бы было подписать: головка Саши, Кати или Даши, m-elle N. N. или m-elle M. M... Почему двѣ дѣвочки названы „римскими дѣвочками“? Почему одинъ изъ ландшафтовъ названъ „полднемъ“, когда его столько же можно было назвать „утромъ“, „вечеромъ“ или „сумерками“? Мы посовѣтовали бы художникамъ не подписывать своихъ картинъ. Подписи—неистощимый источникъ остроумныхъ шутокъ, доходящихъ часто до высокого юмора—шутокъ на ихъ же счетъ. Хорошая картина понятна и безъ подписи, а плохую, бессмысленную не объяснить и самый длинный текстъ. Когда, наконецъ, художники наши перестанутъ мечтать о „потопѣ“ и о тому подобныхъ грандіозныхъ

сюжетахъ, когда они перестануть растрчивать свои силы втунъ? Но если бы мы стали спрашивать у художниковъ подробнаго отвѣта на интересующіе насъ въ настоящее время вопросы, то намъ пришлось бы исписать цѣлую книгу словомъ „почему“, а отвѣтъ отъ безотвѣтнаго мы все-таки не получили бы.

Напрасно нашъ художественный геній хочетъ скрыть убогость своихъ скудныхъ средствъ подъ яркостью и блескомъ красокъ. Напрасно!.. Чудовищное тупоуміе ключомъ бьетъ—брызжетъ изъ ого произведеній. Выставка нынѣшняго года еще разъ ясно показала, до чего артистическій аскетизмъ, удаленіе отъ міра живыхъ можетъ довести существа, созданныя по образу и подобию Божію. Рутинный догматъ псевдоклассицизма губить все, къ чему ни прикасается... Эти жалкіе Ювы, напрімѣръ! Не пародія ли, не насмѣшка ли она надъ искусствомъ, надъ здравымъ смысломъ, надъ современными требованіями? Неужели, художникъ, до твоей мастерской не долетаетъ жизни шумъ? Не погребай же себя заживо! Посмотри, какимъ бурнымъ, кипучимъ потокомъ несется мимо тебя жизнь! Окунись же въ этотъ шумный, пестрый водоворотъ! Прислушайся, весела ли и дѣйствительно ли беззаботна та веселая, свѣтлая пѣсня, которая носится надъ міромъ, силясь заглушить вопли и стоны, рвущіеся безобразнымъ, надрывающимъ душу аккордомъ изъ этой темной юдоли плача и скорбей? Не бѣги же, художникъ, въ „широкошумныя дубровы“, а заставь служить свое искусство тому же, чему нынѣ служатъ всѣ лучшія силы ума человѣческаго, т. е. на благо братьевъ-людей! Не уподобляй искусство тѣмъ погрешкамъ, что бренчатъ на шапкѣ арлекина! Не пойте намъ „о блаженствѣ безгрѣшныхъ духовъ, подъ кущами райскихъ садовъ!..“ Довольно! Пойте намъ о человѣкѣ—и только о человѣкѣ, о его грѣхахъ, о его блаженствахъ и печаляхъ, ибо только его радости, его горѣ, его стремленія понятны намъ!

Впрочемъ, въ темномъ царствѣ нашей отечественной живописи сквозить блѣдноватый, передразсвѣтный лучъ. Этимъ лучомъ является на этотъ разъ недурная по замыслу картина г. Бранскаго „Тяжелая минута“. Тяжелою минутой художникъ назвалъ минуту отправления матерью ребенка въ Воспитательный домъ. Минута, дѣйствительно, тяжелая...

Передъ вами стоитъ блѣдная, худенькая дѣвочка съ распущенными волосами. Очевидно, она только-что встала съ постели послѣ тяжкой болѣзни. На ней ночная кофта. Ея тонкія, еще почти дѣтскія руки, ея несложившіяся бюстъ, самое выраженіе утомленнаго лица показываетъ, что эта дѣвочка еще ребенокъ. Но она много жила. Она — мать. Грустенъ ея прощальный взглядъ, послѣдній взглядъ, которымъ она благословляетъ своего первенца. Онъ будетъ для нея чужой. Она не узнаетъ радостей материнства, не дождется отъ своего дитяти слова „мама“ — перваго слова, этой музыки, которая звучитъ для слуха матери слаще всякой мелодіи... Волчица кормитъ своихъ волчатъ, ласкаетъ ихъ. Собака играетъ съ своими малыми щенятами... Человѣкъ не имѣетъ мѣста при матери. Человѣкъ лишается нѣжныхъ ласкъ матери, самыхъ, быть можетъ, безкорыстныхъ, святыхъ ласкъ, лишается той заботливости, которая не измѣнитъ, не выдастъ, не продастъ... И что ожидаетъ этого будущаго человѣка? На первыхъ порахъ Воспитательный домъ, и затѣмъ горькая жизнь въ какой нибудь деревушкѣ. Природа создала нѣ немъ — въ зародышѣ — умное, доброе, быть можетъ, даже гениальное существо, полезнаго члена человѣческой семьи, а изъ грязныхъ рукъ чухонки онъ выйдетъ или ворожь-грабителемъ, уйдетъ въ Сибирь, или же сдѣлается полуидіотомъ, полувѣрнемъ. При взглядѣ на изнуренное, грустное личико дѣвушки, думается, спрашивается: кто же отецъ этого будущаго человѣка? Фатъ ли бездушный или какой нибудь бѣднякъ, неслушавшій Мальтуса, бѣднякъ страстно любящій и въ любви находящій свѣтъ своей труженнической жизни, дѣлящій съ милой и любовное ложе, и кусокъ черстваго хлѣба?..

Другую картину, нелишенную человѣческаго смысла, далъ г. Маковский, подъ рубрикой: „Наставленіе матери“.

Зритель видитъ передъ собой мать и дочь — поучающую старость и шаловливое, живое дѣтство. Мать — толстая баба съ брызгливымъ, оплывшимъ лицомъ — преподаетъ своему дѣтищу старческую мораль. Дѣвочкѣ скучно слушать все однѣ и тѣ же пѣсни старой птицы; дѣвочка надула губы, съ недовольной миной, нехотя покоряется необходимости. По ея глазкамъ, по ея позѣ уже можно видѣть, что она не очень внимательно прислушивается къ словамъ дешевой

мудрости. Если картина г. Маковского не будитъ въ зрителѣ столько мыслей и чувствъ, какъ картина г. Брянскаго, то и въ ней все-таки есть великое достоинство. Это достоинство—правда. Еще должно замѣтить, что отдѣлка картины г. Брянскаго мѣстами слаба, но тѣмъ не менѣе картина показываетъ въ художникѣ присутствіе нѣкотораго человѣческаго смысла, чего объ остальномъ сомнѣ нашихъ художниковъ сказать, къ сожалѣнію, нельзя. Но научиться управляться съ красками и кистью легче, чѣмъ передѣлать свою голову...

Удивительное однако дѣло. Эта картина г. Маковского, недурно задуманная и исполненная, осталась почти совершенно незамѣченной на выставкѣ, между тѣмъ, какъ передъ другой большой его картиной „Народное гулянье во время масляницы на Адмиралтейской площади“ снова постоянно большая толпа. „Народное гулянье“ далеко не художественное произведеніе, а скорѣе большой раскрашенный фотографическій снимокъ, картина, словно написанная на заказъ какому нибудь купеческому сынку. Произведеніе это напоминаетъ картинки стереоскоповъ, картинки съ группами людей, которые приняты ту или другую позу, то или другое положеніе. Г. Маковский не сумѣлъ уловить, какъ веселится черный народъ на такъ называемыхъ „народныхъ гуляньяхъ.“

Мы не намѣревались дѣлать подробный обзоръ художественной выставки. Въ чему? Объ ней столько уже философскихъ трактатовъ написали умные люди! Достаточно. Конечно, желательно было бы, чтобъ искусство перешло изъ лагеря схоластики на почву реализма—желательно было бы ради его самого. Но мы не льстимъ себя надеждою на мгновенное превращеніе въ золото всего того, что блеститъ. Что мы не обольщаемся таковой сумасбродной надеждою, тому доказательствомъ послужитъ то, что мы предскажемъ о составѣ будущей художественной выставки.

Г. Верещагинъ напишетъ „Головку сиракузянки“, г. Юрасовъ—пейзажъ на тѣму стиха г. Полонскаго: „Что думаютъ сосны, когда они спятъ“; портретъ Д. С. С. и кавалера многихъ орденовъ NN; г. Розановъ представитъ портретъ троюроднаго дяди художника съ материнской стороны; г. Швайкевичъ—портретъ своей двоюродной тетки, а г. Перовъ—портретъ г. Писемскаго, выходящаго

изъ ваяны. Г. Бронниковъ на утѣшеніе публики приготовитъ картинку съ голыми тѣлами — на мотивъ извѣстной пѣсенки: „Лишь только занялась заря...“ „Атака при Черной рѣчкѣ“ г. Вилевальде будетъ изображать баталію, т. е. лошадиныя морды и блестящія каски, безпорядочно сваленныя въ кучу и къ довершенію эффекта подернутыя тамъ и сямъ струйками синеватаго дыма. Достоинство сей картины заключаться будетъ въ томъ, что на нее всѣ будутъ смотрѣть и никто ничего не пойметъ. На картинѣ г. Брокнера подъ рубрикой: „Часовня Иверской Божіей Матери“ будутъ собственно представлены двѣ торговки съ калачами, а на заднемъ планѣ толстый купецъ, правой рукой творящій крестное знаменіе, а лѣвою сжимающій тугонабитую мошну. Это будетъ картина изъ лучшихъ. Картина того же художника: „Одна изъ колоннъ Казанскаго собора“, будетъ проникнута особеннымъ смысломъ, который, впрочемъ, для непосвященнаго большинства останется непроницаемъ.

Затѣмъ мы увидимъ на выставкѣ слѣдующія произведенія:

„Майскій парадъ“, восьмисаженная картина, нарисованная одною лиловою краскою—Б. Маковского.

„Переходъ Суворова... изъ вонаты въ комнату“, картина г. Плѣшанова, составленная по новѣйшимъ историческимъ изслѣдованіямъ гг. Щебальскаго, М. Погодина и Шедо-Ферротти.

Портретъ собачки княгини С — кой — представитъ художникъ Литовченко.

Г. Мясоѣдовъ опять возьмется за Данте и выставитъ этюдъ на тему дантовскаго стиха: „Jo fei giubetto a me delle mie case“ (я повѣсилъ въ собственномъ домѣ). Повѣшеннаго будетъ изображать русскій художникъ, умирающій отъ бѣдности... фантазія для сюжетовъ.

„Видъ дерева, растущаго въ Лѣтнемъ саду“ — г. Жижиленко.

Затѣмъ нѣсколько бюстовъ г. Опекушина: 1) Художникъ М. Микѣшинъ смѣющійся, 2) М. Микѣшинъ завывающійся, 3) М. Микѣшинъ—съ зубочисткой, 4) М. Микѣшинъ—чихающій, 5) М. Микѣшинъ передъ умывальникомъ и пр. и пр. Всѣ эти бюсты займутъ особую залу, которая по каталогу будетъ называться „Микѣшинскою залою...“

„Но умолкни мой стихъ...“ До слѣдующей годицной выставки,
мы прощаемся съ нашими художниками.

Вологжанинъ.

III.

ИНТИМНАЯ БЕСѢДА.

— «Вашъ начальникъ права, говорить, крутого?»

— «Тише, тише, тише! Что вы!.. Что за слухи!...

Въ мірѣ человѣка не найти такого:

Добръ и справедливъ онъ, честное вамъ слово,

Онъ не только ближнихъ, не обидитъ мухи.»

— «Онъ въ отставку подалъ...»

— «Да? Что жъ вы молчите!

Лучше всѣхъ подарковъ вѣсть такого сорта...»

Коли правду точно вы узнать хотите —

Это человѣкъ былъ даже хуже чорта,

И въ его прошедшемъ есть такія пятна.....»

— «Онъ свою отставку взялъ на дняхъ обратно...»

— «Взялъ назадъ?.. А я-то... Впрочемъ, чтожъ такое:

Только ради шутки нѣсколько легко я

Говорилъ о графѣ.... Вотъ вамъ Богъ свидѣтель:

Нашъ начальникъ—общій другъ и благодѣтель;

Мы души не чаемъ въ нашемъ генералѣ!..»

— «Да вчера онъ умеръ. Развѣ вы не знали?»

— «Умеръ. Полно, такъ-ли?... Вы не лжете если,

Я готовъ издохнуть, сидя здѣсь на креслѣ,

Коль совру предъ вами, да и вратъ къ чему же?—

Въ мірѣ человѣка не бывало хуже:

Золь, сварливъ, развратенъ и,—того не скрою,—

Жилъ онъ передъ смертью съ собственной сестрою,—

Но должна казаться для судебной власти

Смерть его, однако, истинной потерей:

Мнѣ сказалъ недавно приставъ нашей части,
 Что замѣшанъ даже онъ въ поддѣлкѣ серій.

Анонимъ.

IV.

ШАГЪ ВПЕРЕДЪ И ДВА НАЗАДЪ.

(Изъ памятной книжки.)

Извините, читатель, если мы начнемъ съ исторіи. Поэтъ Дмитріевъ, рассказывая о добромъ старомъ времени и о безграмотности нашего столбового дворянства, передаетъ намъ въ своихъ воспоминаніяхъ слѣдующій фактъ: „Барыни и дѣвицы были почти все безграмотныя. Мать первой супруги нашего поэта Ив. Мих. Долгорукаго (онъ самъ говоритъ это въ своихъ запискахъ) не умѣла ни читать, ни писать. Въ двѣнадцати верстахъ отъ насъ въ деревнѣ Ивапеккѣ было много дворянъ и дворянокъ, и во всей деревнѣ былъ только одинъ грамотникъ, дворовый человѣкъ одной изъ барынь, *Фадька*, который писалъ за всѣхъ письма къ мужьямъ и родственникамъ, когда они были въ отлучкѣ! Собственно о воспитаніи едва ли было какое понятіе, потому что и слово это принимали въ другомъ смыслѣ. Одна изъ этихъ барынь говаривала: *могу сказать, что мы у нашего батюшки хорошио были воспитаны: одного меду не впропдѣ было.*“ (Мелочи изъ запаса моей памяти. 1869 г. Стр. 17). Читатель, вѣроятно, подумаетъ, что Дмитріевъ повѣствуетъ о временахъ Владиміра Мономаха или, по крайней мѣрѣ, Дмитрія Донского. Нѣтъ, это было очень недавно, лѣтъ за сорокъ до рожденія г. Скарятина, и намъ остается только пожалѣть о томъ, что редакторъ „Вѣсти“ родился нѣсколько позже своихъ настоящихъ подписчиковъ и почитателей. Если одинъ дворовый человѣкъ, Фадька, могъ писать письма для цѣлаго стада барынь, то почему бы тому же самому Фадькѣ не усладить своихъ господъ чтеніемъ такихъ органовъ, какъ „Вѣсть“.

Впрочемъ, судя по отчетамъ нашего земства, мы можемъ надѣяться, что лѣтъ черезъ сорокъ опять поровняемся съ нашими

благородными предками въ умственномъ прогрессѣ и медь будемъ считать главнымъ элементомъ нашего воспитанія. Мнѣніе наше опирается на такія точныя статистическія данныя, противъ которыхъ едва ли кто рѣшится возражать. Такъ полтавское земство объявило, что при переходѣ народныхъ училищъ отъ Мин. Гос. Имуществъ подѣ вѣденіе училищныхъ совѣтовъ было 89 сельскихъ школъ; теперь ихъ осталось только 81; учащихся, разумѣется, на бумагѣ, было 5,187, теперь, на той же бумагѣ, осталось только 4,616. Если черезъ каждые три года чисто учениковъ и слѣдовательно людей грамотныхъ будетъ убывать на 571, то черезъ двадцать лѣтъ, на основаніи математической вѣроятности, не останется ни одного Оадьяи на всю полтавскую губернію.

Желая, вѣроятно, какъ можно скорѣе приблизить насъ къ этой вождѣленной эпохѣ, когда некому будетъ читать ни „Вѣсти“, ни „Голоса“ (г. Краевскому впрочемъ до потомства нѣтъ никакого дѣла; вѣдь потомство не будетъ платить денегъ), московское земство рѣшилось собранный имъ капиталъ на устройство приходскихъ училищъ положить въ московскій банкъ для *приращенія процентовъ*, вмѣсто того, чтобы употребить его на распространеніе школъ. Это гораздо логичнѣе и дальновиднѣе полтавскаго земства. Тамъ полнаго помраченія можно ожидать только черезъ двадцать лѣтъ, а въ великой московской землѣ оно должно наступить лѣтъ черезъ десять. А для кого же тогда, спросять насъ, будетъ сочинять М. Н. Катковъ свои громоносныя передовыя статьи о бунтахъ и пожарахъ? Для кого будетъ нужна его „чернилица разума?“ Соображайте сами, проникательный патріотъ, а мы констатируемъ вамъ только факты и неизбѣжныя ихъ послѣдствія. Полагаемъ впрочемъ, что если достаточно меду или патоки для нашего воспитанія, то, съ этой стороны, наша умственная сокровищница еще долго не оскудѣетъ.

N. N.

V.

ПЕТЕРБУРГСКІЕ ПРОЗАИКИ И МОСКОВСКІЕ СТИХОТВОРЦЫ.

(Поучительная параллель.)

Есть извѣстный сортъ людей, имѣющихъ претензію на званіе литературныхъ дѣятелей, которые находятъ для себя выгоднымъ устно и печатно увѣрять общество въ томъ, что наша журналистика занимается только одними личными перебранками и, какъ выражаются они, „бросаетъ грязью въ честныя литературныя имена“.

Разнымъ газетнымъ выскочкамъ и номадамъ тѣмъ болѣе удобно распускать такіе слухи, что поле русской журналистики дѣйствительно представляетъ изъ себя очень часто печальную картину безобразныхъ выходокъ, сплетенъ и рукопашныхъ побойщъ. Все это такъ, но общество не должно забывать, что въ большинствѣ случаевъ главными героями скандальныхъ литературныхъ явленій являются именно эти самые номады и непризнанные самозванцы, литературные „Иваны, непомнящіе родства“. Общество не должно забывать, что собственно литература состоитъ, во-первыхъ, изъ писателей, а, во-вторыхъ, изъ людей къ литературѣ прикосновенныхъ. Отъ набѣга послѣднихъ журналистикѣ трудно отдѣлаться, несмотря на все ихъ тормозящее значеніе. Литературу нельзя сравнивать съ какою нибудь строго очерченною ученою корпораціею, въ которую доступъ обуславливается извѣстными знаньями, талантомъ и учеными степенями. Входъ въ прессу доступенъ каждому грамотному и даже безграмотному проходимцу. Наша пресса еще доступна, если мы вспомнимъ о томъ, въ рукахъ какихъ антрепренеровъ и лавочниковъ находятся многіе органы русской печати. Иному на роду написано быть сидѣльцемъ, ростовщикомъ, или, по крайней мѣрѣ, ветеринаромъ, а онъ, смотришь, издаетъ учено-литературное „Revue“. Такимъ образомъ, если во главѣ журнала становится беззаастѣнчивый и невѣжественный спекуляторъ, смотрящій на журнальное дѣло съ цинической точки торгаша, то понятно, чего онъ ищетъ; онъ ищетъ барышей и сотрудниковъ—

Числомъ поболѣе, цѣною подешевле,

и вотъ со всѣхъ сторонъ являются къ нему обязательные „Иваны, непомнящіе родства“, готовые строчить все, что угодно, по заказу, и затѣмъ литературное бродяжничество является во всемъ своемъ блескѣ, или вѣрнѣе—во всей своей мрачности. Всѣ эти маленькія шавки при всемъ своемъ ничтожествѣ и безсиліи, очень злы и обидчивы. Когда такой шавкѣ, которая постоянно вертится у васъ подъ ногами, вы дадите пинка, она этого не проститъ вамъ: она всю жизнь свою готова визжать около вашего кабинета или даже около кухни, чтобъ досадить вамъ своимъ визгомъ. Вы мимоходомъ назовете самозванца его собственнымъ именемъ, и Иванъ, непомнящій родства, начнетъ шипѣть изъ своей чернилицы: „Смотрите, добрые люди, онъ бросаетъ грязью въ честныя имена своихъ собратьевъ“, и найдутся добрые люди, которые повѣрятъ безпаспортному Ивану, только насильственно прикосновенному къ литературѣ. Самъ же Иванъ никогда, какъ всѣ ничтожности, не позабудетъ вашего случайно-брошеннаго слова или мѣткаго замѣчанія. Онъ начнетъ копаться не только въ вашихъ произведеніяхъ, не только въ вашей совѣсти, но даже въ вашихъ домашнихъ дѣлахъ и наклонностяхъ; въ вашемъ кошелькѣ начнетъ пересчитывать деньги, и съ такимъ усердіемъ, что невольно хочется изъ жалости предложить ему на чай свертокъ мѣдной монеты.

И такіе господа осмѣливаются называть себя литературными дѣятелями!.. Пусть же знаютъ многіе довѣрчивые, добрые люди, что литература не всегда только служить однимъ своимъ личнымъ цѣлямъ, что журналисты очень часто размашировываютъ передъ обществомъ не своихъ „братьевъ-писателей“, а выскочекъ и журнальных Отрепьевыхъ, которые только пачкаютъ и бумагу, и литературу. Пусть знаютъ добрые люди, что литература сама должна охранять себя отъ нашествія продажныхъ ремесленниковъ печатнаго слова и праздношатающихся...

Разъ повсегда мы считали нужнымъ оговориться по этому поводу, дабы читатели видѣли, что мы проводимъ рѣзкую границу между „писателями“ въ строгомъ значеніи этого слова, и между людьми, только случайно прикосновенными къ литературѣ. Съ первыми мы можемъ не соглашаться, нападать на ихъ мнѣнія, спо-

рить съ ними, но никогда не станемъ смѣшивать ихъ съ разными авантюристами печати, которымъ даютъ пріютъ разные патологическіе органы въ родѣ „Всемирнаго труда“ и „Зари“.

Серія *) „пребывающихъ въ неизвѣстности“ авантюристовъ, которые въ тоже самое время, какъ говоритъ Фамусовъ, „людишки—пишущій народъ“,—очень многочисленна и притомъ разнохарактерна. Въ Петербургѣ и въ Москвѣ есть прелюбопытные типы, посящіе на себѣ свой особый, мѣстный отпечатокъ. Чтобъ ознакомиться съ этими типами, мы бы напрасно стали искать ихъ въ самой литературѣ. Нѣтъ, какъ ни странно это, но съ такими темными дѣятелями публика знакомится не на ихъ литературныхъ произведеніяхъ (увы! ихъ никто не знаетъ), а по ихъ судебнымъ процессамъ, въ которыхъ они любятъ дебютировать, вѣроятно въ видахъ своей популярности. Эти крошечные Геростраты совершенно вправѣ пародировать слова Юлія Цезаря, сказавши: „лучше громко прославиться по суду, чѣмъ остаться незамѣченнымъ въ литературѣ“.

На этотъ разъ мы остановимся на двухъ типахъ рыцарей тьмы, изъ которыхъ одинъ принадлежитъ Петербургу, другой возродился въ бѣлокаменной старушкѣ Москвѣ. Который изъ нихъ привлекательнѣе—рѣшите сами. Дѣла обоихъ разбирались сперва у мировыхъ судей, а потомъ и въ мировомъ съѣздѣ и въ окружномъ судѣ. (См. „С.-Пет., Вѣд.“ № 259 и „Судебный Вѣст.“ № 237). Сказаніе, какъ увидите, не вымышленное, а взятое цѣликомъ изъ судебныхъ хроникъ.

Начнемъ съ Петербурга, а потомъ, не дожидаясь поправки моста черезъ Мсту, и въ Москвѣ побываемъ..

Жили да были два друга—гг. Щегловъ и Заринъ... Но, можетъ быть, читатели не знаютъ, кто такіе гг. Заринъ и Щегловъ? Не знаете, я въ этомъ увѣренъ. Они прославились только своей ссорой и дѣломъ въ камерѣ мирового судьи, хотя и состоятъ въ то же время въ качествѣ почти неизвѣстныхъ дѣятелей, прикосновенныхъ къ литературѣ. Кромѣ того, какъ оказалось на судѣ, одинъ изъ нихъ адвокатъ, а другой—педагогъ... Люди, какъ ви-

*) Если ужъ серія—то изъ числа фальшивыхъ серій.

дите, изъ ряду вонъ... И такъ г. Щегловъ былъ другомъ г. Зарина, а г. Заринъ былъ другомъ г. Щеглова. Солидарность свою они доказали печатно, участвуя вмѣстѣ когда-то въ погибшей по худосочию „Библиотекѣ для чтенія“, въ томъ же журналѣ, гдѣ ратовалъ съ ними за одно тотъ ужасный Охочекомонный, приводившій дѣкогда въ содроганіе самыхъ умѣренныхъ и снисходительныхъ читателей...

Десять лѣтъ продолжалась дружба новѣйшихъ Ивана Ивановича съ Иваномъ Никифоровичемъ, но, *helas!* ничто не прочно подъ луною, — и дружба ихъ окончилась гораздо скандальнѣе дружбы гоголевскихъ героевъ.

Вотъ что узнаемъ мы изъ доклада мировому съѣзду.

Десятилѣтній другъ г. Зарина, г. Щегловъ былъ однажды у перваго въ гостяхъ. Напившись чаю вмѣстѣ, г. Заринъ куда-то отлучился, а десятилѣтній другъ остался бесѣдовать съ женою г. Зарина и съ ихъ общею знакомою г-жею В. Бесѣда была скоро смущена, ибо г. Щегловъ (публицистъ и педагогъ) *„постепенно впалъ въ азартъ и обозвалъ гостью Зариныхъ браннымъ словомъ“*. Обиженная хозяйка просила домашняго друга удалиться и навсегда оставить ихъ домъ, но другъ ушелъ только тогда, когда наговорилъ дерзостей и хозяйкѣ, и своимъ крикомъ разбудилъ маленькаго хозяйскаго сына.

Вы не вѣрите читатель? Такъ загляните въ № 259 „С.-Петербургскихъ Вѣдомостей“.

Мужъ оскорбленной жены, узнавъ отъ нея всю исторію, написалъ на другой день къ другу, „впадающему въ азартъ“, письмо, заявляя ему, что онъ прерываетъ съ нимъ всѣ сношенія и просить его не ходить, не писать къ нему. Но г. Щегловъ не унялся и написалъ отвѣтъ, прося письменно или лично объясниться съ г. Заринимъ о причинѣ отказа отъ дому, *„что онъ не заслуживаетъ, потому что не считаетъ себя виноватымъ“*.

О, г. Щегловъ! Духъ Охочекомоннаго витаетъ надъ вами!.. Можно-ли васъ обвинять за то, что вы впали въ азартъ, наговорили дерзостей двумъ дамамъ и своимъ галантерейнымъ обращеніемъ разбудили спящаго ребенка въ квартирѣ вашего пріятеля!.. Почему же вамъ считать себя виноватымъ?

Письмо г. Щеглова было ему возвращено назад нераспечатаннымъ, съ припиской о томъ, что его писемъ читать не желаютъ и что примиреніе невозможно.

Г. Щегловъ опять-таки не унялся, шлетъ другое письмо, опять возвращенное ему назадъ нераспечатаннымъ при запискѣ г-жи Зариной, которая въ справедливомъ негодованіи писала ему, что его поступокъ такъ возмутилъ ея мужа, и въ особенности ее, что они стыдятся даже за прежнее съ нимъ знакомство, что только „тупость чувства и крайняя безсовѣстность“ могутъ побуждать его добиваться напрасныхъ объясненій.

Замѣтите, что г. Щегловъ, оскорбивъ двухъ женщинъ, просить объясненій, а не извиненія за свою рыцарскую выходку. Мало того, на записку г-жи Зариной онъ снова пишетъ отвѣтъ и оправдывается — чѣмъ бы вы думали? тѣмъ, что *считаетъ ее не за жену Е. Зарина, а за его двоюродную сестру.*

Вы не вѣрите, читатель! Прочтите указанный номеръ газеты...

Передъ нами ех-писатель и педагогъ, оправдывающій себя тѣмъ, что онъ оскорбилъ „незаконную жену“ своего пріятеля!! Но и этимъ онъ не ограничился и видя, что и дальнѣйшія его письма возвращаются назадъ, посылалъ по почтѣ два письма на имя дачнаго домовладѣльца г. Зарина, съ передачею послѣднему и на наружной сторонѣ конвертовъ (это уже просто озорничество!) дѣлалъ свои замѣтки о томъ, что Заринъ живетъ гражданскимъ бракомъ, и что его жена ему не жена, а двоюродная сестра... Тоже самое утверждалъ „прогрессивный другъ“ и мировому судѣ, несмотря на то, что обвинитель и въ этомъ обличилъ его метрическою записью о своей свадьбѣ, сказавъ съ свойственною г. Зарину силою, что г-жа Зарина ему „предъ лицомъ неба и земли дѣйствительно законная жена“.

Пожалѣйте, господа, о дѣтяхъ, воспитаніе которыхъ поручалось такому дикому педагогу, который смѣло оскорбляетъ женщину, на основаніяхъ указанныхъ выше. Недовольный справедливымъ приговоромъ мирового судьи, приговорившаго его къ 3-хъ мѣсячному тюремному заключенію, г. Щегловъ апеллировалъ въ сѣздъ, гдѣ опять принялся доказывать „незаконную связь“ двухъ супруговъ, съ явнымъ желаніемъ оскандализировать ихъ. Но весь скандалъ

паль на голову одного г. Щеглова, который, по его заявленію, справки о законномъ сожительствѣ Зариныхъ наводилъ въ полицію и даже входилъ по этому случаю въ объясненія съ дворниками (!!!?).

Дѣло говорить само за себя и его объяснять нечего, и только нужно сожалѣть, что съѣздъ на этотъ разъ былъ странно снисходителенъ къ обвиняемому и рѣшеніе мирового судьи отжѣвилъ.

Судъ общественнаго мнѣнія будетъ, вѣроятно, строже... По крайней мѣрѣ, дамы навѣрно будутъ бояться бесѣдовать за чашкой чая съ г. Щегловымъ...

Родители, бѣдныя дѣти которыхъ должны были учиться у такого педагога, должны, однако, утѣшиться: благоразумное начальство заставило выйти въ отставку такого свирѣпаго, съ готтентоскими взглядами наставника. За дѣтей мы искренно радуемся.

Типъ заштатнаго петербургскаго публициста и педагога настолько мраченъ и антипаченъ, что мы съ большей охотой перейдемъ теперь къ другому типу, уже московскаго происхожденія, а именно къ г. Бѣшенцеву и къ его процессу съ г. Миллеромъ (редакторомъ одной московской газеты) и съ г. Постниковымъ.

Не забудьте, что это процессъ — „по дѣламъ печати“, и повидимому долженъ представлять нѣчто серьезное.

Г. Бѣшенцевъ — стихотворецъ. Вы его не знаете, я его не знаю, и, вѣроятно, въ Петербургѣ и въ провинціи никто не читалъ г. Бѣшенцева. Объ этомъ, впрочемъ, нужно сожалѣть, потому что — судя по отзывамъ о немъ г. Постникова — это долженъ быть прелюбопытнѣйшій экземпляръ московскаго виршеплета, до изступленія влюбленнаго въ собственную музу, что не мѣшаетъ, повидимому, послѣдней часто подсмѣиваться надъ своимъ поэтомъ. Это мы сейчасъ увидимъ. Дѣло, разбивавшееся въ окружномъ московскомъ судѣ, вышло вотъ изъ-за чего.

Г. Бѣшенцевъ, — такъ начинается свое патріархальное повѣствованіе г. Постниковъ, — не разъ въ разговорѣ со мною спрашивалъ моего мнѣнія о своихъ стихотвореніяхъ. На это Постниковъ высказалъ ему свой взглядъ и при этомъ для примѣра прочелъ одно изъ его стихотвореній сперва обыкновеннымъ способомъ, а потомъ снизу вверхъ и доказалъ, что смыслъ стихотворенія отъ этого насколько не пострадалъ.

Какъ видите, поэтъ — обоюдоострый!

Читать его могли бы вы
И вкривь, и вкось, и поперегъ:
Хорошъ отъ ногъ до головы,
И милъ отъ головы до ногъ ..

Но стихотворецъ осерчалъ за такое объясненіе, и когда г. Постниковъ напечаталъ въ газетѣ критическую замѣтку о чтеніи стихотворца въ одномъ изъ клубовъ, тогда г. Бѣшенцевъ пожелалъ отомстить автору замѣтки во 1-хъ тѣмъ, что показывалъ ему въ танцахъ какія-то „неприличныя фигуры языкомъ“ (!?), а во 2-хъ, подалъ на него жалобу въ судъ...

Бѣшенцевъ жалуется на противника за то, что тотъ напечаталъ какой-то разговоръ его о дворянскомъ клубѣ, и этотъ разговоръ — говоритъ разгоряченный пиита — „будучи представленъ въ искаженномъ видѣ (ужасное преступленіе!) причиняетъ мнѣ болѣе нежели матеріальный ущербъ — вредъ нравственный (!), ставя меня въ антогонизмъ съ обществомъ, которое можетъ лишить меня своего добраго расположенія.

Въ самомъ дѣлѣ ужасно! При видѣ искаженныхъ словъ г. Бѣшенцева, что скажетъ о немъ общество, Москва, цѣлая Россія и наконецъ цѣлая Европа? Ну какъ тутъ съ досады не показать во время танцевъ языка человѣку, какъ оставить безъ жалобы такого оскорбленія! Г. Бѣшенцевъ, по его собственному выраженію, изливаетъ на дворянскій клубъ „*фіалъ своей любви*“, а тутъ въ газетѣ мнѣнія его о клубѣ пересказываются безъ стенографической точности.

„Вѣдь послѣ того разговаривать нигдѣ нельзя, восклицаетъ съ лирическимъ отчаяніемъ несчастный обладатель „*фіала любви*“ — „это поведетъ къ тому, что придется каждое слово обдумывать.“

Московскіе стихотворцы, какъ видно, не знаютъ, что всегда и вездѣ нужно обдумывать — какъ дѣлаютъ это всѣ умные люди — каждое свое слово.

Нѣтъ, за свою литературную славу г. Бѣшенцевъ готовъ на все, даже на дикій пасквиль, лишенный всякаго смысла. По словамъ защитника Постникова, г. Бѣшенцевъ, способный обижаться пустяками и беспокоить изъ-за мелкаго самолюбія судъ, въ тоже самое время самъ позволяетъ себѣ возмутительныя выходки. Такъ,

когда покойный Добролюбовъ въ своемъ отзывѣ посмѣялся надъ жалкими потугами музы московскаго поэта, тогда г. Бѣшенцевъ прислалъ въ редакцію „Современника“ стихотвореніе, въ которомъ говорить, что у Добролюбова „продажное перо“...

Кажется, московскій стихотворецъ передъ вами весь, на лицо. Теперь остается только дѣло за его стихами. Когданибудь я ихъ добуду и подѣлюсь своими впечатлѣніями съ читателями... Предвкусую впередъ всю ихъ прелесть...

Гг. москвичи! Нѣтъ-ли у васъ книжки стихотвореній Бѣшенцева? Пришлите. Въ книжныхъ лавкахъ такой рѣдкости не отыщешь, а самъ г. Бѣшенцевъ, повидимому, очень мало заботится о распространеніи своихъ произведеній. Пусть онъ хоть послѣдуетъ примѣру другого московскаго пѣвца Оглобина, который придумалъ оригинальный способъ знакомить публику съ своимъ талантомъ. Недавно въ Москвѣ во время представленія итальянской оперы въ Большомъ театрѣ остроумный поэтъ забрался на самый верхъ театра къ отверстию надъ газовой люстрой, и въ третьемъ дѣйствіи во время самой патетической сцены спустилъ на голову изумленныхъ зрителей цѣлый дождь печатныхъ листиковъ. Листики оказались стихотвореніемъ г. Оглобина. Публика волей-неволей должна была прочесть ихъ и узнать имя автора. „Насильно милъ не будешь,“ говоритъ пословица,—это такъ, но за то насильно можно заставить читать свои произведенія, что и доказалъ г. Оглобинъ.

Г. Бѣшенцевъ, что же вы не соблазнитесь его примѣромъ?

Анонимъ.

VI.

МИКРОСКОПЪ.

(Разныя замѣтки, мелочи, слухи.)

Было время, когда наши журналисты совѣстились признаваться въ томъ, что въ ихъ дѣятельности нѣтъ никакого направленія, что они чужды всякой тенденціи. Блаженной памяти „Свѣточъ“,

издававшийся, кажется, только для потѣхи своего редактора, — „Свѣточъ“, и тотъ, для благовидности, сочинилъ для себя мудреную зазачу — какое-то непонятное примиреніе востока съ западомъ. Прежде каждый органъ стыдился признаваться въ своей безцѣльности. Даже у „Ерунды“ Камбека трепалась какая-то тенденція. Въ самомъ дѣлѣ, какъ-то странно и неловко признаваться, какъ отдѣльному человѣку, такъ и цѣлому журналу, въ томъ, что я-молъ, господа, пишу самъ не зная о чемъ, никакихъ убѣжденій не имѣю, а пишу только то, что „на душѣ споется...“ Всякому тяжело давать респексу въ собственной тупости и безсодержательности.

Въ наши дни люди и журналы бросили такую щепетильность и стали гораздо безцеремоннѣе. Припомнимъ объявленіе „Вѣстника Европы“ о направленіи въ литературѣ, — „Вѣстника Европы“, который рядомъ съ похвальной монографіей Мадзини печаталъ потомъ художественно-ерническій романъ Гончарова. Припомнимъ... но и припоминать намъ нечего, когда у насъ теперь передъ глазами послѣдній самый яркій примѣръ литературной безцеремонности. Редакція будущей семейной газеты „Нива“ публично хвастается въ настоящее время своею безтенденціозностью и отсутствіемъ всякаго направленія, съ чѣмъ мы и поздравляемъ будущихъ читателей „Нивы“, которые съ января мѣсяца могутъ распѣвать пѣсенку на мотивъ стихотворенія А. Майкова:

По «Нивѣ» прохожу я узкою межой,
Гдѣ нѣтъ тенденціи и мысли никакой,
Гдѣ можно все и сверху внизъ читать,
И снизу вверхъ прочитывать опять;
А ерунда все будетъ ерундой
На «Нивѣ», гдѣ иду я узкою межой.

Какое раздолье представляетъ „Нива“ тѣмъ изъ нашихъ застывшихъ беллетристовъ и сладкогласныхъ лириковъ, для которыхъ тенденція страшнѣе всякаго тарантула, и которымъ предоставляется теперь полная свобода сочинять бессмысленныя повѣсти и распѣвать пѣсенки à la Фетъ въ родѣ слѣдующей:

Ты предо мною сидишь;
Весь я горю отъ любви;
Умъ я теряю всегда

Если сидимъ vis-à-vis.
 Сядь же напротивъ меня,
 Или къ себѣ подзови:
 Будемъ мы молча сидѣть
 Цѣлую ночь vis-à-vis.

Художники и эстетики „Нивы“ однако не прочь поспекулировать. Редакція „Нивы“ печатно объявляетъ о выдачѣ *преміи* въ 1000 р. тому, кто представитъ ей художественное произведеніе въ 8 печатныхъ листовъ. *Премія эта составитъ въ то же время и плату за статью.*

Шарлатанская публикація дѣлается очень ясной. „Нива“ обыкновенную плату за литературный трудъ называетъ громкимъ словомъ *премія*. Всѣмъ журналамъ случается платить за статьи даже болѣе 125 р. с. съ листа, какъ общаетъ „Нива“, но никому въ голову не приходило до сихъ поръ называть такой гонорарій—наградой, да еще объявлять объ этомъ въ красной строкѣ.

О, «Нива!» Съ видомъ очень смѣлымъ
 Дорогой трудной ты идешь:
 Какой-то вздоръ считаешь—дѣломъ,
 И плату—*преміей* зовешь.
 Ахъ, «Нива!» за свое явленье
 Ты стоишь *преміи* сама...
 Но погоди: придетъ зима
 И мы почтимъ твои творенья.

* * *

Шиллеръ и Гете охарактеризовали извѣстнаго Лафатера слѣдующими словами своего ксеніона: „Жаль, что природа создала изъ тебя *одного* человѣка, потому что матеріаль былъ и для достойнаго дѣятеля, и для жалкаго писателя“. Хотя Лафатеръ имѣетъ мало сходства съ г. Мордовцевымъ, но послѣднее опредѣленіе къ нему очень подходитъ. Онъ является для насъ, съ одной стороны, почтеннымъ изслѣдователемъ нѣкоторыхъ эпизодовъ русской исторіи, а съ другой стороны—самымъ убогимъ, пришибленнымъ беллетристомъ доктора Хана... „И какъ это васъ, Михаилъ Васильевичъ, на все хватаетъ“, говорилъ Бречинскому Расплюевъ... Г. Мордовцеву замѣтили въ „Дѣлѣ“, что его „Знаменія времени“, помѣ-
 «Дѣло» № 11.

ценныя въ „Всемирномъ Трудѣ“, отличаются замѣчательной юрдивостью и напоминаютъ горячечный бредъ больного человѣка, но г. Мордовцевъ такъ озлился на „Дѣло“, что не удержался его обругать даже въ беллетристическомъ произведеніи, вложивъ свою брань въ слова какого-то помѣшаннаго Мити... Впрочемъ, мы до нѣкоторой степени оправдываемъ двойственность дѣятельности г. Мордовцева. По нашему мнѣнію, свои историческіе этюды онъ пишетъ въ здоровомъ и нормальномъ состояніи; когда же на него находятъ припадокъ лунатизма, тогда онъ садится и творитъ для „Всемир. Труда“ какія-то литературныя галлюцинаціи. Чтожъ, у каждаго есть свои недуги и свои слабости. Микель-Анжело писалъ плохія вирши, но считалъ себя великимъ поэтомъ. Такъ и г. Мордовцевъ, кажется, сильно вѣруеть въ свое художественное дарованіе, которымъ его, однако, Богъ обидѣлъ.

* * *

Печальный слухъ передаетъ одна петербургская газета. Вотъ что говоритъ она: „Намъ сообщаютъ, что извѣстный Кельсіевъ лишился разсудка, и въ настоящее время находится въ домѣ умалишенныхъ.“ Сожалѣемъ г. Кельсіева, если это извѣстіе справедливо. Хотя къ литературной дѣятельности этого писателя мы никогда не относились симпатично, но „отъ убитаго недруга нѣтъ дурного запаха,“ сказалъ одинъ римскій полководецъ.

Впрочемъ, и то сказать: отъ „Всемир. Труда“ или „Голоса“ до желтаго дома одинъ только шагъ, если вѣрить словамъ одного современнаго психіатра.

* * *

Одинъ изъ сотрудниковъ „Всемир. Труда“ объявляетъ подписчикамъ этого журнала, что онъ въ грезахъ недавно обнималъ воздушный станъ „какой-то женщины“, *повитой тоской мучительной страсти*“ (все это изображено въ стихахъ) и, обращаясь къ этой неизвѣстной барынѣ, восклицаетъ:

Ты хороша, какъ мысль, какъ грѣхъ, какъ увлеченье...

Во снѣ можно обнимать, кого угодно, можно обнимать даже необъятное, г. стихотворецъ, но на яву нельзя злоупотреблять слова-

ми. Не всякая мысль бывает хороша, — напр. мысли гг. Загуляева или Щеглова вы едва ли сами признаете хорошими; затѣмъ и грѣхи не всё привлекательны. Напр., развѣ грѣхъ, за который осудили г. Лаврова — красивъ?.. Согласитесь, благовидно-ли вы поступили бы, если бы какой нибудь барышня написала такіе стихи:

Ты хороша... нѣмѣть слово...

Ужель примѣра ваять мнѣ не съ кого?

Ты хороша, какъ мысль Щеглова,

Ты хороша, какъ грѣхъ Краевскаго.

По крайней мѣрѣ, я совѣтую поэту „Всемир. Труда“ въ тѣхъ случаяхъ, когда стихи его двусмысленны, дѣлать къ нимъ ученыя комментаріи, съ объявленіемъ того, что, напр., авторъ подражаетъ вообще подъ словами „мысль“ или „грѣхъ“...

* * *

Очень недавно у мирового судьи разбиралось болѣе чѣмъ странное дѣло. Нѣкто г. Ярморкинъ просилъ судью понудить редактора „Пет. Газ.“ г. Илью Арсеньева возвратить ему, Ярморкину, рукописную статью, отданную имъ редактору при свидѣтеляхъ. При этомъ Ярморкинъ заявилъ судѣ, что эта *рукописная* (замѣтьте!) статья послужила поводомъ къ его арестованію въ секретномъ отдѣленіи полиціи, гдѣ ему сдѣлали внушеніе, что „если онъ будетъ печатать статьи противъ полиціи, то его немедленно выпшлютъ изъ столицы“. Хотя статья и не была напечатана, прибавляетъ онъ, но какими-то судьбами сдѣлалась извѣстна полиціи.

Арсеньевъ однако отказался выдать истцу рукопись обратно, отзываясь тѣмъ, что она редакціей уничтожена.

„Судебный Вѣстникъ“, помѣщая у себя этотъ процессъ, прибавляетъ: „Мы рѣшительно становимся въ тупикъ передъ заявленіемъ г. Ярморкина. Дѣйствительно, г. Ярморкинъ передаетъ въ редакцію „Пет. Газ.“ статью о какихъ-то дѣйствіяхъ полиціи. Статья эта, которая до напечатанія не можетъ быть никому извѣстною, дѣлается *извѣстною полиціи*. Какимъ образомъ? Какое можетъ быть литературное отношеніе между редакціей газеты и полиціей? Принимаетъ, что ли, полиція постоянное участіе въ трудахъ редакціи? Это какая-то шекезева...“

Нѣкоторые „строгіе цѣнители и судьи“ въ различныхъ углахъ газетъ и всевозможными шрифтами стараются въ перегонку изливать свой гнѣвъ на такія оперетки, какъ „Прекрасная Елена“ и „Фаустъ на изнанку“, доказывая ихъ пустоту, безсодержательность и пошловатость. Положимъ, что эти пьесы дѣйствительно пусты; я не стану спорить съ господами, у которыхъ *на лицо* только одна *изнанка* логической мысли. Соглашаюсь, что всѣ эти *Елены* и *Фаусты* далеко не серьезные произведенія, но, съ другой стороны, развѣ всѣ эти „Василисы Мелентьевны“, „Фролы Скобѣевы“, „Самозванцы“ — серьезные пьесы? Развѣ въ нихъ больше содержанія и таланта, развѣ онѣ помогаютъ тому воспитательному значенію нашихъ театровъ, о которомъ такъ любятъ кричать враги веселыхъ остроумныхъ оперетокъ и мрачные шаманы искусства? Вѣдь „Фролы Скобѣевы“ еще пошлѣ этихъ оперетокъ, но они скучны и бездарны и ихъ за то не преслѣдуютъ. Наши филистеры боятся смѣха, въ какой бы формѣ онъ ни проявлялся, боятся, потому что сами смѣяться не умѣютъ, боятся, потому что хотятъ слыть серьезными людьми, боятся и не любятъ его, потому что инстинктивно понимаютъ, что сами они даютъ нестоимый матеріалъ для самыхъ веселыхъ и злыхъ каррикатуръ и оперетокъ... Потому-то „Василисѣ Мелентьевнѣ“ они и прощаютъ ея сухость и безцѣльность: „Василиса Мелентьевна“ ихъ не обижаетъ... Неуклюжій филистеръ изъ боязни быть смѣшнымъ, совѣстится улыбаться, не замѣчая, что его накладная серьезность и гримасы до нельзя смѣшны и комичны. Милые филистеры!

Да, вамъ веселье не къ лицу,
 Могу сказать я безъ ошббки:
 Идутъ гримасы къ мертвецу,
 Пристали къ юности улыбки.
 И такъ, не смѣйтесь, господа!
 Чтобъ васъ избавить отъ труда,
 При первомъ случаѣ, надъ вами
 Мы посмѣемся лучше сами.

* * *

Во время прерванной рѣчи можетъ замѣнить иногда съ успѣхомъ самое строгое наказаніе. Это недавно доказалъ московскій

артистъ г. Шумскій. Во время представленія въ Маломъ московскомъ театрѣ (6 ноября) пьесы „Отцы и дѣти“, въ партеръ вошли два господина, какъ сообщаютъ „Современныя извѣстія“, съ такимъ громомъ и шумомъ, что поднялось всеобщее шиканье. Развязные господа продолжали однако шествовать впередъ съ тѣмъ же шумомъ и грохотомъ.

Такъ какъ за этимъ грохотомъ голосъ актеровъ былъ не слышенъ, то г. Шумскій *остановился отвѣчать на вопросъ г-жи Федотовой и продолжалъ молчать до тѣхъ поръ, пока, наконецъ, шумѣвшіе совершенно не устали на своихъ мѣстахъ.* Молчаніе длилось минуты три. Публика тоже стихла, и среди всеобщей тишины только раздавался шумъ и громкіе шаги двухъ посѣтителей. Когда они, наконецъ, устали, публика дружными рукоплесканіями выразила г. Шумскому свое сочувствіе за урокъ, данный имъ двумъ нахаламъ.

Одинъ изъ нарушителей спокойствія былъ въ тотъ же вечеръ посаженъ на гауптвахту.

Нѣкоторые любители гордятся и считаютъ за большую для себя честь, когда какая нибудь сценическая знаменитость собственно для однихъ ихъ прочитаетъ или споетъ что нибудь. Нарушители же спокойствія въ Маломъ театрѣ могутъ тоже гордиться и записать въ свою памятную книжку: „Сегодня, 6 ноября 1869 года, артистъ Шумскій *собственно для однихъ только насъ* прервалъ на сценѣ свой разговоръ и замолчалъ минуты на три...“

* * *

Въ „С.-Петербург. Вѣдомостяхъ“ было какъ-то заявлено объ оригинальномъ педагогическомъ приѣмѣ, употребляемомъ въ петербургскомъ пансіонѣ г. Гирса учителемъ нѣмецкаго языка, заставляющимъ своихъ учениковъ въ классѣ давать другъ другу пощечины. Такъ какъ г. Гирсъ ни словомъ не отозвался на это заявленіе, то таже газета сообщила еще дополнительныя свѣденія объ этой исторіи. Фамилія нѣмецкаго педагога г. Тейбнеръ. О поступкѣ его узнало начальство пансіона, но объяснило его — *шуткой?!..* Какъ вамъ нравится такое объясненіе!.. Дѣтей приучаютъ съ дѣтства не краснѣть при полученіи пощечины, проводятъ систему вза-

иннаго мордобитія, а начальство пансіона, узнавъ объ этомъ, позволяеть нѣмецкому педагогу по прежнему оставаться въ училищѣ, а воспитаннику напѣваетъ пѣсню:

Развѣ, дѣти, вы не знали:
Вѣдь онъ шутилъ, вѣдь онъ шутилъ!..

Любой изъ воспитанниковъ этого шутника-педагога, вѣроятно, съ удовольствіемъ будетъ вспоминать впослѣдствіи о своемъ воспитателѣ, произнося съ истиннымъ чувствомъ:

Онъ никогда, наукой озабоченъ,
На насъ руки своей не поднималъ,
И только насъ, для шутки, заставлялъ
Давать другъ другу нѣсколько пощечинъ.

Нечего сказать, пріятное воспоминаніе оставить по себѣ г. Тейбнеръ.

* * *

Вѣроятно, многимъ извѣстно, что нашъ маститый романистъ Тургеневъ написалъ комическую пьесу „Le dernier des sorciers“, положенную на музыку. Пьеса эта давалась нынѣшнею осенью въ Баденъ-Баденѣ. Роль самого колдуна принялъ на себя самъ г. Тургеневъ, но такъ какъ онъ пѣть не въ состояніи, то партію его выполнялъ г. Вильде, стоя за кулисами, а самъ г. Тургеневъ, бывшій на сценѣ, только раскрывалъ ротъ и дѣлалъ приличныя пѣнію движенія. Пишутъ, что комическій эффектъ вышелъ чрезвычайный, и притомъ эффектъ совершенно новый. Мы этому охотно вѣримъ и думаемъ, отчего бы г. Тургеневу этотъ новый родъ сценическаго искусства не примѣнить до нѣкоторой степени и къ своей литературной дѣятельности. На сценѣ онъ допускаетъ пѣть за себя другого, а самъ только пантомимы дѣлаетъ; пусть и въ литературѣ г. Тургеневъ составляетъ только планъ романа или повѣсти, а пишетъ ихъ ктонибудь другой, ну, хоть, напр., Роммеръ или Ольга Н. Подписываться можно такъ: задумалъ—Иванъ Тургеневъ, а сочинялъ—такой-то (имя рекъ)... Пантомима тоже выйдетъ эффектная, да и самое произведеніе едва-ли отъ этого проиграетъ... Что скажетъ на это Косица?..

* * *

Въ г. Шуѣ случилось ужасное происшествіе... Заранѣе содрогайтесь, читатели. Одна испорченная и неблаговоспитанная крестьянка... *украда съ огорода рѣдьку*, стоющую по оцѣнкѣ—копѣйку серебра. Дѣло дошло до судьи, какъ пишутъ въ „Совр. Изв.“ и неумолимый судья не могъ легко отнестись къ этому преступленію, за которое и опредѣлили посадить бѣдную женщину въ казанатку... Для всѣхъ горька рѣдька, но вѣрно не настолько, сколько для этой крестьянки.

Въ „Опочкѣ“,—пишутъ въ той же газетѣ—тоже произошло нѣчто подобное. Модистка, составляя счетъ за работу, ей заказанную, вольно или невольно,—всего вѣрнѣе, что по ошибкѣ,—прописала въ нежѣ лишнихъ *девятнадцать съ половиною копѣекъ*, и за такое незнаніе арифметики судья Травнякъ приговорилъ обвиняемую—*на мѣсяцъ въ тюрьму*... О, вы, столичные модистки! знаете-ли вы объ этомъ случаѣ? Вы, которыя въ своихъ счетахъ ошибаетесь, не на какія нибудь 19 1/2 к., а на десятки и сотни рублей, примите къ свѣденію этотъ случай и никогда не устраивайте своихъ магазиновъ въ г. Опочкѣ...

* * *

„Русскія Вѣдомости“ (№ 248) сообщаютъ случай еще лучше. Въ г. Москвѣ мѣщанинъ Иванъ Гавшинъ, за подозрѣніе въ воровствѣ, былъ приговоренъ мировымъ судьей городского участка къ трехмѣсячному заключенію въ тюрьму, но, высидѣвъ въ тюрьмѣ эти три мѣсяца, *оказался невиннымъ* по приговору мирового съѣзда... Этотъ случай возвращаетъ насъ къ тому „доброму старому времени“, когда свобода и спокойствіе гражданъ на каждомъ шагу нарушались произволомъ судебной власти. Поборники новыхъ судебныхъ учреждений, мы тѣмъ болѣе скорбимъ, чѣмъ чаще встрѣчаемъ въ лицѣ представителей *новой* судебной реформы, *старыхъ* людей, которые представляютъ изъ себя надгробныя эпитафіи „доброму, старому времени!..“

* * *

Но всѣ судьи бывають таями мрачными, какъ тѣ, о которыхъ говорено выше,—непадаютъ между ними и шутники самыхъ ори-

гинальныхъ свойствъ. Объ одномъ изъ такихъ путешниковъ сибирскій корреспондентъ „Совр. Изв.“ (№ 265) сообщаетъ преуморительныя свѣденія. Одинъ изъ тамошнихъ уѣздныхъ мировыхъ судей, нужно предполагать, родился скорѣе комикомъ, чѣмъ администраторомъ, а потому свое комическое дарованіе и старается примѣнить къ своей судейской должности. Забавляется онъ вотъ какимъ образомъ. За немѣнѣемъ, какъ видно, никакихъ дѣлъ, онъ подаетъ отъ себя самому же себѣ прошенія, кладя ихъ съ поклономъ себѣ на столъ, и потомъ заходитъ за рѣшетку на свое судейское мѣсто, надѣваетъ на себя цѣпь, читаетъ во всеуслышаніе свое собственное прошеніе и приступаетъ къ судоворенію.. Такимъ образомъ разбиралъ онъ дѣло о покражѣ изъ его сада клубники, которое окончилось мировой, потому что лакомка-крестьянка, посягнувшая на судейскую клубнику, согласилась во избѣжаніе дальнѣйшаго судопроизводства, заплатить судѣ-истцу 5 р. сер. штрафу, которые онъ и взялъ, при чемъ какъ истинный джентльменъ, называлъ крестьянскую бабу не иначе, какъ „милостивая государыня“...

Другое дѣло онъ производилъ для разнообразія инымъ образомъ. По подачѣ самому себѣ прошенія объ увозѣ у него съ поля сноповъ ржи, и по прочтеніи этого прошенія, положилъ резолюцію: „пригласить для разбирательства почетнаго мирового судью такого-то“. Приглашенный въ назначенный срокъ явился. Началось разбирательство. Судья-истецъ краснорѣчиво и горячо объяснилъ всю тяжесть проступка обвиняемаго, говорилъ о неуваженіи къ чужой собственности и требовалъ строжайшаго наказанія преступнику. Когда очередь дошла до отвѣтчика, то онъ ничего не могъ сказать въ свое оправданіе и только спутался. Тогда судья-истецъ, вѣрный своему врожденному комизму и желая удивить своимъ состраданіемъ къ „меньшему брату“, обратился къ почетному мировому судѣ и къ обвиняемому съ просьбой:

— „Такъ какъ защита обвиняемаго слаба, то не позволите-ли вы мнѣ принять эту защиту на себя, хотя и противъ себя?“

Согласіе послѣдовало съ обѣихъ сторонъ и судья-истецъ-адвокатъ сталъ на мѣсто обвиняемаго, и такъ увлекся своей защитительною рѣчью, что отдѣлалъ самого себя, какъ говорится, не

на животь, а на смерть. Несмотря однако на энергическую защиту, крестьянинъ все-таки былъ приговоренъ къ штрафу...

Въ нашей судейской практикѣ такихъ курьезовъ мы еще не встрѣчали... Все на свѣтъ какъ-то дѣлается на выворотъ. На сценѣ наши театральные комикки серьезны, какъ глубокомысленные судьи, а въ судебныхъ камерахъ провинціальные судьи разыгрываютъ веселые водевильчики, которые могутъ разсмѣшить самаго угрюмаго человѣка... Дивныя дѣла творятся въ мірѣ...

L'homme qui rit.

ОБЪ ИЗДАНИИ ВЪ 1870 ГОДУ ГАЗЕТЫ

„НЕДѢЛЯ“.

Газета „Недѣля“ будетъ выходить въ 1870 году по той же программѣ и на тѣхъ же основаніяхъ, какъ и въ первые два года. Годовое изданіе состоитъ изъ 52-хъ номеровъ; каждый номеръ въ 2 большихъ листа убористой печати.

Программа газеты слѣдующая: I. ПЕРЕДОВЫЯ СТАТЬИ по важнѣйшимъ вопросамъ современной общественной жизни. II. ВНУТРЕННІЯ ИЗВѢСТІЯ, корреспонденціи, извлеченія изъ другихъ газетъ и т. п. III. ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ, перечень важнѣйшихъ распоряженій правительства. IV. ПОЛИТИКА, обзоръ текущихъ политическихъ событій. V. БЕЛЛЕТРИСТИКА, романы, повѣсти, очерки и т. п., какъ оригинальные, такъ и переводные. VI. СТАТЬИ НАУЧНАГО СОДЕРЖАНІЯ по различнымъ отраслямъ соціальной науки. VII. КРИТИКА И БИБЛЮГРАФІЯ, критическіе и библиографическіе очерки наиболѣ замѣчательныхъ литературныхъ произведеній. VIII. ЖУРНАЛЬНОЕ ОБОЗРѢНІЕ. IX. ЗАМѢТКИ И РАЗНЫЯ МЕЛКІЯ ИЗВѢСТІЯ изъ современной общественной жизни.

ЦѢНА за годовое изданіе «НЕДѢЛИ» безъ пересылки и доставки 5 р., съ пересылкой и доставкой 6 р. (75 к. пересылка и 25 к. упаковка). На полгода безъ пересылки и доставки 3 р., съ пересылкой и доставкой 3 р. 50 к. (45 к. пересылка и 5 к. упаковка). Желающіе подписаться на 2 мѣсяца текущаго года платятъ 1 р. съ пересылкой и доставкой.

Подписка принимается: въ С.-ПЕТЕРБУРГѢ, въ главной конторѣ газеты «Недѣля», у Пѣвческаго моста, д. Утина, кв. № 37 (у В. Е. Генжеля), и въ *Русской книжной торговлѣ*, на Невскомъ проспектѣ, д. Армянской церкви, № 42. Въ МОСКВѢ, у И. Г. Соловьева, на Страстномъ бульварѣ, д. Загряжскаго.

Вышелъ № 20-й (первый послѣ шести-мѣсячной пріостановки) газеты

„НЕДѢЛЯ“

СОДЕРЖАНІЕ ЕГО СЛѢДУЮЩЕЕ:

I. Наши надежды.—II. Политика (обзоръ политическихъ событій за послѣдніе шесть мѣсяцевъ).—III. Безпокойный человѣкъ (романъ).—IV. Средневѣковые предшественники Вольтера.—V. Журнальное обзорѣніе.—VI. Дѣятели по части филантропіи.

ИЛЛЮСТРИРОВАННАЯ ГАЗЕТА

ВЪ 1870 ГОДУ.

(ГОДЪ ТРИНАДЦАТЫЙ).

Годовая цѣна съ доставкою въ Петербургъ 7 руб., съ пересылкою во всѣ города 8 руб.

Выходятъ всякій четвергъ (крошъ рождества и святой недѣли) въ большомъ форматѣ, со множествомъ рисунковъ. 50 номеровъ составляютъ 2 тома, каждый съ систематическимъ оглавленіемъ и особой оберткой.

ПРОГРАММА: Внутреннее обзорѣніе правительственныхъ мѣръ и законовъ, иностранная поллитика, романы, новѣсти, стихотворенія, сцены нравовъ, портреты и біографіи замѣчательныхъ лицъ, статьи, относящіяся къ политико-экономической жизни Россіи, путешествія, этнографія, популярныя и общественныя статьи по всѣмъ отраслямъ знаній, письма изъ важнѣйшихъ городовъ Россіи, изъ Париза, Лондона, Германіи, Италіи и другихъ странъ, бібліографія и критика, фельетонъ, некрологъ, разныя извѣстія, ребусы, математическія и шахматныя задачи, моды, ОБЪЯВЛЕНІЯ всякаго рода съ платою по 10 коп. за строчку.

Подписка, посылки и письма адресуются на имя *Владимира Рафаиловича Зотова*, въ редакцію «Иллюстрированной Газеты», на Литейной, № 38; Гг. городскіе подписчики могутъ производить уплату съ разсрочкою по соглашенію съ редакціей.

Можно подписываться и на полугодіе, съ уплатою 4 руб. 60 к. На второе полугодіе подписная цѣна таже.

Редакторъ-издатель **В. Зотовъ.**

ОБЪ ИЗДАНИИ „ПЕТЕРБУРГСКАГО ЛИСТКА“ ВЪ 1870 Г.

„ПЕТЕРБУРГСКІЙ ЛИСТОКЪ“

ВЫХОДИТЪ ПО ВОСКРЕСЕНЬЯМЪ, ВТОРНИКАМЪ, ЧЕТВЕР-
ГАМЪ и СУББОТАМЪ,

кроме дней слѣдующихъ за табельными праздниками.

ГРДЪ СЕДЪМОЙ.

«ПЕТЕРБУРГСКІЙ ЛИСТОКЪ» имѣеть главнѣйшею цѣлюю служить органомъ общественной жизни Петербурга, не упуская вмѣстѣ съ тѣмъ и характеристичныхъ фактовъ, совершающихся какъ въ Россіи, такъ и заграницею. Согласно этой цѣли «ПЕТЕРБУРГСКІЙ ЛИСТОКЪ» дѣлитъ свою программу на слѣдующіе отдѣлы:

1) **Передовыя статьи**, касающіяся какъ городского хозяйства, такъ и всѣхъ нуждъ и потребностей жителей столицы.

2) **Хроника**, заключающая въ себѣ всѣ **новости дня**: сюда входитъ обзоръ дѣятельности всѣхъ существующихъ обществъ, дневникъ происшествій, театральныя обзоры, отчеты объ увеселеніяхъ вообще, уличная жизнь столицы, распоряженія, касающіяся Петербурга, слухи, вѣсти и проч. Назначеніе этого отдѣла состоитъ въ томъ, чтобы дать читателю полную картину жизни Петербурга.

3) **Судебная Хроника** — заключаетъ въ себѣ замѣчательнѣйшіе процессы, встрѣчающіеся какъ въ уголовной, такъ и въ гражданской судебной практикѣ, а также сцены у мировыхъ судей.

4) **Отовсюду**: отдѣлъ этотъ заключаетъ въ себѣ внутреннюю и заграничную почту. Какъ та, такъ и другая часть, занимая небольшое мѣсто въ газетѣ, заключаютъ въ себѣ самыя выдающіеся факты внутренней и заграничной жизни.

5) **Фельетонъ** — содержитъ въ себѣ повѣсти, рассказы, очерки, стихотворенія, преимущественно изъ петербургской жизни.

Воскресный фельетонъ заключается въ юмористической газетѣ «**ЖУ**», сообщающей всѣ новости недѣли: политическія, внутреннія, литературныя и др.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ.

БЕЗЪ ДОСТАВКИ:

На мѣсяць.	На 3 мѣсяца.	На полгода.	На годъ.
65 к.	1 р. 75 к.	3 р. 25 к.	5 р. 50 к.

СЪ ДОСТАВКОЮ НА ДОМЪ ВЪ ПЕТЕРБУРГЪ:

77 ¹ / ₂ к.	2 р. 12 ¹ / ₂	4 р.	7 р.
-----------------------------------	-------------------------------------	------	------

СЪ ПЕРЕСЫЛКОЮ ВО ВСѢ ГОРОДА ПО ПОЧТЪ:

Почтовый расходъ . . . 13)	85 к. 35)	2р. 32к. 70)	4р. 40к 90)	1р. 10к.)	7р. 50к.
Бандероль и упаковку *) 7)					

СРОКИ ПОДПИСКИ.

По распоряженію Почтамта, подписка принимается на

СЛѢДУЮЩІЕ СРОКИ:

На годъ только съ 1-го Января
На полгода » » 1-го Января и 1-го Іюля.
На 3 мѣсяца » » 1-го Января, 1 Апрѣля, 1-го Іюля и
1-го Октября.
На 1 мѣсяць » » 1-го числа каждаго мѣсяца.

Гг. иногороднымъ подписчикамъ.

Ни въ газетныхъ экспедиціяхъ санктпетербургскаго и московскаго почтамтовъ, ни въ другихъ почтовыхъ мѣстахъ имперіи подписка на „Петербургскій Листокъ“ не допускается.

Редакція покорнѣйше проситъ гг. иногородныхъ: 1) объявлять свои требованія заблаговременно, чтобъ не испытать поздняго полученія газеты, такъ какъ заготовленіе бандеролей и печатныхъ адресовъ требуетъ времени; 2) присылать адреса четко написанные, съ обозначеніемъ ближайшей къ подписывающемуся почтовой конторы, въ которой допускается раздача газетъ, губерніи и уѣзда гдѣ она находится, и мѣста своего жительства и 3) если кто желаетъ имѣть вмѣстѣ съ газетою билетъ на ея полученіе, заявлять объ этомъ въ своемъ требованіи, прилагая почтовую марку на пересылку билета.

*) *Примѣчаніе.* Назначеніе платы за бандероль и упаковку было необходимо потому, что цѣна собственно за изданіе осталась таже, какъ и въ предыдущемъ году.

Программа газеты остается прежняя. Число подписчиковъ истекающаго года, ежедневно прибывающее, даетъ намъ возможность увеличить форматъ газеты и кромѣ того ежемѣсячно давать прибавленія отъ 1-го до 2-хъ печатныхъ листовъ.

ИЗДАНІЯ РЕДАКЦІИ
„ВЕТЕРБУРГСКАГО ЛИСТА“:

ТЕАТРАЛЬНЫЯ БОЛОТА

ХРОНИКА-РОМАНЪ

ПЕРВАЯ КНИГА

(ЖИЗНЬ И ВОСПИТАНІЕ ВЪ ТЕАТРАЛЬНОМЪ УЧИЛИЩѢ)

(БОЛѢЕ 20 ПЕЧАТНЫХЪ ЛИСТОВЪ.)

Цѣна 1 р. с.

(2-я часть выйдетъ втеченіе 1869 года.)

БРОШЮРА:

ПРОЭКТЪ

ДРАМАТИЧЕСКАГО КЛАССА

ПРИ СПБ. ТЕАТРАЛЬНОМЪ УЧИЛИЩѢ.

Сост. Е. И. Вороновъ.

Цѣна 25 коп.

ДНЕВНИКЪ ПРАПОРЩИКА

ВЛАСА ЛОВЛАСОВА.

Цѣна 50 к. с.

Выйдетъ въ январѣ.

ЛЕКОКЪ.

Соч. Габоріо.

ДВѢ ЧАСТИ.

Цѣна 1 р. 50 к.

(Выйдетъ въ концѣ ноября.)

БАЛЕТНЫЙ МИРОКЪ.

(Очерки современной жизни.)

Цѣна 1 р.

ИЗЪ МИРА УМЕРШАГО И ПОГРЕБЕННОГО.

(Очерки Западнаго края.)

Цѣна 1 р.

ПЕРЕСЫЛКА НА СЧЕТЪ РЕДАКЦИИ.

ОБЪ ИЗДАНИИ ВЪ 1870 ГОДУ

СОБРАНІЯ

ИНОСТРАННЫХЪ РОМАНОВЪ, ПОВѢСТЕЙ И РАЗСКАЗОВЪ

въ переводѣ на Русскій языкъ.

Это изданіе, начавшееся съ 1856 года, приобрѣло уже такую извѣстность, что излишне было бы распространяться о его цѣли и содержаніи. Втеченіи **четырнадцати** лѣтъ читатели встрѣчали въ немъ лучшія изъ новѣйшихъ беллетристическихъ произведеній иностранной литературы, и нерѣдко новый романъ является въ «Собраніи» прежде, чѣмъ иностранный подлинникъ поступаетъ въ продажу въ Россіи.

«Собраніе» выходитъ въ первой половинѣ каждаго мѣсяца, книжками отъ 25 до 30 печатныхъ листовъ или отъ 400 до 500 страницъ и даетъ въ годъ отъ десяти до двѣнадцати большихъ романовъ и отъ сорока до пятидесяти повѣстей самаго разнообразнаго содержанія.

«Собраніе» будетъ издаваться въ 1870 году по прежней программѣ. Съ январской книжки 1870 года начнутся слѣдующіе романы: **ВОТЪ КАКЪ ВСЕ ИДЕТЪ НА СВѢТѢ**, романъ Анны Стилъ.—**БЕЛЬГЭМПТОНСКІЙ ВИКАРІЙ**, романъ Энтони Троллопа.—**ИСТОРИЯ БЛѢДНОЙ ЖЕНЩИНЫ**, романъ Анри де-Кова.—**РОКОВОЙ ГОДЪ**, романъ съ англійскаго.—**КРАСАВЕЦЪ ГАЛАОРЪ**, историческій романъ Понсона дю-Террайля, *составляющій послѣднюю часть молодости Генриха IV.*—**ТРИ ЛЮБИМЦА АННЫ**

АВСТРІЙСКОЙ, историческій романъ Шардалла. Сверхъ того въ «Собраніи» будутъ помѣщены: МОРСКІЕ ЦЫГАНЕ, романъ Густава Эмара, ТЮРЬМА ВЪ СОСНОВОЙ БАШНѢ, историческій романъ Полеа Капмала, ЖАЖДА ДЕНЕГЪ, романъ баронессы Блэз-де-Бюри, и другіе замѣчательные романы, какіе появятся въ иностранной литературѣ въ будущемъ году.

Подписчики «Собранія» 1870 г. получаютъ ПРЕМІЮ: отдѣльный и законченный романъ, который будетъ приложенъ при іюльской книжкѣ «Собранія».

Цѣна за годовое изданіе, состоящее изъ 12 книгъ, безъ пересылки и доставки *восемь руб. пятьдесятъ коп.*, съ доставкой въ Петербургъ *девятъ руб.*, для иногородныхъ подписчиковъ, считая 85 к. за пересылку и 65 коп. за упаковку, *десять рубли.*

Подписка принимается *исключительно* на имя издательницы Елисаветы Николаевны Ахматовой, въ конторѣ «Собранія Романовъ» въ домѣ Жербина, на Михайловской площади, въ С.-Петербургѣ.

ВЪ ВУДУЩЕМЪ 1870 ГОДУ (четвертый годъ изданія)

ЖУРНАЛЬ

ВСЕМІРНЫЙ ТРУДЪ

будетъ выходить по прежнему 12 книгъ въ годъ. Подписная цѣна таже: 16 руб. съ *пересылкою* за годовое изданіе. — Подписчики на «Всемирный Трудъ» получаютъ *бесплатно* (какъ въ 1869 году) 12 книжекъ журнала

ДОМАШНЯЯ БИБЛИОТЕКА,

цѣна которой *отдѣльно* 6 руб. съ пересылкою.

Подписка принимается въ С.-Петербургѣ, въ типографіи редактора-издателя этихъ журналовъ, д-ра М. Хана, въ Болотной улицѣ, д. № 5, близъ Кузнечнаго переулка.

Въ типографіи д-ра М. Хана и во всѣхъ книжныхъ магазинахъ
продаются слѣдующія книги:

- ИСТОРИЯ РЕЛИГІЙ и тайныхъ религіозныхъ обществъ древняго
и новаго міра, томъ первый, съ 36 рисунками, Ц. 1 р. 50 к.
НОВЫЙ ЗЕМЛЕВЛАДѢЛЕЦЪ, романъ М. Ювая и БЕСѢДА ЗВѢ-
РЕЙ, рассказъ А. Фиренцоуло, одинъ томъ, Ц. 1 р. 50 к.
НА СУДЪ, романъ Боборыкина, 1 р.
ВНУЧКА ПАНЦЫРНАГО БОЯРИНА, романъ Лажечникова, 1 р. 50 к.
КТО ПОДЖИГАТЕЛЬ, рассказъ Степанова, 25 к.
МАТЕРИ СОПЕРНИЦЫ, Лажечникова, 50 к.
ЛЕДЯНОЙ ГОРОДЪ, романъ Каратыгина, 1 р. 50 к.
ГРАЖДАНЕ ЛѢСА, сказка Ахшарумова, 1 р.
СЛОВОДА НЕВОЛЯ, Аверьева, 30 к.
ДВА ЧАСА ПОПОЛУДНИ, Каратыгина, 20 к.
ПРАЩУРОВЪ БЮСТЪ, Бутковскаго, 20 к.
ОТСТАЛЫЙ И ПЕРЕДОВОЙ, романъ Каратыгина, 1 р. 50 к.
ОБВИНЯЕМЫЙ СВЯЩЕННИКЪ, романъ Тролопа, 1 р.
ШИЛЬОНСКІЙ УЗНИКЪ, историческій рассказъ, 30 к.
ЕВРОПЕЕЦЪ ВЪ АМЕРИКѢ, романъ, 60 к.
ДРАМА ВЪ УЛИЦѢ МИРА, юридическій рассказъ, 50 к.
НИНА БАЛАТКА, повѣсть, 50 к.
Два тома Всем. Труда, въ которыхъ содержатся ПОВѢТРИЕ, по-
вѣсть Авенариуса, двѣ драмы Писемскаго и проч., 1 р. 50 к.

Въ скоромъ времени выйдетъ 1) «ТРУДЪ, его ложныя требованія
и законныя права, его настоящее положеніе и возможныя будущ-
ность», сочиненіе В. Торнтонна, слишкомъ 30 л., 2 р. 50 к.—
2) Второй томъ «ИСТОРИИ РЕЛИГІЙ и тайныхъ религіозныхъ об-
ществъ и народныхъ обычаевъ древняго и новаго міра, слишкомъ
30 листовъ, цѣна 2 р. 50 к. съ пересылкою.

ОБЪ ИЗДАНИИ ЖУРНАЛА

„ЗАРЯ“

ВЪ БУДУЩЕМЪ 1870 ГОДУ.

«Заря» будетъ издаваться въ 1870 году подъ тою же редакціей,
съ тѣми же сотрудниками, по той же программѣ, въ томъ же на-

правленіи, въ томъ же объемѣ, какъ и въ 1869 году. Въ «Зарѣ» постоянно будутъ участвовать: Д. В. Аверкіевъ, Б. Н. Алмазовъ, К. Н. Бестужевъ-Рюминъ, Н. Боевъ, А. Д. Градовскій, В. В. Григорьевъ (оріенталистъ), А. Θ. Гильфердингъ, Н. Я. Данилевскій, Θ. М. Достоевскій, В. П. Ключниковъ, В. В. Крестовскій, А. Кобякова, В. И. Ламанскій, К. Н. Леонтьевъ, А. Н. Майковъ, О. Θ. Миллеръ, А. Θ. Писемскій, А. Н. Поповъ, Н. Н. Страховъ, гр. Л. Н. Толстой, Θ. И. Тютчевъ, А. Н. Чаевъ, П. К. Щебальскій, и другіе.

Назовемъ главнѣйшія изъ произведеній, уже приобрѣтенныхъ нами для журнала:

Нѣсколько очерковъ изъ современной жизни А. Θ. Писемскаго; повѣсть Θ. М. Достоевскаго; *Лѣсная рѣка*, повѣсть въ двухъ частяхъ, Н. Боева; рассказы В. В. Крестовскаго; рассказы изъ русской исторіи А. Н. Майкова; повѣсти А. Кобяковой; стихотворенія А. Н. Майкова, Н. Боева и др.; *Знакомство съ Павломъ Прускимъ*, В. И. Кельсіева. *Русскіе люди на Кавказѣ*, рядъ статей А. И. Руновскаго. Редакція можетъ обѣщать новое произведеніе гр. Л. Н. Толстого. По ученому отдѣлу въ редакціи имѣются статьи: Н. Я. Данилевскаго, К. Н. Бестужева Рюмина, А. Д. Градовскаго, А. Н. Попова и пр.

Сверхъ того въ «Зарѣ» будутъ помѣщаться постоянно матеріалы по русской исторіи, доставляемые извѣстными специалистами по русской археологіи.

Подписная цѣна на годъ 15 руб.

Съ доставкой на домъ въ С.-Петербургѣ 15 р. 50 к.

Съ пересылкой въ губерніи 16 р. 50 к.

Гг. служащимъ дѣлается разсрочка по соглашенію съ казначеями.

Подписка принимается: въ С.-Петербургѣ: въ редакціи журнала «Заря» (Саперный пер., д. Мельникова, № 19), въ главной конторѣ журнала при книжномъ магазинѣ А. Θ. Базунова (Невскій просп., д. Ольхиной) и во всѣхъ книжныхъ магазинахъ. Въ Москвѣ, въ книжномъ магазинѣ И. Г. Соловьева (Страстной бульваръ, домъ Алексѣева).

ВЪ Г. КАЗАНИ
ВЪ КНИЖНОЙ ТОРГОВЛѢ
АЛЕКСѢЯ АНДРЕЕВИЧА
ДУБРОВИНА

ПОСТУПИЛИ ВЪ ПРОДАЖУ СЛѢДУЮЩІЯ БНИГИ:

НАШЕ ВРЕМЯ. Литературный сборникъ. Казань, 1869 г. Цѣна
75 коп., съ пересылкой 1 руб.

СЕМЕЙНЫЯ ВЛАСТИ У ДРЕВНИХЪ СЛАВЯНЪ И ГЕРМАН-
ЦЕВЪ. Сочиненіе Сергѣя Щпилевскаго. Казань, 1869 г.
Цѣна 2 руб.

Подписка на 1870 годъ

(ГОДЪ ЧЕТВЕРТЫЙ)

„ПЕТЕРБУРГСКАЯ ГАЗЕТА“

ПОЛИТИЧЕСКАЯ И ЛИТЕРАТУРНАЯ.

ВЫХОДИТЬ ПО ВОСКРЕСЕНЬЯМЪ, ВТОРНИКАМЪ,
ЧЕТВЕРГАМЪ И СУББОТАМЪ

подъ редакцію **И. А. АРСЕНЬЕВА.**

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

	на годъ:	на полгода:
Безъ доставки и пересылки	4 р. — к.	2 р. 50 к.
Съ доставкою въ Петербургъ	5 » 50 »	3 » — »
Съ перес. во всѣ города Россіи. . 7*)» — »		4 » — »

7*

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ

въ Главной конторѣ редакціи, на Невскомъ проспектѣ, въ домѣ Лѣсниковъ, надъ Милютиными лавками и во всѣхъ книжныхъ магазинахъ. Иногородные подписчики должны обращаться прямо: въ С.-Петербургъ, въ Редакцію „Петербургской Газеты“.

Всѣ ГОДОВЫЕ подписчики на «Петербургскую Газету» на 1870 годъ, получать по предъявленіи своихъ подписныхъ квитанцій **БЕЗПЛАТНО**, календарь на 1870 годъ, не позже 15-го декабря нынѣшняго года. Иногородные подписчики за пересылку каждаго экземпляра календаря платятъ 20 коп.

*) По новому, двадцати-процентному почтовому тарифу, объявленному на 1870 годъ, для изданій, выходящихъ болѣе шести разъ въ мѣсяцъ, редакція уплачиваетъ Почтамту за пересылку «Петербургской Газеты» иногороднымъ подписчикамъ за годъ 80 к., а за полгода 50 к.; остальные же 2 р. 20 к. за годовыхъ и 1 р. за полугодовыхъ подписчиковъ обращаются на покрытие конторскихъ расходовъ, за упаковку, обандеролевіе и доставку газеты въ газетную экспедицію.

ВЪ 1870 ГОДУ

будетъ издаваться по прежней программѣ

ЖЕНСКІЙ ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛЪ

„ВАЗА“

съ отдѣломъ рукодѣлій и модъ.

Всѣхъ номеровъ выйдетъ двадцать четыре, отъ трехъ до четырехъ листовъ каждый; въ текстѣ будутъ помѣщаться иллюстраціи и полиптипажи.

1) На будущій годъ редакція имѣетъ въ своемъ распоряженіи оригинальные романы «Старая исторія» соч.—Л. Незнаевой и «Заблудшая овца» соч. Н. С. П.; переводный романъ съ шведскаго «Афрая» (жизнь въ Лапландіи). Кроме того съ 1-го января начнется печатаніе цѣлаго ряда руководящихъ статей по женскому вопросу.

Права женщины на трудъ и образованіе по прежнему будетъ основною цѣлью дѣятельности новой редакціи женскаго журн. «База».

2) По отдѣлу руководѣлій подписчики получаютъ *девять* премій: работъ съ приложеніемъ матерьяловъ для выполненія ихъ.

3) По отдѣлу модъ вырѣзныя выкройки, литографированные узоры и модныя парижскія картинки будутъ прилагаться къ каждому номеру совершенно также, какъ это дѣлается при нѣмецкомъ изданіи «Der Wasag».

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА

На годъ безъ премій . . .	7 р.	съ перес.,	6 р.	»	безъ перес.
На полгода безъ премій.	4 »	»	»	3 »	40 к. » »
На годъ съ преміями .	12 »	»	»	10 »	80 » » »
На полгода съ преміями.	7 »	»	»	5 »	80 » » »

Подписка принимается въ Главной Конторѣ Редакціи: въ С.-Петербургѣ, на углу Малой Садовой и Большой Итальянской ул., домъ № 17—2.

Редакторъ-Издательница **Ж. Гедесона.**

О ПОДПИСКѢ НА 1870 ГОДЪ

НА САМЫЙ ПОЛНЫЙ И ДЕШЕВЫЙ

МОДНЫЙ ЖУРНАЛЪ ВЪ РОССИИ

„МОДНЫЙ СВѢТЪ“

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ ДЛЯ ДАМЪ.

Съ 1-го декабря 1869 года журналъ «МОДНЫЙ СВѢТЪ» начнетъ третій годъ своего существованія. Благодаря богатству своего содержанія, онъ приобрѣлъ огромное число подписчиковъ, что доставило мнѣ, издателю, возможность, не возвышая цѣны, пополнить издаваемый мною журналъ еще нѣсколькими приложеніями, именно:

Въ литературныхъ номерахъ „Моднаго Свѣта“ будетъ втѣченіи 1870 года помѣщена

**КОЛЛЕКЦІЯ ЗАМѢЧАТЕЛЬНѢЙШИХЪ РИСУНКОВЪ ИЗЪ
СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ И ПРОЧ.**

Въ модныхъ номерахъ будетъ приложено, кромѣ 12 большихъ листовъ выкроекъ, заключающихъ каждый 15 выкроекъ, 12 вырѣзныхъ выкроекъ въ натуральную величину.

Въ журналѣ «МОДНЫЙ СВѢТЪ» 1870 г. подписчицы найдутъ: въ модномъ отдѣлѣ самыя новѣйшія и самыя лучшія моды, рукодѣлья, рисунки для вышиванія по канвѣ и гладью, шифры для вышиванія и проч. и проч., съ подробнымъ и популярнымъ объясненіемъ приготовленія каждой вещи, а въ литературномъ: новѣйшія и лучшія повѣсти, романы, фельетонъ, стихотворенія, хозяйственный отдѣлъ и разныя мелкія статьи.

Журналъ «МОДНЫЙ СВѢТЪ» въ 1870 году будетъ выходить въ количествѣ 48 номеровъ въ годъ.

ВЪ ДВУХЪ ИЗДАНІЯХЪ:

1-е изданіе будетъ заключать въ себѣ втѣченіи года: болѣе 1600 полиграфическихъ рисунковъ модъ и рукодѣлій въ текстѣ, 12 большихъ листовъ выкроекъ (въ каждомъ листѣ до 15 выкроекъ), 12 вырѣзныхъ выкроекъ въ натуральную величину и 12 большихъ раскрашенныхъ модныхъ картинъ, исполненныхъ лучшими художниками въ Парижѣ.

2-е изданіе: болѣе 1600 полиграфическихъ рисунковъ модъ и рукодѣлій въ текстѣ, 12 большихъ листовъ выкроекъ (въ каждомъ листѣ до 15 выкроекъ), 12 вырѣзныхъ выкроекъ въ натуральную величину и 24 большихъ раскрашенныхъ модныхъ картинъ, исполненныхъ лучшими художниками въ Парижѣ.

ЦѢНА ГОДОВОМУ ИЗДАНІЮ: I изд. безъ доставки 4 руб.; съ доставкою въ С.-Петербургъ 5 руб. 50 коп. (1 руб. за доставку и 50 коп. за упаковку); съ пересылкою 6 руб. (60 коп. за перес. и 1 руб. 40 коп. за упаковку).

II изд. безъ доставки 5 руб.; съ доставкою въ С.-Петербургъ 6 руб. 50 коп. (1 руб. за доставку и 50 коп. за упаковку); съ пересылкою 7 руб. (75 коп. за пересылку и 1 руб. 25 коп. за упаковку).

Небольшое количество экз. «МОДНАГО СВѢТА» за 1869 г. уступается желающимъ: I изданіе за 4 руб. безъ доставки и 5 р. съ пересылкою. II изданіе за 5 руб. безъ доставки и 6 руб. съ пересылкою за экземпляръ, который можетъ служить прекраснымъ подаркомъ на елку.

Главная контора редакціи (ГЕРМАНА ГОШПЕ) находится въ С.-Петербургѣ на Большой Садовой ул., въ д. Ильина, № 16.

Въ Москвѣ подписка принимается у книгопродавцевъ: И. Г. Соловьева, на Страстномъ бульварѣ, въ д. Загряжскаго, и Александра Ланга, на Кузнецкомъ мосту.

ОТПЕЧАТАНА И ПОСТУПИЛА ВЪ ПРОДАЖУ

НОВАЯ КНИГА:

ПРОЛЕТАРІАТЪ ВО ФРАНЦІИ

1789—1852.

(ОЧЕРКИ ИЗЪ ИСТОРИИ РАБОЧАГО СОСЛОВІЯ
ВО ФРАНЦІИ).

А. МИХАЙЛОВА.

Большой томъ въ 400 стр. цѣна 1 руб. 75 к., съ перес. 2 р.

Л. ШАНДОРА.

ВЪ 1869-ОМЪ ГОДУ ВО ВСѢХЪ СТРАНАХЪ
ПРИВИЛЕГИРОВАННЫЯ
ШАНДОРИНО - ГАЗОВЫЯ СВѢЧИ

БЕЗЪ СВѢТИЛЬНИ

И

БЕЗЪ ИГЛЫ

продаются ОПТОМЪ И ВЪ РОЗНИЦУ

въ магазинахъ Л. ШАНДОРА

Въ С.-ПЕТЕРБУРГѢ, большая Конюшенная д. № 17.

Въ МОСКВѢ, на углу большой Никитской и Газетнаго
переулкѣ, д. княгини Вадбольской.

и у всѣхъ моихъ въ газетахъ объявленныхъ агентовъ.

цѣна Шандорину

для шандориновыхъ лампъ
въ С.-ПетербургѢ 11 в. за фунтъ.

„ МосквѢ 12 „ „ „

Л. ШАНДОРЪ

Американскій гражданинъ.
Контрагентъ для столичнаго
освѣщенія.

- XIX. ПОВАЛЬНОЕ НЕДОРАЗУМЬЕ.** (Стансы бывшаго крѣпостного) АНОНИМА.
- XX. НЕПРОИЗВОДИТЕЛЬНЫЯ СИЛЫ.** (Заупокойная замѣтка о художественной академической выставкѣ). ВОЛОГЖАНИНА.
- XXI. ИНТИМНАЯ ВЕСЕЛА** АНОНИМА.
- XXII. ШАГЪ ВПЕРЕДЪ И ДВА НАЗАДЪ.** (Изъ памятной книжки). N. N.
- XXIII. ПЕТЕРБУРГСКІЕ ПРОЗАИКИ И МОСКОВСКІЕ СТИХОТВОРЦЫ.** (Поучительная параллель). . . АНОНИМА.
- XXIV. МИКРОСКОПЪ** (Разныя замѣтки, мелочи и слухи). *L'homme qui rit.*

ПРИ ГЛАВНОЙ КОНТОРѢ ЖУРНАЛА

„ДѢЛО“

(въ С. Петербургѣ по Троицкому переулку д. Гасое № 13.)

Продаются слѣдующія изданія:

О ПОДЧИНЕНІИ ЖЕНЩИНЫ.

Дж. Ст. Милля

Перев. съ англійскаго подъ редакціею и съ предисловіемъ Г. Е. Благосвѣтлова.

Съ приложеніемъ въ концѣ книги статьи Юг. Шерра: *Историческіе женскіе типы.* Цѣна 1 руб., съ перес. 1 р. 25 коп.

МЕЖДУ МОЛОТОМЪ И НАКОВАЛЬНОЙ

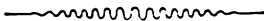
въ 3-хъ частяхъ, въ одномъ компактномъ томѣ, около 50-ти печатныхъ листовъ. Цѣна 2 р. безъ перес. и 2 р. 30 к. съ перес.

ПЕЧАТАЕТСЯ:

КОМЕДИЯ ВСЕМИРНОЙ ИСТОРИИ (1848—1851).

Юг. Шерра. Перев. съ нѣм. Изданіе Редакціи журнала «ДѢЛО».

Книгопродавцамъ и подписчикамъ на журналъ «ДѢЛО» дѣляется уступка 20% съ вышесозначенныхъ цѣнъ.

Въ 11 №, «Дѣла» напечатаны слѣдующія объявленія: 1) Объявленіи въ 1870 году газеты «Педѣля»; 2) Иллюстрированной газеты; 3) Петербургскаго Листка; 4) Собранія иностранныхъ романовъ въ русскомъ переводѣ; 5) Всемирнаго Труда; 6) Зари; 7) Отъ книжной торговли А. А. Дубровина; 8) Объявленіи Петербургской Газеты; 9) Вазы; 10) Моднаго Свѣта; 11) Отъ А. Михайлова; 12) Отъ Л. Шандоръ; 13) При этой книжкѣ разсылается объявленіе отъ Редакціи журнала «Новый Русскій Базаръ.»

ПОДПИСКА НА ЕЖЕМЪСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛЬ

„Д Ъ Л О“

въ 1870 году

принимается въ С.-Петербургѣ, въ Главной
конторѣ редакціи, въ Троицкомъ переулкѣ,
домъ Гассе № 13, и у книгопродавцевъ:

ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГѢ:

Въ книжномъ магазинѣ М. О. Воль-
фа, въ Гостиномъ дворѣ, №№ 18, 19 и
20.—

ВЪ МОСКВѢ:

Въ книжномъ магазинѣ П. Г. Со-
ловьева бывш. Бабунова на Стра-
стномъ бульварѣ, въ д. Алексѣева.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА

На годъ:

Безъ пересылки и доставки	14 р.
Съ пересылкою иногородн.	15 » 50 к.
Съ доставкою въ Петербургѣ	15 »

На полгода:

Безъ пересылки и доставки	7 р. 50 к.
Съ пересылкою	8 » 50 »
Съ доставкой въ Петербургѣ	8 » 25 »

*Для служащихъ дѣлается разсрочка, но не иначе какъ за
поручительствомъ и. казначеевъ.*

Редакторъ Н. Шульгинъ.

A-54

This book should be returned to
the Library on or before the last date
stamped below.

A fine is incurred by retaining it
beyond the specified time.

Please return promptly.

